

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ

СИНЕРГИЯ ТЕОРИЙ, МЕТОДОВ И ПРАКТИК

Материалы
Международной
научной конференции
28–30 октября 2020 года

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

УДК 001.3(063)
ББК 72я431
Н-34

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
Научный план 2020 г., поз. 14

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Н. А. Беседина;
кандидат филологических наук, профессор Г. Б. Воронина

Редакционная коллегия

Ответственный редактор

доктор филологических наук, профессор О. К. Ирисханова

Заместители ответственного редактора:

кандидат филологических наук, доцент М. В. Томская

кандидат филологических наук Е. И. Карпенко

Редакторы секционных материалов:

доктор политических наук, профессор В. К. Белозёров (секция 1)

доктор философских наук, профессор А. Т. Каюмов (секция 2)

доктор филологических наук, доцент В. М. Костева (секция 2)

доктор педагогических наук, профессор Л. П. Мухаммад (секция 3)

доктор филологических наук Л. В. Порохницкая (секция 3)

кандидат филологических наук А. С. Ваничкина (секция 4)

доктор экономических наук, доцент А. Ю. Платко (секция 5)

доктор юридических наук, профессор М. Ю. Воронин (секция 5)

кандидат педагогических наук, доцент Д. А. Дёмина (секция 6)

доктор философских наук, профессор И. В. Малыгина (секция 7)

доктор филологических наук, доцент И. А. Гусейнова

(Круглый стол «Социальные практики и институт наставничества:

прикладные аспекты междисциплинарных социокоммуникативных исследований»)

Ответственные секретари:

кандидат филологических наук О. М. Ладоша

кандидат филологических наук А. А. Ржешевская

кандидат филологических наук А. И. Хлопова

Н-34

Наука без границ: синергия теорий, методов и практик : материалы Международной научной конференции. 28–30 октября 2020 г. / отв. ред. д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. – 553 с.

ISBN 978-5-00120-210-3

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Наука без границ: синергия теорий, методов и практик» (28–30 октября 2020 года, МГЛУ), посвященной 90-летию Московского государственного лингвистического университета. Рассматривается широкий круг социально значимых проблем, решение которых требует совместных усилий ученых, работающих в различных областях гуманитарного и общественного знания – от филологии и психологии до правоведения и социологии. К данным проблемам относятся: дискурс современной политики; академические практики в историографии наук; филологические и культурологические аспекты творчества; цифровые измерения человека; профессионализм в XXI веке; соотношение социума, природы и технологий; взаимодействие языка, культуры и религии.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области гуманитарных и общественных наук, а также студентам и аспирантам.

**УДК 001.3(063)
ББК 72я431**

ISBN 978-5-00120-210-3

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В. М. Алпатов

(Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

v-alpatov@ivran.ru

ИСТОРИЯ ИДЕЙ НАУКИ И ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ НАУКИ

Ключевые слова: история науки, научные парадигмы, новаторство, традиции, склонности, характер.

Key words: history of science, scientific paradigms, innovating, traditions, inclination, character.

История науки может изучаться по-разному. Она может сводиться и часто действительно сводится к исследованию теорий, методов, подходов без внимания к тем людям, которые их выдвигали или опровергали. Конечно, редко (в научной публицистике чаще, чем в собственно науке) история бывает совсем анонимной: упоминаются фамилии и национальная принадлежность ученых, выступавших с определенными идеями. Худшие работы такого типа сводятся к перечислениям того, кто что сделал, без должного анализа; лучшие работы посвящены борьбе идей, появлению и развитию тех или иных научных парадигм.

Такой подход иногда проводится вполне сознательно. Известный франко-швейцарский историк науки о языке Патрик Серио постоянно говорит о необходимости строго разграничивать историю науки и изучение личных качеств, склонностей и биографий изучаемых ученых (см. об этом его книгу) [Sériot 1999], изданную и на русском языке [Серио 2001]. Изучение истории идей относительно языка в отвлечении от истории людей он назвал лингвистической эпистемиологией. Безусловно, такой путь может быть вполне оправдан.

В то же время жесткие разграничения такого рода могут вызывать и неприятие. Один советский историк, убежденный марксист, тем не менее, говорил: «Всё производительные силы и производственные отношения, а где же человек?». Конечно, наука – та сфера, в которой биография человека никак не может быть отделена от его научных занятий. Это еще возможно в художественном произведении, где известны стереотипы изображения ученого, при которых может быть несущественно, что он сделал профессионально, но для истории науки это неприемлемо. История идей в чистом виде (эпистемиология науки) возможна, но история людей в отвлечении от их идей нет.

Науку делают люди, их человеческие качества, склонности, характеры влияют на их деятельность. Иногда мы об этом просто не знаем. Какой характер был у Панини или Дионисия Фракийского? И часто биография ученого сводится к стандартному послужному списку. Родился и умер тогда-то и там-то, из такой-то семьи, тогда-то и там-то учился, преподавал, потом вышел в отставку (или не дожил до соответствующего возраста). Плюс учителя, ученики, издания разных лет. Все оказываются очень похожими друг на друга. В конце советской эпохи особенно часто биографии ученых писались по такой схеме. Иногда, не спорю, к этому мало что можно добавить.

Однако нередко не богатые внешними событиями биографии полны внутреннего драматизма. Вот Ф. де Соссюр, у которого виден контраст между посмертной славой и совсем иной репутацией при жизни. Отвергнутая научным истеблишментом, но обратившая на себя внимание книга, изданная в 21 год, и сразу после этого совершенно другая по тематике диссертация. Не только сейчас, но и тогда столь ранний «взлет» не был частым. А потом за более чем 30 лет лишь несколько не столь ярких статей, и почти ничего не публиковалось в последние полтора десятилетия жизни. За все эти годы все публикации и большинство курсов для студентов посвящены вполне традиционным темам. Обессмертивший его курс достался ему случайно и мало кому был известен до посмертной публикации. Такой человек не мог не считаться неудачником. Дополнительная проблема, которую обычно не принимают во внимание: в 1908 г. его ученик выпустил книгу, изданную сейчас и на русском языке [Сеше 1908/2003], где многое отражало идеи Соссюра, по-видимому, излагавшиеся в беседах с Сеше. А Соссюр в это время, вероятно, почти не мог писать и был в состоянии ответить ученику только устно. Случайно ли именно в 1908 г. он впервые прочел курс, основанный на новаторских идеях (в курсе 1906 г. их

почти не было)? А потом при участии того же Сеше, готовившего «Курс» к печати, всё изменилось, но Соссюр об этом не узнал. И не сказалось ли на эволюции взглядов Соссюра в сторону отказа от господствующих мнений его постоянное непризнание?

И личность Соссюра показывает, как могут не совпадать склонности человека в науке и за ее пределами. Сравним Соссюра и его старшего современника И. А. Бодуэна де Куртенэ. В науке оба были новаторами, за пределами науки И. А. Бодуэн де Куртене был очень активен, в том числе политически, даже побывал в тюрьме. Соссюр от всего этого был далек, и долго боялся обнародовать слишком нетрадиционные идеи. А в науке он пошел дальше Бодуэна. В. Матезиус писал: «Бодуэн ... создал понятие фонемы, принадлежащее к основам современной лингвистики. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода и лингвистической системы, ибо ... слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке» [Матезиус 1947/1960: 90].

И, безусловно, трудно найти лингвиста, идеи которого были столь неразрывны с его личностью, как Н. Я. Марр, выдвигавший самые фантастические теории, отражавшие дух времени. Поэтому, а также в связи с его человеческой яркостью, а не из-за своих идей, он был столь популярен в 1920-е гг. и в начале 1930-х гг.

И еще один аспект, связывающий тип личности и научные склонности. Одни люди любят подробности, собирание фактов и не склонны создавать теории. Они ищут ранее не известные детали в письменных памятниках, описывают неизученные языки и диалекты на основе испытанных методов и гордятся тем, что путем кропотливого анализа добыли, безусловно, реальные факты. Такие ученые лучше себя чувствуют в спокойные периоды развития науки, когда научная парадигма сложилась, и может казаться, что ей нет альтернативы. Особенно это было свойственно эпохе позитивизма. Других влечет дух создания новой теории, нового взгляда на уже известные вещи, который был нужен науке. Такие ученые выходят на первый план в эпохи кризиса, когда вызревает новая научная парадигма. Теоретики упрекают эмпириков в «бескрылом крохоборстве», а те видят у теоретиков «переливание из пустого в порожнее» и «слабосилие» (не способны посидеть много лет над одной конкретной темой). У разных людей бывают разные склонности в этом отношении, у одних лучше получается одно, у других – другое; бывает, что в ту или иную эпоху приходится склонности ломать. Но в науке сочетается то и другое.

Итак, учет человеческих характеров, склонностей и особенностей дополняет историю науки и нередко помогает понять, почему ее развитие шло таким, а не другим образом.

ЛИТЕРАТУРА

Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Часть II. М., Учпедгиз. 1960. С. 86–91.

Серпо П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. М. : Языки славянской культуры. 2001. 360 с.

Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. М. : УРСС. 264 с.

Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, 1999. 340 p.

Alan Cienki

(Amsterdam, Netherlands)

Vrije Universiteit Amsterdam

& Moscow State Linguistic University

ONTOLOGICAL METAPHOR IN GESTURE AND THE SEMANTICS-PRAGMATICS CONTINUUM

Ключевые слова: метафора, жестикуляция, семантика, прагматика.

Key words: metaphor, gesture, semantics, pragmatics.

The term «ontological metaphor» [Lakoff & Johnson 1980, ch. 6] provides a label to characterize how we understand ideas and experiences in terms of physical objects and substances. The observation that gestures can also express ontological metaphors can be traced back to McNeill's discussion of the CONDUIT metaphor in gesture [McNeill's 1985, 1992]. McNeill observed how when speakers introduce ideas, they sometimes hold up their hands, open and facing each other, as if holding something invisible between them. He interpreted this as the metaphor of AN IDEA AS AN OBJECT being held. The present study will consider a number of other kinds of much more subtle gestures that can be seen as serving a similar function. These range from a small outward movement and

retraction by both hands or one hand, to a small turn of the wrist outward and back in, to the lifting and retraction of a single finger. Research for our ongoing project on simultaneous interpreters at MSLU¹ is revealing the range of variability of these gestures in all their detail, due to the unique method of data collection involving a small camera placed directly in front of the interpreters' hands.

Such gestures are apparently related to each other in function: presenting ideas as if held, or as if 'in' the fingers themselves. Yet there is a conundrum as to whether we can characterize their diverse forms in any coherent way. This is a result of the traditional method of gesture analysis, involving four parameters for description: handshape, palm orientation, location in space, and form of movement. As Boutet² et al. pointed out, this method assumes an external point of view on the phenomenon [Boutet et al. 2018]. By contrast, Boutet's kinesiological system presents an internal point of view on gesture, in terms of the means of its production [Boutet 2010, 2018]. This provides a coherent framework for characterizing the variety of forms found in the gestures discussed here; they all involve a physiological core of extension followed by flexion: a finger raised and lowered, a hand turned to varying degrees outward from the wrist and back in, a forearm turned out from the elbow (leading to a palm-up open hand [Müller 2004]) and back in, or a whole arm moved out from the shoulder (yielding the magician's «ta-daa!» style of presentation) and retracted.

On the functional side, such gestures serve not only a representational function, but also an interactive, pragmatic one, as they present ideas to the listener, add emphasis to them, etc. (Streeck's [2009] 'speech handling'). The multifunctionality of this gestural construction can best be explained by viewing the functions not in the binary categories of representation and interaction, but along the continuum supported in cognitive linguistic research between semantics and pragmatics. Indeed, two continua – one for semantic and one for pragmatic functions, with a scale of greater to lesser foregrounding for each – will be proposed as a more adequate means to characterize the variability in how these gestures are used. The study will thus make a contribution to science without borders by looking beyond linguistics to gesture studies and kinesiology in order to characterize the multimodal expression of intertwined semantic and pragmatic functions involved with this type of metaphor.

¹ This research is being supported by Russian Science Foundation grant No. 19-18-00357.

² This talk is dedicated to Dominique Boutet, whom we lost to CoVID-19 in May 2020.

REFERENCES

- Boutet, D. et al.* Aspectuality across languages: event construal in speech and gesture. *Cienki, A., Iriskhanova, O. K.* (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018. 221 p. (Human Cognitive Processing, 62).
- Boutet, D.* Structuration physiologique de la gestuelle: modèle et tests. In: *Multimodalité de la communication chez l'enfant. LIDIL*, 42. 2010. P. 77–96.
- Lakoff, G., Johnson, M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
- McNeill, D.* Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.
- McNeill, D.* So you think gestures are nonverbal? In: *Psychological Review*, 92(3), 1985. P. 350–371.
- Müller, C.* The Palm-Up-Open-Hand. A case of a gesture family? In: *Cornelia Müller und Roland Posner* (eds.). *The semantics and pragmatics of everyday gestures. The Berlin Conference*. Berlin: Weidler, 2004. P. 233–256.
- Streeck, W.* *Re-forming capitalism. Institutional change in the German political economy*. Oxford: Oxford University Press. 2009. 304 p.

М. В. Фаликман

(Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

maria.falikman@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПСИХИКИ: УРОКИ ЭВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: эволюция, культурная эволюция, пластичность мозга, цифровая трансформация когнитивных функций.

Key words: evolution, cultural evolution, brain plasticity, digital transformation of cognitive functions.

Человеческая эволюция на протяжении сотен тысяч лет – это не только эволюция человека как биологического вида, но и культурная эволюция, связанная с появлением, сохранением и исчезновением определенных культурных орудий и практик.

В развитии человека разделить биологическую и культурную эволюцию практически невозможно. Мозг современного человека сформирован

культурными практиками человечества и теми орудиями, в том числе психологическими, которые отдельно взятый человек осваивает на протяжении жизни, поскольку пластичность – это главное свойство, которое мозг приобретает в ходе эволюции. Мы обсудим те изменения в работе мозга и в системе познавательных процессов человека, которые влечет за собой технологический прогресс и, в частности, цифровая трансформация различных сфер нашей жизни. Исследования в этой области крайне затруднены в силу стремительного развития цифровых технологий и их проникновения во все сферы человеческой практики, от общения и обучения до ориентации в пространстве и совершения покупок.

Человек оказывается в новой для него среде, которая создается посредством новых технологий и обладает рядом уникальных особенностей. В частности, мы начинаем делегировать этой среде некоторые когнитивные функции, такие как запоминание и припоминание, управление вниманием и счет в уме, тем самым стирая границы между индивидуальной психикой и новыми возможностями цифровых устройств и технологий, а в некоторых случаях сталкиваясь с новыми требованиями, предъявляемыми нашей психике. Поэтому вопросы цифровой трансформации когнитивных функций становятся ключевыми для современной когнитивной науки.

Н. А. Фатеева

(Москва, Россия)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
nafata@rambler.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: язык, русская поэзия, креативная функция, уровни текста, грамматика.

Key words: language, Russian poetry, creative function, text levels, grammar.

На данном этапе развития лингвистической поэтики мы предлагаем изучать язык современной поэзии с точки зрения языковой креативности, т. е. с точки зрения творческого и когнитивного потенциала, заложенного в языковых единицах, категориях и способах их репрезентации в целостном тексте. Такое понимание языковой креативности (лингвокреативности) связано с выделением, наряду с поэтической или эстетической

функцией языка, креативной или творческой функции, воздействие которой предполагает выход за рамки установившихся норм и традиций, отклонение от аналогии, создание новых форм и неожиданных сочетаний при передаче разнообразной текстовой информации.

При анализе лингвокреативности должен учитываться фактор стихотворной организации текста, которая обуславливает появление упорядоченностей, не имеющих в системе естественного языка (вертикальный контекст, стихотворный размер, рифма, звуковая организация, структурный параллелизм). Это позволяет исследовать условия существования элементов поэтического текста, при которых возможности языковой системы проявляют себя наиболее полно.

Для исследования мы выбрали поуровневый метод описания, однако сложность этого подхода заключается в том, что в поэтическом тексте все уровни языка вступают в сложное взаимодействие, так что инновационные процессы затрагивают одновременно все стихотворные явления. И действительно, каждое слово имеет особую звуковую оболочку, вписывается в определенную словообразовательную и словоизменительную парадигму, может отражать определенные лексико-семантические трансформации, является единицей синтаксической организации текста и входит в определенную систему синтаксических зависимостей, подчиняется законам метрической и ритмической организации. В ходе доклада предполагается проанализировать лингвопоэтические явления современного поэтического текста именно с такой точки зрения. На иллюстративных примерах будет показано, как креативность проявляет себя на разных уровнях организации текста: фонетико-орфографическом, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом.

Что касается фонетико-орфографического уровня, то здесь, во-первых, очень важна звуковая организация лингвистических единиц и иконичность знаков, их формирующих; во-вторых, релевантной оказывается сама система записи текста (нарочитая трансформация, связанная со слитным, раздельным и дефисным написанием, знаки препинания внутри слова, распределение пробелов, шрифтовые выделения, использование заглавных букв, переход на другой алфавит или другую систему знаков, величина интервала между строками, нарочито искаженное написание и написание в старой орфографии, которое специально мотивировано в тексте).

Переходными случаями между орфографическими девиациями и девиациями других уровней (лексическими, словоизменительными

и словообразовательными) предстают явления «поэтики полуслова» – сокращенной записи слов, по усеченным частям которых восстанавливается его целостная форма, а также случаи создания неографизмов (графо-дериватов).

Следующий уровень преобразований, особо важный в современном стихотворном тексте, – словообразовательный. Он связан с созданием неологизмов (окказионализмов), т.е. новыми номинациями как продуктами словообразования. Особенностью этого уровня на современном этапе является то, что неологические окказиональные образования содержат «нарушения» в своей словообразовательной структуре чаще всего за счет контаминации или же отражают процессы двойной мотивации. Также широко распространенными становятся нетипичные местоименные образования, т.е. отличительной чертой современной поэзии является то, что образование дериватов может происходить от таких частей речи, которые ранее не были подвержены словообразованию.

На лексико-семантическом уровне, по нашим наблюдениям, из-за установки на формальное преобразование единиц, сокращается значимость тропических преобразований, а наиболее распространенными оказываются различные инновации, связанные с иноязычными вкраплениями, а также девиациями в технике референции. Особого внимания заслуживают преобразования, основанные на необычной сочетаемости слов, при этом собственно метафорический компонент в них может как выдвигаться, так и оставаться в тени. Необычная сочетаемость может основываться на противоречии, которое выступает как поэтический прием и становится тропофигурой. Семантика противоречия как отклонения от некоторой нормы находит в поэтическом языке отражение в синтагматических и парадигматических отношениях слов. Эффект возникает либо за счет возникновения единства противоположных, противоречивых начал, либо за счет референтного смещения.

Что касается грамматического уровня, то специальному изучению подвергнуты такие явления, как конверсия и синкретизм знаменательных частей речи. Знаменательна также эмансипация служебных частей речи (предлогов, частиц, послелогов), нивелирование различий между самостоятельными и служебными частями речи.

Специальному изучению также подлежат трансформационные возможности каждой из частей речи. По нашим наблюдениям, с точки зрения преобразовательного потенциала наиболее подвижными категориями

оказываются род и число у существительных, залог, возвратность, переходность-непереходность у глаголов. При этом часто грамматические явления предстают во взаимодействии со словообразовательными и лексико-семантическими.

Внимание также привлекают краткие формы прилагательных, образованные от относительных прилагательных и даже существительных, а также формы компаратива, образованные от разных частей речи. С этой точки зрения можно говорить о так называемых грамматических неологизмах или фигурах, основанных на образном использовании морфологических средств, которые расширяют границы грамматических парадигм.

Dirk Geeraerts

(Leuven, Belgium)

KU Leuven

dirk.geeraerts@kuleuven.be

EMPATHIC VIEWPOINT AND INTERSUBJECTIVE AMBIGUITY

Key words: empathy, first and second order empathy, intersubjective ambiguity.

If empathy is the ability to see Other's point of view, then the ability to see Other's conceptualization as incorporating a model of Self's point of view may be called 'second order empathy'. First and second order empathy have an impact on the notion of 'ground' as used in Cognitive Linguistics: the notion of empathic construal points to the necessity of incorporating the interlocutor as an independent conceptualizer into an intersubjective model of grounding, and hence, the possibility of choosing between first order empathic and second order empathic readings of an interlocutor's utterances may introduce an irreducible interpretative ambiguity in the ground. If there is no contextual disambiguation, hearers face a systematic interpretative ambiguity: does the speaker construe the objective situation in a non-empathic or in an empathic way? This ambiguity is easy to detect in deictic expressions, but it can be shown to be pervasive in all expressions involving viewpoint. Next, if the potential for ambiguity introduced by second order empathy is combined with polarity

alignment between Self's beliefs and Self's beliefs about Other's beliefs, the interplay of hearer's first order and second order beliefs yields six basic interpretative possibilities: statement, deception, disagreement, confirmation, accommodation, irony. The paper explores the consequences of this pragmatic ambiguity from a linguistic and a philosophical point of view.

Stefan Th. Gries

(Santa Barbara, USA; Giessen, Germany)

University of California, Santa Barbara & Justus-Liebig-Universität Giessen
stgries@linguistics.ucsb.edu

QUANTITATIVE CORPUS-LINGUISTIC APPLICATIONS IN PHONOLOGY, THE SYNTAX-SEMANTICS INTERFACE, AND IN LEGAL / FORENSIC LINGUISTICS

Key words: quantitative corpus-linguistics, mixed-effects modeling
methods, visualization, concordancing, frequencies,
dispersion, multifactorial predictive modelling.

In this talk, I will provide an overview of the variety of domains to which quantitative corpus linguistics can contribute; specifically, I want to make sure we cover many points on many different dimensions:

- from a range of different linguistic subdisciplines;
- with a range of different degrees of statistical sophistication;
- with and without (converging) experimental data;
- from within and outside of the ivory tower.

I will begin with a 1st case study on auditory corpus data that explores the question of whether speakers signal ends of turns to hearers by means of turn-final lengthening: duration measurements from a spoken corpus are analyzed with mixed-effects modeling methods and corresponding visualization.

The second case study turns to the degree to which German learners of English exhibit the same verb-construction preferences as native speakers of English: Experimental data from a psycholinguistic priming study with the learners are analyzed on their own as well as in relation to native-speaker corpus data with, again mixed-effects modeling methods and corresponding visualization.

Finally, case studies 3 and 4 are more ‘applied’ and less academia-oriented. I will first discuss how very elementary corpus-linguistic tools – concordancing, frequencies and dispersion – have the potential to make the interpretation of legal texts, statutes, laws, etc. more objective and, in some sense, fairer/more useful. Second, I will provide an example from a recent lawsuit in which I provided expert witness testimony in an authorship attribution case using simple corpus analysis combined with more advanced multifactorial predictive modelling (using random forests).

В. И. Карасик

(Москва, Россия)

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
vkarasik@yandex.ru

МОДУСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Ключевые слова: интерпретация, текст, значение, смысл, позиционирование, экзегеза, декодирование.

Key words: explanation, text, meaning, sense, positioning, exegesis, decoding.

Интерпретация – ситуативно-личностное осмысление полученной информации – представляет собой важнейшую категорию филологической герменевтики, стилистики, психолингвистики и других областей гуманитарного знания. Можно выделить несколько модусов интерпретации текста.

В семиотическом плане противопоставляются семантический и прагматический типы осмысления текста. В первом случае устанавливается система значений, организующих содержание текста, определяется его тематика, раскрывается связь между его ключевыми концептами. Во втором – в центре внимания находится соотношение между выраженной и выводимой информацией, акцентируется контекстуальная и культурно-ситуативная составляющая целостного коммуникативного образования, определяется тональность подтекста. В целом, семиотическое толкование текста реализуется как трехступенчатая процедура освоения информации, предполагающая узнавание, постижение и применение полученного содержания [Богин 1986].

В идеологическом плане интерпретация текста сводится к выявлению доминантных идей, представлений, установок, отражающих позиции определенных индивидуальных и коллективных субъектов [Грицанов, Семигин 2020]. Соответственно, такая интерпретация в значительной мере обусловлена типом дискурса, в котором участвуют эти субъекты. Можно выделить повседневно-обиходное, политическое, религиозное, педагогическое, рекламное, научное, художественное толкование содержания текста. В институциональном дискурсе интерпретация осуществляется с позиций представителя института и человека, который контактирует с этим институтом в лице его агентов (политик и избиратель, священник и прихожанин, учитель и ученик, врач и пациент, журналист и потребитель массмедиа и др.).

В стилистическом плане выделяются внешнее (культурно-обусловленное, экзегетическое) и внутреннее (структурно-обусловленное, инструментальное) направления толкования текста. Первый тип требует привлечения сведений об авторе, эпохе, жанровых канонах и других параметрах интерпретации того или иного произведения. Второй тип сосредоточен на установлении функций тех или иных средств, используемых в тексте, на выявлении алгоритма объективации заложенной в тексте информации, в центре внимания оказывается не понимание, а понятность текста, которая может быть измерена и охарактеризована. Этот тип интерпретации используется в стилистике декодирования [Арнольд 2018]. Обычно стилистическая интерпретация текста разворачивается как последовательное движение от внешнего к внутреннему его толкованию.

Эти векторы интерпретации текста взаимодополняемы и соотносимы с тремя сторонами знака – его семантикой, прагматикой и синтактикой. Поскольку общение является одной из характеристик человеческой активности, оно обусловлено экзистенциальными, практическими и познавательными потребностями бытия. В этом плане обиходные тексты требуют прежде всего семиотического объяснения; тексты, реализующие осуществление профессиональной деятельности, «пронизаны» идеологическими установками; тексты, относящиеся к сфере художественного творчества, в наиболее полной мере раскрываются при их стилистическом анализе.

Интерпретация относится ко всем ситуациям общения, но с позиций филологической герменевтики самоочевидные смыслы не нуждаются в истолковании. Скрытые смыслы требуют комментария. Интересны те случаи, когда один и тот же текст может быть осмыслен в разных аспектах.

Заслуживает внимания текст басни Леонардо да Винчи «Чужестранец»:

В одном захолустном тосканском городишке объявился как-то заезжий чужестранец. Дабы придать больший вес своей персоне и привлечь внимание, он принялся рассказывать были и небылицы про свой родной город. Каких там только чудес не было! И уж, конечно, он не шёл ни в какое сравнение со здешней серостью и глухоманью.

Вокруг словоохотливого гостя собралась небольшая толпа. Вскоре к собравшимся подошёл всеми почитаемый в округе умный горожанин. Послушав немного заезжего рассказчика, он вежливо прервал его и сказал:

– Коль ты и впрямь родился в тех далёких местах, – значит, всё, о чём ты нам поведал, сушая правда и спорить тут грешно.

Чужестранец, весьма польщённый такими словами, картинно подбоченился и обвёл слушателей горделивым взглядом: знай, мол, наших!

А рассудительный горожанин продолжал:

– Что твой город, любезнейший, полон диковинных чудес, мы в этом сами воочию убедились. Ведь в здешних краях нам ещё ни разу не приходилось лицезреть такого урода, как ты.

Басня как литературный жанр представляет собой назидательное иносказание. Приведенный текст представляет собой повествование о наказанном хвастовстве. В этой басне можно видеть два смысловых уровня. В семантическом плане перед нами нарратив о чужестранце, который оказался в захолустном городке, решил потешить свое самолюбие, рассказывая местным жителям о чудесах своего места обитания, но получил резкую насмешливую отповедь от одного из жителей. Назидательный прагматический смысл этого текста сводится к предостережению для тех, кто уверен в своем превосходстве. Можно истолковать рассматриваемую миниатюру в идеологическом плане. В основе многих конфликтов лежит противопоставление своих и чужих. Чужие часто выглядят привлекательнее, чем свои. Назидание адресовано не столько хвастливому гостю, сколько его доверчивым слушателям. Выделяются позиции спесивого рассказчика-чужестранца, простоватых слушателей и мудрого горожанина; каждая из этих позиций может быть развернута как аргументативная последовательность с оценочными суждениями. В стилистическом плане противопоставляются внешнее и внутреннее объяснение содержания этого текста. Его экзегетическая интерпретация сводится к информации об авторе этого произведения, великом художнике и ученом эпохи Возрождения, и о жанровой специфике басни (приведенный текст иллюстрирует интересную пограничную разновидность басни, которая смыкается с притчей). Декодирование содержания этого произведения включает

комментарий его сюжета и фабулы, характеристику завязки и кульминации, выделение ключевых слов (в данном случае эпитетов) и определение ведущей антитезы в этом нарративе.

Намеченные типы интерпретации не исчерпывают возможных направлений толкования текста, но предложенный алгоритм установления скрытой информации может быть полезен для понимания различных вербальных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. М. : Альянс, 2018. 300 с.

Богин Г. И. Типология понимания текста : учеб. пособие. Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1986. 88 с.

Грицанов А. А., Семигин Г. Ю. Идеология // Гуманитарная энциклопедия: Концепты / Центр гуманитарных технологий. 2002–2020. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6869>.

Kay O'Halloran

(Liverpool, United Kingdom)

University of Liverpool

kay.ohalloran@liverpool.ac.uk

SEMIOTICS: A FOUNDATIONAL DISCIPLINE FOR UNDERSTANDING THE HUMAN CONDITION

Key words: semiotics, human condition, social semiotic approach, semiotic resource, reality construction.

Semiotics, the study of signs and meaning, is a foundational discipline which transcends disciplinary boundaries while simultaneously providing theories and frameworks for understanding the human condition. That is, humans represent the world using natural language, images and other semiotic resources which have evolved to serve different functions, following Halliday's social semiotic approach [Halliday 1978, 2009]. Within this approach, semiotic resources are conceptualised as system and text, where 'system' refers to the meaning potential of a semiotic resource, and 'text' refers to the configuration of semiotic choices in any instance of meaning-making.

The approach permits investigation of how humans construct reality and the variable nature of those constructions [O'Halloran, Tan, & Wignell, 2016]. This, in turn, sheds further light on the nature and functions of language itself. It envisaged that semiotics (and linguistics) will play an increasingly significant role in addressing key issues in the globally connected, digital world of today, where knowledge and truth have become increasingly fragmented in the pursuit of social and political power and capital. This may necessarily involve collaboration with other disciplines (e.g. computer science) in order to map and track changing perspectives over space and time [O'Halloran, Wignell, & Tan, 2020 in press].

REFERENCES

- Halliday, M. A. K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London : Edward Arnold, 1978.
- Halliday, M. A. K.* Collected Works of M.A.K. Halliday (10 Volumes). London & New York : Continuum, 2009.
- O'Halloran, K. L., Tan, S., & Wignell, P.* Intersemiotic Translation as Resemiotization : A Multimodal Perspective. *Signata*, Special Issue on Translating Signs, Texts, Practices, edited by J. Fontanille, M. Sonzogni & R. Trope. 2016. P. 199–229.
- O'Halloran, K. L., Wignell, P., & Tan, S.* (2020 in press). Big Data and Managing Multimodal Complexity. In: *D. Caldwell, J. Martin, & J. Knox* (Eds.), *Developing Theory: A Handbook in Applicable Linguistics and Semiotics*. London: Bloomsbury.

Б. М. Величковский

(Москва, Россия / Dresden, Germany)

Национальный исследовательский центр «Курчатовский Институт»,
Российский государственный гуманитарный университет,
Technische Universität Dresden
boris.velichkovsky@tu-dresden.de

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

Ключевые слова: когнитивная организация, нейровизуализация, нейросемантика.

Key words: cognitive organization, brain imaging, neurosemantics.

В моем докладе будет представлен личный опыт работы в области прикладных когнитивных исследований. Условно эту работу можно отнести к категории междисциплинарной когнитивной науки. Исследования и разработки велись в разных странах и опирались на ресурсы и задачи различных институций, но исходной для них была психологическая школа МГУ им. Ломоносова второй половины 60-х гг. прошлого века. Эта наука демонстрировала тогда в нашей стране необыкновенный подъем, заражая энтузиазмом и верой в будущее первых студентов-психологов этого университета. Главный тезис состоит в том, что любой надежно установленный факт в нашей области имеет практическое значение, и проблема состоит только в том, чтобы выяснить, какое именно. Справедливость этого тезиса иллюстрируется изучением эволюционной когнитивной организации, внимания и движений глаз, нейровизуализации, дейктической неопределенности речи и нейросемантики нарратива.

Jordan Zlatev

(Lund, Sweden; Torun, Poland)

Lund University

Nicolaus Copernicus University

jordan.zlatev@semiotik.lu.se

COGNITIVE SEMIOTICS: THE TRANSDISCIPLINARY STUDY OF MEANING MAKING

Key words: phenomenology, sign use, pheno-methodological triangulation, sedimentation, transdisciplinarity.

According to its central proponents, semiotics was supposed to be the unifying field of meaning in the 20th century. Unfortunately, it has rather divided itself into multiple “schools” with such strong disagreements that it currently rather resembles the Tower of Babel [Zlatev 2003]. Furthermore, its claims are often exaggerated, while its empirical evidence is relatively scarce. The new discipline of cognitive semiotics emerged out of a need to redress these problems, by combing concepts from semiotics with empirical methods from cognitive science and cognitive linguistics, and conceptual methods from phenomenology [Konderak 2018; Zlatev 2015].

In my presentation, I will outline three of the distinctive features of this new discipline, with examples from cognitive semiotic research. First, semiosis is interpreted as meaning making at large, with sign use, and even more so language, being very particular forms of semiosis. Second, rather than privileging either meaning as process or as structure, a dialectical relation between the two is emphasized, with the help of concepts like motivation and sedimentation [Devyllder & Zlatev, 2020; Zlatev 2018]. Third, a general methodological principle is phenol-methodological triangulation, integrating (i) first-person, phenomenological methods, like intuition-based analysis (ii) second-person, intersubjective methods, like participants observation, and (iii) third-person methods, like detached observation and quantification [Zlatev 2015].

The ultimate aim of cognitive semiotics is to help “mend the gap between Science and the Humanities” in the words of the late Stephen Jay Gould, which seems to be very much in the spirit of the present conference.

REFERENCES

- Devyllder, S., & Zlatev, J.* Cutting and Breaking Metaphors of the Self and the Motivation and Sedimentation Model. In: *A. Baicchi & G. Radden* (Eds.), *Figurative Meaning Construction in Thought and Language*. Amsterdam: Benjamins, 2020. P. 253–282.
- Konderak, P.* Mind, cognition, semiosis: Ways to cognitive semiotics. Lublin: UMCS Press, 2018. 319 p.
- Zlatev, J.* Meaning = life (+ culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning. In *Evolution of communication*, 4(2). 2003. P. 253–296.
- Zlatev, J.* Cognitive semiotics. In: *P. Trifonas* (Ed.), *International handbook of semiotics*. Springer: Dordrecht, 2015. P. 1043–1067.
- Zlatev, J.* Meaning making from life to language: The semiotic hierarchy and phenomenology. In: *Cognitive Semiotics*, 11(1). 2018. <https://doi.org/10.1515/cogsem-2018-0001>.

СЕКЦИЯ 1

Дискурсивные аспекты современной политики: контакты и контрасты

М. А. Аль-Дайни

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

al-dainy@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивный концепт, политическая коммуникация, манипулятивные технологии, массовое политическое сознание, политическое восприятие.

Key words: political discourse, discursive concept, political communication, manipulative technologies, mass political consciousness, political perception.

Дискурсивные аспекты политического процесса всё чаще становятся предметом современных исследований не только в области соответствующих отраслей лингвистики, но и в области политологии, социологии и психологии. Таким образом, политико-дискурсивная проблематика носит широкий, интегративный, междисциплинарный характер.

Отличительной особенностью современной политической коммуникации является ее ярко выраженная дискурсивность. Современная политика представляет собой мир дискурса, в котором уже давно отсутствуют дифференциальные различия между политическим объектом и символом. НОМО POLITICUS эпохи Постмодерна существует в мире символов

и иллюзий с господствующими массмедиа, которые уже не только транслируют политику, но и порождают ее [Бодрийяр 2015; ван Дейк 2013]. Таким образом, дискурс является сугубо коммуникативным феноменом.

В результате усиления информационного контроля, расширения арсенала методов и средств воздействия на массовое сознание, а также медиатизации политической сферы, произошла не только трансформация самой коммуникации, но и возникла новая политическая система, которую можно назвать «медиацентрированная демократия». Сегодня именно СМИ задают вектор политической активности как граждан, так и политических деятелей [Аль-Дайни 2018].

Манипулятивные технологии стали основой организации современной политической коммуникации, а политический дискурс – основной сферой реализации манипулятивного воздействия [Михалёва 2009]. По определению автора, манипулятивное воздействие, как метод психологического воздействия, представляет собой имплицитное воздействие на когнитивную систему индивида с целью вызвать имплицитный эффект, т. е. это воздействие на процесс мышления, понимания и восприятия, которое производится в скрытой и опосредованной форме, причем главной мишенью воздействия является процесс построения логических выводов [Аль-Дайни 2018: 14].

Современный политический дискурс является, прежде всего, инструментом обслуживания конъюнктуры политического рынка, достижения политических целей и реализации политических интересов. Всё перечисленное технологически осуществляется с помощью скрытого, опосредованного оперирования информацией и формирования «мишеней воздействия» (как рациональных, так и бессознательных), главными из которых являются структурно-функциональные компоненты когнитивной организации политического сознания и механизмы политического восприятия.

Согласно результатам лонгитюдных исследований автора, зафиксированным в многочисленных публикациях, основными операциональными единицами политического сознания являются такие компоненты его когнитивной организации, как идеологемы, концепты, образы, стереотипы, установки и фреймы, которые направляют процесс переработки информации и влияют на формирование политического восприятия [Аль-Дайни 2018: 13, 22]. Идеологемы (идеологически окрашенные понятия) целенаправленно преобразуются в концепты (эмоционально окрашенные понятия), а на их основе формируются образы как фундаментальная

основа стереотипов, которые надёжно защищены от разрушения установками, и всё перечисленные компоненты во взаимосвязи образуют фреймы восприятия.

Лингвокогнитивное манипулирование является одной из наиболее эффективных технологий воздействия на массовое политическое сознание, реализуемое в процессе политической коммуникации посредством дискурса. Основным структурно-функциональным элементом политического дискурса является концепт, который представляет собой эмоционально окрашенное понятие, часто имеющее идеологическую природу. Концепты формируются, как правило, на основе идеологем и обладают высоким манипулятивным потенциалом. Именно с помощью концептов возможно имплицитно воздействовать на когнитивную систему индивида, эмоционально окрашивая восприятие слов и того, что данные слова обозначают. Таким образом, манипулятивный дискурсивный концепт наносит на понятия установочные маркеры, способствующие активации в сознании образно-ассоциативных рядов, на основе которых формируется отношение к объекту восприятия.

Дискурсивные практики современных массмедиа основаны на использовании специфических лингвокогнитивных конструкций, с помощью которых любые политически, идеологически и ценностно-нейтральные слова или понятия можно превратить в концепты. Полученные таким образом концептуальные схемы можно локализовать в массовом сознании в виде манипулятивной образно-ассоциативно-смысловой понятийной «сетки», «сплетённой» из положительно или отрицательно окрашенных идеологем. Большое значение в данном процессе имеет уровень когнитивной вовлечённости в политические проблемы, который определяется типом дискурса, из которого индивид получает политическую информацию, а также способностью её понимать и воспринимать [Аль-Дайни 2018: 18]. Высокий уровень когнитивной вовлечённости определяется дискурсом политической науки, средний – дискурсом политической элиты, низкий – дискурсом СМИ.

Для каждого типа дискурса характерна своя *public* – т. е. некая целевая аудитория, которая привязана к определённым, «выбранным» ею, информационным каналам, получающая идентичную информацию и, вследствие этого, имеющая идентичное «общественное» мнение. Именно на *public* направлено манипулятивное воздействие, осуществляемое посредством политического дискурса.

Главной целью лингвокогнитивного манипулирования в процессе современной политической коммуникации является искусственное формирование различных *public* – целевых аудиторий, «общественное» мнение которых основывается не только на когнитивных, но, в первую очередь, на аффективных компонентах политического восприятия. Таким образом, лингвокогнитивное манипулирование является специфической разновидностью политических технологий, так как с его помощью осуществляется как когнитивное, так и перцептивное моделирование политической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Аль-Дайни М. А. Специфика формирования типов электорального поведения в современной России : политико-психологический анализ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. Вып. 2 (800). С. 9–25.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015. 238 с.

Дейк Т. А. ван Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Михалёва О. А. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Ю. В. Белова

(Москва, Россия)

Министерство иностранных дел Российской Федерации
basanog@gmail.com

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ НАУКАМИ

Ключевые слова: лингвистический детерминизм, метафизика пространства, культурная гегемония, культурная ассимиляция, конец истории.

Key words: linguistic determinism, dimensional metaphysics, cultural hegemony, cultural assimilation, end of history.

1. В связи с тем, что научную теорию и концепцию нельзя представить вне зависимости от языка, интерес к взаимоотношению языка и процесса познания закономерен. Предположение о том, что различные языки

по-разному влияют на мышление, выдвигалось еще при зарождении философии. В дальнейшем гипотеза лингвистической относительности и детерминизма получила название «гипотезы Сепира-Уорфа». В соответствии с этой теорией весь опыт человека испытывает влияние конкретного языка, на котором этот человек говорит, а различные языки оказывают различное влияние на мышление и опыт человека.

Из этого обстоятельства следует, что язык не просто средство отображения мысли, но и средство ее формирования, а «реальный мир» в большой степени строится бессознательно, на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе, в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации [Лебедев 2004].

Схожих взглядов придерживался и Л. С. Выготский в своей культурно-исторической теории развития высших психических функций. Он считал, что в значениях слов зафиксирован общечеловеческий опыт создания обозначаемых предметов, отражены их общие и существенные свойства, а в синтаксисе предложений закреплены выявленные человечеством логические связи между элементами различных ситуаций.

2. По мнению Д. Слобин и Дж. Грин, Э. Сепир также считал, что как языковые, так и культурные формы определяются, помимо всего прочего, топографией той географической области, где обитает данное общество [Слобин, Грин 1976: 125].

При этом лингвистическое переживание географического пространства обращено к месту, как к «вещи в себе», «снабжающей» народ «генетическим кодом развития» и традицией. Переживание пространства замкнуто, прежде всего, на личность и ее восприятие. Метафизика территории признает за территориальной общностью такой же статус реальности, каким обладает личность. Их можно сопоставлять друг с другом как равноправные сущности [Новиков 1993: 84–93].

3. Соответственно, мы можем экстраполировать на такого рода метафизическую личность ментальные лингвистически детерминированные характеристики, связанные в первую очередь с логикой разворачивания и порождения высказывания, закрепленной в синтаксисе каждого конкретного языка, определив тем самым особенности мышления и поведения политических элит разных стран, порожденные национальными языками этих стран.

В привязке к Новой и Новейшей истории речь идет о противопоставлении мышления и миропонимания жителей европейских метрополий

и провинций или колоний, с особым акцентом на политическое господство, а также факт экономической эксплуатации метрополией периферии.

В лингвострановедческом контексте применительно к культурному господству европейских культурных и языковых ценностей мы можем говорить о «вестернизации», культурной гегемонии и культурной ассимиляции западной моделью сознания и мышления всех прочих самостоятельных цивилизационных моделей.

Вестернизация – это заимствование западноевропейского или американского образа жизни в области экономики, политики, образования и культуры; распространение западных ценностей по всему миру.

Культурная гегемония – понятие марксистской философии, характеризующее господство правящего класса (в каждую конкретную эпоху говорящего на каком-либо одном доминирующем языке) над культурно неоднородным обществом. Воздействуя на совокупность представлений, верований, ценностей и норм, выраженных в культуре общества, культурный гегемон навязывает собственное мировоззрение в качестве общепринятой культурной нормы и общезначимой господствующей идеологии.

Ассимиляция – потеря одной частью социума (или целым этносом) своих отличительных черт и их замена позаимствованными у другой части (другого этноса), этнокультурный сдвиг в самосознании определенной социальной группы, ранее представлявшей иную общность в плане языка, религии или культуры.

Применительно к лингвистике мы говорим о субстратах и суперстратах, как о следах культурной ассимиляции более или менее насильственного характера, то есть в случае субстратов о влиянии языка коренного населения на чужой язык, обычно при переходе населения с первого на второй в результате завоевания, этнического поглощения, культурного преобладания и т. д. При этом местная языковая традиция обрывается, народ переключается на традицию другого языка, но в новом языке проявляются черты языка исчезнувшего. Суперстрат – это сохраняющиеся в языке следы влияния другого языка, который для данного народа был языком культуры, управления, межэтнического общения или языком завоевателей. Влияние суперстрата ощущается преимущественно в лексике (заимствования, кальки) и в синтаксисе (особенно в сложных предложениях и других конструкциях, характерных для письменной речи).

4. В Новой и Новейшей истории Европы прослеживается последовательная смена лингвистических доминант, которая идет за сменой

стран-гегемонов и оказавшая определяющее влияние на культуру и политику всего мира в связи с неизбежным его структурированием в каждую эпоху «по образу и подобию своему». Прослеживается непрерывное взаимовлияние от греческого эллинизма (даже силлогизмы Аристотеля носят следы греческого языка) и вычурной роскоши итальянского Возрождения к французскому языку эпохи Просвещения, давшему современному миру нормы и правила функционирования, до сих пор являющиеся ключевой и неотъемлемой его частью. Далее пальма первенства переходит к немецкому языку времен расцвета романтизма, философии и психологических учений и, наконец, к английскому, последнему из незадействованных еще языков Европы и наиболее из них склонному к составлению классификаций и упорядочению норм и правил, с одной стороны, (что в совокупности с экономической гегемонией морской торговой державы предопределило процесс глобализации именно по англосаксонской модели), и наиболее подверженному упрощению, вырождению, «голливудизации» в культурном смысле и превращению в искусственный, машинный язык – с другой стороны.

Говоря о европоцентризме развития современной теории познания и неизбежном шпенглеровском «закате Европы», мы приходим к выводу о происходящей в настоящий момент переоценке европоцентричной истории под влиянием неизбежного развития отошедших от культурного гипноза стран БРИКС, бывших когда-то колониями, в том числе под влиянием ВЛМ-движения. Как сказал в недавнем интервью глава МИД РФ С. В. Лавров: «Европе пора перестать отрываться от родного материка, высматривая экзистенциальные ориентиры в других частях света». Иными словами, речь действительно идет сейчас о предсказанном американским футурологом Ф. Фукуямой «конце истории», но не в смысле окончательной победы западных ценностей во всем мире, а в смысле окончания гегемонии в ее европоориентированном варианте (американскую культуру по определению мы считаем упрощенным инвариантом британской) и переходе к стадии действительно многополярного мира, в котором одинаковую ценность и право на признание имеют многие, совершенно разные по своему строю и качеству культуры и языки.

ЛИТЕРАТУРА

Новиков А. В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. М.: МГУ, ИЛА РАН, 1993. С. 84–94

Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика / пер. с англ. Е. И. Негневицкой ; под общ. ред. и с предисл. д-ра филол. наук А. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1976. 336 с.

Лебедев М. В. Стабильность языкового значения : монография. М. : АКИ, 2008. 168 с.

В. К. Белозёров

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vk_belozerov@mail.ru

СМЫСЛЫ ПОНЯТИЙ «НАРОД» И «НАЦИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: народ, нация, политический дискурс, политическое оружие.
Key words: people, nation, political discourse, political weapon.

Понятия «народ» и «нация» стали неотъемлемой частью повседневного лексикона, научного и политического дискурса. Их использование в Германии имеет свои особенности.

В связи с итогами Второй мировой войны ситуация представляется двоякой. С одной стороны, последствием поражения в войне стала денацификация Германии. Именно в условиях нацизма слово «народ» (*das Volk*) фактически оказалось наполненным расовым содержанием и стало одним из атрибутов установившегося в стране политического режима. Соответственно, и производные от слова «народ» активно использовались в политическом лексиконе Третьего рейха. Так, в Германии с начала XX века получило распространение «Народное движение» («*Völkische Bewegung*»), вобравшее в себя различные националистические объединения и политические группы, боровшиеся за «расовую чистоту» и поддерживавшие антисемитизм. Официальным печатным органом нацистской партии была газета «Народный обозреватель» («*Völkischer Beobachter*»). Заслужило соответствующую репутацию и ведомство, во главе которого находился Йозеф Геббельс, Имперское министерство народного просвещения и пропаганды («*Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda*»). Закономерным результатом проведенной после разгрома Германии по решению

держав-победительниц денацификации стала ликвидация названных институций. Одновременно побочным результатом стало сокращение сферы использования понятия «народ» в Германии и в Европе.

С другой стороны, в указанный исторический период Европа в полной мере ощутила на себе усиление позиций США, которые отказались от политики изоляционизма и начали вмешиваться во внутренние дела других стран во всем мире. Важным направлением деятельности в деле утверждения американского превосходства стало навязывание всему остальному миру своего образа жизни как единственно правильного, в том числе – социально-политического устройства. Следствием этой деятельности стало и использование (фактически доминирование) в мире сформировавшегося в США научного аппарата. Речь идет, прежде всего, о категориальном аппарате политической науки в Америке, к тому времени практически сложившемся и оформившемся, в отличие от Европы и Советского Союза. При этом в послевоенные годы в США завершилась концептуализация и институционализация таких понятий, как «национальная безопасность» и «национальные интересы».

Как показывает ознакомление с официальными документами ФРГ и политической практикой послевоенной Германии, в стране стали искать приемлемые способы преодоления негативного прошлого и сохранения идентичности. При этом следует отметить, что выражение «немецкий народ» стало употребляться в стране лишь со второй половины XVIII века.

В настоящее время в официальных документах ФРГ и в профильной литературе предпочтение отдается понятию «немецкие интересы» («die deutschen Interessen»). Сотрудники Федеральной академии политики безопасности Германии еще в 2001 г. объясняли такой выбор тем, что понятие «национальные интересы» ограничивается в использовании «не в последнюю очередь из-за своей исторической отягощенности». То есть имеет место указание на созвучие слов «нация» и «нацизм». В этих условиях требовалось иное понятие. Состоявшийся выбор был объяснен тем, что в мировом и региональном контексте «особые немецкие интересы» естественно вытекают из «истории и геополитического положения» страны, и они «ни коем случае не подпитывают произвольность политической повестки дня».

Фактически же государственная власть и научная мысль Германии прибегла к методу целенаправленной селекции понятий и исключения из официальных текстов и документов слова «нация» и производных от него. Официально такой подход объясняется стремлением избежать

использования в политическом и научном лексиконе слов, напоминающих о нацистском прошлом. Одновременно подобным образом руководство Германии заявляет о стремлении сохранить свою идентичность и самостоятельность в условиях усиления глобализации и европейской интеграции.

Однако не все так однозначно. При оценке использования понятия «немецкие интересы» нельзя не учитывать того, что указанный термин появился в Западной Германии и использовался в период существования двух германских государств. В Основном законе ФРГ, принятом 23 мая 1949 г., провозглашалось, что он действует для всего немецкого народа. В преамбуле документа провозглашалось право органов власти Западной Германии действовать «от имени тех немцев, которые были лишены возможности участвовать в этом процессе. Ко всему немецкому народу обращается призыв довести до конца дело единства и свободы Германии, исходя из принципа свободного самоопределения». В статье 23 относительно установок документа открыто заявлялось, что «в остальных частях Германии он вступит в силу после их присоединения» (а не объединения). Таким образом, фактически принятый в 1949 году в ФРГ конституционный акт изначально содержал в себе установку на экспансию и на вхождение в ее состав восточной части страны. Боннская республика сразу взяла на себя обязанность защищать права и интересы всех немцев в мире, независимо от их государственной принадлежности. В этом отношении характерно название книги министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера: «Германская внешняя политика» [Genscher 1977].

Вместе с тем и после объединения Германии приверженность понятиям, указывающим на конкретную страну, сохранилась, а слово «нация» и его производные в политическом дискурсе встречаются редко. В подтверждение можно привести положения действующих доктринальных документов ФРГ. Так, в «Белой книге политики безопасности и будущего бундесвера», опубликованной в 2016 году, в специальном разделе излагаются «Ценности и интересы политики безопасности Германии» («Deutschlands Werte und sicherheitspolitische Interessen»). Поэтому артикулируемые периодически в современной Европе опасения относительно возможности воссоздания «четвертого рейха» имеют подпитку в виде положений Основного закона ФРГ и доктринальных документов в сфере политики безопасности и военной силы.

Вообще, неоднократно случалось, что в научный и общественно-политический оборот те или иные термины в случае необходимости целенаправленно вводятся исключительно для того, чтобы дискредитировать

оппонента посредством применения к нему понятия-ярлыка, имеющего явно негативную эмоциональную окраску. Так произошло, например, с популярным сегодня понятием «гибридная война», которое в общественном сознании за рубежом, прежде всего, на Западе, ассоциируется преимущественно с действиями России на международной арене. Имеются и другие, довольно поучительные, обращения с понятиями. Так, из официальной риторики США и внешнеполитических документов недавно исчезло словосочетание «стратегическая стабильность», поскольку американская администрация в последние годы последовательно ее подрывает. Чтобы избежать неудобных вопросов и обвинений от партнеров на мировой арене, соответствующее понятие целенаправленно выводится из обращения.

В заключение необходимо отметить следующее. Послевоенная Германия, будучи фактически принужденной вывести из широкого обращения слово «народ», предприняла целенаправленные усилия, чтобы избежать широкого применения слова «нация» и производных от него. В итоге в ФРГ произошел политически ангажированный и в известной степени латентный процесс смыслового наполнения слов «народ» и «нация». В конечном итоге имеет смысл согласиться с мнением Карла Шмитта о том, что «понятия и дистинкции являются политическим оружием» [Шмитт 2006: 123].

ЛИТЕРАТУРА

- Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб. : «Владимир Даль», 2006. 298 с.
Genscher H.-D. Deutsche Aussenpolitik. Verlag Bonn Aktuell, 1977. 239 S.

В. В. Воробьев

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ryss_yur_rudn@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ В СИНЕРГЕТИКЕ

Ключевые слова: лингвокультурология (фундаментальная, прикладная), научная синергетика, культурная лингвистика, язык, культура, личность.

Key words: linguoculturology (fundamental, applied), scientific synergies, cultural linguistics, language, culture, personality.

Развитие синергетического подхода в лингвистике подготовлено открытиями в области сравнительно-исторического языкознания, структурной и функциональной лингвистики. Однако первым на синергетику языка, культуры и мышления обратил внимание Вильгельм фон Гумбольдт в своем учении о внутренней форме языка, которая, в его понимании, представляет собой естественную знаковую модель культурно ориентированного познания человеком мира и себя в нем [Гумбольдт 1984]. В рамках лингво-синергетической трактовки язык выступает открытой, иерархически организованной эволюционирующей системой. Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения культуры, и ее частью, потому что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры. На основе этой идеи на рубеже тысячелетий возникает новая наука – лингвокультурология.

Для лингвокультурологии как науки о языке, культуре, личности [Воробьев 1998] ценность этой модели определяется тем, что ее суть заключается в структурировании мысли на основе первичного образа. Она «работает» на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры.

Современное состояние лингвокультурологии характеризуется, во-первых, синергетической направленностью, способствующей их изучению как самоорганизующихся динамических систем, во-вторых, постоянным поиском новых подходов к изучению своего объекта, применяя методы и методики различных дисциплин к исследованию организации и функционирования языковой системы.

Лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, ибо это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение. Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а междисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования.

Синергетика, имея первоначально естественно-научную основу, ныне все более гуманитаризируется. Синергетика возникла на стыке нескольких наук, но ее отличие от других наук такого рода заключается в том, что она возникла не столько на стыке, сколько над науками более частного характера и изначально была призвана играть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов отдельной науки, их полезность для других наук и перевести диалект конкретной науки на высокую латынь междисциплинарного общения [Хакен 1980]. Обнаруживается плодотворность ее применения в понимании феноменов *языка, культуры* и в разгадывании тайн *личности* – триады *лингвокультурологии*, в которой сходятся и могут быть решены проблемы гуманитарного обучения и, в целом, образования.

Лингвокультурология и *синергетика* имеют интегративную или синтетическую ценность. Они междисциплинальны по своей собственной природе, поскольку они ориентированы на поиск универсальных паттернов эволюции и самоорганизации открытых нелинейных систем любого рода, независимо от конкретной природы их элементов. Кроме того, они являются современными программами междисциплинарных исследований. Судя по всему, именно эта область знания инициирует их глубокие изменения в методологических основаниях современной гуманитарной науки, *в лингвофилософском взгляде на мир, в самом стиле научного мышления. Сегодня формируется некий нетрадиционный взгляд на картину мира — синергетическое видение мира, для нас – описание взаимодействия языка, культуры, личности.*

В связи с интенсивным развитием синергетики происходит радикальная смена парадигмы, в том числе лингвокультурологической парадигмы личности [Воробьев 1996], «переключение гештальта», изменения во всей концептуальной сетке культурологического мышления. Лингвокультурология, как новая парадигма в синергетике, вызывает изменения в эпистемологических средствах (способах постановки проблем и научного исследования), в концептуальном арсенале, в используемых моделях, в целях и установках научного поиска. Благодаря своему междисциплинарному характеру, лингвокультурология и теория самоорганизации (синергетика) могут также рассматриваться как исходные основания для кроссдисциплинарной и кросскультурной коммуникации. Обладание лингвокультурологическим знанием может быть некой платформой для открытого творческого диалога между учеными лингвистами и культурологами, педагогами различных языков и культур, имеющими различный взгляд на мир.

Лингвокультурология, как и синергетика, вводит новые принципы объединения языка, культуры, личности в сложные структуры, принципы эволюционного холизма. Сегодня мы находимся на пути к лингвокультурологической синергетике. Мы движемся к ней, умеющей подходить и знающей как подходить к человеческой культуре, к пониманию феномена личности во всех ее разнообразных проявлениях, к раскрытию тайн человеческого научного творчества, познания, образования, коммуникации, встраивания человека в ближайшую и более отдаленную социальную и культурную среду.

Современное языковое пространство, насыщенное проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его фундаментальном и прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвокультурное измерение той или иной проблемы и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого культурного контекста. Между тем синергетический подход к лингвокультурологическому осмыслению языка, культуры, личности возможен и плодотворен. Он позволяет переносить на языковую область то, что уже стало достоянием далеких от нее разделов науки.

Итак, лингвокультурология, как и синергетика, прилагается и применяется к пониманию самых разных явлений языка, культуры и мира личности. Сама лингвокультурологическая система знания развивается благодаря и через «синергетический подход».

Что можно предложить. Необходима более интенсивная работа над теоретико-методологическими основаниями фундаментальной лингвокультурологии, что является важным условием укрепления статуса данного научного направления. Ее развитие требует решения многих сложных вопросов, возникающих в процессе становления и развития. В частности, одним из значимых вопросов продолжает оставаться избыточная «разножанровость» проблемных блоков, которые включаются в данное направление, что приводит к значительной размытости границ лингвокультурологии и, вследствие этого, к определенному скепсису в ее отношении.

Учитывая относительную молодость лингвокультурологии, представляется целесообразным продолжить работу над развитием междисциплинарных связей в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М. : РУДН, 1996. 180 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М., РУДН, 1998. 330 с.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Рамишвили Г. В. М. : Прогресс, 1988. 399 с.
Хакен Г. Синергетика. М. : Мир, 1980. 405 с.

В. Н. Горлов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
gorlov812@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДЖОНА ЛЕННОНА

Ключевые слова: «Молодежная революция», общественно-политические идеи, антивоенные кампании, пацифизм.

Key words: «Youth revolution», socio-political ideas, anti-war campaigns, pacifism.

Общественная деятельность Джона Леннона имела значительное воздействие на политические процессы в мире. Современные молодежные бунтарские движения, гражданские объединения («Международная амнистия»), известные политики (Дж. Бьюкенен, Д. Ортега, Ф. Кастро, Т. Хейден, Дж. Джексон и др.) постоянно использовали политическое наследие знаменитого музыканта. Различные политические силы в своих умозрительных стремлениях часто пытаются исказить и превратно оценить общественно-политические идеи Дж. Леннона.

Музыкант был заметным участником «молодежных революций» в странах Европы и Америки, отстаивая свои общественные позиции, суждения и действия. Антикапиталистические направления воззрений и действий Леннона превратили его в противника западного мещанского общества.

Высказывания Леннона о ненасильственном преобразовании западного общества, интернациональное направление его деятельности оказывали воздействие на протестные движения на Западе [Бокарев 1992: 35].

Взгляды Дж. Леннона о христианстве изменялись: от критических суждений о христианской церкви, христианском учении к религиозному нигилизму, к атеистическим убеждениям. Его антирелигиозная деятельность во многом повлияла на умы молодежи Запада. Антихристианские

рассуждения музыканта вызвали антибитловские выступления в различных странах мира.

Песня «Всё, что тебе нужно, – любовь» (1967 г.) стала лозунгом западной молодежи и внесла вклад в пацифистское молодежное движение в противовес радикализму протестного движения. Леннон критиковал максимализм западного молодежного движения, в то же время он допускал применение политического насилия во время революционных событий и национализацию капиталистической собственности.

Широкое молодежное движение 1968 года способствовало политизации музыкального творчества Леннона. Пацифизм Леннона, его участие в антивоенных концертах получили всестороннее развитие в философии и практической деятельности хиппи в конце шестидесятых годов.

Во время студенческих волнений 1968 года Леннон подвергает критике левацкий авантюризм и маоизм, способствуя преодолению левизны в движении молодежи. Музыкант критиковал Французскую коммунистическую партию за недостаточно активную позицию [Феофанов, Налоев 1989: 187].

Антивоенные взгляды Леннона развивались от созерцательного несогласия к энергичной деятельности (участие в международных антивоенных мероприятиях). Антивоенные кампании музыканта становились вызовом западному обществу с его традиционными методами насилия в решении политических вопросов. Песня Леннона «Дайте миру шанс» стала гимном антивоенного движения западной молодежи и вызвала широкий общественный резонанс.

Антивоенная деятельность музыканта особенно проявилась после начала бомбежек Вьетнама. Джон Леннон активно участвовал в маршах протеста против агрессии США во Вьетнаме и против поддержки этой агрессии правительством Великобритании [Винер 1994: 72]. Музыкант возвратил королеве Елизавете II орден Члена Британской империи. Музыка Леннона, его непосредственное участие в движении против войны во Вьетнаме сохранили значение и в современную эпоху.

С точки зрения собственных политических взглядов Леннон трансформировался в бескомпромиссного антагониста действующему в Великобритании капиталистическому государству. У себя в стране Дж. Леннон резко критиковал догматизм местного коммунистического движения. Музыкант постоянно субсидировал леворадикальные организации в различных странах мира [Фонкинсон 2013: 227].

Образцом для Леннона становится идеал мировой коммунистической цивилизации на основе равноправия, справедливых социальных отношений, человеколюбия.

Политическая практика Джона Леннона опровергает попытки отрицания леворадикального периода деятельности музыканта. Антивоенные взгляды Джона Леннона, его деятельность по прекращению войны во Вьетнаме оказали серьезное влияние на молодежное протестное движение на Западе.

ЛИТЕРАТУРА

Бокарев В. В. Джон Леннон: мифы и реальность. М.: Клен, 1992. 160 с.

Винер Дж. Вместе! Джон Леннон и его время: пер. с англ. М.: Радуга, 1994. 304 с.

Феофанов О. А., Налоев А. Е. Бунтари и конформисты: рок-музыка Запада за сорок лет. Ставрополь: Книжное издательство, 1989. 409 с.

Фонкинсон Д. Леннон : пер. с франц. М.: Астрель, 2013. 256 с.

А. И. Емельянов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

anton.politolog@ya.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Ключевые слова: государственное строительство, идентичность, латиноамериканизм, Латинская Америка, семиотика.

Key words: nation-building, identity, Latin Americanism, Latin America, semiotics.

Латинская Америка представляет собой регион, который является центром притяжения сразу нескольких цивилизаций, включая мезоамериканскую и европейскую. Начиная с 1492 года, скорого приближения конкисты, формирования нового мира, привнесения европейского научного материализма и католичества в регион, Латинская Америка приобрела новые черты, которые легли в основу построения государств континента.

Данный процесс сопряжен не только с возникновением и образованием стран, бывших колоний, обретших независимость от метрополий, но и с формированием новой уникальной цивилизации, которая зиждется на традициях старого и нового мира.

Данный процесс раскрывается наиболее объёмно при использовании семиотических методов, которые помогают определить качественное содержание объектов в полной мере. Под семиотикой принято понимать раздел научного знания, который отвечает за исследование знаковых форм и текстовых систем [Фомин, Ильин 2016: 14]. Именно семиотические исследования позволяют изучить действительное состояние мира политического, включая политический дискурс, а также геополитические процессы [Ильин 2009: 186].

Благодаря тому, что формирование латиноамериканской цивилизации происходит буквально на наших глазах, ввиду того, что национальные государства и интеграционные процессы стали появляться только в XIX веке, можно наблюдать генезис становления латиноамериканской идентичности через призму семиотических методов. К данным методам можно уверенно отнести критический дискурс-анализ, герменевтику, конверсационный анализ, нарративный анализ и многие другие [Моррис 1983].

Особым интересом для изучения является символика стран региона, государственных органов власти, а также массовой культуры. При этом стоит уделить особое внимание тому, что в настоящее время происходит очередная переоценка национальных интересов стран региона, что подтверждается сменой национальной символики, например в Венесуэле. После начала этого столетия президент данной страны принял решение об изменении государственной символики Венесуэлы. Так, исходя из интересов строительства социалистического государства, заложенного в государственную идеологию, можно наблюдать изменение семиотической нагрузки государственной символики [Декрет о государственном флаге ... URL]. В результате, официальный герб страны, который был утвержден в 2006 году, приобрел новые очертания: преобразились такие атрибуты, как колчан со стрелами и лук, которые символизировали связь с автохтонными народами Южной Америки, поменялось направление движения коня, который с давних пор символизировал свободу венесуэльского народа, память о его борьбе за независимость. Если ранее конь стремился на восток, что характеризовало связь страны с европейским континентом, то теперь можно наблюдать, что конь мчится на запад, что подчеркивает

особый путь развития Венесуэлы, близость к левым социалистическим идеям. В гимне страны также можно найти упоминания об особом пути страны, ее независимости и готовности отстаивать свою свободу. Конституция страны также представляет собой нечто уникальное, ведь в Венесуэле существуют сразу пять ветвей власти, которые подчеркивают вовлеченность народных масс в демократическое управление страной, контроль с их стороны над избирательным процессом.

Кроме того, качественные исследования помогают выделить особенное и частное в мировоззренческо-ценностном восприятии других латиноамериканцев, например, аргентинцев, уругвайцев, эквадорцев и др. На флагах, гербах этих страны часто используются солнечные диски, солнце с лучами, которые символизируют дань традициям своих предков, культурное многообразие. Тексты национальных гимнов также показывают, что народы всех стран региона готовы сражаться за свою свободу, помня о кабале от европейских колониальных властей. Всё это ведет к появлению, накоплению и распространению новых политических традиций, образованию особой дискурсивной среды, в которой сосуществуют различные миры.

Таким образом, семиотическое исследование богатого мира Латинской Америки способствует появлению своего рода особого интерфейса для восприятия процессов самоидентификации стран региона, формируя аппарат для оценки тенденций дальнейшего развития, а также способствуя выработке новых смешанных семиотических методов познания политической культуры применительно к странам Латинской Америки.

ЛИТЕРАТУРА

Декрет о государственном флаге, гербе и гимне Национальной Ассамблеи Боливарианской республики Венесуэла [электронный ресурс]. URL: <http://docs.venezuela.justia.com/federales/leyes/ley-de-bandera-nacional-himno-nacional-y-escudo-de-armas-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela.pdf>

Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. 2016. №3. С. 12–29.

Ильин М. В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 186–189.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 37–89.

Н. Ю. Ильин

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

www.ilyin@gmail.com

ДЕНЬ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ «3 СЕНТЯБРЯ – ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1945 год)» И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Ключевые слова: День воинской славы России, День Победы, международное право, окончание войны, окончание военных действий.

Key words: Russian military glory day, Victory Day, international law, end of war, end of hostilities.

14 апреля 2020 года Государственной Думой РФ в третьем чтении принят Законопроект №922513-7, который устанавливает День воинской славы России «3 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 год)». Этот закон, в свою очередь, вносит изменения в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [сайт ГД РФ 2020].

В пояснительной записке к проекту закона написано, что Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ об объявлении 3 сентября праздником Победы над Японией. День окончания Второй мировой войны отмечается и в государствах – союзниках Советского Союза по антигитлеровской коалиции. Например, День победы китайского народа в войне сопротивления Японии отмечается широко и ежегодно 3 сентября [Система обеспечения законодательной деятельности 2020].

Правительство РФ в своем заключении поддержало этот законопроект, отметив, что формулировка «3 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 год)» символизирует переход от состояния войны к миру... [Система обеспечения законодательной деятельности 2020]

Таким образом, в этом законе и его обосновании приравниваются понятия «День Победы» и «День окончания войны», а с 3 сентября 1945 года связывается переход от состояния войны к миру, что не соответствует как международному праву, так и интересам России.

С точки зрения международного права окончание военных действий и окончание войны – разные понятия, которые отличаются в первую очередь по тем правовым последствиям, которые они порождают для воюющих сторон. Окончание военных действий предшествует окончанию войны, и оно может выражаться в перемирии и капитуляции [Словарь международного права 1982: 61, 149]. Применительно к случаю войны СССР с Германией и Японией окончание военных действий выразилось в капитуляции этих государств 8 мая и 2 сентября 1945 года соответственно [Шулепов, Ильин 2007: 87]. Дни, следующие за этими датами (9 мая и 3 сентября), справедливо празднуются у нас как Дни Победы над Германией и Японией. Таким образом, с материальной точки зрения войны нет, ибо тот, с кем воевали – капитулировал. Но с юридической точки зрения состояние войны продолжалось. Это связано с тем, что, объяви войну с этими государствами законченной днем их капитуляции, появилась бы масса вопросов и о статусе военнослужащих, находящихся на территории побеждённого государства, и о статусе военнопленных, а также множество других. В числе прочих встал бы вопрос о правомерности наказания военных преступников и проведения Нюрнбергского и Токийских трибуналов.

Следует обратить внимание на то, что и в Китае, как справедливо указано в пояснительной записке, тоже празднуется День победы, а не день окончания войны.

Так как обсуждаемый здесь закон имеет отношение к окончанию войны с Японией, то это состояние наших отношений закреплено в достаточно известной Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 года. В ней, в статье 1, закрепляется следующая норма: «Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения» [Официальный сайт МИД РФ 2020, URL].

Декларация вступает в силу после обмена ратификационными грамотами (ст. 10). Такой обмен состоялся в Токио 12 декабря 1956 года и именно эта дата, а не 3 сентября 1945 года, является днем окончания Второй мировой войны (по крайней мере, для России) и датой перехода от состояния войны к миру.

Возможно, если бы речь шла о фиксации того или иного исторического момента, не имеющего прямой связи с нашими нынешними реалиями (как например, 4 ноября 1612 года), то можно было бы не реагировать

по этому вопросу столь скоро. Но Декларация 1956 года лежит в основе нашего переговорного процесса по спору с Японией о южно-курильских островах. В случае принятия этого закона японская сторона может поставить перед нами неудобные вопросы по этому документу, что, по мнению автора, не соответствует нашим национальным интересам.

Будем надеяться, что в Совете Федерации, где далее, по регламенту будет рассматриваться закон, эта правовая ошибка будет исправлена.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь международного права / под ред. Б. М. Клименко, В. Ф. Петровского, Ю. М. Рыбаков. М. : Международные отношения 1982. 248 с.

Шулепов Н. А., Ильин Н. Ю. Международное право : учебное пособие. М. : ООО «ГК ИТА», 2007. 204 с.

Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL : <http://duma.gov.ru/news/48281/> (дата обращения 14.04.2020).

Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922513-7> (дата обращения 14.04.2020).

Официальный сайт МИД РФ. Советско-японская декларация 19 октября 1956 года. URL : <https://www.mid.ru/documents/10180/2033041> (дата обращения 14.04.2020).

С. Г. Киселев

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ksg56@mail.ru

СТАДИАЛЬНЫЙ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ЛОКАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ФОРМУЛИРОВАНИЮ ДЕФИНИЦИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Ключевые слова: цивилизация, гецивилизация, стадийный подход, пространственно-локальный подход.

Key words: civilization, geo-civilization, stadium approach, spatial-local approach.

Понятие «цивилизация» неоднозначно. В современной науке и политической практике не существует однозначного понимания этого термина.

В понятие «цивилизация» разные исследователи, аналитики и политики вкладывают различное содержание: это и качественное состояние общества или государства (группы государств), отражающее уровень развития материальной и духовной культуры, и развитость политической структуры, и степень технологичности общества, и уровень воспитанности, усвоения правил этикета, и локальные общности людей, и культурно-исторические типы и т. д.

Как правило, значения разнятся в зависимости от того, какой подход – стадийный или пространственно-локальный – применялся в процессе формулирования дефиниции.

Кстати отметим, что первая трактовка цивилизованности (*лат.* *civis* – городской, гражданский, государственный) возникла задолго до первых теорий о цивилизациях – в Античности, и противопоставлялось слову *silvfticus* – грубый, дикий, лесной.

Собственно термин «цивилизация» появился в середине XVIII века, и первыми его использовали в своих трудах французский философ и экономист маркиз де Мирабо, автор сочинения «Друг человечества» (1757), французский инженер Буланже в работе «Древность, разоблаченная в своих обычаях» (1766), французский историк Люсьен Февр («Цивилизация: эволюция слова и группы идей», 1930), шотландский философ Адам Фергюсон («Опыт истории гражданского общества», 1767) [Киселев 1998].

В то время и до выхода в свет труда «Россия и Европа» (1869) русского философа Н. Я. Данилевского, «пионера» цивилизационной теории, термин использовался исключительно в стадийном значении этого слова. Вероятнее всего, такое положение дел явилось следствием европоцентричного понимания истории, бытовавшее и, даже можно сказать, царствовавшее в те времена.

Теории стадийного развития рассматривают цивилизацию как единый процесс прогрессивного развития человечества и выделяют в нем определенные ступени, стадии или этапы. Первым этапом считается появление состояния цивилизованности после распада первобытно-общинного общества, т. е. контекстно подразумевается процесс перехода от дикости и варварства к цивилизованности и т. д.

В свою очередь теории локальных цивилизаций, начиная с Н. Я. Данилевского, исследуют, как правило, исторически сложившиеся и проживающие на обширной территории в какой-либо части Земли общности людей со своими особенностями культурного развития. При

пространственно-локальном подходе эти общности также определяются как цивилизации.

Однако положение дел таково, что и в самой теории локальных цивилизаций отсутствует единое понимание данного социально-культурного явления, формализуемого как «цивилизация», и здесь можно встретить различные толкования понятия. В большинстве случаев, например, у классиков цивилизационной теории Н. Я. Данилевского (в труде «Россия и Европа»), у А. Дж. Тойнби («Постижение истории»), у С. Хантингтона (« Столкновение цивилизаций?») под цивилизацией понимается значительная локальная общность людей со свойственными ей культурными признаками; однако другой классик, О. Шпенглер, в «Закате Европы» обозначал термином «цивилизация» завершающий период развития культуры.

Исходя из вышесказанного, автором была предпринята попытка уточнить понятие «цивилизация» с помощью пространственно-локального подхода, и сформулировать такое понятие для локальной общности, которое бы позволило в определенной степени избегать известных разночтений и разнопониманий. В результате было предложено и в 2002 г. введено в научный оборот понятие «геоцивилизация», под которым понимается обширная часть земного шара, на которой проживает значительная по числу локальная общность людей, отличающаяся от других общностей своей историей, религией, этносом, традициями, организацией быта, обрядами, менталитетом, образом жизни, системой ценностей и т.п. В целом, такая общность людей характеризуется принадлежностью к определенной исторически сложившейся культуре с многочисленными ее носителями [Киселев 2002: 10; Киселев 2003: 172–174].

Следует отметить, что понятие «геоцивилизация» является более широким, чем понятие «государство», поскольку последнее является частью целого – геоцивилизации, но более узким по отношению к понятию «человечество». Государствам принадлежит большая роль, так как через них, как правило, особенно через ведущие государства, геоцивилизация реализует себя в политических, экономических и иных формах. К современным геоцивилизациям (цивилизациям, существующим в настоящее время) следует отнести западную, исламскую, православную, российскую, конфуцианско-буддистскую, индуистскую, латиноамериканскую, японскую и африканскую геоцивилизации (локальные цивилизации) [Киселев 2002: 13; Киселев 2006].

Резюмируя, можно отметить, что предложенное автором понятие «геоцивилизация» успешно и без споров интегрировалось в отечественный научный оборот, и с успехом применяется аналитиками, учеными и экспертами, использующими геоцивилизационный метод при анализе действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Киселев С. Г. Цивилизация и война: монография. М. : Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 1998. 274 с.

Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М. : Издательство «Известия», 2002. 368 с.

Киселев С. Г. Геоцивилизация // Глобалистика : Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М. : ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 172–174.

Киселев С. Г. Локальные цивилизации // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М., СПб., Нью-Йорк, 2006. С. 493–494.

С. А. Климинская

(Москва, Россия)

Московский государственный институт

международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

kvi62@inbox.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: СЕМИОТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: устойчивое развитие, политический дискурс, гибридные концепты, аксиология, семиотика.

Key words: sustainable development, political discourse, hybrid concepts, axiology, semiotics.

В современном обществе политика рассматривается как специфическая форма деятельности, определяющая отношения между классами относительно вопросов политической власти, а так же как социальное взаимодействие между представителями различных классов для решения

общественных проблем [Стецко 2013]. Сегодня политическая жизнь общества не ограничивается вопросами удержания политической власти политическими партиями, а охватывает все сферы человеческой жизни в национальных рамках и в мировом масштабе. Задача современной политики заключается в формировании определенного пути развития государства и создании условий для гармоничного развития общества в целом.

Стремительная деградация условий жизни на планете и угроза антропологической катастрофы сделали концепцию устойчивого развития одним из приоритетных направлений развития современного общества. Новый подход к цивилизационному развитию стал основой международных и национальных политических процессов [Климинская 2018].

В условиях активизации глобализационных процессов политический дискурс становится средством социального контроля для унификации взглядов и поведения индивидуумов на национальном и глобальном уровнях. При этом с развитием информационных технологий особенность политической деятельности в рамках дискурса устойчивого развития заключается в том, что завоевание и удержание власти осуществляется в том числе и за счет формирования общественного мнения посредством культурного, социального и психологического воздействия в информационной среде [Виноградова 2010].

Зависимость современного человека от информации позволяет политикам и общественным деятелям не только распространять информацию, но и создавать информационную реальность в средствах массовой информации. При этом СМИ становятся коммуникативной средой, где консолидируются различные институциональные дискурсы (экономический, социальный, экологический, технологический и др.). Интеграция институциональных дискурсов в едином информационном пространстве способствует охвату широкой массовой аудитории, а также придает значимость обсуждаемым проблемам.

Взаимодействие различных институциональных дискурсов в информационной среде в рамках политического дискурса по проблемам устойчивого развития формирует семиотическое пространство, которое отражает воздействие метаязыка дискурса устойчивого развития на гетерогенную аудиторию. Семиотика политического диалога, связанного с вопросами устойчивого развития, представляет собой совокупность символов, отражающих действительность и интерпретирующихся реципиентами в необходимом политическом ракурсе. Подобные символы

реализуются в гибридных концептах, образующихся при взаимодействии институциональных дискурсов [Куликова, Климинская 2018]. Особенность гибридных концептов состоит в том, что несмотря на их тенденцию к терминологизации, данные понятия сочетают номинативную, аксиологическую и эмотивную составляющие.

Гибридные концепты составляют семиотическую и эмотивную структуры дискурса устойчивого развития, так как отражают изменения в жизни общества и передают отношение к ним, определяя ценность явления или события и выстраивая аксиологическую доминанту дискурса устойчивого развития. Гибридные концепты, как маркеры дискурса устойчивого развития в рамках политического диалога в медийном поликультурном коммуникативном пространстве, являются инструментом стратегий убеждения. Данные концепты оказывают воздействие на массовую аудиторию и определяют ракурс восприятия политического контекста на национальном и глобальном уровнях [Сапронова 2019]. Функционирование гибридных концептов в политическом дискурсе превращает концепцию устойчивого развития в программу-бренд [Стецко 2013] – идеологически нейтральную, но приоритетную для развития государства и общества. Реализация данной программы может стать кредо для политической партии.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 45–47.

Климинская С. А. Антропологические особенности дискурса устойчивого развития // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. 2018. С. 133–134.

Климинская С. А., Куликова О. В. Концептуальное взаимодействие в динамике дискурса устойчивого развития (на материале английского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2018. №3. Серия: Гуманитарные науки. Режим доступа: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/--gn18-03/4394-a>.

Сапронова П. Е. Символизация в политике как элемент современной действительности / П. Е. Сапронова. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 340–341. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/257/58805/>

Стецко Е. В. Устойчивое развитие как политический бренд / Санкт-Петербургский университет. 2013. № 8. Режим доступа: <http://journal.spbu.ru/?p=10474>

К. Е. Кожухова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

kira.kozhuhova@mail.ru

«КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА» ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ (на примере «мягкой силы» и «стратегической культуры»)

Ключевые слова: Китай, стратегическая культура, «мягкая сила», конфуцианство, гармония.

Key words: China, strategic culture, «Soft power», Confucianism, harmony.

Для китайской культуры свойственно заимствование, интерпретация и имплементация достижений других цивилизаций в соответствии со спецификой Поднебесной и ее нуждами. Со временем китайцы ушли от простого копирования предметов быта к поиску успешных «варварских» научных результатов, которые можно поставить на службу своего государства. Подобное «заимствование» не обошло стороной и политическую науку КНР. В конце 90-х гг. XX в. китайской трансформации подверглись два известных западных политических понятия: «мягкая сила» и «стратегическая культура», которые обрели китайскую составляющую.

К концу XX столетия концепция «мягкой силы» Джозефа Ная спровоцировала большой резонанс в китайском научном сообществе. Несмотря на трудности перевода американской «soft power» на китайский язык, понятие вошло в политическую лексику Китая как официально признанный термин 软实力 жуаньшили. При этом суть «мягкой силы» в китайском варианте ушла от заложенного Наем продвижения политической идеологии на международной арене и применения военной силы исключительно к распространению культурного влияния в противовес агрессивной западной «мягкой силе», навязывающей «универсальные» ценности. Вместо этого «мягкая сила» с «китайским лицом» стала чисто культурным инструментом внутренней и внешней политики КНР, который основывается на традиционной культуре Китая и призван воспитывать в китайцах социалистические ценности, создавать гармоничную

культуру китайской нации и способствовать ее распространению по всему миру [Цзи 2018: 68].

Понятие «стратегическая культура» (*strategic culture*) было использовано другим американским политологом – Джеком Снайдером – в конце 70-х гг. XX в. и обозначало обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящим корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях. Китайская стратегическая культура начала изучаться в середине 90-х гг. XX в. после распада биполярной системы и прошла сквозь фильтр китайского восприятия. В своих работах китайские исследователи настаивают на том, что стратегическая культура Китая стабильна, моральна и полна добродетели, вобрала лучшее от конфуцианства и военного учения Сунь Цзы и является интегральным комплексом обширного китайского исторического опыта, политической практики и традиций, представляя собой предмет гордости китайского народа [Чжунго 2008: 8–9].

Стратегическая культура Китая стала важнейшей частью традиционной китайской культуры, воплощением восприятия ведения войны и реализации военной стратегии, а также применения принципа «гармонии» на практике [Чжунго 2008: 56]. В китайской политической науке стратегическая культура Китая получила концептуализированное понятие 中华文化 – чжунхуа чжаньлюэ вэньхуа.

Оба вышеописанных понятия прошли «китаизацию» путем внедрения в их смысл «китайского духа», а именно – традиционного принципа гармонии 和 хэ, корни которого восходят к философии конфуцианства. Действительно, китайская культура в общем смысле ассоциируется с Конфуцием, который считает мир истинной драгоценностью. С позиции конфуцианства дипломатия и культурное притяжение являются лучшими способами достижения целей государства. Конфуций утверждал, что если отдаленные страны не покорны, то китайское влияние национальной культуры и добродетели должно разрабатываться в еще большем объеме, чтобы приобщить иноземцев [Wang 2012: 18]. Эти конфуцианские заветы успешно реализуются в выражениях «мягкая сила» и «стратегическая культура», что позволяет поставить их в один ряд с самым известным трансформированным Китаем понятием – социализм, который в реалиях Поднебесной обрел свою «китайскую специфику».

Таким образом, сущность трансформации западных политических понятий «мягкая сила» и «стратегическая культура» состоит в наделении

их специфическими атрибутами, свойственными исключительно культуре и менталитету китайской нации. В данном случае этим атрибутом стал конфуцианский принцип гармонии, который внес особенную китайскую оценку данных понятий и изменил смысла, вложенный их изначальными авторами.

ЛИТЕРАТУРА

Цзи Юешэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук. ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 203 с.

Чжунго чжаньлюэ вэньхуа схуаньчэн юй фачжань. Бэйцзин, Шишичубаньшэ (Наследие и развитие китайской стратегической культуры. Пекин, Цзицзи пресс). 2008. 287 с.

Wang Xinjun. On China's Traditional Culture and Peaceful Development Strategy. Institute for Security and Development Policy, 2012. 51 p.

Е. С. Кудинова, Т. С. Мозоль, Е. А. Юкляева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

e.kudinova@linguanet.ru, yoondanhee@gmail.com,

elena.yuklyaeva@gmail.com

КРИТЕРИИ УСПЕШНОГО ИМИДЖА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ: ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: политический имидж, имиджелогия, политическое лидерство, политический дискурс, жест, полимодальная лингвистика.

Key words: political image, image making, political leadership, political discourse, gesture, multimodal linguistics.

С конца XX века укрепляет позиции антропоцентрический подход к изучению языка, одним из ключевых аспектов которого является исследование невербальной коммуникации [Кудинова 2017]. В фокусе внимания ученых находятся жесты, их реализация в межличностном общении, национально-культурная специфика, прагматика использования жестов

в социальных контекстах, в частности в политическом дискурсе [Kilgo, Boulter, Coleman 2018], интерес к которому обусловлен активным проникновением политики во все сферы общественной жизни.

Подчеркнем, что коммуникация – это комплексный процесс, основывающийся на аддитивном взаимодействии вербального, невербального, просодического, а также визуального модусов [Кибрик 2010]. Выделяя преимущественно речевую деятельность как средство манипулирования общественным сознанием в политическом дискурсе, исследователи оставляют без должного внимания корреляцию невербального, просодического и вербального каналов.

В исследовании мы предпринимаем попытку провести компаративный анализ речестового поведения политических лидеров Великобритании, США, Германии, Австрии, Северной и Южной Кореи на основе полимодального подхода к коммуникации.

Для политического дискурса характерны: инспиративность, экспрессивность, динамичность, агрессивность, агитационность, оценочность, театральность [Сорокина 2016]. Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить имиджевый портрет современного лидера на основе выделенных характеристик политического дискурса.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Определить специфику речевого и невербального (кинесико-проксемного) поведения политиков при помощи программы для аннотации видеофрагментов Elan (версия 5.9).
2. Провести анализ просодических характеристик речи политиков с помощью программы Praat (версия 6.1.16).
3. Выявить речестовые приемы манипулятивного воздействия на избирателей.
4. Определить основные полимодальные критерии успешности имиджа современных политиков.
5. Исследовать обусловленность этих критериев той или иной языковой спецификой.

Таким образом, выявленная методика позволяет создавать более эффективные модели и технологии управления имиджем современных политиков. В дальнейшем результаты исследования могут найти применение в политологии, социологии, психологии, имиджелогии, а также в рамках корпоративной лингвистики и межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Вып. IV. М. : ИП РАН, 2010. С. 134–152.

Кудинова Е. С. Жест в политическом дискурсе Коммуникативное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие. Иваново, 2017. С. 161–170.

Сорокина А. А. Устойчивые сочетания как средства речевого манипулирования в американском предвыборном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. Саранск, 2016. 209 с.

Kilgo D., Boulter T. R., Coleman R. Face Value: Linking Nonverbal Cues to Character Traits in Impression Formation of Politicians // International Journal of Communication 12 (2018). Pp. 4205–4228. URL: https://www.researchgate.net/publication/328307467_Face_Value_Linking_Nonverbal_Cues_to_Character_Traits_in_Impression_Formation_of_Politicians (дата обращения 20.05.2020)

О. В. Куликова

(Москва, Россия)

Московский государственный институт
международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации
ok517@yandex.ru

ФАКТОР МАСС-МЕДИА

В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ МИФОТВОРЧЕСТВЕ

(на материале англоязычного общественно-политического дискурса)

Ключевые слова: мифотворчество, миф, антропоцентризм, масс-медиа, общественно-политический дискурс.

Key words: myth creation, myth, anthropocentrism, mass-media, socio-political discourse.

Современный общественно-политический дискурс, представляющий собой «сферу коммуникативного взаимодействия политических субъектов, как участников политического процесса, и также других субъектов общественных отношений разной степени институирования» [Чекменев, URL], формируется на основе многочисленных дискурсивных практик, направленных на выработку и поддержание многовекторных стратегий

существования и развития общества. Одно из центральных мест в ряду подобных практик занимает мифотворчество, в контексте общественно-политического дискурса, понимаемое как создание общественных или политических мифов, коррелирующих с реальными или вымышленными событиями, действующими лицами или явлениями общественно-политической жизни.

Социальной средой бытования мифов, являющихся принадлежностью массового сознания, является широкая аудитория – в большинстве своем, люди несведущие в тонкостях политики и склонные принимать на веру любую сенсацию. При этом отправителями мифологической информации чаще всего оказываются эксперты – политические консультанты, психологи, специалисты в области политических PR-технологий, профессионально манипулирующие общественным мнением. Необходимая реакция публики достигается посредством активного участия в процессе общественного и политического мифотворчества средств массовой информации, получившим беспрецедентное распространение благодаря тотальной цифровизации медийного пространства.

Мифы, создаваемые и циркулирующие в общественно-политической сфере, конструируют так называемую вторичную реальность, дополняющую пестрый мир общественно-политического дискурса. В этой связи особый интерес представляет точка зрения Е. И. Шейгал, считающей вслед за А. Н. Савельевым, что «политический мир изначально – всегда выдумка, вслед за которой у мифотворца и мифопотребителя может возникать ощущение реальности» (цит. по [Шейгал 2004: 137], что, на наш взгляд, составляет основу антропоцентрического мифотворчества в области политики и общественной жизни.

В рамках антропоцентрической парадигмы политические мифы обычно создаются вокруг известной личности, преимущественно пребывающей в центре общественного внимания. При этом миф ориентирован на целевую аудиторию, готовую принять заложенные в нем установки и поверить информации, в которой содержится полуправда-полуложь, вызывающая интерес или любопытство публики, стремление подражать, узнать больше и, как следствие, формирующая необходимое отправителю отношение к объекту мифотворчества. Данное положение наглядно иллюстрируется хорошо известным мифом о британской монархии, имидж которой до сих пор успешно поддерживается в Великобритании. Вполне естественно, что монархия как явление общественно-политической жизни

сама по себе не является объектом создаваемых мифов – в качестве таких объектов выступают члены королевской семьи и, прежде всего, королева Елизавета II как олицетворение британской короны. Примечательно, что создание мифообраза королевы происходило в масс-медийном пространстве на протяжении длительного времени, что позволяет выявить когнитивно-дискурсивные механизмы, которые использовались для поддержания положительного образа британского монарха и демонстрации преимуществ монархической формы правления. Британская монархия и королева, правящая без малого 70 лет, дают своим подданным ощущение стабильности, устойчивости, неразрывности связи времен, неизменности культурных традиций. Быть преданным короне означает быть преданным королеве – многолетнее медийное присутствие делает королеву близкой и знакомой простым британцам – быть преданным знакомому человеку гораздо проще, чем такой абстрактной форме, как монархия:

How young Princess Elizabeth celebrated VE Day among crowds in London
What did the Queen do in the armed forces during the Second World War?
The Queen's most memorable speeches
5 of the Queen's best feminist moments
Queen's birthday will not be marked by gun salutes 'for first time'
Queen releases message of thanks for healthcare workers
Queen to make rare address to nation amid coronavirus crisis

(<https://www.independent.co.uk/topic/QueenElizabethII?CMP=ILC-refresh>)

Хронотоп мифа «британская монархия» проявляется в массмедийном пространстве, хранящем вербальные и невербальные свидетельства сотворения данного мифа. Мультимедийный характер современного информационного пространства позволяет создать объемный и правдоподобный образ благопристойной и добропорядочной женщины, с достоинством переносящей все трудности и невзгоды, возникающие на ее пути. Анализ поликодового массмедийного материала показывает, что основным инструментом создания мифа на протяжении длительного времени является акцент на поддержании монархом британской системы общественных ценностей, таких как семья, отношения между ее членами, бремя выполнения ими своих обязанностей и т. д. (поэтому о членах королевской семьи так много пишут, снимают отдельные сюжеты, художественные фильмы и сериалы). Именно об этом свидетельствуют заголовки последних новостей, способных заинтересовать читательскую аудиторию:

Queen releases private footage of herself as a child to mark birthday
Royal family pays tribute to The Queen on her 94th birthday
Queen congratulates Boris Johnson and Carrie Symonds on birth of son

(<https://www.independent.co.uk/topic/QueenElizabethII>)

Примечательно, что данные сообщения о королеве в онлайн-версии газеты Independent, выбранной нами в качестве примера медийного средства, содержащего печатный, иллюстративный, звуковой и видеоматериал, представлены в рубрике Royal Family.

Периодически появляющаяся в масс-медиа информация, направленная на дискредитацию британской короны, не в состоянии поколебать превалирующее в общественном сознании мнение, сформированное мифом о непоколебимых достоинствах монарха и монархии, что, по всей видимости, свидетельствует об адекватности стратегии мифотворчества, выбранной ее авторами.

ЛИТЕРАТУРА

Чекменев Д. С. Структура категории общественно политический дискурс. URL : <http://aprobacia.ru/struktura-kategorii-obshhestvenno-politicheskij-diskurs.html> (дата обращения 28.04.2020).

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис». 326 с.

А. П. Минаев

(Москва, Россия)

Дипломатическая академия МИД России

minaev53@inbox.ru

О ПРОБЛЕМЕ РУССКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: транскрипция корейского языка,
идентификация корейских имен.

Key words: transcription, transcribing Korean into Russian.

Передача звукового состава корейского языка с использованием орфографической системы русского языка остается одной из самых

сложных проблем в области перевода с корейского языка на русский. Отсутствие единой системы транскрипции затрудняет идентификацию корейских имен, приводит к анархии и хаосу в области документации и картографии со всеми вытекающими из этого серьезными негативными последствиями для работы российских регистрационно-визовых, нотариальных и справочно-информационных служб. Искорженная транскрипция создает трудности в работе СМИ, мешает правильному пониманию самого текста. Следует учитывать, что транскрибированию подлежат не только собственные имена, но и разные группы нарицательных имен (названия единиц измерения, товаров, пород деревьев, химических элементов, научных и идейных направлений и т. д.), а также термины различного характера.

Неоднократные попытки со стороны сообщества специалистов-корееведов создать единую систему транскрипции корейского языка пока не привели к успеху. Одним из свидетельств того, что данная проблема сохраняет свою повышенную актуальность, явилось созванное 24 сентября 2019 года по запросу МИД России в МГИМО экспертное совещание корееведов о написании корейских личных имен в русском языке, на котором с напутствием к участникам обратился директор Первого департамента Азии МИД России Г. В. Зиновьев. В совещании помимо Дипломатической академии приняли участие представители ведущих отечественных центров корееистики: МГЛУ, ИСАА МГУ, Новосибирского государственного университета, НИУ ВШЭ, Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, отдела Кореи ИДА МИД России. С основным докладом выступил доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО В. Е. Сухинин. К совещанию в письменном виде представили свои соображения корееисты СПбГУ, ДВФУ, ТОГУ и Иркутского государственного университета. В ходе дискуссии участники обменялись мнениями о целесообразности перехода на слитное написание корейских личных имен в российских официальных документах, а также обсудили другие трудные моменты транскрибирования корейских слов. Предложенные на совещании подчас противоположные подходы к решению проблемы еще раз подтвердили отсутствие единства в этом вопросе даже в среде специалистов-корееведов.

Объективной причиной расхождений в написании корейских терминов, собственных и нарицательных имен является несходство звукового

строения и состава фонем в двух языках. В обоих языках согласные звуки, кроме их общего подразделения по месту артикуляции (губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и гортанные) и способу образования (взрывные, щелевые, сложные аффрикаты и др.) отличаются друг от друга еще и по иным признакам, специфичным для каждого языка.

Еще более значительные различия существуют в составе и системе гласных. В корейском языке имеются, например, два вида О, три вида Е, гласные с умлаутом О и У, много дифтонгов.

Несовпадение письменных систем также сказывается на транскрипции. В то время как в корейском алфавите 40 букв используются для передачи 40 основных звуков корейского языка, в русском алфавите 33 буквы передают 42 фонемы. Другими словами, в корейском письме насчитывается много букв, но они приспособлены в основном для передачи звуков своего родного языка и плохо подходят для транскрибирования звуков других языков. Например, в корейском письме нет букв для передачи звуков русского языка Ф, Ш, З, Ц, начальных Р или Л. Кроме того, письменные системы двух рассматриваемых языков построены на совершенно разных принципах. В основе корейского письма лежит буквенно-слоговой принцип, при котором начальный согласный, средний или начальный гласный и конечный согласный объединяются в слог, визуально напоминающий иероглиф. Кириллица, как и латиница, линейная (побуквенная) система письма. В корейском письме недопустимы сочетания двух и более согласных в начале и конце слога и свыше двух в середине слова, а в русском они распространены.

Нельзя не принимать во внимание также наличие традиций и социолингвистических (культурно-политических и др.) факторов в написаниях имен собственных, пришедших из других языков. Например, в транскрипции слов китайского, корейского и некоторых других языков Дальнего Востока не принято передавать заднеязычный носовой НЬ как НГ.

Наиболее актуальной на сегодняшний день остается проблема передачи на русском языке корейских имен собственных. Как уже отмечалось выше, в этом деле наблюдается полная анархия. Многие журналисты обычно пользуются английскими написаниями корейских слов. Сотрудники российской консульской службы часто сталкиваются с чудовищными искажениями, которые встречаются в записи имен и фамилий корейцев в латинской графике в загранпаспортах, которые затем переносятся в российские визы и другие документы. В таких случаях происходит не

ретранслитерация, а простая подмена латинских букв через звучание их в третьем языке – в данном случае английском – русскими буквами.

Практическая транскрипция почти никогда не бывает точной. Чем-то приходится жертвовать – либо в пользу передачи графического облика корейского слова (попытка реконструкции корейского написания для знающих корейский язык), либо в пользу более или менее точной передачи звучания корейского слова (фонетический принцип).

На фоне наблюдаемого нами хаоса в области транскрипции корейских личных имен в последнее время в корееведческих кругах все чаще стали звучать голоса в поддержку их слитного написания. В пользу закрепления обозначившейся тенденции к слитному написанию корейских имен говорит тот факт, что такой способ их транскрипции имеет давнюю традицию. Корейские двусложные имена и фамилии, как в русской, так и в латинской транскрипции прошли путь сложной эволюции: от написания двух слогов через дефис, через раздельное написание с прописной буквы в два слога и, наконец, к слитному написанию в одно слово.

Объективным условием для слитного написания двусложных корейских имен является также их фонетическое и семантическое единство. Даже в китайском языке, где звучание каждого иероглифа можно передавать отдельным неизменяемым слогом, двусложные имена раньше писались через дефис, а с 1 декабря 1979 года решением Госсовета КНР пишутся слитно. Поскольку корейский язык агглютинативный, т. е. с тенденцией к присоединению компонентов слова друг к другу, было бы вполне естественно писать корейский именной комплекс в одно слово.

В странах с латинским письмом в основном преобладает практика написания двух слогов имени через дефис, т. е. указывается взаимосвязь этих компонентов, и реже – слитное. Иногда встречается также написание через дефис, где каждый слог дается с прописной буквы. В любом случае дефис является индикатором смысловой связанности, спаянности двух компонентов имени.

На основе системы транскрипции А. Р. Концевича составлены все географические карты Кореи на русском языке, в том числе и топографические. Она целиком воспроизведена в «Инструкции по передаче географических названий Кореи», составленной в Главном управлении геодезии и картографии при Совете министров СССР в 1972 году и сохраняющей свою обязательную силу для всех российских государственных органов до сих пор. Эта транскрипция применена в «Словаре

географических названий Кореи», выпущенном в издательстве «Наука» в 1973 году [Словарь географических названий Кореи 1973].

Однако произошедшие со времени принятия транскрипции А. А. Холодовича – Л. Р. Концевича изменения, как в самом корейском языке, так и в области российско-корейских отношений настоятельно требуют мобилизации усилий корееведческого сообщества в целях создания новой единой транскрипции корейского языка и приспособления ее к современным требованиям [Холодович 1954; Холодович 1958].

ЛИТЕРАТУРА

- Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. М. : ИЛИЯ. 1954. 320 с.
Холодович А. А. Корейско-русский словарь. М. : ГИИНС, 1958. 896 с.
Словарь географических названий Кореи / сост.: Г. Е. Тихонова, Я. А. Миропольский ; ред. Л. Р. Концевич ; Центральный научно-исслед. ин-т геодезии, аэросъемки и картографии Главного управления геодезии и картографии при Совете министров СССР. М. : Наука, 1973. 560 с.

М. В. Пупышева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
pupysheva.maria@gmail.com

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АНТИНОМИИ ИСПАНОФОНИИ

Ключевые слова: политическая семотика, испанофония, испанизация, лингвофония, внешняя политика Испании.

Key words: political semiotics, hispanophony, hispanidad, linguaphony, Spanish foreign policy.

Цивилизационный подход предполагает, что язык выступает в качестве одного из инструментов мировой политики, а также может стать причиной конфликта цивилизаций. Язык также рассматривается как составляющая лингвофонии или лингвистического, гуманитарного, политического, географического, социального и институционального пространства, которое включает в себя всех говорящих на конкретном языке,

а также различные институты, отстаивающие интересы этих стран и народов на международной арене [Ковалевская 2013: 4]. Испанофония является частью языковой и культурной политики государства, в рамках которой проводятся различные инициативы по распространению языка в целях усиления внешнеполитического влияния.

Испанский язык входит в клуб мировых языков; его широкое распространение обуславливает приоритеты развития внешней политики Испании: 18 стран Латинской Америки, где он является государственным, и США, где растет процент «чиканос» (мигрантов из Латинской Америки, в основном, Мексики).

Массовая миграция испаноязычного населения в США привела к тому, что в некоторых штатах (Аризона, Нью-Мексико, Калифорния, Техас) испанский де факто является государственным языком, используемым для официальных документов. Согласно прогнозам Института Сервантеса к 2060 году США станут второй после Мексики страной в мире по количеству испаноговорящих (119 млн, или 28,6 % населения), что приведет к тому, что испанский язык будет закреплен в качестве государственного на всей территории страны [El español: una lengua viva]. С другой стороны, лингвисты предупреждают о «модели третьего поколения», подчеркивая, что дети мигрантов получают образование исключительно на английском языке, воспринимая его как язык «академического успеха». Таким образом, внуки мигрантов в большинстве своем не владеют испанским языком.

С другой стороны, в Европейском союзе испанский язык воспринимается именно как «язык университетов»: в рамках программы «Эразмус» Испания занимает первое место по количеству приезжающих иностранных студентов, количество изучающих испанский язык студентов превысило два миллиона. Новая программа «Эразмус+», основанная на успешной европейской модели, призвана увеличить поток испаноязычных студентов из американского континента.

Другой проблемой закрепления в США испанского языка является путаница между понятиями «испаноязычный» и «испанский» (*hispano* – *español*), что не позволяет испанскому наукоемкому производству занять прочное место на североамериканском рынке.

Однокоренной термин «испанизация» (*Hispanidad*), введенный Королевской академией испанского языка для обозначения стратегии распространения испанского языка и культуры, также обладает негативной

коннотацией, т. к. воспринимается некоторыми латиноамериканскими республиками как символ превосходства Испании и потери самоидентичности. В связи с этим «День Испанизации», отмечающийся в день открытия Америки 12 октября, сменил свое название на «Национальный праздник» в Испании, «День встречи двух миров» в Аргентине, Чили и Перу, а Венесуэла отказалась отмечать день «начала резни», переименовав его в «День сопротивления коренных народов».

Другой проблемой латиноамериканского региона является распространение англофонии в Мексике и странах Центральной Америки, приведшее к появлению спанглиша. США активно борются за влияние в регионе, вкладывая большие бюджеты на распространение американского образа жизни: под воздействием испаноязычных подразделений североамериканских (CNN) и британских (BBC global) СМИ, а также международных корпораций в сфере развлечений в Латинской Америке прослеживается процесс упрощения языка и культуры.

Для борьбы с популяризацией американской картины мира часть бюджетных средств, выделенных Испанией на культурно-историческое наследие, отправляется на поддержку международных проектов в Латинской Америке (Испании принадлежит треть инвестиций в Ибероамериканское культурное пространство). Развиваются программы сотрудничества Ибермедиа (Ibermedia), Иберэссена (Iberescena) и Ибероамериканское телевидение (Televisión Iberoamericana). При поддержке Мадрида появляются неправительственные организации по продвижению испанского языка и ибероамериканской культуры, а также разрабатываются государственные инициативы по созданию единой внешней политики. Таким образом, индустрия культуры, помимо своего вклада в национальную экономику, превращается в инструмент геополитики.

Для борьбы с деградацией языка Королевская академия испанского языка отказывается от принципа «единообразия», подразумевающего превосходство «кастильского» над «региональными диалектами», приняв «общеиспанскую языковую политику» и включив вариации в качестве полноправных вариантов в «Орфографию испанского языка» и «Общеиспанский словарь трудностей языка». Ассоциация академий испанского языка, в состав которой входит и Североамериканская академия, борется за повышение качества литературных и журналистских текстов, гарантируя, что испанский язык, адаптируясь к нуждам говорящих на нем людей, не утратит свое единство.

Покровителем испанской академии исторически является действующий монарх, символ единства страны и гарант демократических свобод, а также представитель Испании в мире. Вследствие внутренних конфликтов в стране в последние годы роль короля как защитника единства нации была подвергнута острой критике со стороны СМИ, утверждавших, что Фелипе VI использовал влияние Короны для давления на крупные каталонские компании. Несмотря на это, а также на недавние обвинения в коррупции бывшего монарха Хуана Карлоса, две трети испанцев положительно оценивают образ короля и его действия как внутри, так и за границами страны [El 70% de los españoles]. Стоит отметить, что испанская корона также является важным союзником правительства Испании в укреплении отношений с Марокко и ОАЭ.

По мнению отечественных исследователей [Чернов 2016: 88], язык является отражением социально-политической ситуации внутри страны и ее взаимоотношений с другими международными акторами. Очевидно, что испанскому языку как части испанофонии предстоит преодолеть как внешние, так и внутренние трудности на пути раскрытия своего потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

Ковалевская Н. В. Лингвистическое измерение языковой политики: испанофония. Berlin: Golden Mile GmbH, 2013. 180 с.

El Español: una lengua viva 2017. URL : https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf

El 70% de los españoles ve al Rey como símbolo de la unidad de España [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larazon.es/espana/los-espanoles-respaldan-la-monarquia-tres-de-cada-cinco-la-prefieren-a-la-republica-AG21279786/>

Чернов И. В. Испаноязычная общность и латиноамериканские нации: лингво-политический анализ // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2016. № 4 (255). С. 87–95.

П. В. Шамаров

(Москва, Россия)

Академия военных наук

Московский государственный лингвистический университет

Военная академия Министерства обороны Российской Федерации

pvs291189@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АБЕРРАЦИИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова: международное сообщество, миротворчество, миротворческая операция, гуманитарная операция.

Key words: international community, peacekeeping, peacekeeping operation, humanitarian operation.

С начала 1990-х гг. в мире растет число вооруженных конфликтов, провоцирующих угрозы коллективной безопасности, что актуализирует потребность в реализации международным сообществом института миротворчества под эгидой ООН или других уполномоченных акторов.

Полагаем, что международную миротворческую деятельность (далее – ММД) следует рассматривать с точки зрения особого направления политической науки, неоднозначный понятийно-категориальный аппарат которого сложился в результате симбиоза двух составляющих: а) наднационального правотворчества в рамках ООН; б) соответствующей практики международных, региональных, коалиционных, национальных и других акторов-миротворцев. Все это обусловило отсутствие общепринятой терминологии ММД, единой трактовки ее сущности и содержания.

К примеру, в отечественном понимании ММД позиционируется в качестве действий государств по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, предпринимаемых СБ ООН, региональными органами (в рамках региональных соглашений, либо на основании двух- и многосторонних договоров) и не являющихся (согласно Уставу ООН) принудительными действиями [БЮС 2000: 335], а в англосаксонской интерпретации миротворчество (англ. «peacekeeping», «peacemaking») имеет упрощенную семантику – деятельность индивидов, групп или государств, примиряющих враждебные стороны [Collins Compact Dictionary 2006: 595].

Полагаем, что сущность ММД раскрыта ООН через ее цели – создание в конфликтных странах и регионах условий для установления прочного мира, под которыми понимаются обеспечение безопасности, политической поддержки и содействие постконфликтному миростроительству [Основные сведения 2015: 71].

Отсутствие универсального определения ММД позволило считать ее как методом и институтом, так средством и механизмом, вариативно трактуя ее содержание с позиций различных политико-правовых подходов. Последнее спровоцировало выстраивание практики миротворчества не на базе международных принципов и норм, а на основе частных подходов субъектов ММД, накопленных прецедентов и ограничений, регулирующих применение силы в рамках Устава ООН при нарушении мира и актах агрессии.

Вышеперечисленное обусловило, по нашему мнению, возникновение на международной сцене эффекта политической аберрации миротворческой семантики, заключающегося в случайном или преднамеренном искажении принципиальной сути миротворчества, что позволило некоторым акторам мировой политики подменить основное содержание этого понятия на «квазимиротворческие новации», зачастую противоречащие принципам и целям классической ММД ООН. При этом становление и упрочение такого феномена было обусловлено следующими основными факторами.

В первую очередь к ним относится общедекларативное содержание Устава ООН, неспособность этой Организации выработать и закрепить универсальное определение ММД, отсутствие ее общепризнанной доктрины, что позволяет свободно интерпретировать любые формы миротворчества без оглядки на Устав, положения которого толкуются не только расширительно и произвольно, но даже искаженно и превратно. Отсюда разрешение кризисов осуществляется ситуативно-казуально, а сами миротворческие операции (далее – МТО) используются в качестве испытательной базы для отработки любых (в том числе агрессивных) технологий кризисного урегулирования.

Во-вторых, расширение эффекта аберрации во многом спровоцировано распадом Советского Союза, приведшего к однополярному мироустройству и, как следствие, нарастанию тенденции попраания норм международного права и, в первую очередь, принципа государственного суверенитета и нерушимости границ. Следует учитывать и игнорирование

СССР полноценного участия в МТО ООН по политико-идеологическим соображениям, слабую заинтересованность советских ученых в исследовании проблем ММД, относительно короткий срок ММД современной России, диапазон подходов которой варьировался от «широкого сотрудничества с НАТО» (бывшая Югославия) до реализации собственных МТО (постсоветское пространство).

В-третьих, Генеральный секретарь ООН и аппарат его Секретариата способны интерпретировать миротворческий мандат по своему усмотрению и осуществлять независимую от СБ ООН миротворческую практику. При этом стратегическая инициатива в миростроительстве также принадлежит аппарату ООН, что позволяет реализовывать МТО на основе политизированной заинтересованности в формировании постконфликтного социума по западным стандартам, а не на базе беспристрастных принципов ООН.

В-четвертых, в административной практике ООН выделяются следующие негативные аспекты: назначение на значимые посты преимущественно приемлемых для Секретариата лиц; стремление западных стран к расширению «неписанных» полномочий аппарата и наращиванию своего представительства в руководящих звеньях ООН. Все это позволяет Западу трактовать цели ММД со своих геополитических позиций и лоббировать интересы НАТО. Например, подписанная в 2008 г. совместная Декларация о сотрудничестве ООН и НАТО наделила альянс правом поддержки региональных и субрегиональных организаций, т.е. фактически уравняла блок с ООН.

В-пятых, опыт ММД официально закрепляется в документах ООН и ее полевых миссий, которые разрабатываются кулуарно, но имеют статус «руководящих первоисточников» для любых МТО, миссий и партнерских организаций ООН. Диверсификация взглядов на содержание ММД обусловлена также вычленением в ходе МТО ряда расширенных полномочий и задач, которые не регламентированы Уставом ООН. К примеру, сегодня основной задачей миротворцев считается защита населения и реализация своего мандата всеми доступными средствами, включая вооруженное насилие.

В-шестых, эффект аберрации обусловлен расхождениями в подходах России и Запада в оценке сущности и содержания ММД; разновекторностью стабилизационно-аполитичного отечественного миротворчества и агрессивно-силового кризисного урегулирования Запада [Шамаров

2019]. Так, МТО США и НАТО зачастую организуются как чисто военные операции, не соблюдающие такие ключевые принципы ООН, как согласие сторон, беспристрастность, неприменение силы за исключением самообороны и защиты мандата.

В-седьмых, отклонение от принципов и норм миротворчества во многом спровоцировано подменой его гуманистического содержания псевдогуманитарной деятельностью, основанной на предельно извращенном Западом догмате «Realpolitic», отвергающем из практических соображений любые нормы морали. Считаем такой подход сродни нацистской идеологии и политики геноцида, что особенно важно подчеркнуть в год 75-летнего юбилея Победы СССР над гитлеровской Германией и ее европейскими союзниками. Ведь именно разгром фашизма предопределил историческое формирование из стран антигитлеровской коалиции всемирной структуры – ООН, заложил принципы послевоенного миропорядка, международного права и системы коллективной безопасности, о чем в Европе теперь не принято вспоминать.

Полагаем, что догмат «предельной выгоды» в наши дни трансформировался на Западе в «бартерный принцип», предусматривающий в ходе гуманитарных акций оказывать помощь мирному населению выборочно – в обмен на его лояльность и сотрудничество.

В-восьмых, многие нормы и правила ММД формируются в ООН именно под влиянием англосаксонской научной школы, которая ориентирована на жестко-силовую модель кризисного разрешения. Подобные взгляды не чужды и представителям романо-германского «отделения» западной науки (Франция, ФРГ, Швеция, Дания, Нидерланды и др.).

В-девятых, размыванию целей и содержания ММД способствует поддержка и позиционирование на мировой сцене США и их союзниками (Великобритания, Япония, Катар и др.) в качестве «голубей мира» ряда псевдогуманитарных структур. В их число входит и неправительственная организация «Белые каски» (англ. White Helmets) или так называемая общенациональная организация «Сирийская гражданская оборона», оперирующая на территории Сирии в районах дислокации бандформирований якобы для оказания медико-эвакуационной помощи населению. Ее активисты сотрудничают с международными террористами, фальсифицируют и документируют так называемые «доказательства» боевого применения против населения САР российских ВКС, распространяют в СМИ свои «разоблачительные видео», которые, по нашей оценке, имеют целью

«выдавливание» России с Ближнего Востока посредством дезинформационной кампании по очернению ее миротворческо-гуманитарных усилий в регионе.

В целом, трансатлантическое миротворчество агрессивно-силовым образом извне навязывает участникам конфликта любое (в том числе нелегитимное) политическое решение для удовлетворения стратегических потребностей ведущих западных стран, действующих якобы от имени международного сообщества на правах его правомочных институтов под предлогом защиты общечеловеческих ценностей.

В то же время полагаем, что общечеловеческие ценности могут интересовать **Россию** главным образом с точки зрения безусловной имплементации положений Устава ООН, норм международного права и соответствующей ее интересам прецедентной практики, а практическое миротворчество – целевого воздействия на международную сцену исходя из примата реализации за рубежом российских национальных приоритетов.

Таким образом, эффект политической аберрации миротворческой семантики обусловлен многоаспектностью подходов к формам, методам и средствам ММД со стороны ее ключевых субъектов, реализующих в ходе такой практики свои стратегические приоритеты. Однако граница между поддержанием мира и насильственным принуждением к нему должна, по нашему мнению, регламентироваться не национальными и блоковыми подходами, а общепризнанными международными нормами, что объективировано сохранением геополитической востребованности в мире на регулирование миротворчества именно классическими принципами ООН – легитимным мандатом и набором необходимых добровольных соглашений.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2000. 704 с.
- Основные сведения об Организации Объединенных Наций: справочник. Нью-Йорк : Департамент общественной информации ООН, 2015. 346 с.
- Шамаров П. В.* Миротворческая деятельность как элемент «мягкой силы» России // Представительная власть – XXI век. 2019. № 7–8 (174–175). С. 44– 49.
- Collins Dictionary & Thesaurus. Glasgow : Harper Collins Publishers, 2006. 977 p.

СЕКЦИЯ 2

История идей – история людей: практики академического дискурса в историографии наук

Е. В. Воронина, К. Ю. Смирнова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
ewg.voronina2014@yandex.ru, ks.sm2000@mail.ru

ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬТ О РОЛИ КРАСНОЙ АРМИИ В ПОБЕДЕ НАД СТРАНАМИ ГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Ключевые слова: архив Франклина Д. Рузвельта, историческая истина, помощь от антигитлеровской коалиции, решающая роль Красной армии, современная оценка.

Key words: the FDR library, the historical truth, military aid from the Allies Forces, the crucial role of the Red Army, modern assessment.

В отечественной исторической литературе недостаточно изучены некоторые зарубежные архивные источники, неоспоримо доказывающие тот факт, что СССР внес решающий вклад в разгром гитлеровской коалиции. Доступ к этим архивам был ограничен в период холодной войны и «железного занавеса», с тех пор к ним почти не обращались, отсутствует и перевод этих документов на русский язык.

По нашему мнению, одним из таких источников является архив Франклина Д. Рузвельта. В нем представлены не введенные в научный оборот документы, раскрывающие особенности советско-американских отношений военного периода, размышления американского президента о соотношении сил на военных фронтах и о роли Красной армии.

Среди другой зарубежной литературы был также рассмотрен ряд американских школьных и университетских учебников мировой истории, в частности «A History of the American People» [Johnson 1997: 519], «The good fight: How World War II was won» [Ambrose 2001: 72] и др. В этих источниках наиболее точно отражены тенденции значительной части современной «западной» историографии: не уделяется внимание важным контрнаступлениям и стратегическим действиям Красной Армии, вне рассмотрения остается ключевая роль СССР в победе над гитлеровской коалицией. Таким образом, у американских школьников и студентов формируется мнение о том, что победа в войне была достигнута усилиями США.

По нашему мнению, наиболее жестким оппонентом этой линии в историографии является участник Второй мировой войны (в силу своего положения отнюдь не заинтересованный в преуменьшении вклада США в победу над гитлеровской коалицией) американский президент Франклин Д. Рузвельт.

На основе исследованного нами эпистолярного материала этого политика можно сделать следующие выводы:

- 1) Рузвельт осознавал, с каким мощным врагом столкнулась Советская Армия. Он неоднократно убеждал Черчилля в необходимости оказания помощи СССР, указывал на приоритет поддержки Советского Союза [Significant Documents Collection, URL].
- 2) Рузвельт отдавал себе отчет в том, что именно СССР вносит неоценимый, решающий вклад в борьбу с всеобщим врагом [Significant Documents Collection, URL].
- 3) Несмотря на огромные потери Красной Армии и случавшиеся промахи, реальный очевидец тех событий Рузвельт открыто восхищался Красной армией, «...не давшей никакой возможности самому могущественному врагу достичь победы» [Significant Documents Collection, URL].

В приложении нами будут представлены ранее не переведенные на русский язык письма из архива Франклина Д. Рузвельта, подтверждающие представленные выше тезисы.

Таким образом, анализ эпистолярного наследия Франклина Д. Рузвельта наглядно показывает, что использование зарубежных первоисточников может стать существенной поддержкой в противостоянии ревизии оценок Второй Мировой войны, в установлении исторической истины.

ЛИТЕРАТУРА

Ambrose S. E. The good fight: How World War II was won. New York : Byron Press Visual Publications, 2001. 96 с.

Johnson P. A History of the American People. N.Y, 1997. 640 с.

Significant Documents Collection // Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/archives/collections/franklin/?p=collections/findingaid&id=510> (дата обращения 05.05.2020).

Н. Н. Германова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

nata-germanova@yandex.ru

МИФЫ ЯЗЫКОВОГО ЕДИНООБРАЗИЯ И ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ: ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Ключевые слова: языковой миф, дискурсивное конструирование идеологий, нормирование языка, языковое многообразие, академический дискурс, языковое планирование.

Key words: language myth, discourse construction of ideologies, standardization, language diversity, academic discourse, language planning.

Термин «миф» применительно к языку и его истории может употребляться в очень разных значениях. Мы будем пользоваться им в том значении, в котором о языковых мифах пишет Р. Уоттс в книге «Языковые мифы и история английского языка», подразумевая под мифом разделяемые обществом нарративы, пересказываемые в процессе конструирования систем идеологических представлений, в данном случае – представлений, связанных с языком [Watts 2011]. Воспринимаясь во многих случаях на веру, эти нарративы определяют взгляды на язык многих людей – как профессионалов, так и рядовых пользователей языка.

В своей книге Р. Уоттс описывает дискурсивное конструирование целого ряда мифов, сыгравших (а нередко и продолжающих играть) важную

роль в конструировании истории английского языка. Среди них – миф о непрерывном развитии английского языка, миф о крестовской природе среднеанглийского языка и ряд других устоявшихся в англистике представлений о природе и истории английского языка.

Такие лингвистические мифы формируются в процессе дискурсивной деятельности и отражают результаты познавательной деятельности, легитимированные определенными социальными группами, которые навязывают или, по крайней мере, пытаются их навязать всему научному сообществу, а иногда, в случае их общественной значимости, и всему обществу. По нашему мнению, это весьма перспективный взгляд на формирование практик академического дискурса, как в современности, так и в лингвистическом историческом аспекте.

Развивая мифологию лингвистических нарративов, начатую Р. Уотсом, можно отметить, что в истории английского языка – как в практике нормирования языка, так и в лингвистическом осмыслении истории языка – сталкиваются и борются между собой два мифа: миф языкового единообразия, на котором основана идеология стандартного языка [Milroy 1999], и противостоящий ему миф языкового многообразия, определяющий контуры современного языкового планирования и взгляды лингвистов на социальную природу языка.

Нормирование английского языка, составившее центр деятельности британских лингвистов XVIII века, основывалось на мифе языкового единообразия, который, в свою очередь, опирался на понятия правильности, чистоты, легитимности и другие представления, которые легли в основу нормализационных практик. Эти представления увязывались с идеологией национального государства (одно государство – одна нация – один язык) и привели к формированию мощной нормативной традиции, представленной большим числом нормативных грамматик, словарей, справочников, сочетающих в себе в различной степени теоретические и сугубо практические аспекты [Германова 2014]. Языковое многообразие воспринималось как препятствие для эффективной коммуникации. В трудах академической направленности миф единообразия лег в основу универсальных грамматик XVII–XVIII вв., подчеркивавших единые основания устройства языков мира.

С XIX в. миф языкового единообразия начинает подвергаться все более усиливающейся критике. В трудах Гердера, Гумбольдта, Штейнтала и других авторов эпохи предромантизма и романтизма подчеркивалась

не столько коммуникативная, сколько аккумулятивная функция языков, воплощавших и отчасти формировавших дух народа. В центре внимания оказались не универсальные, а национально-культурные особенности языков, в том числе языков примитивных народов, которые в прошлом назывались «варварскими».

В XX в. миф языкового многообразия завоевывает лидирующие позиции. Постмодернистский плюралистический взгляд на мир диктует интерес к сосуществованию разнообразных «языковых миров». Миф языкового многообразия оказывает существенное влияние на языковую политику Европы, в центре которой находятся проблемы поддержки и ревитализации миноритарных языков и сохранение языкового разнообразия планеты.

Миф языкового многообразия оказывает существенное влияние и на академический дискурс, особенно на социолингвистику и эколингвистику, хотя и с несколько различных позиций. Социолингвистика исходит, прежде всего, из требования соблюдения языковых прав человека и других соображений, связанных с демократическими ценностями современного общества. Эколингвистика проводит параллель между языковым многообразием и биологическим разнообразием ресурсов планеты, видя в «структурированном разнообразии» языков и биологических видов залог устойчивости экосистемы.

Но разрушение мифа языкового единообразия идет еще дальше: многообразие ищут в рамках самого языка. Социальные и территориальные диалекты начинают восприниматься как полноценные идиомы, обладающие культурной и социальной ценностью. Стандартный (т. е. нормированный) язык перестает считаться образцом – это не более чем один из вариантов языка, уместный лишь в определенных контекстах, причем не обязательно самый богатый и развитый. Наиболее радикальные сторонники такого подхода усматривают эссенциализм в самом представлении о существовании языков как целостных образований, имеющих территориальные границы: языки, по их мнению, существуют лишь в головах их носителей там, где находятся эти носители.

В результате в XXI в. смещаются границы между академическим и неакадемическим дискурсами. Так, орфоэпические словари британского английского языка (в том числе Cambridge English Pronouncing Dictionary, Oxford Dictionary of Pronunciation for Current English, Longman Pronunciation Dictionary) отказываются от оценочного подхода

общественно-речевой практики и ориентируются на научно-академический дискурс с его критериями объективности и дескриптивизма, в то время как справочники нормативного характера, хотя и востребованные широкой аудиторией, оказываются за пределами академического дискурса и противопоставляются ему как работы ненаучные, отражающие наивные взгляды непросвещенных в лингвистическом плане рядовых пользователей [Шляхова 2015].

ЛИТЕРАТУРА

Германова Н. Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М. : АЕЛАНД, 2014. 368 с.

Шляхова Е. С. Кодификация орфоэпической нормы английского языка в Великобритании в новоанглийский период: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 182 с.

Milroy J. Authority in Language. Investigating Standard English / J. Milroy, L. Milroy. 3rd ed. London–New York : Routledge, 1999. 173 p.

Watts R. J. Language Myths and the History of English. Oxford : OUP, 2011. 338 p.

А. Т. Каюмов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

atkayum@gmail.com

ИСТОРИЯ: ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ (социально-философский анализ)

Ключевые слова: глобализация, глокализация, диалектика, история, цивилизация, культура, международные организации, американизация.

Key words: globalization, glocalization, dialectics, history, civilization, culture, international organizations, americanization.

История – это череда событий, происходивших в определенное время, которые могли иметь или не иметь причинно-следственные связи,

быть случайными или необходимыми, обладать общими или единичными особенными чертами, а также другими характерными модусами бытия. На все протекавшие исторические процессы и события влияло огромное количество факторов, отсюда и столько способов и форм их проявления. Поэтому их исследование и анализ является делом не только профессиональных историков, но и практически представителей всех сфер научных знаний: от естественно-научных, технических, точных (математика), до социально-гуманитарных. Особое место среди них принадлежит философии как науке, претендующей на всеобъемлющее рациональное осмысление мира и бытия человека в нем. И субъектом, и объектом истории является человек, а его деятельность и результаты этой деятельности в разные исторические эпохи в совокупности составляют предмет истории. Объектом истории выступает человеческое общество в динамике его становления и развития. Философия как раз ориентирована на осмысление всей человеческой истории, пытаясь давать обоснованные ответы на очень сложные, глобальные вопросы, поставленные самой историей человечества.

С каждой последующей эпохой темпы и динамика развития человеческого общества убыстряются. Широкое использование человечеством достижений научно-технического прогресса вызвало довольно мощное расширение его сферы и масштабов деятельности. С целью изучения этих процессов в науке было введено и прочно утвердилось понятие «глобализация». По данной проблематике написано огромное количество научных трудов учеными из разных областей науки: экономистами, социологами, физиками, философами, лингвистами и др.

Отношение к глобализации и ее результатам отличается диаметрально противоположными позициями: есть ярые сторонники (например, российский философ А. Г. Дугин и др.) и противники, так называемые антиглобалисты (например, писатель Г. Маркес, режиссер О. Стоун и др.). Сам термин был введен в научный оборот сравнительно недавно – в 1983 году экономистом, профессором Гарварда Т. Левитт. Именно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. началась разработка теории глобализации [Петров 2018: 81]. Одним из крупнейших и ведущих теоретиков по проблемам глобализации был американский социолог И. Валлерстайн [Валлерстайн 2011]. В научной литературе термины «глобализация» и «глобализм» выступают как однозначные понятия. В современных исследованиях отмечается, что процессы глобализации теснейшим образом связаны и переплетены

с политикой «американизации» практически во всех сферах человеческой деятельности: экономике, политике (геополитике), культуре и т. д.

При детальном анализе глобализационных процессов, особенно проводя исторический экскурс, прослеживая исторические корни и трансформации этого явления, подводя философское обоснование, невольно задаешься вопросом: «А не является ли глобализация эволюционной формой исторического развития человечества? Может ли глобализация быть всего лишь доминирующей моделью развития, навязываемой одними цивилизациями, государствами другим? К каким социокультурным изменениям в результате она приведет наш мир?».

На наш взгляд, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что эти противоположности полностью отвечают диалектическим требованиям, т. е., во-первых, глобализация не существует одна без глокализации (например, как не бывает истины без заблуждения, добра без зла), и, во-вторых, именно их противоречивое взаимодействие является источником развития, согласно универсальным основным законам диалектики, одна рождает другую. В этом суть диалектического противоречивого единства глобализации и глокализации как двух противоположных сторон одного единого процесса исторического развития человечества.

Таким образом, именно обращение к истории, к историческим примерам (даже современным) позволяет сделать нам такое заключение. С начала появления на исторической арене человеческое сообщество стремилось к объединению. Так возникали огромные империи, великие глобализации, но в ходе исторического прогресса они приходили в упадок и распадались на мелкие царства, княжества и т. п. (так было в Античности, в Средневековье и т. д.).

На современном этапе мы являемся свидетелями того, что институты, которые создавались и оплачивались в глобализационный период (ООН, ЕАЭС, ЕС, БРИКС, ВОЗ и мн. др.), не эффективны, не работают и оказываются вне игры. Пандемия коронавируса COVID-19 здесь сыграла важную роль и имела юольшое влияние. В сложившихся условиях практически все страны усматривают свое спасение в том, чтобы разбиться на классические национальные государства, хотя этот процесс в мире начался уже несколько лет назад (например, в Испании, Великобритании). Следует отметить, что процесс выхода из некоторых международных организаций инициировали сами США, выйдя из ЮНЕСКО, объявив о выходе

из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Той глобализации, которая была раньше, исходящей и навязываемой из одной цивилизации, культуры (американской или североатлантической) уже не будет. Страны будут генерировать новые идеи, могут возникнуть новые объединения и новые блоки, иными словами, будет строиться новая глобализация через разрушение прежней, т. е. через глокализацию.

ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн И. Мир-система Модерна : в 4 т. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.

Петров П. А. Концепции глобализации в социальной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. Т. 9. С. 80–89.

В. М. Костева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
vmkosteva@gmail.com

ЖЕНЩИНЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: лингвистическая историография, нарративный метод, дискурс, дискурсивные практики, академическая карьера.

Key words: lingvo historiography, narrative method, discourse, discursive practices, academic career.

В любую историческую эпоху наукой занимались не только мужчины, но и женщины. Мы можем найти достаточное количество подтверждений этому факту, отметив лишь то, что языкознание стало объектом научных интересов женщин, пожалуй, позже остальных наук.

В этой связи мы можем упомянуть, например, российские филологические журналы конца XIX, начала XX века, в том числе «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1834–1917), «Филологические записки» (Воронеж, 1860–1917), «Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук» (СПб., 1867–1928), где все статьи по филологии написаны мужчинами.

В современной лингвисториографии, в том числе российской, тема женщины в лингвистике представлена довольно фрагментарно. Так, в хрестоматии «Отечественные лингвисты XX века», изданной в 2016 г., среди 55 аналитико-информационных статей о научном наследии выдающихся отечественных ученых в области языкознания всего 5 статей посвящены женщинам – языковедам, среди них М. М. Гухман, Э. Г. Ризель, Н. Н. Семеник, В. Н. Телия, В. Н. Ярцева [Отечественные лингвисты XX века 2016].

Попытки получить информацию о женщинах-лингвистах в других странах с помощью интернет-источников приводят к получению ряда списков женщин-лингвистов, сопровождающихся краткой биографической и научной справкой. Часто они весьма поверхностны и не отражают в полной мере заслуги той или иной женщины-лингвиста. Кроме того, не всегда ясны критерии отбора того или иного ученого для включения в список.

Безусловно, существуют обзорные статьи, посвященные отдельным женщинам-ученым. Упомянем, например, статью В. М. Алпатова «Р. О. Шор» [Алпатов 2009]. Информацию о научном становлении женщин-языковедов часто предоставляют сборники, выпускаемые к юбилейной дате, например, «Агния Васильевна Десницкая: биобиблиографический очерк» [Агния Васильевна Десницкая: биобиблиографический очерк 2002]. Но в большинстве случаев данные работы ограничиваются предоставлением официальных данных и не раскрывают личность женщины в процессе развития ее академической карьеры. Нам кажется интересным изучить пути становления женщин-лингвистов, дискурсивные практики (в трактовке М. Фуко), характеризующие их вступление в науку и академические практики, используемые ими в научной деятельности.

Примером такого описания может послужить работа Г. Зимона о диалектологе времен национал-социалистической Германии А. Бретшнайдер [Simon 1984].

Наиболее адекватным способом изучения представляется нарративный метод в лингвисториографии, использующий различные источники информации, в том числе научные труды в последовательности их написания; мемуары, воспоминания и другие свидетельства той или иной исторической эпохи.

XX век – эпоха больших потрясений, революций, двух мировых войн, период становления и распада тоталитарных государств, а также время научно-технического прогресса и расцвета науки. В этой связи считаем важным определить дискурсивные практики академического и научного

дискурсов, которые использовали в своей научной деятельности женщины, занимающиеся лингвистикой, находясь в различных условиях общественно-политической и социальной жизни.

Занимаясь языкознанием на протяжении нескольких сотен лет, мужчины-филологи создали ряд традиций проведения научных споров, дискуссий; в это же время сложились определенные академические практики. Научная работа для женщин была сопряжена с определенным вызовом, особенно в тех случаях, когда им приходилось отстаивать свои часто инновационные решения тех или иных лингвистических задач, аргументировать и выступать в оппозиции, что требовало определенной научной смелости и широкого научного кругозора.

Нам представляется также интересным определить круг научных занятий женщин-лингвистов, сопоставив их с общественно-политическим устройством той или иной страны, с одной стороны, и с другой – с основными направлениями развития гуманитарной мысли в целом, выявив, таким образом, имманентные законы лингвистики.

Исследования в предполагаемом ключе будут способствовать также развитию актуального направления языкознания – лингвоперсонологии, а также внесут определенный вклад в общую теорию языка.

ЛИТЕРАТУРА

«Агния Васильевна Десницкая: биобиблиографический очерк» / ИЛИ РАН, СПФ АРАН ; составление библиографии и вступит. статья А. В. Жугры ; описание архивных материалов: А. Н. Анфертьева, И. А. Магин ; отв. ред. академик Н. Н. Казанский. СПб. : Наука, 2002. 160 с.

Алматов В. М. Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 114–131.

Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 808 с.

Simon G. Blut- und Boden-Dialektologie. Eine N S-Linguistin zwischen Wissenschaft und Politik. Anneliese Bretschneider und das «Brandenburg-Berlinische Wörterbuch»: Tübingen, 1984. URL: <https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/46847> (дата обращения 04.03.2020).

В. Н. Косторниченко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

kostornichenko@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНА «ФРОНТИР»¹

Ключевые слова: фронтир, история колонизации, Фредерик Тернер, американская демократия.

Key words: frontier, history of colonization, Frederick Turner, American democracy.

Фронтир – это многогранный, эмоционально заряженный и спорный термин, появившийся в американском социально-политическом дискурсе в конце XIX века.

В переписи населения США от 1891 года он определялся как граница так называемых «белых» поселений, пролегавшая с севера на юг. Линия фронта, появившаяся на картах переписи в ходе колонизации на Запад, отделяла обжитую часть страны от малонаселенной зоны, где на одну квадратную милю проживало менее 2 человек.

В 1891 году авторы переписи объявили фронтир «закрытым», поскольку «белые» поселения продвинулись так далеко на континент, что пограничной линии больше не существовало. Таким образом, американская статистика фактически фиксировала, что процесс экспансии на Запад был завершен (перепись населения США 1891 года).

На этот факт обратил внимание ученый из Висконсинского университета Фредерик Тернер, построивший на анализе расширения фронта свою концепцию Американской истории. В 1893 году он выступил с докладом на собрании Американской исторической ассоциации в Чикаго в ходе Всемирной выставки. В своем выступлении он представил американское прошлое как историю освоения Западных земель, показав фронтир как зону освоения новых территорий, область (полосу) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации. По его мнению, фронтир разрушал привозные обычаи, привычки и представления о формах социальной организации переселенцев из Европы. «Дикая природа

¹ Материал подготовлен в рамках гранта РФФИ (20-09-00340 А).

подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, мыслительным привычкам <...>. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает его в охотничью рубашку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом <...>. Короче говоря, вся обстановка фронта оказывает на первых порах невероятно сильное воздействие на колониста» [Тернер 2009: 15].

Для Ф. Тернера фронт был своего рода плавильным котлом, превращающим иммигрантов с различными этническими и культурными корнями в американцев. «В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавались в смешанную расу» [Тернер 2009: 29]. По мнению Ф. Тернера, самым важным было социальное и политическое воздействие фронта. При столкновении с американской дикой природой теряли свое значение социальные различия, всем приходилось справляться с одними и теми же опасностями, решать одни и те же задачи. Возникшее равенство стало результатом преобразующего влияния фронта. Переселенцы взяли за основу создаваемой общины эгалитарные и демократические принципы, отказавшись от знакомых им европейских моделей социальной организации. «Американскую демократию ... не привезли в Виргинию на борту судна «Сьюэн Констант» или в Плимут на «Мейфлауре». Она вышла из американского леса и набиралась новых сил каждый раз, когда соприкасалась с новым фронтиром» [Тернер 2009: 250].

Выводы Ф. Тернера имели широкий общественный резонанс, оказали значительное влияние на изучение истории американского континента. Тезисы ученого попали на страницы большинства учебников по американской истории, появилось огромное количество сторонников и критиков Тернера как в США, так и в других странах. И хотя большинство тезисов Ф. Тернера в настоящий момент подвергается критике, тем не менее, в эпоху современных миграционных процессов актуальность сохраняет междисциплинарный социокультурный подход ученого, показывающий многообразное влияние фактора фронта на политическое и антропологическое развитие приграничных государств и регионов.

В отечественной американистике термин «фронт» появился в середине XX века, значительно позднее чем в западной науке. Так, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. появились первые работы известных историков А. В. Ефимова [Ефимов 1958: 135] и Н. Н. Болховитинова [Болховитинов 1962: 62], привлечшие внимание к теории Ф. Тернера. Однако

по-настоящему популярным термин «фронтир» стал в среде отечественных ученых только в конце 1980–1990-х гг. Именно тогда в стране появилось значительное количество работ, использовавших теорию фронта в качестве своего рода универсального инструмента исследования применительно к истории стран, имеющих колониционный опыт (Римская империя, Россия и др.). В российской историографии появились работы, изучающие тематику нижеволжского, сибирского, дальневосточного и др. «фронтиров». Появилась и работа Е. В. Алексеевой [Алексеева 1998: 21–24], рассматривающая тематику фронта в отношении Русской Америки.

В целом, можно сказать, что появление в последнее десятилетие все большего количества исследований по фронтиру говорит о том, что это направление укоренилось в современной российской историографии. Главная причина популярности состоит в том, что теория фронта носит многоаспектный междисциплинарный характер, дает возможность выявить значительное количество малоизученных тем в исследовании колониционной истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург : УРО РАН, 1998. 245 с.

Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57–74.

Ефимов А. В. Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера // Вопросы философии. 1958. № 5. С. 135–138.

Тернер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

А. Н. Лоцилин, Е. А. Тихомирова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

anl888@mail.ru, t_ea@list.ru

КРЕАТИВНОСТЬ И ИЗМЕНЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: творчество, креативность, субъект творчества, творческая деятельность, измененное состояние сознания, продуктивная деятельность, инновации.

Key words: creativity, creative subject, creative activity, altered state of consciousness, productive activity, innovation.

Для характеристики творческой деятельности придумано и существует большое терминологическое разнообразие. Это креативность, инновационная деятельность, продуктивная деятельность, творчество, дурная креативность. Хотя проблеме терминологической определенности уделяется большое внимание в последние десятилетия, до сих пор нет единства в понимании значения и соотношения этих понятий. Нас в данном случае интересует соотношение творчества и креативности как реальных феноменов, и проблема конкретизации понятий, которые их обозначают.

Под творчеством понимается процесс созидания нового или принципиально нового. Это определение стало классическим и до сих пор более точного и четкого не придумано. Хотя многие исследователи творчества неоднократно отмечали, что в этом определении не учитывается субъект творчества, и основное внимание уделяется создаваемому продукту, который отличается новизной. Не вдаваясь в подробности дискуссий по поводу денотата понятия «творчество», остановимся на констатации того, что творческая деятельность является реализацией креативности.

Креативность – это творческий процесс, как особое состояние субъекта творчества, которое является субъективной основой творческой деятельности. Хотя до сих пор понятия «творчество» и «креативность» отождествляются многими исследователями творчества. На необходимость разграничения этих понятий в 80-е гг. прошлого века неоднократно обращал внимание замечательный исследователь творчества Н. А. Венгеренко в своих выступлениях на конференциях, посвященных проблемам творчества. Сама по себе креативность является творчеством в возможности, которая может реализоваться в творческой, продуктивной деятельности, но может и не реализоваться. Для реализации креативности в творчестве необходимо еще и умение творить.

Креативность основана на измененном состоянии сознания. На это постоянно обращал внимание В. А. Райков. Занимаясь исследованием роли гипноза в творчестве, он выявил, что под действием гипноза происходит улучшение памяти, активизируются способности в различных видах деятельности. В. А. Райков обучал музыке, живописи и делал это весьма успешно. В Москве с большим успехом прошли выставки работ художников, которые были его учениками. Вне всякого сомнения, гипноз является

сильным средством изменения сознания, которое может стать креативным [Каюмов, Лощинин, Тихомирова 2019]. Но что еще ведет к изменению сознания?

Меняет сознание алкогольное и наркотическое опьянение. Но насколько оно может приводить к достижению креативности? Что-то не заметно, чтобы алкоголики становились творцами. Скорее, деградировали. Хотя некоторые творческие люди отмечали стимулирующее влияние подобного изменения состояния сознания. Даже М. В. Ломоносов считал благотворным влиянием вина на умы возвышенные.

К подобному изменению состояния сознания можно отнести эффект жрицы храма Аполлона в Дельфах, известный как дельфийский оракул. Относительно недавно стало известно, что в комнату со жрицей проникал газ из недр скалы. Жрица входила в транс под действием этого газа и начинала что-то бормотать. Жрецы затем толковали это бормотание как откровение. После землетрясения поступление газа прекратилось, и эффект пропал.

Следует отметить изменение состояния сознания во время медитаций в практиках буддистов и шаманов. Если буддисты во время медитаций концентрируют свое внимание на внутреннем состоянии человека, то шаманы стремятся войти в транс в результате активных ритуальных действий. Отмечается, что подобное изменение состояния сознания приводит к ясности мышления. Вполне можно допустить, что подобное возможно, но насколько это ведет к достижению креативности?

Существует и темпоральное изменение состояния сознания. Меняется восприятие времени с возрастом, о чем писал А. Шопенгауэр в своей работе «Афоризмы житейской мудрости». Меняется восприятие времени при переходе от повседневности к путешествиям. Наиболее интересны темпоральные изменения сознания в чрезвычайных ситуациях. Подобное изменение наблюдалось у летчиков-испытателей. Время как бы останавливалось, и за считанные секунды удавалось проанализировать ситуацию и принять правильное решение. Хотя при этом реальное физическое время не менялось и не могло меняться [Лощинин, Тихомирова 2018].

В заключение следует еще раз отметить, что креативность еще не творчество, а субъективная основа творчества, творченность, творчество в возможности. В действительности креативность реализуется в творческой продуктивной деятельности. Креативность можно рассматривать как измененное состояние сознания. Но не всякое измененное состояние сознания ведет к творчеству.

ЛИТЕРАТУРА

Каюмов А. Т., Лоцилин А. Н., Тихомирова Е. А. Методологические основания педагогики творчества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 3 (832). С. 94–103.

Лоцилин А. Н., Тихомирова Е. А. Метафизика темпоральности и креативности бытия / Метафизика темпоральности, креативности и творчества. М. : Перо, 2018. С. 20–44.

А. В. Маслова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
an_maslova@inbox.ru

НЕДОСТУПНЫЙ ЯЗЫК ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: время, язык, априори, способ мышления, плюрализм.

Key words: time, language, a priori, way of thinking, pluralism.

Доклад посвящен критике понимания времени как априорной формы восприятия мира. Опираясь на антропологические и лингвистические исследования, обнаруживается проблема определения инварианта времени, он размывается и даже ускользает от фиксированного понятия. Предлагается модель плюралистичного времени, в которой сознание находится лишь в суперпозиции.

Время является одним из фундаментальных понятий онтологии, определение которому дать непросто, иногда невозможно. Подобно критериям свободы, время как феномен ускользает от понятийного остолбенения, не попадая в капкан рации. По этой причине проблематика доклада имеет полемический характер расширенного междисциплинарного дискурса между философией, психологией, лингвистикой и физикой. Проблемные поля данных дисциплин смыкаются в точке определения времени, поскольку оно не только полисемантично, но и психологично в своей основе, а значит, тесно связано с эпистемологией. Способ, благодаря которому мы можем «ухватить» время, находится в области внерационального, чувственного восприятия действительности и самого себя.

И. Кант поместил время в область чувственности, ответственной за внутреннее восприятие, наделив его свойством априорности [Кант 1994: 70].

Следовательно, время присуще каждому человеку, независимо от способа мышления и «языковой картины мира», в которой он сформировался. Мы не будем обрушиваться с критикой на немецкого мыслителя, но лишь укажем на возможные проблемы, с которыми может столкнуться современная эпистемология, если признать время априорной формой чувственности.

На протяжении всего развития западноевропейской цивилизации менялись способы существования и способы мышления, более того, параллельно с ней были другие культуры и цивилизации. В каждом из способов существования свои представления о пространстве и времени, а значит, и о мире в целом. Но трансцендентальный уровень философского анализа предполагает абстрагирование от контекстуальных уточнений и полутон, описывая лишь то, что осталось за пределами эпох.

Однако мы не можем ничего сказать о времени как таковом. Как только мы пытаемся это сделать – сразу же попадаем в сети нашего языка и того словаря, который уже как бы встроен в наш когнитивный аппарат. Мир, который мы воспринимаем непосредственно, преломлен внутренней мембраной сознания, которая является следствием взаимодействия заложенного природой механизма познания (адаптации) и наложенной на него логики мышления, логики языка.

Мы можем что-либо сказать лишь о языковом времени, т. к. находимся в ловушке речевого акта, ограничивающего наше восприятие всей полноты феномена времени. При условии, что мы признаем его в качестве существующего.

Поэтому невозможно доказать тот факт, что существует априорная интуиция времени, она, безусловно, появляется и применяется настолько бессознательно, что считается априорной. Однако это апостериорная способность приобщения к культуре через освоение логики языка.

Сегодня время стало четвертым измерением наряду с пространством. Плюралистичность времени состоит в том, что каждый раз, когда мы судим о времени, мы находимся в одной из суперпозиций возможных логических миров. И ту суперпозицию, которая является для нас наиболее естественной, мы принимаем как должную. Ошибка возводить свое ограниченное видение времени в статус априорной способности. Это всего лишь следствие репликации очередной языковой логической модели, организовывающей наше сознание.

Проблема состоит в том, чтобы выйти за пределы подобной логики и увидеть феномен времени во всем многообразии. Это пытаются сделать

в лаборатории квантовой физики, ломая привычные стереотипы времени. Тем не менее для человека, мыслящего в духе анимизма и холизма, будущее присутствует здесь и сейчас в его матрице.

ЛИТЕРАТУРА

Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 3. 741 с.

А. Ю. Недель

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
arkady.nedel@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ВЫЗОВЫ, ЦЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: компаративизм, индийская философия, гомотопический подход, монотеизм, эпохэ, веды.

Key words: comparativism, Indian philosophy, homotopic approach, monotheism, epoche, Vedas.

Классический компаративизм, как и индология (Б. Хайманн, П. Хакер, К. Поттер, П. Раджу и многие др.), склонен рассматривать индийскую философию и ее европейские параллели в строго историческом ключе. Что означает установление линейной перспективы, в которой мы привыкли мыслить европейскую философию, когда история оказывается доминантным признаком мыслительного процесса.

Мы рассмотрим иную возможность компаративистского подхода, где история не является доминантой. Этот подход мы назовем гомотопическим; в отличие от исторического, он предлагает не линейное, а параллельное рассмотрение конкретных тем философии. Применяя гомотопический метод, мы забываем об историческом / эмпирическом времени и мыслим исключительно в ментальном или специфически философском времени, в котором все разделения на «исторические эпохи» выносятся за скобки.

История и хронология определяют наше европейское сознание, они сами задают возможности его работы. Когда мы пытаемся что-то

выяснить, чему-то найти его место, скажем, какому-то тексту, то в первую очередь это место мы ищем во времени (как бы странно это ни звучало). Для нас текст должен иметь дату рождения, как и мы сами, чем точнее эта дата, тем лучше – тем увереннее мы чувствуем себя с этим текстом. Такое помещение текста во время, когда мы выдаем ему «свидетельство о рождении», важно для европейского сознания даже не столько ради самого текста, спасенного от забвения или сиротства, сколько для сохранения системы нашего восприятия. В этом смысле Кант описал не только условия познания, но и сохранения познанного. Связана ли эта историчность с монотеизмом (точнее, с эсхатологизмом, как считали М. Элиаде, А. Корбен и др.), или у нее есть все же более глубокие основания, например в нашем восприятии смерти, восходящем к временам значительно более давним, чем возникновение идеи единого Бога (даже если ее отсчитывать не от авторов ветхозаветных книг, а от реформы Эхнатона), – этот вопрос сложен и интересен, он заслуживает отдельного рассмотрения (вы наверняка заметили, насколько эти рассуждения соотнесены с линейным временем).

В отличие от нас индийские авторы не мыслили историей, еще меньше их интересовала хронология: к точности дат и обозначаемых ими событий они относились приблизительно так, как мы к шрифту читаемых нами книг. Едва ли кто-то из нас захочет выяснить, каким шрифтом набран роман, который он сейчас читает. В этом смысле у индийских авторов много общего со сказителями исландских саг (*fróðgr*) – слово, которое обозначает то же, что ведийское риши (*ṛṣi*); как и веды, сага – не история, а то, что рассказывает мудрец, сказитель (например, Ари Торгильссон, Снорри Стурлуссон), при этом мы не знаем и не должны знать личности самого сказителя – *fróðgr*'а или *ṛṣi*, – чтобы его присутствие (как в квантовой теории Н. Бора) не могло повлиять на объективность рассказа. Внеисторическое мышление устанавливает истину не по отношению к чему-то, что «было» и «есть», а истину абсолютную, для рассказчика и слушателя. Так, когда в «Саге об Инглингах» (первая часть «Хеймскринглы») легендарные конунги описываются как прямые потомки асов (языческих богов), а в «Бхагават-гите» (2: 33) передается разговор Арджуны с Кришной о священном долге воина (*atha cet tvam imam dharmam*), и Кришна предупреждает Арджуну о бесчестии (*akīrti*), у слушателей не возникает вопрос, насколько эти описания соответствуют истории. Поэтому можно было сказать так: существует история Индии, но у Индии нет истории.

В Идеях 1 (1913), где феноменологическая теория сознания получает максимальное развитие, Гуссерль вводит сотериологический элемент, отчего вся концепция трансцендентального идеализма выходит за рамки «стандартной эпистемологической модели», намеченной Кантом, т. е. с априорным разделением на субъект и объект познания. Задача, поставленная Гуссерлем, состоит отнюдь не в том, чтобы определить границы субъективного знания, но их преодолеть. Что в первую очередь означает преодоление эмпирическим субъектом самого себя и выход в то, что Гуссерль называет имманентной трансцендентностью, где разделение на субъект и объект становится нерелевантным. Сотериология в данном случае заключается в том, что субъект создает такое свое-иное сознание или, в буддистском понимании, входит в поток такого сознания, где он не мыслит – не может мыслить – себя в качестве субъекта, которому противостоит объект. Он становится тем, что он мыслит, и это становление ничем не ограничено. Как это происходит феноменологически, можно рассмотреть при анализе нескольких ключевых параграфов Идеи 1.

Цель буддийской установки на чистое сознание / только-сознание – *vijñapti-mātratā*, или *cittamātra*; *кит.* 唯識宗 (*wéishí zōng*), – получившая особое выражение в школе Йогачары, состоит в приведении индивида к архатству, то есть к такому состоянию, когда он более не осознает – не может осознать – себя в качестве такового. При этом термин «сам / себя» (*ātman*, *кит.* 自我 *zìwǒ*) может иметь исключительно метаописательное значение, то есть внутри рассматриваемой теории сознания он не является эпистемологически значимым. В этой связи возникает интересная проблема соотношения языка и предмета описания в буддийской философии (на ней мы вкратце остановимся). Похожая ситуация складывается вокруг эмпирического субъекта в феноменологии, который в определенный момент сознания становится эпистемологически нерелевантным по отношению к сознанию, достигнутому путем эпохэ. Одна из базовых характеристик буддийского архата, касающаяся во многом и трансцендентального субъекта, – осознание непривязанности к миру, овладение истинным знанием (*paramārtha-dharma*), соответствующее феноменологической «сущностной интуиции» (*Wesenanschauung*). Как и архат, трансцендентальный субъект оказывается спасенным от мира / самсары, и это спасение выражено в сверхзнании я / атмана, а именно: идея я (*пал.* *sakkāya-ditṭhi*) – *cogito ergo sum* (Декарт) – есть результат сознания, зависимого от мира. Эту зависимость необходимо прекратить (путем эпохэ, через осознание иллюзорной природы я), чтобы достичь подлинного сознания.

А. С. Новикова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
alenuchka.noff90@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ДИСКУРСА КИНОКРИТИКИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, теория дискурса, ключевое событие, кинематографический дискурс Веймарской республики, историческая дискурсология.

Key words: discourse, discourse analysis, discourse theory, key event, cinematographic discourse of the Weimar Republic, historical discourse studies.

Искусство кино всегда играло важную социальную роль. С распространением кино в Веймарской республике появились теория и критика кино, что позволяет говорить о выделении дискурса кинокритики. Дискурс кинокритики отражает многообразие мнений об искусстве кино Веймарской республики. Закреплённые в языке теории и критики кино смыслы и образы являются важнейшим фактором установления тенденций эволюции дискурса кинокритики [Ильинова, Кочетова 2017].

Объектом исследования служит дискурс кинокритики Веймарской республики.

Предметом исследования являются ключевые лингвокультурные константы, исторически вариативные языковые средства репрезентации дискурса кинокритики Веймарской республики – от зарождения кино в Веймарской республике в 1919 г. до 1933 г. Лингвокультурные константы позволяют объективно представить события в немецком кинематографе, выявить особенности текстовой культуры и дискурсивные практики различных профессиональных групп в искусстве кино Веймарской республики.

Анализ дискурса кинокритики, опосредованный средствами языка, позволяет объективно оценить дискурсивные практики и выявить особенности текстовой культуры в области теории и критики кино Веймарской республики в развитии. Тема данного доклада обусловлена развитием нового направления в когнитивно-дискурсивных исследованиях – исторической дискурсологии [Кочетова 2013]. Историческая дискурсология исследует

тексты прошлых эпох с целью установления тенденций эволюции частных дискурсов, в нашем случае – дискурса кинокритики [Кочетова 2012]. Выбор темы обусловлен не в последнюю очередь ключевым событием 2019 г. в общественной жизни Германии – 100-летием Веймарской республики, столетием современного немецкого кинематографа и зарождением критики и теории кино. В докладе представлены результаты исследования ключевого события в киноискусстве 1930–1931 гг. – фильма «Голубой ангел». На примере одного из фрагментов картины будут показаны как ключевые константы немецкого языка и культуры этого периода, так и особенности текстовой культуры и дискурсивных практик различных профессиональных групп в искусстве кино Веймарской республики.

ЛИТЕРАТУРА

Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. 404 с.

Кочетова Л. А. Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 5 (638). Ч. 1. С. 216–224.

Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, No 2. С. 47–57.

П. Б. Паршин

(Москва, Россия)

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ
Московский государственный лингвистический университет
pparshin@mail.ru

КАНОНЫ, СОБЛАЗНЫ И ПРИТЯЗАНИЯ: ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, интердисциплинарность, репрезентации, отраслевые лингвистики, маркетинг в науке.

Key words: cognitive linguistics, interdisciplinarity, representations, branch linguistics, marketing in science.

0. В докладе затрагиваются вопросы о положении дел с междисциплинарными связями науки о языке, о разнообразии их форм и о спорах о том, где эти связи можно усматривать и как к ним следует относиться.

Существенным стимулом к представлению данных тезисов послужила дискуссия на Круглом столе «Лингвистика и “нелингвистика”» в ИРЯ им. А. С. Пушкина 07.11.2019 (возможно, он станет «мини-приквелом» конференции «Наука без границ»). Автор в круглом столе не участвовал, но, ознакомившись с его видеозаписью (https://www.youtube.com/watch?v=RA5_buHOKU), счел уместным поделиться следующими соображениями.

1. На протяжении полувека знакомства с литературой «про науку» (публицистической, а в случае лингвистики – и собственно научной) автору часто приходилось сталкиваться с суждениями о том, что стирание границ между науками и их синтез представляют собой магистральное направление развития современного научного познания. Утверждалось (и утверждается), что самые значительные открытия в настоящее время совершаются на стыке наук. И вот – объявлен сбор тезисов на (очередную) конференцию по междисциплинарности в науке. Что это: попытка консолидации наличных ресурсов и перестроения их в более эффективные порядки для решения сохраняющих актуальность задач, или площадка для обсуждения новообретенных возможностей?

2. Не претендуя на обсуждение всего комплекса проблем, связанных с дисциплинарной структурой науки и ее эффективностью, автор намерен кратко обсудить некоторые вопросы междисциплинарности сугубо применительно к лингвистике – к отношению между ее далеко разошедшимися разделами, работающие в которых исследователи иногда ощущают себя представителями разных наук; и к ее связям с внелингвистическими дисциплинами (корреляцию между внутренней структурой лингвистики и ее внешними связями исследовали, в частности, Р. Якобсон и М.А.К. Хэллидей). Из всего разнообразия таких отношений в докладе будут затронуты самые, по мнению автора, часто дискутируемые и окруженные множеством суждений, с которыми он не хотел бы соглашаться – хотя и не претендует в этом несогласии на гордое одиночество.

3.1. О моделях, редукционизме, семиотике и искусственном интеллекте. Почти все участники Круглого стола 07.11.2020, рассуждая о междисциплинарных связях лингвистики, игнорировали то обстоятельство, что она является наукой редукционистской – и не только в гносеологическом (это свойство любой науки как развивающейся и поэтому

принципиально неполной «в моменте» системы знания), но и в онтологическом отношении (как известно, ее основной объект, язык, недоступен для непосредственного наблюдения и поэтому изучается методом моделирования на основе изучения речевых произведений и речевой деятельности, таковому наблюдению доступных).

3.1.1. Модели могут быть разнообразными, но сущность их остается неизменной – это репрезентации, заменяющие собой в процессе познания недоступный объект и упрощающие его (т.е. являющиеся гомоморфными отображениями – последнее относится и к моделям онтологически доступных объектов). Упрощение (редукция) – это сознательный (на чем настаивал Р. Якобсон) отказ от рассмотрения каких-то аспектов объекта. Редукционизм позволяет продвинуться вперед, но сопряжен с отказом от рассмотрения того, что, в глазах многих исследователей является самым важным и интересным (так традиционно обстояло дело с лингвистической семантикой, выносимой за скобки не только дескриптивистами). Цена включения «самого интересного» в число объектов науки вообще и лингвистики особенно – это в лучшем случае снижение актуальной точности, а в худшем – дефицит метода: ср. два великих метода – сравнительно-исторический и дистрибутивный – и фактическое отсутствие метода у В. фон Гумбольдта, а также признание А. А. Зализняка (возможно, последнего великого дескриптивиста) в том, что он принципиально занимался только тем, что можно увидеть, показать и доказать.

3.1.2. Между тем, репрезентации – это семиотические объекты. Логически язык – это, в одном из его аспектов, знаковая система, но он же является метафорой для самого понятия знаковой системы, исторически и когнитивно предшествуя ей. А репрезентация – центральное понятие канонической, ньюэлловско-саймоновской версии искусственного интеллекта (правда, развивающегося не по канону). Отсюда – связь лингвистики, семиотики и канонической версии ИИ.

3.2. «Она моя! – Нет, моя!»: **когнитивная лингвистика как объект притязаний.** «В девичестве» когнитивная лингвистика (далее – КЛ) называлась когнитивной грамматикой, а «крестным отцом» ее (хотя его отцовство и оспаривается) был Дж. Лакофф, прямо сославшийся в своих работах 1970-х гг. на идеи и методы ИИ. Каноническая (опять!) КЛ Лакоффа, Р. Лэнакера, и Л. Талми (а также, по Т. Г. Скребцовой, Ж. Фоконье, а по нашему мнению, скорее, раннего У. Чейфа, не использовавшего сам этот термин), по сути дела, представляла собой «сверхглубинную

семантику» (с этим определением автора 30 лет назад в личной беседе соглашался Талми, так что популярность термина «когнитивная семантика» в России не лишена оснований). КЛ постулировала и постулирует удаленные от поверхностной семантики обобщенные именно семантические конструкты наподобие, например, динамики сил и проверяла их релевантность вполне щербианским лингвистическим экспериментом.

«Среди российских осин» (отвлечемся от других ландшафтов – о них писали Р. Нуньес с коллегами в нашумевшей статье 2019 г.) КЛ оказалась предметом притязаний, как минимум, с трех сторон.

3.2.1. Наиболее деликатными (в силу некоторой обоснованности и зрелого возраста претендента, хотя исторически претендент(ка) моложе лингвистики) были претензии со стороны психологии, так что ряд по привычке уважающих ее и скептически настроенных к КЛ авторов считают, что КЛ – это псевдоним психолингвистики, что неверно – методы и цели совершенно другие. По мнению автора, Н. И. Жинкин или, скажем, Ч. Осгуд, внесшие немалый вклад в изучение языка, – это все-таки психологи, а различные ипостаси, скажем, В. Вундта вряд ли были сущностно интегрированы. Да и вообще с «великими междисциплинарными» дело обстоит как-то не очень... во всяком случае, в лингвистике.

Следует признать, что отношения здесь не лишены взаимности: лингвисты давно подозревают, что психологи могут сообщить им что-то важное. Иногда это действительно случается.

3.2.2. С недавних пор к числу претендентов прибавились представители нейронауки. С ними пока не все ясно, но они, по крайней мере, соблюдают приличия и на особой близости не настаивают. К ним, правда, еще более, чем к психологам, равнодушна сама КЛ, но у них пока что неважно с приданным; к тому же the mind-body problem никто не отменял (и не решил).

3.2.3. Третью группу претендентов, и весьма настойчивых, образуют «лингвистически воодушевленные культурологи». Не вполне обоснованно отнеся к своим отцам-основателям статусных (впрочем, гипотеза Сепира-Уорфа так и остается гипотезой) (нео)гумбольдтианцев, они фактически пытаются задушить КЛ в объятиях и, в пределе, инкорпорировать ее в свой состав – чему объективно способствует дисциплинарная полисемия, если не омонимия такой важной терминологической формы, как «модель мира».

4. От «нашего стола»: отраслевые лингвистики. Такое название уместно предложить для лингвистических (в значительной степени,

когнитивно-лингвистических исследований), ориентированных на решение задач, важных для областей деятельности, так или иначе работающих с языком. Традиционно такая деятельность относится к прикладной лингвистике, но некоторые из отраслевых лингвистик являются скорее теоретическими начинаниями; так, в частности, обстоит дело с политической и маркетинговой лингвистикой. Скорее всего, при надлежащем развитии теоретический потенциал раскроется и для других отраслевых лингвистик (а вот практический – не факт).

5. Квартирный вопрос: о маркетинге и брендинге. Разнообразие имен претендентов на «руку и сердце» КЛ это – не «тень на плетень», а вещь вполне рациональная: посредством такого нейминга и брендинга создаются ниши на интеллектуальном (и не только) рынке. Сама КЛ была создана Дж. Лакоффом как ниша после проигрыша им «великих дебатов» конца 1960 – начала 1970-х гг. Н. Хомскому. Ниша получилась вполне комфортной, а бренд – сильным.

О. А. Радченко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
radoleg@gmail.com

«ДУРНА КАК ЧЁРТ И УМНА КАК АНГЕЛ»: ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ – МУЗА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ XIX ВЕКА

Ключевые слова: немецкое языкознание, историография лингвистики, Жермена де Сталь, Август Вильгельм Шлегель.

Key words: German linguistics, historiography of linguistics, Germaine de Stahl, August Wilhelm Schlegel.

История взаимоотношений знаменитой французской писательницы, путешественницы, политической деятельницы Анны Луизы Жермены де Сталь-Гольштейн (1766–1817) и одного из основателей языкознания Августа Вильгельма фон Шлегеля (1767–1845) не относится к центральным сюжетам историографии лингвистики, однако эта история заслуживает особого внимания в силу своей значимости для жизни и деятельности

замечательного лингвиста и литературоведа, создателя типологической классификации языков.

В этой связи в рамках нарративной лингвисториографии рассматриваются биографические факты, касающиеся взаимовлияния творчества и личностей Ж. де Сталь и А. фон Шлегеля, прежде всего, роль последнего в качестве литературного консультанта и личного секретаря мадам де Сталь в 1804–1817 гг. Их знакомство состоялось весной 1804 г., благодаря И. В. фон Гёте, которому понравился ее эпистолярный роман «Дельфина» (1802 г.). Де Сталь предлагает Шлегелю за хорошее жалованье и пожизненную пенсию стать воспитателем двух своих сыновей в своем швейцарском имении Коппе на берегах Женевского озера, с чем он после некоторых сомнений соглашается.

Замок Коппе становится интеллектуальным центром, знаменитым салоном, в котором встречались писатели (в их числе – А. Шамиссо), политики, историки и французские эмигранты [Meroppey 2010]. В том же 1804 г. их посещает младший брат Шлегеля Фридрих (1772–1829), а в конце года пара уезжает в Италию. В конце июня 1805 г. они возвращаются в Коппе, проводят зиму в Женеве, едут весной 1806 г. в Оксэри и Руан, а в мае 1807 г. вновь приезжают в Коппе. В декабре 1807 г. состоялась их визит к Шеллингу, а затем Шлегель отправляется уже в одиночестве в Вену.

Отношения между де Сталь и Шлегелем приобретают более близкий характер, о котором Фридрих Шлегель пишет ещё в своем письме 2-го июня 1804 г. Но гораздо важнее для него планы новой книги де Сталь, посвященной Германии: «Ежели де Сталь серьезно собирается написать французскую книгу о немецкой литературе, то я рекомендую ей это весьма серьезно и настойчиво; невзирая на то, что эта книга, конечно же, подвергнется всеобщим нападкам, однако, если она окажется основательной, будет впоследствии весьма полезной, ибо воздействие она окажет несомненное».

Идея книги возникла в результате поездок де Сталь в Ваймар и Берлин (по инициативе В. фон Гумбольдта и самого А. Шлегеля) в 1803–1804 гг., а в 1807–1808 гг. она посетила Мюнхен и Вену. Результатом стали ее размышления о национальном характере, культуре и литературе Германии, которые она описала в свойственной ей непредвзятой манере. Считается, что эта книга стала первой культурологической и литературоведческой работой о Германии времен Гёте, в которой братьям Шлегель автор посвятила отдельную главу [Stael 1813–1814], [Литературные манифесты 1980].

Впоследствии Фридрих Шлегель оказался совершенно прав: книга, написанная де Сталь при существенном содействии А. Шлегеля, оказалась для французского читателя открытием неизвестной культуры соседней страны, столь неожиданным и ярким, что могла значительно сказаться на общественном мнении и политических перспективах Франции. Как известно, 10 тыс. экземпляров первого издания были уничтожены по распоряжению Наполеона, но Шлегелю удалось отправить пробный оттиск Ф. Шлегелю в Вену. Этот оттиск отправился летом 1812 г. в багаже мадам де Сталь, скрывавшейся вместе с А. Шлегелем от французской полиции, в Киев, Москву, Санкт-Петербург и Стокгольм. Первое издание книги вышло в 1813 г. в Лондоне, оно было раскуплено за три дня.

Не менее значительным было и собственное творчество А. Шлегеля. За неудачными попытками обустроить личную жизнь с мадам де Сталь последовали его поездки в Дрезден и Ваймар в 1808 г., а затем изгнание со всех французских территорий и Швейцарии. Тем не менее именно в этот период он публикует «Букеты итальянской, испанской и португальской поэзии» с собственными переводами Д. Алигьери, Ф. Петрарки, Дж. Бокаччо, Т. Тассо, Х. де Монтемайора, Л. де Камюэнса и др. (1804 г.). Выходят его статьи об испанском театре. В Вене он читает знаменитые, выдержанные в духе романтизма, лекции о драматическом искусстве и литературе, основываясь на своих переводах Кальдерона и Шекспира. В 1811 г. А. Шлегель издает последний поэтический двухтомник, а в 1816 г. занимается интенсивными этимологическими исследованиями [Paulin 2016]. После ссылки Наполеона на о. Эльба в 1814 г. Шлегель и мадам де Сталь покидают Швецию, живут то в Париже, то в Коппе, но до самой кончины А. Шлегель не покидает де Сталь и после ее внезапной смерти в 1817 г. многие годы поддерживает контакты с семьей ее дочери.

ЛИТЕРАТУРА

- Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М. : Изд-во Московского университета, 1980. 639 с.
- De Staël-Holstein J.* De l'Allemagne. Vol. 1–4. Paris, Leipzig : F.A. Brockhaus, 1813–1814. 125 с.
- Meroney Z.* Rediscovering the French Salonnière: An Exploration into the Lives of the Women Behind the Men. A Thesis Submitted to the Honors Council of the University of Georgia in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree. Athens, Georgia, 2010. 35 p.
- Paulin R.* The Life of August Wilhelm Schlegel. Open Book Publishers, 2016. 662 p.

М. Б. Раренко

(Москва, Россия)

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН

rarenco@rambler.ru

М. М. БАХТИН – СОЗДАТЕЛЬ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Ключевые слова: М. М. Бахтин, «Проблема речевых жанров», речевые жанры, функционирование языка, жанроведение, стандартизация, высказывание.

Key words: M. M. Bakhtin, «The problem of speech genres», speech genres, language functioning, genre studies, standardization, utterance.

Сегодня имя М. М. Бахтина (1895–1975) известно философам, культурологам, искусствоведам, филологам – всем, кто интересуется гуманитарными науками.

По словам В. М. Алпатова, основные задачи науки о языке могут быть сведены к решению трех основных вопросов, таких как: 1) как устроен язык?; 2) как язык изменяется, 3) как язык функционирует? [Алпатов 2016: 10]. Так сложилось, что до XX века основными вопросами, которые волновали ученых, были первые два; вопрос о том, как язык функционирует, оставался фактически за пределами их интересов. В настоящее время направления, изучающие функционирование языка, обозначают обобщающим термином «функционализм», среди которых типология и семантика, изучение языковой и национальной картины мира, психолингвистика, нейролингвистика, а также теория речевых жанров, ведущая к М. М. Бахтину.

Теория речевых жанров, над которой М. М. Бахтин работает с конца 1953 г. до начала 1954 г. (статья «Проблема речевых жанров» не была окончена, впервые опубликована только в 1978 г., уже после смерти ученого), в определенной степени является возможным ответом на последний из трех основных вопросов науки о языке. М. М. Бахтин исходит из того, что любая человеческая деятельность предполагает использование языка в той или иной степени. В статье «Проблема речевых жанров»

М. М. Бахтин ставит вопрос о том, как происходит коммуникация, и приходит к выводу, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим» [Бахтин 1997: 180–181], данным нам так же, как и родной язык [там же, 181]. М. М. Бахтин утверждает, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы (выделено нами – М. Р.) таких высказываний» [там же, 159]. Эти устойчивые типы высказываний ученый и называет речевыми жанрами, признавая, что их (т.е. речевых жанров) в каждом языке имеется великое множество (что и послужило причиной того, что ранее, до М. М. Бахтина, их никто не рассматривал как единое целое, а только в отдельности). При этом сам исследователь абсолютно убежден, в том, что речевые жанры обладают «общелингвистической природой» [Бахтин 1997: 160].

Согласно учению М. М. Бахтина, все речевые жанры обладают разной степенью стандартизованности – некоторые в большей степени, а некоторые в меньшей. Тем не менее именно благодаря речевым жанрам можно говорить об организации речи. Они выполняют ту же функцию (или почти такую же), по мнению М. М. Бахтина, как грамматические формы (например, синтаксические). Отсутствие речевых жанров и (или) неспособность человека владеть ими привело бы к тому, что каждый раз отдельно взятому человеку приходилось бы их создавать заново в процессе общения, что в итоге привело бы к невозможности речевого общения, невозможности обмена мыслями [Бахтин 1997: 181].

М. М. Бахтин выстраивает речевые жанры в определенную иерархию, выделяя так называемые первичные (простые) жанры и вторичные (сложные) жанры, поясняя, что первые входят в состав вторых.

Жанроведение (так называется направление в языкознании, основы которому заложил М. М. Бахтин) сегодня разрабатывается на стыке лингвистической прагматики, социолингвистики и стилистики. Теорию речевых жанров многие исследователи рассматривают в качестве первичной модели, которая лежит в основе объяснения, и, следовательно, описания основных закономерностей любой человеческой коммуникации, а также структуры и принципиальных механизмов при взаимодействии индивидов, принадлежащих одному языковому сообществу. Более того, на основе предложенной М. М. Бахтиным теории речевых жанров в настоящее время разрабатываются современные теории перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. Общие проблемы теории речевых жанров // Жанры речи. 2016. № 1. С. 9–17.

Бахтин М. М. Теория речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.

Н. Н. Трошина

(Москва, Россия)

Институт научной информации по общественным наукам РАН

troshinat@mail.ru

ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Э. Г. РИЗЕЛЬ И СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Ключевые слова: национальные варианты немецкого языка, теория полицентричности немецкого языка, моноцентрическая идеология немецкого литературного языка.

Key words: national varieties of German, theory of Germans polycentricity, monocentric ideology of standard German.

Теория национальной вариативности немецкого языка, разработанная Э. Г. Ризель в 50–60-х гг. XX века (наряду с теорией функционального стиля и теорией лингвостилистической интерпретации текста), удовлетворяет следующим критериям, позволяющим отнести эту теорию к золотому фонду отечественной германистики: 1) эта теория обозначила круг проблем, особенно актуальных для германистики середины XX века; 2) ее эвристический потенциал определил вектор дальнейших исследований и активно востребован в современном научном дискурсе; 3) ее теоретические положения были успешно реализованы в вузовской практике обучения студентов и аспирантов. Сочетание этих трех критериев обусловило чрезвычайно высокий рейтинг Э. Г. Ризель в европейской германистике и позволяет определить ее научное наследие как «науку без границ».

По признанию ведущего современного немецкого социолингвиста У. Аммона, Э. Г. Ризель была первопроходцем в области исследования национальных вариантов немецкого языка [Ammon 2008: 468]

и, следовательно, заложила основу теории полицентричности немецкого языка. Обосновав существование трех вариантов современного немецкого языка – собственно-немецкого (в Германии), австрийского и швейцарского – фактом их кодификации, Э. Г. Ризель категорически отрицала существование в середине XX века двух вариантов немецкого языка – в ГДР и в ФРГ, хотя в немецкой лингвистике этот вопрос трактовался различно в зависимости от ситуации в отношениях между двумя немецкими государствами.

Проблема национальной вариативности немецкого языка не утратила своей остроты в XXI веке в связи со значительными изменениями в мировой логосфере эпохи постмодерна под влиянием английского языка как языка глобализации. При этом проблема обрела два измерения: 1) утрата немецким языком своего прежнего статуса, как коммуникативно мощного языка во многих сферах коммуникации, прежде всего, в сфере международной политики, экономики и науки; 2) изменения в статусных отношениях национальных вариантов немецкого языка. Именно второе измерение связано с сегодняшними дискуссиями о признании / непризнании концепции полицентрического характера немецкого языка. Согласно этой концепции, немецкий язык существует в виде языковых центров: 1) полных центров (Vollzentren) Германии, Австрии и Швейцарии; 2) полуцентров (Halbzentren) в Лихтенштейне, Люксембурге, Восточной Бельгии и Южном Тироле; 3) четверть-центров (Viertelzentren) в Румынии, Намибии и в меннонитских поселениях в Мексике.

Критика теории полицентричности основывается на том, что в ней не учитывается факт исторической региональной полицентричности немецкого языка и игнорируется влияние важнейших исторических событий (падения Берлинской стены, воссоединения Германии, присоединения Австрии к Европейскому союзу), а также воздействие электронной коммуникации на немецкое языковое пространство. По мнению М. М. Глаунингера, считающего теорию языкового полицентризма «лингвистическим анахронизмом» [Glauning 2015: 18], основой адекватного описания вариативности современного немецкого языка должно быть не понятие нации, а понятие мирового сообщества (Weltgesellschaft, Weltbegriff) [там же, 13]. Следует, однако, заметить, что Э. Г. Ризель, как основательница теории полицентричности немецкого языка, всегда настаивала именно на строгом разграничении понятий «языковая общность», «национальная общность» и «государственная общность» [Ризель 1962].

Немецкие и австрийские ученые провели ряд социолингвистических исследований с целью выяснить отношение носителей немецкого языка – жителей различных регионов – к существующим сегодня национальным и региональным вариантам немецкого языка. Результаты оказались весьма противоречивыми. Выяснилось, что регулярное использование литературных вариантов немецкого языка в австрийских и швейцарских СМИ не привело к позитивной оценке населением этих стран принятого у них литературного стандарта. В языковом сознании людей вообще отсутствует понимание немецкого языка как полицентричного: напротив, распространено мнение, что литературный языковой стандарт должен быть единым, и в качестве такового признается собственно-немецкий литературный язык (в опросах он часто называется северно-немецким, *Norddeutsch*) [Schmidlin 2013: 23]. Таким образом, побеждает «моноцентрическая идеология литературного стандарта и, следовательно, представление о географической локализуемости так называемого литературного языка в представлении его носителей» [Schmidlin 2013: 39]. Согласно этому представлению, единство литературного языка – это нормальное явление, а языковая вариативность – исключение.

Исследование, проведенное в 1995 г. М. М. Глаунингером на материале рекламных проспектов мебельных фирм, показало, что тенденция к «языковому моноцентризму» – явление не новое в письменной речевой практике австрийцев: в этих проспектах явное предпочтение отдается немецким обозначениям мебели, а не австрийским, например, не *австр. Sessel* «стул», а *нем. Stuhl*. Параллельно проведенный опрос показал, что немецкие обозначения воспринимаются как более престижные.

С другой стороны, имеется немало свидетельств защиты национальных австрийских и швейцарских литературно-языковых стандартов гражданами этих стран, что зафиксировано, например, в Протоколе № 10 «Об использовании австрийских наименований» (это явилось первым публичным признанием австрийского национального литературного языка в международных документах), а также на интернет-портале языковых ресурсов Австрии, созданном в 2018 г. в связи с председательствованием Австрии в Совете Европы.

Процесс взаимодействия национальных вариантов немецкого языка происходит в условиях возросшей мобильности населения и с лидированием собственно-немецкого языка. Однако сегодня нет оснований говорить о размывании национальных вариантов (для этого потребовалось бы

гораздо больше времени, не говоря уже о весьма вероятном культурном противодействии), о чем свидетельствует корпус «Словаря национальных вариантов литературного стандарта немецкого языка».

ЛИТЕРАТУРА

Ризель Э. Г. Национальные варианты современного немецкого языка // Иностранные языки в школе. М., 1962. № 6. С. 103–110.

Ammon U. Das Variantenwörterbuch des Deutschen. Die systematische Erfassung der nationalen und regionalen Variation des Standarddeutschen in Fortsetzung der Anregungen Elise Riesels // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. С. 5–21.

Glauninger M. M. Die Nationalvarietät „österreichisches Deutsch“ als kakanisches Paradoxon // Sprachliche Wechselbeziehungen in der Habsburgermonarchie. Warszawa : Polska Akademia Nauk, 2015. S. 11–18.

Schmidlin R. Gebrauch und Einschätzung des Deutschen als plurizentrische Sprache // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. Berlin, Boston: de Gruyter, 2013. S. 23–43.

А. А. Черноиваненко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

schwarzivan@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ВЕРА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ

Ключевые слова: философская вера, веровательная активность, вера-уверенность, религиозная вера, религиозно-мистический опыт, софийно-мистическая традиция.

Key words: philosophical belief, belief activity, belief-conviction, religious faith, mystical religious experience, Sophia mystical tradition.

Вопросы, связанные с выяснением специфики философской веры, непосредственно вписываются в ту тематику, которая обозначается как проблема соотношения веры и знания. Сейчас эта проблема приобретает особую значимость, в частности в рамках дискуссий относительно

познавательного статуса веры при построении различных вариантов неклассической эпистемологии (гносеологии), а также в контексте философского дискурса о «постсекуляризме».

Спектр интерпретаций феномена веры весьма широк. Болевой точкой всех стратегий относительно веры является та позиция, согласно которой существует вера «как таковая», «вера вообще». Термин «вера» трактуется в качестве общего имени, денотатом которого как раз и будут являться те или иные виды веры. Отсюда явно или неявно следует, что, например, рациональная (разумная) вера, религиозная вера, эпистемологическая вера (вера-уверенность), вера-доверие есть частный случай, проявление веры «вообще». Такой подход в понимании веры по ряду гносеологических и формально-логических обстоятельств представляется некорректным и неконструктивным.

Слово «вера» обозначает различные феномены, непосредственно не связанные друг с другом. Однако в зависимости от ситуаций и контекстов они могут быть связанными. Наиболее существенные из них: вера-уверенность, вера-доверие, экзистенциально-личностная вера, функциональная вера, религиозная вера. В качестве дескриптивной фиксации этих феноменов предлагается использовать термин «веровательная активность».

Философскую веру по причине некоторых концептуальных соображений невозможно редуцировать к тому или иному типу веровательной активности. Философская вера является специфическим типом активности познавательной.

Концепт философской веры, введенный К. Ясперсом, выходит за пределы его «частного случая». Общей содержательной канвой, обрамляющей ход наших мыслей, является попытка привить этот концепт на древо той исконной философской традиции, которую предпочтительнее всего называть софийно-мистической. Следует заметить, что способ философствования К. Ясперса полностью с ней коррелирует.

Существуют различные классификации философских направлений, течений, парадигм и прочих ходов мыслей. Все они имеют право на существование и зависят от целей и задач исследования, а также от оснований классификации. Все они в определенной мере дополняют друг друга. В контексте наших рассуждений существенным является выделение софийно-мистической философской традиции.

Софийно-мистическая традиция – это та традиция, для которой характерен софийно-мистический способ философствования. Такой способ

философствования ориентирован, прежде всего, на поиск Абсолюта и на нахождение адекватного языка, на котором можно осмысленно рассуждать об этом Абсолюте. Абсолютное может выступать под разными именами. Например, Единое, Всеединство, Всеобъемлющее, Трансценденция, Непостижимое, Бог и др. Основной метод такой философии представляет собой диалектическую апофатику – апофатическое постижение непостижимого, высвечивание, показывание его при помощи антиномий. При этом основу познания составляет акт непосредственного – мистического – единения с Абсолютом [Черноиваненко 2018: 216–227].

Философская вера есть органическое единство рационального знания (диалектического разума) и религиозно-мистического опыта [Черноиваненко 2019: 89–99]. Этот опыт представляет собой имманентный опыт трансцендентной реальности [Франк 1992: 250–251]. Являясь атрибутивным признаком софийно-мистической традиции, философская вера предстает как содержательное ядро софийно-мистического способа философствования. Основной познавательной функцией философской веры является «рациональное преодоление ограниченности рациональной мысли» [Франк 1997: 253].

Именно философская вера – обитель подлинного духа софийности – способна выступить в качестве надежного посредника в диалоге между секулярным и религиозным сознанием в эпоху «постсекуляризма».

ЛИТЕРАТУРА

Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления // Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.

Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.

Черноиваненко А. А. Вера и мистика в контексте софийной традиции в философии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. Вып. 7 (798). С. 216–227. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/7_798.pdf (дата обращения 10.04.2020).

Черноиваненко А. А. Философская вера в контексте софийно-мистической традиции // Метафизика общего дела. М. : Перо, 2019. 208 с.

Е. М. Черноуцан

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН
echernoutsan@yandex.ru

СПЕЦИФИКА МОБИЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ КАДРОВ КАК МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СФЕРЫ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ВО ФРАНЦИИ. УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова: человеческий капитал, наука, высшее образование, научные кадры, внутренняя мобильность научных кадров.

Key words: human capital, science, higher education, researchers, researchers' cross-sectoral mobility.

В современной России идет активный поиск эффективной модели взаимодействия сферы науки и высшей школы. На этом пути возникает много острых вопросов, во многом связанных с национальной спецификой организации сферы научных исследований и разработок (далее – *НИР*), где ключевую роль играют крупные государственные научные центры, а не организации высшей школы. Одной из трудноразрешимых проблем был и остается слабый уровень мобильности исследователей внутри данных секторов, что является одним из серьезных барьеров, тормозящих научно-технологическое и инновационное развитие нашей страны. Перекрестное влияние ученых из высшей школы и науки, а именно – активное прямое участие вузовских специалистов в лабораториях научных центров и привлечение исследовательских центров к формированию научных кадров в вузах, необходимо рассматривать как важнейшее условие поднятия качества науки и образования.

Уроки ряда зарубежных стран, которые уже достаточно давно столкнулись с этой проблемой, могут оказаться весьма полезными для России. Особое внимание в этой связи заслуживает опыт Франции, которая отличается дирижистской моделью развития сферы НИР, и где много схожих острых проблем в области инновационного развития. В частности,

проблема взаимодействия основных участников инновационного процесса – науки, высшей школы и бизнеса. Франция, как и Россия, традиционно имеет строго централизованный характер государственной политики по управлению наукой и высшей школы. Бюджетная и кадровая политика государственных центров и университетов регулируется из одного центра (*Министерства высшего образования и научных исследований*), что прямо отражается на мобильности научных кадров между этими секторами, которая во многом определяется государством.

Ставка на активизацию мобильности исследователей университетов и научных центров – уже давно в центре внимания правительства Франции. С конца 1990-х гг. действия государства в этой области приобретают комплексный и долговременный характер. В области государственного регулирования межсекторальной мобильности научных работников Франции удалось найти весьма оригинальные правовые инструменты. Среди которых: введение с 1984 г. статуса государственного служащего для работников научных центров и вузов и специального статуса для преподавателей высшей школы (*преподаватель-исследователь*), знаменитый закон Аллегра от 1999 г. (*Loi Allègre*), который разрешил ученым из научных центров и высшей школы создавать предприятия без потери научной и преподавательской ставки и др. Кроме того, на государственном уровне при оценке деятельности научного коллектива и отдельного ученого активная мобильность начинает рассматриваться как важный критерий эффективности и результативности.

Необходимо отметить важность такого правового инструмента, как специальный статус для преподавателей высшей школы, занятых не только преподаванием, но и научными исследованиями – *преподаватель-исследователь* (*enseignant-chercheur*), который предполагает, что 50 % своего рабочего времени работник должен отдавать исследованиям, а другие 50 % – преподаванию. Сегодня во Франции на преподавателей-исследователей приходится в среднем более 50 % (в эквиваленте полной занятости) научных работников государственного сектора НИР (2015 г. – 54 %). Больше всего преподавателей-исследователей работает в гуманитарных и социальных науках (более 80 %) [L'état de l'emploi 2018: 82, 83]. Кроме того, важно учитывать, что большинство исследователей государственных научных центров и кадров вузов (преподавателей и преподавателей-исследователей) имеют особый единый юридический статус – статус государственного служащего, что создает благоприятные условия для мобильности ученых

из государственных центров в университеты и наоборот. Данный статус позволяет одновременно быть на постоянной должности и в научном центре, и в вузе. Среди научных работников на постоянной ставке CNRS большая часть – это преподаватели-исследователи (65,3 % в 2018 г.) [2018. Une année 2019: 24].

Статус государственного служащего не только предоставляет значительные социальные гарантии (постоянство рабочего места, пенсионное обеспечение, медицинскую страховку для всех членов семьи, льготы по кредиту и др.), но и охраняет работника от рисков при мобильности. Так, исследователь или преподаватель как государственный служащий имеет право быть отозванным для работы в любую другую организацию (государственную администрацию, сектор НИР, высшую школу, на предприятие промышленности) и на другую должность. При этом он сохраняет за собой не только возможность вернуться через определенный срок (от 6 месяцев до 5 лет) на прежнее рабочее место, но и уровень заработной платы, а также различные социальные гарантии.

И, наконец, у Франции много общего с Россией в системе организации НИР, где с 40-х гг. XX века ключевую роль, как и в нашей стране, начинают играть крупные государственные научные центры, а не учреждения высшей школы. Крупные научно-исследовательские центры оказались в условиях Франции весьма жизнеспособной организационной формой исполнения НИР, большинство из них функционирует уже более 50, а некоторые, как, например, Национальный центр научных исследований (CNRS) уже почти 80 лет, и, по всей видимости, еще долго останутся во Франции основной организационной формой исполнения НИР. CNRS занимает особое место в НИР Франции. Его создатель, знаменитый ученый-физик Жан Перрен, руководствовался опытом СССР по организации науки на основе Академии наук СССР. Сегодня CNRS является одним из самых крупных научно-исследовательских учреждений не только Франции, но и Западной Европы, в нем представлены почти все направления фундаментальных исследований. CNRS остается опорой для развития государственного сектора НИР Франции; на него приходится большая часть как национальных фундаментальных исследований, так и всех научных публикаций Франции [2018. Une année 2019: 12, 13].

Одна из важных причин эффективности CNRS – тесные и разнообразные формы взаимоотношений с университетами, где сосредоточено почти 90 % исследователей, работающих в высшей школе. Прочными остаются

такие старые формы отношений, существующие с 1966 г., как совместные лаборатории (*Unités mixtes de recherche – UMR*) на базе CNRS. Сегодня они составляют до 90 % от всех лабораторий Центра. В свою очередь, 30 % лабораторий на базе университетов – совместные с CNRS. Более того, большая часть научных работников центра на постоянной ставке имеют статус преподавателя-исследователя – 65,3 % в 2018 г. [Auto-évaluation 2016: 33, 34].

Активно развиваются новые формы взаимодействия. Университеты являются ключевыми партнерами CNRS в совместных научных проектах в рамках различных сетевых структур и платформ («технопарков», «полюсов конкурентоспособности» и др.). В результате сегодня CNRS и университеты можно рассматривать как единый научно-исследовательский организм. Более 2/3 общего числа научных работников и инженеров Центра – это ученые из университетов, больше половины исследователей CNRS на постоянной ставке преподают в высшей школе [2018. Une année 2019: 24].

ЛИТЕРАТУРА

2018. Une année avec le CNRS. Rapport d'activité 2018. Paris : CNRS, 2019. URL : https://2018.racnrs.fr/wp-content/uploads/2019/07/RA_2018_FR_web-balise.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

Auto-évaluation 2016 du CNRS. Paris : CNRS, 2016. URL : <http://www.cnrs.fr/sites/default/files/download-file/auto-evaluation-2016.pdf> (дата обращения 10.03.2020).

L'état de l'emploi scientifique en France. Rapport 2018. Ministère de l'Enseignement supérieur, de la Recherche et de l'Innovation. Paris, 2018. URL : <https://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/cid133529/l-etat-de-l-emploi-scientifique-en-france-edition-2018.html> (дата обращения 10.05.2020).

СЕКЦИЯ 3

Человек в творчестве – творчество в человеке

К. В. Ануфриева

(Тверь, Россия)

Тверской государственный университет

carina-oops@mail.ru

ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПЫТА И ИСТОРИЯ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА И В. ДИЛЬТЕЯ¹

Ключевые слова: опыт, время, пространство, рассудок, история, «критика исторического разума», науки о духе и науки о природе.

Key words: experience, time, space, reason, history, «criticism of historical reason», the human sciences and the natural sciences.

Рассмотрение Дильтеем проблемы «критики исторического разума» шло в полемической дискуссии с разработанным Кантом учением о трансцендентальном переосмыслении задач метафизики [Nelson 2019: 1–18]. Дильтей исходит из предпосылки о принципиальной неадекватности исходных оснований кантовского трансцендентализма, которые, по его мнению, не принимают во внимание изначальное присутствие субъекта познания и практического действия в потоке истории. Отсюда вытекает, с его точки зрения, и своеобразное непонимание Кантом специфики постижения истории, воплотившееся в созданном им в перспективе критической метафизики истолковании телеологической ориентации развития человечества. Отказ от идеи «чистоты» разума и движение к осознанию его связи со временем истории оказался для Дильтея сопряженным с попыткой

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № -20-011-00406-А.

создания нового варианта трансцендентальной рефлексии на базе академической философии жизни. Отталкиваясь от идеи кризиса метафизики, воспринятой не только в кантовской, но и в позитивистской редакции, Дильтей полагает, что для рефлексивного проникновения в процесс постижения духовной реальности в ее синхронии и диахронии необходимо создание антропологии, выстроенной на платформе трансцендентального осмысления данных описательной психологии. В этой связи он формулирует собственное учение о центральной роли опыта жизни, отличающегося характеристикой временности, для понимания социокультурных реалий и возможности построения наук о духе, среди которых его особое внимание привлекает история. Размышляя о специфике опыта постижения жизни в ее временной ипостаси как основы построения наук о духе, Дильтей вступает в прямую полемику с кантовским истолкованием этого тематического поля.

Под опытом Кант, как известно, понимал совокупность созерцаний чувственности, упорядоченных на базе чистых априорных форм таковой – пространства и времени, а также синтетические обобщения чувственных данных при посредстве деятельности рассудка и его категориальных средств [Кант 1965: 122]. Дильтей справедливо подвергает критике тезис Канта о необходимости разграничения априорной формы и содержания чувственности, а также его понимание соотношения внутренней формы чувственности – времени, упорядочивающего феномены психики, и внешней формы – пространства, нацеленного на физически данное. Неприемлемо для него и кантовское учение о категориях, используемых в рассудочной деятельности. При рассмотрении этих тем, как небезосновательно полагает он, Кант забывает о первичности опыта существования субъекта в потоке времени жизни и истории [Дильтей 2004: 241]. Кант изначально рассматривает субъекта как пребывающего в условиях физического ньютоновского универсума, из которого вырывается субъект практического разума как носитель свободной воли, который, однако, также вырисовывается вне конкретики опыта истории. Дильтей считает, что внутренний опыт пребывания во времени жизни историчен по своему характеру и первичен по отношению к опыту объектно-вещной реальности, который дан субъекту на его фоне. Временность рисуется им как жизненная реальная категория, фундамирующая синтетическую деятельность рассудка, судящего о социокультурной реальности, которая пропитана духовным началом. Рассмотрение опыта переживания времени жизни и истории составляет

звено, объединяющее общепсихологические и методологические построения Дильтея. Несмотря на верно отмечаемый в исследовательской литературе психологизм Дильтея, его трактовка взаимосвязи опыта и времени, ее воплощения при рассудочно-категориальном синтезе данных о социокультурных явлениях и процессах выглядит весьма продуманной и заслуживающей дальнейшего теоретического обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2004. Т. 3. С. 43–405.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 67–328.

Nelson E. S. Introduction : Dilthey in Context // Interpreting Dilthey: Critical Essays / Ed. by E. S. Nelson. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 1–18.

А. Р. Ахметова

(Уфа, Россия)

Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы
ahmetova.imc@mail.ru

«ШУТКА СМЕШНАЯ, СИТУАЦИЯ СТРАШНАЯ»: ВИРУСНЫЕ МЕМЫ О КОРОНАВИРУСЕ

Ключевые слова: мем, интернет-мем, прецедентный феномен, интернет-фольклор.

Key words: meme, internet meme, pre-ecedent phenomenon, internet folklore.

В виртуальном пространстве все большую популярность приобретают интернет-мемы. Под интернет-мемом понимается вирусная информация, распространяемая через тиражирование в социальных сетях, на форумах и т. д. Мем, который содержит культурную информацию, подобно гену, передается, как вирус, от человека к человеку. Вирусные мемы, как правило, создаются на основе прецедентных феноменов, живущих в сознании большого

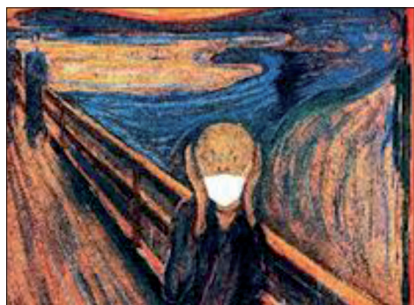

Рис. 1

количества носителей культурной информации. Прецедентными феноменами могут быть известные тексты, ситуации, высказывания, имена и т. д.

Интернет-мемы — это итог творческого взаимодействия пользователей социальных сетей. Как подчеркивает Ричард Броуди: «Это вирусы, объединенные свойствами прошлого мира и настоящего, и наше сознание обладает этими вирусами изначально и их можно открыть, а иногда и создать сознательно» [Броуди 2007: 2]. Такие признаки, как анонимность и коллективный характер позволили рассматривать мемы как жанр интернет-фольклора. Известно, что фольклор возникает из потребности человека в идентифицирующих факторах, стабилизирующих его представление о мире и его месте в нем. Юмор в мемах является мгновенным откликом на то или иное событие и способствует осмыслению происходящего.

Начало 2020 года омрачилось событиями, связанными с распространением коронавируса. Вирус внес в жизнь всей планеты серьезные коррективы, что способствовало переходу активности населения из офлайн в онлайн. Интернет, как глобальный источник информации и пространство для коммуникации, стал

дискуссионной площадкой по поводу происходящих событий. Известно, что для человека, особенно в России, характерно с юмором реагировать даже на самые серьезные вызовы. В интернет-пространстве появилось огромное количество мемов, которые чаще всего распространялись под хештегом *Шутка смешная, ситуация страшная*.

Наибольшую популярность в период самоизоляции приобрели мемы, при создании которых в качестве прецедентных феноменов были использованы известные произведения живописи. Когда в мире происходит беспрецедентное событие, вызывающее множество вопросов, на которые современная медицина пока не может дать ответы, люди обращаются к вечным ценностям. В этом, на наш взгляд, причина обращения к признанным шедеврам мирового искусства.

Мемы «шедевральной» изоляции создавались несколькими способами. Герои известных картин «надели» во время карантина маску (см. рис. 1).

Рис. 2

Мемы, помимо визуальной части, дополнялись вербальными шуточными пояснениями, иногда с черным юмором. Так, изображение Мадонны содержит рифмованный комментарий: *НОСИШЬ МАСКУ – ВСТРЕТИШЬ ПАСХУ*. На картине И. Репина «Бурлаки на Волге» появляется фигура врача, который предлагает отправиться *В КОММУНАРКУ* бурлаку, которого *ЗНОБИТ*. Картина «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи дополнена изображением врача и его репликой *РАСХОДИТЕСЬ!* (см. рис. 2).

Рис. 3

Серия мемов построена с использованием приема «до и после». На примере известных картин предлагается представить, что было и будет после пандемии коронавируса (см. рис. 3).

Флешмоб #ИЗОизоляция, ставший популярным в социальных сетях, предполагал копирование картин с помощью подручных средств без применения фотошопа и т. д. «Живописный» карантин захватил тысячи пользователей по всему миру. «Антихандрический» флешмоб поддержали Сергей Безруков, Константин Хабенский, Баста и другие известные деятели искусства (см. рис. 4).

Интернет-мемы на сегодняшний день – это виртуальный способ взаимодействия с миром, особенно популярный среди молодежи. «Антихандрические» интернет-мемы, созданные на основе великих произведений живописи, явились мгновенным откликом на актуальное событие

Рис. 4

мирового масштаба. Обращение к шедеврам мирового искусства – это своеобразный поиск точки опоры в беспрецедентной ситуации с коронавирусом. Человечество в трудной ситуации традиционно обращается к юмору, даже если «шутка смешная, ситуация страшная».

ЛИТЕРАТУРА

Броди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание / пер. с англ. Л. В. Афанасьевой. М. : Поколение, 2007. 304 с.

А. Н. Болдырева, В. В. Шеина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
boldyreva-alla@yandex.ru, victoriasheina@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: дополненная реальность, филологическое чтение, русский как иностранный, продвинутый этап обучения, грамматическая организация текста.

Key words: augmented reality, linguistic reading, Russian as a foreign language, advanced level, grammatical organisation of the text.

Наша статья посвящена изучению русского языка (далее – РЯ) студентами-иностранцами уровней В2–С2 с привлечением «дополненной реальности». Дополненная реальность – реальность, которая создается с помощью компьютера и элементов, которые «дополняют» наше восприятие действительности [Калугин, Осокина 2014, Яковлев, Пустов 2013; Шелевер 2018]. В качестве примера рассмотрим работу над рассказом А. Н. Варламова «Как ловить рыбу удочкой», которая проводилась в различных группах уровней В2–С1, где обучались студенты различных национальностей.

Таким образом, **актуальность** работы заключается в привлечении к процессу обучения РЯ иностранцев такой области технологических возможностей, которая на занятиях по РЯ используется еще недостаточно.

Кроме того, в теории преподавания РКИ (русского языка как иностранного) данная область (дополненная реальность) освещена недостаточно.

Цель нашего исследования – показать значимость использования дополненной реальности в качестве новой технологической возможности при проведении занятий по РЯ со студентами-иностранцами.

Предметом исследования являются приемы дополненной реальности в процессе формирования у иностранных учащихся умений филологического чтения.

Материал исследования – включённый в учебный процесс иностранных студентов-филологов рассказ А. Варламова «Как ловить рыбу удочкой», а также соответствующий аудиторный дискурс.

Новизна работы состоит в применении приемов дополненной реальности на занятиях по формированию умений филологического чтения на РЯ у иностранных студентов продвинутого этапа обучения.

Разработка конструкта *дополненная реальность* началась в 1990 г. Томом Коделом при строительстве самолетов. Сейчас *дополненная реальность* применяется во многих сферах, например: примерка вещей в магазинах, телефонные игры (такие, как Pokemon Go), обучение студентов медицинских вузов (дополненная реальность при изучении анатомии) [Калугин, Осокина 2014; Яковлев, Пустов 2013; Шелевер 2018].

Как указывалось ранее, в качестве материала, в отношении которого был применен конструкт *дополненная реальность*, был взят рассказ современного писателя А. Варламова «Как ловить рыбу удочкой». Произведение инверсное, но также тяжелое для понимания иностранцами из-за довольно сложной лексики и некоторых понятий, характерных только для определенной страны и определенного времени (т. е. для России времен СССР). В качестве примеров можно привести такие понятия, как *дача*, *прелестница*, *карьер*, *телогрейка*.

Кроме того, включенный в учебный процесс текст для иностранцев сложен по своей грамматической организации: ее определяет описательно-повествовательный тип монологического дискурса. Это также детерминирует создание *дополненной реальности*, с помощью чего текст становится не только понятнее, но и прирастает дополнительными смыслами, позволяющими лучше понять его экстралингвистический компонент. За счет *дополненной реальности* создается эмоциональное настроение в процессе восприятия текста.

Приведем несколько примеров. Так, при реализации педагогической стратегии изучающего чтения (а филологическое чтение является

разновидностью изучающего чтения) [Васюхно 1996] в целях полного понимания данного текста студентами важна работа с видо-временной организацией текста и порядком слов в предложении.

В методике преподавания РКИ общеизвестно, что для описательно-повествовательного типа в русском предложении, как правило, характерно использование глаголов одного вида при перечислении событий или явлений, которые даются в прошедшем времени или в настоящем времени в значении прошедшего, создавая ритмику русского повествования. Например: *«Я уезжал с вечера на велосипеде, ставил несколько закидушек, разводил костёр, пилился на огонь. Мы проводили целые дни, ездили купаться, ходили в лес за черникой и сыроежками, смотрели старые комедии»*.

Ряд глаголов несовершенного вида называет важные для понимания ситуации события и создает настроение типичности и однообразия дачной жизни. С другой стороны, глаголы совершенного вида называют ряд следующих друг за другом типичных для того образа жизни действий: *«Я полез на чердак, достал снасти, наладил их, отправился на карьер ловить рыбу»*.

Чтобы познать культуру изучаемого языка, ее артефакты, в традиционной методике использовали, например, фото- и видеоресурсы, однако сейчас, как дополнение, можно использовать различные возможности дополненной реальности.

Рассмотрим возможности использования Google Карт при проведении уроков чтения. Для этого вспомним сюжет, разворачивающий события на даче, а также ребят и действия, происходящие на карьере и на участках. Чтобы студенты могли с легкостью понять, где именно все это происходит, можно найти подходящий под описание дачный поселок и показать иностранцам в Картах, где происходит действие. В качестве одного из видов заданий можно попросить студентов описать местность или проложить маршрут до определенного места, при этом кто-то из иностранцев мог бы описать направление движения. Таким образом можно повторить лексику, которая относится к направлению движения. При этом необходимо обратить внимание на порядок слов в предложении при описании картин событий или маршрутов, который также помогает пониманию реальности. Это экспрессивно-эмоциональный порядок слов. Таких примеров много в анализируемом тексте: *«Идти нам было нелегко. А занять себя мне было нечем. Рыболовом я был удачливым. Со мной Аня держалась ровно»*. Такой порядок слов помогает выделить важные компоненты смысла.

Другим вариантом использования *дополненной реальности* можно считать использование «магазинов», которые предоставляют примерку вещей онлайн. Это дает возможность осуществить фрагменты проектной деятельности как на уроке, так и за его пределами. Например, студентки, примеряя на себя различную одежду, могут создавать образ «*прелестницы*». В завершение деятельности студенты могут предоставить готовые проекты и сравнить их восприятие слова *прелестница* с образом, который создаст автор рассказа.

Новизна работы очевидна, она заключается в применении *дополненной реальности* на занятиях по формированию умений филологического чтения у иностранных студентов.

Дополненная реальность является малоизученной областью в сфере преподавания РКИ. Но она позволяет студентам лучше понять культуру изучаемого языка и реализовать свои проекты, в том числе, и в условиях дистанционного образования.

ЛИТЕРАТУРА

Васюхно А. П. Учёт катафорической функции падежной формы при обучении чтению студентов-нефилологов. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 265 с.

Калугин Д. Ю., Осокина О. М. Технологии *дополненной реальности* в образовании // Технологическое образование и устойчивое развитие региона. 2014. № 1. С. 237–243.

Яковлев Б. С., Пустов С. И. Классификация и перспективные направления использования технологии *дополненной реальности* // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. №3. С. 484–492.

Шелевер А. В. *Дополненная реальность* в образовании – это миф или реальность? // European research: innovation in science, education and technology. 2018. С. 31–35.

А. И. Воронина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

annworonina@gmail.com

**ЛОТЕРЕЯ СМЕРТИ:
ГЕТЕРОТОПИЧЕСКИЙ КРИЗИС
В РАССКАЗЕ МАЙНРАДА ИНГЛИНА
«DREI MÄNNER IM SCHNEESTURM»**

Ключевые слова: альпийская литература, литературное пространство, реализм, гетеротопия, переход через границу.

Key words: Alpine literature, literary space, realism, heterotopia, border crossing.

Гетеротопия является особым воплощением пространства. Автор этого термина Мишель Фуко определял гетеротопии как «места, находящиеся за пределами остальных мест» [Фуко 2006: 196]. В силу того, что пространство не однородно, а наполнено различными смыслами и символами, гетеротопии не универсальны, они могут принимать различные формы в зависимости от конкретной культуры. Фуко предложил учитывать «кризисные» и «девиационные» свойства гетеротопий.

Можно предположить, что альпийское литературное пространство способно трансформироваться в «кризисную» гетеротопию, обладающую особыми функциями, границами и маркерами.

Чтобы проиллюстрировать это положение на примере, проведем анализ признаков «кризисной» гетеротопии, возникающей в рассказе швейцарского прозаика Майнрада Инглина «Drei Männer im Schneesturm» (1947) [Inglin 2019]. Сюжет рассказа сводится к тому что, трое молодых людей решили совершить небольшой пеший поход в Альпы. Хотя все трое были опытными альпинистами (tüchtige Bergsteiger), в этот раз они не собирались покорять вершину, поэтому никто из близких не сомневался в том, что они вернутся домой целыми и невредимыми. Но в результате вышло так, что вернуться удалось лишь двоим. Любой читатель, даже ни разу не побывавший в горах, знает, что трагедии здесь – нередкое явление. Об этом свидетельствует и сам автор, предваряя рассказ небольшой прамбулой.

Текст насыщен акрибически точно подобранными деталями описания не только героев, их поведения, ландшафтов, но и погодных условий: неожиданно начавшаяся на высоте двух тысяч метров метель превратилась в снежную ловушку для героев рассказа. Такая внезапная смена погоды, которая является нормой для альпийского региона – это было хорошо известно Инглину, пережившему в 1926 году подобную ситуацию, – сигнализирует о переходе реального пространства в гетеротопическое. При этом у героя изменяется и восприятие времени.

Автор показывает эмоциональное состояние рассказчика в тот момент, когда тот должен отправиться в долину за помощью и при этом сделать выбор между двумя обессиленными ранеными товарищами: кого из них взять с собой, а кого оставить ждать помощь. Рассказчик понимает, что шансы на спасение оставшегося на вершине спутника будут таять с каждой минутой. Так в судьбу героев вмешивается жребий, слепой случай (*blinder Zufall*), который помогает сделать выбор, но не освобождает героя от мук совести.

«Гетеротопии являются реально существующими пространствами, «иными» их делает особое духовное (а иногда и физическое) состояние человека в них» [Карпенко 2016: 148]. Герой рассказа Инглина как раз находится в той самой «кризисной» гетеротопии, и, соглашаясь с выпавшим жребием, он вынужден пересечь одну из многочисленных границ.

Особый интерес для анализа представляют именно языковые маркеры, которые участвуют в организации «кризисной» гетеротопии в рассказе: отдельно следует отметить эпитеты, используемые автором для описания снежной бури (*körniger Schnee, waagrecht geschleudeter Schnee, atemraubender eisiger Schneesturm, der Schneesturm fegte mit unverminderter Wucht etc.*), а также лексические единицы, служащие для характеристики психологического состояния героев.

Альпы в рассказе Инглина «*Drei Männer im Schneesturm*» являют собой пример «кризисной гетеротопии», которая воспроизводит особенности реального пространства и одновременно вступает с ним в противоречие.

ЛИТЕРАТУРА

Карпенко Е. И. Роль культурных символов в конструировании гетеротопий (Левиафан в 'Талицийском тексте' Йозефа Рота) // Современные языки в межкультурной коммуникации. Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 5 (744). С. 138–148.

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 191–204.

Inglis, M. Drei Männer im Schneesturm // Über alle Berge : Geschichten vom Wandern / Hrsg. von E. Zopfi. Zürich : Unionsverlag, 2019. S. 38–77.

Е. Е. Голубкова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

katemg@yandex.ru

КОРПУСНО-КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ НАУКИ

Ключевые слова: корпусно-когнитивная лингвистика, метафора, метонимия, лингвистический корпус, грамматика конструкций.

Key words: corpus-cognitive linguistics, metaphor, metonymy, linguistic corpus, construction grammar.

Цель данного сообщения заключается в попытке осветить творческий вклад современных корпусных лингвистов-когнитологов в развитие направления, называемого когнитивной семантикой. Такая постановка задачи звучит достаточно амбициозно хотя бы потому, что не совсем ясно, на каком уровне обобщения материала следует работать. Если предлагать «голое» теоретизирование, выводы не будут звучать убедительно, если опускаться до примеров, не останется места для обобщений. Поэтому огорюсь, что данные заметки носят достаточно субъективный и фрагментарный характер.

Итак, лозунгом современной парадигмы корпусно-когнитивного направления становится мультиметодологический характер исследований. За этим нескладно звучащим на русском языке термином скрывается одновременно две установки: ориентация на хорошо знакомую когнитологам междисциплинарность и на необходимость сочетания и верификации результатов внутри методик собственно лингвистического и корпусного направлений. Именно благодаря корпусной революции открылись беспрецедентные способы описания языка на самых разных его уровнях – словообразовательном (например, частотность модели), дискурсивном

(изучение идиостиля автора) [Андреев 2011], фразеоматическом (исследование вариативности устойчивых выражений с позиций Грамматики конструкций) [Добровольский 2016] и проч. «Старые» вечно актуальные проблемы описания полисемии, синонимии, антонимии, гиперонимии и даже энантиосемии получили новое звучание в контексте корпусных возможностей, позволяющих проводить оптимизированный и эмпирически богатый анализ этих тонких семантических изменений семантики слов. Появился новый тип лингвиста, совмещающий в себе когнитолога, корпусного исследователя и психолингвиста.

Именно такому типу исследователя становится очевидно, что необходимо верифицировать данные корпусных изысканий с помощью психолингвистического эксперимента. Дело в том, что как никогда актуально стала звучать мысль о том, что *there is more to corpus than... data*. Современные статистические данные необходимо проверять в эксперименте, иначе получается нередко, что прототипические значения оказываются на периферии (например, более частотное значение *get* как связки статистически вытесняет прототипическое значение «получать»), а грамматически или фонетически некорректные формы затмевают правильные. Получается, что только в случае совпадения корпусных результатов с экспериментальными (*converging evidence*) возможна верная интерпретация лингвистических фактов. Примером может служить исследование смешанной метафоры (или малафоры) типа *rocket surgery*, появление которой в речи можно как списать на оговорку, так и приписать творческому приему автора [Голубкова, Таймур 2020]. Итак, отдавая должное пионерскому внедрению количественных методов (и, шире, квантитативных подходов) в лингвистику, всё четче осознается необходимость снова вводить в них человеческий фактор, в том числе и фактор субъективной оценки языкового явления.

Параллельно поразительным достижениям корпусно-когнитивных исследований в области автоматического поиска метафор и метонимий [Pragglejaz Group 2007; Hilpert 2006] особое внимание уделяется развитию аппарата семантического и концептуального анализа данных алгоритмов человеческого мышления, творчества и познания. Опираясь на классические теории когнитивной семантики (ТКМ, ТКИ, Фреймовый анализ и др.), и имея беспрецедентно богатый эмпирический материал (благодаря корпусу), ученые подвергают более тщательному анализу вопрос взаимоотношений метафоры и метонимии, впервые описанному в работах

Гуссенса, показывая их взаимосвязь и взаимообусловленность [Goossens 2002]. Особенно ярко это взаимодействие показано во многих работах на мультимодальном материале (тексты рекламы, карикатуры, комиксы, интернет-мемы, граффити) [Forceville 2017; Maalej 2015; Poppi, Kravanja 2019]. Вовлечение в орбиту лингвокогнитивного исследования мультимодального материала является еще одной очевидной чертой последнего десятилетия в развитии лингвистики. Эту тенденцию можно в целом назвать семиотизацией исследований. Тренд отражает процесс все более проявляющейся визуализации информации в силу ее функционирования в Интернете, в социальных сетях, в текстовых сообщениях.

Повышенный интерес к метафоре и метонимии, функционирующих как в вербальной, так и визуальной среде, поставил на повестку дня проблему особенностей их восприятия в различных социумах и лингвокультурах. Для того чтобы язык служил источником взаимопонимания, а не взаимонепонимания, следует учитывать не только, каким образом разрабатываются (ср. исследование глаголов плавания 2008) метафоры, но и как они создаются и воспринимаются [Kövecses 2017].

Серьезным вкладом в развитие теории концептуальных метафор стала, на мой взгляд, их систематизация не в плане инвентаризации (что достаточно субъективно), а в плане иерархизации метафор с точки зрения уровня обобщения в них смыслов. Такую удобную таксономию, демонстрирующую совместимость и коллаборацию сразу нескольких, ставших классическими школ когнитивной семантики, предложил Золтан Кевечеш, расположив концептуальные метафоры по уровням схематизации – от образных схем до ментальных пространств [Kövecses 2017]. Важно также, что исследования метафоры (и ее «младшей сестры» метонимии) проходят на фоне все большего осознания ее индивидуальных дискурсивных особенностей. Ведь в конечном итоге метафоры создаются по концептуальному образцу, но интересны именно непредсказуемым творческим вкладом их породителя. Данное свойство отразилось в широко используемой в настоящее время трехмерной модели метафоры Джерарда Стина, в которую помимо концептуального и языкового измерений он ввел дискурсивное, фактически приравненное к прагматическому/творческому параметру данного явления [Steen 2011].

Не могу не отметить в заключение и достижения исследователей в русле Грамматики конструкций – прямого следствия корпусной революции. Именно в русле исследований шаблонизированных фрагментов языка (от

морфем до текстов) нащупываются границы проявления креативности индивидуума. Сильной стороной данного направления является рассмотрение языкового явления в единстве формы (структура) и содержания (семантика). Репертуар таких структур (конструкций), составляющих конструкт языка, выявляется на основе корпусных данных с помощью современных методов поиска [Hilpert 2006]. Однако самым интересным аспектом конструкционных исследований становится поиск и допустимость вариативности и прототипичности «участников» каждой конструкции, отражающих границы допустимого в отдельно взятом языке [Добровольский 2016].

Таким образом, современные направления когнитивно-корпусного исследования отражают ориентацию когнитологов на оценку творческих возможностей пользователя языка, который, с одной стороны формирует язык, а, с другой, является «жертвой» шаблонов формирования мысли со стороны самого языка. При этом в задачу лингвистов входит обеспечение целостности границ лингвистического исследования, которые, несмотря на их размытость и совместимость когнитивной лингвистики с другими когнитивными науками, должны оставаться по сути методами именно лингвистическими, ориентированными на исследование закономерностей когнитивности посредством языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В. С.* Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов поэтов-романтиков) : монография. Смоленск : СмолГУ, 2011. 338 с.
- Голубкова Е. Е., Таймур М. П.* Теория концептуальной интеграции на службе моделирования значения малафор. (в печати)
- Добровольский Д. О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 36. С. 7–21.
- Forceville Ch.* Visual and multimodal metaphor in advertising: cultural perspectives. *Styles of Communication* 9 (2), 2017. P. 26–41.
- Goossens L.* Metaphonymy : The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // R. Dirven & R. Pörrings (eds.), *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*,. Berlin : Mouton De Gruyter, 2002. P. 349–377.
- Górska E.* Spatialization of abstract concepts in cartoons : A case study of verbo-pictorial image-schematic metaphors // Ignasi Navarro i Ferrando (ed.), *Current approaches to metaphor analysis in discourse*, xxx-yyy. Berlin : De Gruyter, 2019. P. 279–294.

Hilpert M. Keeping an eye on the data : Metonymies and their patterns // A. Stefanowitsch & S. T. Gries (eds.), *Corpus-based Approches to Metaphor and Metonymy*, Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2005. P. 123–152.

Kövecses Z. Levels of metaphor. *Cognitive Linguistics*. 28(2), 2017. P. 321–347.

Steen G. The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // *Review of Cognitive Linguistics* 9(1), 2011. P. 26–64.

Maalej Z. Mono-modal and multi-modal metaphor and metonymies in policy change: The case of the KSU2030 strategic plan // *Language Sciences* 47, 2015. P. 1–17.

Pérez Sobrino P. Multimodal metaphor and metonymy in advertising : A corpus-based account // *Metaphor and Symbol* 1, 2, 2016. P. 73–90.

Pragglejaz Group MIP : A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol* 22, 1, 2007. P. 1–39.

Poppi F. & P. Kravanja. Actiones secundum fidei : Antithesis and metaphoric conceptualization in Banksy's graffiti art // *Metaphor and the Social World* 9(1), 2019. P. 1–31.

Radden G. How metonymic are metaphors? // A. Barcelona (ed.), *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 93–108.

Б. А. Губман

(Тверь, Россия)

Тверской государственный университет

gubman@mail.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ПЕРСПЕКТИВИЗМА Ф. НИЦШЕ¹

Ключевые слова: исторический опыт, жизнь, история, «вечное возвращение», воля к власти, перспективизм, герменевтика.

Key words: historical experience, life, history, «eternal return», will to power, per-spectivism, hermeneutics.

Истолкование Ницше природы опыта жизни и истории опирается на корпус представлений развиваемой им перспективистской эпистемологии.

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № -20-011-00406-А.

Последняя, в свою очередь, немыслима вне опоры на его онтологические конструкции, рисующие мир как «вечное возвращение» и результат воли к власти [Ницше 1990, т. 2: 158]. Прочтение доктрины «вечного возвращения» как онтологии становления, осуществленное Ж. Делёзом и рядом его последователей, позволяет понять этот процесс как постоянное плюралистическое обогащение момента опыта настоящего на базе обретения им всё новых граней, возникающих в единстве со «шлейфом» минувшего и устремленностью в будущее, заданной импульсом воли к власти [Делёз 2003: 119]. Ницшеанский субъект познания и действия является носителем опыта «вечного возвращения» и подчинен постоянному «драйву» властного самоутверждения в поле конкурирующих сил. На этой основе Ницше предложил на платформе перспективизма собственную версию истолкования процесса понимания и интерпретации, позволяющую охарактеризовать её как специфический вариант герменевтики. Отвергая любые способы метафизического обоснования познания, Ницше приходит к идее тождественности реальности и созидających таковую интерпретаций, резюмирующих в плане рассудочной фиксации опыт пребывания в потоке жизни.

Перспективизм Ницше не выглядит отнюдь как простая апология опыта пребывания человека в потоке переживания многогранных естественно-телесных, духовных, культурно-исторических, душевных составляющих становления во времени опыта жизни, а представляет собою их критическое осмысление. Он содержит в себе элемент, именуемый им «интеллектуальной совестью». Под отсутствием интеллектуальной совести Ницше подразумевает некритическое отношение к реалиям, явленным жизненным опытом, откровенную лень мысли и нежелание критически осмысливать достоверно данное [Ницше 1990, Т.1: 516]. Он говорит о постыдности стоять «среди всей чудесной неопределенности и многосмысленности существования», не вопрошая и не трепеща от удовольствия, которое содержится в самом вопрошании, бесстрастно посмеиваясь взирать на происходящее. Критическое осмысление многогранности опыта существования, стремление к поиску его осмысленности, понимания и интерпретации, присущее платформе перспективизма, сообщает ей герменевтический характер.

В современной историко-философской литературе сложилась достаточно устойчивая тенденция прочтения наследия Ницше как принадлежащего к герменевтической традиции и оказавшего большое влияние на

её представителей в XX–XXI столетии. Выражая её, Б. Бабич подчеркивает, что «почти всё в мышлении Ницше герменевтично – тематически и, прежде всего, философски» [Babich 2016: 371]. Этот автор акцентирует, прежде всего, связь наследия Ницше с традицией филологической герменевтики в Германии, представленной именами Ф. А. Вольфа, А. Бёка, Отто Яна и Ф. Ричля. Одновременно Бабич говорит о признании такими классиками европейской герменевтики, как М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр и Д. Ваттимо, вклада Ницше в развитие герменевтической проблематики [Ibid.: 366–367]. Действительно, понимание и интерпретация опыта жизни – важнейшее звено ницшеанского перспективизма. Применительно к пониманию истории герменевтической доминанта реализуется в разработке Ницше метода генеалогического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Делёз Ж.* Ницше и философия. М. : Изд. «Ад Маргинем», 2003. 392 с.
Ницше Ф. Веселая наука // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 491–719.
Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. С. 5–237.
Babich B. Friedrich Nietzsche // A Companion to Hermeneutics / Ed. by N. Keane and Ch. Lawn. Malden ; Oxford : John Wiley & Sons, 2016. P. 366–377.

А. П. Гусева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

guseva.ap@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОГЕРЕНТНОСТИ

ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

(на примере англоязычного короткого рассказа)

- Ключевые слова:* художественный текст, когерентность, скрипт, концепт, точка зрения, стилистический прием.
Key words: fiction, coherence, script, concept, point of view, stylistic device.

Когерентность создает прагматическую целостность текста и структурирует части дискурса таким образом, что он приобретает семантическую

значимость. Несмотря на то, что изучением явления когерентности лингвисты занимаются уже продолжительное время [Хэллiday, Хасан 1979; Dijk 2000 и др.], средства ее достижения остаются еще недостаточно изученными.

В качестве материала для иллюстрации некоторых средств достижения когерентности художественного текста нами был выбран англоязычный короткий рассказ «Broth» (авт. Rebecca Mae Lam).

Одним из основных средств достижения когерентности рассматриваемого текста является скрипт «приготовление супа», задающий фон рассказа, на котором разворачиваются размышления и воспоминания рассказчика, связанные с тяжелой утратой. Упомянутый скрипт вербализуется следующими средствами:

I cut into the chicken; chicken chopped; chicken goes in last, last in the broth;
I stir the broth.

Пропуская описание некоторых стадий приготовления супа (например, нарезка овощей, добавление соли и т. д.), автор опирается на существующие фоновые знания (схемы) читателя о процессе приготовления супа, заставляя его самостоятельно достраивать картину происходящего, автоматически восполняя недостающие стадии.

Не менее значимую роль в достижении целостности текста играет ключевой концепт «grandmother» (бабушка), актуализирующийся через такие словосочетания, как:

warm hands; watching her pull and finger the carcass (= cooking); told me about when she was in her twenties; I rode ... for a visit; upon my leaving she stood ... at the window and waved vigorously; glasses fluttering on gold thread.

Указанные языковые единицы выстраивают обобщенный образ любящей бабушки: у нее теплые руки, она готовит, рассказывает о временах своей молодости, радуется вашему приезду и машет рукой в окно, когда вы уезжаете, носит очки на цепочке. Именно при помощи этих единиц актуализируется и конкретизируется образ близкого человека, по которому тоскует рассказчик, – бабушки, хотя мы и не встречаем прямого названия этого действующего лица в тексте рассказа.

Точка зрения также выполняет связующую функцию в рассказе и обеспечивает его когерентность. Точка зрения рассказчика вербализуется через описательный тип дискурса:

the chicken looks like my fingers; skin is cold and pink; her hands were always warm; sat at the cheap table; a metallic legged dining table; the green kitchen; sat... watching; carcass...full of chicken and leek and long green beans that were always so flavourless; I drank low quality wine while she told me about when she was in her twenties; she was smart; a reverie of red and brown carpets, and tortoiseshell glasses, and the smell of cigarettes; redly pink, strings of white, living entrails, skin.

Стилистические приемы, актуализирующие эмоциональное состояние рассказчика, служат средствами выстраивания эмоционального фона рассказа и тем самым способствуют его целостности:

- ▶ контраст *my skin is cold – her hands were warm*;
- ▶ многосоюзие *full of chicken and leek and long green beans that were always so flavourless*;
- ▶ ирония *over-boiling the vegetables was one of her many talents*;
- ▶ метафтонимия в комбинации с многосоюзием *the night came alive in a reverie of red and brown carpets, and tortoiseshell glasses, and the smell of cigarettes*;
- ▶ анадиплосис *chicken goes in last, last in the broth*;
- ▶ метафора *the robot woman announcing the stops barks it*;
- ▶ эпитет *a guttural, phlegmy cough of a word*;
- ▶ метафора *time stirred around me*;
- ▶ эпитет *dove-like breast*;
- ▶ метафора *time is a pinhead*.

Представленный анализ позволил показать, что для достижения когерентности в указанном рассказе автором были использованы такие средства, как: скрипт «cooking», концепт «grandmother», описательный тип дискурса как средство актуализации точки зрения рассказчика, а также стилистические приемы, которые выступили в качестве средства реализации эмоционального состояния рассказчика.

ЛИТЕРАТУРА

- Хэллидей М. А. К., Хасан Р. Когезия в английском языке // Исследования по теории текста. М., 1979. С. 108–115.
- Dijk T. A. van. Cognitive discourse analysis. An introduction. 25.10.2000. URL : www.discursos.org/unpublished%20articles/cogn-dis-anal.htm (дата обращения: 10.05.2020).

М. А. Захарова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

anmar70@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: терминологический фразеологизм, актуализация, языковая деятельность, коммуникативная установка, маркер, фреймовая структура.

Key words: terminological idioms, realization in speech, language activity, marker, frame structure.

На протяжении многих десятилетий когнитивная лингвистика безуспешно разрабатывает весьма перспективную область исследований, связанную с вопросами вербализации, актуализации и генерирования знаний.

Современные исследования показывают, что особое значение в этом процессе имеют как языковые способности и навыки участников коммуникации, так и неотъемлемые свойства используемых ими языковых единиц [Добровольский 1996]. Пристальное внимание в таких исследованиях уделяется внутренней форме и фреймовой структуре данных единиц (в частности, разного рода образных и идиоматических выражений), поскольку они обладают специфической способностью оказывать непосредственное влияние не только на цель (коммуникативную установку), характер и способы протекания коммуникативного процесса, но и на его результаты (языковая и иная деятельность).

Например, анализ контекстов употребления терминологических фразеологизмов показывает, что решающую роль в их функционировании играет ментальный концепт значения, формирующий языковой фрейм, в рамках которого собственно и происходит актуализация разнообразных свойств данных единиц, необходимых для реализации установки инициатора коммуникативного акта, а также последующей языковой и/или иной деятельности участников коммуникации [Захарова 1999].

Следует также отметить, что фразеологизмы, независимо от вхождения в их состав определенных маркеров (пространства, гендера и т. п.), проявляют особенности, свойственные всем идиомам как языковым единицам, а именно – склонность к окказиональным преобразованиям под воздействием вышеупомянутых факторов [Кунин 1996]. Отсутствие прозрачности внутренней формы в таких языковых единицах чаще всего приводит к неверному толкованию их значения или контаминации значений омонимичных (паронимичных) единиц. Вместе с тем, отдельные составляющие образных фразеологизмов и их концептов (компоненты, семы) могут актуализироваться в своих буквальных значениях, что также свойственно фразеологическим единицам в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1996. №1. С. 71–94.

Захарова М. А. Стратегия речевого использования образных фразеологизмов английского языка на материале ФЕ с пространственной структурой / Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 205 с.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка // М.: Высшая школа; Дубна : Издательский центр «Феникс», 1996. 381с.

О. Н. Исаева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

bubbleeye@gmail.com

ВОССОЗДАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ ЧЕРТ АВТОРСКОГО СТИЛЯ, СВЯЗАННЫХ С ТИПОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ИСХОДНОГО ЯЗЫКА

(на примере пары «английский–русский»)

Ключевые слова: художественный перевод, типология, стилистика, русский язык, английский язык.

Key words: literary translation, linguistic typology, stylistics, Russian language, English language.

В докладе рассматриваются вопросы передачи особенностей авторского стиля при работе с языками разных типов на примере перевода повести С. Дилэни «The Einstein Intersection» («Пересечение Эйнштейна») на русский язык.

Как известно, языковая игра нередко основывается не только на лексических, но и на грамматических особенностях языка, восходящих к его типологии [Кацнельсон 1972: 18–21; Псурцев 2020: 60]. Нам повезло перевести с английского языка повесть, где языковая игра встречалась не в виде вкраплений, а являлась одной из основ речевого портрета протагониста-рассказчика. Стремясь подчеркнуть необычность его мышления, автор последовательно нарушал грамматические правила, привязывая нарушения к особенностям описываемой ситуации.

Анализ показал, что эти нарушения носят системный характер: опускались преимущественно составляющие аналитических форм глагола, давая один из двух результатов. В рамках отрывков, однозначных по смыслу, создавалось ощущение «иной логики» и своеобразной экономии средств без явной потери содержания (все опущения были легко восстановимы). В рамках устойчивых конструкций нарушения могли парадоксально менять их смысл либо окраску.

На самом раннем этапе работы стало ясно, что «копируя» авторские нарушения во флективном русском языке, т.е. искажая временные формы глаголов, можно создать лишь ощущение хаотической, неграмотной речи. Вообще, грамматические нарушения безотносительно части речи давали тот же нежелательный эффект.

Поэтому предварительно основным рабочим материалом русского языка была выбрана одна из характернейших его особенностей – богатая система аффиксов (чаще – приставок и флексий), реализующих, правда, не грамматические, а иные функции.

Системность в оригинале требовала системности в переводе, поэтому решено было преимущественно сконцентрировать внимание на одной части речи: таким образом, мелкие нарушения в употреблении аффиксов выступили бы заметнее и не воспринимались как рассеянные по тексту ошибки.

Изучение прецедентов в русской литературе показало, что существительное и прилагательное придется исключить: игра с неверными аффиксами применительно к ним – явление относительно частотное, следовательно, может быть воспринято как вариант нормы. Глагол был в этом плане относительно «свободен».

По мере работы подтвердилось наше предположение, что нарушения в исходном тексте нельзя будет всегда воспроизводить в тех же точках переводного текста, и заметная их часть в переводе будет компенсирована в других точках. При этом в соответствии с авторской манерой компенсирующие элементы привязывались к эмоционально или художественно значимым отрывкам оригинала.

Системность потребовалась и на уровне выбора стилистических функций нарушений в переводе. В качестве основных были выбраны: создание «двойного» значения глагола при сохранении типичного управления глагола с «неверным» аффиксом и актуализация в новом контексте стилистически маргинального или устаревшего в ряде значений корня.

В части случаев сдвиги в употреблении аффиксов выступали слишком резко на фоне остального текста. Потребовалось создавать им соответствующий «стилистический фон», сопровождая их на небольшом «отдалении» другими приемами, в частности: аллитерацией, окказионализмами, построенными по наиболее продуктивным моделям, и пр.

Получившаяся в итоге система была реализована в тексте и воспринята в духе задач произведения как контрольной группой читателей, так и редактором серии, давшим «добро» на публикацию.

В результате работы мы пришли к следующим выводам:

- ▶ При передаче стилистических особенностей, восходящих к типологии исходного языка, предпочтительно обращаться к типологическим чертам языка переводящего.
- ▶ В паре языков «английский-русский» даже частичное калькирование особенностей, восходящих к типологии исходного языка и отсутствующих в переводящем, нежелательно.
- ▶ Системный подход к передаче обеспечивает узнаваемость приема.
- ▶ Выбор черт, на которых будет строиться языковая игра, желательно основывать на анализе прецедентов в литературе переводящего языка, дабы избежать как затертости, так и излишней вычурности приема.
- ▶ Ввиду необходимости частичной компенсации в других отрывках текста полезно определить для себя основные задачи выбираемых отрывков и функции, которые в них будет выполнять прием.
- ▶ Нетипичные для переводящего языка приемы могут потребовать создания соответствующего «фона» для стилистической интеграции их в конкретный отрывок.

ЛИТЕРАТУРА

- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.
Псущев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. 2020. № 2. С. 46–60.

Л. В. Ипполитова, А. А. Кунькова

(Россия, Москва)

Московский государственный лингвистический университет
ipolitova.lv@yandex.ru, apetrenko81@yandex.ru

КОНФЕРЕНЦИЯ

«РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР» КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОФОНОВ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ, ДИПЛОМАТОВ

Ключевые слова: межкультурная компетенция, культурная сензитивность, межкультурная коммуникация, диалог культур, преподавание русского языка иностранным студентам.

Key words: intercultural competence, cultural sensitivity, intercultural communication, intercultural dialogue, teaching the Russian language to international students.

Реализация основных образовательных программ по направлениям подготовки Лингвистика и Международные отношения предполагает высокий уровень сформированности межкультурной компетенции обучающихся, их умения успешно участвовать в межкультурной коммуникации, на высоком уровне осуществлять диалог культур [Ашчи, Мухаммад, Татаринова 2018]. Основным средством достижения этой цели при обучении инофонов является русский язык [Стародубова 2019].

По мнению учёных, в структуре межкультурной компетенции важную роль играют как когнитивный, так и аффективный и ценностный компоненты; следует подчеркнуть, что к числу наиболее существенных аспектов межкультурной компетенции исследователи относят способность понимать как родную культуру учащихся [Шкутина, Жанкина 2012: 5], так

и культуру изучаемого языка [Ашчи, Мухаммад, Татарина 2018; Столетова 2018].

Формированию межкультурной компетенции уделяется особое внимание при подготовке бакалавров и магистрантов – будущих переводчиков, преподавателей русского языка как иностранного, дипломатов, обучающихся в Московском государственном лингвистическом университете.

Одним из ключевых этапов на пути к достижению этой цели является студенческая конференция «Русский язык на перекрёстке культур».

Эта форма работы обладает целым рядом достоинств. Конференция имеет мощный мотивирующий и обучающий эффект; служит средством контроля уровня сформированности знаний, умений и навыков; позволяет трансформировать учебно-речевую ситуацию, учебное общение в коммуникативную ситуацию, настоящий диалог культур. Кроме того, конференция способствует формированию положительного образа страны изучаемого языка, поскольку русскоязычная культурная среда становится средой успешной межкультурной коммуникации, а русский язык выступает в своём статусе языка международного общения.

В качестве основных докладчиков на конференции выступают студенты разных курсов, но для учащихся второго курса бакалавриата и первого курса магистратуры данная конференция играет особую роль: на этих курсах программой предусмотрено углубленное изучение традиций, обычаев и творчества страны изучаемого языка.

В процессе подготовки к конференции перед обучающимися ставится задача творческого характера: подготовить научно обоснованное сообщение о таком феномене своей культуры, который является самобытным, раскрывает яркие черты национального менталитета, характера, мировосприятия. Данную задачу они выполняют в контексте изучаемой российской культуры и русского языка, за счёт чего происходит обогащение их картины мира, что позволяет сделать открытия, в том числе, и в аспекте знакомой родной культуры.

Регламент выступления – 3-5 минут; сообщение должно сопровождаться презентацией в формате Power Point, допускаются включения аудио- и видео фрагментов продолжительностью до 15-20 секунд, слайды должны содержать минимум текста и максимум наглядной информации. После выступления даётся время (1-2 минуты) для ответов на вопросы присутствующих. При этом необходимо избегать механического сопоставления культур, поскольку оно слишком легко перерастает в поверхностные

умозаключения и провоцирует неприятие иного, голословного утверждения приоритета своего над чужим. Отметим, что умение корректно представить свою культуру особенно важно для будущих переводчиков, преподавателей РКИ и дипломатов.

Приведём примеры тем, которые выбирали студенты для своих выступлений на конференции:

- ▶ Сербская песня «Тамо далеко»: история и судьбы.
- ▶ Вьетнамский театр кукол на воде (Вьетнам).
- ▶ Праздник детей (Япония).
- ▶ Холодное оружие древней Японии.
- ▶ Узор на азербайджанском ковре.
- ▶ По следам древних цивилизаций: Мевр (Туркмения).
- ▶ Глиняные небоскрёбы Шибама (Йемен).
- ▶ Изогнутые линии в культуре Кореи.
- ▶ Бумага Ханди в корейской культуре.
- ▶ Чудо из тандыра (Узбекистан).
- ▶ Монгольский народный инструмент морин хуур.

Необходимо отметить, что очень значимым положительным результатом конференции является более глубокое знакомство с родной культурой, переход на новый уровень её осознания. Погружаясь в родную культуру и принимая на себя роль её активного представителя, обучающийся проходит через стадию идентификации и солидаризации с ней, а с помощью задаваемых на конференции вопросов начинает осознавать, насколько чувствительным является этнокультурный момент для каждого участника диалога культур. Таким образом, участие в конференции «Русский язык на перекрестке культур» способствует формированию культурной сензитивности.

Участники конференции всегда констатируют, что они по-новому начинают воспринимать родную культуру и себя как её носителей. Это, в свою очередь, служит формированию эмпатии, которая является неотъемлемой частью аффективного компонента в структуре межкультурной компетенции [Шкутина, Жанкина 2012: 7], и помогает приобрести опыт положительного эмоционального восприятия чужой культуры.

В процессе подготовки к выступлению происходит осмысление не только ценностей родной и российской культуры, но и чрезвычайно высокой ценности диалога культур, а также, как следствие, способствует выявлению тех ценностей, которые поднимаются до уровня общечеловеческих.

Итак, будучи воспринимаемы с позиций межкультурного общения, контактирующие культуры и языки, включённые в творческий процесс

подготовки и проведения молодёжной конференции, способствуют формированию общего аксиологического поля, где наличие похожего и близкого помогает принять и понять иное – чужое – другое, успешно преодолевать барьеры в общении и выстраивать конструктивный межкультурный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

Аиши М., Мухаммад А. П., Татаринова Н. В. Межкультурная коммуникация как компонент антропологической лингводидактики. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 143–156.

Стародубова О. Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 100–112.

Столетова Е. К. Осмысление близости значимого события в русской национальной картине мира: фразеологизм быть на пороге (значение, особенно-сти употребления, сопоставление с единицами английского и французского языков). В книге: Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур / отв. ред. И. А. Лешутина. 2018. С. 257–261.

Шкутина А. А., Жанкина Б. Ж. Межкультурная компетентность: понятие, структура и содержание // Вестник Карагандинского государственного университета имени Е. А. Букетова. Серия «Педагогика». 2012. № 3 (67).

Е. И. Карпенко, Н. В. Любимова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

elena_karpenko@list.ru, natalju@yandex.ru

ЛИНГВОЛИТЕРАТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Ключевые слова: геопозитика, образ пространства, топография, топология, геопозитические средства современной литературы.

Key words: geopoetics, space image, topography, topology, geopoetical means of modern literature.

Магию притяжения литературного текста сложно описать в нескольких словах. Читая и перечитывая один и тот же текст, мы можем не только испытывать разные эмоции, но и каждый раз получать новую информацию. Все дело в так называемом *способе прочтения*. Один из способов прочтения, который интенсивно развивается в последнее время на стыке литературоведения, лингвистики и географии, получил название геопозитического подхода. Как следует из названия, речь идет о специфическом взгляде на географические пространства и использовании их образа для построения литературного пространства художественного произведения, а также переосмысления реальных географических данностей, нового прочтения территорий с помощью литературы [Засе, Маршалек 2013: 3].

С точки зрения геопозитики в литературном тексте происходит поэтизация реального пространства и его элементов, будь то горы, озера, степи, моря или леса, с целью его литературно-идейной обработки и включения в широкий культурно значимый контекст. Таким пространством могут стать и Альпы, и Люнебургская пустошь, и сибирская тайга, и Балтийское побережье. Главное, что этот ландшафт может вдохновить художника на создание одного из возможных литературных миров, который находится в тесной связи с реальным пространством. Важно также, что тексты, обладающие геопозитическим потенциалом, «лично уникальны» [Иванова 2015: 81] и требуют имплицитного присутствия автора, которое дает возможность рассмотрения вопроса о «связи между творческими силами художника и географическим местом» [Засе, Маршалек 2013: 7]. Многие художники экзистенциально связаны с конкретным пространством, и оно становится *fundamentum in re* для их творчества: Берлин и Марк Бранденбург также соотносятся с Теодором Фонтане как Североморское побережье с Теодором Штормом или швейцарская община с Готфридом Келлером (ср. [Ritzer 2015: 5]).

Чем более необычна, приметна, тревожна или, наоборот, умиротворяюще спокойна форма ландшафта, тем ярче его поэтические признаки – крутизна, плоскость, равнинность, бесконечность, запыленность, удаленность от цивилизации, и, соответственно, тем выразительнее его отражение в литературном тексте.

Геопозитический подход предполагает, что принятие во внимание географических, культурных, исторических и иных факторов, как и учет процессов культурного синтеза литературных традиций в смысле взаимопроникновения культур, приводящего к появлению социокультурного

феномена иного порядка, позволяет при анализе оценить метафизический потенциал географических пространств.

Принимая во внимание лингвокреативный характер конструирования географических пространств в художественном тексте, возникает принципиальный вопрос о репертуаре геопоэтических средств современной художественной литературы. Подобно физическому пространству, наполненному различными элементами ландшафта, флорой, фауной, запахами и звуками природы, физическими объектами и рукотворными артефактами, литературное пространство требует *топографического* оформления [Mahler 1999]. Уникальный *образ* геопоэтического пространства конституируют топонимы, гидронимы, оронимы, петронимы, фитонимы, зоонимы и другие элементы топономастического кода современной литературы (например, хрематонимы, цветовые, звуковые и ольфакторные обозначения). Топографическая наполненность литературного пространства открывает возможности для его символического, метафорического, ассоциативно и коннотативно насыщенного переосмысления. Благодаря топографическому наполнению конструируются физические измерения литературного пространства, что, в свою очередь, обуславливает возможность его *топологической* интерпретации как «внешнего» или «внутреннего», «своего» или «чужого», «центрального» или «периферического».

Для понимания топологии пространства важным оказывается его восприятие через внутренний мир литературного героя. В литературном тексте пространственное перемещение героя, преодоление им природных препятствий, пересечение внутренних и внешних границ становится метафорой жизненного пути. По этой причине репертуар геопоэтических средств в отдельном литературном тексте нередко включает в себя лингвистические средства эмотивной экспрессии, отражающие особенности преломления пространства в эмоциях и чувствах героев.

ЛИТЕРАТУРА

- Засе М., Маршалек С. Дисциплина геопоэтики / пер. с нем. Е. Дайс. University of Zurich : Zurich Open Repository and Archive, 2013. 15 S.
- Иванова И. И. Геопоэтика новейшей художественной литературы: опыты художественного освоения городского пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50), ч. 2. С. 80–85.
- Mahler A. Topologie // Handbuch Literatur & Raum / Dünne J., Mahler A. (Hrsg.). Berlin / Boston : De Gruyter, 2015. S. 17–29.

Ritzer M. Sinnbilder der Wirklichkeit. Berg, Gebirge, die Alpen im literarischen Realismus // KulturPoetik. Zeitschrift für kulturgeschichtliche Literaturwissenschaft. Bd. 15, 2015. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 2015. S. 4–29.

В. А. Климик

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

v.klimik@bk.ru

КАПИТАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ОСОБЕННОСТИ ВСТРАИВАНИЯ

Ключевые слова: капитализация, лингвокреативная орфография, графологема, художественный текст, структура текста, словоформа, предложение.

Key words: capitalization, linguocreative orthography, graphologeme, fiction text, text structure, wordform, sentence.

Одним из наиболее часто употребляемых в художественном тексте приемов лингвокреативной орфографии является *капитализация*. Печатный набор некоторых единиц текста прописными буквами предоставляет автору, работающему над текстом, интересные возможности для выражения художественных смыслов. Для обозначения элементов авторского орфографического кода, созданных на основе приема *капитализация*, предлагается термин *графологема* [Климик 2019: 55].

«Встраивание» графологем в структуру текста подчиняется определенным закономерностям. Типичные особенности «встраивания» графологем в текст во многом зависят от семантической функции графологемы.

При создании художественного текста наиболее востребована семантическая функция, которую можно сформулировать как повышение интенсивности признака [Климик 2019: 185–194]. Кроме того, графологема *капитализация* может иметь звукоподражательную функцию и функцию создания иконического образа референта. Рассмотрим типичные особенности «встраивания» графологем в текст отдельно по каждой функции.

1. Повышение интенсивности признака

Tonight Mom came up to my room, and she had a flyer in her hand. As soon as I saw it, I knew EXACTLY what it was.

It was an announcement that the school is having tryouts for a winter play. Man, I should have thrown that thing out when I saw it on the kitchen table.

I BEGGED her not to make me sign up. (*J. Kinney. Diary of a Wimpy Kid*)

Из предложения *As soon as I saw it, I knew EXACTLY what it was* читатель узнает, что мальчик точно знает, с какой новостью (нежеланной) пришла к нему мама. В предложении *I BEGGED her not to make me sign up* сообщается о том, что мальчик умоляет маму позволить ему не принимать участие в школьном спектакле. Графологемы EXACTLY и BEGGED, транслирующие повышение интенсивности признака, «встроены» в структуру текста в формате словоформы. Компонентный анализ показывает, что в семантической структуре лексем *exactly* и *beg* присутствует сема признака. В частности, на основании словарных статей Cambridge Dictionary получен следующий результат.

BEG: 1. To make a request; 2. A very strong and urgent request

EXACTLY: 1. Completely correct 2. Emphasizing what is being said [Cambridge Dictionary, URL]

Функция повышение интенсивности признака реализуется с опорой на лексемы *exactly* (наречие) и *beg* (глагол), имеющие в семантической структуре сему признака, степень которого потенциально может возрастать или, наоборот, снижаться.

2. Создание иконического образа референта

Harry turned over his card and read: ALBUS DUMBLEDORE CURRENTLY HEADMASTER OF HOGWARTS (*J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone*).

Графологема ALBUS DUMBLEDORE CURRENTLY HEADMASTER OF HOGWARTS создает иконический образ записи на открытке из серии с изображениями знаменитых волшебников. Дополнительно заглавные буквы могут (потенциально) символизировать важность информации. В этой функции графологема *капитализация* употребляется преимущественно как средство создания визуального образа «написанного», например, на конверте, на обложке книги, на вывеске (ср. с функцией *повышение интенсивности признака*, когда графологема служит средством создания или уточнения дополнительных смыслов).

Данный пример иллюстрирует типичные особенности «встраивания» графологемы капитализация в названной функции: графологема

«встраивается» в текст в формате односоставной клаузы (в данном случае – номинативной), в ближайшем контекстуальном окружении графологемы присутствуют лексемы семантического поля *write / read* (существительное *card*, глагол *read*). Типичным является также пунктуационное оформление, при котором клаузе предшествует двоеточие, разделяющее две части бессоюзного сложного предложения.

3. Звукоподражательная функция

“WHAT!” cried Paddington, in a loud voice (*M. Bond. A Bear Called Paddington*).

Графологема WHAT! передает повышенную *громкость* голоса, в частности восклицание удивленного персонажа. Графологема в наиболее типичных случаях функционирует в формате простого предложения (в данном примере – в формате простого односоставного предложения) и находится в контекстуальном окружении лексем семантического поля *loud* (в данном примере – в окружении глагола *cried* и прилагательного *loud*). Типичным также является пунктуационное оформление: предложение WHAT! завершается восклицательным знаком. Дополнительно к выраженной звукоподражательности типичным для капитализации в этой функции является повышение эмпатичности и эмотивности: WHAT! *подчеркивает* эмоцию изумления, выражаемую междометием *what*.

Таким образом, лингвокреативные графологемы, создаваемые с помощью приема капитализации, имеют типичные особенности (маркеры) «встраивания» в структуру художественного текста. Для функции *повышение интенсивности признака* типичным является синтаксический формат словоформы и сочетаемость с лексемой, в семантической структуре которой есть потенциальная возможность варьирования признака (например, прилагательные, наречия, абстрактные существительные, некоторые глаголы состояния). Если графологема *капитализация* выполняет функцию создания иконического образа референта, тогда типичными маркерами являются лексемы семантического поля *write / read* – как правило, это глаголы (личные и неличные формы). Типичными маркерами также являются «встраивание» таких графологем в формат клаузы и двоеточие перед клаузой. Для графологем с выраженной звукоподражательной функцией типичными маркерами являются формат предложения и пунктуационное оформление в виде восклицательного знака.

В данной работе описаны наиболее типичные случаи, связанные с реализацией графологемы *капитализация* в художественном тексте на

английском языке. Возможны случаи совмещения в одной графологеме различных функций, однако есть основания полагать, что одна из функций имеет большую выраженность и задает наиболее важное направление интерпретации.

Графологемы в художественном тексте, созданные на основе приема *капитализация*, рассмотрены в данной работе как результат творческого процесса создания текста профессионалом (писателем). Исследование и научное описание особенностей встраивания лингвокреативных графологем в структуру художественного текста позволяет уточнить и углубить теоретическое знание о создании художественного текста, а также использовать полученные разработки в практике профессиональной работы над текстом.

ЛИТЕРАТУРА

Клирик В. А. Лингвокреативная орфография как репрезентация авторских смыслов в англоязычном художественном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 358 с.

Клирик В. А. Поликодовость в художественном тексте специфика терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 12 (828). С. 49–61. URL : http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/12_828.pdf (дата обращения: 02.05.2020).

Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 02.05.2020).

А. В. Куковская

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

a.kukovskaya@linguanet.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ АВТОР В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ (на примере англоязычного интернет-дискурса блогеров)

Ключевые слова: интернет-дискурс, блоги, герменевтика, семиотика, интерпретация, открытые тексты, со-творчество.

Key words: Internet discourse, blogs, hermeneutics, semiotics, interpretation of texts, open texts, co-authorship.

Проблематика, связанная с интерпретацией текста и его смыслов, с уровнем его открытости и закрытости, с ролью и степенью участия автора и реципиента (читателя, зрителя) в этой интерпретации продолжает вызывать интерес у исследователей. Мы предлагаем рассмотреть данные вопросы на материале англоязычных блогов, посвященных массовой культуре, поскольку эта область изучена еще недостаточно полно.

Сегодня исследования материала, в частности, интернет-дискурса, находящего свою манифестацию в англоязычных записях в блогах, особенно актуально в рамках междисциплинарного подхода (в том числе, с точки зрения лингвистики, герменевтики и семиотики). В современном мире, вследствие распространения массовой культуры и современных средств коммуникации, в частности, Интернета, полимодальный текст таких записей становится интертекстом, т. е. совокупностью взаимопроникающих, взаимовлияющих и взаимозависимых семиотических текстов. Записи в блогах здесь выступают как часть интертекста, порождаемые коммуникантами «в качестве ответной реакции на произведения поп-культуры в рамках удовлетворения креативного импульса и стремления к самовыражению». Одновременно разворачивается иной интерактивный процесс – процесс так называемого «обрушения четвертой стены», когда авторы признают существование зрителей, вступают с ними в диалог, а зрители оказывают непосредственное влияние на произведение массовой культуры» [Куковская 2016: 18–19, 24]. Иными словами, блогеры, излагающие свое мнение о произведениях, оказываются настолько вовлеченными в процесс интерпретации, что на каком-то этапе из пассивной роли «реципиентов» текста становятся его соавторами, или через влияние (опосредованное Интернетом) на авторов изначального текста, или через умножение элементов семиотического интертекста.

Этот новый уровень интертекстуальности, ставший возможным благодаря Интернету и современным технологиям, позволяет по-иному взглянуть не только на герменевтическую проблему интерпретации текста, но и на семиотическую оппозицию «открытые — закрытые» тексты. Можно утверждать, что сегодня для коммуникантов в блогосфере не осталось закрытых текстов, и это объясняется не только всепроникновением интертекстуальности и полимодальным характером интернет-дискурса (использованием различных каналов репрезентации, т. е. различных семиотических систем), но и согласуется с современными герменевтическими воззрениями на текст и его интерпретацию.

При проведении исследования мы опирались, в частности на воззрения Р. Барта, У. Эко, Л. Парейзона, Ф. Шлейермахера, П. Рикёра, П. Байяра, а также Х.-Г. Гадамера, который писал, что понять текст, значит, понять «самую суть дела» [Гадамер 1991: 75], т. е. создать свой смысл, а не реконструировать авторский. Иными словами, можно утверждать, что интерпретации текста множественны и несводимы к одной единственно правильной, ибо смысловое содержание текста по своей природе плюрально, а текст порождает свои смыслы для участников дискурса на его основе. Познание смысла текста – это бесконечный процесс во времени и в культуре, а блогеры, пишущие о произведениях – активные участники такого процесса интерпретации. Следовательно, блогер-интерпретатор вынужден осмысливать текст, становящийся, таким образом, для него открытым, лишенным авторского доминирования и детерминированности. Для понимания текста, его постижения, коммуникант порождает новые смыслы, которые, будучи представленными в его блоге с использованием различных модусов, вплетаются в сам текст, становясь его неотъемлемой частью, дополняя вербальный ряд невербальным (визуальным, аудио и т. п.). Стоит также отметить смену семиотических систем и каналов репрезентации при создании, например, текста на основе видеоряда, рисунка на основе текста и наоборот, кулинарного рецепта (текст и фото или видео) на основе сцены из сериала, выложенного в блоге текста с фото вязаной поделки на основе фильма, снятого по книге и т. п. Создавая подобный полимодальный дискурс, вплетающийся в интертекст, общаясь с иными коммуникантами и авторами, блогер-интерпретатор становится соавтором. При этом совокупность интерпретаций составляет и порождает смысл текста: интерпретация перестает быть внешней задачей по отношению к интерпретатору, она становится его экзистенциальной задачей.

Современное стремление к сотворчеству не является чем-то кардинально новым, поскольку реципиент в той или иной форме уже участвовал в создании произведения, и сегодня мы наблюдаем новый расцвет данного явления на новом витке спирали, ставшем возможным благодаря современным средствам коммуникации, в том числе, коммуникации, опосредованной компьютером. Небезынтересным для исследования данной проблематики может стать сравнение современного соавторства и увеличения роли блогеров-интерпретаторов с тем, как аналогичный процесс протекал в истории на примере соотношения и изменения ролей автора-драматурга и интерпретатора-режиссера в театре. Нам представляется, что подобное сравнение уместно, в частности, потому, что Р. Барт и другие ученые, писавшие

о «смерти Автора», опирались, в том числе, на процессы, происходящие в современном им театре, представляющем собой синтез многих искусств. В театре, где важнейшую роль играет слово, текст, также используются различные каналы репрезентации, как и в современной блогосфере.

На данном этапе на примере англоязычного интернет-дискурса блогеров и его встраивания в «культуру соучастия» [Jenkins 1992, 2006], мы можем наблюдать процесс совместного творчества. После исследования записей блогеров-интерпретаторов произведений современной массовой культуры с полной уверенностью можно говорить о своеобразной смерти автора индивидуального и одновременном рождении автора коллективного, собирабельного, кумулятивного, о творческом создании текстов в синергетическом соавторстве многих участников, о симбиозе автора и читателя (зрителя).

ЛИТЕРАТУРА

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного : пер. с нем. М. : Искусство, 1991. 367 с. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).

Куковская А. В. Блоги как звено в семиотической цепи текстов // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 10 (749). С. 18–26. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/10_749.pdf (дата обращения 29.04.2020).

Jenkins H. Fans, bloggers, and gamers: exploring participatory culture. New York and London : New York University Press, 2006. 274 p.

Jenkins H. Textual poachers: television fans and participatory culture. New York and London: Routledge, 1992. 346 p.

В. А. Куликова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

val.kulikova@hotmail.com

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИСКУССТВА И СПОРТА: АНТРОПОНИМЫ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Ключевые слова: антропонимы, категория сравнения, сравнительные конструкции, антономасия.

Key words: anthroponyms, category of comparison, comparative construction, antonomasia.

Сегодня вектор лингвистических исследований связан с изучением языка с лингвокультурной и лингвокогнитивной точек зрения. Так, в центре исследования оказываются языковые явления и связанные с ними когнитивные и культурные особенности, анализ которых позволяет понять ключевые моменты функционирования языка. В рамках этого подхода мы исследуем уникальные антропонимы в сравнительных конструкциях на материале современных немецких СМИ.

Язык способен отражать человеческое сознание, ведь именно в языке закреплены представления человека об окружающем мире, его система ценностей, своеобразие присущей ему национальной культуры. Когда человек познает мир, в его сознании формируются новые структуры знания путем обработки, интерпретации, категоризации и классификации поступающей по разным каналам информации. Согласно В. З. Демьянкову, «перерабатываемое знание структурировано и упорядочено линейно в соответствии с очередностью его освоения данным человеком. Мир меняется, а потому меняются и наши когниции мира <...> Вот почему мы пользуемся не заранее расфасованными данными, а какой-то пока еще не вполне ясной их организацией, позволяющей применять знание в новых контекстах и генерировать новое знание» [Демьянков 1994: 26]. Одной из основных категорий, которой пользуется человек, осваивая мир, – категория сравнения.

Представить нашу жизнь без сравнения невозможно. Каждый из нас сравнивает свое и чужое, настоящее и прошлое, свои представления о чем-то и реальность. Это позволяет определить сравнение как одну из основных ментально-языковых категорий. Сравнивая, человек отражает свойства естественных объектов путем противопоставления одного объекта другому. Это означает, что между этими объектами обязательно присутствует явное или неявное «общее», или *tertium comparationis*. Бернд Шпилнер объясняет это явление как некую универсальную глубинную категорию, которая не зависит от отдельного языка, но которая находит свое отражение в каждом языке по-своему [Spillner 1997: 110]. Сравнение задействует механизм ассоциации, который позволяют в сознании реципиента построить определенные связи между объектами сравнения. В этом отношении категория сравнения является одной из наиболее важных когнитивных и языковых категорий, отражающих основные свойства, признаки сходства или различия, отношения между явлениями действительности по наличию ассоциативных связей между ними. Порождая новые образы и значения, сравнение заключает в себе не только когнитивную, но и эмоционально-экспрессивную и смыслообразующую функции.

Целью нашей работы является изучение *антропонимов* с позиций лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, т.е. наименований лица, которые так же, как и другие единицы языка могут быть использованы в сравнениях. Нами предпринята попытка продемонстрировать тесную связь между искусством и спортом в сознании людей на основе когнитивных механизмов, которые используются при сравнении (*Albrecht Dürer des Fußballs, Van Gogh des Fußballs, Picasso des Fußballs, ein Picasso des Radsports, Mozart des Handballs, Mozart des Tischtennis, Mozart des Fußballs, Mozart des Golfspiels, Mozart des Skispringens, Mozart des Ringens*).

Лингвистический анализ контекстов показал, что уникальные антропонимы играют важную роль в ментально-языковых, культурно специфических и интердискурсивных процессах. Они не только создают семантическое пространство, но и накапливают контекстуальные и ассоциативные значения, что обусловлено их способностью кодировать, а затем преобразовывать большое количество информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Spillner B. Methoden des interkulturellen Sprachvergleichs: Kontrastive Linguistik, Paralleltextanalyse, Übersetzungsvergleich. In : Lüsebrink, Hans Jürgen / Reinhardt, Rolf (Hrsg. zusammen mit Annette Keilhauer und René Nohr) : Kulturtransfer im Epochenumbbruch. Frankreich – Deutschland 1770 bis 1815. 2. Bde., Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 1997. S. 103–130

Я. Е. Матророва

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ya.matrosova@linguanet.ru

УЧЕТ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ В ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ключевые слова: цветообозначения, перевод, художественный текст, типология, английский язык.

Key words: color terms, translation, literary text, typology, English language.

Термины цветообозначения (ТЦО) могут представлять трудность для перевода. На первый взгляд, основная проблема заключается в расхождении номенклатурного состава ТЦО языков и несовпадении членения лингвоцветового спектра. В действительности она преодолевается достаточно легко, так как в большинстве случаев вариантное соответствие можно подобрать в словаре или на основе собственного опыта переводчика. Однако, как пишет М. Д. Литвинова, ошибки переводчиков могут происходить и «от нарушения статистических норм употребления в речи многих языковых явлений <...>. Переводчики часто нарушают характерную для своего языка среднестатистическую частотность» [Литвинова 2010: 131]. Это в полной мере относится и к ТЦО.

В соответствии с гипотезой С. Тирконнен-Кондит [Тирконнен-Кондит 2004: 178], в переводном тексте происходит ослабление уникальных черт, или характерологических признаков переводящего языка (ПЯ) [Псурцев 2019: 55]. Это связано с тем, что переводчик испытывает давление ИЯ (закон интерференции) и одновременно не испытывает достаточного давления ПЯ, которое могло бы интерференции противостоять. В результате некоторые черты и явления, свойственные ПЯ, либо полностью отсутствуют в переводном тексте, либо обладают частотными характеристиками, иными, чем в оригинальных текстах ПЯ.

Ввиду типологического различия английского и русского языков оба эти случая актуальны применительно к ТЦО. В первом случае в переводном тексте могут попросту отсутствовать морфологические модели ТЦО, характерные для оригинальных русских текстов. Во втором случае частотность общих для ИЯ и ПЯ морфологических моделей в русских переводных текстах будет отличаться от соответствующей характеристики оригинальных русских текстов.

Данные языковых корпусов позволяют выявить некоторые закономерности. В частности, в большинстве случаев глагольные ТЦО встречаются намного чаще оттеночных или метафорических прилагательных-ТЦО, уступая только простым прилагательным. Немаловажную роль они играют и в английском, однако, в отличие от русского, число случаев их употребления относительно простых прилагательных намного ниже – если в русском ТЦО-глаголы встречаются в 15 раз реже, то в английском – почти в 150 раз (если учитывать в сравнении только те ТЦО, для которых в принципе возможна глагольная форма, т. к. большинство ее не образуют вовсе). Несопоставимы по частотности и суффиксальные формы, которые

в русском языке занимают одно из ведущих мест, но почти не встречаются в английском.

Учет этих и иных статистических особенностей позволяет избежать узуальных стилистических нарушений в употреблении ТЦО при переводе.

ЛИТЕРАТУРА

Литвинова М. Д. Спектр языка – лингвостатистический критерий оценки переводов художественных произведений // «Столпотворение». М. : Русская школа, 2010. № 13. С. 131–146.

Псущев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // «Мосты». М. : Р. Валент, 2019. № 62. С. 46–60.

Tirkkonen-Condit S. Unique items – over- or underrepresented in translated language? // A. Mauranen, P. Kujamäki (Eds.), Translation universals. Do they exist? Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2004. Pp. 177–184.

М. Г. Мамонтова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Mamontova_Mari@mail.ru

УЧЕБНИК СОФРОНИЯ ЛИХУДА «О СИЛЕ РИТОРИЧЕСТЕЙ» 1698 ГОДА И ЕГО РОЛЬ В ДАЛЬНЕЙШЕМ СТАНОВЛЕНИИ РИТОРИКИ КАК НАУКИ

Ключевые слова: риторика, история риторики, теория риторики, Софроний Лихуд, древнерусская риторика, терминология риторики.

Key words: rhetoric, history of rhetoric, theory of rhetoric, Sophrony Likud, ancient Russian rhetoric, terminology of rhetoric.

Изучение творчества Софрония Лихуда является важной проблемой истории русской науки о языке XVII века – периода становления системы нормативных описаний, времени сложения русского национального литературного языка. Центральной проблемой изучения этого принципиально важного периода истории русского языка и русского языкознания

представляется происходивший в конце XVI – начале XVIII века переход от прецедентной к эксплицитной норме литературного языка, выразившийся в становлении системы руководств тривиума, в основном грамматических и риторических, что было связано с формированием в конце XVII вв. тривиальной школы и преподаванием классических языков. И если в отношении грамматических норм картина данного перехода представляется более или менее ясной, то в отношении риторических руководств этого времени предстоит еще очень большая работа, поскольку принципы построения, система категорий и предмет риторики, как и отношение риторических руководств к реальному узусу, далеко не всегда очевидны для исследователей. Риторические руководства XVII в. появились под влиянием времени – эпохи, требовавшей обновления системы образования в области филологии; социально-политическими основаниями, способствовавшими становлению новой концепции в сфере филологического образования, стала жизнь государства, постепенно выходящая на новый, более благоприятный уровень, а также появление новой общественной идеологии, утверждавшейся правящей в тот период царской династией. Филологические науки (и главным образом риторика в качестве учения о прозе) предлагали языковую и образовательную норму, тем самым оформляя и устанавливая новый, постепенно утверждающийся стиль общественной жизни.

Цель настоящей работы – описание содержания «Риторики» С. Лихуда 1698 года и выявление ее влияния на дальнейшее становление риторики как науки.

Объект исследования – риторическая теория конца XVII – начала XVIII вв.

Предметом исследования являются содержание и композиция «Риторики» Софрония Лихуда, а также их связь с общественно-речевой практикой эпохи и влияние на дальнейшее развитие риторической науки.

Материал исследования – сочинение «О силе риторичестей» Софрония Лихуда (список ГИМ, собрание Уварова, 1^о, № 98 (2109)).

Методы исследования: историко-сопоставительный метод, состоящий в последовательном анализе и сопоставлении современной научной филологической терминологии и терминологии, предложенной в учебнике Софрония Лихуда, риторико-логический метод анализа тематики, содержания, композиции текста учебника, метод текстологического анализа и «реконструкции» старинного текста, метод семантического толкования научной терминологии.

В ходе исследования сформулированы следующие выводы:

1. Учебник Софрония Лихуда «О силе риторичестей» в переводе Козмы Афоноверского был обнаружен В. И. Аннушкиным в 33 списках [Аннушкин 2003: 85-86]. Данный факт свидетельствует об огромной популярности сочинения, вызванной тем, что «Риторика» С. Лихуда является первым учебником по риторике описываемой эпохи, в котором представлена риторическая теория в виде определенной системы. Кроме того, стиль сочинения отличается простотой, разнообразием примеров и иллюстраций, что делает учебник доступным для понимания достаточно широкой аудитории, в связи с чем «Риторика» С. Лихуда широко использовалась в преподавательской деятельности вплоть до конца XVIII века.

2. «Риторика» С. Лихуда – это целая, четко структурированная классическая система риторического учения, основанная еще на античном риторическом каноне, которая включает в себя следующие разделы: учение об изобретении идей, учение об украшении речи, теория о композиции речи (сам учебник Лихуда состоит из четырех глав – «книг», первые три из которых отражают основные этапы классического риторического канона).

3. В последней, четвертой, книге своего сочинения под названием «О показательном слове и о начале его и характере» Лихуд предлагает читателям ознакомиться с учением о поздравительной (торжественной) речи и ее жанрах, приводя практические рекомендации составления речей разной тематики и реальные образцы речей на ту или иную тему. Этот раздел «Риторики» Лихуда интересен тем, что в нем, помимо теоретических знаний, предложены конкретные схемы, иллюстрирующие возможности составления поздравительных речей разного типа, в виде своеобразных «древ» с записью топосов, используемых при составлении этих речей, что указывает на педагогическую направленность труда С. Лихуда.

4. В «Риторике» С. Лихуда предложено достаточно большое количество греческих терминов. Но важно отметить, что перевод этих терминов и само их графическое написание привели к тому, что в русском языке впервые появились и начали утверждаться слова, расширяющие терминологию таких разделов классической риторики, как изобретение идей, их расположение и украшение, что уже в наше время составляет суть такой науки, как стилистика. Так, в «Риторике» С. Лихуда впервые представлен ряд новых для риторической науки описываемого периода терминов

(например, «произношение», «хрия», «период» и др.), впоследствии оказавших огромное влияние на формирование новой филологической терминологии последующих трудов различных областей гуманитарного знания [Мамонтова 2013: 187–188].

5. В «Риторике» С. Лихуда были впервые употреблены некоторые научные доказательные синтаксические конструкции, которые способствовали формированию научного стиля речи нового типа. Так как главной целью Лихуда является обучение своих учеников новой науке риторике, отличительная черта его руководства – это комментирование и объяснение новой формирующейся научной лексики, которая сама по себе и является лексико-стилевой особенностью текста «Риторики» [Мамонтова 2013: 188].

6. «Риторика» С. Лихуда имела очень большое практическое и научно-педагогическое значение в петровскую эпоху, иллюстрируя определенные изменения в общественной жизни описываемого исторического периода времени и, соответственно, – в области филологического образования. Кроме того, основы формирования русского литературного языка абсолютно нового типа были заложены именно в данном риторическом руководстве Лихуда.

7. Исследованная структура риторического знания, представленная в сочинении С. Лихуда, стала основной для последующих изысканий в области теории речи, начиная с ломоносовского учения, продолжая риториками и теориями словесности XIX века и соотносясь с современными построениями речекоммуникативных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект. М. : Высшая школа, 2003. 397 с.
- Мамонтова М. Г.* «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология, стиль : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 202 с.

О. П. Марченко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

olga.marchenko@yahoo.com

СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ¹

Ключевые слова: частота языка, иностранный язык,
языковая компетентность.

Key words: generation frequency, L2, language proficiency.

Процесс овладения языком автоматически становится процессом, посредством которого человек превращается в полноценного члена соответствующей культуры. Показано, что человек даже меняет свое поведение после перехода с одного языка на другой. Учитывая, что культура и концептуальное поведение тесно взаимосвязаны, проблемы семантической категоризации необходимо изучать в контексте культуры. Культурные различия могут проявляться в том, как семантическая информация организована и используется в задачах, требующих категоризации. Одним из простейших методов изучения особенностей категоризации и организации знаний в долговременной памяти является метод перечисления слов, принадлежащих к определенной категории в течение определенного периода времени. Этот метод позволяет определить содержание и структуру категорий. Проблема кросс-культурной стабильности и культурной специфичности категорий естественным образом приводит к вопросу о том, как билингвы используют категории и как уровень овладения языком влияет на частотные показатели слов. Эмпирически различие в структуре категорий в родном (L1) и иностранном языке (L2) может быть оценено путем изучения сходства между распределениями частот слов, полученными при использовании родного и иностранного языка. Сходство между двумя распределениями частот можно вычислить с помощью ряда средств, одним из которых является широко используемый коэффициент близости

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00912.

Хеллинджера (НА) [Marchenko 2019]. Опыт взаимодействия с объектами различных категорий может отличаться в контексте использования родного и иностранного языка. Важно то, что различия в концептуальных структурах, связанных с L1 и L2, должны быть отражены в различиях структур категорий, когда участники исследования тестируются на родном и иностранном языке.

Целью исследования являлось сравнение структуры категорий в L1 и L2 на разных уровнях владения иностранным языком.

В нашу выборку вошли 80 студентов бакалавриата (40 студентов с высоким уровнем владения L2 ($M=20(1.9)$, 38 женщин) и 40 студентов с низким уровнем владения L2 ($M=20(1.2)$, 37 женщин). Все они были носителями русского языка, имеющими опыт в изучении английского языка. Участникам было предложено перечислить как можно больше слов, принадлежащих к той или иной категории за 30 секунд. Были использованы 45 различных семантических категорий. Все участники выполнили задание на русском (L1) и английском языке (L2).

Уровень сходства категорий был сильнее в группе с высоким уровнем владения иностранным языком, по сравнению с группой с низким уровнем владения вторым языком ($T(44)=3.571$, $p<.001$). Это свидетельствует о том, что уровень овладения языком важен для того, чтобы дать человеку возможность выразить себя. Тем не менее сходство между двумя частотными распределениями слов, названных в L2 (названных студентами с высоким и низким уровнем владения языком), было сильнее, чем сходство распределений между L2 и американскими нормативами NA ($t(44)=6.401$, $p<.001$, $t(44)=8.063$, $p<.001$). Это доказывает культурную специфику данных. Уровень сходства между частотными распределениями выборок с высоким и низким уровнем владения иностранным языком был сильнее, чем сходство частоты между родным и иностранным языком ($t(44)=2.778$, $p<.05$, $t(44)=2.642$, $p<.05$). Таким образом, культурно-специфический опыт использования L2 аналогичен в этих двух группах. Также оказалось, что сходство L1 и L2 было слабее, чем внутрикультурное сходство между выборками разных регионов, тестируемых на родном языке [Marchenko 2018], что доказывает важность языкового фактора ($t(44)=9.049$, $p<.001$ для группы с высоким уровнем владения языком, $t(44)=9.864$, $p<.001$ для группы с низким уровнем владения языком).

Когда человек называет слова из категорий в L2, происходит активация его знаний. В тех случаях, когда непосредственное взаимодействие

с объектами в контексте использования L2 отсутствует, человек, вероятно, будет переводить понятия, которые ему знакомы в контексте L1. Поэтому уровень близости частотных распределений слов, названных в L1 и L2, был сильнее в выборке с высоким уровнем владения иностранным языком (в связи с тем, что словарный запас L2 является более развитым).

ЛИТЕРАТУРА

Marchenko O. P. Comparing the Generation of Words from Different Semantic Categories in Native and Foreign Languages // *Psychology in Russia. State of Art.* 2019. 1. doi: 10.11621/pir.2019.0112.

Marchenko O. P., Bandurka T. N., Pavlov Yu. G. Intra-cultural continuity and diversity of semantic category norm. *Russian Linguistic Bulletin.* 2018. 2 (14). P. 3–7. doi: 10.18454/RULB.2018.14.2.9.

А. П. Мухаммад

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
ludmilamuh@yandex.ru

ПОДГОТОВКА СПЕКТАКЛЯ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ¹

Ключевые слова: русский язык в турецкой аудитории, межкультурная коммуникация, подготовка спектакля, творческая функция.

Key words: Russian language in the Turkish audience, intercultural communication, preparation of the performance, creative function.

Наша работа посвящена обучению русскому языку (далее – РЯ) иностранцев в процессе подготовки спектакля.

Объект данного исследования – учебный процесс по русскому языку как иностранному (далее РКИ) на начальном этапе (далее – НЭ) обучения. Его **предмет** – ресурс урока-спектакля в раскрытии творческого

¹ Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-013-00627.

потенциала турецких учащихся при межличностном общении на РЯ в процессе подготовки данного спектакля.

Цель исследования – определение творческого потенциала турецких учащихся при включении базового сценария (исходного текста) в аудиторный дискурс, в межличностное аудиторное взаимодействие при изучении РЯ.

Материал исследования – видеозаписи аудиторных занятий по РЯ в аудитории турецких учащихся (студентов) НЭ обучения.

Предлагая учащимся НЭ обучения исходный, разработанный нами, сценарий, по своей форме весьма не похожий на материалы традиционных учебников и учебных пособий, мы поставили следующие задачи:

- 1) в процессе работы со сценарием вовлечь турецких учащихся в непринуждённое общение, которое положительно скажется на результатах коммуникативного взаимодействия на РЯ;
- 2) на базе языкового / речевого материала сценария сформировать у учащихся устную речь, в некоторой степени приближённую к устной речи россиян (что невозможно осуществить на основе современных учебников по РКИ для НЭ обучения);
- 3) усилить мотивацию учащихся к изучению РЯ за счёт стимулирования их творческого потенциала, веры в свои силы.

Понятно, что на НЭ обучения, особенно в период, когда студенты начинают изучать язык «с нуля», не зная ни алфавита, ни «Здравствуйте», решать поставленные задачи непросто. Однако мы предположили, что театральная игра, в которой весьма ощутимо задействованы невербальные средства общения, может во многом компенсировать трудности «этапа».

Прежде чем показать конкретные примеры решения наших исследовательских задач (которые, как отмечалось выше, всё же отличаются от задач учебных), а именно – примеры решения задачи по раскрытию творческого потенциала учащихся, приведу во внимание:

- 1) краткий сюжет сценария;
- 2) педагогическую стратегию отбора и организации учебного материала, представленного в тексте сценария.

1. Сюжет текста-сценария весьма банален и прост: турецкий студент, Бора, приезжает в Россию, чтобы учить русский язык (РЯ). У него есть друг – Боря, русский скоморох. Боря знакомит Бору с российской действительностью, с её героями и «антигероями», а также помогает в трудных ситуациях. В каждой из ситуаций Бора находит интересный материал для усвоения коммуникативного взаимодействия на РЯ.

2. Языковой / речевой материал, обеспечивающий развитие сюжета, построен в направлении от лёгкого – к трудному:

- 1) его центр составляют весьма примитивные фразы, представленные почти во всех учебниках по РКИ для НЭ обучения (обозначенная выше методическая ситуация сложилась вследствие традиций почти ювелирного отбора языкового материала);
- 2) периферию составляют: а) фразы, обеспечивающие развитие сюжета; б) весьма часто возникающие в свободном общении россиян фразы: шутки-прибаутки, фразеологизмы и т. п.

В силу реализуемой нами педагогической стратегии первая группа языковых / речевых единиц («центр») предназначена для обязательного усвоения всеми студентами (данные единицы выделены в сценарии полужирным шрифтом). Именно на их основе формируется presupпозиция – специальная когнитивная архитектура личности студента. Вторая группа («периферийная группа») представляет собой единицы, которые каждый учащийся усваивает (или не усваивает) в зависимости от личностных качеств и возможностей, т. е. «берёт» столько, сколько может взять. Приведём несколько примеров:

В большинстве традиционных учебников, построенных на основе коммуниктивно-деятельностного подхода к обучению [Китайгородская, Гольдштейн, Смородинская 1993] тема «Знакомство» представлена диалогическим текстом со следующим инвариантным содержанием:

- Меня зовут Анна. А Вас?
- Меня зовут Антон.
- Очень приятно!
- Мне тоже очень приятно.

В нашем сценарии *почти* ничего не меняется. Наш диалог выглядит так:

- ДЕВУШКА: Меня зовут Аня. А Вас?
- ЮНОША: Меня – Саня!
- ДЕВУШКА: Очень приятно! (*подаёт руку*).
- ЮНОША: Мне тоже (*жмёт ей руку*).

Учащимся даётся задание: разыграть эту часть сценария. В результате все учащиеся без труда усваивают инвариантную часть представленного диалога (часть, выделенную полужирным шрифтом). Обычно такая работа проводится на первом или втором занятии, когда учащиеся едва выучили

алфавит. Поэтому текст для облегчения прочитывается учащимися совместно с преподавателем. Также, соответственно методике Г. А. Китайгородской, для облегчения понимания даётся параллельный перевод [Китайгородская, Гольдштейн, Смородинская 1993].

При этом следует отметить, что в процессе репетиции сильные учащиеся усваивают не только инвариант, но и полностью вариант, т. е. весь представленный микротекст в его целостности. Творческий компонент при этом выявляет себя весьма разнообразно: в игре, во включении в аудиторный дискурс невербальных средств общения, эмоций, симпатий, и даже в изменении сценария (что, безусловно, поощряется преподавателем). Например, Бора, наблюдающий данную «сцену», говорит своему русскому другу Боре:

БОРА: Я тоже так могу (*и, оказавшись между Аней и Саней, говорит Ане*):
 Меня зовут Бора (*при этом целует Ане ручку*).

Таких случаев, когда студенты в процессе репетиции изменяют сценарий – много. Так, ниже представлен диалог, который возник во время весьма весёлой репетиции в дополнение к тексту сценария:

БУКВА О: Мой папа Алфавит знает всё! А я его дочка! Маленькая точка!

БОРА: Какая ты круглая!

БУКВА О: Спасибо за комплимент!

БОРА: Пожалуйста... Извини, пожалуйста. Я не это хотел сказать. Я плохо говорю по-русски.

Инициатором изменения данного диалога была турецкая студентка Санджакай Ылым Моргюл, которая играла букву О.

В конечном итоге совместно с турецкими преподавателями и студентами мы «переписали» многие части изначального сценария, а также издали окончательный новый вариант в качестве учебного пособия [Мухаммад, Ашчи, Чайлак 2016]. Художником-оформителем этого пособия стала всё та же турецкая студентка Санджакай Ылым Моргюл, а компьютерную верстку сделал российский студент из Крыма Азамат Пряжников.

Через год Санджакай, воодушевлённая своим успехом в игре, поступила в театральный вуз города Стамбула.

Итак, мы включили в учебный процесс весьма экстравертивных турецких студентов предложенную педагогическую стратегию из намерения организовать этот процесс таким образом, чтобы данным студентам обучение РЯ представилось не скучным. Именно с этой целью мы ввели

в сценарий русского скомороха (такой персонаж в турецкой театральной культуре также имеется). В результате мы получили не только интересные для студентов занятия, не только нетрадиционное пособие по РЯ, но и потрясающий дебют творческого потенциала в учебной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Китайгородская Г. А., Гольдштейн Я. В., Смородинская Т. Э. Мосты доверия: Интенсивный курс русского языка. М., 1993. 171 с.

Мухаммад А. П., Аичи М., Чайлак Х. Скоморошина или приключения Боры : учебное пособие по обучению разговорной речи турецких студентов (начальный этап обучения). Стамбул, 2016. 119 с.

О. В. Новицкая

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

olganovitskaya@gmail.com

ПЕЙОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА И ЛОЖНАЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

Ключевые слова: пейоративная лексика, изменение языковой нормы, коннотативное значение дихотомия теория / практика.

Key words: pejorative terms, change in language norm, connotative meaning, theory / practice dichotomy.

В последнее время взаимодействие социума и языка перестает быть частью сугубо лингвистической повестки и всё чаще переходит в плоскость этики или политики. Сторонники так называемой новой этики настаивают на том, что стремительные изменения в современном общественном сознании должны находить столь же стремительное отражение в языке, что, в свою очередь, ведет к попыткам некой части социума изменить существующие языковые нормы или выработать новые, а это часто вызывает активное отторжение у другой части социума, придерживающейся более традиционных взглядов на язык и культуру речи [Тер-Минасова 2000]. Для переводчиков проблема стоит еще острее, потому что взгляды на норму внутри разных языковых общностей могут не совпадать. Так,

переводческий вариант безоговорочно пейоративного инварианта на исходном языке может для иной языковой общности носить абсолютно нейтральную окраску [Кислицына 2013]. При этом возможна и прямо противоположная ситуация, когда инвариант в рамках исходного языка нейтрален, а вариант прямого переводческого соответствия внутри языковой общности, говорящей на языке перевода, признается инвективом, хотя и со словарно незарегистрированным статусом [Пастуро 2017].

Мы живем в мире размытых культурных границ, и стихийно возникающее в обществе стремление интернационализировать понятие языковой нормы, пусть даже в отдельно взятом мультимедийном пространстве, приводит к возникновению в языке культурно необусловленных калькирований, игнорирующих коннотативные значения, или стигматизации устойчивых терминологических соответствий [Кислицына 2013; Шиманович, Цебровская 2010]. Сложность позиции переводчика усугубляется тем, что язык перевода может иметь давнюю исторически сложившуюся традицию использования той или иной псевдопейоративной лексемы, насчитывающую десятки, а то и добрую сотню лет. Но и такая традиция не в состоянии противостоять натиску актуальной инфомедиаповестки, несоответствие которой чревато потерей определенного сегмента аудитории, чего издатели стремятся избежать любой ценой [Saka 2007]. Выбор переводческой стратегии, ее грамотное обоснование должны помочь переводчику справиться с этой задачей, чтобы перевод не грешил против языковых норм, и в то же время не вызывал отторжения у социально-активной части читательской аудитории, на которую все чаще ориентируются издательства. Это наглядный пример дихотомии теория / практика в современном художественном переводе.

ЛИТЕРАТУРА

- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
- Кислицына Н. Н.* Функционирование термина коннотация в специализированных текстах. Симферополь : Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2013. Вып. 7 (2). С. 132–139.
- Шиманович А. Н., Цебровская Т. А.* К проблеме функционирования дерогативно маркированных этнонимов в современном английском языке // Культура Народов Причерноморья : научный журнал. Симферополь : «Крым», 2012. № 226. С. 165–167.
- Пастуро М.* Черный. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 325 с.
- Saka P.* How to Think About Meaning. Berlin: Springer, 2007. 285 p.

А. В. Порохницкая

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

lidie@list.ru

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В СЕМАНТИКЕ ЭВФЕМИЗМА

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, метонимический концепт, метонимическая модель, метафорический концепт, метафорическая модель.

Key words: euphemism, euphemisation, metonymic concept, metonymic model, metaphorical concept, metaphorical model.

Одной из наиболее актуальных проблем современной теории эвфемии остается принцип взаимодействия концептуальных структур разных типов в семантике лексических и фразеологических единиц, обладающих потенциалом к маскировке и смягчению табуированных явлений окружающей действительности. Наиболее остро данный вопрос стоит, по всей видимости, в номинативных областях, в той или иной степени, коррелирующих с правилами политкорректной интеракции (например, сфера политики, военные стратегии, связи с общественностью). Практически неизученной данная проблематика остается и в рамках сфер, мотивированных, с одной стороны, законами политической корректности, а, с другой – исторически связанных с классическими табуированными представлениями (например, махинации в коммерческой практике).

Концептуальный анализ эвфемистических единиц английского и французского языков, репрезентирующих как новейшие области эвфемистической номинации, так и сферы, занимающие пограничное положение между классической и современной эвфемией, демонстрирует особенно высокую активность метонимических концептов в конструировании семантики разноструктурных эвфемизмов. Во всех изученных областях оказываются продуктивными как статичные метонимические модели, так и динамичные. На данном этапе исследования можно утверждать, что в анализируемых языках реализуется один и тот же репертуар метонимических концептов, которые для удобства описания можно рассматривать

в составе укрупненных метонимических структур (например, временные метонимические концепты, метонимический блок «отклонение от нормы», метонимические концепты, связанные с возвращением в нормальное состояние, структурные метонимии, локальные метонимии и т. д.). Метонимические концепты и формирующие их подконцепты функционируют в рамках определенной номинативной области как регулярные модели, специфика реализации которых в семантике эвфемизмов конкретного языка может несколько отличаться, хотя общие параметры актуализации метонимических блоков в целом и отдельных метонимических концептов в анализируемых языках совпадают.

Важнейшей особенностью формирования семантики эвфемизмов в современных политкорректных сферах по результатам проведенного исследования следует признать более низкую продуктивность как отдельных метафорических концептов, так и целых метафорических блоков. Принципы реализации концептов в рамках концептуально-метафорического номинативного базиса [Беляевская 2011] обнаруживают также сходные закономерности в изучаемых языках. Более заметна роль метафорических концептов в конструировании семантики эвфемизмов в современных сферах, тесно связанных с традиционными табуированными представлениями. Так, в эвфемистической области «Махинации в коммерческой практике» достаточно высоким номинативным потенциалом характеризуется ряд концептов домена ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, в частности РЕМЕСЛА, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, СПОРТ, ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ОХОТА. Достаточно продуктивны также концепты метафорического блока ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, главным образом, сегмент ЧЕТЫРЕ СТИХИИ. В то же время очевидна низкая активность подавляющего большинства метафорических концептов в структуре домена ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Исключение в этом смысле составляют только концепты БОЛЕЗНЬ и СМЕРТЬ.

Важной чертой эвфемистической номинации, в том числе и в современных областях, следует признать интеракцию концептуальной метафоры и метонимии как ведущих механизмов формирования семантики эвфемистических единиц. Принципы взаимодействия этих механизмов носят регулярный характер и могут быть описаны посредством концептуальных моделей, которые обнаруживают сходные тенденции в анализируемых языках.

Среди наиболее продуктивных моделей корреляции по результатам исследования надо отметить актуализацию определенного репертуара

концептов, входящих в качестве строевых элементов как в метафорические, так и в метонимические структуры, лежащие в основе семантики эвфемизмов конкретной номинативной сферы. Следующая активная модель представляет собой реализацию общих фокусных концептов метафорических и метонимических структур в рамках единого фрейма, уникального для каждой номинативной области. Третья модель – это актуализация относительно простого метонимического концепта в структуре сложного метафорического концепта, которая может сопровождаться усилением или ослаблением эвфемистического потенциала языковой единицы. В большинстве табуированных сфер описанные модели функционируют параллельно, хотя их продуктивность может варьироваться.

ЛИТЕРАТУРА

Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Сборник научных трудов к 100-летию И. И. Чернышевой. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.

М. А. Салькова, О. А. Мачина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
bestgrammar@yandex.ru

ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-КОМПЕНСАТОРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: АНАЛИЗ ОПЫТА

Ключевые слова: компетенция, компетентность, технологическая, инструментальная, компенсаторная, креативность.

Key words: competence, competency, technological, instrumental, compensatory, creativity.

1. Ключевыми понятиями современной профессиональной деятельности уже достаточно долго являются профессиональная компетенция и профессиональная компетентность. Пройдя длительный период

дискуссии, эти понятия получили более или менее единообразную интерпретацию в работах отечественных исследователей. Так, принято считать, что профессиональные компетенции интерпретируются как «способности, позволяющие осуществлять профессиональную деятельность» [Цветков, Пушкарева 2010], в то время как профессиональная компетентность – «это личностный конструкт, проявляющийся в деятельности и соответствующий совокупности социально обусловленных требований к профессии, которые регламентированы рамками декларируемых компетенций» [Монахова, Панфилова 2018: 21]. Таким образом, объединение корпуса компетенций и компетентности виртуально достигается в деятельностином режиме, в динамике эффективного использования потенциальных возможностей и реальных способностей при решении практических задач [Цветков, Пушкарева 2010].

Соотносясь друг с другом как цель и результат деятельности, или иначе как потенциальная способность и ее реализация, компетенция и компетентность позволяют успешно описывать содержательную и операционную составляющую образовательного процесса.

2. На сегодняшний день условия работы педагога необходимо охарактеризовать как повышенный уровень готовности профессиональной мобильности, то есть готовности задействовать определенные компетенции для проявления профессиональной компетентности. По крайней мере, следует назвать два фактора, которые профилируют зоны повышенного педагогического внимания и обозначают источник появления новых профессиональных проблемных задач.

3. Первым из таких факторов, ставшим уже практически повседневной реальностью, мы считаем явление глобализации. Глобализация, с точки зрения лингвистической науки, – это постепенное, но устойчивое формирование общемирового информационного семиотического пространства, в котором значительная роль принадлежит языковой интеракции, когда происходит интенсивное взаимодействие, взаимовлияние и взаимообогащение различных языковых знаковых систем. При этом приоритетом мультикультурного диалога является обеспечение оптимального уровня понимания как в профессиональной деятельности, так и в повседневном бытовом общении. Как показывает анализ современного рынка труда, свободное рабочее знание иностранного языка сегодня возведено в разряд практически обязательного требования работодателя, в то время как география и интенсивность бытовых коммуникативных контактов

сегодня также стали практически неограниченными. И это является сильной стороной лингвистической глобализации. Также будет уместно вспомнить про глобализацию науки, заключающуюся, в том числе, в необходимости создавать публикабельные, то есть качественные в языковом аспекте иноязычные тексты, соответствующие притязательным требованиям редакционных коллегий международных изданий, формирующих «публичное лицо» той или иной исследовательской отрасли.

Относительная стабильность данного фактора и, естественно, пролонгированный период времени для адаптации к его воздействию позволяет постепенно выстраивать собственную профессиональную педагогическую траекторию и обрабатывать поступающие задачи достаточно успешно. Этому, безусловно, способствует активное использование современных информационно-коммуникационных технологий, с помощью которых мы получаем неограниченный доступ к многочисленным и многообразным образцам аутентичной иноязычной речи и используем эти данные для оптимизации содержания учебного процесса.

4. В качестве второго фактора обозначим пандемию коронавируса, которая резко вмешалась в рутину учебной деятельности и потребовала от педагогов в считанные дни изменить формат контактной работы на дистанционный и освоить целый набор образовательных платформ и инструментов, отобрать наиболее удобные для взаимодействия со студенческой аудиторией, освоить особые нормы и приемы профессиональной коммуникации в виртуальном пространстве, обеспечить должный уровень эмпатии при сохранении качественных результатов освоения дисциплин и так далее.

Сказанное означает, что сегодня практически приоритетным статусом пользуется «технологическая компетентность педагога» в двух ее аспектах – процессуальном и инструментальном [Монахова, Панфилова 2018: 28–29], объединяющих практическую деятельность и дистанционный режим ее реализации на основе умений и навыков работы с электронными средствами и разнообразными программными продуктами.

5. Переход на дистанционную форму обучения наиболее ярко обозначил уязвимость интерфейса подготовки профессиональных лингвистов, где значительная часть программы осваивается на иностранных языках и где студенты испытывают повышенную потребность в личном аудиовизуальном контакте с преподавателем. В этом смысле обозначенный выше инструментальный аспект технологической компетенции практически приобрел самостоятельный статус так называемой компенсаторной

компетенции [Уласевич 2012: 11], когда технологические навыки преподавателя должны объединиться с его когнитивными и методологическими способности при организации занятий в онлайн (ср.: [Цветков, Пушкарева 2010]). Совершенствование данной инструментально-компенсаторной компетенции как создание оптимальных комбинаций форм работы транслировалось в дистанционный образовательный процесс в ходе освоения студентами ФАЯ курса теоретической грамматики английского языка.

6. Анализ этой профессиональной деятельности в учебной аудитории позволил подтвердить выводы исследователей о корреляции мультилингвизма и креативности. Пользуясь терминологией А. В. Хархурина, можно сказать, что преподавание иностранных языков в острый социальный момент выступает триггером более интенсивной обработки сложных лингвистических и социально-культурных конструкций, и позволяет порождать решения профессиональных задач, где сочетаются вербальная и невербальная креативность – беглость, гибкость, разработанность, оригинальность, новизна и утилитарность (полезность). Следовательно, справедливо утверждение, что в более глобальной социальной перспективе овладение инструментальной компетенцией становится основой для программы развития креативных способностей в образовательной системе [Хархурин 2020].

ЛИТЕРАТУРА

Монахова А. Ю., Панфилова А. Г. Процессуальные и инструментальные составляющие технологической компетентности педагога // Управление образованием : теория и практика. 2018. №4 (32). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-i-instrumentalnye-sostavlyayushchie-tehnologicheskoy-kompetentnosti-pedagoga> (дата обращения: 28.04.2020).

Уласевич С. Н. Оксфордское качество. Инновационная интегративная уровневая образовательная программа по английскому языку для системы основного и дополнительного образования в общеобразовательной школе (с приложениями) : метод. пособие для общеобразоват. учреждений / С. Н. Уласевич, к.п.н., руководитель программы «Оксфордское качество» [и др.] ; ред. Н. А. Мандриченко. 4-е изд., испр. и доп. для системы основного и дополнительного образования. М. : РЕЛОД, 2012. 93 с.

Хархурин А. В. Модели креативности. Как измерить свою креативность? URL: <https://postnauka.ru/video/155098> (дата обращения: 28.04.2020).

Цветков В. Я., Пушкарева К. А. Компетенции и конкурентоспособность персонала // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 1. С. 85–86. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=497> (дата обращения: 28.04.2020).

В. М. Соловьев

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

v-soloviev@mail.ru

С. М. СОЛОВЬЁВ И ЕГО ГЕНИЙ МЕСТА

Ключевые слова: философия культуры, атмосфера места, гений места, метатопография, научная биография, персонологический аспект, памятник истории и культуры

Key words: philosophy of culture, the atmosphere of the place, Genius loci, metatopography, scientific biography, personological aspect, historical and cultural monuments.

Понимание гения места как географического и топографического образа включает в себя не только дом, стены, соседние здания, врезку микроландшафта, особенности городского пейзажа, привычные приметы и запахи, но и людей, и прежде всего – родных и близких.

В развитие и дополнение этого определения правомерно предложить еще одно: атмосфера места как культурологическое понятие, уточняющее и расширяющее смысловое наполнение термина «гений места». Атмосфера места включает настроения, ассоциации, образы, памятники истории и культуры, звуковой фон, связанные с конкретным районом, кварталом, участком города, населенного пункта или знаковой природно-ландшафтной территории. Берутся в расчет цвет зданий, степень их руинированности и новодела, мостовые с доасфальтовым покрытием, ботанический набор палисадников, тускло-желтый свет закопченных керосиновых фонарей, заборы, скамейки и другие детали, благодаря которым человек с волнением узнает окружавшую его внешнюю обстановку и не чувствует себя непомнящим родства, отторгшим предметы своего начального бытия.

Центральная фигура, которой посвящен доклад, великий историк Сергей Михайлович Соловьев, 200-летие со дня рождения которого отмечалось в мае 2020 г. Сочетание двух юбилеев предоставляет прекрасную возможность проследить биографию выдающегося человека в контексте родной для него и его близких среды обитания – старинной Остоженки и соседних с ней улиц, переулков, площадей, зданий, скверов и т. д.

Персонологический аспект сообщения заострен на том, какой отпечаток на жизнь и судьбу историка, формирование его характера наложил его малая родина – Остоженка. Особую ауру этой улицы и окрестных переулков, её неповторимый облик и колорит он передал в своих автобиографических записках [Соловьев 1983: 229–232, Цимбаев 1990: 18, 23, 25].

Для С. М. Соловьева атмосфера места – это привычная ему с раннего детства среда обитания, локус и сегмент улицы Остоженки и той ее характерной части, которая составляет культурную память о людях, достопримечательных событиях, фактах и явлениях, имеющих непосредственное отношение к истории МГЛУ: его главному зданию, прилегающим и окрестным архитектурным сооружениям, примечательным памятникам, в том числе элементам городского пейзажа разных эпох.

Атмосфера места – составная часть картины мира С. М. Соловьева и психологический маркер, игравший для ученого не последнюю роль в идентификации себя с Москвой, Россией, русской историей и культурой. К самому историку в полной мере относится ясно переданное его сыном, знаменитым философом, осознание корневой связи своей личности не только с родными и близкими, но и с отчим домом, пенатами, где прошла жизнь двух поколений Соловьевых: «В семье духовно-организованной, – пишет В. С. Соловьев, – отношение родителей к детям имеет главным образом в виду безусловное назначение человека, цель воспитания здесь состоит в том, чтобы связать временную жизнь этого будущего поколения с верховным и вечным благом, которое есть общее для всех поколений, в котором деды, отцы и дети нераздельно единоклубны между собою...». Развивая свою мысль, философ умозаключает, что высшая, безусловная нравственность «обязывает настоящее поколение передать новому двоякое наследие: во-первых, всё положительное, что добыто прошедшим человечеством, все результаты исторического сбережения, а, во-вторых, способность и готовность воспользоваться этим основным капиталом для общего блага, для нового приближения к высшей цели» [Соловьев 2010: 557, 559].

Не случайно одна из главных книг В. С. Соловьева «Оправдание добра» посвящена деду-священнику и отцу-историку.

Наряду с понятием «атмосфера места» автор вводит в научный оборот интегративное понятие «метатопография», включающее синтезирующее обобщение науковедческих, культурфилософских, культурологических, исторических, психологических и других знаний, позволяющих

оптимизировать междисциплинарные ресурсы мышления и воображения применительно к обширному и разноплановому материалу, выходящему за рамки этого сообщения, но привлеченному с желанием продолжить работу с ним в обстоятельной статье.

Уклад жизни, традиции, культурные интересы, ценностные ориентации большой семьи С. М. Соловьева дают представление о быте и нравах обитателей Остоженки в XIX в. и в известном смысле служат моделью культурной биографии старомосковской семьи этого времени, целый ряд представителей которой наряду с двумя мегазвездами – С. М. и В. С. Соловьевыми – внесли достойный вклад в русскую культуру [Соловьев 2018; Соловьев 2018а; Соловьев 2020].

Конечно, изложенное здесь – лишь набросок, эскизно дающий представление об общих контурах объёмного и развернутого исследования, перспективы которого обозначены в этом небольшом очерке.

С Остоженкой связана очень важная, яркая и креативная часть жизни не только С. М. Соловьева, но и целого ряда его замечательных современников. Поскольку в небольшом докладе крайне сложно уделить подобающее внимание даже одной местной знаменитости, других остается только упомянуть.

В середине XIX в. еще одна безусловная вип-персона Остоженки – это Иван Сергеевич Тургенев, периодически наезжавший в дом № 37 («дом Муму»). Особняк на Остоженке на противоположной стороне с 1840 по 1850 годы арендовала мать Тургенева – Варвара Петровна, в эти годы там жил и писатель, когда бывал в Москве.

Если же обратиться к прославленным выпускникам Московского коммерческого училища, обучавшимся в нем в разные годы, то среди них можно назвать много известных людей: писатель Иван Гончаров; его закадычный друг Ефрем Барышев – поэт и переводчик; Николай Вавилов – русский и советский учёный-генетик, академик, организатор науки; его брат – Сергей Вавилов – видный физик, основатель научной школы физической оптики в СССР; Владимир Родионов – химик-органик, один из организаторов отечественной промышленности красителей и производства лекарственных препаратов, академик, автор трудов по синтезу, а также другие деятели литературы, искусства и науки, чьи имена на слуху. Каждый из них заслуживает того, чтобы их гений и атмосфера места были освещены в координатах обозначенной выше метатопографии. По существу, с маленького пространства шаговой доступности, своего рода локального

культурного терминала личности начинается постижение человеком мира и открытие его бесконечного многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

Соловьев В. М. Диалог истории и культуры в творческом наследии С. М. Соловьева // Философский полилог. 2018. № 3. С. 72–86.

Соловьев В. М. История русской культуры в научном наследии С. М. Соловьева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018а. Вып. 3 (792). С.176–186.

Соловьев В. М. Установочные идеи В. С. Соловьева о русской культуре // Заметки Ученого. 2020. № 3. С. 141–147.

Соловьев В. С. Оправдание добра. М. : Академический Проект, 2010. 671 с.

Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других // Избр. тр. Записки / Издание подготовили А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 440 с.

Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев. М. : Молодая гвардия, 1990. 362 с. (ЖЗЛ).

В. А. Соколова, С. А. Андреева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

sokolova_mglu@mail.ru, svetlandreeva9@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМА ИНТЕРАКТИВНОСТИ (на материале англоязычного медиадискурса)

Ключевые слова: интерактивность, коммуникативные антиципации, дискурсивное программирование, полимодальность, медиадискурс.

Key words: interaction in discourse, communicative anticipations, discursive programming, multimodality, mass media discourse.

Как известно, коммуникация, вне зависимости от формы дискурса, является процессом интерактивным. О диалогичности коммуникации писал ещё М. Бахтин, рассматривавший диалогичность как фундаментальную особенность человеческих отношений [Бахтин 2000: 130].

Но как же реализуется эта интерактивность коммуникации? Полагаем, что, прежде всего, через механизмы, которые мы предлагаем назвать механизмами дискурсивного программирования [Соколова 2019: 170], в ходе которого автор устного или письменного высказывания «работает на опережение», «программируя» реакцию адресата на своё высказывание.

Несмотря на кажущуюся сложность описанного процесса, на практике он реализуется через всем нам хорошо знакомые языковые (и неязыковые) средства.

В докладе будут рассмотрены только некоторые из выделяемых нами средств дискурсивного программирования: вопросительное высказывание, средства создания логической установки, оценочное высказывание, стилистический приём каламбур, элементы полимодальности.

1. Вопросительное высказывание

По природе своей вопросительные высказывания редко являются самодостаточными (за исключением, пожалуй, риторических вопросов), что подтверждает термин «диалогическое (вопросно-ответное) единство» для обозначения взаимосвязанных вопроса и ответа в диалоге. Таким образом, задавая вопрос, автор «программирует» адресата на ответ, который, с одной стороны, он может дать сам для себя (путём рефлексии) (как в следующем примере:

Coronavirus lockdown: Would you report people who break the rules?
[Guardian, May 7, 2020]).

С другой стороны, адресат может предположить, каким будет ответ автора вопроса:

How are Britons faring since coronavirus hit the economy?
[The Guardian, May 13, 2020].

2. Средства создания логической установки

К средствам создания логической установки мы относим любое высказывание, которое содержит логическую неполноту (впрочем, как и вопрос) и предполагает дальнейшее логическое уточнение. Оно устанавливает коммуникативные ожидания читателя и «программирует» дальнейшее развитие дискурса на ответ. Например, заголовок *Coronavirus: Six things*

that are booming in sales [The Guardian, March 29, 2020] даёт читателю понять, что «хитов продаж» в период эпидемии шесть, и именно шесть пунктов читатель ожидает увидеть в списке (возможно, уже самостоятельно предполагая, что может в этот список войти).

3. Оценочное высказывание

Оценочность в высказывании мы также рассматриваем как мощное средство программирования дискурса и взаимодействия с читателем. Действительно, оценочное высказывание, не подкреплённое объяснениями, вызовет у большинства читателей вопрос «почему?». Почему то или иное явление было оценено как хорошее, плохое, беспрецедентное, потрясающее, сногшибательное, опасное и т. п.? Возможно, читатель для себя попытается ответить на возникшие у него вопросы, а возможно, примется за чтение статьи в надежде удовлетворить возникшее любопытство, как, например, в случаях с заголовками:

Coronavirus: Things the US has got wrong – and got right [BBC News, April 1, 2020].

‘Unlike anything seen in peacetime’: NHS prepares for surge in Covid-19 cases [The Guardian, March 13, 2020].

‘Hero who told the truth’: Chinese rage over coronavirus death of whistleblower doctor [The Guardian, February 7, 2020].

Примечательно, что в последнем из примеров оценочность реализуется через существительное *hero* (герой) и глагол *to rage* (негодовать), которые «программируют» дальнейший дискурс на разъяснение, почему именно врач был *героем*, и почему китайская общественность *негодует*.

4. Стилистический приём каламбур

Среди эффективных средств программирования дискурса с целью взаимодействия с читателем можно назвать стилистические средства. В частности, стилистический приём каламбур, когда одновременно реализуются несколько значений одной и той же лексической единицы, вызывая при этом юмористический эффект. Например, какой может быть реакция читателя на заголовок *May Ends in June* [Off Guardian, May 25, 2019], явно содержащий в себе логическое противоречие? Возможно, возникнет желание выяснить, «в чём тут подвох». Скорее всего, неискушенный читатель будет ожидать информацию, связанную со сменой месяцев года, и окажется

неправ: оказывается, автор намеренно обманул его ожидания и статья не о месяцах года, а о бывшем премьер-министре Великобритании Терезе Мэй, чья фамилия произносится так же, как название месяца (*May*). Таким образом, использование стилистического приёма каламбур делает коммуникацию высокоинтерактивной.

5. Использование полимодальности

Даже в кратком обзоре дискурсивных средств реализации интерактивности в современном дискурсе СМИ нельзя не остановиться на средствах полимодальности, в частности на аудио- и видеоряде, сопровождающем публикации. С его помощью автор взаимодействует с читателем, устанавливая его коммуникативные ожидания и обращаясь к его эмоциональной сфере. В качестве примера рассмотрим один из полимодальных компонентов статьи:

Coronavirus: Will we ever shake hands again? [The Guardian, May 6, 2020].

Полимодальный компонент статьи представляет собой визуальную аллюзию на изображение рук Всевышнего и Адама, которые тянутся друг к другу на фреске «Сотворение Адама» Микеланджело Буонарроти. Однако, в отличие от рук на фреске, руки на иллюстрации к статье одеты в медицинские перчатки. Примечательно, что благодаря данному полимодальному компоненту взаимодействие автора статьи с читателем будет осуществляться по-разному, в зависимости от наличия фоновых знаний, которыми читатель располагает. Например, если читатель (в силу юного возраста) не знаком с фреской Микеланджело, он может воспринять полимодальный компонент как своего рода анонс статьи – «мы носим перчатки и не пожимаем друг другу руки». Если же произведение Микеланджело читателю хорошо знакомо, то, помимо коммуникативных ожиданий, связанных с содержанием статьи, он может испытать ещё и эстетическое удовольствие, вспомнив оригинал картины, и это (не меньше, чем анонс содержания статьи) может вызвать интерес читателя к представленному материалу.

Нельзя не отметить, что несмотря на разноплановость все рассмотренные языковые и неязыковые средства дискурсивного программирования в англоязычном дискурсе СМИ «осуществляют взаимодействие» с читателем, обращаясь как к его когнитивной, так и к эмоциональной сфере, устанавливая коммуникативные ожидания читателя относительно дальнейшего содержания сообщаемого материала.

Вполне вероятно, что выявленные механизмы интерактивности могут быть использованы не только на практических занятиях со студентами, но и для последующей машинной генерации медиатекстов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. М.* Собрание сочинений. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. 799 с.
Соколова В. А. Полиmodalность как средство дискурсивного программирования в англоязычном дискурсе СМИ // Когнитивные исследования языка : материалы Круглого стола. Москва–Тамбов, 2019. Вып. 38. С. 169–174.

О. Ю. Стародубова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
oystarodubova@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: антропоцентризм, художественный текст, лингвокогнитивное моделирование, субъект, концептуальная метафора, картина мира.

Key words: anthropocentrism, literary text, linguo-cognitive modeling, subject, conceptual metaphor, picture of the world.

Антропоцентризм – один из центральных атрибутов современной эпохи. Личность как носитель целого ряда идентичностей – национальных, религиозных, гендерных, социальных и т. п. становится центром притяжения внимания междисциплинарных исследований. Художественный дискурс является порождением творческой языковой личности, своеобразным продуктом ее когнитивной деятельности и содержит следы определенной

эпохи в авторской интерпретации в наиболее приближенном к реальности формате, т.е. представляет собой моделирование действительности. При этом ракурс конструирования текстовой событийности, архитектуры смысла сопряжен со спецификой герменевтического круга – диалектикой первичной реальности (действительности в понимании французских постмодернистов – М. Фуко и др.) и вторичной (собственно текста в традиционном понимании). С одной стороны, творческий субъект ограничен рамками историко-культурной парадигмы, которая диктует характер восприятия действительности. С другой – языковая личность с учетом индивидуального набора идентичностей вычленяет из политематического событийного пространства определенный информативный сегмент, который, на ее взгляд, нуждается в актуализации в сознании читателя в связи с необходимостью ценностной интерпретации происходящего с точки зрения оценочного компонента картины мира.

На этом фоне художественный дискурс в целом концептуально преобразует действительность. Текст как вторичная действительность, являясь порождением первичной, меняет ее за счет вербальной эксплицитной и имплицитной репрезентации новой модели реальности, которая, критикуя концептуально негативные последствия конкретных событий, доводя сиюминутные тенденции до логического конца, часто сопряженного в формате художественной интерпретации с логикой абсурда, вытесняет реальную деструктивную модель, заменяя ее позитивной альтернативой. Авторская внутритекстовая картина мира имеет надличностный характер и содержит в классической художественной литературе непереносимое указание на базовые концепты национального и универсального характера. Функциональная амбивалентность при этом является непереносимым атрибутом художественного текста, который по сути представляет собой интердискурсивное образование, поскольку интерпретации подвергается целый спектр проблем, волнующих общество.

На рубеже веков художественный текст с учетом его полифункциональности и в связи с антропоцентризмом современной научной парадигмы становится объектом междисциплинарных исследований. В ряде трудов, где текст рассматривается с точки зрения лингвокогнитивного моделирования, внимание уделяется категории субъекта в разных его аспектах: за-текстовый субъект – личность творца как организатора диалога (принципиальную диалогичность текста подчеркивал М. Бахтин), а также личность читателя, как реципиента авторской ценностной модели действительности.

В процессе восприятия текстовой реальности читатель как творческий субъект, также обладающий собственной когнитивной парадигмой, сформировавшейся на фоне событийности эпохи, взаимодействует с авторской картиной мира, вследствие чего возникает явление интерференции мировоззренческих моделей, результатом которой становится создание нового варианта, подводящего «итоги особого периода в концептуализации и категоризации ...фрагмента мира» [Кубрякова 2009: 23].

Кроме того, выделяются внутритекстовые субъекты: эксплицированные (лирический герой) или имплицитно присутствующие, буквальные и атрибутивные, считываемые через различные языковые маркеры, которые, как правило, вступают в систему оппозиционного взаимодействия, представленного традиционно противостоянием своего и чужого. Таким образом, коммуникативная ситуация любого текста даже при очевидной бессубъектности (невыраженности категории лица, например, в стихотворении Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять») иллюстрирует сложную систему взаимодействия субъектов как инвариантов концептуальных смыслов, заложенных автором при помощи лингвистических ресурсов (прецедентность, концептуальная метафора и др.). Субъект как полифункциональная категория становится не только носителем определенного мировоззрения, но и механизмом авторской интерпретации. Задача автора-коммуникатора заключается в том, чтобы помочь читателю разобраться в хаосе конкретных событий, сформировать логику их восприятия с точки зрения обозначения устойчивых ценностных констант, представленных в субъектном формате.

Сила воздействия художественного текста на читателя (перлокутивность) возникает за счет самодостаточной эстетики или контраста деэстетизации, образность языка воздействует на «адресата как красотой и целесообразностью художественной формы, так и концептуальностью содержания, способностью заражать читателя сопереживанием» [Болотнова 1992: 23].

Проиллюстрируем примерами изложенную гипотезу, выявив механизмы лингвокогнитивного моделирования в художественном дискурсе на материале стихотворения Д. Пригова с целью определения закономерностей динамики процессов концептуализации действительности, связанных с изменением историко-культурных обстоятельств современной эпохи, коррекцией этнокультурного кода и способов его экспликации в аспекте субъектной организации текста.

Модель мира радикального антитекстуалиста Д. Пригова в стихотворении «Лейла лила алоэ» [Пригов 2003: 161] построена на полисубъектности,

ее особенность заключается в том, что она сопровождается принципиально иным, в отличие от классического, канонического поэтического текста, типом организации с учетом контекста эпохи. Текст не имеет естественной (общепринятой в привычном смысле) референции: Д. Пригов подвергает сомнению сам факт референции текста (на фоне отрицания любых разновидностей тоталитарных рамок), она эксплицируется автором в виде целого ряда номинаций субъектов, но в результате заданной им синтагматики и, соответственно, вектора интерпретации утрачивает соотнесенность с реальностью. Так создается новая модель действительности, на первый взгляд, демонстрирующая логику абсурда. При этом эксплицированный, горизонтальный, пласт текста, поверхностный смысл представляется закрытым, герметичным с точки зрения обыденной логики, не поддающимся декодированию. В герменевтической традиции подобные тексты иллюстрируют агностицизм. Когеренция глобального типа, т. е. планирование события, в данном случае связана с логикой субъектной организации текста, в основе которой лежит семантическое ядро – тиран (тоталитарный субъект – прецедентные имена – Гитлер, Сталин...).

Таким образом, текстовая модель действительности, конструируемая автором, представляет собой концептуализацию мира в виде субъектов – одушевленных носителей, каждый из которых содержит фрагмент архитектуры смысла. Особенностью лингвокогнитивного моделирования в стихотворении Д. Пригова, как яркого представителя радикального антитекстуалиста, является доминанта отрицания, механизмом конструирования которой выступает прецедентное имя. В произведении Д. Пригова очевидным акцентом становится критическая перцепция тоталитарного дискурса сквозь призму субъектной организации на фоне эксплицированной логики абсурда (отсутствие референции является средством моделирования негативной оценки концепта ВЛАСТЬ), при этом альтернатива отрицания остается за кадром, в отличие от классической поэзии, эксплицирующей и эстетизирующей ценностные константы.

Художественный текст и дискурс в целом становятся источником разнообразных знаний о мире, в том числе его социальной иерархии, политическом строе, системе ценностей, принципах коммуникации и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1992. 312 с.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 11–24.

Пригов Д. А. Книга книг. М. : ЗебраЕ – Эксмо, 2003. С. 161.

M. P. Taymour

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

mariataymour@gmail.com

MIXED METAPHOR AS THE MANIFESTATION OF HUMAN CREATIVITY

Key words: metaphor, mixed metaphor, linguistic creativity, conceptual integration, mental space, mapping.

Metaphors as a stylistic device have always attracted philosophers, politicians, writers, poets, and many other individuals longing to sound eloquent and creative. Mixed metaphor as “metaphors that occur in close textual adjacency but do not share a similar cognitive basis” [Kimmel 2010: 97] was registered several centuries ago, e.g. in *Hamlet* by W. Shakespeare. But not before the development of cognitive linguistics did the interest in mixed metaphor start gaining momentum.

Cognitive, discursive and semiotic approaches are popular venues to the study of the linguistic creativity. The types of discourse where it plays an important role are very diverse, but all of them are characterised by a strong impact on an addressee. Manipulation by means of language is the involvement of a recipient in the process of interpreting information received from outside using non-standard word usage and activating various cognitive linguistic processes in discursive activity. Mixed metaphors are undoubtedly among these linguistic means (e.g. *It's not rocket surgery*) and as well as conventional metaphors can be considered “exotic, extraordinary, fabulous creatures that we, scholars or magizoologists, are trying to recapture and put into the zoo – a figurative language repository or a certain theoretical framework” [Bolognesi, Depost 2019: 3].

Today with cognitive instruments in our possession we are able to study mixed metaphor a linguistic cognitive phenomenon viewed as a manifestation

of one's creativity. One of the theories that may be employed to reach this objective is the theory of conceptual integration by Fauconnier [1985], since mixed metaphors can be considered blends on the level of sentences, like blends or contaminants on the level of words (brunch), and the 'mixing mechanism' is best studied relying on the methods of conceptual integration theory. One of the distinguished features of mixed metaphors, however, is that the parts of mixed metaphor are by default incompatible at least on the linguistic level. The central concept of Fauconnier's theory is mappings or the connections between mental spaces based on metaphor, similarity, categorisation, analogy, etc. And person's ability to think figuratively is the basis of a conceptual integration process, which is based on the individual's ability to establish the connections between different (often at first glance incompatible) mental spaces and elements of these spaces. The main aim of our research is to prove that the meaning of a resulting blend (i.e. a mixed metaphor) differs from the simplistic sum of the meanings of the initial components, but despite their incompatibility on the lexical level, they seem to share deep conceptual similarity, which gives mixed metaphor *la raison d'être* (the reason for being). Thus, two input spaces acquire some generic space and then evolve into blended space, i.e. a new meaning that appears as a result of the projection of the first input space onto the second one or as a result of merging of their values. Complex connections between the constituent elements of mixed metaphor, which are often heterogeneous from a linguistic point of view, inevitably require from a recipient multileveled cognitive inference. These constituents that reflect mental spaces as specific structures interact with each other and lead either to the actualisation of the process of conceptual integration or the process of conceptual opposition. In the process of analysis of various types of mixed metaphors and their subtype malaphors [Таймуп 2019], we have identified the following models: the **integrational model**, which is divided into the integration model based on the strengthening of the meaning of the components of mixed metaphor (**strengthening integration model**) and the integration model based on the combination of the meanings of the components of mixed metaphor (**combinational integrational model**); and the **oppositional model**.

In the strengthening integration model, the components of a mixed metaphor complement and intensify each other's meaning, allowing the recipient to become more fully aware of the speaker's idea. Our research based on the material of 200 mixed metaphors in English has shown that this model is typically represented in compound mixed metaphors, extended mixed

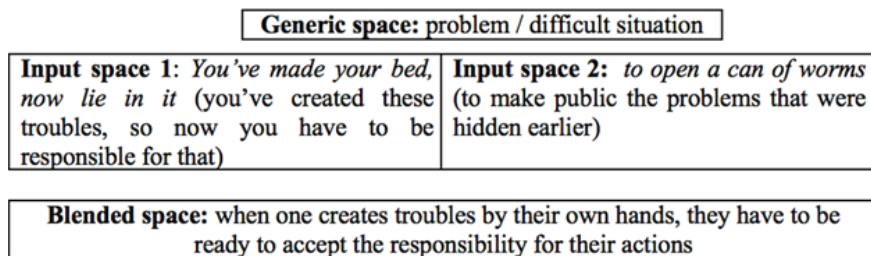

Figure 1. Strengthening integration model of a mixed metaphor

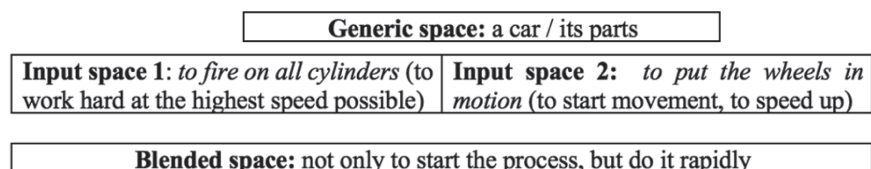

Figure 2. Combinational integration model of a mixed metaphor

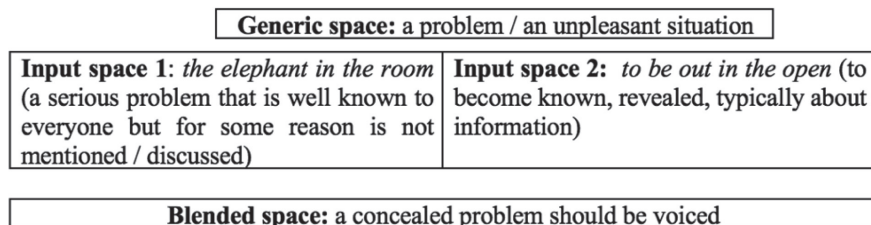

Figure 3. Oppositional integration model of a mixed metaphor

metaphors and malaphors-amplifiers [Таймп 2020]. E.g., in a malaphor *You've opened this can of worms, now lie in it* the meaning of the initial metaphor *You've made your bed, now lie in it* (you've created these problems, now solve them) is strengthened by adding inside the same matrix an idiom to open a can of worms, which visually increases the seriousness of a trouble (see Fig. 1).

Combinational integration model helps us analyse mixed metaphors where the meanings of the constituents complement one another. It has been discovered that the vast majority of the metaphors in study that fall into this category are represented by complex mixed metaphors and malaphors-combiners. E.g., *We're firing on all wheels now* can be represented by the model in Fig. 2.

The oppositional model is based on contrasting / contraposition of the constituent elements in a mixed metaphor where the distinctive features of the components are being highlighted. This model is typical of malaphors-contrasters and malaphors-amusers (see Fig. 3 for a malaphor *I want to get an elephant out of the room*).

As our research shows, mixed metaphor and its subtypes play an important part in the manifestation of human creativity demonstrating the feasibility of hybridisation on the conceptual level, which is actualised on the semantic level in a somewhat challenging but manageable way. This process should be investigated in greater detail with the help of the instruments provided by cognitive linguistics.

REFERENCES

- Таймур М. П.* Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах и малафорах на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 829. С. 84–95.
- Таймур М. П.* Классификация смешанных метафор : когнитивные предпосылки // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 176–178.
- Bolognesi M., Despot, K.* Fantastic metaphors and where to find them. Introductory chapter. University of Oxford: John Benjamins Publishing, 2019. 22 p.
- Fauconnier G.* Mental Spaces Text. Cambridge : MIT Press, 1985. 258 p.
- Kimmel M.* Why We Mix Metaphors (and Mix Them Well) // Journal of Pragmatics . 2009. № 42. P. 97–115.

М. И. Тарасов

(Смоленск, Россия)

Смоленский государственный университет
tarasovmihail123@yandex.ru

ТЕКСТОВЫЕ КОМПЛЕМЕНТАЙЗЕРЫ: ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ

Ключевые слова: комплементаризер, текст, метатекст, связь, комментарий, когнитивная риторика.

Key words: complementizer, text, metatext, link, comment, cognitive rhetoric.

Актуальность проблемы, которую мы собираемся рассмотреть, определяется следующими факторами. Колоссальное увеличение информационного потока требует особого оформления информационных кейсов для того, чтобы они были хотя бы «приняты к рассмотрению», не говоря уже о том, чтобы быть усвоенными. Это особое оформление заключается в известной стереотипизации получаемой информации. Стереотипизация этой информации, т. е. её уместная стандартизация, может осуществляться путем активного использования отдельных текстовых структур. Последнее, разумеется, описаны в лингвистике и её ответвлении – риторике, но сделано это без достаточного, прагматически релевантного обобщения.

Таких текстовых структур достаточно много, они получают подробное освещение в рамках разрабатываемой нами теории когнитивной риторики, однако сейчас мы рассмотрим только одну из них.

Начнем с «чистой» лингвистики. В области синтаксиса существует такое понятие как *комплементайзер*. Под этим термином понимают слово или морфему, которые вводят подчиненные предикации, таковы, например, подчинительные союзы (*Иван чувствует, что выздоравливает*). В тексте тоже есть основные и подчиненные предикации. Следовательно, в тексте есть и текстовые комплементайзеры. Поскольку текст – это структура, качественно и количественно отличающаяся от отдельного высказывания, то и комплементайзеры в тексте должны качественно и количественно отличаться от комплементайзеров «обычных».

Корпус текстовых комплементайзеров описан в лингвистической (и риторической) литературе частично, без использования самого понятия текстового комплементайзера. Вместе с тем его использование, на наш взгляд, продуктивно, поскольку, во-первых, позволяет под одним именем рассмотреть множество не рассматривавшихся ранее как нечто единое языковых фактов, во-вторых, обнаружить некоторые лакуны в научном описании таких фактов и закрыть их.

Итак, рассмотрим очень кратко основные типы и функции текстовых комплементайзеров. Делаем мы это, повторим, в рамках разрабатываемой нами когнитивной риторики (подробнее см. об этом в [Тарасов 2015]).

Если мы говорим о построении текста, то первым разрядом комплементайзеров должны быть такие, которые маркируют начало текста, они как будто отмечают момент порождения текста, его переход из области проекта в область реализации. Назовем их *инициальными комплементайзерами*. К рассматриваемой разновидности комплементайзеров относятся

выражения, в которых говорящий констатирует некое положение дел, которое далее намерен рассмотреть: *Известно, что...; Принято считать, что...; Все мы знаем, что...; Последнее время часто приходится слышать, что...* и т. д. В теории текста такие выражения могут квалифицироваться как формы особой текстовой категории «приуроченности к ситуации» [Ван Дейк 1989]. Частично явление инициального комплементаризера пересекается с феноменом метатекста (*Начну с...; Рассмотрим...*) [Вежбицка 1978], но не равно ему, поскольку метатекстовые высказывания – это один из способов оформления всех трех типов комплементаризеров, о которых мы собираемся рассказать. В риторике феномен инициального комплементаризера рассматривается расширительно: к его формам могут быть отнесены не только отдельные высказывания, но и целые тексты, например истории из жизни, которыми оратор предвывает изложение основного материала (см. например в [Сопер 1995: 213–220]).

Следующий тип текстового комплементаризера – это *медиаальный комплементаризер*. Этот феномен текста частично осмыслен уже в «старой» риторике, в которой предлагается выделять особую часть индуктивной хрии, именуемой термином *связь*. Медиаальный комплементаризер, следовательно, – это особая текстовая структура, которая соединяет то, что было рассмотрено раньше с тем, что будет рассматриваться далее.

Наиболее адекватным синтаксическим средством выражения связи являются предложения с сопоставительными отношениями: *Если X обладает такими качествами ..., то Y обладает другими качествами; Если раньше мы могли поступать так ..., то теперь должны поступать иначе.*

В качестве медиаального комплементаризера могут использоваться метатекстовые конструкции наподобие следующих: *рассмотрим примеры, обратимся к следующему вопросу, вернемся к тому, о чем шла речь выше.* Не лишним некоторой экстравагантности способом выражения медиаального комплементаризера является использование предложений-абзацев, состоящих из одного слова: *или, но, однако.* Эти высказывания автор помещает между абзацами констатирующего плана. Так часто поступает, в частности, М. Веллер.

Актуальность когнитивной риторики подтверждает и дидактическая практика самого массового типа – школьная. В сочинении на ЕГЭ по русскому языку учащимся предлагается установить связь между двумя аспектами обсуждаемой проблемы (они почему-то именуются составителями заданий примерами). Эта связь может быть установлена с помощью

медиального комплементаризера (*Если в первой части текста автор говорит..., то во второй он уже...*). Но, видимо, такой способ составителям заданий кажется слишком сложным, потому что они положительно оценивают употребление комплементаризера другого типа – экзегетического, он в данном случае может быть выражен предложением типа *Оба эти примера свидетельствуют...*

Рассмотрим теперь феномен *экзегетического комплементаризера*. Под этим наименованием будем понимать такое речение, которое связывает основной текст и комментарий к нему. В риторике достаточно подробно описаны формы комментирования: его исходной инстанцией может быть слово и целое высказывание, точнее, мысль в нем заключенная. Сам комментарий может быть близок в семантическом отношении к комментируемому материалу и далек от него. В последнем случае комментарий напоминает сравнение. Экзегетический комплементаризер может присоединять некую дополнительную информацию, а может подключать информацию с функцией некоего итога. Подробно говорить здесь об этом мы не можем.

Подводя итог, отметим, что комплементаризеры разного типа могут рассматриваться как одно из средств создания гибкого, выразительного, но при этом не ломающего стереотипов восприятия, поэтому эффективно в контексте передачи информации текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Дейк Т. А. Когнитивные модели этнических ситуаций // Язык. Познавание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 161–189.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 402–424.
- Сопер П. Основы искусства речи. М. : Яхтсмен, 1995. 416 с.
- Тарасов М. И. Фигуры мысли в текстах Патриарха Кирилла о Русском мире // Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла / сост. А. В. Щипков. М. : Русистика, 2016. С. 93–176.

М. Ю. Торопыгина

(Москва, Россия)

ВГИК им. С. А. Герасимова,

НИИ теории и истории изобразительных искусств

Российской Академии художеств

toropygina@yandex.ru

**ПРОСТРАНСТВО ДЕЙСТВИЯ
КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА**
(на примере фильмов «Сияние» Стэнли Кубрика
и «Начало» Кристофера Нолана)

Ключевые слова: символическая форма, кинематограф, динамизация пространства, специализация времени, движение, триллер, интерпретация.

Key words: symbolic form, moving pictures, spatialization of time, dynamization of space, thriller, interpretation.

В своем классическом эссе «Стиль и медиум в кино» (1947) Эрвин Панофский определил «динамизацию пространства» (dynamization of space) и «специализацию или опространствливание времени» (spatialization of time) в качестве специфических выразительных средств кинематографа [Panofsky 1999]. Обращение к категориям пространства и времени необходимо Панофскому для того, чтобы описать особенности кино как вида искусства с точки зрения формальных возможностей кино как медиа. В то же время формальные качества произведения искусства могут пониматься Панофским как симптом, то есть как повод задуматься, какие смыслы скрываются за теми или иными особенностями изображения. Форма в изображении является предметом выбора художника и даже если выбор его совершается неосознанно, эти формальные особенности не ограничиваются областью чистого зрения, они могут быть определены как носитель значения. Так, в работе «Перспектива как символическая форма» (1925) Панофский пишет о том, что развитие линейной перспективы с единой точкой схода означало не только возвышение искусства живописи до уровня науки, но и заложило основы перехода от субъективно-психофизиологического к математическому, объективируемому, восприятию пространства [Панофский 2004].

В своем докладе я бы хотела продолжить тему изображения пространства на примере двух фильмов, указанных в заглавии. Здесь и далее под пространством подразумевается не только место действия (локация), но и то, как это место представлено в фильме, то есть какими пространственными характеристиками эта локация обладает, или, если говорить о стратегии режиссера, наделяется. Разумеется, выбор места или создание декорации для съемок важны для любого хорошего фильма, но в представленных мною случаях локации (здания) имеют особое значение: это не столько фон, сколько участники событий, и поэтому их изображению уделяется достаточно много времени и внимания. В обоих фильмах отношения реальности и фантазии выстроены достаточно неопределенно: здесь вполне привычные персонажи, похожие на наших современников (или современников каждого из режиссеров), действуют в привычных казалось бы обстоятельствах, которые, тем не менее, оказываются чреватые паранормальными ситуациями. И у Кубрика, и у Нолана движение в пространстве может обернуться провалом или прыжком в новую темпоральную реальность.

Кроме того, в обоих случаях мы имеем дело с определенным нарушением жанровых рамок. Фильм «Начало», хотя и снят в жанре фильма ограбления, в большей степени занимается темой отношений сна и реальности [Perdigao 2015]. А фильм «Сияние», входящий в списки лучших фильмов ужасов, на самом деле избегает, а в некоторых случаях пародирует классические клише этого жанра [Donnelly 2018]. Общим для обоих фильмов остается определение «триллер», т. е. зрелище, вызывающее тревогу, волнение и даже страх, причем связанные не столько с тем, что мы видим, сколько с тем, что мы ожидаем или боимся увидеть. И в этом ожидании очень важна роль тех пространств, в которых передвигаются герои. Очевидно, что они задают определенный темп и ритм их движения – и уже благодаря этому определенную интригу. С другой стороны, любые движения в этих пространствах, даже те, которые можно описать достаточно кратко (Дэнни едет по коридору) – на самом деле составляют визуальный и звуковой лейтмотив фильма – мальчик, машина, коридор, монотонное постукивание пластиковых педалей. Одним из самых ярких и запоминающихся образов в фильме Нолана также становится коридор, в котором из-за отсутствия гравитации люди «плавают» между полом, стенами и потолком. Совпадения и сближающие эти фильмы моменты дают возможность сравнить художественные методы режиссеров, предлагающих зрителю динамизацию пространства и специализацию времени уже как осознанную визуальную стратегию своих фильмов.

ЛИТЕРАТУРА

Панофский Э. Перспектива как символическая форма. Готическая архитектура и схоластика. СПб. : Азбука-классика, 2004. 336 с.

Panofsky E. Stil und Medium im Film & Die ideologischen Vorläufer des Rolls-Royce Kühlers. Frankfurt/Main, 1999. 160 p.

Perdigao Lisa K. The dream has become their reality: Infinite Regression in Christopher Nolan's Memento and Inception // Furby J., Joy S. The Cinema of Christopher Nolan: Imagining the Impossible, NY, 2015. P. 120–131.

Donnelly K. J. The Shining, NY, 2018. 144 p.

Andreas Turnsek

(Germany, Dusseldorf)

Heinrich Heine University Dusseldorf

andreasturnsek@aol.com

LITERATURE AND ARCHITECTURE – RECIPROCITY OF SPACE AND NOVEL

Key words: Literature and Architecture, Buildings and Books,
Reciprocity and Quotations, Fantasy and Fundaments.

Buildings and writings, literature and architecture have parallels: in the creative process, in effect, in use – these intersections are not always visible. But in some phases and by some protagonists of both areas they become clear in a very impressive or very subtle way.

The history of the interweaving of both forms of cultural expression, which goes back to antiquity, has some high phases, but especially these: at the beginning of the 19th century and in the first third of the 20th century. These periods are characterized by real building spurts and strong literary trends. These periods of time therefore also clearly show a diffusion, a productive and dynamic interaction between the architecture and the literature.

The direction of the influences on each other is reciprocal: in this and that epoch, in one direction or the other, there are discursive entanglements between literature and architecture; visible and legible connections to each other or references to each other.

Е. Н. Цветаева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

elenatsvetaeva@yandex.ru

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ» ИНТЕНСИФИКАТОРЫ: ПУТИ И МОТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Ключевые слова: интенсификатор, значение, семантическая структура, изменение значения, мифосемантический.

Key words: intensifier, meaning, mythosemantic, semantic structure, semantic change.

Исследование выполняется на немецкоязычном материале и посвящено рассмотрению некоторых механизмов, лежащих в основе развития семантики *интенсивности признака*. Не вдаваясь в подробности частеречной дифференциации слов-интенсификаторов в языках (как правило, речь идёт о наречиях), заметим лишь, что к подобному классу относят слова, функция которых – усиление интенсивности семантики синтаксически связанных с ними языковых единиц [Labov 1984].

Представляется очевидным, что лексемы, называющие какой-либо признак, со временем могут уйти от «качественности» именования и перейти в разряд интенсификатора практически любого признака. Это касается наиболее частотных и универсальных в современном языке слов-усилителей. Например, *sehr*: наречная форма к несуществующему сегодня в немецком языке прилагательному со значением ‘раненый, пострадавший’, однокоренное существительное – *sēr* со значением ‘травма, ранение, боль’ (ср. совр. англ. *sore*) [Paul 2002: 897]. То же касается и *echt*, изначально квалифицирующего нечто как законное, подлинное, затем – настоящее. Значение сохранилось, однако семантическая структура расширяется: одно из многих значений – усиление интенсивности последующего существительного: *ein echter Konflikt, eine echte Begabung* [DWDS].

В этих, как и во многих других случаях (*ganz, stark, voll* и т. п.), речь идёт о возникновении семантики более универсального свойства, развившейся из семантики более «узкого назначения», сам признак становится нерелевантным, называется лишь высокая степень целого ряда признаков. В отличие от них особый интерес для наблюдения над семантическими

процессами представляют собой случаи, когда при практически полностью поблекшей внутренней форме усилительное значение слова развивается из сложного семантического взаимодействия нескольких мотивов, содержащихся в его структуре.

Так, в предложении *Vierzehn Jahre können eine elend lange Zeit sein, fast eine Ewigkeit* (Die Zeit, 19.07.2007, Nr. 29 [DWDS]) мы не усомнимся, что автор строк считает четырнадцать лет сроком чрезвычайно долгим. Ничто, кроме синтаксиса, пожалуй, не указывает однозначно на функцию *elend* в предложении (разумеется, реципиент будет опираться и на всю языковую ситуацию, и на конкретный контекст), но и для не-носителя языка смысла предложения не вызовет затруднений.

Исторически существительное *Elend* (как и прилагательное *elend*) является производным от *Land*. При исключительно абстрактном характере семантики современного *Elend* ('беда, бедствие; жалкое, бедственное положение; нищета') / *elend* ('жалкий, убогий (нищенский); плачевный, плохой; (глубоко) несчастный; подлый, презренный' и т. п.) [DWDS] его семантические современные мотивы коренятся в сугубо пространственной парадигме.

Оппозиция *e-lend* – *land* вербализует архетипическую бинарную оппозицию «свой – чужой». Известно, что для мифологического пространства, откуда происходит эта пара, характерна способность моделировать иные, непространственные (семантические, ценностные и т. д.) отношения» [Лотман, Успенский 2010], т. е. противопоставляется *своя земля, своя территория чужой земле, чужбине*: свн. *eli-lend*, двн. *elilent*, где *eli-* значит «другой» [Paul 2002: 267]. Но чужой и другой – это с одной стороны, а с другой – и тот, кто оказывается на чужбине. И вот он достоин сожаления, ибо участь его плачевна.

Семантический переход, который мы можем наблюдать, начинается в мотиве «внешний», переходит в «чужой», а затем становится «ничтожным, убогим». Относительный признак – принадлежность другому / иному пространству – становится качественным, характеризует плачевное, убогое (во всех смыслах) состояние того, кто относится к этому пространству. Подобный перенос можно вполне расценить как мифосемантическую метонимию. И следующий этап семантического развития – переход в разряд интенсификаторов происходит так же, как и у наиболее универсальных слов этого семантического класса (см. выше). Один из наиболее авторитетных и полных словарей немецкого языка [DWDS], выделяя для *elend* отдельное усилительное значение, снабжает эту часть словарной статьи, среди прочего, следующими примерами употребления:

es ist heute elend heiß, kalt;
ein elend langer Weg, elend scharfer Wind;
das schmeckt elend gut; er hat auch dafür elend bezahlen müssen;
damit ist sie elend hereingefallen; er muss sich elend anstrengen [DWDS].

Как видим, интенсификатор сопровождает не только признаки, но и действия разного рода, может характеризовать как положительные, так и отрицательные явления действительности. Анализ корпусных данных последних лет в той же словарной системе дал следующий результат: наиболее частотна сочетаемость *elend* с прилагательным *lang* в атрибутивной позиции к существительным, манифестирующим темпоральные и локально-темпоральные отношения. Заметим, что развитие значения от пространственного к временному является семантической универсалией, лексема *lang* в этом смысле – идеальная иллюстрация. И *elend* с его «пространственной историей» вовсе не случайно образует с ним практически клишированную синтагму с усилительным значением:

Er zog ihn durch die elend langen Flure der Hierarchien. (*Die Zeit*, 25.01.2006, Nr. 04)

Doch dann folgte ein elend langer Marsch zum Lehrstuhl. (*Die Zeit*, 25.01.2006, Nr. 04)

Doch die elend lange Untersuchungszeit und die unglaublichen Ermittlungs-pannen haben das Vertrauen in den Untersuchungsrichter nicht unbedingt gestärkt. (*Berliner Zeitung*, 20.04.2004)

Wir haben die elend lange Sommerpause nämlich satt. (*Die Welt*, 01.08.2003)

Es ist der wohl entscheidende Durchbruch in dieser elend langen Reihe vermeintlicher Durchbrüche. (*Die Welt*, 12.05.2001)

Не менее интересны наблюдения за становлением более сложных по структуре интенсификаторов *allewege* (варианты *allerwege*, *allerwegen*) и *um alles in der Welt*, которым целесообразно посвятить отдельное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения 10.07.2020.).

Labov W. Intensi / D. Schiffrin (ed.) Meaning, form and use in context : linguistic applications. Washington D. C., 1984. P. 43 – 70.

Paul, H. Deutsches Wörterbuch. 10. Auflage. Tübingen Max Niemeyer Verlag, 2002. 1243 S.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург : «Искусство-СПб», 2010. С. 525–543.

О. Э. Чубарова, Е. К. Столетова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

olchubaro@yandex.ru, ekstoletova@yandex.ru

ЧТЕНИЕ КАК СОТВОРЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Ключевые слова: художественное произведение, методика, интерпретация, инофон.

Key words: literary work, methodology, interpretation, foreign learner.

При грамотном подходе со стороны преподавателя обучение чтению художественного текста становится способом изучения русской ментальности, а в процессе работы над текстовым материалом учащиеся могут стать вдумчивыми читателями, способными уловить тонкие смыслы, выражаемые автором произведения (о педагогической стратегии обучения инофонов чтению художественного произведения см. [Мухаммад, Лися 2019: 152]). Чтение художественного произведения есть не что иное, как «сотрудничество-сотворчество» писателя и читателя [Эко 2016: 31], и всякий текст открывает богатейшую перспективу для интерпретаций, но от реципиента-инофона текст, написанный русским автором, часто оказывается «закрыт».

С нашей точки зрения, работа над художественным текстом в иноязычной аудитории окажется эффективной, если будет вестись на трех уровнях. Первый из них может быть назван **языковым**: в его рамках студенты, опираясь на свое знание лексики, грамматики, синтаксиса русского языка, понимают содержание текста, анализируя значение слов и фраз.

На втором уровне, который мы назовем **культурологическим**, учащиеся знакомятся с единицами культурного фона и узнают, как могли бы понять смыслы произведения представители культуры, в рамках которой это произведение было создано. В идеале необходимо добиться, чтобы на этом уровне учащиеся ощутили дух эпохи, преломленный через индивидуальность автора. Преподаватель выступает как посредник в процессе межкультурной коммуникации. Очень важно, чтобы учащиеся получили несколько вариантов интерпретации текста, произведённых разными носителями языка. Третий уровень представляет собой **уровень смысла**, глубинного погружения в иноязычный текст, аналогичного погружению в художественный текст, читаемый на родном языке. Чтение, после успешной «расшифровки» на уровнях семантическом и культурологическом, превращается в процесс обретения опосредованного опыта, установления диалога с автором как с личностью, пережившей и осознавшей определенные события. На этом уровне преподаватель не должен навязывать учащемуся собственный опыт и личную интерпретацию сюжета произведения и образов героев.

При работе на первом уровне происходит, по терминологии О. Ф. Васильевой [Васильева 2000], «семантизирующее понимание текста» (значимым становится соответствие норме как при узнавании значений, так и при функционировании) [там же: 124–125]), на втором – когнитивное – «соотнесение с культурными нормами страны» [там же: 128]), а уже на третьем – распремечивающее, при котором освоение текста детерминруется рефлексией над ним.

В качестве примера рассмотрим работу над рассказом А. Н. Варламова «Как ловить рыбу удочкой», которая проводилась в различных группах уровней В2–С1, где обучались студенты различных национальностей.

Эффективным оказался следующий подход: преподаватель помог учащимся настроиться на принципиально отличный от ритма жизни современного горожанина ритм развития событий, отраженных в тексте. Перед чтением текста было рассказано о том, как (главным образом, в каком ритме) жили люди в «позднесоветские» годы. Также обсуждалась продолжительность летних каникул и особенности быта старшеклассников того времени, отношения в семье и распределение обязанностей.

Создание в аудитории определенного психологического настроения оказалось продуктивным приемом, способствовавшим «вчувствованию» в текст. Учащиеся спокойно и внимательно «расшифровывали» образный

ряд произведения, сохраняя интерес при анализе деталей, позволявших узнать, прочувствовать созданный автором мир.

Предложим алгоритм работы с художественным текстом на примере рассматриваемого рассказа.

Занятие 1

До чтения текста (как уже отмечалось ранее) необходимо было провести следующую работу:

1. Выполнение предтекстовых заданий: анализ языкового материала, работа с лексикой, фразеологией, выполнение заданий на лексическую сочетаемость, подбор синонимов, антонимов и т. п.

2. Создание психологического настроения читателей, обращение к их воображению, фантазии, «погружение» в обстановку произведения, в «ритм эпохи» – с помощью рассказа преподавателя о духе того времени, в которое происходит его действие, об образе жизни героев и т. п.

3. Чтение начала художественного произведения, возможно, только его первого абзаца. В рассматриваемом нами рассказе в первом абзаце автор вводит читателя в описываемую эпоху: упоминаются такие личности и реалии, как *София Ротару*, *девичий дневник*, намечается тема рассказа – «несчастливая» любовь («судьба разбила мой апломб»). Таким образом, уже на первом занятии учащиеся понимают, что рассказ не только о рыбалке (что прогнозируется по названию), но и о любви, и заинтригованные отправляются домой с желанием прочитать текст (прочитать текст до конца учащимся предлагается самостоятельно).

Занятие 2

4. Разговор о характерах героев и мотивах их поступков. Сначала учащиеся высказывают собственное мнение (преподаватель на этом этапе работы не выражает собственную позицию). Отметим, что работа с непосредственным восприятием является чрезвычайно интересной с точки зрения этнопсихолингвистики.

5. Филологический анализ текста, помогающий осуществить распредмечивание — выделить значащие переживания, скрытые смыслы путем анализа языковых средств: фонетических, лексических (см. подробнее [Стародубова 2020: 173]), синтаксических (см. об этом подробнее [Васильева 2000: 124, 189]). Например, для рассматриваемого рассказа

актуальным будет сравнение обращений «Сергей», «Сережа» и «Серега», лексем «мужчина» и «мужик», «любовь» и «влюбленность», «барышня» и «девушка», анализ обращения молодого человека к девушке «малыш».

6. Обсуждение ощущений, испытанных благодаря «вчувствованию» (то есть восприятию, переживанию цвета, звука, запаха), полученных от чтения произведения «сенсуальных переживаний» (см. подробнее о технике «вчувствования», «сенсуального очарования» [Васильева 2000: 211]). Например, рассказ «Как ловить рыбу удочкой» был назван «зеленым», «летним», «свежим».

7. Обсуждение чувств и переживаний, которые вызвало художественное произведение в целом.

С нашей точки зрения, предложенная выше методика работы с текстом сделает процесс чтения истинным сотрудничеством и сотворчеством автора и читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева О. Ф. Методика интерпретационного типа в практике обучения РКИ: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 370 с.

Мухаммад А. П., Лися В. Обучение иностранных учащихся творческому восприятию художественного текста на основе опорных единиц // Современное педагогическое образование. 2019. № 8. С. 149–153.

Стародубова О. Ю. Лингвокогнитивное моделирование в художественном дискурсе в аспекте субъектной организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 170–175.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Издательство АСТ, 2016. 638 с.

СЕКЦИЯ 4

Цифровые измерения человека и человеческого: настоящее и будущее

А. В. Алтунина

(Курск, Россия)

ООО «Группа компаний «Симеон»

motor_head2@list.ru

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ключевые слова: лингвистика, судебная психолингвистическая экспертиза, текст, прагматика, морфология.

Key words: linguistics, forensic psycholinguistic expertise, text, pragmatics, morphology.

Судебная психолингвистическая экспертиза относится к сложному комплексному виду исследований (далее – КСПЛЭ), поскольку в её производстве должны участвовать два эксперта – эксперт-психолог и эксперт-лингвист, профессиональное взаимодействие которых позволяет учитывать психологический и лингвистический аспекты психолингвистики. Это повышает объективность результатов КСПЛЭ и её доказательное значение.

При этом психологическая и лингвистическая идентификация автора текста дополняется результатами проведения почерковедческой экспертизы, входящей в раздел криминалистики. Почерковедение изучает письменно-двигательный навык человека, а такими особенностями документов, как цель, предмет, коммуникативные стратегии (тактики), интенции, занимается психолингвистическая экспертиза.

Для судебной практики был очерчен круг характеристик письменной и устной речи, которые может выявить комплексная психолого-лингвистическая или психолингвистическая экспертиза. Желтухина М. Р. выделяет следующие невербальные признаки, характерные для устной речи: семантико-грамматические (к ним относят фразы, выбор лингвистических конструкций, организованность и правильность написания текста), категориальные (национальность, пол, возраст и т.д.), прагматические («илокутивные силы», речевые тактики, установки, прагматические пресуппозиции, типы речевого реагирования), и патологические (психические заболевания) [Желтухина 2011].

КСПЭ может проводиться с использованием данных судебной психиатрической, медицинской, графологической, фоноскопической и других видов экспертиз. Особый интерес к проблеме составления речевого портрета обвиняемого, подозреваемого, свидетеля присущ не только дознавателям, следователям, но и адвокатам, которые с его помощью узнают, насколько достоверна или недостоверна данная им информация, какими коммуникативными моделями пользовалось лицо, имеются ли признаки фантазирования или конструирования скрываемых обстоятельств, переживания неблагоприятных эмоциональных состояний. Материалы для экспертизы могут быть представлены в любом виде, отражающем особенности речи, например, письменные тексты – в виде собственноручно написанных человеком объяснений, заявлений, протоколов явок с повинной, а устная речевая продукция – в виде аудио- или видеозаписей. В общем, всё, что позволяет составить ценностный и целостный портрет коммуникантов, всецело отражающий особенности их речевой деятельности [Енгальчев 2015].

В качестве примера рассмотрим запрос на проведение комплексной психолингвистической экспертизы для выявления в показаниях потерпевшей Н. Г. признаков переживания ею неблагоприятных эмоциональных состояний: страдания, стресса, беспомощности, депрессии, страха, растерянности, болезненных переживаний случившегося, расстройств высших психических функций и когнитивных (познавательных) процессов, собственных жертве преступления в результате перенесённого ею, с её слов, акта агрессии и угрозы лишения жизни с применением спортивного пистолета со стороны обвиняемой Я. О. Для ответа на поставленный вопрос были использованы психологические и лингвистические методы анализа текста (семантический анализ слов, психосемиотический, контекстуальный, морфологический анализ) [Белянин 2004].

Для выявления признаков переживания неблагоприятных эмоциональных состояний был использован морфологический анализ, выявляющий количество определённых частей речи в представленных на исследование документах. К таким частям речи относятся глаголы, прилагательные и существительные. Семантика переживаний стрессовых ситуаций должна отражаться в речи человека посредством использования качественных прилагательных, которые обозначают конкретное качество предмета и отвечают на вопросы: «какой?», «какая?», «какое?», «какие?», «чей?». Таким образом, количество прилагательных является индикатором психического состояния человека, поскольку они свидетельствуют о наличии сенсорного (чувственного) опыта переживания случившегося.

Для исследования были выбраны фрагменты представленных на экспертизу документов, которые отражают конфликтную ситуацию и в которых должны быть зафиксированы неблагоприятные эмоциональные состояния потерпевшей Н. Г. Морфологический анализ шести документов (два объяснения потерпевшей Н. Г., протокол допроса потерпевшей Н. Г., протокол очной ставки между подозреваемой Я. О. и потерпевшей Н. Г., два протокола дополнительного допроса потерпевшей Н. Г.) показал, что удельный вес качественных прилагательных, описывающих состояние потерпевшей в сложившейся стрессовой ситуации, значительно меньше, чем глаголов и существительных [Носенко 1978].

При этом нами учитывались возрастные, гендерные, языковые особенности, социальный статус и уровень образования потерпевшей Н. Г.

Эксперт-лингвист пришёл к выводу о том, что в представленных на экспертизу документах отсутствовали качественные прилагательные, описывающие признаки негативных эмоциональных состояний потерпевшей Н. Г. Использованные потерпевшей части речи, в основном, относятся к описанию рюкзака («темного цвета»), руки, в которой находился спортивный пистолет («в правой руке»), и принадлежности объектов (притяжательные прилагательные) («своего рюкзака», «моего лица»).

Эксперт-психолог в своей части экспертного исследования, анализируя выражения лица потерпевшей Н. Г. на видеозаписи с помощью Международной Системы Кодирования Специфического Аффекта (SPAFF), отметил, что потерпевшая Н. Г. испытывала следующие психоэмоциональные состояния:

1. Презрение (contempt). Роль данного состояния заключается в том, чтобы унижить, причинить боль и оскорбить. Такое поведение прямо

передаёт отсутствие уважения, а иногда и жестокость. Презрение расценивается как чрезвычайно пагубное для межличностных отношений, в SPAFF этому состоянию даётся преимущество перед другими видами поведения.

2. Доминирование (*domineering*). Роль этого состояния – установление и демонстрация контроля над партнёром или разговором. Доминирующее поведение должно вызвать податливость в реакциях и поведении объекта, на которого направлено доминирование.

Эксперт-психолог пришёл к заключению, что эти психоэмоциональные реакции потерпевшей Н. Г. не соответствуют поведению жертвы насильственных действий или действий угрожающего характера. Это позволило нам сделать общий вывод о том, что утверждения потерпевшей Н. Г. о пережитом ею страхе, о восприятии угрозы жизни со стороны обвиняемой Я. О. как реальной, не соответствуют действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин В. П.* Психолингвистика: учебник. М. : Флинта: МПСИ, 2004. 232 с.
- Енгальцев В. Ф.* Судебная психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах: вопросы теории и практики. М. : Изд-во Московского психолого-социального университета; Воронеж : МОДЭК, 2015. 456 с.
- Желтухина М. Р.* Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Юрлингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово: межуниверситетский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева и К. И. Бринева. Кемерово, 2011. С. 350–368.
- Носенко Э. А.* Изменения характеристик речи при эмоциональной напряженности / Э. А. Носенко // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 76–85.

А. В. Анищенко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

allan031@yandex.ru

УСЛЫШАТЬ МОЛЧАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ АУДИОДЕСКРИПЦИИ

Ключевые слова:

коммуникативное молчание; силенциальный акт; прагматика молчания; аудиодескрипция; тифлокомментирование; эмотив; манипуляция.

Key words: communicative silence; act of silence; pragmatics of silence; audio description; emotive; manipulation.

Развитие цифровых технологий расширило способы передачи информации любого типа и формата, создав условия для полноценного коммуникативного взаимодействия при отсутствии непосредственного визуального контакта. Именно к таким можно отнести ситуации, когда восприятие визуальной информации реципиентом затруднено, и для адекватного взаимодействия необходимо интерсемиотическое транскодирование передаваемой информации – полное или частичное преобразование знаков одной семиотической системы в другую. Такая трансформация имеет место в аудиодескрипции, или тифлокомментировании – процессе создания звукового комментария к фильму для людей с ограниченными возможностями по зрению. При аудиодескрипции трехмерное единство художественного фильма как совокупность вербального, паравербального и визуального рядов трансформируется в текст, доступный только для аудиального восприятия, т. е. полисемиотичная информация визуального и аудиального ряда преобразуется в моносемиотический текст [Борщевский 2019].

Использование технических средств обеспечивает возможность аудиокomentирования и обуславливает трансформацию механизмов кодирования и декодирования транслируемой информации, что позволяет реципиенту с нарушением зрительной функции «услышать» информацию визуального ряда. Цель предлагаемого исследования – проанализировать прагматический потенциал аудиокomentария при трансляции молчания как средства невербальной коммуникации.

В лингвистике молчание рассматривается как коммуникативный акт с широким функциональным потенциалом, особенностью которого является имплицитный характер транслируемой адресантом информации и необходимость ее декодирования адресатом. Исследователи указывают на следующие функции молчания как коммуникативного акта: контактивную, дисконтактивную, экспрессивную, информативную, оценочную, когнитивную, аффективную, стратегическую, риторическую, функцию социальной установки, ролемаркирующую, ритуальную и др. [Крестинский 1991]. Одним из факторов, влияющих на успешность интерпретации молчания, является визуальный канал коммуникации, обеспечивающий передачу некоторых коммуникативно значимых элементов (мимика, жесты, поза, особенности организации пространства).

В предлагаемом исследовании на примере немецкоязычных художественных фильмов с аудиокомментированием проводится анализ способов звукового описания коммуникативно значимого молчания. Выделяются и анализируются фрагменты, содержащие силенциальный акт. Устанавливается, что в аудиокомментарии в качестве наиболее частотно актуализируемых выступают акты молчания, в которых коммуникант выражает свое эмоциональное состояние (эмотивные акты) или пытается оказать скрытое влияние на адресата (манипулятивные акты). Проводится анализ способов вербализации силенциальных актов этих типов, позволивший выявить преобладание в исследовательском корпусе эмотивных силенциальных актов, вызванных такими эмоциональными состояниями, как презрение, возмущение, фрустрация. Их вербализация в аудиокомментарии осуществляется преимущественно при помощи описания коммуникативно значимых движений глаз (*empört ansehen*, *stirnrunzelnd schauen* и др.).

Для аудиодескрипции, обеспечивающей адекватное восприятие визуальной информации людьми с ограниченными возможностями по зрению, описание молчания как способа трансляции информации, представляет несомненный интерес. Результаты исследования могут быть полезны в практике создания тифлокомментариев.

ЛИТЕРАТУРА

Борщевский И. С. Проблема выбора слова в интерсемиотическом переводе на примере аудиодескрипции (тифлокомментирования) / И. С. Борщевский. Текст : непосредственный // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 30–37. URL : <https://moluch.ru/th/6/archive/119/3978/> (дата обращения: 31.05.2020).

Крестинский С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. 16 с.

А. С. Ваничкина, М. В. Романова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
alexvanichkina@gmail.com, rmw80@mail.ru

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ФОРСАЙТ ПРОГНОЗ

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, межличностная коммуникация, форсайт метод, цифровизация, манипуляция.

Key words: virtual communication, interpersonal communication, foresight prognosis, digitilisation, manipulation.

Основной тенденцией развития современного общества является цифровизация всех сфер его деятельности. Однако ее особому влиянию подвержена коммуникация как ведущий вид взаимодействия между различными социальными группами, институтами. Изначально цифровизация несла в себе сугубо утилитарную обслуживающую функцию, позволяя сделать повседневные и профессиональные процессы проще быстрее и эффективнее, но по мере развития технического прогресса цифровизация не только начала менять различные сферы деятельности, но и менять само общество. Сначала появились новые формы общения (СМС, чаты, форумы, живые журналы), а затем и социальные сети. Эти формы межличностной интеракции оказали трансформирующее влияние на общество и коммуникацию в нем, перенесли фокус внимания с традиционных СМИ (газет, радио, телевидения) на новые центры влияния, которыми стали социальные сети, поисковики, агрегаторы новостей, блоги.

Современные формы общения де-факто изменили субъект коммуникации: с одной стороны, он продолжает оставаться потребителем информации, но параллельно он приобретает и новую функцию – ретранслятора информации. Следует отметить и тот факт, что современное цифровое (информационное) поле характеризуется колоссально возросшими объемами потребляемой и продуцируемой информации, что, безусловно, оказывает влияние на когнитивные механизмы современного человека. Это воздействие проявляется на мнемоническом и перцептивном уровнях и ведет к постепенным изменениям в образе мышления. Для обработки

таких объемов информации человеку приходится отказываться от аналитического способа в пользу ее интуитивного восприятия, что позволяет использовать манипулятивные техники оказания воздействия со стороны различных заинтересованных групп.

В этой связи **актуальность** данного исследования определяется изменением условий коммуникационной среды, которая опосредует развитие современного учащегося: его навыки межличностного общения и когнитивные процессы. Вне всякого сомнения, цифровая среда является в наши дни трансформирующим социальным контекстом, влияющим на все элементы и характер процесса межличностной коммуникации. Более того, новые электронные форматы устного и письменного способов коммуникации также изменяют баланс традиционных отношений и идентичностей участников данного процесса. Когнитивный стиль и коммуникативный порядок виртуальных социально-сетевых коммуникаций приводят к формированию новой сетевой субкультуры отношений, общения и совместной профессиональной активности как феномена виртуальной коммуникации. Стиль виртуального общения, в свою очередь, подвергает изменениям коммуникативные паттерны и характеристики межличностной интеракции не только у представителей современного цифрового поколения, но затрагивает всех индивидумов поколенческой линейки, вовлеченных в цифровую среду. Таким образом, современные условия цифровизации могут рассматриваться как новый исторический стимул в филогенезе коммуникативной деятельности человека.

Исходя из вышеизложенного, **практическая цель** данного исследования – выявление качественных характеристик как устной, так и письменной коммуникации, которые могут трансформироваться в условиях массового распространения виртуального общения. Второй практической целью нашего исследования является критический анализ этих изменившихся или новых характеристик коммуникативной деятельности учащегося для последующей коррекции учебного процесса, направленного на формирование его межкультурной коммуникативной компетенции.

Поскольку практическая цель данного исследования предполагает научное прогнозирование событий в отношении будущего образовательной среды, а также определение стратегий его достижения, то в качестве **научного метода исследования** нами был выбран метод форсайта. Данный метод, зарекомендовавший себя как один из наиболее эффективных инструментов выбора приоритетов в сфере науки и технологий XXI века,

представляет собой набор аналитических инструментариев, позволяющих определить долговременные тренды развития образовательной среды и скоординировать на их основе принятие решений [Крюков 2010].

По результатам исследования были определены существенные факторы, детерминирующие процесс трансформации современной межличностной коммуникации: формирование феномена полупубличной коммуникации [Глухов 2018], использование инструментов виртуальной коммуникации в качестве средства избегания подлинной аутентичности отношений; квазисинхронный континуальный формат коммуникации [Turkle 2011]; снижение степени вовлеченности в коммуникацию и тенденция на экономию психоэмоциональных ресурсов; формирование познавательной сферы учащегося под влиянием невербальной визуальной знаковой информации (ориентир на гипертекстовые электронные источники информации с сетевым принципом смысловой организации, клиповость мышления и предпочтение в перцепции паттернов визуально-смысловой информации и т. п.) [Королева и др. 2013].

В качестве варианта **практического применения** результатов исследования предлагается разработка плана-сценария развития образовательных траекторий с учетом особенностей современной коммуникации. Такой план-сценарий, который является одним из самых традиционных и эффективных форсайт технологий, позволит зафиксировать наиболее значимые возможные изменения в учебном процессе, а также точки критических решений. Это в целом даст современному педагогическому сообществу выбор в отношении наиболее предпочтительного сценария и возможность подготовить адекватные меры, которые обеспечат наиболее благоприятную траекторию развития лингвистического образования в условиях цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

Глухов А. П. Особенности культуры виртуальных коммуникаций поколения z: менеджмент режимов коммуникации // Знак : проблемное поле медиаобразования. 2018. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kultury-virtualnyh-kommunikatsiy-pokoleniya-z-menedzhment-rezhimov-kommunikatsii> (дата обращения: 01.06.2020).

Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Пространство экономики. 2010. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forsayt-ot-prognoza-k-formirovaniyu-buduschego> (дата обращения: 01.06.2020).

Королева Н. Н., Цейтлин С. Н., Проект Ю. А. Когнитивное и речевое развитие ребенка в условиях современного российского общества // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-i-rechevoe-razvitie-rebenka-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 01.06.2020).

Turkle, Sherry. Alone together: why we expect more from technology and less from each other [Text] / S. Turkle. Published by Basic Books, 2011.

В. А. Долинский

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vdolinsky@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИЯ К АББРЕВИАЦИИ И ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ СЛОВА

Ключевые слова: тенденция к аббревиации, длина слова, десемантизация, декодирование, русский язык, квантитативная лингвистика.

Key words: abbreviation tendency, word length, desemantization, decoding, Russian language, quantitative linguistics.

Среди способов словообразования аббревиация в языке выполняет компрессивную функцию, т. е. служит для создания более кратких, чем соотносительное словосочетание, номинаций. Основные сферы аббревиации – речь деловая, научная, публицистическая. Тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур усиливалась в 1914–1918, 1960-х, 1990-х гг. Отмечалось, что аббревиатура должна быть благозвучной, многосonorной; желательно, чтобы она напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии.

Аббревиатура – сокращенное написание, стяжение нескольких слов, обозначающих единое понятие, в форме одного слова. Аббревиатуры – это существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание [Русская 1982]. Среди сокращений разного рода выделяют аббревиатуры инициального типа, с двумя подтипами:

а) образования из начальных звуков слов:

вуз, загс, бомж, горно, НИИ, МИД, УЗИ, МХАТ, ТЮЗ, ОСАГО;

б) образования из названий начальных букв слов:

СССР, ВДНХ, ЦК, МВД, ЭВМ, ЦКБ.

Аббревиатуры типа «б» относятся к несклоняемым существительным того же грамматического рода, что и стержневое слово соответствующего полного наименования (например, *СССР, ЦК* – муж. р.; *ЭВМ, ВДНХ* – жен. р.). Аббревиатуры типа «а» с основой на гласную – несклоняемые, того же рода, что и стержневое слово полного наименования (в разговорной речи возможен средний род (*наш НИИ, наш горono* и разг. *наше НИИ, наше горono*). Аббревиатуры типа «а» с основой на согласную относятся к словам муж. р. I скл. (*вуз, НЭП*), либо к несклоняемым того же рода, что и стержневое слово (*ГЭС, ОСАГО*).

Общепотребительные инициальные аббревиатуры могут порождать словообразовательные гнезда. Интересно производное *эснговые* (от *СНГ*, по типу *Приднестровье*), *замкадье* (от *МКАД*, по типу *Замоскворечье*).

Игровая расшифровка общепринятых аббревиатур – прием, используемый в разговорном языке, жаргонах, профессиональных языках. Столкновение значения обычной аббревиатуры со значением аббревиатуры-омонима создает комический эффект, порождает каламбур, шутку. Так, широко распространенная аббревиатура *ЧП* (чрезвычайное происшествие) используется среди медиков со значением «частная практика», среди журналистов – со значением «четвертая полоса». Аббревиатура *НЭП* (новая экономическая политика) имеет шуточный омоним *НЭП* (наведение элементарного порядка). В молодежном жаргоне нередко бытуют шуточные омонимы к обычным аббревиатурам. Ср.: *ОРЗ* (острое респираторное заболевание) и *ОРЗ* (очень рано завязал), *МАДИ* (Московский автодорожный институт) и *МАДИ* (московский алкогольно-дегустационный институт), *ПГМ* (противогололедный материал) и *ПГМ* (православие головного мозга). В студенческом жаргоне расшифровываются как буквенные аббревиатуры, так и общепринятые сокращения – части слова. Ср.: *отл.* (отлично) и *отл* (обманул товарища лектора), *хор.* (хорошо) и *хор* (хотел обмануть, разоблачили). Благодаря «благозвучию» новых аббревиатур и их сходства с уже существующими словами москвичи сочиняют новые анекдоты: «Мало кто знает, что Москва давно поделена на сферы влияния между несколькими китайскими семьями: Вао, Зао, Свао, Юзао, Юао, Ювао, Сзао и главный клан – Цао».

Принято считать, что название или обозначение, состоящее из начальных букв (или цифр) словосочетания, используется для сокращения места

и ускорения передачи информации, что разумное употребление аббревиатур экономит время пишущего и читающего и печатную площадь.

Хотя печатная площадь измеряется в разных единицах (количество слов – в телеграммах, количество символов – в газетных объявлениях или смс), отправитель и получатель сообщения (кодирующий и декодирующий) всегда руководствуется общими принципами экономии и надежности. «*Двадцатипятиублируйте*» – писал бедный студент в телеграмме родителям. Остап Бендер «мигом сообразил», что объявление в Черноморской вечерке «*Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.*» означает «Сдается прекрасная комната со всеми удобствами и видом на море одинокому интеллигентному холостяку» («Золотой теленок»).

Отмечалось, что аббревиатура должна соответствовать назначению текста, быть понятной читателю, исключать омонимию, не вызывать отвлекающих ассоциаций, быть единообразной для однотипных слов и словосочетаний.

Вот лишь некоторые из бесчисленных новых аббревиатур:

- 1) **ГБОУ СОШ** – государственное бюджетное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа (школа).
ДОУ – дошкольное образовательное учреждение (детский сад).
ОРКСЭ – основы религиозных культур и светской этики (основы религий).
СДЮШОР – спортивная детско-юношеская школа олимпийского резерва (спортивная школа).
ГБУЗ – государственное бюджетное учреждение здравоохранения (поликлиника, больница).
СНИЛС – страховой номер индивидуального лицевого счета.
ФГБУН – федеральное государственное бюджетное учреждение науки.
ФГБОУ ВПО – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования.
ФГБОУ ВО – то же (без «профессионального»; с 2016).
ЧОП – частное охрannое предприятие.
ЧВК – частная военная компания.
ОПГ – организованная преступная группировка.
КПЗ – камера предварительного заключения.
- 2) **ППКС** – подписываюсь под каждым словом.
ИМХО – ИМНО, in my humble opinion – по моему скромному мнению.
ОМГ – OMG, oh my god! – о господи!
Нах, ПНХ, ХЗ, пц, ппц, ТП, ЕТМ – без расшифровки.

- 3) Здр – здравствуй (-те).
Плз – плиз (please).
Др – день рождения.
Пздр – поздравляю.
Крсл – кресло.
Кркс крсл – каркас кресла.
Кркс крсл крчн – каркас кресла коричневый.
- 4) а/я – абонентский ящик.
М/о – материально обеспеченный.
С в/о – с высшим образованием.
Без в/п – без вредных привычек.
Из млс – из мест лишения свободы.

Каждый коммуникант исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и слушающего не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в свертывании форм высказывания (сокращении длины сообщения и его элементов), а слушающий, напротив, хочет, чтобы все выражаемое говорящим было максимально понятно, и следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего (увеличение длины сообщения и его элементов) [Пиотровский 2006].

Между тем лавина новых аббревиатур, входящих в язык, с ростом их численности приводит к повышению их омонимичности, затрудняет семантизацию и делает их всё более непонятными для читателя и слушателя – носителя русского языка. Так, электронный ресурс «словарь-сокращений.рф» (2020; 52 тыс. ед.) для аббревиатуры КИД приводит 12 значений (*канал передачи данных; кафедра программного дизайна; Клуб профессионалов дизайна; ключевой показатель деятельности; Коммунистическая партия Дагестана; Компания производственной дефектоскопии; комплексный план действий; комплект перевозочных документов; контрольно-проверочная аппаратура (?); коэффициент падения давления; кремнийорганическая паста диэлектрическая; культурно-просветительская деятельность*), среди которых отсутствует всем известное значение «коэффициент полезного действия».

Дж. Оруэлл, характеризуя новояз, писал:

«Слова-раскладушки (telescoped words and frases) стали одной из характерных особенностей политического языка еще в первой четверти XX века; особенная тяга к таким сокращениям была отмечена в тоталитарных странах

и тоталитарных организациях. Примерами могут служить такие слова, как «наци» (Nazi), «гестапо» (Gestapo), «коминтерн» (Comintern), «инпрекорп» (Inprecorr) «агитпроп» (Agitprop). Сначала к этому методу прибегали, так сказать, инстинктивно, но в новоязе он использовался с осознанной целью. Стало ясно, что, сократив таким образом имя, вы сужаете и слегка изменяете его смысл, ибо отсекаете большинство ассоциаций, которые в противном случае цеплялись бы к нему. Слова «Коммунистический Интернационал» ассоциируются со сложной картиной: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же «Коминтерн» напоминает лишь о крепко спаянной организации и жестко определенной системе доктрин. Оно относится к предмету столь же ограниченному в своем назначении, как стол или стул. «Коминтерн» – это слово, которое можно произнести, почти не размышляя, в то время как «Коммунистический Интернационал» заставляет хотя бы на миг задуматься. Подобным же образом «минправ» вызывает гораздо меньше ассоциаций (и их легче предусмотреть), чем «министерство правды». Этим объяснялось не только стремление сокращать всё, что можно, но и усиленная забота о том, чтобы слово легко было выговорить... Задача состояла в том, чтобы сделать речь – особенно такую, которая касалась идеологических тем, – по возможности, независимой от сознания» ([Orwell 1949], перевод авт – В. Д.).

ЛИТЕРАТУРА

Пюитровский Р. Г. Лингвистическая синергетика : исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 160 с.

Русская грамматика : в 2 т. М. : Наука, 1982. Т. 1. 784 с.

Orwell G. Nineteen Eighty-Four. A novel. L. : Secker & Warburg, 1949. 328 p.

О. Г. Егорова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

o.egorova@linguanet.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ И СОЗДАНИЕ БАЗ ДАННЫХ: НОВЫЕ АЛГОРИТМЫ И ТЕХНОЛОГИИ, ОНЛАЙН- СОТРУДНИЧЕСТВО И МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ключевые слова: терминология, базы данных, переводчик, искусственный интеллект, машинное обучение.

Key words: terminology, databases, translator, artificial intelligence, computer-assisted learning.

В данной работе автор освещает наиболее актуальные проблемы современного терминоведения, терминологической науки и практики с точки зрения современной ситуации, запросов рынка и работодателей. Ставятся вопросы о том, какие компетенции необходимы успешному выпускнику университета для построения карьеры в области терминоведения; как терминология должна быть включена в иные образовательные траектории; какие технологии необходимо освоить молодому профессионалу; какую роль онлайн-сотрудничество и дистанционное обучение займет в процессе подготовки кадров нового поколения. Какие алгоритмы используются для создания профессиональных терминологических баз данных по разным направлениям знания? Какие процессы будут регулироваться с помощью машинного обучения и искусственного интеллекта? Насколько важна роль контекстов в создании терминологических глоссариев и как необходимо строить взаимодействие переводчиков и специалистов в предметных областях?

Важную роль в выстраивании конкурентных образовательных траекторий играет постоянное взаимодействие университетов и международных, а также российских работодателей.

Умение работать с терминологией – одна из главных компетенций любого профессионала. Причем эта работа не сводится к поиску и выбору нужного термина в словаре или тематическом глоссарии. Управление

терминологией – это важный этап перевода, который обеспечивает несколько критически важных и определяющих параметров качества текста. Это особенно важно там, где речь идет о крупных компаниях, организациях и проектах.

Несомненно, лингвист-профессионал нового поколения должен уметь пользоваться в своей работе разными типами искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, как известно, находит широкое применение в самых разных отраслях и оказывает влияние почти на все аспекты творчества. Развитию искусственного интеллекта способствует наличие больших объёмов данных для обучения и повышение доступных вычислительных мощностей.

Методы машинного обучения применяются в процессах перевода, терминологического поиска и наполнения баз данных довольно широко, в том числе для фильтрации нежелательных электронных данных, автоматического перевода, распознавания голоса, текста и изображений. Переводчики и терминологи нового поколения должны научиться сотрудничать, а вовсе не конкурировать с «машиной».

Если еще 6–7 лет назад на переводческих форумах и конференциях говорили об опасности, которую машины представляют для самой профессии переводчика / терминолога во всех ее ипостасях, то сейчас мы говорим о том, какими мы должны стать, чтобы профессия успешно развивалась в новых условиях. Какие умения и навыки необходимы переводчику и терминологу поколения Y и Z (а в перспективе и поколения «альфа»)? Что такое перевод в эпоху Четвертой индустриальной революции? Что в этой связи делать преподавателям перевода, переводческим компаниям и международным организациям? И, наконец, какие дополнительные преимущества, возможности и ценности это несет, если научиться быть гибким и жить настоящим и будущим профессии?

А. Б. Елизаров

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

alelizarov@yandex.ru

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ. ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ключевые слова: когерентность, термин, патент,
интеллектуальная собственность.

Key words: coherence, term, patent, intellectual property.

Когерентность в научном или техническом тексте выражается разными способами. Это могут быть как языковые, так и неязыковые средства. Термины – одно из таких средств, обеспечивающих когерентность текста. По некоторым данным, использование терминов в текстах специальной и технической направленности может быть весьма и весьма значительным.

Под термином понимается слово или словосочетание, выполняющее функцию названия специального понятия, явления или предмета. Термин любой отрасли знания выражает специальное профессиональное, научное или техническое понятие, в отличие от общеупотребительных слов, служащих номинации общих и / или бытовых представлений [Головин 1987: 40].

ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) – это международная организация, занимающаяся вопросами политики, укрепления сотрудничества, предоставления услуг и информации в области интеллектуальной собственности.

Одной из целей сотрудничества ВОИС и университетов является возможность обмена знаниями в области терминологии и патентов, а также предоставление студентам, изучающим терминологические дисциплины, возможности выполнить работу для ВОИС с перспективой ее публикации в международной базе данных WIPO Pearl (терминологическая база ВОИС). Эти университеты обозначены на портале WIPO Pearl как партнеры ВОИС в специальных терминологических проектах. Студентам предлагается работа по поиску терминов в патентной документации в интересующих их областях знаний и составление терминологических записей на одном или нескольких официальных языках в соответствии

с инструкциями и методологией, разработанной ВОИС. После внутренней проверки, т. е. просмотра специалистами по языку ВОИС, записи, созданные студентами, будут в конечном итоге опубликованы в базе данных патентной терминологии WIPO Pearl. Записи студентов будут обозначены на портале как результат сотрудничества с университетом.

В рамках сотрудничества ВОИС с университетами мира идет совместная работа МГЛУ и этой международной организации системы ООН по направлению «терминология» в формате дистанционного взаимодействия.

Наш университет в этом проекте сотрудничества представлен двумя группами студентов переводческого факультета: студентами магистратуры 1-го года обучения, обучающимися по направлению «Письменный перевод специальных текстов», и группой 4-го курса бакалавриата.

ЛИТЕРАТУРА

Головин В. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М. : Высшая школа, 1987. 105 с.

М. А. Иванова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

mashaliva@rambler.ru

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: коммуникация, теория коммуникации, виртуальное пространство, виртуальная коммуникация, чат-коммуникация.

Key words: communication, theory of communication, virtual space, virtual communication, chat communication.

Коммуникация – это один из наиболее всепроникающих, важных и сложных аспектов жизни человека. Она является объектом исследования в самых разных отраслях знания. С середины XX века в рамках науки

о коммуникации начала оформляться самостоятельная научная дисциплина – *Теория коммуникации*.

В современном мире массовое проникновение Интернета во все сферы жизни повлекло значительные изменения форм и методов коммуникативного взаимодействия. Появилась возможность непосредственного межличностного контакта внутри виртуального пространства, который становится все больше похожим на процесс живого общения благодаря вспомогательным устройствам. Таким образом стало возможно говорить о новом феномене межличностного общения в современном мире, а именно - о виртуальной коммуникации.

В рамках доклада исследуется трансформация основного объекта теории коммуникации, а именно, самой коммуникации, как результата развития современных информационно-коммуникационных технологий и с учетом появления так называемой виртуальной коммуникации. Рассматриваются причины популярности коммуникации в виртуальной среде и особенности коммуникации в виртуальном пространстве. Основное внимание уделяется квазисинхронным формам коммуникации как основному виду межличностной коммуникации в виртуальном пространстве.

Наука о коммуникациях является постнеклассической наукой с комплексным содержанием объектно-предметных областей и интегральным методологическим аппаратом. Специфика основного объекта этой науки – коммуникации, его многозначность и своеобразная всеобщность, что во многом программирует трудности в определении статуса теории коммуникации как отрасли науки [Гавра 2011: 9–17].

В последние годы виртуальная коммуникация всё чаще заменяет реальную коммуникацию. Популярность и доступность сети Интернет, мессенджеров, других видов электронного обмена информацией, приводит к появлению новых возможностей и способов коммуникации, а также к формированию новой сферы информационного взаимодействия.

При виртуальной форме общения контакт между людьми опосредован электронными средствами коммуникации через информационно компьютерную сеть, а все взаимодействия осуществляются в виртуальном пространстве.

Были рассмотрены причины популярности общения в виртуальном пространстве. Отмечается, что одна из основных причин заключается в том, что виртуальное пространство предоставляет возможность формировать доверительные отношения даже с малознакомыми людьми, не

опасаясь негативных эмоций. В случае неудачи у пользователя всегда есть возможность мгновенно выйти из пространства коммуникации [Первушина 2017: 59–71].

Коммуникация в виртуальном пространстве приобретает новые специфические особенности. Так, к основополагающим особенностям виртуальной коммуникации относятся физическая непредставленность, анонимность, затруднённость эмоционального компонента, отсутствие единства пространства и времени и исключительно письменный характер коммуникации с ярко выраженными чертами устной речи. Кроме того, перенос коммуникации в виртуальное пространство оказывает влияние на язык. Появляются новые слова и словосочетания, типичные для виртуального дискурса, новые синтаксические и графические формы написания слов.

Особый интерес для нас представляют квазисинхронные формы виртуальной коммуникации, такие как коммуникация в мессенджерах и социальных сетях, в рамках которых сегодня чаще всего протекает межличностное взаимодействие. В рамках данной работы под чат-коммуникацией понимается коммуникация в реальном времени между двумя и более участниками в сети Интернет. Мы придерживаемся точки зрения Ю. Шпитцмюллера, который относит чат к отдельной форме коммуникации, а не к типу текста или типу диалога, так как в чатах встречаются самые разные типы текста [Spitzmüller 2005].

Таким образом, теория коммуникации адаптируется к новым реалиям и претерпевает изменения. Возникновение новых форм коммуникации в виртуальном пространстве приводит к трансформации основного объекта теории коммуникации. Быстрый рост активных пользователей социальных сетей и мессенджеров приводит и к изменениям специфики коммуникативных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавра Д. П. Основы теории коммуникации : учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
- Первушина В. Н. и др. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Философия. 2017. № 1. С. 59–71.
- Spitzmüller J. Spricht da jemand? Repräsentation und Konzeption in virtuellen Räumen // Galina Kramorenko (Hg.) (2005): Aktualnije problemi germanistiki i romanistiki. Bd. 9/I. Smolensk : SGPU, 2005. S. 33–56.

В. В. Каверина

(Москва, Россия)

Московский университет имени М. В. Ломоносова

kaverinal@yandex.ru

ДРЕВНЕРУССКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧИСЕЛ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА

Ключевые слова: кириллические названия чисел; происхождение названий чисел; судьба слов с числовым значением.

Key words: Cyrillic names of numbers; origin of number names; the fate of words with a numerical value.

Доклад посвящен древнерусским наименованиям чисел более высоких, чем тысячи, для которых также имелись специальные знаки. Наряду с системой, иногда называвшейся «малым числом», существовала и другая – «великое число», применявшаяся, «коли прилучался великий счет и перечень» [Васильев 1919: XI]. Наиболее употребителен был счет на *тьмы* (десять тысяч), *легеоны* или *легионы* (десять тем) и *леодры* (десять легионов). Например, число 1.234.567.890 читалось как *1 тысяча леодров и двести леодров и тридцать леодров и 4 леодра и пять легионов и 6 тем и семь тысяч и восемьсот и девяносто*. В «великом счете» *тьма* обозначала тысячу тысяч, т. е. миллион; *легион* обозначал тьму тем, т. е. триллион; *леодр* обозначал легион легионов, т. е. септиллион (10 в 24 степени).

Происхождение слова «тьма» связывают с обычной речью, где оно несет значение огромного, не поддающегося пересчету количества; в значении числа 10.000 оно встречается уже в XII веке. Происхождение слова «легион», возможно, связано с наименованием крупного римского воинского подразделения (лат. *legionis* – военный сбор, призыв, от *lego* и *legere* – собирать; подразделение состояло из 2–10 тысяч человек); имеет также другое название – *неведий* или *несвьдь*. Происхождение слова «леодр» остается неясным.

Помимо вышеупомянутых единиц существуют также другие единицы описания крупных чисел. Среди них *вран* или *ворон* – в «малом счете» 10 леодров или 10 миллионов; в «великом счете» – леодр леодров или квиндециллион (10 в 48 степени). Для обозначения этого числа букву обводили в кружок из крестиков или ставили с двух сторон букву *како*.

Клада, или *колода* – в «малом счете» 10 вранов или 100 миллионов (10 в 8 степени); в «великом счете» – вран вранов, или 10 квиндециллионов (10 в 49 степени). Для обозначения этого числа буква заключалась сверху и снизу в квадратные *скобки*.

Тьма тем – самое большое число. В «малом счете» – 10 колод, или миллиард; в «великом счете» – колода колод, или 100 квиндециллионов (10 в 50 степени, тьма великая). *Тьма тьмущая* – бесконечное количество. *Тьма тем* является пределом естественного счета, о нем говорится в древней рукописи: «сего боле несть числа» [Васильев 1919: XI].

Некоторые из этих числовых наименований исчезли бесследно, зато другие существуют и поныне, утратив свое точное числовое значение. Так, не употребляются слова *леодр* и *клада*, *неведий* и *несвьдь*. Достаточно ясна судьба слова *легион*, которое активно используется в современном языке, развивая латинское значение ‘военное подразделение’. Наиболее интересным в связи с заявленной темой представляется использование слова *тьма*, которое наряду со значениями, не связанными с числом, имеет в современном русском языке и количественную семантику – ‘большое количество, множество кого-л., чего-л.’. Употребление этого существительного с постоянным признаком единственного числа очень широко и не представляет особого интереса. Так, в стихотворении А. С. Пушкина «Герой» 1830 г. находим фразу, ставшую крылатой: «Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман...».

Однако данное слово в искомом значении может проявлять большую связь с древним числительным и использоваться при этом во множественном числе. Примеры такого употребления можно обнаружить в русской поэзии последних столетий. Пожалуй, самым известным из них является строчка стихотворения А. Блока «Скифы»: «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы». Здесь слово *тьма* имеет количественное значение, употребляется во множественном числе и противопоставлено слову *миллион* как большее число. Однако даже в «великом счете» *тьма* обозначала тысячу тысяч, т.е. миллион, то есть сами числа равны, и указанием на преобладающее количество скифов может быть только повтор «тьмы, и тьмы, и тьмы». Приведем также пример из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина: «Что ж Курбского не вижу между вами? Я видел, как сегодня в гущу боя Он врезался; тьмы сабель молодца, Что зыбкие колосья, облепили...».

Другой случай, когда слово *тьма* употребляется во множественном числе и имеет количественное значение, это устойчивое словосочетание

тьма (*тьмы*) *тем* с семантикой 'великое множество'. «Тьмы тем злых пожеланий и проклятий летели сюда на эти звуки», пишет Н. Лесков в романе «На ножах». Заметим, что данное выражение используется в художественной литературе значительно чаще, чем одиночное слово *тьмы* (мн. ч. от слова *тьма*), и не только в поэзии, но и в прозе, вплоть до конца XX века. Самый поздний пример из НКРЯ принадлежит перу Б. Васильева и взят из повести «Не стреляйте в белых лебедей» 1973 г.: «Не ругательные: их до него тьмы тем насочиняли, а особо обидные». Интересно, что в первой половине XX в. Сочетание слов могло писаться через дефис: «Сатана-а... тебе не уловлюсь, от тьмы-тем грехов отмолюсь!» (А. П. Чапыгин «Гулящие люди», 1937 г.).

Однако самым употребительным из древних числительных, наряду со словом *тьма* в единственном числе, оказалось разговорное выражение *тьма тьмущая*, которое активно используется в живой речи и в литературе до наших дней. Приведем один из последних примеров в НКРЯ: «Очередь сплошь состояла из местных древних старцев и старух, которых, как заметил Николай, была тьма тьмущая в Москве» (Борис Поздняков «Ананасы», 2013 г.). Сочетание иногда пишут через дефис: «Не знаю, обращалась ли она к ворожеям, в те годы развелось их тьма-тьмущая...» (Р. Б. Ахмедов «Промельки», 2011 г.) Обратим внимание на то, что при раздельном написании сочетание согласуется с глаголом в форме женского рода – *была тьма тьмущая*. Тогда как дефисное написание, указывающее на восприятие автором сочетания как сложного слова, употребляется в предложении со сказуемым в среднем роде, которое можно трактовать как безличное или личное с подлежащим в количественном значении: *в те годы развелось их тьма-тьмущая* (т. е. много). Данное наблюдение приводит к выводу о появлении в языке нового сложного слова *тьма-тьмущая* с количественным значением 'очень много' и относящегося скорее к наречиям: *народу тьма-тьмущая*, так же как *народу много*.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев А. В. Целое число. Петроград : Научное книгоиздательство, 1919. 266 с.

А. О. Мозговая

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

alinamozgovaja@rambler.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ ЭМОТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (на примере немецкоязычных интернет-текстов)

Ключевые слова: интернет-коммуникация, цифровые технологии, эмотивная информация, эмоции, эмотивный маркер.

Key words: Internet communication, digital technology, emotive information, emotions, emotive marker.

В настоящее время в сфере коммуникации между людьми и обмене информацией отмечается тенденция к возрастанию роли цифровых компьютерных технологий. В основе интернет-коммуникации, осуществляемой в виртуальном сетевом пространстве, лежат мультимедийные дигитальные информационные технологии. Необходимо отметить, что в сетевой коммуникации важной составляющей выступает не только общинформативная, но и эмотивная информация. Под *эмотивной информацией* понимается информация, которая проявляется при отображении эмоций, чувств, настроений и переживаний [Городникова 1978]. Данный вид информации отображается в закодированном виде посредством цифровых единиц. В дигитальном пространстве эмоции и связанные с ними чувства интернет-коммуникантов эксплицируются с помощью специфических единиц в трансформированном виде – эмотивных маркеров.

Интернет-коммуникация характеризуется наличием специфических механизмов репрезентации эмоций [Городникова 1983]. Носителями эмотивной информации, т. е. информации об эмоциональных состояниях online-коммуникантов, являются вербальные и невербальные средства манифестации эмоций, которые предлагается определить как вербальные и невербальные эмотивные маркеры соответственно. В отсутствие аудиовизуального контакта интернет-коммуниканты посредством эмотивных маркеров в письменном (или графическом) виде сигнализируют о своих эмоциях в цифровых мультимодальных текстах интернет-сообщений.

В ходе исследования был проведен всесторонний анализ эмотивной информации, которой обменивались интернет-коммуниканты в Instagram на немецком языке. Было установлено, что анализируемые эмотивные маркеры имеют различную структуру и конфигурацию. В качестве эмотивных маркеров выступают:

- ▶ междометия (включая звукоподражательные) и междометные единицы;
- ▶ инфлективы и акронимы;
- ▶ эмотивные лексико-стилистические средства (эмоционально-усилительные или эмоционально-оценочные существительные, прилагательные, глаголы, наречия и др.) [Анищенко 2006];
- ▶ эмотивные метафоры и фразеологизмы [Ризель 1964];
- ▶ знаки препинания в эмотивной функции (например, восклицательный и вопросительный знаки; многоточие и др.);
- ▶ эмотивные графические средства (эмотиконы, эмодзи и т. д.);
- ▶ эмотивные фото- и видеоизображения (эмотивный видеоряд).

В результате исследования эмотивной информации немецкоязычных мультимодальных интернет-текстов было установлено, что основу отображения эмоций сетевых коммуникантов составляют современные цифровые компьютерные технологии. Развитие дигитальных форм коммуникации создает условия для отображения эмоций с помощью вербальных и невербальных эмотивных маркеров. Всесторонний контекстный анализ специфических единиц трансляции эмоций способствует дальнейшему эффективному изучению эмотивной составляющей цифровой среды в рамках межличностного общения в дистанционном формате.

ЛИТЕРАТУРА

- Анищенко А. В.* Функциональный аспект междометных единиц (на материале современной австрийской художественной литературы) : дис. ...канд. филол. наук. М., 2006. 239 с.
- Городникова М. Д.* О некоторых способах передачи эмоциональной информации в тексте // Вопросы лексикологии немецкого языка. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. С. 64–78.
- Городникова М. Д.* Взаимодействие вербальных и невербальных средств в немецкой речи (для студентов I–III курсов). М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1983. 81 с.
- Riesel E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. М. : Высшая школа, 1964. 315 с.

В. Е. Петров

(Москва, Россия)

Московский государственный психолого-педагогический университет

v.e.petrov@yandex.ru

МОДЕЛИ ПСИХОГРАФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОЦЕНКЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Ключевые слова: психографология, психографологический анализ, модель, оценка личности, психологическое портретирование.

Key words: psychographology, psychographic analysis, model, personality assessment, psychological portraiture.

Одним из перспективных направлений практической психологии, вне всякого сомнения, следует считать психографологический анализ. Собственноручно заполненные или написанные анкеты, характеристики или автобиографии могут быть источником бесценной информации о личности сотрудника, его поведенческих особенностях и психоэмоциональном состоянии. Графология, как направление практики и учение о почерке, находит в проекции на почерк характерологические особенности, индивидуально-психологические свойства [Исаева 2010: 2]. Графологические характеристики дополняют сведения, получаемые от традиционного тестового и внетестового (наблюдение, беседа, анализ продуктов деятельности и т.п.) инструментария [Воронина 2017: 1]. Так же, как и привычки или невербальные поведенческие признаки (жесты, мимика, пантомимика и т.п.), почерк раскрывает психологическую сущность индивида. Однако, в отличие от традиционного исследовательского инструментария, психографология обладает большей достоверностью и относительной независимостью от социально-желательного (установочного) поведения. С учетом возрастающих запросов на совершенствование технологий изучения личности персонала, обращение к психографологическому анализу имеет огромный потенциал для прикладной диагностики. Особую актуальность подход может получить в психологической работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации [Тюрин 2010: 3].

В 2019–2020 гг. в целях отработки технологии психографологического анализа нами было проведено комплексное военно-психологическое исследование, в котором приняли участие 98 курсантов 1–5 курсов Военного

университета Минобороны России. Применялись психологическое тестирование, экспертное оценивание, написание текстов в форме диктанта. Психографологические параметры почерка сопоставлялись с тестовыми и экспертными данными. Результаты исследования обрабатывались с опорой на частотный, корреляционный, кластерный и регрессионный виды анализа. Целью научного исследования являлась разработка моделей психографологического анализа для определения ведущих индивидуально-психологических особенностей личности представителей профессий особого риска.

Основные результаты. В ходе исследования (в том числе в рамках математико-статистической обработки эмпирических данных) нами последовательно устанавливались профессионально важные качества и графологически значимые предикторы, которые можно было определять в деятельности военного психолога. Осуществлялся поиск специфических особенностей (деталей, элементов и др.) почерка, позволяющих достоверно прогнозировать некоторые личностные черты. Также мы учитывали, что психографологический анализ не может основываться на одном-единственном признаке или проводиться вне контекста создания образца почерка.

По результатам регрессионного анализа в шестипризнаковом пространстве предлагается оценивать пять ведущих характеристик личности сотрудников: целеустремленность, ответственность, нормативность, независимость, доминантность. Входямость тех или иных психографологических признаков в соответствующую модель была определена эмпирическим путем (в ходе математико-статистической обработки данных в пакете Statistica Ttrial с применением регрессионного анализа).

Параметры регрессионных моделей следующие:

целеустремленность= $-0,1386 \bullet A1 - 0,1815 \bullet A2 - 0,0632 \bullet A3 - 0,2026 \bullet A4 - 0,0953 \bullet A5 + 0,0032 \bullet A6$.

ответственность= $0,0197 \bullet A1 - 0,0065 \bullet A2 + 0,2266 \bullet A3 + 0,0787 \bullet A4 - 0,0692 \bullet A5 + 0,1995 \bullet A6$.

нормативность= $0,0752 \bullet A1 + 0,302 \bullet A2 + 0,1189 \bullet A3 - 0,0237 \bullet A4 + 0,1217 \bullet A5 + 0,0859 \bullet A6$.

независимость= $-0,1824 \bullet A1 - 0,0338 \bullet A2 - 0,0365 \bullet A3 + 0,0842 \bullet A4 - 0,0479 \bullet A5 + 0,1005 \bullet A6$.

доминантность= $-0,2504 \bullet A1 + 0,0318 \bullet A2 - 0,2024 \bullet A3 - 0,4329 \bullet A4 + 0,2282 \bullet A5 - 0,1414 \bullet A6$.

Условное обозначение критериев анализа почерка:

A1 – оценочная категория «Нажим»

(1 – сильный; 2 – слабый);

A2 – оценочная категория «Нажим»

(1 – ровный, стабильный; 2 – неровный, варьирующий);

A3 – оценочная категория «Разборчивость почерка»

(1 – разборчивый; 2 – неразборчивый);

- A4 – оценочная категория «Кегль букв»
(1 – крупный; 2 – средний; 3 – мелкий);
- A5 – оценочная категория «Соединение букв»
(1 – слитное написание букв; 2 – изолированное написание букв);
- A6 – оценочная категория «Наклон букв»
(1 – сильный вправо; 2 – небольшой вправо; 3 – наклон отсутствует; 4 – небольшой влево; 5 – сильный влево).

Представленные выше модели индицируют степень выраженности ведущих характеристик ценностно-мотивационной сферы личности в «сырых» баллах. Для удобства интерпретации показателей их целесообразно преобразовать во вторичные малосегментированные шкалы (стен, станайн). Нормативные данные (см. табл. 1) получены для представителей профессий особого риска (сотрудники полиции, военнослужащие).

Таблица 1

Нормативные данные шкал психографологического анализа

	целестремленность	ответственность	нормативность	независимость	доминантность
ср	-1,0407	0,7868	0,9081	0,0402	-1,5013
	0,2010	0,1671	0,1705	0,1284	0,3722

Кластерный анализ позволил выделить и описать восемь базовых психотипов, связанных с особенностями почерка.

В силу большого объема экспертной работы и предобработки данных анализа психографологический подход актуализирует потребность внедрения соответствующих средств автоматизации. Именно поэтому описанный выше подход был реализован на базе автоматизированного рабочего места «Психотест». Программное обеспечение, имея дружественный пользовательский интерфейс, позволяет как вводить графические изображения, поддерживать базу данных обследуемых, так и рассчитывать графологические модели оценки качеств личности, обрабатывать и интерпретировать данные анализа. Результаты психографологического анализа представляются в текстовой, числовой и графической формах. Числовые оценки стандартизированы по шкале стен. Предусмотрен экспорт результатов в программные продукты «Word» и «Excel». В настоящее время проводится верификация технологии и ее апробация.

Таким образом, предложенный нами подход позволяет совершенствовать психодиагностическую работу с персоналом, использовать возможности проективного психографологического исследования, реализовать редкие виды психологических экспертиз (например, заочной или посмертной). В конечном счете, внедрение психографологии в деятельность психологов силовых структур следует рассматривать как новацию в практической диагностике.

ЛИТЕРАТУРА

Воронина Н. А., Некрасова Е. А. Возможности применения «ассоциативных карт» при работе с военнослужащими, заступающими в караул // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2017. № 4 (8). С. 158–166.

Исаева Е. А. Практическая графология: как узнать характер по почерку. М. : РИПОЛ классик, 2010. 254 с.

Тюрин А. И., Носов А. В. Теоретические и методические аспекты оценки служебного поведения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных силах. 2010. № 10 (160). С. 33–35.

А. А. Семёнов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

arksem@gmail.com

ТЕРМИН – ЗАИМСТВОВАНИЕ – ИММУНИТЕТ

Ключевые слова: интернационализм, импорт, импортация, иммунитетная жесткость, память переводов.

Key words: internationalism, import, importation, immune rigidity, translation memory.

Языковая картина мира развивается и обретает всё новые и новые краски, которые бурно перемешиваются с развитием естественного объективного обмена информацией. И не только информационные потоки влияют на перемешивание основ языковой картины мира. Материальный мир – произведения всех видов творчества человека – также бурно перемешивается. Уровень океана остается примерно одинаковым, хотя

всем известны и понятны приливы и отливы, которые как бы меняют этот уровень. Мир материальных предметов, как и океан под действием интенсивных притяжений, постоянно перемещается. К новым берегам прибываются новые невиданные предметы, для которых даже нет названий на этих новых берегах.

Но океан бурлил, переливая воды по всему миру <...> Первые ощутимые признаки глобализации появились в 70-е гг. прошлого столетия. Идея захлестнула многие умы. Польский лингвист З. Стоберски в основном им международном журнале *NEOTERM World Specialized Terminology* и во всех своих теоретических работах предвещал всеобщий язык [Stoberski 1982], а для всего мира создал Международную организацию по унификации терминологических неологизмов. В его лингвистическом кругу активно обсуждались понятные всему миру слова, преимущественно имеющие греческие или латинские корни, и даже было положено начало созданию банка интернационализмов.

Импорт новой продукции часто требует импорта его языкового обозначения. Это питает давно известный процесс заимствования лексики, который логично следует за заимствованием материалов, технологий и изделий в любой предметной области. Но суть и судьба всех заимствований различна.

Ориентированное на германскую экономическую систему российское экономическое делопроизводство импортировало новый вид долговых обязательств, которые просто не существовали в России XVIII в. в таком виде, как в Германии. Это обязательство сразу стало называться векселем. То есть был импортирован документ, и было импортировано его языковое определение – название.

Если исходить из толкования слова «занимать» в словаре Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка 1935–1940, URL], то «брать займы» или «временно брать в свое использование» не передает всего смысла вошедшего в русский язык слова «вексель». Оно не было заимствовано, оно было импортировано и существует в своем виде уже несколько веков. Можно было бы привести еще множество аналогичных случаев. Такая ситуация позволяет нам уточнить значительную часть содержания лингвистического термина «заимствование» подчиненным ему термином «импортация», которое мы вводим вопреки словообразовательной традиции русского языка в целях обозначения самостоятельной разновидности терминологии.

Но термин «заимствование» имеет большое значение в связи с еще одним явлением в языке – его «иммунитетной жесткостью». Появление иноязычных слов в устоявшейся предметной области с привычной для языка номинативной системой постепенно изживается языком в силу его иммунитетной жесткости. Язык системен, и если в его системе уже имеется вполне определенный элемент (слово), то для аналогичного элемента уже нет свободной ячейки. Не так давно в политэкономическом дискурсе вдруг активно распространилось слово «стагнация». Скорее всего, это произошло по вкусовым, а не по объективным причинам. Слово «застой» достаточно полно проецируется на семантическое поле слова «стагнация». Под действием иммунитетной жесткости это слово вытеснено из дискурса, хотя в Финансовом словаре и Банковской энциклопедии оно есть как термин конкретной предметной области.

Раздел между терминологическими системами и общезыковым уровнем часто бывает совершенно прозрачным. Достаточно часто термины проникают в общезыковой уровень без какой-либо продиктованной обстоятельствами необходимости. Чаще всего процесс терминологизации коммуникации на общезыковом уровне усложняет взаимопонимание. Достаточно частотный термин «юзер» по многим параметрам (краткость, однозначность и др.) удобен в профессиональной коммуникации, но далеко не всем понятен в бытовом общении. Отнесение лексемы к общезыковому уровню и терминологическому уровню часто бывает затруднительным. Суть проблемы в том, что современная коммуникация на бытовом уровне более терминологизирована, чем это было десятилетия назад. Индустриализация нашего быта естественно проявляется и в «индустриализации», т.е. терминологизации лексического состава бытовой коммуникации. И если ранее основы терминологии традиционно относили к основам научного и технического перевода, то в современном мире понимание языковой системности терминологии необходимо студенту переводческого отделения как обязательный раздел языкознания.

Безусловно, перевод должен быть полностью выполнен на переводящем языке. К сожалению, перенасыщение переводной информации «юзанием», «юзерами», «лайфхаками» и еще многим подобным усложняет коммуникацию и взаимопонимание. В качестве превентивной меры в курсе информационных технологий в переводе мы даем студентам переводческого факультета специальное самостоятельное домашнее задание подготовить перечень заимствованных слов, у которых есть полный эквивалент в русском

языке и которые чаще всего попадают в перевод не в связи с необходимостью использовать однозначный термин, а по субъективным причинам.

Основным направлением в курсе информационных технологий в переводе является освоение идеологии и практических навыков использования систем памяти переводов (Translation Memory). Этот курс не ориентируется только на тех, кто предполагает заниматься научным или техническим переводом. Его изучают все студенты переводческого факультета. Каждый студент создает оболочку для своей собственной терминологической системы (TermBase) и получает практические навыки отбора, сохранения и последующего постоянного использования терминологической базы. При этом в формате записи для терминологической базы отдельно существуют два уровня: терминологический и общезыковой.

Курс информационных технологий в переводе – это тоже признак индустриализации мира, но такой индустриализации, которая не разрушает, а совершенствует нашу языковую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

Stoberski Z. Międzynarodowa terminologia naukowa. Warsaw, 1982. 122 s.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Т. 4.
URL : https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117.

В. Б. Челпанов

(Москва, Россия)

Центр судебной экспертизы

ООО «Международная Академия исследования лжи»

medikor@list.ru

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТОВ ОБЪЯСНЕНИЙ И ЯВОК С ПОВИННОЙ

Ключевые слова: психолингвистика, судебная психолингвистическая экспертиза, текст, объяснение, протокол явки с повинной.

Key words: psycholinguistics, forensic psycholinguistic expertise, text, explanation, Protocol of surrender.

При расследовании уголовных дел следователи часто обращаются за помощью к экспертам в области психолингвистики и лингвокриминалистики для проведения судебных психолингвистических экспертиз (далее – СПЛЭ), которые помогают более детально восстановить целостную картину преступления и установить особенности собственноручно написанных авторских текстов объяснений и протоколов явок с повинной.

СПЛЭ исследует использование и понимание конкретных слов, словосочетаний, выражений, утверждений в собственноручно написанном тексте объяснения и протокола явки с повинной человеком, принадлежащим к определённой языковой, гендерной, социальной, возрастной и профессиональной группе. С точки зрения психолингвистики автор текста рассматривается как языковая личность, владеющая системой языка и имеющая речевые особенности, выраженные в устной и письменной формах речи [Белянин 2004].

Таким образом, в ходе СПЛЭ проводится лингвистическая идентификация личности авторов текстов упомянутых документов [Наумов 2015].

Объяснение. В настоящее время специальных требований к оформлению объяснений в УПК РФ нет. Есть только общие положения о том, кто может давать объяснения. Например, подозреваемый вправе давать объяснения и показания, в том числе, на родном языке или языке, которым он владеет, по поводу имеющегося в отношении него подозрения, либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний. При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту [Уголовно-процессуальный кодекс РФ].

Согласно статье 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – добровольное сообщение лица о совершённом им преступлении, которое может быть сделано в письменном и устном виде. Устное заявление принимается и заносится в протокол в порядке, установленном частью третьей статьи 141 настоящего Кодекса. Следует отметить, что устное заявление о явке с повинной часто фиксируется следователем с помощью видеозаписи, которая затем становится объектом экспертного психолингвистического исследования.

Протокол явки с повинной – это документ, составленный в результате профессионального юридического общения следователя с другим лицом, имеющим процессуальный статус. Протокол явки с повинной составляется в официально-деловом стиле в соответствии с утверждённой и зарегистрированной специальным образом формой. Письменное заявление о преступлении, протокол принятия устного заявления о преступлении, заявление о явке с повинной, протокол явки с повинной должны быть оформлены в соответствии с частями первой, второй, третьей ст. 141, статьями 142, 143 УПК РФ.

Устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим данное заявление. Протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя. Поскольку в указанных нормах нет ссылки на статьи 166, 167, 190 УПК РФ, протокол явки с повинной является отдельным видом процессуального документа и составляется в более упрощённом порядке.

Основным разделом протокола явки с повинной является «Добровольное заявление и сообщение о совершённом преступлении». Ведущая роль в анализе и интерпретации сообщаемой заявителем информации принадлежит следователю и эксперту.

Поводы для проведения СПЛЭ объяснения и протокола явки с повинной: отказ от показаний, зафиксированных в текстах объяснения и явки с повинной под предлогом того, что человека заставили их написать и подписать под воздействием морально-психологического или физического давления, что не всегда соответствует действительности; утверждение о том, что они были написаны под диктовку, по подсказкам и указаниям сотрудников правоохранительных органов под угрозой лишения жизни или причинения физического вреда (побоев), незаконного лишения свободы; переписывались с готовых образцов, подготовленность текстов; изменение позиции заявителя с «чистосердечного и полного признания вины», «раскаяния» на утверждения о своей полной невиновности, о том, что сообщники вынудили его взять вину на себя; предъявление ложного алиби и умышленное введение следствия в заблуждение.

При производстве СПЛЭ необходимо обращать внимание на наличие в текстах объяснения и протокола явки с повинной не свойственных человеку слов и выражений (заимствование), канцеляризм, юридических профессионализмов, речевого клише, вставок, ошибок, исправлений, свидетельствующих о редактировании текста, резкое увеличение или сокращение

его объёма и размера, реверсивность (повторяемость) описания событий на разных страницах, нарушение логики и последовательности изложения, описание второстепенных деталей, не имеющих отношения к делу, признаки изменённых состояний сознания в результате алкогольного и наркотического опьянения, употребления лекарств, соматических и психических заболеваний, противоречивость показаний и вариативность версий о событиях преступления и своём участии в нём с целью избегания наказания.

Опыт проведения СПЛЭ позволяет выделить следующие основные психолингвистические особенности собственноручно написанных текстов объяснений и протоколов явок с повинной лицами, причастными к совершению преступлений: 1) структура исследуемых текстов выдержана и выполнена в соответствии с авторским замыслом; 2) на то, что образцом для некоторых фрагментов в собственноручно написанных текстах являлась устная речь, может указывать наличие ошибок, допущенных автором; 3) детализация совершенных действий с разными предметами при описании их признаков во время произошедших событий (например, какой была «форточка», «цвет сумки», «тип кошелька», «сумма денег и их номинал»), что подтверждает непосредственное участие автора в описываемых им событиях; 4) несмотря на наличие ошибок, в тексте не бывает много исправлений, что свидетельствует об отсутствии признаков редактирования этого текста как самим автором, так и третьими лицами; 5) последовательность описаний, уточнения и дополнения в тексте напоминают содержание допросов, но не повторяют его дословно, т. е. нет признаков заучивания и копирования; 6) сохранность логической связи между частями текста; 7) автор не делит тексты на тематические блоки или на отрезки, все им написанные тексты представляют собой единое идейно-тематическое целое; 8) нет искажения букв из-за нарушений психомоторики в виде тремора – дрожания пальцев и кистей рук в собственноручно написанных и подписанных автором текстах; 9) нет признаков нарушений письменной речи под влиянием внешних и внутренних неблагоприятных факторов, поскольку индивидуальные особенности написания и исполнения предложений практически не отличаются от множества других, из которых состоит позже написанный автором текст другого документа; 10) некоторые слова и фразы в авторском тексте могут быть грамматически и пунктуационно не согласованы, что также говорит о спонтанности письменной речи и отсутствии чёткого образца написания; 11) равномерное размещение текста, поскольку автор оценил его объём [Челпанов 2017].

Для решения спорных вопросов экспертом проводится сопоставительный или сравнительный психолингвистический анализ показаний, изложенных в текстах объяснения и протокола явки с повинной с другими показаниями, данными подозреваемым или обвиняемым лицом на допросах, очных ставках и при проведении проверки показаний на месте с применением видеозаписи.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин В. П.* Психолингвистика: учебник. М. : Флинта: МПСИ, 2004. 232 с.
- Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности. М. : Ленанд, 2015. 240 с.
- Челпанов В. Б.* Психологическая и лингвистическая экспертиза в анализе текста. М. : Международная Академия исследования лжи, Издательские решения, 2017. 242 с.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2020. 384 с.

Н. А. Чесноков

(Москва, Россия)

Университет прокуратуры Российской Федерации
Московский государственный лингвистический университет
agpch@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (на примере подготовки юристов)

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционные образовательные технологии, электронная информационно-образовательная среда, использование дистанционных образовательных технологий.

Key words: e-learning, distance educational technologies, electronic information and educational environment, use of distance educational technologies.

Последние события в жизни страны, связанные с предупреждением в Российской Федерации распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), радикально изменили взгляды на применение дистанционных технологий в большинстве сфер деятельности человека. Учебный процесс в высших учебных заведениях не стал исключением. Большое количество школьников и студентов обучаются на дому, а все учебные заведения, которые расположены на территории распространения COVID-19, закрыты.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации В. Н. Фальков 21.04.2020 во время онлайн-встречи с директором института общественных стратегий «Сколково» А. Е. Волковым в рамках проекта «Антихрупкость 2020» заявил: «Сегодня в одночасье стало понятно, что если ты не можешь организовать коллективную работу с помощью онлайн-сервисов, цифровых технологий, то это уже критично». По мнению главы Минобрнауки, после завершения пандемии коронавирусной инфекции, начавшейся в Российской Федерации в марте 2020 года, очное образование будет более смешанным, в нём появится больше разных цифровых технологий и онлайн-форматов [Фальков 2020].

В статье 13 Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) общие требования к реализации образовательных программ предусматривают использование различных образовательных технологий, в том числе дистанционных образовательных технологий, электронного обучения. Далее в статье 16 Закона об образовании раскрываются понятия *электронное обучение* (организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников) и *дистанционные образовательные технологии* (образовательные технологии, реализуемые, в основном, с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников).

Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 № 816.

В большинстве образовательных организаций до начала распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 были созданы электронные информационно-образовательные среды (далее – ЭИОС). Например, в Университете прокуратуры Российской Федерации (далее – Университет), согласно Положению об электронной информационно-образовательной среде, утвержденному приказом ректора Университета от 04.06.2018 № 255, назначением ЭИОС является обеспечение информационной открытости Университета в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации в сфере образования, организация образовательной деятельности и обеспечение доступа обучающихся и научно-педагогических работников к информационно-образовательным ресурсам ЭИОС Университета. В последующем преподаватели Университета, переведенные на условия дистанционной профессиональной служебной деятельности, провели занятия согласно учебному расписанию реализуемых образовательных программ высшего образования, с использованием рекомендованного Приложения (Tuesconf), а также иных программных средств современных информационных технологий.

Вместе с тем, как справедливо отмечает ряд ученых (Я. А. Ваграменко, А. А. Русаков, Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева, Е. А. Браун), вопрос обучения студентов образовательных организаций с использованием дистанционных технологий требует дальнейшего глубокого научного анализа [Ваграменко, Русаков 2017], [Васильева, Шуралева, Браун 2016].

Таким образом, образовательные организации еще до начала распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 были готовы осуществлять образовательную деятельность в форме электронного обучения и использования дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ направления подготовки (специальности) Юриспруденция. При этом была выявлена достаточно серьезная проблема электронного обучения: не все обучающиеся могут в полном объеме использовать ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет (недостаточное обеспечение современными персональными компьютерами и программными средствами, низкое качество информационно-телекоммуникационной сети), что несомненно снижает эффективность обучения.

ЛИТЕРАТУРА

Ваграменко Я. А., Русаков А. А. Педагогические аспекты влияния ИКТ на характер современного образования // Образовательные технологии и общество. 2017. Т. 20. № 4. С. 388.

Васильева Ю. В., Шуралева С. В., Браун Е. А. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики : монография / науч. ред. Ю. В. Васильева. Пермь : ПГНИУ, 2016. С. 43.

Валерий Фальков: Система науки и образования должна быть более гибкой // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [официальный сайт]. 21.04.2020. URL : https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2545 (дата обращения: 20.05.2020).

Н. А. Чесноков, О. А. Яловой

(Москва, Россия)

Университет прокуратуры Российской Федерации
Московский государственный лингвистический университет
agpch@mail.ru, trofim3311@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА НА ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТИ) ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ключевые слова: прием обучающихся в образовательную организацию, порядок приема на обучение, правила приема на обучение, сроки приема документов от абитуриентов, вступительные испытания, работа приемной комиссии.

Key words: admission of students to an educational organization, the procedure for admission to training, rules for admission to training, terms for accepting documents from applicants, entrance tests, the work of the admission Committee.

Согласно Конституции Российской Федерации каждому предоставляется право бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении, поступив на конкурсной основе в сроки, утвержденные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, если иное не предусмотрено Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), а также организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Статья 55 Закона об образовании содержит общие требования к приему на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность. Основными из них являются:

- соблюдение принципов равных условий приема для всех поступающих (при этом Законом об образовании предоставляются особые права для отдельных категорий лиц);
- обязанность образовательной организации предоставлять информацию о проводимом конкурсе и об итогах его проведения;
- установление федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования;
- утверждение организацией, осуществляющей образовательную деятельность, самостоятельно, правил приема в конкретную организацию, в части, не урегулированной законодательством об образовании.

Порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры (далее – Порядок) определен Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.10.2015 № 1147.

В соответствии с пунктом 18 Порядка, прием документов, необходимых для поступления на обучение по программам бакалавриата и специалитета, начинается не позднее 20 июня и завершается 26 июля. В отличие от бакалавриата и специалитета, срок подачи документов в магистратуру зависит от сроков проведения государственной итоговой аттестации бакалавров. Таким образом, выпускникам-бакалаврам предоставляется возможность подготовить документы, необходимые для поступления на следующий уровень высшего образования.

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19), распространяющаяся на территории практически всех стран мира, существенно повлияла на сроки проведения единого государственного экзамена (ЕГЭ), государственной итоговой аттестации бакалавров и, соответственно, на проведение приемных кампаний образовательных организаций высшего образования.

В связи с этим на совещании с регионами, прошедшем в режиме видео-конференц-связи 13.05.2020, заместитель министра просвещения Российской Федерации В. С. Басюк заявил, что сроки проведения единого

государственного экзамена в 2020 году будут скорректированы и перенесены с 8 июня на более поздний период [Басюк 2020]. В свою очередь, само расписание проведения единого государственного экзамена по каждому учебному предмету, было предусмотрено приказом Министерства просвещения Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 14.11.2019 № 609/1559.

Следует отметить, что перенос сроков единого государственного экзамена сдвигает по времени дату поступления абитуриентов по программам бакалавриата и программам специалитета. Согласно п. 4 Особенности приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре на 2020/21 учебный год, утвержденных Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 03.04.2020 № 547, срок завершения проводимых организацией высшего образования самостоятельно вступительных испытаний, срок завершения приема документов, необходимых для поступления, от лиц, поступающих на обучение без прохождения указанных вступительных испытаний, установлен в 23 календарных дня с официального дня объявления результатов последнего единого государственного экзамена, проводимого в основной период в соответствии с расписанием проведения единых государственных экзаменов.

Прием на обучение по образовательным программам высшего образования – программам магистратуры и по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре в условиях пандемии осуществляется без применения ранее установленных норм, касающихся способов представления документов, необходимых для поступления на обучение, сроков завершения приема документов, проведения вступительных испытаний, размещения списков поступающих на официальном сайте организации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и/или в электронной информационной системе, зачисления на обучение.

Прием заявлений от поступающих осуществляется с использованием суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» (в случае возврата заявления о приеме и при проведении организацией самостоятельно вступительных испытаний).

Практически все страны мира, столкнувшиеся с пандемией, были вынуждены изменить порядок приема на обучение студентов. В ряде стран

сроки проведения вступительных испытаний и сроки поступления официально не переносились (например, в Германии), в других странах вузам рекомендовано перенести сроки поступления (это касается России, Дании, Нидерландов, Норвегии, США, Украины, Финляндии, Франции, Швеции, Чехии и др.), некоторые страны делегировали принятие решения о переносе сроков приема образовательным организациям (например, Великобритания).

Проблемы приема студентов в высшие учебные заведения в условиях пандемии, а также их дальнейшее обучение не остались без внимания ученых и специалистов в сфере образования (М. А. Агранович, Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева, Е. А. Браун, Н. Савицкая) [Агранович 2020]. При этом вышеуказанные проблемы требуют дальнейшего глубокого научного анализа [Васильева, Шуралева, Браун 2016; Савицкая 2020].

Всё вышеперечисленное в полной мере отражает квинтэссенцию приема на обучение студентов по направлению подготовки (специальности) Юриспруденция.

Таким образом, на момент сдачи статьи в редакцию, в условиях продолжения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, прием на обучение студентов по направлению подготовки (специальности) Юриспруденция будет зависеть от сроков проведения ЕГЭ, выпускных экзаменов бакалавров, а также возможности проведения образовательными организациями высшего образования вступительных испытаний самостоятельно дистанционно.

ЛИТЕРАТУРА

Агранович М. А. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza> (дата обращения: 20.05.2020).

Басюк В. С. URL: <https://edu.gov.ru/press/2450/provedenie-ege-perenesut-na-bolee-pozdnie-sroki> (дата обращения 20.05.2020).

Васильева Ю. В., Шуралева С. В., Браун Е. А. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики: монография / науч. ред. Ю. В. Васильевой. Пермь : ПГНИУ, 2016. 127 с.

Савицкая Н. После пандемии высшее образование уже не будет прежним // Независимая газета. 25 марта 2020 г.

СЕКЦИЯ 5

Профессионал XXI века: необходимое, достаточное, возможное

Д. Н. Баранников, Е. В. Насильникова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
d.2006@mail.ru, catherinevn@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: высшее образование, Болонская система, бакалавриат, специалитет, магистратура, профессиональная ориентация, компетентность.

Key words: higher education, bologna system, baccalaureate, specialist degree program, magistracy, career guidance, competency.

Высшее учебное заведение (вуз) является ключевым элементом в подготовке высококвалифицированных кадров для всех отраслей жизнедеятельности человека. Впитав азы и расширив профессиональный кругозор, выпускники российских вузов являются флагманами в любой профессиональной сфере деятельности. Но существующая система образования уже не отвечает тем требованиям, которые диктует время, и подверглась критике на самом высоком уровне. На заседании президентского Совета по русскому языку Владимир Владимирович Путин усомнился в эффективности системы подготовки учителей русского языка и в функционировании системы образования в целом. Вице-спикер Госдумы Ирина Яровая назвала нынешнюю систему образования «недообразованием» и призвала серьезно подойти к решению данного вопроса [Куприянов 2014; БизнесOnline, URL].

Критический взгляд на старую проблему требует совершенно нового подхода к системе образования и восполнению возникших брешей, прогрессивного передового подхода на проверенных временем принципах. В настоящее время в России реализуется несколько направлений в получении высшего образования. Небольшое количество специальностей можно получить по программе специалитета. Однако основным является получение степени бакалавра и магистра по Болонской системе образования.

Бакалавриат – это уровень базового высшего образования, которое длится 4 года. Обучение осуществляется по очной, очно-заочной и заочной формам. По окончании университета выпускник получает диплом с присвоением степени «бакалавра» и может приступить к трудовой деятельности. Однако на данном этапе обучения студент получает лишь фундаментальные знания выбранной профессии. Для более глубокого освоения профессии студенту необходимо перейти на второй уровень – магистратуру – со сроком обучения 2 года.

Специалитет – программа подготовки, при которой студент получает не только базовые знания, но и углубленные знания по выбранному направлению обучения. Обучение длится 5 лет: первые годы обучающегося готовят по базовой программе, а в последние обучают более узкой специализации. Таким образом, по окончании обучения выпускнику вручается диплом специалиста с присвоением квалификации. Следовательно, такой выпускник готов работать в конкретной сфере.

Неэффективность системы видна и в практической плоскости. Деление на бакалавриат и магистратуру породило достаточно стереотипное мнение среди работодателей. Большая часть из них предпочла бы магистров и студентов, закончивших специалитет. По статистике Исследовательского портала SuperJob.ru 35 % работодателей приравнивают кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование, а 8 % рассматривают бакалавра как претендента со средним специальным образованием. По их словам, «едва ли магистры будут принципиально отличаться от бакалавров уровнем подготовки», однако тот факт, что человек отучился в вузе четыре года вместо пяти, говорит о том, что он «спешил покинуть учебное заведение» [SuperJob, URL].

Бакалавриат не дает обширных знаний в области приобретаемой профессии, в то время как специалитет сильно ограничивает обучающегося в выборе дальнейшей деятельности.

Также у большинства выпускников появляется ложная уверенность, что лучшие умения и знания они приобретут на практике, однако теорию и практику нельзя рассматривать как отдельные элементы. Практика должна подтверждать теорию, а теория давать развитие практике. Наиболее оптимальным решением может послужить изменение отношения нынешнего поколения к образованию, а сделать это можно лишь путем кардинального изменения системы образования. Усовершенствованная форма специалитета может послужить наилучшим вариантом решения проблемы.

Исходя из потребностей современного студента, выявленных при опросе, главными критериями высшего образования являются: непродолжительный срок обучения, узкая специализация, возможность получения практических знаний. Что касается узкой специализации, профессиональная ориентация должна осуществляться не только перед непосредственным выбором учебного заведения, но и в ходе обучения. Внимательное отношение к профессиональной предрасположенности студента позволит выявить дальнейшее направление его обучения. Под этим подразумевается, что на последнем курсе студентов одной специальности необходимо делить на направления для более узкой подготовки. При таком делении выпускник получит диплом выбранной профессии с указанием конкретной специальности. Кроме того, выбор направления позволит студенту проходить практику в наиболее интересном месте и таким образом предоставит ему возможность входить в работу при нахождении в учебном заведении. Что касается сроков обучения, то на предполагаемой программе студент будет обучаться пять лет, так же как и на специалитете, однако содержание учебной программы будет иным.

Подобное усовершенствование устаревшей системы позволит решить одну из главных проблем современного образования – повышение компетентности подготовленных специалистов. Кроме того, данная система должна пробудить в нынешнем поколении осознанность по отношению к высшему образованию.

ЛИТЕРАТУРА

Куприянов Р. В. Болонский процесс в России : специфика и сложности реализации / Р. В. Куприянов, А. А. Виленский, Н. Е. Куприянова // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 17. С. 284–287.

БизнесOnline. URL: <https://vpn.business-online.ru/news/450245> (дата обращения: 20.02.2020).

SuperJob. URL: https://www.superjob.ru/community/otdel_kadrov/39958/ (дата обращения: 25.02.2020).

Т. Б. Бересток

(Москва, Россия)

Московский гуманитарный университет

bertat1@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛОВ – СУБЪЕКТОВ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

Ключевые слова: информационная безопасность, третий возраст, психологические особенности, мышление, психологическая защита, коммуникативные навыки.

Key words: information security, third age, psychological characteristics, thinking, psychological protection, communication skills.

Наш век называют веком информатики. Этим подчеркивается, что не только организация жизни в наши дни, но и сама жизнеспособность современного общества зависит от его информационного обеспечения [Бариш-полец 2013: 64].

Обращение к проблемам информационной безопасности предполагает анализ информационно-психологической и информационно-технической безопасности. Информационно-психологическая безопасность зависит от психологических особенностей человека, его профессиональных, возрастных и иных особенностей.

Старение само по себе представляет этап когнитивного и психосоциального замедления развития человека. Оно включает проблемы и уязвимости, характерные для каждой возрастной группы, и зависит от пола, социального класса, а также культурного уровня человека; к таким проблемам относятся и то, как люди реагируют на утрату, как им можно помочь встретиться с собственной смертью или смертью близких. Изменения, которые происходят в нервной системе при старении организма, особый социальный статус профессионалов – субъектов третьего возраста позволяют предполагать, что

информационно-психологическая безопасность пожилых людей обладает специфическими особенностями [Krasnyanskaya, Tylets 2018]. Профессионалы – субъекты третьего возраста являются особенной категорией людей, привыкших к высокому уровню активности и имеющих высокий уровень развития интеллекта. Снижение способности к адаптации и, как следствие, бóльшая уязвимость профессионалов – субъектов третьего возраста объясняют усиление их эгоизма вплоть до эгоцентризма [Тылец, Краснянская 2018]. Психологические особенности профессионалов – субъектов третьего возраста в интеллектуальной сфере характеризуются замедлением многих психических реакций, скорости переключения внимания, ослаблении интенсивности внимания и кратковременной памяти, снижении ориентации в пространстве и возможности обучения [Тылец, Краснянская, Иохвидов 2019]. При этом желание и способность к мышлению, а также использованию накопленного жизненного опыта сохраняются.

При отсутствии информационно-психологической безопасности у профессионалов – субъектов третьего возраста в эмоциональной сфере начинает развиваться интроверсия (возвращение в мир внутренних переживаний), снижение интенсивности эмоций вплоть до апатии, склонность к аффективным реакциям, лабильность (нестабильность) настроения, беспокойство и подозрительность. Психологическими особенностями профессионалов – субъектов третьего возраста в моральной сфере являются консерватизм, медленная адаптация к новым нормам морали.

В целях избежания вышеперечисленных состояний профессионалов – субъектов третьего возраста необходимо поддержание информационно-психологической безопасности, а именно – поддержание связей с видом деятельности, который был ведущим для человека; сохранение радости жизни (общение с членами семьи, друзьями); поддержание коммуникативных навыков посредством формирования узкого круга интересов. Центральное место в психологической и информационной безопасности профессионалов – субъектов третьего возраста занимает концепция поведения в отношении здоровья, которая играет важную роль в улучшении самочувствия, профилактике заболеваний, возникновении болезней и поведении пациентов в условиях лечения. Здесь также важно знать, что психологические особенности профессионалов – субъектов третьего возраста строго индивидуальны и зависят от наследственности и наступления старости в роду, наличия соматических заболеваний (в роду и у конкретного человека), психического стресса и длительной неудовлетворенности

в значительных потребностях. Многое зависит и от того, какую позицию занимали люди в ходе активной фазы жизни. На индивидуально-личностном уровне психологическая защита реализуется путем составления определенной системы регулирования и комплекса мер безопасности и алгоритмов поведения, которые выстраивают индивидуальную психологическую защиту. В целом, чем выше интеллектуальный коэффициент, тем выше был общий культурный и образовательный уровень, достигнутый человеком в более молодые годы.

ЛИТЕРАТУРА

Баришполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2013. № 2 (5). С. 62–104.

Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Иохвидов В. В. Темпоральные маркеры психологической безопасности субъектов поздних периодов жизни // Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 84–97.

Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психологическая безопасность личности пенсионера в условиях социального выбора // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Янкі Купалы. Серыя 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2018. Т. 8. №1. С. 144–154.

Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Resources of individual psychological security with respect to the employment status of a pensioner // Advances in Gerontology. 2018. Vol. 8. No.3. PP. 256–261. DOI: 10.1134/S2079057018030116.

Е. В. Бирюкова, А. Г. Попова

(Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

evb1303@rambler.ru, Larageorg5@gmail.com

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПРИ ЧТЕНИИ КУРСА ЛЕКЦИЙ (дистанционная форма обучения)

Ключевые слова: культура, речь, преподаватель, лекция, дистанционная форма.

Key words: culture, speech, teacher, lecture, distance learning.

Проблеме обучения культуре профессиональной речи преподавателя иностранного языка в вузе и школе посвящено немало исследований [Алексич 2019; Беляева 2013; Боговская 2012; Тарева 2016]. Однако жизнь ставит перед преподавателем иностранного языка в вузе новые условия и новые задачи. С началом пандемии коронавируса в 2020 г. появилась дистанционная форма обучения, которая имеет свою специфику при проведении не только практических, но и теоретических занятий, а именно на чтение лекций преподавателями вузов, колледжей и школ. Некоторые вузы быстро нашли свое новое место в системе обучения иностранному языку и создали компьютерные платформы, предложив преподавателям быстро пройти дополнительные курсы и научиться работать в новых условиях дистанционно. Данная статья представляет собой не что иное, как размышление по поводу результатов такой работы, касающихся, в частности, дистанционного чтения лекций студентам.

Известно, что коммуникативный аспект культуры речи, как один из самых важных аспектов, предполагает умение выбрать и организовать языковые средства, которые в определенной ситуации общения способствуют достижению поставленных задач коммуникации, помня при этом о том, что коммуникативная целесообразность считается одной из главных категорий теории культуры речи. Перед преподавателем-лектором встает вопрос об отборе подобных языковых средств и форме их подачи для студентов.

С учетом особых условий дистанционной работы лекции следует перерабатывать и выделять в них самое основное для усвоения материала по предмету. Главный вопрос – о формах работы. Существуют несколько таких форм. Это чат, форум, которые предназначены для организации дискуссий, во время которых осуществляется оценка понимания материала студентом и его способности сопоставлять теорию с практическими примерами.

Важным при чтении лекций в дистанционной форме остается сохранение обратной связи. Поэтому необходимо, чтобы при чтении лекции преподаватель создавал проблемные ситуации, пробуждал у студентов познавательный интерес и желание найти способы для их разрешения. Ведущими здесь являются мотивы интеллектуального поиска, нахождения решения той или иной поставленной преподавателем задачи. Целесообразно в ходе таких лекционных занятий поэтапное переключение внимания слушающих с одного вида деятельности на другой. Что касается

обратной связи, то она должна присутствовать постоянно за счет обращения к студентам по именам. Люди любят, когда к ним обращаются лично, как к партнерам, уважительно и доброжелательно. Считаем необходимым делать регулярными небольшие доклады студентов, работающих над курсовыми и дипломными работами по схожей тематике. Это разнообразит форму работы, дает толчок к поиску нужных решений при постановке проблемных заданий.

Чтение лекций преподавателем языкового вуза в дистанционном формате – это новая тема дальнейших исследований педагогов и филологов высшей школы. Разработка данной темы позволит осуществлять выбор новых языковых форм реализации культуры профессиональной иноязычной речи преподавателя-лектора, работающего в виртуальной студенческой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Алексич Е. В. Mind-Mapping als kreative Lern- und Denkmethode im kognitiven Aspekt am Beispiel der moderner deutschen Sprache / Создание ассоциативных диаграмм как метод творческого научения и мышления в лингвокогнитивном аспекте на примере современного немецкого языка // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы XV Международной научно-практической Internet-конференции 27 мая – 2 июня 2019 г. / отв. ред. А. Н. Макарова; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2019. С. 144–148.

Беляева М. В. Паратаксис и гипотаксис в синтаксисе устного дискурса с позиций гетерогенности // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 1(11)/2013. С. 14–19.

Боговская И. В. Педагогические условия формирования научно-исследовательской компетентности специалиста иноязычного профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2012. № 11. С. 30–31.

Тарева Е. Г. Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 94–101.

И. И. Бурлакова

(Москва, Россия)

Московский государственный университет технологий
и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

iiburlakova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: профессиональная подготовка, обучение иностранному языку, межкультурная коммуникация, подготовка учителя.

Key words: professional training, foreign language training, intercultural communication, teacher training.

Для XXI века характерен пересмотр фундаментальных ценностей педагогического образования. Политическая и экономическая ситуация современной России требуют модернизации системы педагогического образования. Использование инновационных технологий будет способствовать подготовке педагога нового типа. Существующий опыт не соответствует образовательным целям, которые возникли на современном этапе развития общества, особенно в условиях цифровизации поликультурной образовательной среды.

Подготовка современного учителя иностранного языка включает в себя, прежде всего, подготовку не только к передаче знаний и умений в области коммуникативной компетенции, но и к межкультурной коммуникации. По определению Фурмановой В. П., межкультурная коммуникация – это «...связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как личные контакты между людьми, так и опосредованные формы коммуникации (такие как письменность и массовая коммуникация)» [Фурманова 1994: 41]. В социально-психологическом контексте подготовка учителя иностранного языка к межкультурной коммуникации подразумевает организованный процесс формирования умений установить ценностный контакт с представителями иных культур и достичь с ними взаимопонимания в условиях поликультурной

образовательной среды. Основным компонентом межкультурной коммуникации является сформированная у студента коммуникативная компетенция не только на изучаемом им иностранном языке, но и на родном.

Термин «коммуникативная компетенция» впервые был представлен научному сообществу американским учёным Н. Хомским, который определил коммуникативную компетенцию, как умение: «...понимать и образовывать неограниченное число предложений, построенных по их структурным схемам и обнаруживать формальное сходство и различие близких по своему содержанию высказываний» [Изаренков 1990]. В середине XX века коммуникативная компетенция стала неотъемлемым компонентом социолингвистических, психолингвистических и методических исследований, обозначая речевые способности человека. В документах Совета Европы «коммуникативная компетенция» представлена как способность индивида, которая позволяет осуществлять действие при помощи языковых средств [Van Ek 1990]. В контексте отечественной методики обучения иностранным языкам, коммуникативная компетенция представляет собой «...способность человека общаться в трудовой или учебной деятельности, удовлетворяя свои интеллектуальные запросы, способность выбирать и реализовывать программы речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в обстановке при общении; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников до беседы, а также во время беседы в процессе адаптации; знания страноведческого характера» [Вятютнев 1975]. В современных исследованиях коммуникативная компетенция представлена как комплексный феномен, органично входящий в межкультурную коммуникацию. Однако до сих пор нет единого мнения о её структурных компонентах.

Процесс подготовки учителя иностранного языка предполагает создание определённых условий для формирования ключевых компетенций у будущего специалиста в условиях цифровизации образовательной среды. Овладение знаниями и умениями в области психологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков, опытом самостоятельной деятельности, наличие личной ответственности за результаты труда, умение выстраивать межкультурный диалог в условиях поликультурной образовательной среды, умение работать в цифровом пространстве с использованием современных средств обучения иностранному языку, овладение новейшими технологиями – все это дополняет овладение коммуникативной

компетенций. Приходится констатировать тот факт, что студенты, получая педагогическое образование на факультетах иностранных языков, больше сосредоточены на овладении исключительно коммуникативной компетенцией в области изучаемого иностранного языка, нежели на освоении вышеназванных знаний и умений [Компанцева 2006].

Обучение иностранному языку – это не только овладение «формой для выражения содержания», оперирование «знаковой системой» или разгадка «информационного кода» [Фурманова 1994], но и постижение феномена, который тесным образом связан с личностно ориентированной и практико значимой деятельностью обучающегося. В контексте ФГОС иностранный язык, как и другие предметы, выступает средством для достижения личностных и метапредметных результатов, которые включают в себя овладение метапредметными умениями.

Таким образом, готовность будущих учителей иностранного языка к межкультурной коммуникации в условиях поликультурной образовательной среды, овладение ими коммуникативной компетенцией предполагает не только умение использовать иностранный язык на высокопрофессиональном уровне, но и овладение умениями передавать знания иностранного языка обучающимся в новых реалиях цифрового образования с использованием современных технологий передачи знаний и умений, учитывая индивидуальный запрос каждого ученика. А умение адекватно выстроить межкультурный диалог в поликультурной образовательной среде будет способствовать созданию благоприятного климата в процессе овладения иностранным языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая практика преподавания иностранных языков : автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1994. 58 с.
- Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. №4. С. 54–60.
- Van Ek J. A., Trim L. M. Threshold Level 1990. Strasbourg : Council of Europe, 1990. 236 p.
- Вятютнев М. Н. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания ИЯ // Иностранные языки в школе. 1975. №6. С. 55–64.
- Компанцева Е. В. Содержательно-методический аспект социокультурной компетенции в профессиональной подготовке студентов лингвистических специальностей : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2006. 191 с.

И. И. Василишин

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vasilishin@linguanet.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, совершенствование законодательства об инновациях.

Key words: innovations, innovative activity, improvement of legislation on innovations.

Как отмечено в пп. «г» п. 11 «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 N 642, «сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, что препятствует практическому применению результатов исследований и разработок (доля инновационной продукции в общем выпуске составляет всего 8–9 процентов; инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем в ведущих государствах; доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта составляет около 0,4 процента)».

Еще в советский период государственные структуры осознали необходимость перехода к инновационной модели развития страны. Тем не менее, несмотря на понимание важности качественного регулирования инновационной деятельности, темпы развития законодательства в исследуемой сфере были низкими, и к настоящему времени положительного результата на федеральном уровне по-прежнему нет.

Только в 1998 г. Постановлением Правительства РФ № 832 была одобрена концепция инновационной политики Российской Федерации, содержанием которой предусматривалась разработка федерального закона, предметом которого была инновационная деятельность, а также государственная инновационная политика в России.

Спустя год законопроект появился, был принят и одобрен обеими палатами парламента. Однако о качестве проекта закона, направленного уже

для подписания и обнародования Президенту Российской Федерации, говорят некоторые причины его отклонения:

- ▶ предмет регулирования закона определен не четко;
- ▶ весь круг субъектов инновационных правоотношений не закреплён, что неблагоприятно отразится в практике правоприменения, как следствие – может иметь место произвольное толкование норм закона;
- ▶ многие положения закона декларативны, их правовое содержание не раскрыто.

Очередной законопроект об инновационной деятельности появился почти через 9 лет, но и он был отклонен 05.10.2010 г. Наконец, законопроект 2011 г. оказался сориентирован на вопросы государственной поддержки инновационной деятельности, но в 2017 г. и этот законопроект был отклонен, а новый так пока и не появился.

Очередная редакция Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» (2011 г.) в определенной степени восполнила отсутствие на законодательном уровне определений ключевых понятий – «инновации» и «инновационная деятельность», однако закон имеет сугубо отраслевой характер.

В отсутствие специального закона проблемы регулирования инновационной деятельности России в разное время решались путем принятия целого ряда федеральных программ, определявших основные направления деятельности государства в этой сфере. Кроме того, активно развивалось нормотворчество субъектов РФ: к настоящему времени одни субъекты приняли законы в сфере инноваций и науки (таковых более 70), другие находятся на пути к этому, обходясь правовыми актами регионального уровня.

Однако отсутствие государственной концепции инновационного развития экономики страны породило бессистемность в принятии нормативных актов, и очень многие правовые акты декларативны.

С учетом вышеизложенного, ключевыми задачами сегодня являются, в частности следующие:

- ▶ продолжение глубоких научных исследований;
- ▶ упорядочение действующего федерального и регионального законодательства, регулирующего инновационную деятельность;
- ▶ принятие на федеральном уровне специального закона, регулирующего основы инновационной деятельности в Российской Федерации и приведение в соответствие с ним регионального законодательства.

Н. А. Володина

(Пенза, Россия)

Пензенский государственный университет

volodinanatalya@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: информация, информационная культура, профессионал, профессионализм, информационная компетентность.

Key words: information, information culture, professional, professionalism, information competence.

Понятия «профессионал», «профессиональная деятельность», «профессионализм» широко употребляются как в научной литературе, так и в современном медийном пространстве.

Лежащая в их основе номинация «профессия» (англ. profession) имеет множество дополняющих друг друга трактовок. В целом профессия является устойчивым и относительно широким видом трудовой деятельности, являющимся источником дохода, предусматривающим определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков [Социологический энциклопедический словарь 1998: 276]. Профессиональная деятельность – деятельность сложная, подразумевающая реализацию результатов целенаправленного теоретического обучения и практической подготовки. Важно подчеркнуть нормативно установленный характер современной профессиональной деятельности и ее социальную значимость.

Понятие «профессионализм», на наш взгляд, имеет оценочную природу, и существует как в объективном, так и в субъективном аспектах. Исследователи выделяют уровни профессионализма, стадии профессионального развития, определяют критерии для их идентификации [Дружилов 2012]. Индивид осмысливает профессионализм и как способ самореализации, и как способ материального обеспечения индивидуального существования, и как социально значимую (редко – альтруистическую) деятельность [Пак, Бармин 2013: 53].

Профессионализм формируется как совокупность знаний, опыта и мотивации – осознанного и целенаправленного стремления человека к профессиональному совершенствованию. Проанализировав мнения исследователей о профессионализме, его составляющих и необходимых условиях становления и развития, мы пришли к выводу, что независимо от конкретной профессии, стать профессионалом, профессионально развиваться и совершенствоваться можно только в том случае, если человек умеет работать с информацией.

Определений информации (от лат. *information* – сообщение) множество: остановимся на самом, на наш взгляд, ёмком, не акцентирующим внимание на задачах той или иной науки или сферы деятельности: сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи [Социологический энциклопедический словарь 1998: 112]. Уровень информатизации всех сфер жизни человека стремительно возрастает, информация становится важнейшим ресурсом в обществе. Сегодня информация является основой не только для социально-экономического и политического развития, но и базовым компонентом для личностного и профессионального развития человека. Для последовательного прохождения стадий профессионального развития и достижения высшего уровня профессионализма информация и умение работать с ней является основным ресурсом. Его значимость увеличивается в связи с тем, что процесс пожизненного обучения стал объективной необходимостью практически в любой профессии.

Современный профессионал должен владеть особыми информационными компетенциями, уметь преодолевать существующие противоречия между стремительными темпами роста объёма информации и ограниченными (с точки зрения способностей человека и располагаемого времени) возможностями в ее освоении, осмыслении и переработке.

В современном обществе необходимым условием и признаком профессионала является его информационная культура. Профессиональная информационная культура является частью общей информационной культуры человека и, очевидно, не может существовать в отрыве от нее.

В основе информационной культуры человека лежит информационная грамотность, понимаемая нами как способность осознать свою потребность в информации, умение найти, идентифицировать, получить доступ к ней, организовать, защищать информацию, уметь общаться с помощью средств и методов информационно-коммуникационных технологий. Мы акцентировали внимание на нашем понимании информационной

грамотности, так как ее достаточно часто и безосновательно отождествляют с понятием информационной культуры. Последнее – несравнимо более ёмкое понятие, определяющее жизнедеятельность на основе понимания личностью (ею, по определению, является профессионал) внутренних информационных механизмов и общечеловеческих ценностей как основы развития человека и общества. Информационная культура – важнейший показатель профессионализма, по сути – его основа.

Не ставя перед собой цель изучения особенностей информационной культуры профессионала конкретного направления, сформулируем ее основные компоненты. Подчеркнем, что эта градация условна, так как информационная культура профессионала XXI в. является системой, целостностью, части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Во-первых, это информационная грамотность – основа и необходимое условие информационной культуры профессионала, которую мы охарактеризовали выше. Во-вторых, когнитивный (познавательно-интеллектуальный) компонент – комплекс профессиональных знаний, основанный на умении определять свои потребности в информации на каждом этапе профессионального развития; четко формулировать цели, отбирать релевантную информацию и оптимальные методы для их достижения, щепетильно относиться к выбору источников информации. В-третьих, аксиологический компонент, основанный на осмыслении сути своей профессии, ее морально-нравственных ценностей и идеалов, социальной значимости, который тесно связан с четвертым – этико-коммуникативным компонентом информационной культуры профессионала. Он подразумевает следование деонтологическим нормам профессии, высокий уровень культуры общения, включая знание правил делового этикета и следование им, в том числе, в информационном пространстве. Необходимо подчеркнуть, что важной составляющей информационной культуры профессионала является преемственность, стремление к получению и передаче своего профессионального опыта.

Таким образом, информационная культура является основой - универсальной базой для успешного становления и развития профессионала в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Дружилов С. А. Критерии и уровни индивидуального профессионализма // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5446> (дата обращения: 30.05.2020).

Пак Г. С., Бармин Н. Ю. Профессионализм как ценность // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н. Г. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 3(31). С. 51–55.

Социологический энциклопедический словарь. М. : Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 488 с.

М. Ю. Воронин

(Москва, России)

Московский государственный лингвистический университет

m.voronin@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НЕМЕДИЦИНСКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: наркотики, употребление, профилактика, эффективность.

Key words: drugs, use, prevention, effectiveness.

Профилактика немедицинского потребления наркотиков является деятельностью, имеющей широкий междисциплинарный характер, требующей объединения усилий представителей различных отраслей научных знаний, лежащих в области психологии, педагогики, социологии, криминологии, наркологии, юриспруденции.

Профилактика в сфере немедицинского потребления наркотиков всегда относилась к одному из направлений деятельности правоохранительных органов. Это связано не только с обеспечением охраны здоровья населения, но и с тем, что наркомания, незаконный оборот наркотиков и общеуголовная преступность взаимозависимы.

Потребители наркотических средств совершают помимо незаконных действий с наркотиками значительное число иных видов преступлений. Прежде всего, это имущественные преступления. Высокие цены на наркотики, потребность периодически увеличивать принимаемую дозу требуют больших денег. Заработать их легально потребители не в состоянии, так как злоупотребление наркотиками делает их малоспособными к трудовой деятельности. Поэтому единственный источник получения средств – совершение имущественных преступлений: в первую очередь это кражи, мошенничество, а также грабежи, разбойные нападения. Находясь

в состоянии наркотического (токсического) опьянения, потребители наркотиков и наркоманы часто совершают насильственные преступления (убийства, нанесение телесных повреждений, изнасилования, истязания и др.). Потребители наркотиков часто сами оказываются жертвами насильственных преступлений.

Задачами в профилактической работе в сфере незаконного оборота наркотиков являются предупреждение:

- ▶ совершения незаконных действий с наркотиками со стороны лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков;
- ▶ совершения преступлений в отношении потребителей наркотиков;
- ▶ вовлечения населения в немедицинское употребление наркотиков и их незаконный оборот.

Обращаясь к формам и принципам организации профилактики немедицинского потребления наркотиков правоохранительными органами и критериям оценки ее эффективности, отметим, что теория и практика предупреждения преступлений и правонарушений выработала различные подходы и формы профилактической деятельности.

Профилактические мероприятия, проводимые в целях предупреждения немедицинского потребления наркотиков и наркопреступности, классифицируются по различным основаниям. Обычно выделяются: общая и индивидуальная профилактика; ранняя профилактика, непосредственная профилактика и профилактика рецидива; первичная, вторичная, третичная профилактика.

Классификация профилактических мероприятий необходима для планирования и организации профилактической деятельности, а также для оценки результатов профилактических мероприятий, их эффективности. Вместе с тем разделение профилактической деятельности носит в определенной мере условный характер. На практике же строгая дифференциация не всегда возможна, так как те или иные мероприятия могут сочетать в себе меры индивидуального и общего воздействия и т. д.

Тем не менее в теории и практике сложилось определенное понимание различных видов профилактической деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков и их немедицинского потребления.

Общая профилактика направлена на выявление факторов, детерминирующих как немедицинское употребление наркотиков, так и их незаконный оборот, которые должны подвергаться воздействию комплекса мер. Особенностью профилактики на этом уровне является комплексное воздействие на факторы, порождающие и спрос на наркотики, и их незаконное

предложение. Эта деятельность связана с формированием общественного мнения; с постоянным информированием населения о состоянии заболеваемости, состоянии правонарушаемости в этой сфере; с проведением постоянной разъяснительной работы среди населения об опасности как немедицинского потребления, так и незаконного распространения наркотиков.

Индивидуальная профилактика направлена на работу с лицами, злоупотребляющими наркотиками. Эта профилактическая работа основывается на установлении факторов, детерминирующих немедицинское употребление наркотиков и последующем воздействии на них. Учитывая, что часто лица, употребляющие наркотики незаконно, являются и их распространителями, то с ними проводится индивидуальная профилактика незаконного распространения наркотиков.

В профилактической деятельности выделяют три уровня профилактики немедицинского потребления наркотиков. Объектом профилактического воздействия первого уровня является всё население, а целью реализации мер этого уровня – формирование антинаркотических установок. Акцент делается на молодежь. Объектом второго уровня профилактики являются лица, которые злоупотребляют наркотиками, но которым не поставлен диагноз «наркомания». Меры второго уровня включают в себя комплекс социальных, медико-психологических, образовательных мероприятий. Меры второго уровня могут включать и правоохранные действия, которые направлены на предупреждение правонарушаемости лиц, являющихся объектом профилактического воздействия мер второго уровня. К числу лиц, относящихся к объекту профилактического воздействия мер второго уровня, относятся и лица, совершившие правонарушения с наркотиками, и лица, осужденные условно за преступления в исследуемой сфере.

Профилактические меры третьего уровня – это комплекс социальных, образовательных, медико-психологических, пропагандистских, правоохранительных мероприятий, направленных на ресоциализацию лиц, ранее совершавших правонарушения с наркотиками, злоупотреблявших наркотическими средствами, предупреждение рецидива асоциального поведения с их стороны.

Указанные формы и виды профилактической работы включают в себя различные меры социально-экономического, политического, культурно-просветительского, медицинского, педагогического, правоохранительного характера.

Критерии оценки профилактической деятельности – качественные характеристики результатов функциональных направлений деятельности,

подлежащие последующему измерению посредством показателей. Показатели профилактической деятельности – это выраженные в количественной форме и соответствующие установленным критериям результаты различных сторон и направлений деятельности.

При определении критериев и показателей оценки профилактической работы следует исходить из принципов, на которых она осуществляется. Среди них важнейшими являются: законность – проведение профилактики средствами, методами и в формах, не противоречащих закону; профессионализм – проведение профилактики лицами, имеющими специальные знания, умения, навыки; научность – использование современных научных технологий и разработок; комплексность использования всех форм и видов профилактического воздействия; взаимодействие – осуществление профилактики в тесном сотрудничестве с другими государственными органами и учреждениями, а также с общественностью; аксиологичность – ценностная ориентация профилактируемых на здоровый образ жизни и поведения; полнота и дифференциация – охват профилактикой всех категорий населения и соответствие проводимых мероприятий состоянию профилактируемых объектов.

Приведенные основные направления профилактики немедицинского потребления наркотиков лежат в основе построения профилактических программ, учитывающих особенности наркоситуации как на территории региона, так и на территории конкретного муниципального образования.

А. В. Гундрова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
avgundrova@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЙНОГО СОТРУДНИКА

Ключевые слова: музейная коммуникация, аксиология, тексты культуры, музейный диалог, артефакт, межкультурная коммуникация, ценности.

Key words: museum communication, axiology, cultural texts, museum dialogue, artefact, intercultural communication, values.

Доклад посвящен музейной коммуникации и компетенциям музейных специалистов в этой области. Для освещения данного вопроса необходимо вернуться к истокам и проанализировать определение музея и его функций. В стандартном понимании музей – это учреждение, которое занимается собиранием, хранением и экспонированием, а также популяризацией наследия. В июле 2019 г. ИКОМ (International Council of Museums) принял новое определение музея, которое содержит понятия диалога и интерпретации, а значит, неизбежно включает в себя процессы коммуникации. В музейном контексте коммуникация способствует выполнению одной из ключевых функций музея – популяризации.

В справочном пособии «Ключевые понятия музеологии», подготовленном при поддержке ИКОМ, содержится следующее определение коммуникации: «...предъявление результатов исследования, предпринятого в коллекциях (каталоги, статьи, конференции, экспозиции) ... и обеспечение информацией о предмете в коллекции (постоянная экспозиция и связанная с ней информация)» [Desvallées, Mairesse 2010]. Безусловно, это лишь вершина айсберга, и в дальнейшем коммуникация уже происходит через разные каналы. Один из главных путей – это тексты. В узком понимании тексты, с которыми сталкиваются посетители, являются частью этикетажа и оформления выставочного пространства, в более широком понимании весь музей может восприниматься как текст, так как учреждение в целом являет собой смыслы, которые транслируются во всей его деятельности, создавая образ. Музейная коммуникация в самом обыденном понимании – это и общение посетителей напрямую с сотрудниками музея, что, например, происходит во время экскурсии. Тем не менее, коммуникация с сотрудниками может происходить и опосредованно, так как все проекты, выполненные в стенах музея, транслируют те смыслы и ценности, которые заложены в них авторами. В таком случае коммуникация может быть как вербальной, так и невербальной.

Отдельного внимания заслуживает адаптация текстов для иностранной аудитории, а именно – перевод культурных реалий на иностранный язык, что подразумевает интерпретацию отечественной культуры через призму целевой культуры. Данный процесс был точно обозначен Рикёром как «лингвистическое гостеприимство», что включает в себя интерпретацию традиций, обычаев, верований и ценностей [Ricoeur 1996: 5].

Успешность и результат такого вида коммуникации напрямую зависит от компетенции сотрудников, ответственных за разные этапы этого процесса, в данном случае переводчика. Примером сложного для иностранной

аудитории понятия может послужить Масленица, имеющая языческое происхождение, однако вошедшая в жизнь жителей православной России и являющаяся преддверием Великого поста. Если это понятие упоминается в названии артефакта или в его описании, то именно перед переводчиком будет стоять задача корректной трансляции ценностей эпохи, о которой идет речь. Особым этапом будет интерпретация этой реалии через систему ценностей целевой аудитории. Следует отметить, что подходы к интерпретации будут различными в случаях письменного и устного перевода, т. е. во время перевода текстов для выставки и проведения экскурсии на иностранном языке.

Подобные нюансы музейной коммуникации должны учитываться при организации музейных проектов в целях привлечения квалифицированных сотрудников, способных принимать решения в зависимости от контекста, обстоятельств и целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Ключевые понятия музеологии / пер. с фр. А. Урядниковой ; ed. by A. Desvallées, F. Mairesse. Р. : Armand Colin, 2010. 90 с.

Ricoeur P Reflections on a New Ethos for Europe, in R. Kearney (ed), Paul Ricoeur : The Hermeneutics of Action. London, 1996. P. 4–14.

Ч. Б. Далецкий

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
chdalecki@linguanet.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: процесс, гуманитарные процессы, межкультурный диалог, процессы межкультурного диалога, гуманитарные процессы межкультурного диалога, пространство, образовательное пространство, цифровое образовательное пространство.

Key words: process, humanitarian processes, intercultural dialogue, processes of intercultural dialogue, humanitarian processes of intercultural dialogue, space, educational space, digital educational space.

Исходным понятием для рассуждения по заявленной теме является процесс как устойчивая совокупность каких-либо взаимосвязанных действий в интересах достижения целенаправленных позитивных изменений. Как философская категория процесс связан с осмыслением идеи развития и достижением нового качественного состояния объекта. Исследования проблем развития во времени прослеживаются от Античности, но современные представления утверждаются в христианстве с его линейной идеей сотворения духовного мира, особенно в «науках божественных» (*studia divina*).

По мере развития экспериментальных и опытных возможностей науки предметом философского исследования становится человек как венец природы, как основная ценность, как цель развития. Гуманисты эпохи Возрождения развивают «науки человеческие или гуманитарные» (*studia humana*). Лоренцо Валла пишет о наслаждении как истинном благе (*De voluptate ac de vero bono*, 1431г., русский перевод 1989 г.) и предлагает учитывать индивидуальные особенности каждого человека [Валла 1989]. Эразм Роттердамский огромное значение придавал образованию, как инструменту гуманизации общества, и всячески этому способствовал [Эразм 2006].

Гуманитарные процессы рубежа XX и XXI вв. требуют осмысления в контексте диалога культур и цивилизаций. Не случайно XXI век объявлен веком гуманитарных наук в противовес индустриальной эпохе и культуре техницизма. Ответ на вопрос о решении современных проблем человека пытался найти А. Печчеи, основатель «Римского клуба», отмечая быстротечность культурных процессов и уповая на духовное развитие нравственности людей и человечества [Печчеи 2020].

Особенно остро встает вопрос сохранения человека в условиях постепенной роботизации общества и поисках дешевой рабочей силы, что ведет к изменению процессов межкультурного диалога на языковом, образовательном и потребительском уровнях. Соотношение сокращенных рабочих мест и открываемых в новых отраслях изменяется не в пользу последних. Актуальной представляется система «базового безусловного дохода», смысл которой заключается в предоставлении человеку средств существования без его участия в процессе производства. Такое существование человека ведет к изменению его видов деятельности без преобразующих элементов и ненацеленности на какое-либо развитие. Общество «наслаждений» и «потребления» требует непрерывной идентификации в процессе диалога на разных уровнях социального взаимодействия [Стэндинг 2016]. Прекариат становится потребителем результатов гуманитарной

деятельности: непрерывное образование, чтение литературы, созерцание произведений искусства, времяпровождение в сфере интернет-развлечений и игр.

Интеграция гуманитарной концепции достигается в пространстве образовательной деятельности государства и его институтов, а обеспечивается посредством образовательных стандартов через формирование универсальных компетенций в процессе контактной трансформации информации и личного взаимодействия педагога и обучающегося. Стремление перевести образовательный процесс в дистанционный формат сопровождается потерей интереса к самому процессу познания и снижением энергетической составляющей авторитета или харизмы учителя.

Современная цифровизация создает иллюзию информированности во всех областях жизнедеятельности человека, и при этом, не оставляет шансов на осознание происходящего. Подобная ситуация предполагает необходимость учитывать этическую составляющую гуманистического ренессанса, высокой нравственности в процессе отбора, презентации и распространения достоверной информации, рассчитанной на формирование лучших человеческих качеств.

История российского образования накопила большой опыт гуманитарного образования. В условиях идеологического плюрализма образовательная лексика насыщается такими понятиями, как гуманизация, гуманитаризация, патриотизм, духовная культура, национальная самобытность. Разным содержанием наполняются эти понятия, но в их необходимости никто не сомневается. Интонационный пафос этих слов повышается. Институт образования, педагог, получая от государства гарантированное право на слово, от имени государства осуществляют контактный процесс передачи человечности, знаний и умений в гуманитарной области.

ЛИТЕРАТУРА

- Валла Лоренцо.* Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М. : Наука, 1989. 476 с. (Памятники философской мысли).
- Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. М. : Эксмо, 2006. 320с.
- Печчеи А.* Архитекторы мира. Записки Римского клуба. М. : Родина, 2020. 224 с.
- Стэндинг Гай.* Коррупция капитализма: почему рэнтье процветает, а работа не оплачивается. Лондон : Битбек, 2016. 328 с. (=Standing, Guy (2016). *The Corruption of Capitalism: Why Rentiers Thrive and Work Does Not Pay.* London : Biteback).

М. Ю. Двоеглазова

(Мурманск, Россия)

ГАПОУ МО «Мурманский педагогический колледж»

mu_dvoeglazova@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: профессионализм, структура профессионализма, детерминанты профессионализма, самореализация, высшая степень развития человека.

Key words: professionalism, the structure of professionalism, the determinants of professionalism, self-realization, the highest stage of human development.

Социально-экономическое и культурно-историческое развитие постиндустриального общества обусловлено профессионализмом граждан, ответственно выполняющих профессиональные задачи в социально значимой деятельности.

Профессионализм – это высшая степень в развитии человека в качестве субъекта познания, труда и общения, характеризующаяся степенью соотvetствия знаний, умений и навыков, психических свойств человека современным достижениям науки и практики, направленностью личности на созидательную деятельность, способствующую развитию человека и общества.

Профессионализм проявляется не только в профессиональной умелости, «высоких производственных результатах ... производительности труда» [Маркова 1996: 39], но и в осознанной самореализации в профессиональной деятельности универсально-деятельностных способностей, актуализирующихся под влиянием общественного смысла труда, ставшего личностным смыслом, побуждающим человека к добровольному, по внутреннему убеждению применению внутренних ресурсов в труде.

Профессионализм, по мнению А. А. Деркача и В. Г. Зазыкина, является результатом личностно-профессионального развития как процесса развития личности, преимущественно ориентированной на высокий уровень профессионализма и профессиональных достижений, осуществляемого

с помощью обучения и саморазвития в профессиональной деятельности и профессиональных взаимодействиях [Деркач, Зазыкин 2003].

Профессионализм – это психологический феномен, состоящий из диалектического единства профессионализма личности и профессионализма деятельности как качественной характеристики субъекта жизнедеятельности, проявляющейся в высоком уровне духовно-нравственного развития личности, смысловом целенаправлении, саморегуляции поведения и деятельности в соответствии с общественными нормами, содержащими общественные смыслы бытия, направленности на творческую самореализацию и стабильно высокую продуктивность в профессиональной деятельности.

Развитие профессионализма детерминировано внутренними мотивами, побуждающими человека к самореализации своей сущностной уникальности в профессиональной деятельности, направленной на создание социально-ценного продукта в процессе созидательной деятельности, вносящей вклад в развитие общества. «Самовыражение у высокого профессионала является не целью, а неизбежным побочным следствием самозабвенной преданности делу и служения общественным идеалам» [Климов 1996(а): 140].

Рефлексивное отношение к собственной жизни и деятельности, к себе как субъекту бытия обуславливает становление профессионализма как определенной системной организации сознания, психики человека, состоящей, согласно Е. А. Климову [Климов 1996(б)], из шести компонентов: свойств человека как целого (1); праксиса (2) и гнозиса (3) профессионала; информированности, знаний, опыта и культуры (4); психодинамики (5) и осмысленности бытия (6). Высокий уровень развития рефлексии, наряду со сформированными нравственной культурой, проявляющейся в нравственной надежности и духовной зрелости, профессиональной совестью, профессиональной честью, чувством профессионального достоинства детерминируют развитие профессионализма как условия достижения национальных целей, зафиксированных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Достижение этих целей определяет национальное благосостояние, национальную безопасность, лидирующее место страны в геополитическом и геоэкономическом пространстве мира.

ЛИТЕРАТУРА

Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. СПб. : Питер, 2003. 256 с.

Климов Е. А. Развивающийся человек в мире профессий // Климов Е. А. Психология профессионала : Избранные психологические труды. М. : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996(а). С. 102–149.

Климов Е. А. Реплика о структуре профессионализма и профессионала // Климов Е. А. Психология профессионала : Избранные психологические труды. М. : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996(б). С. 386–389.

Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Знание, 1996. 308 с.

Е. В. Демидова-Петрова

(Казань, Россия)

Казанский юридический институт МВД России

demidova.liza@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЭКСПЕРТА В ОЦЕНКЕ КРИМИНОГЕННОЙ ПОДВЕРЖЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, социальная среда, социальные сети, предупреждение преступности, предупреждение преступности несовершеннолетних.

Key words: juvenile, juvenile delinquency, social environment, social network, crime prevention, prevention of juvenile delinquency.

В настоящей статье представлены результаты экспертного опроса, участниками которого выступили квалифицированные специалисты, занимающиеся предупреждением преступности несовершеннолетних. Их опрос позволит провести компетентный анализ криминогенного влияния на содержание взаимодействия социальной среды и личности несовершеннолетнего. Экспертами избраны сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних МВД России (всего 692 человека в девяти субъектах Российской Федерации).

Так, значительный интерес представляют высказанные мнения экспертов о криминогенности социальных сетей.

Вопросы, поставленные перед экспертами, аналогичные вопросам, содержащимся в опросе, проведенном Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2019 году. ВЦИОМ представлены данные исследования о том, как, по мнению россиян (в исследовании приняли участие представители двух возрастных групп: несовершеннолетние 14–17 лет и лица возрастной категории от 18 лет и старше), социальные сети влияют на несовершеннолетних [Подросток в социальной сети ... URL].

Так, проведенное нами исследование показало, что больше половины (68 %) опрошенных экспертов считают, что несовершеннолетние пользуются Интернетом ежедневно, менее 4 часов в день; 14 % опрошенных считают, что несовершеннолетние пользуются Интернетом несколько раз в неделю, и 9 % респондентов считают, что несовершеннолетние проводят в Интернете более 4 часов ежедневно. При этом 37 % опрошенных отметили, что несовершеннолетние посещают социальные сети несколько раз в неделю, и 23 % экспертов считают, что несовершеннолетние посещают социальные сети практически ежедневно. При этом данные проведенного опроса ВЦИОМ демонстрируют, что подавляющее большинство подростков (98 %) указали, что пользуются Интернетом ежедневно, кроме того 89 % опрошенных лиц заходят в социальные сети практически каждый день. В отличие от несовершеннолетних только 69 % опрошенных лиц возрастной категории от 18 лет и старше ежедневно посещают Интернет, а 53 % – социальные сети.

Более половины (73 %) опрошенных нами экспертов убеждены, что социальные сети оказывают негативное влияние на подростков. При этом 18 % экспертов отметили, что социальные сети не оказывают на несовершеннолетних существенного влияния, и только 9 % респондентов указали, что социальные сети оказывают позитивное влияние на современных несовершеннолетних.

Согласно данным проведенного ВЦИОМ исследования, более половины (54 %) опрошенных респондентов возрастной категории 14–17 лет уверены, что социальные сети не оказывают существенного влияния на подростков. При этом полученные ответы от совершеннолетних респондентов значительно отличаются от мнения подростков. Респонденты старше 18 лет убеждены, что социальные сети оказывают негативное влияние на несовершеннолетних (58 %). Здесь следует отметить, что как взрослые, так и лица несовершеннолетнего возраста редко сталкивались с негативными контентом в социальных сетях.

С незначительной разницей (38 % и 36 %) опрошенные эксперты встречали в социальных сетях позитивную информацию: призывы к здоровому образу жизни; материалы, призывающие помогать животным. С незначительным отличием 24 % и 23 % опрошенных экспертов указали на наличие в социальных сетях материалов, демонстрирующих насилие, и материалов, пропагандирующих или оправдывающих убийства, совершенные несовершеннолетними. 7 % экспертов отметили наличие в социальных сетях материалов, призывающих к самоубийству.

Также, исходя из проведенного исследования, 97 % опрошенных экспертов встречали в социальных сетях два и более сюжета опасной тематики. На уровне статистической погрешности 2 % и 1 % респондентов встречали всего один сюжет опасной тематики и не встречали ни одного сюжета опасного контента.

Любопытно, что ответы экспертов на данный вопрос и полученные результаты проведенного исследования ВЦИОМ значительно разнятся. Так, 17 % пользователей социальных сетей возрастной категории от 18 лет и старше указали, что сталкивались с двумя и более сюжетами опасной повестки, при этом в группе несовершеннолетних эта доля составляет 20 %. Значительно активнее прослеживается позитивная повестка. Так, 88 % респондентов встречали призывы к здоровому образу жизни; чуть меньше (79 %) отметили материалы, призывающие помогать животным (следует отметить, что ответы двух групп респондентов не отличаются).

На вопрос, что следует сделать российским властям для предотвращения трагедий в учебных учреждениях, мнения опрошенных экспертов разделились. Так, 67 % респондентов заявили о необходимости организации профилактической работы с проблемными семьями; 59 % и 58 % указали на необходимость организации психологической работы со школьниками, а также отслеживание и блокирование групп, пропагандирующих преступность, насилие и самоубийства в социальных сетях; 49 % и 44 % опрошенных убеждены в эффективности создания условий для досуга подростков и усиления охраны учебных заведений; 38 % экспертов отметили ограничение демонстрации насилия на телевидении, и только 17 % обратили внимание на ужесточение законодательства в сфере оборота оружия.

По данному вопросу респондентами возрастной группы 14–17 лет и опрошенными лицами возрастной категории от 18 лет и старше были высказаны следующие мнения. 42 % несовершеннолетних (14–17 лет) и 36 % опрошенных возрастной группы от 18 лет и старше считают, чтобы

предотвратить трагедии в учебных заведениях, необходимо организовать психологическую работу со школьниками. Опрошенные обеих групп среди необходимых мер отметили усиление охраны учебных заведений, создание условий для досуга подростков, профилактическую работу с проблемными семьями и блокировку групп, пропагандирующих преступность, насилие и самоубийства.

79 % опрошенных экспертов также убеждены в необходимости ограничения обсуждений подобных трагедий в ток-шоу на федеральных каналах телевидения. Также подавляющее большинство участников опроса (71 % респондентов 14–17 лет, 72 % опрошенных лиц возрастной категории от 18 лет и старше) указали, что обсуждение трагедий в учебных заведениях должно быть ограничено в ток-шоу на федеральных каналах телевидения.

Проведенное исследование показало, что 53 % экспертов осведомлены о наличии в социальных сетях групп / сообществ, пропагандирующих смерть и самоубийство, 33 % опрошенных не обладают достоверной информацией о существующих группах / сообществах в социальных сетях, пропагандирующих насилие, и 14 % респондентов располагают поверхностной информацией о наличии групп / сообществ, пропагандирующих в социальных сетях терроризм. Так, по данному направлению результаты опроса ВЦИОМ показали, что уровень знания о существовании подобных групп / сообществ в социальных сетях весьма низок, и слабо отличается среди опрошенных лиц несовершеннолетнего возраста и лиц возрастной категории от 18 лет и старше. О пабликах, распространяющих информацию о самоубийствах, осведомлены лишь 16 % взрослых опрошенных и 18 % несовершеннолетних, о группах / сообществах, пропагандирующих насилие, 10 % и 11 %, терроризм – 9 % и 6 %.

Согласно полученным нами данным 71 % опрошенных экспертов убеждены, что основные причины интереса подростков к подобным темам (смерть; самоубийство; насилие; терроризм), а также участие в таких группах / сообществах в социальных сетях кроется в отсутствии контроля со стороны родителей; 52 % экспертов уверены, что основные причины следует искать в наличии психологических проблем у подростков (депрессия и т. д.); 39 % и 38 % респондентов указали на конфликты со сверстниками, буллинг / травлю, пропаганду насилия в средствах массовой информации; 32 % и 31 % уверены, что причины подобных интересов лежат в отсутствии контроля со стороны правоохранительных органов и в общем высоком уровне жестокости в современном обществе; 29 % экспертов отметили

отсутствие контроля за несовершеннолетними со стороны школы; 24 % и 18 % указали на доступность, отсутствие запрета подобных групп в социальных сетях и желание найти людей со схожими проблемами.

Согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ, основные причины интереса к подобным группам / сообществам находятся за пределами онлайн-среды – психологические проблемы самих несовершеннолетних (49 % среди лиц 14–17 лет, 33 % среди опрошенных лиц возрастной категории от 18 лет и старше); отсутствие контроля со стороны родителей отметили 29 % и 38 % соответственно; конфликты со сверстниками 31 % и 24 % соответственно.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что 79 % опрошенных экспертов убеждены, что участие несовершеннолетних в подобных группах / сообществах является следствием проблем подростков в реальной жизни, 15 % усмотрели, что участие в таких группах / сообществах является причиной проблем подростков в реальной жизни, и 6 % экспертов затруднились ответить на данный вопрос. При этом участие в подобных группах / сообществах рассматривают как следствие проблем подростков в реальной жизни 53 % респондентов старше 18 лет и 60 % лиц возрастной группы 14–17 лет.

Итак, исходя из результатов проведенных нами исследований, а также сопоставительного анализа полученных данных и проведенного исследования ВЦИОМ (2019 г.), можно прийти к следующим умозаключениям:

- ▶ социальные сети оказывают негативное влияние на несовершеннолетних. В этом убеждены эксперты, а также лица возрастной категории от 18 лет и старше. Одновременно лицами несовершеннолетнего возраста (14–17 лет) негативное влияние социальных сетей не усматривается. Такая полярность точек зрения объясняется тем, что несовершеннолетние, в силу своих возрастных, психологических особенностей не способны в полном объеме оценить степень оказываемого негативного влияния, опасности, исходящей от информации в онлайн-социальной среде, в онлайн-пространстве, в частности, в социальных сетях;
- ▶ значительное количество граждан современной России проводит в онлайн-социальной среде, в онлайн-пространстве существенную часть своего времени;
- ▶ основные причины возникновения интереса несовершеннолетних к темам «смерть, самоубийство», «насилие, терроризм», участия

в подобных группах / сообществах в социальных сетях кроются в отсутствии контроля со стороны родителей, в психологических проблемах самих несовершеннолетних. Следовательно, основная роль в процессе становления, формирования, воспитания лиц несовершеннолетнего возраста, а также контрольно-надзорная функция (в том числе по предотвращению трагедий в учебных учреждениях) отводится именно семье.

ЛИТЕРАТУРА

Подросток в социальной сети : норма жизни – или сигнал опасности? URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587>.

Т. Н. Зайцева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

candyaunt69@mail.ru

ПРОФЕССИЯ ДОКУМЕНТОВЕД В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (из опыта подготовки бакалавров в МГЛУ)

Ключевые слова: документ, управление документами, информационные ресурсы, документовед.

Key words: document, document management, information resources, document specialist.

Сегодня цифровизация экономики – одно из приоритетных направлений развития Российской Федерации. Внедрение цифровых технологий определяет развитие экономики и общества и существенно меняет положение человека в информационно-коммуникационной среде [Паспорт 2018, URL]. Появление цифровых технологий нового поколения (искусственного интеллекта, робототехники, Интернета и др.) требует от специалистов новых навыков и компетенций, готовности использовать новые технологии в профессиональной деятельности.

Отсюда и задача образования – формирование образовательных программ, отвечающих глобальным трендам, подготовка специалистов,

имеющих глубокие знания в своей области и в смежных сферах, в совершенстве владеющих «мягкими навыками (soft skills) коммуникаций, командной работы, эмоционального интеллекта, критического мышления, креативности и готовности к инновациям» [РАЭК 2017, URL].

Это относится и к специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления». Специальность «Документоведение и документационное обеспечение управления» была открыта в МГЛУ в 2011 г. Конкуренция между вузами, готовящими документоведов, достаточно высока и заставляет быстро реагировать на изменения потребностей в персонале и требования к специалистам, запросы рынка труда.

Профессиональные компетенции будущий документовед приобретает в процессе изучения дисциплин профессионального цикла. Можно выделить такие дисциплины, как «Архивоведение», «Электронные архивы», «Стандартизация ДОУ и архивного дела», «Организация и технология документационного обеспечения управления».

Классическая служба документационного обеспечения управления – это структурное подразделение, включающее известные отделы: экспедицию, архив, отдел контроля исполнения, отдел обработки документов и т. д. Цифровые технологии приводят к трансформации устоявшейся структуры.

От будущих документоведов требуется владение не только базовыми навыками пользования компьютером и Интернетом, связанными с простой цифровой грамотностью, но и владение относящимися к владению цифровыми технологиями продвинутыми цифровыми навыками. В процессе изучения таких дисциплин, как «Информационная безопасность и защита информации», «Информационные технологии в документационном обеспечении управления и архивном деле», «Информатика», «Системы электронного документооборота» студенты приобретают так называемые продвинутые навыки, поддерживающие работу цифровой среды и являющиеся частью трудовых функций специалиста. В связи с тем, что информационные технологии получили распространение в управлении документами, цифровые навыки будущих документоведов становятся критически важными.

На динамично развивающемся рынке труда востребованы специалисты, выполняющие не техническую формализованную повторяющуюся работу с документами, а решающие высокоуровневые задачи – управление людьми, коллективом с целью управления политикой в отношении

документооборота и делопроизводства в организациях. Среди значимых выделяют базовые коммуникативные навыки, которые помогают развивать отношения с людьми; навыки решения проблем; умение работать в команде; навыки разрешения конфликтов, эффективного поведения в критических ситуациях при общении с окружающими; креативность, искусство ведения переговоров; самоорганизация, тайм-менеджмент, ответственность, этикет и хорошие манеры, учтивость, чувство собственного достоинства, общительность, честность, сочувствие, рабочая этика, проект-менеджмент, бизнес-менеджмент. И это только некоторые из них. Программы дисциплин «Психология общения и межкультурная коммуникация», «Дипломатический и деловой этикет» ориентированы на освоение обучающимися «мягких навыков», необходимых для успешной карьеры и в растущей конкуренции за рабочие места.

На российском рынке труда отмечается рост спроса на специалистов, владеющих не только технологией работы с документами, но и понимающих основы кибербезопасности, разбирающихся в основах права, причем основными требованиями к документоведом являются знания в области управления документами, отличающие их от юристов. Например, проблема долговременного хранения документов сейчас в полной мере осознается российскими компаниями. Для ее решения необходимы знания как в области управления бумажным архивом документов, так и в сфере обеспечения юридически значимого хранения электронных документов с соблюдением процедур архивного делопроизводства. Не хватает практики организации хранения электронных документов, отсутствует необходимая законодательная и четкая нормативная база. Сегодня эти задачи приходится решать документоведам, и потребность в таких кадрах на рынке труда высока.

В системе подготовки высококвалифицированных специалистов в МГЛУ большое внимание уделяется изучению двух иностранных языков, владение которыми является важным конкурентным преимуществом наших выпускников и ключевым фактором их карьерного успеха.

Большую роль играет умение использовать профессионально ориентированные знания. Средний срок адаптации выпускника на рабочем месте составляет от полугода до 1 года [РАЭК 2017, URL]. В связи с этим хочется отметить роль учебной и производственной практики. В МГЛУ большое значение имеют партнерские соглашения с организациями, в которых студенты могут погрузиться в профессионально ориентированную документационно-информационную среду. Например, на 2 курсе студенты проходят

практику в архивах, на 3–4 курсах – в структурных подразделениях крупных организаций, компаний и органов государственной власти.

Трансформируется само понятие профессии «документовед», поскольку компетенции, знания, умения, которыми должен обладать сегодня документовед, получивший подготовку по специальности, перестают быть статичными, они модернизируются вслед за информационно-технологическими и организационно-методическими изменениями. В такой ситуации вузы, готовящие специалистов в области управления документацией, должны взаимодействовать с работодателями, активно привлекать их к преподаванию учебных дисциплин, создавать учебный контент, отвечающий требованиям изменяющегося рынка труда вслед за быстро меняющимися условиями деловой жизни в профессиональных сообществах.

ЛИТЕРАТУРА

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). URL : <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

РАЭК (2017). Экономика Рунета / Цифровая экономика России 2017. URL : http://raec.ru/upload/files/de-itogi_booklet.pdf (дата обращения: 08.05.2020).

И. М. Лагун¹, Л. П. Мухаммад²

¹(Тула, Россия)

Тульский государственный университет

imlagun@mail.ru

²(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

muhammadlp@yandex.ru

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ (начальный этап обучения)

Ключевые слова: довузовская подготовка иностранных граждан, лексический минимум, профессионально-ориентированная

языковая подготовка, модель обучения, интегрированное обучение.

Key words: pre-university training of foreign students, vocabulary, professionally oriented language training, training model, integrated learning.

Предмет данной работы – создание модели интегрированного обучения иностранных учащихся – будущих специалистов – на подготовительных факультетах (далее ПФ) российских вузов. Эти учащиеся обучаются на русском языке (далее РЯ) в условиях ПФ по программам, регламентированным отраслевым стандартом [Требования... 2014: 7]. Однако **проблема** заключается в том, что время обучения на каждый раздел постоянно сокращается из-за включения в учебный процесс новых материалов, а требования к уровню знаний и умений выпускников ПФ, предъявляемые отраслевым стандартом, весьма жесткие: иностранные учащиеся должны овладеть РЯ на уровне В1+, уметь обосновать свои действия по решению предложенных заданий по базовым дисциплинам на РЯ, а также выполнить предложенные задания с применением знаний из нескольких разделов учебной дисциплины (например, физики).

В наших предыдущих работах [Лагун, Кузьмина 2017: 63; Лагун, Хвалица 2018] делается следующее заключение: если каждая неязыковая дисциплина учебного плана моделируется (проектируется) к освоению автономно (без учета знаний, полученных при изучении других дисциплин), то выполнение требований отраслевого стандарта становится задачей практически невыполнимой. И даже при самых благоприятных условиях учащийся сталкивается с языковыми трудностями, связанными с профессионально ориентированной лексикой и практикой её применения в продуктивных видах речевой деятельности (РД). А без языка дальнейшее обучение иностранца на этом языке (РЯ) невозможно.

В связи с вышесказанным предлагается проектировать довузовское обучение, а также методические материалы к нему не как совокупность отдельных обязательных дисциплин, а как единый комплекс, в котором максимально задействованы междисциплинарные связи. В первую очередь мы предлагаем это сделать за счёт согласования программ профильных дисциплин и РЯ.

Представляется целесообразным выделить несколько этапов этой работы.

На первом этапе следует определить необходимый и достаточный лексический минимум, предназначенный для усвоения заданным контингентом. Наши предыдущие исследования показывают, что для инженерно-технического и технологического направления подготовки общий объем такого минимума составляет примерно 3,5 тысячи лексических единиц (ЛЕ), для естественно-научного – 4,5–5 тысяч. Но несмотря на внушительный объем, это, тем не менее, на 15 – 20 % меньше, чем сумма отдельных ЛЕ по всем профильным дисциплинам в рамках каждого направления подготовки. Такое уменьшение происходит за счет использования одних и тех же терминов, слов и выражений в областях знаний, составляющих базу вышеназванных направлений. К таким интегративным ЛЕ относятся, например, следующие термины: *зависимость* (как математический закон), *уравнение, процесс, реакция* (и как ответное действие в физике, и как химический процесс), *атом, молярная масса вещества* и т. п. Как видно из приведенных примеров, в общий объем лексического минимума, необходимого для детального понимания преподаваемой дисциплины, включены ЛЕ, представляющие как общенаучную лексику, так и специальную терминологию, имеющую идентичное значение в смежных отраслях знаний.

На втором этапе следует выявить трудности понимания ЛЕ в процессе учебного общения, проанализировать их и осуществить подготовку по преодолению данных трудностей. В первую очередь это относится к определению порядка предъявления ЛЕ, последовательности работы с ними, степени усвоения с учётом аудиторного дискурса: контекста, особенностей применения в определённой сфере общения, способностей и возможностей учащегося конкретной национальности. Научные и технические учебные аутентичные тексты – это, в основном, тексты-описания, тексты-повествования, тексты-предписания и тексты-рассуждения, содержащие информацию об изучаемом объекте, его изменениях, интерпретации «положения вещей» и т. д. Рассмотрим особенности этих текстов на примере повествовательного типа. Так, к повествовательному типу относятся описания процессов, реакций и т. п. Эти тексты включают информацию об условиях протекания процессов и, безусловно, содержат элементы рассуждения, например, формулы, выводы законов и т. д. Причем семантические модели этих текстов вербализованы синонимически-высказываниями.

С точки зрения вербализаций для отработки особенно актуальны:

- глаголы движения и изменения движения:

- а) общеупотребительные ЛЕ: *идет* (человек, реакция, процесс), *бежит, летит, движется, течет* (время), *протекает* (процесс), *поднимается, опускается, распространяется* (волна), *был брошен* (камень);
- б) узкие термины: *ускоряется, замедляется, сжимается, расширяется, растягивается* и т.д., имеющие высокую частотность применения в изучаемой области знаний;
- ▶ фиксация местоположения и изменения местоположения: *лежит, плавает, находится, расположили, поместили*, а также *сместили, переместили, заместили*, смысл которых изменяется в зависимости от приставки;
- ▶ количественная оценка и сравнительно-количественная оценка (*изменение, увеличение, убывание, рост, растяжение, удлинение; становится меньше, изменение на (2 кг, порядок), изменение по (направлению), изменение в (2 раза, знаке величины)*), а также термины, употребляемые в определениях и формулировках законов: *убыль* (потенциальной энергии), *приращение* (внутренней энергии) и т. п.).

К третьему этапу следует отнести согласование временных интервалов языковой работы в рамках различных учебных дисциплин определённого направления подготовки, с одной стороны, чтобы избежать неоправданного дублирования, с другой – организовать педагогически продуманное повторение. Повторение также целесообразно организовать комплексно: в рамках трёх и более учебных дисциплин (например, русский язык – химия – физика и т. п.). В этом случае лексический запас иностранного учащегося становится активным, а знания – более прочными, что позволяет говорить о сформированной пресуппозиции.

Предлагаемая интегративная модель формирования у будущих иностранных специалистов профессионально ориентированной коммуникативной компетенции, включающей соответствующие знания и умения, повышает качество их подготовки к поступлению в российский вуз с обучением на РЯ.

ЛИТЕРАТУРА

Лагун И. М., Кузьмина Е. Н. Оценка проектного уровня предметных компетенций на довузовском этапе обучения // Международное образование и сотрудничество: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Профессионально направленное обучение русскому языку

иностранных граждан», 1–2 ноября 2017 г. : в 3 т. Т. 3. М. : Изд-во МАДИ, 2017. С. 60–63.

Лагун И. М., Хвалица Е. А. Формирование языковых компетенций при обучении естественнонаучным дисциплинам на неродном языке // Материалы III Международной научно-практической конференции «Преподавание естественнонаучных и гуманитарных дисциплин на русском языке в иноязычной аудитории». М. : Изд-во МГУ, 2018. С.124–126.

Мухаммад А. П. Реализация принципов антропологической лингводидактики при изучении естественнонаучных дисциплин на русском языке // Вестник Тульского государственного университета. Серия Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2019. №1 (18). С. 103–108.

Требования к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке // Приложение к Приказу Министерства образования и науки РФ от 3.10.2014 г., №1304. 7 с.

Х. А. О. Обид¹, Х. И. А. Мухаммад²

¹(Багдад, Ирак – Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
haider.ali.84@mail.ru

²(Москва, Россия)

Автономная некоммерческая организация «Радость детства»
khalidrus@mail.ru

ТРУДНОСТИ РАБОТЫ НАЧИНАЮЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: переводчик, межкультурная коммуникация, русский и арабский языки, производственная сфера общения, дискурс инструктивного характера.

Key words: translator, intercultural communication, Russian and Arabic languages, production sphere of communication, instructive discourse.

Наша работа посвящена специфике формирования языковой личности (далее – ЯЛ) арабского переводчика, готовящегося к работе в условиях

межкультурной коммуникации, в частности в российской энергетической компании, обеспечивающей обслуживание иракских электростанций.

Проблематика данной работы состоит в том, что ошибки арабского переводчика при понимании российского производственного дискурса (а особенно дискурса инструктивного характера) могут привести к аварии, к поломке и даже к трагедии. Поэтому очень важно, чтобы в коммуникации тот, кто инструктирует, и тот, кто должен выполнить действия по инструкции, понимали друг друга. Особенно это важно для межкультурной коммуникации, когда инструкция даётся на одном языке, а выполняющий её специалист – носитель другой культуры и языка. В этом случае в целях адекватного понимания инструкции большую роль играет переводчик. Однако для точного перевода, чего требует инструкция, арабскому переводчику не всегда хватает образования, которое даёт ему вуз. Так, наш личный опыт показывает, что при традиционном обучении переводчику (даже при сильной мотивированности) нужна послевузовская стажировка, как минимум, три месяца. В противном случае издержки современного образовательного процесса могут компенсировать инновационные программы обучения, опирающиеся на специальные научные исследования, а также организация вузом практик на базе обновлённых программ. Таким образом, **актуальность** нашей работы состоит в исследованиях, обеспечивающих учебный процесс переводчиков требуемыми, профессионально ориентированными, разработками.

Цель исследования – изучить самый сложный с точки зрения межкультурной коммуникации русскоязычный *текст / дискурс инструктивного характера*. Особенно он сложен с позиции носителя арабского языка, по своей структуре весьма далёкого от русского языка (РЯ) и культуры изложения русской речи. Исследование обозначенного типа дискурса и внедрение результатов этого исследования может, по нашему мнению, избежать многих трудностей перевода в производственной сфере.

Таким образом, **объект** данного исследования – это межкультурная коммуникация в производственной сфере общения, а **предмет** – профессионально ориентированные учебные действия будущего переводчика, воспринимающего и порождающего производственный дискурс инструктивного характера.

Материал исследования – производственный дискурс инструктивного характера, развёртывающийся в процессе межкультурной коммуникации иракцев и россиян, в частности, арабского переводчика, являющегося связующим звеном между специалистами – носителями русского и арабского языков.

Для того чтобы лучше понять предмет нашего исследования, представим некоторые определения, на которые мы опираемся. Так, по определению Л. П. Васюхно, текст-дискурс инструктивного характера – это документ, состоящий из двух базовых частей: 1) в первой части подробно описывается техническое устройство объекта; 2) во второй – приводятся правила его эксплуатации [Васюхно 1996]. Обе части требуют пристального внимания. В том смысле, что во время работы с ними необходимо точно соблюдать всё, что написано в инструкции. Используя термин текст-дискурс, мы, в частности, опираемся на позицию Н. Д. Арутюновой, определяющей дискурс через текст: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими... факторами» [Арутюнова 1998: 136] (ср. также [Мухаммад 2006]). Однако вслед за Л. П. Мухаммад мы считаем, что при дифференциации явлений *текст* и *дискурс* необходимо учитывать и другие различительные признаки этих феноменов, например, наличие жёсткой структуры и фиксированности у текста и слабую выраженность этих признаков у дискурса как спонтанно образуемого речевого произведения [Мухаммад 2014]. Именно такое понимание рассматриваемых феноменов позволяет нам разграничивать текст-инструкцию в её письменной форме (здесь предельно жёсткая структура) и дискурс инструктивного характера, в наиболее свободной форме проявляющий себя в устной коммуникации.

В данной статье мы не будем касаться структуры текстов-инструкций. Данная структура в науке изучена и описана [Васюхно 1996]. Мы хотим рассмотреть те моменты дискурса инструктивного характера, которые часто вызывают серьезные проблемы непонимания в общении (коммуникации) российских и иракских специалистов. К таким проблемным моментам относится употребление вторичных наименований (лексических единиц метафорического происхождения) некоторых фрагментов производственного дискурса, по-разному идентифицируемых носителями российской и иракской этнокультуры.

Часто случается, что при изложении инструкции производители (россияне) используют так называемые разговорные термины, слова, которые, как правило, используются в производственном дискурсе среди техников или инженеров. Так, например, русские техники и рабочие для именования детали используют слово *усы* там, где арабы говорят *зубы*. Такая разница определяется разницей в видении, а следовательно, в языковой «картине мира» этих представителей двух разных этнокультур. Россиянам эта деталь напоминает *усы*, а иракцам – *зубы*. Другой пример – это *лопатки*

в русском языковом сознании и *перья* – в арабском. Третий пример связан с именованиями большого количества сцепленных труб. Русским инженерам эта конструкция напоминает *экран*, следовательно, они в коммуникации употребляют именно это слово. Иракские же специалисты называют этот объект – *стена*.

Безусловно, часто для лучшего понимания специалистам (и, конечно, переводчику) требуются иллюстрации, чертежи и схемы.

Следует подчеркнуть, что существует несколько определённых правил для корректного перевода инструкций. Во-первых, переводчику необходимо собрать все имеющиеся схемы и чертежи прибора или машины. Во-вторых, если есть возможность самому увидеть процесс сборки или эксплуатации, нужно ее использовать. В-третьих, необходимо понимать работу приборов. Однако, прежде всего, требуется знание особенностей и специфики национально детерминированных наименований.

Конечно, начинающему арабскому переводчику большую помощь оказывает *общение* с российскими рабочими, инженерами и техниками в неформальной обстановке. Из этого следует, что изучение особенностей реального межкультурного общения, дискурса инструктивного характера в этом общении зависит от психологических особенностей, состояния переводчика. Например, общительный экстраверт получит от общения намного больше информации, нежели замкнутый интроверт.

В заключение отметим, что переводчику необходимо разбираться во всём техническом процессе, понимать, как устроен прибор или машина. Для корректного перевода необходимо изучать не только тексты инструктивного характера, но и всю грамматику и лексику контактирующих языков, чтобы правильно осуществлять перевод, особенно в рамках дискурса инструктивного характера. Тем не менее, пристальное внимание к этнокультурно обусловленным названиям предметов и явлений окружающего мира (в том числе в устной форме спонтанного дискурса) позволит переводчику заранее предупредить все возможные ошибки.

Всё сказанное позволяет также заключить, что изучать производственный дискурс необходимо в том числе и для создания новых, инновационных, программ в рамках вузов, готовящих переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.

Васюхно А. П. Учёт катафорической функции падежной формы при обучении чтению студентов-нефилологов (начальный этап обучения). М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 1996. 265 с.

Мухаммад А. П. Моделирование дискурса в целях создания инновационных технологий обучения // Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 24–27.

Мухаммад Х. И. А. Прагматический компонент «взаимодействие» в аудиторном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 280 с.

А. Ю. Платко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

a.platko@linguanet.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ЗНАНИЯ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫ ВСЕМ

Ключевые слова: документ, управление документами, системы автоматизации документооборота, информационные ресурсы.

Key words: document, document management, document automation systems, information resources.

Национальная программа по развитию цифровой экономики [Паспорт 2018] неизбежно приводит общество к использованию информационных технологий в широких областях жизнедеятельности. Основными составляющими информационных технологий признаются два компонента – это технические средства и программное обеспечение (далее ПО). Непосредственное создание указанных элементов является задачей специалистов в области компьютерной техники и программирования, но вопросы эксплуатации ПО, наполняемости программных продуктов информационными ресурсами – это результат взаимодействия экономических агентов (государства, предприятий, домохозяйств). Информационные ресурсы полноформатно включаются в воспроизводственный процесс и, по сути, становятся его движущей силой. По оценке экспертов, информационные ресурсы формируют определенную часть национального богатства и обеспечивают экономическую мощь страны в целом [Шуремов 2017].

Важнейшую часть информационных ресурсов составляют документы и массивы документов, содержащиеся в информационных системах. Им

отводится наиболее значительная роль при администрировании, управлении, осуществлении юридически значимых действий. Качественная работа с документами на протяжении их полного жизненного цикла становится залогом успешного бизнеса, государственной ответственности, частного комфорта и т. д. В настоящее время на первое место в информационном обмене выходят электронные документы. Их создание, регистрация, маршрутизация, контроль и хранение осуществляется с помощью автоматизированных систем управления документами (далее АСУД) и систем управления базами данных (далее СУБД).

К системам наиболее распространенным и применяемым к настоящему моменту следует отнести следующие [Рекомендации ВНИИДАД 2003]:

1. Системы электронного документооборота (СЭД) или EDMS-системы (Electronic Document Management Systems), ориентированные на поддержание бизнес-процессов и обеспечивающие хранение и циркуляцию 2-D документов в их оригинальных форматах. Данные системы могут быть усилены системами управления потоками работ, так называемыми Workflow-системами, которые способны не только поддержать бизнес-процесс, но и обеспечить его организацию за счет создания и контроля поручений.

2. Системы управления корпоративным контентом, или ECM-системы (Enterprise Content Management), формирующие корпоративную инфраструктуру и решающие не узкоспециализированные задачи, а широкий спектр проектных установок по профилю каждой производственной единицы.

3. Системы управления содержимым (content management systems), позволяющие создавать, управлять, доставлять содержимое документов пользователю, вплоть до их отдельных разделов, а также обрабатывать разнородные объекты, предназначенные для компиляции и обмена информацией между приложениями и относящиеся к управлению Web-содержимым или Web-контентом HTML-страниц в интернет-пространстве.

4. Системы управления информацией (information management systems) или порталы, работающие с агрегированной информацией и осуществляющие ее передачу в сети Интернет, а также обеспечивающие доступ через стандартный Web-навигатор к ряду приложений электронной коммерции (обычно, через интерфейс ERP-систем).

5. Системы управления изображениями / образами (imaging systems), осуществляющие конвертацию как отсканированных бумажных документов,

так и микрофильмов в электронную форму для дальнейшего использования и хранения.

Знания в области работы с системами автоматизации документооборота до недавнего времени относились к профессиональной деятельности сотрудников служб документационного обеспечения управления, канцелярии, секретариата и т. п. Но к настоящему времени представленные платформы уже повсеместно применяются органами государственной власти, учреждениями, организациями, предприятиями, частными лицами, что становится основой формирования сферы электронного гражданского документооборота. И это обязывает экспертов в области документоведения проводить просветительскую работу с сотрудниками и специалистами всех организационных структур, чья деятельность сопряжена с подготовкой и обработкой документов, а также координацией документопотоков, с целью формирования должного уровня умений и навыков по работе с электронными документами в СЭД. Эти знания должны стать неотъемлемой частью общепрофессиональных компетенций при подготовке современного специалиста-профессионала.

Можно сконцентрироваться на ближайших перспективах развития данного сектора экономики. Они будут сводиться к масштабному применению мобильных приложений для АСУД и использованию распределенных технологий, таких как облачные, блокчейн и др. Особой функциональностью будут обладать операции, проводимые с использованием электронной подписи и персональных документов, например, удостоверения личности, оформленного в виде пластиковой карты с электронным носителем.

Проектные решения такого типа будут связаны с построением устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, которая позволит обеспечить высокоскоростную передачу данных, а также гибкую обработку и аутентичное хранение документов, доступные для всех организаций и домохозяйств.

В результате каждый член общества будет должен ориентироваться в правилах и процедурах работы с электронными документами.

Следует отметить, что Министерство науки и высшего образования РФ уже обратило внимание на необходимость, например, повышения экономической и финансовой грамотности населения, предложив ввести в качестве обязательной к освоению универсальной компетенции по развитию в области экономической культуры [Письмо 2020], но вопросы

компетентного знания в области работы АСУД пока остаются за пределами заинтересованности широких профессиональных и общественных кругов. Однако неизбежность наступления эпохи цифровой экономики в ближайшей перспективе приведет к осознанию проблемы, связанной с востребованным повышением информационно-технологической грамотности не только в среде работающей части населения, но и всех совершеннолетних дееспособных граждан нашего общества в целом.

Таким образом, освоение норм законодательного регулирования электронного документооборота, ознакомление с регламентами и методическими рекомендациями по осуществлению практических действий, в том числе совершению юридически значимых действий, посредством электронных документов можно считать необходимым условием для подготовки современных специалистов – профессионалов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16). URL : <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 02.05.2020).

Шуремов Е. А. Информационные ресурсы : классификация, источники, поставщики Коротко о главном. URL : <https://www.libfox.ru/656061-evgeniy-shuremov-informatsionnye-resursy-klassifikatsiya-istochniki-postavshchiki-korotko-o-glavnom.html> (дата обращения: 02.05.2020).

Рекомендации по выбору автоматизированных систем документационного обеспечения управления в организациях. М. : ВНИИДАД, 2003. 85 с.

Письмо Минобрнауки России от 22.04.2020 № МН-3/1000 «О формировании универсальной компетенции (распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р)».

Г. В. Прутько, Ю. П. Кошелева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
gerda.medea@gmail.com, yu.p.kosheleva@gmail.com

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ- ПСИХОЛОГОВ СРЕДСТВАМИ ОНЛАЙН-КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ПРОФЕССИЮ»

Ключевые слова: профессиональное самоопределение студентов, первокурсники, профессиональные основы психологии, введение в профессию, онлайн-курс.

Key words: professional identity of students, freshmen, professional basics of psychology, introduction to the profession, on-line course.

При поступлении на первый курс перед многими студентами встает актуальный вопрос: что значит осознавать себя психологом? Преподаватели задаются вопросом о содержании необходимых навыков, которыми следует вооружить студентов, чтобы они мыслили как психологи [Любимова 2001]. Сложный и многокомпонентный процесс становления будущих специалистов в ходе обучения в вузе носит противоречивый характер, обнаруживая у первокурсников трудности когнитивного, самооценочного, житейского компонентов и отдельно компонента практического опыта [Лисова 2006]. Преподаватели, в свою очередь, могут не учитывать неподготовленность еще вчерашних школьников к восприятию научной психологической информации [Кринчик 2005].

Традиционное понимание атрибутов выпускника соотносится с навыками, знаниями и умениями в рамках компетентностного подхода, но современное время вынуждает выходить за рамки образования, ядро которого формирует университетская программа, и направлять свое внимание на качества, которые могут развиваться во времени и готовить будущих выпускников как активных агентов для общественной жизни. Таким же образом актуализируется вопрос адаптивного перехода первокурсников с образовательной системы школы к системе университета, их академическая и социальная интеграция. Вводный курс в профессию является одним из

самых важных в учебном плане первого года обучения, поскольку позволяет научиться учиться в университете и делать это хорошо.

Нами предложено создание учебного онлайн-курса в рамках предмета «Введение в профессию», который позволит сформировать профессиональное самосознание психологов-первокурсников. Множество вариантов содержания и структуры профессионального самосознания обусловлено разнообразием взглядов исследователей на сущность, структуру и динамику данного процесса, некоторые из которых отражены в работах С. В. Васьковской, А. К. Марковой, Т. А. Мироновой, А. М. Митиной и других [Эннс 2012].

В курсе мы выделяем два модуля: содержание первого соответствует целенаправленному развитию основных обеспечивающих обучение навыков (поиск и работа с информацией, академические знания английского языка и фундаментальная академическая грамотность), а содержание второго – обучение навыкам командной работы, в том числе проектного типа, владение которыми может распространяться на другие учебные дисциплины из области психологии. Одновременно с прохождением онлайн-курса студентам будет предложено участие в ролевых играх и социально-психологических тренингах, мероприятиях-знакомствах с преподавателями. Не исключается также участие первокурсников в дистанционных психодиагностических исследованиях с целью отслеживания динамики адаптационных показателей и личностных характеристик на протяжении первого года обучения в вузе. Использование системного подхода позволит качественно изучить все образовательные возможности учебного онлайн-курса и его эффективность в отношении формирования профессионального самосознания студентов-психологов.

ЛИТЕРАТУРА

- Любимова Г. Ю.* «Внутренняя картина» процесса профессионального становления психологов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. № 4. С. 57–66.
- Лисова Е. Н.* Особенности профессионального становления студентов-психологов // Территория науки. 2006. № 1. С. 148–152.
- Кринчик Е. П.* К проблеме психологического сопровождения профессионального становления студентов-психологов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 2. С. 45–55.
- Эннс Е. А.* Понятие профессионального самосознания в психологической науке // Психологические науки : теория и практика : материалы I Международной

научной конференции (г. Москва, февраль 2012 г.). М. : Буки-Веди, 2012. С. 127–129. URL : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/33/1719/> (дата обращения: 10.05.2020).

И. Е. Реуцкая

(Москва, Россия)

ВНИИ МВД России

irinareutskaya@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ ФОРМАТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: профессионализм, цифровизация, профессиональные компетенции, персональный профиль компетенций, персональная траектория развития, психология.

Key words: professionalism, digitalization, professional competence, personal competence profile, personal development trajectory, psychology.

Современные условия развития общества, связанные с его цифровизацией, предъявляют новые требования к профессионализму в различных сферах деятельности. В отечественной психологии под профессионализмом понимают «степень усвоения профессиональных знаний, умений и навыков и их применение в соответствии с актуальными условиями и задачами профессиональной деятельности» [Мальцева 2020: 9]. В настоящее время наличие данных показателей профессионализма связывают с определенной степенью формирования тех или иных компетенций. Указанная дефиниция используется в Федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики» [Кадры для цифровой экономики, URL]. Одной из задач данного проекта является обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров.

В соответствии с указанной Программой развитие профессиональных компетенций должно быть реализовано в двух форматах: 1) персональный профиль компетенций; 2) персональная траектория развития.

Следует отметить, что последняя в настоящее время предполагает фиксацию в цифровом виде ступеней профессионализации человека, с момента получения им образования до завершения профессиональной карьеры. Персональную траекторию развития в соответствии с Паспортом

Федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» планируется использовать как резюме, подтверждающее данные с предыдущих мест трудовой деятельности. В то же время, если фиксацию этапов профессионального пути человека соотнести с его возрастом (то есть указывать, в каком возрасте он проходил тот или иной этап профессионализации), можно прогнозировать развитие его профессиональной карьеры. Это, в частности, позволит смягчить посредством применения психологических методов протекание кризисов профессионального развития личности (особенно кризиса середины жизни, в рамках которого может проявиться «кризис перспектив профессиональной карьеры» [Караваев 2005: 223]).

Формат «персональный профиль компетенций», складывающийся из объективных (фактически имеющихся у человека достижений, подтвержденных соответствующим образом, наличие сертификатов, дипломов и т. д.) и субъективных факторов (личного профессионального опыта, знаний, умений и навыков), несет в себе большой психологический потенциал профессионального развития человека. Последнее обусловлено тем, что человек сам, исходя из анализа собственной конкурентоспособности, сможет определять необходимые для него знания, умения, навыки, качества и выбирать пути их получения, развития или компенсации. То есть в соответствии с указанным форматом человек должен обладать способностью самооценки и самоанализа, причем не только внешних проявлений своей успешности или неуспешности, но и ее внутренних детерминантов – психологических качеств. Таким образом, для реализации формата «профессиональный профиль компетенций» немаловажное значение имеет аутопсихологическая компетентность личности, которая, с точки зрения А. А. Деркача, Л. А. Степновой, предполагает «овладение личностью комплексом знаний, умений и навыков в области самопознания, саморегуляции, саморазвития и самореализации» [Деркач 2003: 42]. Развитие указанных качеств может иметь как «стихийный характер» [Деркач 2003: 42] (в процессе жизни человек приобретает опыт самопознания), так и осуществляться в ходе специально организованной психологической подготовки. Осознанию работником своего профессионального потенциала также может способствовать внутренняя оценка его работодателем, результаты которой предполагается заносить в профиль компетенций человека [Паспорт Федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» 2019, URL].

В настоящее время появляются новые цифровые форматы развития профессиональных достижений человека, которые могут быть

использованы для дальнейшего профессионального развития личности с применением психологических методов.

ЛИТЕРАТУРА

Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики» // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/> (дата обращения 25.02.2020).

Паспорт Федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-kadryi-dlya-tsifrovoj-ekonomiki.pdf> (дата обращения 25.02.2020).

Деркач А. А., Степнова Л. А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих. М. : РАГС, 2003. 297с.

Караваяев А. Ф. Психолого-педагогические основы профессионального становления специалистов – сотрудников органов внутренних дел : методическое пособие. М. : ЦОКР МВД России, 2005. 332 с.

Мальцева Т. В., Реуцкая И. Е., Петров В. Е. Психологическое консультирование личности в процессе профессионализации: учебное пособие. М. : Инфра-М, 2020. 136 с.

С. Ю. Реуцкий

(Москва, Россия)

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Финуниверситет)
whozzz@yandex.ru

РОЛЬ БАНКА РОССИИ В ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: Банк России, банк, банковская деятельность, инвестиционная платформа, оператор инвестиционной платформы, биометрические персональные данные.

Key words: Central Bank of the Russian Federation, bank, banking activity, investment platform, the operator of an investment platform, biometric personal data.

Современный этап развития общества характеризуется появлением, становлением и развитием цифровой экономики, что обусловило

цифровизацию, в том числе и банковской сферы. Ведущая роль в реализации данного процесса отводится субъектам банковской деятельности. Это относится прежде всего к Банку России. Функции Банка России в рассматриваемой области носят публично-правовой характер.

Реализуя функцию по надзору за кредитными и некредитными финансовыми организациями, Банк России в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вправе вести реестр операторов инвестиционных платформ и расширять его путем внесения сведений о заявителе, осуществлять контроль за их деятельностью, направлять указанным лицам обязательные для исполнения предписания, издавать нормативные правовые акты, регулирующие деятельность операторов инвестиционных платформ.

Банк России имеет также широкие полномочия в области сбора персональных биометрических данных граждан. К указанным полномочиям относятся следующие:

1. Определять банки, имеющие право осуществлять сбор биометрических персональных данных клиентов – физических лиц и проводить их идентификацию (информация о таких банках должна обновляться на официальном сайте Центрального Банка РФ ежемесячно), а также принимать решение о запрете банкам проводить указанную идентификацию клиентов.

2. Осуществлять деятельность по контролю и надзору за тем, как банки размещают и обновляют данные, которые требуются для регистрации их клиентов в ЕСИА, а также за выполнением мер как технических, так и организационных, целью которых является обеспечение безопасности персональных данных клиентов при использовании единой биометрической системы на основании Указания Банка России от 17 октября 2018 года № 4933-У.

3. Ограничивать: 1) число счетов (вкладов), которые в целом могут быть открыты одному клиенту в разных банках; 2) сумму, на которую могут быть предоставлены кредиты одному клиенту конкретным банком; 3) сумму, которую вправе перевести в течение одного месяца банк по банковскому счету (вкладу) одного клиента.

4. Устанавливать состав, порядок, форму информации о счетах (вкладах), которые были открыты в ходе проведения процедуры дистанционной идентификации клиента. Данная информация предоставляется

кредитной организацией Банку России, если указанный клиент ограничен в количестве счетов (вкладов), которые он вправе иметь.

5. Устанавливать порядок, в соответствии с которым клиент банка оповещается: 1) о том, что ему не могут больше открываться счета (вклады) в каких-либо банках, поскольку он достиг предела их числа; 2) о денежной сумме, которую он получил в кредит в каждом банке, где его взял; 3) о сумме, которую он перевел за 1 месяц в каждом банке, где имеет банковские счета (вклады).

6. Получать от Ростелекома сведения: 1) о лицах, прошедших биометрическую идентификацию; 2) о банках, которым была предоставлена информация, указанная в подпункте 1 настоящего пункта.

7. Согласовывать (совместно с Ростелекомом) размер и порядок получения Ростелекомом платы за предоставление им банкам сведений, касающихся того, насколько сведения, представленные лицом (его биометрические персональные данные), совпадают с теми, которые имеются в единой биометрической системе (далее – ЕБС); размер и порядок указанной платы устанавливается Минкомсвязи России.

8. Определять (совместно с Ростелекомом) перечень угроз безопасности и их вредоносность, которые могут возникнуть при обработке, проверке и передаче биометрических персональных данных; согласовывать указанный перечень в ФСБ России.

9. Согласовывать требования Правительства Российской Федерации в отношении действий по размещению сведений необходимых в ЕСИА и по размещению биометрических персональных данных граждан РФ в единой информационной системе, объединяющей указанные данные; к проведению государственными органами и иными организациями, предусмотренными Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но не осуществляющим такую идентификацию в порядке, установленном Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

10. Осуществлять контроль и надзор за обеспечением банками мер безопасности персональных данных при использовании ЕБС.

11. Согласовывать с Минкомсвязи России формы подтверждения соответствия информационных технологий и технических средств, которые предназначены для обработки биометрических персональных данных

в рамках проведения мероприятий по идентификации банками и иными организациями, имеющими отношение к сфере финансового рынка.

Банк России наряду с кредитными организациями, обладающими правовым статусом банка, также наделен правом проводить идентификацию персональных биометрических данных клиентов.

И. Д. Романова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

id-vedenina@yandex.ru

ПЕРСУАЗИВНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ КАК ЗАЛОГ ПОСТРОЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО КОРПОРАТИВНОГО ИМИДЖА

Ключевые слова: воздействие, персуазивность, интернет-сайт, корпоративный имидж, позиционирование собственного «я».

Key words: communicative impact, persuasion, website, corporate image, self-representation.

На сегодняшний день успех любой профессиональной деятельности компании заключается в искусном позиционировании собственного «я», т. е. в создании положительного корпоративного имиджа в глазах адресата, что обеспечивает благоприятную атмосферу для достижения персуазивных целей. При позиционировании компании в выгодном свете следует отметить особую значимость интернет-сайтов, продвигающих собственную продукцию и предоставляющих услуги по бизнес-консультированию. Интернет-сайт является необходимым элементом существования и успешной деятельности практически любой компании, ее «лицом», а также рекламой. Несмотря на то, что, на первый взгляд, тексты интернет-сайтов носят только информативный характер, их основная функция персуазивная [Чернявская, Молодыхенко 2017: 153]. Интернет-сайт представляет компанию как элемент разных сфер общественной жизни, включая адресата в практику, позиционируемую компанией.

Детальное исследование интернет-сайтов британских и американских компаний показало, что для построения благоприятного корпоративного

имиджа применяются разноуровневые и разноструктурные средства персудазивного воздействия, основными из которых являются использование повтора, триплета, местоимения *we*, положительной оценочной лексики, а также применение рефрейминга.

Позиционирование компании как команды посредством использования местоимения *we* (его форм *our, us*) по отношению к «себе» устанавливает в сознании адресата желаемую компанией ассоциацию: компания – это группа профессионалов. Использование местоимения *we* также подчеркивает масштабность компании и позволяет выразить коллективное мнение, которое подсознательно воспринимается как более достоверное, нежели мнение одного человека.

We are a global management consulting firm that serves a broad mix of private, public and social sector institutions. We help our clients make significant and lasting improvements to their performance and realize their most important goals [Transform URL].

Употребление положительной оценочной лексики, отражающей профессионализм и компетентность компании, создает позитивный имидж «себя» в глазах адресата. Позиционирование компании в положительном свете также осуществляется посредством существительных, ассоциирующихся с добродетелью, успехом, счастьем, новыми открытиями, возможностями и развитием:

- (a) You'll also notice a high level of energy in the air, genuine friendliness, enthusiasm and optimism mixed with a sense of humour [Avon Products URL];
- (b) As a certified Enneagram teacher, she combines her deep understanding of business with outstanding emotional intelligence to provide high impact facilitation to leaders, leadership teams, and sales organizations negotiating the emotional terrain of business [Transform URL];
- (c) We employ proven methodologies and assessments to help businesses improve the way they do business [Transform URL].

Многократное использование повтора позиционируемых компаний ценностей позволяет адресату осознать приоритеты компании, что способствует формированию в его сознании определенного образа. Например, главным элементом построения корпоративного имиджа компании «Aveda» является ее забота о природе и, как результат, использование

органических материалов в составе своих косметических средств. В следующем фрагменте текста интернет-сайта данной компании можно наблюдать неоднократный повтор слова *organic*:

In keeping with Ayurvedic principles – and because of our concern for the Earth – Aveda is committed to using organic ingredients. This has led to another Ayurvedic partnership – between Aveda and the Indian firm, Nisarga. Nisarga – which means “nature” in Sanskrit – grows Ayurvedic herbs with organic agriculture. We have partnered with them to obtain organic turmeric and amla for use in some of our products including Invati™ Solutions for Thinning Hair [Aveda Corporation URL].

Для интернет-сайтов характерно использование триплета (приведение трех или четырех аргументов в пользу предмета коммуникации), наполненного положительно-оценочной лексикой, что является эффективным способом улучшить восприятие сказанного и сфокусировать внимание адресата на репрезентации предоставленной информации [Allison 2009; Darics 2018]:

Acting with courage, challenging the status quo and finding new ways to grow our company and each other [Nestlé Société Anonyme URL].

Позиционирование компании как помощника, чья деятельность ориентирована на внесение своего вклада в жизнь потенциального клиента и покупателя, реализуется глаголами соответствующего семантического ряда (*help, give, support, contribute* и т. д.), что продемонстрировано в следующем примере:

We employ proven methodologies and assessments to help businesses improve the way they do business [Transform URL].

Другим персуазивным средством воздействия, применяемым при построении текста интернет-сайта, является использование лексики, акцентирующей внимание на том, что данная компания может изменить жизнь адресата в лучшую сторону (*different, differ, differ, new* и т. д.):

Our activities and products should make a positive difference to society while contributing to Nestlé’s ongoing success [Nestlé Société Anonyme URL].

Следует также отметить применение рефрейминга, с помощью которого компания дает характеристику своей деятельности, желая создать определенный фрейм для позиционирования собственного «я»:

We are «the company for women» and are building on our strong heritage of empowering women [Avon Products URL].

В данном примере «Avon» отходит от стандартной характеристики «косметической компании» и позиционирует себя как «компанию, работающую для женщины», что сдвигает акцентную составляющую и подчеркивает ориентир на клиента.

Таким образом, проведенное исследование показало, что комплексное использование различных средств оказания персуазивного воздействия позволяет компании создать благоприятный корпоративный имидж для успешного ведения бизнес-практики.

ЛИТЕРАТУРА

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

Allison J., Townend J., Emmerson P. The Business Upper-Intermediate Teacher's Book. MacMillan, 2009. 138 p.

Aveda Corporation. URL : aveda.com (дата обращения 04.07.2020).

Avon Products. URL : www.avon.uk.com (дата обращения 04.07.2020).

Darics E., Koller V. Language in Business, Language at work. Macmillan Education. Palgrave, 2018. 343 p.

Nestlé Société Anonyme. URL : www.nestle.com (дата обращения 04.07.2020).

Transform, Inc. URL : transforminc.com (дата обращения 04.07.2020).

Н. Е. Рубцова

(Москва, Россия)

Российский новый университет

hope432810@yandex.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ АКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С МИРОМ

Ключевые слова: профессионал, профессиональная деятельность, психологическая классификация, субъектная активность.

Key words: professional, professional activity, psychological classification, subjective activity.

Взаимодействие человека с миром включает ряд основных форм субъектной активности, среди которых мы выделяем профессиональную самореализацию. В условиях новой реальности, порожденной стремительными изменениями различных граней отношения «человек – мир», важно систематизировать подходы к изучению активности профессионала, отражающие соответствующую феноменологию, в целях раскрытия ресурса профессиональных намерений, особенно актуального при тотальном мировом экономическом кризисе, росте безработицы и уменьшении трудовых вакансий во многих сферах и отраслях экономики.

С позиций психологии труда для решения проблемы систематизации активности профессионала в теоретическом плане перспективным представляется дискурс, основанный на интеграции двух психологических методологических подходов – метасистемного (А. В. Карпов) и субъектно-информационного (С. А. Леньков). Первый из них, помимо лежащего в его основе принципа метасистемности, позволяет использовать когерентные данному подходу достижения метакогнитивизма – одного из актуальных направлений развития психологического научного знания (см. [Карпов, Леньков 2003]); а второй, посредством центрального для него принципа субъектной обусловленности информации, дает возможность учета взаимодействия субъекта труда и информационной среды выполняемой им профессиональной деятельности [Леньков 2002]. Информационное взаимодействие объективно необходимо в силу наличия качественных трансформаций современного мира, включивших в себя появление цифрового пространства и связанных с ним специфических способов реализации профессионалом своей субъектной активности [Михайлова, Гефеле 2018].

Конкретной формой реализации предложенного интегративного подхода является построение психологической классификации профессиональной деятельности, учитывающей ключевые, наиболее важные психологические признаки, отражающие отношение профессионала с миром, специфицирующее наиболее общие, фундаментальные и универсальные отношения человека – такие как отношение «субъект – объект» по В. Н. Мясищеву или отношение «человек – мир» по С. А. Рубинштейну.

Профессиональный труд является специфической формой деятельности, изучаемой с позиций различных методологических подходов. Вместе с тем, для систематизации подобных подходов можно заметить, что любая активность профессионала во взаимодействии с миром может быть представлена с помощью трех функциональных отношений профессиональной

деятельности, выступающих в качестве ключевых критериев построения искомой классификации. Первое из этих отношений – между субъектом труда и метасубъектом совместного труда – позволяет вывести рассмотрение активности профессионала за рамки только и исключительно собственно трудового процесса, поскольку данное отношение выражает, по сути, включенность профессионала в диаду «субъект труда – онтологический метасубъект, обеспечивающий его труд». Другими словами, метасубъект труда не равен субъекту совместного труда, включая последнего в качестве лишь одной из составляющих, хотя и крайне важной. В итоге первый критерий систематизации позволил выделить ключевые психологические признаки, детерминирующие специфику разнообразных видов труда в аспекте данного отношения, к которым относятся управленческий, исполнительский и автономный характер профессиональной деятельности, определяющий соответствующие психические процессы, состояния и свойства.

Второе отношение – между деятельностью субъекта труда и метадеятельностью метасубъекта труда – определяет специфику организации и регуляции профессиональной деятельности, раскрываемую посредством психологических признаков, характеризующих выраженность, соответственно, текущего, оперативного и долговременного уровней такой организации и регуляции.

Анализ третьего отношения – между предметной средой труда и метапредметной средой совместного труда – позволяет, в первую очередь, выделить обобщенные базовые типы предметной среды труда, которые определяются по следующим критериям: типу объектов, с которыми совершается труд, и целью взаимодействия с этими объектами. Все объекты труда можно разделить на три обобщенных типа: объектные, субъектные и информационные. Цели трудовой деятельности можно разделить на материальное преобразование, информационное воздействие и познание. В итоге с помощью анализа соотношения между предметным и операциональным содержанием труда выделены ключевые психологические признаки, детерминирующие психологическую специфику видов профессиональной деятельности в аспекте рассматриваемого отношения. Эти признаки включают выраженность трех качественно разнородных типов операционального состава профессиональной деятельности, условно названных «чувственным», «межсубъектным» и «информационным». При этом во многих видах современной профессиональной деятельности данные типы в определенной степени представлены одновременно.

Для полноты отражения всего операционального содержания профессиональной деятельности понадобилось ввести в рассмотрение еще один тип, который, соответственно, целесообразно назвать интегральным. Примером подобных видов труда может служить современная профессиональная деятельность преподавателя компьютерных технологий, психологические особенности которой подробно описаны в монографии [Рубцова 2002: 56]. В ситуации неопределенности вынужденного повсеместного дистанционного обучения «интегральный» тип фактически значимо представлен в деятельности любого педагога, когда он одновременно реализует цифровые навыки в использовании электронных устройств, технологии тьюторского сопровождения, цифровую коммуникативную компетентность, современные умения обработки больших массивов данных и т. д. Другими словами, в отличие от классического педагога XX в., в XXI в. педагог-профессионал должен не только знать содержание преподаваемой дисциплины, но и обладать множеством дополнительных функциональных, технологических знаний и умений, статус которых принципиально изменился: из вспомогательных они превратились в необходимые.

Для дальнейшей систематизации подходов к изучению активности субъекта труда выполнена операционализация ключевых признаков, определяющих психологическое содержание деятельности профессионала. Разработана методическая процедура психологической классификации такой деятельности по типу латинского квадрата. Проанализированы возможности ее прикладного применения в качестве ресурса активности будущего профессионала во взаимодействии с миром на этапе профессионального самоопределения. Сформулированы рекомендации, направленные на преодоление ряда негативных тенденций, имеющих место в сферах профориентации и профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Карпов А. В., Леньков С. А.* Профессиональная деятельность информационного характера : новый тип субъект-объектной организации // Ярославский психологический вестник, 2003. №10. С. 9–16.
- Леньков С. А.* Методика определения информационно-психологических параметров трудового поста экономиста. Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 2002. 40 с.
- Михайлова Е. Е., Гефеле О. Ф.* Технологии и риски информационного общества : учебное пособие. Тверь : ТвГТУ, 2018. 88 с.

Рубцова Н. Е. Психологические особенности профессиональной деятельности преподавателя компьютерных технологий : монография. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. 96 с.

В. И. Селиверстов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

ОБ ОПЫТЕ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕФОРМЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Ключевые слова: научные исследования, научно-образовательный центр, реформа, уголовно-исполнительная система.

Key words: scientific research, scientific and educational centre, reform, penal correction system.

1. Использование потенциала академических институтов и университетов предусмотрено в проекте готовящейся в настоящее время новой концепции исполнения уголовных наказаний до 2030 года. Данные концептуальные положения имеют большое значение, так как позволяют объединить усилия гражданской (академической) и унифицированной (ведомственной) науки в исследовании злободневных проблем деятельности колоний, тюрем, дисбатов и казематов в современный период функционирования государства.

2. В Российской Федерации имеется опыт взаимодействия академической (гражданской) и ведомственной (унифицированной) науки в исследованиях проблем исполнения уголовных наказаний. Одним из ярких примеров является подвижнический труд ученых Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета по разработке проблем пенитенциарного законодательства, искоренению повторной преступности как явления, достижению оптимальности исполнения уголовной кары, не связанной с лишением свободы, и других аспектов. На этом пути томские ученые активно взаимодействуют с НИИ ФСИН России и Кузбасским институтом ФСИН России. Осуществляется такое взаимодействие и между

учеными Юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева и Самарского юридического института ФСИН России.

3. В 2015 году в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (далее – МГУ) был открыт Научно-образовательный центр «Проблемы уголовно-исполнительного права» (далее – НОЦ). Научным руководителем НОЦа был назначен автор данной статьи. В 2017 году НОЦу было присвоено имя известного ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Героя Советского Союза Ю. М. Ткачевского, проработавшего в МГУ более 60 лет. С момента своего образования перед сотрудниками НОЦа была поставлена задача проведения (при взаимодействии с ведомственной наукой) наиболее актуальных исследований уголовно-исполнительной проблематики, что явилось бы реализацией положений указанного выше концептуального документа.

4. В 2016 году сотрудники НОЦа проанализировали регламенты исполнения уголовных наказаний и подготовили идеальный образец Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ. Для этого НОЦ совместно с Фондом поддержки социальных инноваций Олега Дерипаски «Вольное Дело» (далее – Фонд «Вольное Дело») провел подготовительную работу по обоснованию и выдвижению на конкурс грантов высшего должностного лица проекта «Пенитенциарный кодекс гражданского общества». После получения гранта был создан научный коллектив, который на базе МГУ подготовил и в 2017 году опубликовал идеальный образец Общей части УИК РФ.

5. Очередной научно-исследовательской работой, реализованной в 2017–2018 годах в рамках НОЦ, была идеальная модель отбывания лишения свободы осужденными за совершение экономических и / или должностных преступлений с учетом их социально-демографических и криминологических особенностей. Указанный проект был осуществлен авторским коллективом ученых на средства Фонда «Вольное Дело» при организационном содействии Фонда развития юридического образования. Результаты исследования были обсуждены на Конгрессе российских специалистов уголовного права (2018, МГУ) и в 2019 году опубликованы в виде отдельного издания.

6. В феврале 2020 г. НОЦ завершил работу по анализу проблемы социальной адаптации (ресоциализации) осужденных, освобождаемых

или освобожденных из мест лишения свободы. Указанная научно-исследовательская работа была также осуществлена на средства пожертвования Фонда «Вольное Дело» при организационном содействии Фонда развития юридического образования. Результаты исследования были обсуждены 16 декабря 2019 г. на круглом столе в МГУ и в 2020 году опубликованы в отдельном издании.

7. В 2020–2021 гг. коллектив НОЦа будет обеспечивать научное сопровождение проведения девятой, специальной, переписи осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов (ПФРСИ). Кроме указанных выше фондов, в реализации данного проекта НОЦ будет тесно взаимодействовать с ведомственным НИИ ФСИН России. Это достаточно важный для юридической науки проект, поскольку он дает полную социально-демографическую, уголовно-правовую, криминологическую и уголовно-исполнительную характеристику личности осужденного, что послужит основой для дальнейших политических решений по реформе системы государственного уголовно-наказательного принуждения в России.

8. Каковы же условия осуществления успешной научно-исследовательской деятельности НОЦем, который не имеет штатной структуры и работает без финансирования со стороны МГУ?

Первое. Актуальная для науки и пенальной практики тематика проводимых научных исследований. Она формируется на основе инициативных предложений известных ученых в области уголовно-исполнительного права.

Второе. Успешный поиск структур социально-ответственного бизнеса, с помощью которых осуществляется материальная поддержка проводимых научных исследований.

Третье. Тесное взаимодействие академической (гражданской) и ведомственной (униформированной) науки в исследовании актуальных проблем. С академической (гражданской) стороны в процесс научных исследований включены ученые МГУ имени М. В. Ломоносова, Московского государственного лингвистического университета, Российского государственного университета правосудия, Национального исследовательского Томского государственного университета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Со стороны ведомственной (униформированной) науки – ученые Академии ФСИН России и НИИ ФСИН России.

Четвертое. Тесное взаимодействие с профильными органами власти имеющих структур, заинтересованных в получении результатов научно-исследовательских работ с помощью научного потенциала академических (гражданских) и ведомственных (униформированных) образовательных и научно-исследовательских организаций.

Пятое. Разработка программы исследования, включающая в себя предварительные алгоритмы научного исследования, гипотезы, способы и методы изучения тюремных правил.

Шестое. Подбор наиболее квалифицированных исполнителей проектов – ведущих научных сотрудников в соответствующих отраслях знаний.

9. Не претендуем на то, что данный опыт и результаты деятельности НОЦ МГУ могут быть востребованы и использованы при организации проведения научных исследований уголовно-исполнительной проблематики в других образовательных и научно-исследовательских организациях страны. Каждый идет своим путем. Кто-то проводит исследования и описывает в публикациях их ход и результаты. Кто-то вводит эти описания в определенные границы, часто не понимая, что мы все выросли на классическом юридическом русском языке. Разрушив его, мы перестанем понимать друг друга.

Е. В. Середа

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Evs.54@mail.ru

ДВУСТОРОННИЕ И МНОГОСТОРОННИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Ключевые слова: конвенция, экстрадиция, заключенные, подозреваемые, обвиняемые, осужденные.

Key words: convention, extradition, prisoner population, suspected, prisoners, sentenced persons.

1. Международные соглашения об экстрадиции заключенных могут быть двух видов: двусторонние и многосторонние. Последние

подписываются и ратифицируются несколькими государствами и приобретают вид конвенции, а двусторонние соглашения, заключаются двумя конкретными государствами и приобретают вид договора.

В настоящее время действует более восьмидесяти двусторонних договоров. Причем в них регулируются не только вопросы экстрадиции между этими государствами, но часто и другие, относящиеся к административным, гражданским, семейным и иным правоотношениям. Многие из этих двусторонних соглашений действуют еще со времен существования Советского Союза, но при этом остаются актуальными в связи с тем, что Российская Федерация является правопреемницей Советского Союза.

2. Особо необходимо выделить двусторонние договоры, заключенные между государствами, входящими в Содружество Независимых Государств. Несмотря на то, что Россию с этими странами объединяет общая история в прошлом, а также экономические, культурные и иные связи сегодня, регулирование вопросов экстрадиции заключенных остается на повестке дня.

Причем с учетом миграционных процессов в последние годы такие договоры становятся всё более актуальными. Характерно, что правительства этих государств в большей степени идут по пути заключения многосторонних договоров.

В Минской конвенции 1993 г. регулируются вопросы выявления и раскрытия преступлений с целью розыска подозреваемых в другой стране, а в Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (в рамках СНГ), принятой в Москве 6 марта 1998 года, – вопросы отбывания наказания с помощью применения инструментов экстрадиции между государствами, входящими в Содружество Независимых Государств.

3. Регулирование вопросов выдачи подозреваемых, обвиняемых и их розыска между государствами, не входящими в СНГ, происходит с помощью Европейской конвенции о выдаче 1957 г. Однако в ней вопросы экстрадиции таких лиц урегулированы не столь подробно, как в Минской.

Нормы процесса экстрадиции осужденных лиц на свою родину подробно закрепляются в двух конвенциях: принятой в Берлине 19 мая 1978 года, и в Конвенции, принятой в Страсбурге 21 марта 1983 года.

4. Все эти три конвенции имеют довольно много общих положений. Первое из них заключается в том, что передача лица возможна только в том случае, если осужденный является гражданином того государства, в которое он передается. Во всех трех конвенциях закреплено положение,

в соответствии с которым противоправное деяние должно считаться уголовным преступлением и в том государстве, в которое данное лицо передается, и в том, в котором он осужден.

Третье общее положение заключается в том, что передача осужденного для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, может быть реализована только после вступления приговора в законную силу.

5. В Конвенции, принятой в Берлине и являющейся Конвенцией ООН, содержится положение, имеющее значение для всех стран. Им устанавливается, что осужденный, переданный для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, не может быть вновь привлечен к уголовной ответственности за то же деяние, за которое он уже осужден в другом государстве.

А. С. Соколова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

alex8_s@mail.ru

ПОЛИВАРИАТИВНАЯ КАРЬЕРА КАК ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ

Ключевые слова: карьера, поливариативная карьера, содержание карьерного маршрута, самореализация, исследование карьеры.

Key words: career, multivariate career, career route content, self-realization, career study.

В настоящее время в значительной степени пересматриваются традиционные ракурсы понимания карьеры современного человека. Это, безусловно, связано с проявлением ряда социально-экономических факторов, которые значимо определили динамику развития рынка труда, скорректировали качественные и количественные характеристики ряда профессий. К таким социально-экономическим факторам в РФ можно отнести повышение пенсионного возраста, политику поддержки самозанятых граждан, малого бизнеса, постепенный переход в цифровую экономику и ряд других.

Существенные дополнения в понимании феномена карьеры связаны с заменой традиционного понимания карьеры. Во второй половине XX века сформировалось видение карьеры как последовательного (линейного) движения в должностной иерархии, путь от низших к более высоким должностям в организации, где можно спрогнозировать вполне определенные и последовательные стадии. Эти стадии были проявлены американским исследователем Д. Сьюпером, который также предложил их содержательную характеристику. Сьюпер выделил следующие стадии: роста, исследования, упрочения, стабилизации, спада карьеры [Super 1957]. Если вспомнить традиционный линейно-последовательный характер развития карьеры, то именно на стадии упрочения и стабилизации в большей степени проявляется эта линейно-последовательная динамика. Стадия упрочения начинается с 24-х лет, когда молодой человек завершает получение образования и начинает профессиональную деятельность. Предполагается, что молодой специалист прилагает значимые усилия для того, чтобы положительно зарекомендовать себя в трудовом коллективе, в профессиональном сообществе, что сопряжено с началом движения от низших позиций в организации к высшим. Этот этап продолжается до 44-45 лет, должностные позиции и профессионализм специалиста консолидируются и resultируют в завоевании определенного профессионального и должностного статуса. С 45 до 65 лет наступает этап поддержания статуса, когда работник старается сохранить достигнутое, еще более упрочить свое профессиональное и социальное положение. В этом периоде динамика несколько замедляется, однако в отдельных случаях возможны серьезные изменения должностных позиций в сегменте высокого уровня иерархии. В этих случаях перед работником также стоит задача сохранить достигнутые высокие должностные позиции на долгие годы.

Представленный сценарий ориентирован на достаточно универсальную модель, которая содержит значительную долю обобщения и идеализации. Однако в последнее время в психолого-педагогической литературе появился термин «поливариативная карьера», который представляет иное видение карьерного маршрута. Этот маршрут представляется как более сложный и динамичный, он может содержать взлеты и падения, возвраты на предшествующие уровни, неоднократные смены сфер профессиональной деятельности. Термин «поливариативная карьера» проявляет уникальность карьерного маршрута каждого: авторы данного термина Д. Холл и Ф. Марвис метафорически сравнивали уникальность

и неповторимость карьеры с неповторимостью отпечатков пальцев каждого человека [Hall, Marvis 1995].

Феномен поливариативной карьеры серьезно корректирует тезис: «одна жизнь – одна карьера», который позволял работнику успешно реализовывать карьеру на протяжении всего периода профессиональной деятельности на основе стабильного, малоизменяемого блока профессиональных знаний, умений и навыков. Поливариативная карьера развивает новое видение специфики должностного и профессионального продвижения специалиста, которое представляет профессиональную карьеру как динамическое прохождение многих карьерных циклов, состоящих, в свою очередь, из ряда мини-стадий профессионального становления и развития (вхождение – освоение – достижение мастерства – уход) и чередуется с краткими, но интенсивными периодами переобучения. Предполагается, что человек может приобретать и совершенствовать свои профессиональные умения и навыки в нескольких сферах деятельности. Чтобы осуществлять успешное профессиональное продвижение, необходимо обладать не только базовым набором профессиональных знаний, умений и навыков. Значимыми становятся метаумения: умение адаптироваться к динамично меняющимся условиям организационной сферы, умение эффективно самообучаться, умение эффективно коммуницировать, умение работать с информационными потоками и т. п.

Мы полагаем, что феномен поливариативной карьеры требует пристального внимания и дальнейшего изучения. Важным представляется то, что развитие поливариативной карьеры в большей степени базируется на личностных факторах, на динамике потребностно-мотивационной сферы личности, в ней хорошо просматривается ориентированность на идею субъективности профессиональной карьеры. Для специалиста, осуществляющего поливариативный карьерный маршрут, большую значение имеет субъективное осознание своей успешности, осознание своей самореализованности. Исследование профессиональной карьеры в аспекте её поливариативности поддерживает акмеологический подход к анализу общей проблематики, связанной с изучением карьеры современного специалиста [Соколова, Сергеева 2017].

ЛИТЕРАТУРА

Super D. E. The psychology of careers; an introduction to vocational development. New York : Harper, 1957. 362 p.

Hall D. T., Marvis P. H. The new career contact developing the whole person at midlife and beyond. *Journal of Vocational Behavior*, 1995. Vol. 35. P. 45–67.

Соколова А. С., Сергеева М. Г. Научные основы построения и развития профессиональной карьеры. Курск : Региональный финансово-экономический институт, 2017. 396 с.

М. В. Томская

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

scog@linguanet.ru

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА-СИНХРОНИСТА ПРИ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКЕ¹

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивная нагрузка, вербально-телесное поведение, полимодальность, затруднение.

Key words: simultaneous interpreting, cognitive load, verbal and co-verbal behavior, multimodality, difficulty.

Синхронный перевод представляется одним из самых сложных видов не только переводческой, но и в целом интеллектуальной деятельности, поскольку сопряжен с одновременным выполнением нескольких когнитивных операций, в том числе с аудиальным восприятием части текста на одном из рабочих языков, с его пониманием, затем с перекодировкой на другой рабочий язык, с воспроизведением на этом языке при синхронном восприятии следующей части текста на первом языке [Томская 2019: 219].

В некоторых работах сложности, сопровождающие синхронный перевод и связанные с необходимостью слушать и говорить одновременно, со скоростью речи оратора, с выбором соответствующих лексических единиц в условиях ограниченного контекста и дефицита времени, с речевой компрессией и т.д., обозначаются как «психофизиологический дискомфорт», «психическое напряжение», «психофизиологическое напряжение», «сложная лингвистическая задача» и др. Целесообразным и наиболее

¹ Исследование проводится в МГЛУ при поддержке РФ, проект № 19-18-00357.

приемлемым для данного исследования представляется использование (вместо этих понятий) термина «когнитивная нагрузка», хотя он также является достаточно спорным [Ирисханова и др. 2019].

Так называемая повышенная когнитивная нагрузка может сопровождаться наблюдаемыми вербальными: ошибки (лексические, грамматические, смысловые); оговорки, фальстарты и проч.) и невербальными: движения рук и головой (часто неконтролируемые), расширение зрачков и др.) реакциями, которые находятся в центре внимания нашего исследования.

Можно предположить, что количество и качество испытываемых вербальных реакций на трудности будет зависеть от уровня профессиональной подготовки переводчика, тогда как телесное поведение в экстремальных условиях синхронного перевода может и не находиться в такой корреляции. При этом невербальные реакции могут служить средством минимизации когнитивной нагрузки.

Анализ данных проводится по языковой группе «русский – английский», с учетом направления перевода (с L1 на L2, и наоборот) и уровня профессионализма (начинающий переводчик-синхронист – профессиональный (опытный) переводчик-синхронист). При этом в качестве испытуемых выступают только носители русского языка (L1). Стимульным материалом для перевода являются аудиозаписи научно-популярной лекции.

Полученные в ходе исследования видеозаписи каждого участника анализируются с точки зрения наличия затруднений при переводе, а также производства движений рук и головой. Особый интерес представляют симультанные модели (например, вербальные реакции на сложности, совпадающие с жестами).

Данный проект является продолжением исследований по изучению связи жестов и аспектуально-временных характеристик глагола на материале русского, немецкого и французского языков [Cienki, Iriskhanova 2018], которые проводились международной научной группой под руководством А. Ченки в 2014–2018 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьевна А. В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода : опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка / гл. ред. сер Н.Н. Болдырев. Вып. XXXVIII. Языки, культуры, модальности : интеграция методов когнитивных исследований языка : сборник научных трудов / отв. ред. вып.

В. З. Демьянков, О. К. Ирисханова. М. : ИЯ РАН; Тамбов : Издательский дом Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2019. С. 100–116.

Томская М. В. Полиmodalный аспект изучения речевого поведения переводчика-синхрониста при когнитивной нагрузке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 218–226.

Cienki, A., Iriskhanova, O. K. (eds.). Aspectuality across languages : Event construal in speech and gesture. Amsterdam : John Benjamins, 2018. 221 p.

В. Г. Тылец¹, Т. М. Краснянская²

¹(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
tyletsvalery@yandex.ru

²(Москва, Россия)

Московский гуманитарный университет
ktm8@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, преподаватель, иностранный язык, угроза безопасности, психология безопасности.

Key words: linguistic security, teacher, foreign language, security threat, security psychology.

Проблема лингвистической безопасности, одного из аспектов безопасности человека, обладая на сегодняшний день повышенной социокультурной актуальностью, уже вошла в поле исследовательских интересов психологии безопасности [Тылец, Краснянская 2015; Краснянская, Тылец 2019]. Их научные результаты, в частности, способствовали введению в научный оборот психологической трактовки лингвистической безопасности как феномена, интегрирующего предметно ориентированные проявления (проекции) психических структур (познавательных, ценностно-смысловых, эмоциональных, поведенческих), обеспечивающих переживание субъектом защищённости и непрерывно воспроизводящейся способности к развитию в условиях внешних и внутренних угроз

функционированию его ментальной и коммуникативной сферы [Тылец, Краснянская 2016; Краснянская, Тылец 2018]. Вместе с тем психологическая проблематика лингвистической безопасности всё ещё находится на стадии своего оформления, предполагающей уточнение и смысловое развитие ряда базовых и прикладных аспектов. В качестве одного из таких аспектов могут быть рассмотрены психологические вопросы лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка, поддающиеся анализу в плане разработки необходимого, достаточного и возможного для обеспечения психологической безопасности субъекта педагогической и, в целом, профессиональной деятельности.

Под лингвистической безопасностью преподавателя иностранного языка целесообразным представляется понимать единство защищённости его психики и неснижающейся способности к личностному развитию в педагогической деятельности в условиях действия внешних и внутренних угроз функционированию ментальной и коммуникативной сферы.

Одной из психологических проблем в рамках изучения лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка является уточнение спектра угроз функционированию его ментальной и коммуникативной сферы. По своему масштабу они могут дифференцироваться, в частности, на общесоциальные, профессионально специализированные и субъектные. Общесоциальные угрозы лингвистической безопасности, в нашем понимании, образуются трансляцией на социум избыточных по объёмам информационных массивов, характеризующихся некорректным фонологическим, лексическим и синтаксическим оформлением дискурсов, манипулированием их содержанием и смысловыми акцентами. Такие информационные массивы способствуют искажению на уровне социума лингвистического плана картины мира, снижению в обществе чуткости к фонологическим, лексическим, синтаксическим нарушениям и уровня нетерпимости к ним. Профессионально специализированные угрозы лингвистической безопасности преподавателя представлены ментальными и коммуникативными трудностями преодоления в рамках профессиональной педагогической деятельности некорректного фонологического, лексического и синтаксического изложения дискурсов со стороны обучающихся иностранным языкам. Действие данной группы угроз обладает потенциалом «расшатывания» иноязычной компетентности преподавателя, зарождению у него сомнений в своей лингвистической компетентности, реальному её падению. Субъектные угрозы лингвистической безопасности обнаруживаются

в виде психической, личностной и компетентностной неготовности преподавателя иностранных языков воспроизводить свою защищённость и способность к личностному развитию в профессии под давлением на ментальную и коммуникативную сферы, оформленные фонологически, лексически и синтаксически некорректно, обладающие манипулятивным и искажённым по смыслу содержанием. Обозначенные группы угроз лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка состоят во взаимосвязях, требующих детального эмпирического изучения. Необходимым в плане обеспечения лингвистической безопасности представляется преодоление всего комплекса обозначенных угроз, минимально достаточным, вероятно, группы субъектных угроз лингвистической безопасности рассматриваемого профессионала. Однако и первое, и второе должны рассматриваться с позиций возможного для различных типов субъектных и средовых ситуаций, также требующих своего уточнения.

К психологическим проблемам лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка относится также уточнение структурно-содержательных особенностей базового феномена. Обращаясь к этим проблемам, будем исходить из того, что лингвистическая безопасность не однородна по своей структуре, более того, является многосоставным и иерархически организованным образованием. Допускаем возможным выделение в ней, как минимум, трёх блоков, обозначаемых как когнитивный, ценностно-смысловой и коммуникативно-деятельностный. Когнитивный блок лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка связан с защищённостью текущего уровня и постоянным поддержанием потенциала к развитию его способности к восприятию, распознаванию, сохранению и преобразованию фонетического, лексического и грамматического материала на иностранном языке. Ценностно-смысловой блок лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка может отвечать за защищённость актуального уровня и непрерывное развитие способности субъекта к адекватному осмыслению и оценке материала на иностранном языке вне зависимости от вариативности его фонетического, лексического и грамматического оформления. Коммуникативно-деятельностный блок лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка нами определяется в качестве основы для поддержания им защищённости актуального состояния и неуклонное развитие во времени способности к использованию им иностранного языка для решения на этой основе профессиональных задач преподавания и поддержания

межкультурного взаимодействия. Каждый блок рассмотренной структуры требует эмпирического изучения и детального анализа в интересах выявления и оценки содержания, уровня, структуры, достаточного и необходимого для обеспечения оптимального уровня лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка.

Важной психологической проблемой лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка может также быть обозначен поиск, выработка и обоснование её критериев и маркёров. Предполагаем, что анализу в данном случае должны подвергаться не только внешние проявления иноязычной и преподавательской успешности, но и признаки психического благополучия представителей рассматриваемой профессиональной группы.

Мы тезисно обозначили лишь некоторые психологические проблемы лингвистической безопасности преподавателя иностранного языка, которые подлежат более углублённому, подкреплённому эмпирическими материалами рассмотрению.

ЛИТЕРАТУРА

- Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Психологический анализ социокультурных вызовов лингвистической безопасности личности // Всероссийская научно-практическая конференция Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация. 2018. № 6. С. 444–450.
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г.* Психологическая феноменология лингвистической безопасности в условиях социокультурных трансформаций // Высшее образование для XXI века : роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений XV Международная научная конференция : доклады и материалы ; в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2019. С. 345–350.
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М.* Теоретические аспекты разработки психологической концепции лингвистической безопасности личности // Прикладная психология и психоанализ. 2015. № 3. С. 4.
- Тылец В. Г., Краснянская Т. М.* Психологическое содержание модели лингвистической безопасности личности преподавателя вуза // Прикладная психология и психоанализ. 2016. № 4. С. 12.

К. А. Фролова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

frolova18k@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ключевые слова: профессиональная направленность личности, профессиональное самоопределение, педагогические условия.

Key words: professional self-determination, professional identity, vocational guidance.

Актуальность исследования профессиональной направленности личности обусловлена практическим запросом, который сформировался в условиях реформирования системы образования (появление множества различных форм и средств профессионального обучения, направлений профессиональной подготовки). Основной целью профессионального образования является подготовка квалифицированного, компетентного специалиста, обладающего конкурентным преимуществом, мотивированного к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Профессиональная направленность личности, как устойчивая мотивация к освоению профессии и готовность к решению профессиональных задач, лежит в основе профессионального самоопределения. Компонентами профессиональной направленности являются положительное отношение к определенной профессии, склонность и интерес к ней, стремление совершенствовать свою подготовку, удовлетворять духовные потребности, занимаясь деятельностью в соответствующей области, понимание и принятие целей и задач профессиональной деятельности. Выбор будущей профессии, как один из основных этапов профессионального самоопределения, происходит в старшем школьном возрасте. Выбор профессии осуществляется исходя из представлений человека о своих личностных характеристиках, предполагает формирование профессиональных намерений и выбор соответствующей сферы профессионального обучения.

Формирование профессиональной направленности у обучающихся высших учебных заведений способствует сохранению положительного отношения к избранной профессии, поддержанию интереса к будущей профессиональной деятельности, развитию соответствующих способностей. Одним из эффективных методов формирования профессиональной направленности обучающихся является организация учебной деятельности с учетом характеристик их будущей профессиональной деятельности.

В процессе обучения в вузе необходимо проводить работу с актуализацией положительного отношения к профессии, осознания ее ценности. Образ профессии обладает интенсивным мотивационным воздействием, его сформированность оказывает влияние на организацию обучающимся собственной деятельности в процессе обучения. В основе профессиональной направленности личности лежит осознание личностных особенностей и профессиональных качеств, необходимых для будущей профессиональной деятельности. Важна организация такой деятельности обучающихся, которая способствует самопознанию, сопоставлению собственных психологических характеристик с требованиями профессии. Необходимым фактором формирования профессиональной направленности обучающихся служит стимулирование их самостоятельности в решении проблемных ситуаций, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Кроме того, расширение системы знаний о профессии в процессе обучения способствует пониманию возможностей трудоустройства, перспектив карьерного роста. Особенно важно акцентировать внимание обучающихся на возможностях применения знаний, полученных в процессе обучения в будущей профессиональной деятельности.

В настоящее время наблюдается некая ограниченность научно обоснованных рекомендаций по созданию педагогических условий для реализации формирующих воздействий на профессиональную направленность обучающихся студентов на ранней стадии вузовского обучения. Отсутствие таких научно обоснованных рекомендаций проявляет неосознанность студентом-выпускником себя как профессионала и стихийный характер поиска сферы приложения своих знаний после окончания вуза, и, кроме того, затрудняет процесс становления профессиональной направленности на финальных этапах высшего образования в логике временной преемственности с начальным этапом обучения, что особенно остро проявляется на этапе вхождения в профессиональную деятельность.

И. В. Холиков

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

iv_kholik@mail.ru

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС НАД ВРАЧАМИ: УРОКИ ПРОШЛОГО И СВЯЗЬ С НАСТОЯЩИМ

Ключевые слова: массовые убийства, нацизм, медицинские эксперименты, преступления, процесс над врачами, медицинская этика, право.

Key words: mass murders, Nazism, medical experiments, crimes, doctors' trial, medical ethics, law.

Вовлеченность врачей в концептуализацию и непосредственное проведение в жизнь нацистских идей, связанных с массовыми убийствами некоторых категорий людей, остается одним из серьезных вопросов на стыке медицины, права и этики. К январю 1933 года более половины всего медицинского персонала Германии вступило в национал-социалистическую партию, при этом многие из них принимали непосредственное участие в убийствах евреев и цыган, а также инвалидов, психически больных и других «непригодных» для нацистского общества людей под лозунгом «очищения и оздоровления» нации и улучшения генофонда (Rassenhygiene – фашистская версия евгеники) [Kater 2000]. Это постепенно привело к дегуманизации целых сегментов общества и, как следствие, к обесцениванию жизни представителей этих сегментов, «медикализации» социальных и политических проблем и параллельной политизации медицинской деятельности, появлению у врачей страха за невыполнение указаний власти, на фоне полного пренебрежения нормами медицинской этики [Kholikov, Sazonova 2018], правами человека и другими нормами Международного права, в том числе обычного, которыми должен руководствоваться медицинский персонал [Холиков 2002]. Ряд нацистских врачей рассматривали государство как главного «пациента», воспринимая создание гетто; медицинские эксперименты и физическое уничтожение определенных групп людей как - «лечение», столь необходимое для поддержания здоровья этого пациента. Эти врачи считали себя «биологическими солдатами», но никак не целителями и спасателями.

Одной из ключевых программ по подобному «оздоровлению» государства стала нацистская государственная программа по эвтаназии, в рамках которой было уничтожено от 200 до 300 тысяч человек только в самой Германии и которая в дальнейшем нашла свое продолжение в концентрационных лагерях, параллельно с проведением совершенно чудовищных медицинских экспериментов [Lifton 1986].

Говоря о медицинских экспериментах, которые проводились на живых людях, необходимо отметить опыты по выживаемости в холодной воде и в условиях пониженного давления, исследования вакцины против сыпного тифа, изучения поражающих свойств иприта и фосгена, опыты с сульфаниламидом, а также эксперименты по стерилизации, с целью выработки эффективного и дешевого средства для последующей стерилизации миллионов людей.

Нюрнбергский процесс над врачами проходил с 25 октября 1946 года по 20 августа 1947 года и был первым из двенадцати последующих так называемых малых процессов над военными преступниками меньшего масштаба. В отличие от главного процесса, эти дела слушал не Международный трибунал, а американский военный трибунал в соответствии с правом каждого из союзников судить нацистских преступников в пределах своей оккупационной зоны, который, тем не менее, проходил в том же месте, поскольку Нюрнберг находился в американской зоне. В этой связи процесс официально назывался «США против Карла Брандта».

Перед судом предстали 23 обвиняемых (20 врачей, один юрист и два чиновника), одним из главных обвиняемых был рейхскомиссар здравоохранения и личный врач Гитлера К. Брандт. Всем подсудимым было предъявлено четыре обвинительных пункта:

- ▶ заговор по совершению военных преступлений и преступлений против человечности;
- ▶ участие в военных преступлениях;
- ▶ преступление против человечности;
- ▶ членство в преступных организациях.

Итогом стало вынесение семи смертных приговоров, пяти приговоров к пожизненному заключению и четырех к различным срокам тюремного заключения. Семеро обвиняемых были оправданы за недостатком улик, несмотря на очевидность совершенных ими преступлений [Schmidt 2004].

Одним из важнейших вопросов, на который так и не было найдено ответа, заключается в том, каким образом стало возможным столь

добровольное участие врачей Третьего рейха в массовых убийствах? Выступали ли они ярыми приверженцами нацистской идеологии расового превосходства или же являлись оппортунистами, как и многие представители других профессий германского общества, которые, вступая в ряды национал-социалистической партии, видели в этом возможности продвижения по карьерной лестнице?

По прошествии уже более семидесяти лет после Нюрнбергского процесса над врачами следует признать необходимость обсуждения его уроков в контексте современных реалий. Это пример того, к каким ужасным последствиям может привести пренебрежение врачами нормами этики и права в условиях доминирования идеологии тоталитарного государства. Данный процесс вновь напоминает о том, что врачи имеют особые обязанности по использованию своих знаний и навыков во благо человека, а также несут особую ответственность за действия, противоречащие медицинской этике и основанным на ней нормам права.

ЛИТЕРАТУРА

- Холиков И. В.* Международно-правовой статус военно-медицинского персонала (монография). М. : ГВКГ им. Н. Н. Бурденко, 2002. 160 с.
- Kater M. H.* Doctors Under Hitler. UNC : The University of North Carolina Press, 2000. 440 p.
- Kholikov I. V., Sazonova K. L.* The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic : Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. NY : Routledge, 2018. P. 38–51.
- Lifton R. J.* The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. NY: Basic Books, 1986. 561 p.
- Schmidt U.* Justice at Nuremberg : Leo Alexander and the Nazi doctors' trial. NY : Palgrave Macmillan, 2004. 386 p.

А. Н. Шевчук

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Российский университет транспорта

anatolij.shevchuk@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, потерпевший, защитник, представитель.

Key words: qualified legal assistance, victim, defender, representative.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (далее – УПК РФ) начат новый этап развития уголовно-процессуального права России [Собрание законодательства РФ 2001]. В его основе – принципы уголовного процесса, системе и содержанию которых уделено значительное внимание в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В свою очередь развитие права, в том числе в сфере уголовно-процессуальных отношений, характеризуется различными по своей природе системными тенденциями, которые направлены на достижение баланса прав, обязанностей, а также охраняемых законом интересов личности, общества и государства. Отмечаются усилия по обеспечению прав лиц, привлекаемых к ответственности; ряд норм приняты в интересах потерпевших от преступлений. Значительная часть нововведений направлена на реализацию принципов уголовного процесса, особенно в парадигме создания надлежащих гарантий прав и свобод, охраняемых законом интересов личности.

При этом многообразие правовых норм, систематическое обновление уголовно-процессуального законодательства, а также неоднородность следственной и судебной практики требуют высокой квалификации в сфере права для правильного понимания и применения имеющихся законоположений. Обладают ли участники уголовного процесса, отстаивающие личный интерес, должной юридической подготовкой и опытом

уголовно-процессуальной деятельности, особенно физические лица? Граждане, по известной причине, находятся в более затруднительной ситуации – им сложнее определиться с тем, к кому обратиться за юридической помощью, на какой её объём можно рассчитывать, достаточно ли будет средств для оплаты работы юриста. В настоящее время востребованность участниками уголовного процесса юридической помощи, её значение не вызывает сомнений. В том числе и с учётом социальных процессов в обществе, экономических трудностей.

Отрадно, что в Основном законе Российской Федерации – Конституция РФ (ст. 48) – закрепляется неотъемлемое право заинтересованных лиц на получение квалифицированной юридической помощи [Собрание законодательства РФ 2014]. Она в указанных в законодательстве случаях предоставляется бесплатно. Реализация рассматриваемого права обеспечивается рядом принципов. В частности, к ним следует отнести положения о равенстве прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ); равноправие и состязательность сторон в судопроизводстве (ст. 123 Конституции РФ; ст. 15 УПК РФ).

Нередко уголовное судопроизводство осуществляется в условиях процессуального противоборства. В его рамках рассматриваются права и охраняемые законом интересы лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и их процессуальных противников – потерпевших. Каждая из названных сторон крайне заинтересована в получении гарантированной государством квалифицированной юридической помощи. Обеспечивает ли государство в таком случае гарантии этого права?

Анализ правового положения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных), а также оправданных, показывает, что для них созданы процессуальные, административные, экономические гарантии данного права. Например, участие защитника (на стадиях досудебного производства – это адвокаты; на судебных стадиях – адвокаты и иные лица наряду с адвокатами при наличии ходатайства подсудимого, а при рассмотрении уголовного дела мировым судьей – «иные лица» могут выступать в уголовном деле в процессуальной роли защитника и вместо адвоката, разумеется, по ходатайству подсудимого (ст. 49 УПК РФ)) является обязательным, если обвиняемый не отказался от его услуг. В случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, участие защитника является обязательным, и отказ от его услуг не обязателен для дознавателя, следователя, судьи, ведущих

производство по уголовному делу. И, наконец, в случае, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ; Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 N 1240 (ред. от 21.05.2019) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу...» [Собрание законодательства РФ 2012]).

Исходя из приведенных норм Конституции РФ (ст.ст. 19, 123), УПК РФ (ст. 15), указанные возможности по получению услуг юриста-профессионала, в том числе за счет государства, должны предусматриваться и в отношении потерпевшего, особенно если потерпевшим выступает физическое лицо. На это указывается и в международных правовых актах.

Несмотря на отмеченные обстоятельства, надлежащие гарантии для получения потерпевшим квалифицированной юридической помощи, не созданы. Хотя нормы УПК РФ и указывают на приоритет защиты интересов потерпевших, так как именно о потерпевших в первую очередь упоминается в ст. 6 УПК РФ, где идёт речь о назначении уголовного процесса. И это справедливо – они пострадали и не должны претерпевать лишения, связанные с судопроизводством.

Можно предположить, что государство не обязано обеспечивать участие на стороне потерпевшего представителя, поскольку вместе с потерпевшим на стороне обвинения участвует прокурор. И он всячески защищает интересы и права потерпевшего (за исключением уголовных дел частного обвинения). Но такое утверждение не учитывает ряд других обстоятельств: функции прокурора не охватывают весь спектр тех интересов, которые характерны для потерпевшего; между прокурором и потерпевшим не всегда отмечается единство правовой позиции по делу (нередко отмечаются расхождения по вопросам квалификации преступления, в понимании обстоятельств произошедшего, в оценке характера и размера причиненного преступлением вреда и др.); прокурор не обязан оказывать многие из видов квалифицированной юридической помощи – составлять, например, жалобы, заявления, ходатайства.

Привлечение потерпевшим (ст. 42 УПК РФ) на свою сторону юриста-профессионала, таким образом, допускается только по личной инициативе потерпевшего. При этом оплата труда представителя, по общему правилу, производится по договоренности между ними. Государство

не гарантирует привлечение на сторону потерпевшего представителя за бюджетный счет. За единственным исключением, предусмотренным ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ: по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Несмотря на то, что это единственный, «точечный» случай, его следует расценивать как положительное начало в вопросе гарантирования права всех потерпевших – физических лиц – на получение квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, государство для привлекаемых к ответственности лиц создает значительные гарантии их права на получение квалифицированной юридической помощи. В то время как для потерпевших – физических лиц – не предусмотрено обязательное участие в деле представителя; не гарантировано участие в деле на стороне потерпевшего адвоката или лица, имеющего высшее юридическое образование; государство не гарантирует за счет бюджета оплату труда представителя потерпевшего.

Такая диспропорция в подходе к гарантированию права потерпевших на получение квалифицированной юридической помощи должна быть устранена посредством создания возможности потерпевшим пользоваться помощью юриста наравне с обвиняемыми.

ЛИТЕРАТУРА

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом внесенных поправок на 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (действующая на 24.04.2020 г. редакция) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 N 1240 (ред. от 21.05.2019) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. N 50 (ч. 6), ст. 7058.

Ю. М. Шемчук

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

shemchuk.j@mail.ru

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: НЕОБХОДИМЫЙ, ДОСТАТОЧНЫЙ И ВОЗМОЖНЫЙ

Ключевые слова: иностранный язык для профессиональных целей, Национальный проект «Образование», роль преподавателя, необходимость профессионального общения на иностранном языке, достаточное содержание программы, возможный уровень знаний.

Key words: foreign language for professional purpose, National project «Education», teacher's role, the need for professional communication in a foreign language, sufficient content of the program, the possible level of knowledge.

Проблема обучения языку для профессиональных целей, несомненно, не потеряет своей актуальности в ближайшее время. Национальный проект «Образование» (2019–2024 гг.) направлен на обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования [Онлайн-приемная нацпроекта «Образование», URL], а это означает, что современному обществу нужен высококвалифицированный специалист, настроенный на профессиональный и карьерный рост, что предполагает владение им межкультурными коммуникативными навыками на родном и иностранном языках.

И в данном контексте следует отметить также необходимость полиролевого развития преподавателя иностранного языка, то есть акцент «в преподавательской деятельности ставится не столько на передаче определенной профессионально значимой информации, сколько на консультативной, координирующей и сопровождающей функциях» [Малышева, Окерешко 2017: 73].

Доклад рассматривает современные подходы к методике обучения иностранному языку для профессиональных целей и акцентирует внимание на вопросах определения уровня его усвоения студентами. В качестве исследования иноязычного профессионального образования предлагаем

проанализировать его в контексте трех категорий: необходимости, достаточности и возможности.

Необходимость

Категорию «необходимость», как нам представляется, следует рассматривать как самую важную категорию из вышеперечисленных, которая обуславливает достаточность и возможность. Потенциальная необходимость профессионального общения выпускника вуза как на родном, так и на иностранном языке определяет дальнейшие действия преподавателя.

Достаточность

Категория «достаточность» заложена, как правило, в содержание учебных программ по дисциплине «Иностранный язык для профессиональных целей». Опираясь на категорию достаточности, преподаватель планирует, а затем выстраивает свою деятельность.

Возможность

От категории «возможность», главным образом, зависит тот уровень языка для профессиональных целей, который обучающийся усваивает на практических занятиях. Возможность определяет в дальнейшем успешность выпускника, его профессиональный и карьерный рост.

Таким образом, рассматривая проблему обучения иностранному языку для профессиональных целей и роль преподавателя в этом процессе, следует отметить, что передача профессионально значимой информации, а также консультативная, координирующая и сопровождающая функции осуществляются в тесной связи с категориями необходимости, достаточности и возможности: необходимость детерминирует достаточность, которая, в свою очередь, определяет возможность.

ЛИТЕРАТУРА

Малышева Е. Б., Окерешко А. В. Роли преподавателя иностранного языка для студентов лингвострановедческих специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6. № 21. С. 67–74.

Онлайн-приемная нацпроекта «Образование». URL : <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 01.06.2020).

C. I. Shpetny

(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

kon5804@yandex.ru

PROFESSIONAL IN THE XXI CENTURY: VENUE OF IDENTITY BUILDING

Key words: identity building, proficiency, cognitive science, globalization, stylistics.

The subject of the research is an attempted venture to travel along the path of revealing principles and practices of identity building for the professional in the XXI century, the domain of interest both of comprehending and practical value.

The defining formula for the concept and the term 'professional' (n.) based upon our hopefully competent experience along with the corresponding entries in a set of well renown dictionaries issued elsewhere can be expounded as follows:

Professional is a person engaged in a particular pursuit, study, or science for life or livelihood who belongs to one of the learned professions or is in an occupation requiring a high level of training and proficiency in line with the expectations of the socium.

Professionalism is a many-faceted and multi-disciplined phenomenon deeply rooted in a number of sources plunged in the container of cognitive substance which examines the nature, the tasks, and the functions of cognition including such fields of knowledge as philosophy, linguistics, sociology, psychology, artificial intelligence, neuroscience, and anthropology. Cognitive scientists study intelligence and behavior with a focus on how nervous systems represent, process, and transform the flow of information [Thagard 2008].

The base foundation for the professional's features is the concept which is a network of core notions of the ethnic culture that is beyond time or space; they are offered as thought-bound entities of essence complimentary to the material world, and they are intuitively perceived by all vehicles of this culture

in equal measure albeit in different measures of vigour, energy and feedback, argues V. V. Kolesov, a Russian expert of conceptology [Колесов 2019: 25].

The fundamental concepts, or sources relevant to professionalism and, consequently, the professional seem to present themselves in the following sequence:

- 1) person's knowledge in a particular sphere;
- 2) individual's skills and habits;
- 3) talent, or a gift of God;
- 4) ambition to win over;
- 5) material status;
- 6) background: education, experience, family footing;
- 7) stylistics of intercourse: proper language, functional variety, expressiveness;
- 8) hard labour through one's life.

Professional standards of practice and ethics for a particular field are typically agreed upon and maintained through widely recognized professional associations, such as the IEEE (the Institute of Electrical and Electronics Engineers), the world's largest professional association dedicated to advancing technological innovation and excellence for the benefit of humanity (more than 423,000 members in over 160 countries around the world), learned societies like the European Academy of Sciences and Arts (around 1,900 top scientists, 32 Nobel laureates), The International Cognitive Linguistics Association (ICLA) which is a linguistic league that sponsors conferences, major journals and books for relevant research.

The above-mentioned factors taken in an exquisite set are to be adjusted to the personality in consideration of his / her objective and subjective premises.

These universals have been staying valid for ages regardless, as it appears, of external impact be it the pagan civilizations at the dawn of humanity, the antique time of revelation of Truth over two thousand years ago, the medieval epoch or the aeon of Renaissance, Enlightenment and Classicism, the periods of turbulence accompanied by two World Wars in the XX century.

Yet the current XXI century seems to have projected some novel realities marked up by mankind's purposeful undertakings which have triggered a wave of events pregnant of instability and destruction of human environment, the process which has started up to stir people's minds in terms of physical and spiritual survival.

The newly come and the new-fangled changes comprise destructive effects of globalization upon man's existence at all levels: nature in its entity and diversity (air and light, flora and fauna, rivers and oceans, mountains and plateaus), philosophy, religion, languages, Weltanschauung, economy, politics, ideology, culture, ways of life, customs and traditions. These domains are in many a case coloured by a high degree of turmoil and populist attitudes and estimates.

Professional is called upon to be heedful to these developments applying practices of overall and personal estimation of the happenings around.

It is these prerequisites of justified expectations for advance and eventual success that can assuredly safeguard identity building and self education in the XXI century. They may and will come up in varied combinations, proportions and juxtapositions, and each of the concepts delivered hereby will manifest itself in a measured degree in accordance with the tasks set up.

REFERENCES

Thagard Paul. Mind. Introduction to Cognitive Science. Second edition. A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. London. England. 2005. 235 p.

Колесов В. В. Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019. 776 с. [Kolesov V. V. Osnovy konceptologii. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2019. 776 s.]

А. Ф. Шулёпова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

shulepova-l@mail.ru

РОЛЬ НЮРНБЕРГСКИХ ПРИНЦИПОВ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, международное уголовное право, военные преступления, международный уголовный суд.

Key words: Nuremberg Tribunal, international criminal law, war crimes, international criminal court.

Нет никакой разумной альтернативы оценке Нюрнбергского процесса как события, имеющего эпохальное историческое значение. Незаконными и циничными выглядят сегодня потуги по «обнаружению» предполагаемого сходства между фашизмом и советским строем, поставить на один уровень героическую победу Советского Союза в войне и идеологию побежденного гитлеровского нацизма. Значение Нюрнбергского процесса не только в том, что он юридически подтвердил итоги Второй мировой войны, развязанной германским фашизмом, но и сурово наказал зачинщиков агрессии. Это дало мощный импульс развитию международного уголовного права, в том числе на основе принципов, закрепленных в Уставе Нюрнбергского Трибунала и подтвержденных Генеральной Ассамблеей ООН.

В 1947 г. в соответствии с пунктом «а» Резолюции 177 (II) Генеральной Ассамблеи ООН Комиссии по международному праву было поручено сформулировать принципы международного права, признанные в Уставе Нюрнбергского трибунала и в решении Трибунала. В 1950 году, то есть 70 лет назад, Генеральной Ассамблее ООН был представлен документ под названием «Принципы международного права, признанные статутom Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала», разработанный Комиссией по международному праву. Сформулированные в документе ООН семь принципов оказали влияние на развитие международного уголовного права и формирование аналогичных норм в национальных юрисдикциях.

Один из основных принципов гласит: «Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию» (принцип I). В соответствии с названным принципом в международном уголовном праве устанавливалась индивидуальная ответственность, то есть ответственность физических лиц. Ранее, согласно концепции Бриана-Келлога, за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны подлежали ответственности только государства. Принцип I об индивидуальной уголовной ответственности физических лиц, нашедший затем отражение в ч. 1 ст. 25 Римского Статута МУС и национальных правовых системах, позволил добиться более последовательной индивидуализации наказания по международному праву в зависимости от фактического участия виновного в совершении деяния. Такая ответственность наступает и в том случае, если по внутреннему праву не было установлено

наказание за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением (принцип II). В связи с этим отдельные авторы склонны признать и индивидов в качестве субъектов международного права [Сафиулина 2003: 4].

В документе ООН в качестве основополагающего положения также было закреплено, что если лицо, совершившее международное преступление, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, оно на общих основаниях подлежит уголовной ответственности по международному праву (принцип III).

Еще одно положение (принцип IV) касалось ответственности за деяния, совершенные во исполнение приказа своего правительства или начальника. В ст. 8 Устава Нюрнбергского трибунала было закреплено: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия». Аналогичная норма содержалась в п. «b» § 4 Закона № 10 Контрольного совета «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности».

Норма получила дальнейшее развитие в статье 33 Римского статута Международного уголовного суда «Приказы начальника и предписание закона». В части 1 названной статьи закреплено: «Тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, будь то военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности». Однако в Статуте были предусмотрены и оправдывающие поведение подчиненного обстоятельства (лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника; это лицо не знало, что приказ был незаконным; и приказ не был явно незаконным). Приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности всегда являются незаконными (ч. 2 ст. 33).

Таким образом, в действующих источниках международного права Нюрнбергские принципы прошли путь своего развития и наиболее полно реализованы в Римском статуте Международного уголовного суда. В национальных системах права, в основном, они нашли отражение в так называемом законодательстве военного времени. Однако «заложенные в Нюрнберге принципы неотвратимости наказания за совершение преступления

против международного права, индивидуальной уголовной ответственности вне зависимости от должностного положения лица, договорного порядка образования органов международной уголовной юстиции были реализованы в последующей практике далеко не безупречно» [Валеев 2011: 51]. Справедливо замечено, что «при учреждении международных трибуналов, подобных Нюрнбергскому, в наши дни часто действуют «двойные стандарты», и решающим оказывается не желание найти истинных виновников преступлений против мира и человечества, а определенным образом продемонстрировать свое политическое влияние на международной арене» [Самойлова 2019: 39].

В заключение процитируем слова председателя Конституционного суда Российской Федерации: «Интернационализация правосудия – это крайняя мера, направленная на то, чтобы заменить национальное правосудие там, где оно очевидным образом уже не может работать хотя бы по причине краха национальной государственности – такого, какой имел место в 1945 г. в Германии. Чрезмерное использование институтов международного правосудия может привести к тому, что такое правосудие становится не международным судебским арбитром, а механизмом в руках какой-либо из сверхдержав или группы сильных государств. Такая трансформация неизбежно приведет к подмене правосудия как такового, замене его тривиальным сведением счетов, произволом, облеченным в форму судебных вердиктов» [Зорькин 2011].

ЛИТЕРАТУРА

- Зорькин В. Д.* Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение : доклад на Междунар. науч. конф., посв. 65-летию Нюрнбергского процесса (Санкт-Петербург, 16 мая 2011 г.) // РГ. URL: <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=426.05.2011> (дата обращения 02.07.2020).
- Валеев Р. М.* Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 65-летию Нюрнбергского процесса) // Российский ежегодник международного права. 2010. СПб. : Россия-Нева, 2011. С. 37–52.
- Самойлова А. А.* Значение Нюрнбергского процесса в развитии прав человека // Государство и право : теория и практика : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2019 г.). СПб. : Свое издательство, 2019. С. 37–40.
- Сафиуллина И. П.* Нюрнбергские принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 25 с.

Н. А. Шулепов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

shulepov-n@mail.ru

ДЕЙСТВИЕ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Ключевые слова: военно-уголовное право, уголовное законодательство современных государств, чрезвычайные ситуации.

Key words: military criminal law, criminal law of modern states, emergencies.

Обстановка в современном мире, осложнённая пандемией, военными конфликтами и природными кризисными явлениями, таит в себе как явные, так и скрытые угрозы поступательному развитию человечества.

Находясь в атмосфере напряженности, народы и правительства многих государств с надеждой обращают свои взоры к военным служащим и приравненным к ним лицам – наиболее организованной, укомплектованной обученными кадрами и технически оснащенной части общества, способной сыграть важную роль в обуздании чрезвычайных ситуаций различного происхождения.

Для этих целей формируются, главным образом, специальные воинские подразделения. К примеру, в нашей стране созданы спасательные воинские формирования Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Указ Президента РФ 2004, № 868]. Военнослужащие МЧС России призваны принимать участие в решении задач по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов, материальных и культурных ценностей от опасностей, возникающих при чрезвычайных ситуациях [Указ Президента РФ 2019, № 501].

Кроме МЧС к ликвидации чрезвычайных ситуаций может привлекаться и личный состав Вооруженных сил. К числу основных задач Вооруженных сил в мирное время относятся: подготовка к проведению

мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне; участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности; участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и восстановление объектов специального назначения; участие в обеспечении режима чрезвычайного положения [Военная доктрина РФ 2014].

Как и режим военного времени, условия чрезвычайной ситуации требуют от личного состава мужества, крайнего напряжения сил, высочайшей дисциплины и организованности. Нарушение установленных для таких случаев правил поведения может повлечь за собой не только крупный политический и материальный ущерб, но и многочисленные людские потери. Во многих странах мира совершение преступления против военной службы в условиях чрезвычайной ситуации имеет существенное значение для квалификации деяния. Обобщение зарубежного опыта в рассматриваемом вопросе актуально, так как в нашей стране чрезвычайные обстоятельства не отражены в военно-уголовном законодательстве.

Национальные правовые системы используют различные формы законодательного закрепления норм военно-уголовного права. В одних государствах эти нормы включены в общенациональные уголовные кодексы, в других – в обособленные источники (военно-уголовные кодексы, кодексы военной юстиции, специальные акты).

Так, в УК Эстонии глава 24, устанавливая уголовную ответственность за преступления против военной службы, в большинстве статей указывает на такой квалифицирующий признак, как совершение преступления во время чрезвычайного положения. В силу этого наказание существенно усиливается. Например, если за отказ от исполнения приказа санкция в обычных условиях предусматривает лишение свободы на срок до двух лет, то совершение такого же деяния в условиях чрезвычайного положения наказывается лишением свободы на срок от 2 до 10 лет (ст. 432). УК Чехии за принуждение военнослужащего к нарушению служебных обязанностей устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, а в условиях чрезвычайного положения – от 8 до 20 лет. УК Черногории содержит обобщенную норму, в которой перечислены многочисленные статьи, санкции в которых значительно усиливаются при совершении преступления в условиях чрезвычайного положения (ст. 473).

В тех странах, где источники военно-уголовного права обособлены от общего уголовного права, совершение преступного деяния в условиях

чрезвычайной ситуации также наказывается значительно строже. Например, в 32 статьях Военно-уголовного кодекса Албании указывается такое отягчающее наказание обстоятельство, как совершение преступления в условиях чрезвычайного положения.

В законодательных актах зарубежных стран используются различные термины при обозначении чрезвычайной ситуации. Чаще всего указывается такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления в условиях чрезвычайного положения». Однако в отдельных странах применяются более развернутые термины – «критическая ситуация» (Словакия) или «критические обстоятельства» (Испания). В соответствии с Законом Словакии № 387 от 21 июня 2002 года под кризисной ситуацией вне времени войны и состояния войны подразумевается период, в течение которого безопасность государства немедленно подвергается угрозе или нарушается, и конституционные власти могут объявлять чрезвычайное положение, аварийную или кризисную ситуацию (п. «а» § 2).

Новейшее уголовное законодательство стран СНГ, в том числе Российской Федерации, содержит в Общей части УК указание на совершение преступления в условиях чрезвычайного положения как на отягчающее наказание обстоятельство (п. «л» ст. 63 УК РФ). Только в ряде государств СНГ дополнительно в составах некоторых преступлений против военной службы этот признак закреплен в качестве особо квалифицирующего обстоятельства (Казахстан, Киргизия).

ЛИТЕРАТУРА

Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). URL: <https://base.garant.ru/70830556/> (дата обращения 02.07.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (с изменениями на 31 декабря 2019 года). URL : <http://docs.cntd.ru/document/901902347> (дата обращения 02.07.2020).

Указ Президента РФ от 16 октября 2019 г. № 501 «О Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72771784/#review> (дата обращения 02.07.2020).

СЕКЦИЯ 6

Человек и его миры: природа, социум, технологии

Arnfinn Muruvik Vonen

(Oslo, Norway)

OsloMet – Oslo Metropolitan University

arnfinn.vonen@oslomet.no

JUST LIKE ANY OTHER LANGUAGE? SIGN LANGUAGES AS ACADEMIC SUBJECTS IN THE 21st CENTURY

Key words: sign languages, educational programs, society's needs.

Through recent decades, academic institutions in many countries have added sign languages to their educational portfolios. The historical processes by which this has happened, have been different according to the local contexts. These differences can be seen, for example, in where sign language studies are found within the organization of the academic institution, and in the nature and structure of the academic programs within which they are taught.

In this presentation, I will report on a study of the nature and structure of some academic programs involving sign languages, as a probe for the extent to which sign language studies are still treated differently than other language studies within institutional frameworks in higher education. Such differences do indeed exist, and they reflect the history and in part the current status of these programs. On the basis of this analysis, I sketch possible strategies for the further development of sign languages as academic subjects in the 21st century.

A particular issue is whether society's need for sign language competence systematically differs from society's need for spoken language competence. The needs in question include, of course, society's well-known need for professional

interpreters and translators [Napier 2009] as well as teachers and instructors for various target audiences [McKee, Rosen & McKee 2014]. However, in addition, “society’s needs” comprise the education necessary to train professional actors, poets and other language professionals in sign languages, as well as lawyers, hairdressers, carpenters, doctors and nurses, to mention but a few groups of professionals that can provide language-concordant services in sign languages [cf. De Meulder & Haualand 2019] as well as in spoken languages.

REFERENCES

- De Meulder, M. & Haualand, H.* Sign language interpreting services. A quick fix for inclusion? *Translation and Interpreting Studies*. 2019. P. 1–23.
- McKee, D., Rosen, R. S. & McKee, R.* (ed.). *Teaching and learning sign languages. International perspectives and practices*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan? 2014. 291 p.
- Napier, J.* (ed.) *International perspectives on sign language interpreter education*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 2009. 312 p.

М. М. Афонина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
afonina6991@mail.ru

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ НАУК И ФОРМ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Ключевые слова: научное знание, формы научного знания, классификация наук, социально-гуманитарное знание, язык.

Key words: scientific knowledge, forms of scientific knowledge, classification of sciences, socio-humanitarian sciences, language.

Наука – сложная система знаний, состоящая из множества различных структурных элементов. Каждый из фрагментов научного знания имеет свои индивидуальные характеристики, занимает определенное место в научной системе, выполняя при этом соответствующие функции. Для представления научного знания в структурированной и доступной для понимания форме, а также для лучшего функционирования научной системы

необходимо разграничение составляющих ее элементов. Данная необходимость обусловила выделение различных форм научного знания, а также возникновение классификаций научных дисциплин.

Рассматривая классификации наук, существовавшие в различные исторические периоды, можно заметить, что все они основывались на различных критериях, среди которых можно выделить:

- 1) объект и предмет исследования;
- 2) методы исследования;
- 3) период возникновения той или иной науки. Наиболее часто в качестве такого критерия выступает объект / предмет исследования.

Особое место в научной системе занимает социально-гуманитарное знание, значение которого в настоящее время продолжает возрастать в связи с функционированием современного общества как общества информационного типа. Специфика социально-гуманитарных наук и их отличие от естествознания проявляется в том, что субъект и объект социально-гуманитарного знания совпадают (социально-гуманитарные науки изучают человека и общество; в то же время сам процесс познания осуществляется человеком). В связи с этим в рамках данного типа познания большое значение придаётся такому методу исследования, как диалог. Также социально-гуманитарное знание носит аксиологический характер, поскольку напрямую связано с интересами людей и их ценностно-ориентационными установками [Особенности социально-гуманитарных наук, URL].

Важная роль в социально-гуманитарном знании принадлежит языку. Являясь средством общения между людьми, язык способен передавать информацию об обществе, его устройстве, социальных отношениях, о человеке как личности, о его внутреннем духовном мире. Кроме того, следует отметить, что язык способен передавать информацию о человеке и обществе не только при помощи устных сообщений и текстов, но также при помощи своего внутреннего устройства. Существует такое понятие, как «языковая картина мира» (далее ЯКМ) – совокупность представлений об окружающей действительности, особенности членения и категоризации внешнего мира, отраженные в языке [Словарь социолингвистических терминов 2006: 259]. Таким образом, каждой языковой единице соответствует определённый фрагмент экстралингвистической реальности, отражающий особенности жизни этноса, говорящего на данном языке.

Итак, рассмотрев существующие формы научного познания, различные классификации научных дисциплин, специфику социально-гуманитарного

знания и его роль в научной системе, а также место языка в социально-гуманитарном знании, мы приходим к выводу, что научная система эволюционирует со временем, происходит трансформация различных ее составляющих и изменение их роли в рамках данной системы. Всё большее значение приобретают социально-гуманитарные науки, изучающие человека и особенности его жизнедеятельности в обществе, в связи с чем происходит интенсивное развитие методов социально-гуманитарного знания, позволяющих получить информацию об обществе и человеке из различных источников. Значительное количество такой информации содержится в языке в виде различных ментальных структур, отражающих особенности мышления того или иного этноса и передается от одного человека к другому (часто неосознанно) через фонетические, лексические, грамматические характеристики языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Особенности социально-гуманитарных наук. URL: https://studopedia.ru/9_194840_osobennosti-sotsialno-gumanitarnih-nauk.html

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006. 312 с.

Е. М. Бычкова

(Королев, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
genurik@gmail.com

ЯЗЫКОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ «SECOND LIFE»

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, виртуальный мир «Second Life», 3D-графика, аватар.

Key words: foreign language teaching, virtual world Second Life, 3D graphics, avatar.

В современном мире процветания цифровых технологий прослеживается тенденция активного использования людьми интернет-пространства. Глобальная сеть предоставляет огромный ряд ресурсов по поиску, обмену

и распространению информации, по общению и взаимодействию, занимая всё более значимое место в досуге людей, в их работе и учебе. Молодое поколение особенно активно пользуется Интернетом, общаясь в социальных сетях, просматривая и создавая видео, публикуя свои фотографии и статьи. В этой связи, в рамках педагогической деятельности возникает задача, как помочь студентам наиболее оптимально использовать возможности Всемирной сети в свое свободное время с целью повысить уровень владения иностранным языком.

Онлайн-платформа «Second Life» [Second Life, URL] дает возможность студентам полностью погрузиться в среду изучаемого языка. Эта социальная сеть с элементами игры представляет собой трехмерный виртуальный мир с миллионами пользователей, который был разработан и запущен в 2003 году компанией Linden Lab, Сан-Франциско [Biebighäuser 2012]. Для того чтобы стать участником сети «Second Life», необходимо бесплатно зарегистрироваться на портале www.secondlife.com и выбрать или создать самому аватар, так называемое трехмерное изображение виртуальной фигуры, под которой пользователь будет в дальнейшем вести свою деятельность. После этого пользователь попадает в пространство, в котором он может действовать по своему усмотрению: знакомиться с другими пользователями и общаться с ними, путешествовать по разным интересным местам, создавать объекты, заниматься творчеством, обустраивать пространство.

Поскольку большинство участников проекта родом из США и Великобритании, основным языком общения – английский. Помимо английского, наиболее распространенными языками виртуального мира являются испанский, немецкий, французский, китайский и турецкий языки. Однако этот ряд не исчерпывает языкового разнообразия виртуального мира. Желая практиковать редкие языки рекомендуется виртуально посетить страны пространства, в которых говорят на этом языке.

Изучать языки в виртуальном мире «Second Life» можно самостоятельно, взаимодействуя с носителями языка, или в одной из многочисленных языковых школ. Занятия проходят в виртуальных классах в небольших группах. При изучении языка в виртуальном мире обучающийся создает желаемый образ, под которым он может непринужденно общаться на языке. Это играет значительную роль в преодолении языкового барьера. 3D-графика позволяет детально показать различные процессы и явления, создать ощущение реальности происходящего, погрузить обучающегося в любое из жизненных обстоятельств без малейших угроз для жизни.

Фокусировка на действиях в виртуальном мире помогает полностью сосредоточиться на материале и не отвлекаться на внешние раздражители. Интерактивное взаимодействие обучающегося с виртуальной средой делает занятие увлекательным и мотивирует на дальнейшее обучение.

Для эффективного проведения занятий на платформе «Second Life», преподавателю необходимо овладеть основными инструментами, позволяющими провести урок в трехмерном формате. В первую очередь, это программа «Sloodle» [Sloodle, URL], в которой можно создать различные типы заданий. Используя опции «Picture gloss» и «Meta gloss» можно составить глоссарии. С помощью инструмента «Presenter» создаются картинки и видео. Инструмент «Quiz Chair» позволяет проводить анимированные тесты. С помощью опции «Choice tool» можно проводить голосования, результаты которых отображаются в столбцовых диаграммах. Таким способом собираются сведения по организаторским моментам, а также по содержанию урока.

Помимо занятий в виртуальных классах погружение в языковую среду может осуществляться во время ролевых игр, инсценировок и квестов. Получив роль и ознакомившись с заданием, обучающиеся могут перенестись в разыгрываемую ситуацию, например в больницу, аэропорт, кафе. С помощью опции «Screen-Capture» можно записать в виде фильма происходящее на экране для повторного просмотра и анализа сцены. При участии в инсценировках обучающихся приглашают в виртуальный театр, облачают в виртуальные костюмы и предоставляют возможность поучаствовать в представлении на сцене. Что касается квестов, обучающиеся получают комплексные задания, которые они должны решить с помощью наводящих подсказок. Им открывается доступ к материалам, способным помочь справиться с заданием. Это включает в себя список ссылок на сайты, список литературы и других материалов. За этим следует инструкция с пошаговым исполнением задания.

На первый взгляд, обилие инструментов и нетрадиционных форматов заданий делает процесс подготовки урока чрезмерно трудоемким. Однако после импортирования заданий в «Second Life» ими можно пользоваться неоднократно впоследствии.

ЛИТЕРАТУРА

Biebighäuser K. Aufgabenformate für das Fremdsprachenlernen in virtuellen Welten am Beispiel von Second Life : Aufgaben 2.0 Konzepte, Materialien und

Methoden für das Fremdsprachenlehren und -lernen mit digitalen Medien. Т., 2012. S. 141–167.

Second Life. URL : <https://secondlife.com>, свободный (05.05.2020).

Sloodle. URL : <https://sloodle.org>, свободный (05.05.2020).

С. Б. Величковская

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

velichkovskaya@gmail.com

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: билингвизм, языковая личность, говорящий, обучение иностранному языку психологический аспект, лингвистический аспект, культурологический аспект.

Key words: bilingualism, linguistic identity, speaker, teaching foreign languages, psychological aspect, linguistic aspect, cultural aspect.

В последние десятилетия состояние общества радикально изменило культурный контекст изучения языков международного общения в России и других странах, что не могло не привести к появлению новых потребностей в изучении языков и культур. В условиях глобализации современного мира и рынка труда обязательным требованием к качествам компетентного и конкурентоспособного специалиста стало знание не только родного, но и иностранных языков (далее ИЯ). Особую актуальность в этой связи имеют теоретические и прикладные работы, посвященные проблематике эффективного обучения и усвоения ИЯ. Очевидна также необходимость междисциплинарного подхода к исследованию данной проблемы. Однако, несмотря на общность самого предмета изучения и наличия общих стратегических целей, в современной науке выделяются два отдельных вектора психологических и лингвистических исследований, посвященных данной тематике.

Психологическая концепция опирается, в целом, на понятие личности, реализующейся в речевой деятельности при помощи языковых средств, чье поведение опосредовано конкретной языковой картиной мира. Востребованными представляются многочисленные современные психологические исследования, направленные на изучение взаимовлияния различных сфер и характеристик личности и эффективности обучения, указывающих на то, что формирование успешного будущего профессионала, обладающего развитыми коммуникативной и межкультурной компетенциями связано с целым рядом объективных и субъективных факторов, такими как индивидуально-психологические особенности человека, прежде всего, его актуализируемыми мотивационными установками. Исследуя трудности овладения ИЯ в учебных условиях, выделяют также разнородный характер обучающихся: базовый уровень изучаемого языка, психологические особенности взаимодействия в учебной группе, мировоззрение, уровень толерантности и т. п. Вследствие этого делается вывод о невозможности ориентации на «усредненного слушателя», при этом как несомненное преимущество указывается применение индивидуально-го подхода при обучении иноязычному общению [Roberts, Kreuz 2015]. Одним из перспективных направлений в данной области можно считать разработку конкретных эмпирических исследований специфики успешного взаимодействия между обучающимися и преподавателем, оценки влияния когнитивного стиля личности в процессе преподавания на результат обучения ИЯ [Величковская 2019]. Актуальными являются многочисленные новые когнитивные исследования в области нейросемантики и психолингвистики, связанные с оценкой речевого действия, способа фиксации в памяти говорящего отношений фактов языка к фактам действительности, субъективного эмоционального восприятия полученной информации, внимания, контроля и других когнитивных функций. Многие из таких работ посвящены исследованию функционирования и взаимосвязей между зонами головного мозга, отвечающими за обработку речевой информации, в которых установлено, например, что отделы, обрабатывающие информацию на иностранном языке, более рациональны, нежели те, которые работают с данными на родном [Velichkovsky, Bondarenko, Morosanova 2019].

Современные исследования лингвистического направления базируются, первую очередь, на изучении проблемы естественного и искусственного билингвизма. Актуальными задачами исследований являются

вопросы формирования личности искусственного билингва, изучение его коммуникативных моделей, изменения, происходящее в структуре языковой личности изучающего ИЯ, влияния коммуникативных навыков общения на родном языке на коммуникативное поведение говорящего. Также предметом обсуждения все чаще становятся проблемы лингводидактических условий успешности обучения искусственного билингва и путей постижения иноязычной лингвокультуры. При этом классификация типов билингвизма остается одним из дискуссионных вопросов, который связан с различиями в подходах к изучаемому явлению. Явление билингвизма часто трактуется, в основном, как владение двумя языками, т.е. как наличие диглоссии, или двуязычия, что является традиционной точкой зрения на данный феномен как российской, так и западной лингвистических школ.

В то же время указывается на то, что изучение иностранного языка вызывает ряд трудностей, препятствующих компетентному и адекватному овладению неродным языком. Как правило, исследователи отмечают несколько тенденций, связанных с трудностями овладения ИЯ в учебных условиях [Панферова 2019]. Прежде всего, тенденция такова, что при обучении неродному языку в данных условиях знания о системе изучаемого языка подаются на фоне одной лишь нормы – полной дидактической нормы конкретного языка. Для овладения другими элементами реализации системы ИЯ, как правило, нет естественных условий и достаточного количества времени, так как не только любой язык – это огромный объём информации, но и сопутствующая языку социокультурная информация, без которой нельзя полноценно понимать речь носителя – это еще один, равноценный по объему массив данных. Например, особую сложность представляют термины, связанные с работой политических, правовых, финансовых институтов, идиомы, корпус аббревиатур. Также любому языку сопутствует огромный пласт поп-культуры, актуальность информации о которой с одной стороны устаревает с огромной скоростью, а с другой - остается в языке и активно используется носителями разных поколений.

Другая современная проблема связана с тем, что обучение ИЯ должно быть направлено на передачу системы знаний и формирование иноязычных коммуникативных умений с учетом условий и ситуаций профессионального общения. Существует необходимость целенаправленно моделировать процесс обучения, чтобы использовать технику подражания, конструирование речевых ситуаций, стимулирующих проявление коммуникативных

моделей, характерных для данной профессиональной лингвокультуры. Для аппроксимации коммуникативного поведения будущих профессионалов к естественности, необходимо учитывать прагматическую направленность высказывания, правила речевого этикета, типичные интонационные модели и употребление речевых шаблонов и клише, выполняющих роль фреймов как схем коммуникативного поведения, которые могут быть одинаковыми в разных культурах, поскольку обозначают общие человеческие ценности, но их нарративы или сценарии вариативны.

Таким образом, овладение ИЯ означает не просто пользование языковыми средствами как системой кодов, а сопровождается усвоением новой языковой картины мира, вхождением в другую культуру, усвоением образа мышления, мировидения, нравов, обычаев, менталитета носителей данного языка. В соответствии с этим центральным вопросом при обучении ИЯ становится отбор культурологического материала для учебных целей, который определяет их значимость для формирования неискаженных, естественных представлений об истории и культуре, а также их приемлемость с точки зрения когнитивных и коммуникативных возможностей и возрастных особенностей личности обучающихся.

Естественное преодоление различий в теориях и концепциях понимания билингвизма и языковой личности в контексте обучения ИЯ представляется возможным в интеграции психологического и лингвистического подходов на основе культурологического, предполагающего, что иноязычная культура пронизывает все содержание процесса обучения ИЯ. Использование языка как «средства и общения и обобщения» (А. Н. Леонтьев), выход на высший уровень владения ИЯ, формирование у обучающихся способности к мышлению и деятельности на иностранном языке возможен только при рассмотрении билингвизма как социально-культурного феномена. То есть в том случае, если главной задачей языкового образования станет обучение личности через приобщение к достижениям иноязычной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Величковская С. Б. Исследование роли когнитивного стиля личности в процессе преподавания иностранного языка» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 4 (833). С. 200–212. URL: http://mslu-vestnikedu.ru/Vest/4_833.pdf.

Панферова Е. Ю. Проблематика использования аутентичных материалов для развития иноязычной коммуникативной компетенции // Балтийский Гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 118–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-ispolzovaniya-autentichnyh-materialov-dlya-razvitiya-inoazychnoy-kommunikativnoy-kompetentsii>.

Roberts R., Kreuz R. An interdisciplinary approach to foreign language learning: Myths and strategies for success / *Becoming Fluent: How Cognitive Science Can Help Adults Learn a Foreign Language*. Cambridge, MA: MIT Press. 2015. 226 p.

Velichkovsky B. B., Bondarenko I. N., Morosanova V. I. The relationship between executive functions and language competences in middle school children // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 104–117.

Т. И. Грибанова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

tigribanova65@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ МИТИГАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: англоязычный дискурс, прагматика, митигация, речевой акт, пропозиция, хедж.

Key words: English-language discourse, pragmatics, mitigation, speech act, proposition, hedge.

Исследование посвящено изучению понятия митигации как коммуникативной стратегии, использующейся с целью ослабления коммуникативных обязательств собеседников за счет объединения лингвистической и социолингвистической составляющих. Материалом исследования послужили аутентичные тексты различных типов англоязычного дискурса (академического, медицинского, религиозного). В ходе проведенного анализа митигация рассматривалась в терминах положительных и отрицательных «стратегий вежливости» [Brown & Levinson 1978], иными словами, в качестве стратегий социального взаимодействия (демонстрации солидарности, уважения к собеседнику, смягчения критических замечаний, снижения конфликтogenности и т. д.) [Caffi 2006: 171–175].

Митигация как прагматико-риторическая категория обеспечивает связь между следующими параметрами коммуникации:

а) между прагматическим и праксеологическим, иными словами, между действием и его результатом, между грамматикой и риторикой. В рамках теории речевых актов речь идет о единстве иллокуции и перлокуции [Leech 1983], когда говорящий оценивает уместность тех или иных языковых средств с точки зрения их соответствия конкретной коммуникативной ситуации. Осознание возможных последствий речевого акта позволяет говорящему выбрать оптимальную речевую стратегию;

б) между двумя дискурсивными направлениями – катафорическим и анафорическим. Митигация может выступать в качестве как подготовительной стратегии для реализации речевого акта, так и стратегии по исправлению допущенных «ошибок». При этом анафорические шаги могут быть синтаксически независимы, но прагматически опираться на актуализированный речевой акт [Caffi 2007];

в) между социальным и психологическим в коммуникации, что позволяет разграничить понятия традиционной (принятой) и индивидуальной вежливости [Brown & Levinson 1978].

В связи с этим можно говорить о двух основных функциональных направлениях использования митигации. С одной стороны, это эффективность взаимодействия, когда целью является выбор оптимальных языковых средств для достижения поставленных коммуникационных целей. С другой – это формирование идентичности; при этом митигация направлена на модуляцию взаимоотношений между участниками коммуникации, включая мониторинг эмотивной дистанции.

Митигация затрагивает три основных аспекта процесса коммуникации, а именно: пропозицию высказывания, средства выражения иллокутивной силы речевого акта и его дейктическую природу. Для описания их реализации в данном исследовании рассматриваются такие средства митигации, как буши (bushes), хеджи (hedges) и щиты (shields) соответственно. Буши и хеджи представлены лексическими маркерами, тогда как щиты обеспечивают митигационный эффект, в основном, посредством грамматических средств (морфологических и синтаксических) [Caffi 2007: 95].

Пользуясь метафорическим языком, несколько бушей (bushes) образуют хедж (hedge). В свою очередь, щиты (shields) указывают на общее снижение ответственности за совершение речевого акта, в частности за счет упоминания иного говорящего или отказа от выражения дейктической

природы высказывания, в результате чего резко снижается когнитивно-эмотивная готовность к реализации речевого акта [Caffi 2007].

Комплексное изучение потенциала воздействия средств митигации в вышеупомянутых типах англоязычного дискурса позволило выявить их роль в обеспечении коммуникативной эффективности речевого акта посредством его адаптации к коммуникативной ситуации и показало, что умелое использование комбинаций данных средств способно обеспечить решение задач взаимодействия в современном социуме.

ЛИТЕРАТУРА

- Brown P., & Levinson, S.* Politeness : Some universals in language usage // Questions and politeness : Strategies in social interaction. In E. Goody (Ed.) Cambridge, Cambridge University Press, 1978. 345 p.
- Caffi C.* Mitigation, in K. Brown (ed.) The encyclopedia of language and linguistics. Second edition Oxford : Elsevier, 2006. P. 2461–2466.
- Caffi C.* Mitigation. Oxford : Elsevier, 2007. 324 p.
- Leech G.* Principles of pragmatics. London, New York : Longman, 1983. 250 p.

Е. А. Гринкевич

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

kathysubbotina@gmail.com

РАЗВИТИЕ ТИФЛОКОММЕНТИРОВАНИЯ В РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: тифлокомментирование, тифлокомментарий, тифлокомментатор, слепые и слабовидящие, доступная среда.

Key words: audio description, blind and visually impaired, accessibility, inclusive society.

Согласно статистике, количество учтенных слепых и слабовидящих в России составляет 218 тысяч человек, из которых 103 тысячи являются абсолютно слепыми. С учетом оценок ООН (0,55 % людей в мире полностью слепы, а 3,5 % – инвалиды по зрению), в России более миллиона человек могут быть слепы. Удручающая статистика еще раз ставит вопрос адаптации этой категории людей в обществе.

Долгое время проблема интеграции слепых в общество оставалась за рамками повестки дня. Подписав в 2008 г., а затем ратифицировав в 2012 г. Конвенцию о правах инвалидов, Россия утвердила принципы политики государства в отношении инвалидов. Согласно Конвенции, государства-участники должны принимать соответствующие меры для обеспечения инвалидам наравне с другими гражданами доступа к физическому окружению, транспорту, информации и связи, а также другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым населению. Одним из важных пунктов Конвенции является достижение независимости инвалидов.

Отправной точкой реализации Конвенции стала социальная программа «Доступная среда», направленная на создание условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышение уровня их жизни.

Очевидно, что слепым людям недоступна информация, представленная в форме видеоряда и изображений. Просмотр фильмов, телепередач, спортивных мероприятий, посещение музеев и театров до недавнего времени были практически бесполезными для слепых. Тифлокомментирование сделало возможным максимально приблизить выполнение указанных видов деятельности наравне со зрячими.

Тифлокомментарий – это закадровое вербальное описание визуальной составляющей фильма, спектакля, телевизионной программы и других мероприятий, подготовленное и осуществляемое с учетом специфических особенностей незрячих людей [Обиух, Корнеев 2017: 14]. Развитие тифлокомментирования носило в России эпизодический характер, несмотря на то, что первый опыт тифлокомментирования состоялся в Москве в кинотеатре «Буревестник» в 1978 г.

В 2017 г. подписан федеральный закон, обязывающий создателей фильмов, производство которых финансируется из бюджета, снабжать ленту субтитрами и тифлокомментариями для лиц с ограниченными возможностями. Более того, с 1-го января 2018 года кинотеатры должны быть оснащены специальным оборудованием для просмотра фильмов инвалидами по зрению. Эти нововведения направлены на снижение информационной изоляции слепых и слабовидящих, а также способствуют сближению между незрячими людьми и людьми с нормальным зрением.

С принятием данных положений жизнь незрячих в России не изменилась в одночасье. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день становится всё больше проектов и предприятий, предоставляющих услугу тифлокомментирования. Так, например, Московский Губернский театр позволяет

незрячим зрителям смотреть свои спектакли наравне с обычными зрителями [Безрукова, Цанг 2017: 16]. Популярные на сегодняшний день медиасервисы не остались в стороне от данного нововведения. Медиасервис Megogo имеет обширную коллекцию фильмов, снабженных тифлокомментарием. Растёт количество блогов и сайтов, позволяющих слепым видеть, что изображено на картинах (например, сайт проекта «Опиши мне»).

Учитывая вышесказанное, можно предсказать дальнейшее развитие тифлокомментирования в России как инструмента интеграции незрячих и слабовидящих в общество. В связи с этим остро стоит вопрос подготовки тифлокомментаторов. В настоящее время она осуществляется по большей части институтом «Реакомп». Кроме того, в 2018 г. в Московском государственном лингвистическом университете открыт набор на программу бакалавриата «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация», в рамках которой готовятся тифлокомментаторы со знанием двух иностранных языков.

Развитие тифлокомментирования в России в ближайшее время будет способствовать социокультурной интеграции незрячих в общество, а также позволит им получить доступ к культурному наследию.

ЛИТЕРАТУРА

- Обиух П. А., Корнеев М. О. Пособие по тифлокомментированию / Рос. госуд. соц. ун-т ; Хабаров. краев. спец. б-ка для слепых. М., 2017. 80 с.
- Безрукова И.В., Цанг А.Р. Тифлокомментирование как Искусство // Тифлокомментирование как новая социальная услуга для людей с проблемами зрения : сборник материалов III Летней международной школы (г. Екатеринбург, 29–30 августа 2017 г.) / Свердл. обл. спец. б-ка для слепых ; сост.: И. А. Гильфанова, В. В. Арсентьева ; отв. за вып. И. А. Гильфанова. Екатеринбург, 2017. 116 с.

М. В. Гурецкая

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

meribell2009@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

Ключевые слова: категория «состояние», научная картина мира, механистическая картина мира, немеханистическая картина мира, онтология, гносеология.

Key words: category of «state», scientific world-picture, mechanistic world-picture, non-mechanistic world-picture, ontology, epistemology.

В данном сообщении излагается история зарождения и развития категории «состояние». Анализ рассматриваемой категории в период, охватывающий время от периода Античности до XX века показывает, что «состояние» всегда являлось неотъемлемой частью всех сфер человеческой жизни.

Категория «состояние» всегда вызывала интерес ученых и великих философов. В общих чертах данная категория может быть охарактеризована как понятие о наличии объектом множества устойчивых значений его переменных параметров.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что категория «состояние» охватывает все сферы человеческой жизни. Научные достижения изменяют мир, а вместе с этим меняется и представление о фундаментальных категориях, к каким относится категория «состояние».

В работе были использованы, главным образом, отечественные источники в области философии. Из нашего исследования удалось понять, что изначально в период Античности «состояние» представлялось как понятие, которое возможно выделить только в определенных отношениях, вне этих отношений его констатация невозможна [Аристотель 1978: 73–75].

В Средние века происходит переоценка рассматриваемой категории. Галилей предпринимает попытку математизации физики импульса, согласно которой импульс являлся внутренней причиной движения тела, а, следовательно, внутренним состоянием. Ньютон расширяет понятие «состояние» Галилея в рамках механистической концепции, включая не только состояние движения, но и состояние покоя [Симанов 1982].

В рамках натурфилософии механистический детерминизм определяет «состояние Вселенной», как следствие предыдущего и причину последующего, что отражает онтологический и гносеологический аспекты, где онтологический аспект отражает объективную реальность, а гносеологический играет роль идеала описания [Лаплас 1908: 207].

В Новое время вследствие развития немеханистической картины мира произошел сдвиг от метафизически-материалистических представлений, где «состояние» рассматривалось с физической стороны в рамках натурфилософской картины мира, к стихийно-диалектическим, характерным для идеализма немецкой классической философии [Мостепаненко 1969].

Позже, в XIX–XX вв., одновременно с квантово-полевой формируется диалектико-материалистическая картина мира, которая предлагает свою интерпретацию анализируемой категории. В данной концепции состояние «отражает формы проявления бытия материальных объектов» [Симанов 1982]. Что касается квантовой физики, то главным достижением здесь признается разграничение внутреннего и внешнего состояния, а также их взаимообусловленности.

Нам было важно показать, что развитие общества и науки идет параллельно с развитием философии. При этом они также тесно взаимосвязаны, и изменение в одной из систем (наука) неизбежно вызывает перестройку взглядов другой системы (философия).

Категория «состояние» является широко используемым термином в различных областях науки, таких как естествознание, логика, физика, лингвистика, философия и т.д. Из этого следует, что термин «состояние» может быть охарактеризован, как общенаучный.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
- Лаплас П. С.* Опыт философии теории вероятностей = (Essai philosophique sur les probabilités) : Попул. излож. основ теории вероятностей и ее приложений / Лаплас ; пер. с фр., под ред. [и с предисл.] А. К. Власова, прив.-доц. Моск. ун-та. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев, 1908. 207 с.
- Мостепаненко М. В.* Философия и физическая теория. М. : Наука, 1969. 239 с.
- Симанов А. Л.* Понятие «состояние» как философская категория / отв. ред. О. С. Разумовский. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1982. 127 с.

Д. А. Демина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
dasha_k@mail.com

ОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ ОНЛАЙН

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, экстренное дистанционное обучение.

Key words: distance learning, online learning, emergency remote teaching.

В период пандемии 2020 многие страны столкнулись с необходимостью закрыть учебные заведения для очного посещения. При этом никто

не знал сроков, на которые они будут закрыты. В России это решение было объявлено 16 марта, 17 марта в МГЛУ были проведены почти все занятия в онлайн-режиме. Подобную оперативную реакцию продемонстрировали многие учебные заведения.

Первый этап – сложный, полный стресса для преподавателей и студентов – поиск подходящих инструментов. Для многих преподавателей не составило особого труда адаптировать привычные уже компьютерные программы и платформы под групповую работу в вузе. Кто-то (особенно старшее поколение) проявил самоотверженность и в кратчайшие сроки освоил азы пользования этими программами. Студенты оказались готовы к такому развитию событий гораздо лучше – технических затруднений с их стороны возникало немного. Педагогические работники проявили сплоченность: знакомили коллег с разными инструментами, выбирали наиболее подходящие, проводили мастер-классы. Многие коллективы, давно работающие на ниве дистанционного образования, провели серию бесплатных вебинаров для преподавателей других вузов.

На первом этапе в МГЛУ были подобраны наиболее удобные для всех программы и платформы (в основном, это Zoom, Skype, Google Class, Discord, WhatsApp, почтовые сервисы), охвачены все студенты, у которых есть доступ к сети Интернет (в случае не очень хорошего качества связи, вопросы решались индивидуально), найдены решения для тех, у кого такого доступа нет.

После успешного и оперативного прохождения первого этапа настал следующий: инструмент найден, он работает, но эффективно ли?

Возникло осмысление того, что та форма обучения, которая ведется в условиях пандемии – это не классическое дистанционное образование. Для дистанционного образования разрабатываются специальные учебные планы, пишутся специальные программы с учетом специфики такой формы обучения, скрупулезно прорабатываются материалы и платформы, на которых проходит обучение. Всё это годами совершенствуется, преподаватели проходят специальные курсы повышения квалификации, обучаясь работать с инструментом и коммуницировать с обучающимися.

Для обозначения той формы обучения, которая сложилась в условиях пандемии, учеными предложен термин «emergency remote teaching» (экстренное дистанционное обучение) [Bozkurt, Sharma 2020; Hodges 2020]. А. Боскурт и Р. Шарма подчеркивают, что это необходимое, но временное решение. Однако авторы предполагают, что возможно повторение

подобной ситуации, когда необходимо будет вновь перевести очное обучение в дистанционную форму (по разным причинам). Именно поэтому важно проанализировать, какие решения оказались правильными, а что должно быть изменено или улучшено, от чего стоит отказаться вовсе.

На втором этапе возник ряд проблем, которые показали, что нельзя просто перенести очное обучение в онлайн-режим – надо по-другому компоновать материал, нагрузку и даже ставить другие цели.

Сначала студентов перегружали домашними заданиями, непременно пытаясь четко пройти весь запланированный материал, выполнить каждое упражнение. Однако быстро стало понятно, что необходимо отказаться от некоторых приемов очного обучения, что некоторые типы упражнений надо заменить или изменить. Но, с другой стороны, новый инструмент предоставил новые возможности. Например, эффективно применение досок на платформе Zoom, разделение группы на подгруппы в Zoom и Discord, целесообразно чаще использовать совместный просмотр видео, можно определять сроки сдачи работ в Google Class и др.

Мы также столкнулись с техническими проблемами, такими как не всегда устойчивое интернет-соединение у некоторых участников. Это является причиной психологического дискомфорта и физической усталости. Часто приходится вслушиваться в то, что говорят собеседники.

Сложно воспринимать невербальные сигналы студентов. Для активных обучающихся есть возможность «поднять руку» в Zoom, поставить определенный смайлик в Дискорд. Однако преподаватель постоянно находится в напряжении, пытаясь не оставить без внимания никого, понять, кто не вовлечен в занятие.

Повысилась утомляемость всех участников таких занятий, что позволяет говорить о целесообразности составления расписания по другому принципу: 6-8 часов занятий онлайн подряд – отрицательно сказываются на работоспособности и здоровье преподавателей и студентов.

Отдельная проблема – этикет общения. Снова воспитательная функция педагога вышла на одно из первых мест. Оказалось, что прекрасно владеющие средствами связи студенты, часто не знают норм общения: формы приветствия, посторонние шумы на заднем фоне, сообщения по всем каналам связи преподавателю в любое время суток – стали отдельной проблемой. Наш опрос преподавателей МГЛУ позволил прийти к выводу, что одна из основных проблем, вызывающих негативную реакцию преподавателей на такую форму работы (предполагаю, что со стороны студентов

тоже возможны подобные претензии), – стирание границы между работой и домом, официальным и личным. В этом отношении надо четко определить временные границы, ограничить каналы связи, чтобы информация не поступала из большого количества различных источников.

Еще одна серьезная проблема – проблема списывания. Некоторые недобросовестные студенты быстро нашли возможности обманывать преподавателя даже в режиме онлайн с включенным микрофоном и работающей камерой. И педагоги знают, что возможностей прибегнуть к помощи сторонних ресурсов в условиях онлайн-обучения у студентов больше, чем при очной работе. Поэтому в процессе повседневной работы в режиме экстренного дистанционного обучения стоит обратить внимание студентов на тот факт, что текущий контроль – больше инструмент обучения и самоконтроля, нежели непосредственно контроля. Что касается промежуточной или итоговой аттестации, приходится разрабатывать новые оценочные средства: вместо письменного перевода студентам предлагается провести (в зависимости от уровня знаний) анализ текста, составить план текста, сделать выводы по тексту, написать свой комментарий, выполнить упражнения по подстановке или трансформации и др.

Что касается итоговой аттестации, надо понимать, что онлайн-формат дает больше возможностей для неэтичного академического поведения. Например, технология нейронных сетей позволяет имитировать внешний облик и голос человека, т. е. за картинкой на экране может прятаться совсем другой человек. Таким образом, проблема идентификации личности также является актуальной.

Мы считаем, что в экстремальных условиях российская система образования в кратчайшие сроки нашла оптимальные решения. Однако если подобная ситуация с необходимостью оперативного перехода в онлайн-обучение повторится, мы должны по возможности избежать тех ошибок, которые были допущены сейчас, а также минимизировать проблемы и максимально эффективно использовать новые возможности.

ЛИТЕРАТУРА

Bozkurt A., Sharma R. Emergency remote teaching in a time of global crisis due to CoronaVirus pandemic // Asian Journal of Distance Education. 2020. Vol. 15, Issue 1. URL: www.researchgate.net/publication/341043562_Emergency_remote_teaching_in_a_time_of_global_crisis_due_to_CoronaVirus_pandemic (дата обращения 10.05.2020).

Hodges C., Moore S., Locke B., Trust T., Bond A. (2020, March 27). The difference between emergency remote teaching and online learning, EDUCAUSE Review. URL: er.educause.edu/articles/2020/3/the-difference-between-emergency-remote-teaching-and-online-learning, свободный (дата обращения 10.05.2020).

К. В. Кабанова

(Москва, Россия)

Московский гуманитарный университет

i_kseniya@mail.ru

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: брачные отношения, брак, семья, психологическая безопасность, социальная психология.

Key words: marital relations, marriage, family, psychological security, social psychology.

Брачные отношения, т. е. отношения, возникающие после заключения брака (брачно-семейные отношения), и категории, близкие по смыслу этому феномену (брак, семья, супружество и т. д.), являются предметом исследования различных областей науки: философии, права, педагогики, социологии, психологии и др., что можно объяснить многогранностью и значимостью данного явления в жизни людей.

Давая определение брачным отношениям, чаще всего указывают на регулятивную функцию брака, обычно отмечается тот факт, что семейные отношения регулируются обществом через брак как систему норм морали и права между мужем и женой. Психологи называют признание, закрепление, регулирование отношений между партнерами основными функциями брака, предназначенными для наиболее полного удовлетворения их материальных, духовных, сексуальных и прочих потребностей.

Социолог А. Г. Харчев определяет брак как «исторически изменяющуюся социальную форму отношений между мужем и женой, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и усматривает их супружеские и родительские права и обязанности» [Харчев 1979: 66]. Под семьей он понимает «исторически конкретную систему

взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [Харчев 1979: 75].

Различные отрасли права пользуются понятием брака, разработанным в области семейного права. Брак ими определяется как добровольный, равноправный, моногамный союз мужчины и женщины, заключенный с соблюдением требований законодательства, порождающий взаимные личные и имущественные права и обязанности супругов и направленный на создание семьи. Данное определение отражает условия, соблюдение которых необходимо для заключения брака: добровольное взаимное согласие лиц, вступающих в брак (мужчины и женщины), достижение супругами брачного возраста (18 лет), моногамность (ни один из партнеров не должен на момент регистрации брачных отношений состоять в браке), недопустимость браков между близкими родственниками и вступления в брак недееспособных лиц. Целью брака должно быть создание семьи.

Феномен супружества рассматривается как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое присущими ему ценностями» [Голод 1984: 36]. Исторически этот феномен является относительно новым, об этом говорит «неинституциональный» характер супружеских отношений и равноправие относительно нравственных и социальных обязанностей супругов.

В последнее время далеко не всегда брак рассматривается как обязательный атрибут семьи, хотя семья традиционно рассматривается как основной институт первичной социализации индивида. Например, психолог В.С. Торохтий рассматривает семью как активную социальную систему, под которой понимается «малая социальная группа, которая преимущественно адекватно реагирует на социальный опыт и со временем, по мере реализации своих потенциальных возможностей, превращается в воспитывающий коллектив, ориентированный на процессы, происходящие в социуме» [Торохтий 1997: 126].

Семья как социальный институт играет огромную роль в социализации личности, именно в ней зарождаются ценности, формируются ценностные ориентации и психологические установки. Соответственно, именно из семьи восходит отношение к браку, и если в новых

социально-экономических условиях ценность брачных отношений снижается, то этот процесс не может не отразиться и на семейных ценностях. Одной из причин снижения ценности брачных отношений, на наш взгляд, является сведение их функций к регулирующей и правоустанавливающей. Брачные отношения воспринимаются как необходимость для решения вопросов, связанных с установлением прав (на детей, собственность, наследство и т. д.). Очень редко брачные отношения рассматривают как переход личности из одного психологического состояния в другое. Официальная регистрация отношений – это не только юридическое узаконивание прав и обязанностей супругов, самое главное в этом процессе – появление психологической безопасности при переходе личности из состояния неуверенности и нестабильности, которое часто сопутствует незарегистрированным отношениям. Без регистрации брака вряд ли появится состояние уверенности и стабильности – естественное психологическое состояние для определившихся партнеров, осознавших себя мужем или женой и принявшим на себя соответствующие правила взаимоотношений и обязанностей в семейно-брачных отношениях. Естественно, речь идет о тех отношениях, которые строятся на взаимных чувствах, а не на расчете или из каких-то других корыстных соображений. И, конечно, официальный брак не является гарантией вечной любви, но регистрация брака – это своего рода выход из опасной ситуации с положительным результатом, переход на более прогрессивный уровень своего развития, когда партнеры могут перенести акцент сосредоточения своих сил с вопроса «завоевания» друг друга на дальнейшее развитие собственной личности и собственной семьи. Государственная регистрация в большинстве случаев выступает универсальным критерием психологической и социальной зрелости личности, которая во многом зависит от тех установок и ценностей партнеров, которые были заложены в их семьях.

Специфика социально-психологического анализа брачных отношений заключается в том, что брачные отношения рассматриваются как социально-психологическое явление со своими закономерностями, обусловленными фактом включения партнеров в социальные группы и зависящее от психологических характеристик этих групп, а именно, присущих им психологических установок, ценностей и ценностных ориентаций, мотивов и т. д.

Учитывая все вышесказанное, наиболее удачным определением семьи, по-нашему мнению, является определение, предложенное современным психологом Н. В. Ключевой. Она определяет семью как малую (первичную)

группу, которая состоит из лиц, связанных друг с другом двумя типами отношений: супружества и родства, обеспечивает личности эмоциональную стабильность, психологическую и физическую безопасность и личностный рост [Клюева 2001: 7]. В этом определении отражен и брак, как основа брачно-семейных отношений, и фактор безопасности, в том числе – психологической, которая возникает при официальной регистрации брака.

Соответственно, брачные отношения, с точки зрения социально-психологического содержания, можно рассматривать, как отношения, возникающие между партнерами после официальной регистрации брака, обеспечивающие личности психологическую и физическую безопасность, эмоциональную стабильность и личностный рост.

ЛИТЕРАТУРА

Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. Л. : Наука, 1984. 136 с.

Клюева Н. В. Психолог и семья: диагностика, консультация, тренинг. Ярославль : Академия развития, 2001. 160 с.

Торохтий В. С. Психолого-педагогическое обеспечение социальной работы с семьей военнослужащего : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 376 с.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Мысль, 1979. 367 с.

В. Г. Кузнецов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vgk.avamo@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ МОРАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА «ИСТИНА»

Ключевые слова: концепт, типология концептов, морально-ценностные концепты, истина.

Key words: concept, typology of concepts, moral and value concepts, truth.

Рассматриваются особенности репрезентации морально-ценностного концепта «истина» в трех областях – науке (философии), религии и художественном творчестве. Концепт «истина» занимает ведущее место

в мировоззрении человека, в познании своего места в мире. В науке истина постигается напряженной деятельностью разума. Для А. Эйнштейна «поиск истины важнее, чем обладание истиной». Критерием истины является соответствие действительности. Истина – объект знания. Платон считал, что в чувственном восприятии нет истины. Она постигается только разумом. Задачу философии А. Шопенгауэр связывал с сохранением истины и открытием ее для каждой новой эпохи.

В религии истина преподносится в «готовом виде». Для постижения истины достаточно веры в божественную адресацию истины. В религии этот концепт имеет следующие признаки: вечность, единственность, сокровенность, основан на вере, предполагает идеал и конечную цель бытия.

Если в религии истина носит иррациональный характер, в науке, философии ее характер рациональный. Истина – объект знания, а не веры. Для того чтобы истина обладала признаком единственности, она должна быть доказана. Если религиозная истина достигается откровением, то научная – открытием, непреложными фактами. Истина в науке может оспариваться, подвергаться сомнению из-за недостатка доказательств. В религии истина дается верой, имплицитующей единственность истины. В религии сомнение в вере порождает искушение, а если оно не преодолено, совершается грех. В религии истина неизменна и непреложна.

Концепт «истина» занимает ведущее место в художественном творчестве французского писателя Гюстава Флобера. Религиозно-философская драма «Искушение святого Антония» отражает мучительные творческие искания писателя своего места в художественном творчестве, поиск истины в искусстве. Флобер отождествлял себя как творческую личность с отшельником святым Антонием, погруженным в напряженный процесс самопознания, осмысления антитезы земного и небесного, ищущего ответа на вопрос «Где искать истину?». Познание истины Флобер связывал с искусством, в котором истина выступает как прекрасное. Тем самым в художественном творчестве центральным признаком концепта «истина» является ее эстетическая сущность. Поиск истины в искусстве представляет собой философско-эстетическое кредо Г. Флобера. Таким образом, содержание истины у Флобера – проповедование нравственно-эстетических норм бытия. Поиск истины привлекал также пристальное внимание другого известного французского писателя Ф. Стендаля. Он писал: «Трепет охватывает при мысли, какого труда требуют поиски истины, даже самой малой ее части».

Поиск истины находился в центре художественного творчества многих выдающихся писателей. В поисках истины провел свою жизнь Л. Н. Толстой. Ф. М. Достоевский отыскивал в истине пути совершенствования человека. Для М. А. Булгакова было характерно восприятие истины в религиозном аспекте. Флобер ставил под сомнение этот путь поиска истины. Путь к постижению истины для него земной, материальный, а не трансцендентный.

М. В. Лавинская

(Москва, Россия)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ
marina.lavinskaya@gmail.com

MENTIMETER КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: дистанционное обучение, иностранный язык, интерактивный инструмент, презентация, мотивация.

Key words: distance education, foreign language, interactive tool, presentation, motivation.

Современная реальность, в которой дистанционная форма обучения занимает все более прочные позиции практически во всех сферах образования, ставит перед преподавателями новые вызовы, главный из которых – не потерять в его качестве. Поскольку обучение иностранному языку предполагает практически постоянное взаимодействие преподавателя со студентами и студентов между собой, эффективным средством организации такого взаимодействия в рамках дистанционной работы выступает использование специализированных интерактивных приложений. Одним из таких приложений, позволяющих упростить процесс систематизации знаний за счет введения в обучение элементов игрового характера, на наш взгляд, является платформа Mentimeter [Mentimeter, URL].

Mentimeter – шведская компания, которая разрабатывает и поддерживает одноименное приложение, используемое для создания презентаций

с обратной связью в реальном времени. Данное приложение можно использовать на занятиях по иностранному языку для решения следующих задач:

- ▶ создания хорошего настроения и мотивации к обучению в начале занятия;
- ▶ презентации нового материала;
- ▶ опросов / голосования в реальном времени;
- ▶ проверки усвоенного материала;
- ▶ проведения языковых викторин, «мозговых штурмов»;
- ▶ коллективной творческой деятельности;
- ▶ проверки домашних заданий и др.

Для того чтобы начать работу с приложением, необходимо создать бесплатный аккаунт на сайте www.mentimeter.com (можно сделать это очень быстро, войдя из своей учетной записи google или facebook). При создании презентации преподаватель, в зависимости от предполагаемого вида работы, может выбрать следующие виды слайдов: «множественный выбор» с картинкой или без (multiple choice) для тестовой проверки лексических или грамматических знаний; «облако слов» (word cloud) для коллективного составления тезауруса или глоссария в реальном времени; «открытые вопросы» (open ended) или «вопросы от аудитории» с целью совершенствования умений студентов в активных видах речевой деятельности; «викторина» (quiz competition) и др.

В опции множественного выбора при создании настроек для внесения ответов в вопросах можно указывать правильный ответ, показывать процент проголосовавших за каждый вариант, дать участникам возможность голосовать за несколько вариантов, а также показывать сбоку результаты другого опроса для сравнения. В формате создания тезауруса можно попросить студентов вписывать определенное количество лексических единиц, поставить фильтр на нецензурную лексику, дать возможность отвечать несколько раз.

Бесплатная версия Mentimeter позволяет создавать презентации с ограниченным количеством слайдов одного типа, однако число самих презентаций нелимитировано. Таким образом, во время занятия преподаватель имеет возможность перемещаться из презентации в презентацию, демонстрируя студентам лишь конкретные, нужные в данный момент слайды. После открытия необходимого слайда преподаватель просит студентов зайти на сайт www.menti.com со своих электронных устройств и ввести код, написанный в верхней части презентации, чтобы обучающиеся могли вписать свои ответы.

Результаты будут отображаться в реальном времени на слайде преподавателя, который может «поделиться» своим экраном в Zoom или другой программе, в которой проводится дистанционное обучение. Как отмечают студенты, подобные виды интерактивной работы значительно повышают мотивацию к активному участию в процессе обучения.

В заключение подчеркнем, что Mentimeter как инструмент дистанционного обучения, на наш взгляд, является универсальным, поскольку, с одной стороны, технически интегрируется в любую онлайн-платформу, а с другой – с его помощью можно составлять задания по любому иностранному языку, совместимые с любой профессиональной тематикой, что делает его незаменимым в рамках современной методики преподавания в дистанционном формате.

ЛИТЕРАТУРА

Mentimeter: Create interactive presentations & meetings, wherever you are. URL : www.mentimeter.com.

О. М. Ладоша

(Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Московский государственный лингвистический университет
o.m.ladosha@yandex.ru

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ «АТОМКРАФТ» В КОРПУСЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: номинативное поле, семантика, концепт, номинативное поле, Atomkraft, ядерная энергетика.

Key words: nominative field, semantics, concept, nominative field, Atomkraft, nuclear energy.

Долгое время ядерная энергетика считалась эффективным и надежным источником энергии. Однако ряд техногенных катастроф, вызванных авариями на АЭС (Чернобыльская АЭС в 1986 г. и Фукусима-1 – в 2013 г.), взволновали широкую общественность, что, в свою очередь, привело

некоторые государства к идее отказа от ядерной энергетики в пользу других источников энергии [Мухамеджанова, Акатьев 2017: 112].

Цель исследования заключается в выявлении и анализе семантических признаков лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта *Atomkraft* (*Atomkraft, Atomenergie, Kernenergie, Kernkraft, Nuklearenergie*), с помощью методов когнитивно-семантического анализа [Попова, Стернин 2007]. Методология исследования подразумевает обработку данных лексикографических источников, а также интерпретацию контекстов употребления названных лексем.

Материалом исследования послужили публикации СМИ и блогов в период с 1980 по 2014 гг., находящиеся в свободном доступе в корпусе немецкого языка DWDS [Korpora im DWDS URL]. Данный временной отрезок охватывает период непосредственно до и после аварий на АЭС в Украинской ССР (1986) и Японии (2013).

Рассматриваемое явление понимается нами как концепт, то есть «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24].

В ходе анализа были выявлены следующие ключевые семантические признаки лексем:

- 1) отказ от ядерной энергетики;
- 2) мирное использование ядерной энергетики;
- 3) опасности ядерной энергетики;
- 4) проблемы современности;
- 5) будущее ядерной энергетики;
- 6) вопросы экологии;
- 7) общая энергосистема;
- 8) политические вопросы.

Проведенный анализ показал, что лексема *Atomkraft* доминирует в практически всех выделенных нами значениях за исключением семантического признака «отказ от ядерной энергетики», где наиболее частотное использование зафиксировано у лексической единицы *Atomenergie*.

Термин *Nuklearenergie* практически не нашел широкого употребления в выбранном корпусе текстов, что вызвано, вероятно, его ограниченной профессиональным дискурсом сферой употребления.

Общая структура концепта с учетом всех номинативных единиц выглядит следующим образом:

- ▶ Ядро (31 %) составляет признак «отказ от ядерной энергетики».
- ▶ Ближняя периферия (31 %) – «политический аспект» и «опасности ЯЭ».
- ▶ Дальняя периферия (17 %) – «вопросы экологии» и «будущее ЯЭ».
- ▶ Крайняя периферия (9 %) – «ЯЭ как одна из проблем современности» и «мирное использование ЯЭ».

Что касается частотности употребления лексических единиц рассматриваемого поля, то нами не было выявлено корреляции между ней и происходящими в мире техногенными катастрофами. Пик использования лексических единиц номинативного поля приходится на 2008–2009 гг., когда в Германии проходила подготовка и проведение предвыборной кампании в парламент.

ЛИТЕРАТУРА

Мухамеджанова Е. Р., Акатьев В. А. Анализ крупнейших аварий на радиационных объектах и их влияние на темпы развития атомной энергетики в мире // Глобальная ядерная безопасность. 2017. №3 (24). С. 110–114.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : монография. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.

Korpora im DWDS. URL : www.dwds.de/r (дата обращения 25.05.2020).

В. А. Лапшов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

valeralapshov@gmail.com

ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ НА ОБУЧЕНИЕ В МАГИСТРАТУРЕ МГЛУ ПО ДОГОВОРУ

Ключевые слова:

Key words:

обучение, вуз, студент бакалавриата, магистратура, договор.
training, university, undergraduate student, magistracy, contract.

Обучающийся в вузе – это физическое лицо, осваивающее образовательную программу высшего образования и научную деятельность. В зависимости от объема и характера знаний в Российской Федерации устанавливаются следующие уровни высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации. Студентом бакалавриата является лицо, осваивающее образовательные программы бакалавриата [Лапшов 2015: 31]. Магистратура является второй ступенью высшего образования. Она предназначена для углубления специализации по определенному профилю.

Студенческое сообщество МГЛУ, в целом, удовлетворено качеством обучения в вузе. Сформированный за время учебы общий уровень удовлетворенности отражается на успешности обучения студентов в вузе. Прежде всего, на уверенности в правильности выбранного вуза. Почти две трети студентов, удовлетворенных качеством обучения на высоком уровне, при повторном выборе вуза снова бы предпочли МГЛУ [Образцов, Половнёв 2017: 223–225] в качестве места для получения высшего образования.

В исследовании мы исходили из того, что договор – это соглашение между собой двух или более сторон по какому-нибудь вопросу. В договоре об образовании, заключаемом при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица или по-другому – договоре об оказании платных образовательных услуг, указываются полная стоимость платных образовательных услуг и порядок их оплаты (далее – договор) [Понятие договора, URL].

В 2019 году было проведено исследование «Обучение в магистратуре МГЛУ по договору». Для получения информации об исследуемом явлении, использовалась модель количественного контент-анализа текстов эссе «Почему я хочу учиться в магистратуре МГЛУ по договору», написанные анонимно студентами выпускного курса бакалавриата профиля социология коммуникаций с целью описания количественной структуры содержания текста.

В своих размышлениях о преимуществе обучения в магистратуре вуза 42 % респондентов отметили следующие: возможность получения «полного комплекта» знаний по выбранному направлению подготовки; хочется получить степень магистра, чтобы высшее образование считалось законченным; дополнить высшее образование магистратурой; если уж получать высшее образование, то надо идти в магистратуру; диплом магистра может понадобиться в будущей жизни; хочу получить знания, которые смогу

применить в будущей профессии; получить более глубокие знания, стать специалистом, профессионалом; иметь достаточно высокие шансы получить достойное рабочее место; каждый уважающий себя студент мечтает получить диплом магистра; желание получить более углубленные теоретические, академические знания и навыки, работать в научной области или преподавательской деятельности. При этом только 3 % респондентов исходят из того, что магистратура интересна тем, кто хотел бы связать свою жизнь с научной деятельностью и, возможно, продолжить обучение в аспирантуре.

В качестве основного преимущества обучения в магистратуре МГЛУ по договору 23 % респондентов видят в обучении в вечернее время (с 18.00), что позволяет им совмещать учебу и работу, а также дает возможность работать по специальности. Каждый пятый опрошенный студент надеется углубить свои знания по языкам: «сильная языковая подготовка»; «продолжить изучение иностранных языков с целью повысить шанс поступление на работу в иностранную компанию, где труд оценивается и оплачивается в разы выше, чем в России».

Каковы же основные причины нежелания студентов бакалавриата продолжить свое обучение в магистратуре по договору?

38,7 % респондентов отметили следующее: учеба в магистратуре не входит в мои жизненные планы, так как это продолжение «детства»; хочу найти «дело жизни» и классную работу, которая будет приносить мне хотя бы удовольствие, а не бесполезную учебу; не считаю нужным идти в магистратуру; не хочу заниматься научной деятельностью; очень устала от непрерывного высшего образования; я не считаю бакалавриат неполноценным образованием. После выпуска я планирую работать; хочу просто зарабатывать деньги, имея все 33 удовольствия в жизни, не обременяя себя вечерней учебой еще два года.

К основным причинам нежелания обучаться в магистратуре МГЛУ по договору 54,8 % респондентов относят: высокая стоимость обучения (плата за обучение), поэтому невозможно оплачивать обучение в магистратуре по договору; дороговизна обучения, необходимо накопить (заработать) достаточную сумму денег; отсутствие необходимой суммы денег; деньги будут уходить на образование, а на жизнь ничего не останется; у меня нет запасов евро и долларов; нужно быть достаточно состоятельным, так как стоимость обучения велика; за такую цену можно поступить в более престижный вуз.

Каждый шестой респондент заявил о: своем желании «поучиться в другом вузе, так как: в МГЛУ нет образовательных программ, которые

мне интересны»; «использовании вузом карты «Мир» определенного банка, а это мне не нравится»; неудобное расписание занятий; не все графики работы подойдут; далеко ехать от места работы; занятия заканчиваются слишком поздно.

Хотелось бы обратить особое внимание на следующий факт – 12,9% респондентов после обучения в бакалавриате сделали вывод, что «наш вуз не является лучшим»; «вуз перестал быть престижным»; «вуз не удовлетворяет моих потребностей в образовании»; «не самая лучшая репутация вуза в глазах студентов». Студенты ссылаются на плачевное состояние учебных корпусов; холодные аудитории; дырки в туалетах; необорудованность аудиторий техническими средствами обучения и пр.

Все эти накопившиеся проблемы не способствуют поступлению студентов бакалавриата в магистратуру МГЛУ по договору.

ЛИТЕРАТУРА

Лапишов В. А. Отношение студента бакалавриата отечественного вуза к профессиональному обучению в условиях глобализации // Социология образования. 2015. № 7. С. 28–44.

Образцов И. В., Половнёв А. В. Удовлетворенность студентов качеством обучения в вузе : социологический анализ на примере МГЛУ // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. Вып. 2 (786). С. 221–241.

Понятие договора // Статья 420 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/80d946bb2e2c22c74d20a8bdb37d0f0c034aa6bc/ (дата обращения: 14.12.2019).

И. С. Лебедева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: персуазивность, персуазивная коммуникация, персуазивное воздействие, стратегии персуазивности, когнитивный диссонанс.

Key words: persuasiveness, persuasive communication, persuasive effect, persuasive strategies, cognitive dissonance.

В последние десятилетия сфера приложения персуазивной коммуникации значительно расширилась. Персуазивная коммуникация используется в рекламе, маркетинге и в Интернете; является залогом политического успеха. Она проникла в основы общественной жизни и приобрела институциональный характер.

Р. Перлофф [Perloff 2003] рассматривает персуазивное воздействие как процесс, при котором коммуниканты посредством организованных определенным образом сообщений оказывают воздействие на других людей с целью изменения их установок и посткоммуникативного поведения в отношении предмета убеждения, при этом не лишая их свободы выбора. Персуазивное воздействие не предполагает изменение сознания индивида. Ключевой аспект персуазивности – самоубеждение, при котором реципиент самостоятельно принимает решение относительно того, следует ли изменять свои собственные установки в результате осознания преимуществ предмета убеждения.

Когнитивный диссонанс представляет собой состояние психического дискомфорта, которое испытывает индивид в том случае, когда полученное им сообщение, ориентированное на достижение персуазивных целей, вступает в противоречие с его собственными установками и ценностями.

В современной литературе когнитивный диссонанс рассматривается как одна из стратегий воздействия, персуазивный эффект которой основан на следующих положениях: (1) индивиду свойственно стремление к упорядоченности своих мыслей; (2) при получении установок, противоречащих его собственным, индивид испытывает психологический дискомфорт; (3) стремление избавиться от возникшего психологического дискомфорта мотивирует индивида устранить несоответствие установок и восстановить равновесие, в том числе и посредством изменения своих собственных установок [Stiff & Mongeau 2003].

Существуют самые разные стратегии выхода из состояния когнитивного диссонанса, среди которых – дискредитация говорящего или источника информации, исключение себя из целевой группы, поиск информации, которая подтверждает правильность собственных установок, намеренное игнорирование источников когнитивного диссонанса и т. д. [Cooper & Nothstine 1996]. В этом случае персуазивные цели

не достигаются. Однако многократные попытки создать когнитивный диссонанс могут в конечном итоге привести к изменению установок и посткоммуникативного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

Cooper M. D. and Nothstine W. L. Power Persuasion : Moving an Ancient Art into the Media Age. Greenwood, IN : Educational Video Group. 1996. 357 p.

Perloff R. The dynamics of persuasion: communication and attitudes in the 21st century / R. M. Perloff, 6th ed. p. cm. Lawrence Erlbaum Associated, Mahwah, New Jersey, London, 2017. 627 p.

Stiff J. B. and Mongeau P. A. Persuasive Communication. 2nd ed. New York : Guilford Press, 2003. 383 p.

И. В. Макаров

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

dsvernage@mail.ru

МУЗЫКА КАК СРЕДСТВО И МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ СОБСТВЕННЫМ ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ

Ключевые слова: функциональное состояние, функциональная музыка, средства музыкальной выразительности, музыкальное воздействие.

Key words: functional state, functional music, means of musical expression, musical impact.

Для современного профессионала очень важно уметь управлять собственным функциональным состоянием, причем на всех его уровнях – физиологическом, когнитивном и психоэмоциональном. В рамках изучения данного явления было выявлено множество факторов, влияющих на изменение показателей функционального состояния. Одни воздействуют на некоторые его уровни, другие способны изменять все. Одним из таких средств и методов управления функциональным состоянием является музыка.

Исследование влияния музыки на функциональное состояние проводится в рамках различных отраслей психологии – от прикладных направлений психологии труда, где было введено понятие «функциональная музыка», до

ее теоретического осмысления в музыкальной психологии. В рамках данной отрасли психологии было выявлено, что музыка обладает рядом функций, среди которых можно выделить стимулирующую, седативную, терапевтическую, образовательную, коммерческую и церемониальную. Каждая функция предполагает разное музыкальное воздействие на состояние человека. В зависимости от типа музыки, она может улучшать настроение, активизировать или же, наоборот, снижать уровень тревожности, расслаблять.

Отсюда можно сделать вывод, что музыка является эффективным средством регуляции как состояния человека, так и процесса деятельности [Бочкарев 1997]. Эффект воздействия музыки обусловлен такими факторами, как музыкальная культура слушателя, его индивидуально-психологические характеристики, специфика деятельности, тип нервной системы и др. Влияние этих факторов обуславливает содержание и характер музыкальных программ, предназначенных для регуляции деятельности. Однако, несмотря на большое количество проведенных исследований в области музыкального воздействия, до сих пор остается неясным механизм и закономерности этого воздействия. Поэтому на сегодняшний день, существует несколько подходов к пониманию того, как музыка оказывает влияние на функциональное состояние человека.

Одним из подходов, наиболее полно описывающих механизм музыкального воздействия на функциональное состояние человека, является изучение влияния средств музыкальной выразительности. Данный термин включает в себя характеристики звучания, сочетания которых создают определенный музыкальный образ. Именно этот музыкальный образ и оказывает определенное воздействие на человека. Поэтому изучение средств музыкальной выразительности позволяет выяснить, как и какой музыкальный элемент оказывает определенное воздействие на человека. В рамках данного подхода изучается влияние таких средств музыкальной выразительности, как тембр, темп, ритм и т. д. Было доказано, например, что темп в 120 уд/мин оказывает положительное воздействие на запоминание слов [Balch et al. 1992].

Изучение влияния определенных средств музыкальной выразительности позволяет определить составляющие музыкальной композиции, необходимые для определенного воздействия на человека. На основании данного разделения музыки Г. Г. Декер-Фойгт предложил свою классификацию, где разделил музыку на активизирующую и расслабляющую [Декер-Фойгт 2003]. В ней подробно описано, какие средства музыкальной

выразительности за что отвечают, а также к каким эффектам приводит прослушивание разных типов музыки.

В рамках данного подхода для объяснения целенаправленного воздействия музыки на все уровни функционального состояния используется понятие «функциональная музыка». Данное понятие подразумевает применение музыки в конкретных условиях и для достижения конкретных целей. К ним могут относиться, например, профилактика и коррекция негативных состояний (монотония, фобии, дистресс), повышение эффективности деятельности (трудовой, учебной и т. д.). Такая специфика музыкального воздействия привела к созданию особых музыкальных программ [Леонова 2015]. Данные программы представляют собой подборки музыкальных композиций, сочетания которых приводят к определенному ярко выраженному эффекту. Таким образом, подобранные с учетом особенностей деятельности, они позволяют эффективно справляться, например, со стрессом, и, как следствие, приводить к повышению продуктивности деятельности.

Проанализировав особенности музыки, ее функции, а также подходы к изучению механизма музыкального воздействия на функциональное состояние, можно прийти к выводу о том, что музыка является одним из наиболее эффективных средств управления функциональным состоянием. Она способна оказывать воздействие на все уровни состояния – физиологический, когнитивный и психоэмоциональный. Понимание того, как и какие средства музыкальной выразительности оказывают воздействие на человека, приводит к активному использованию музыки в прикладных целях. Ее могут использовать для профилактики и коррекции негативных состояний, которые способны ухудшить качество выполняемой деятельности. Безусловно, музыка не является универсальным средством управления функциональным состоянием. Однако ее совместное использование с другими методами воздействия на функциональное состояние способно привести к желаемым изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарёв А. А. Психология музыкальной деятельности. М. : Институт психологии РАН, 1997 г. 352 с.
- Декер-Фойгт Г. Г. Введение в музыкотерапию. СПб. : Питер, 2003. 208 с.
- Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М. : Смысл, 2015. 380 с.
- Balch W. R., Bowman K. & Mohler L. A. Music-dependent memory in immediate and delayed word recall // *Memory & Cognition*. 1992. 20 (1). P. 21–28.

О. В. Мелешкина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

meleshkinaolga@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ

Ключевые слова: коммуникации, молодые семьи, уклад взаимоотношений в семье, ролевые притязания, успешность брака, методика изучения коммуникаций.

Key words: communications, recently married family, family relationships, role claims, marriage success, methods of studying communications.

Для проведения исследования мы разработали анкету, в которую были включены четыре методики по изучению коммуникаций в семье и их влияния на прогноз развития семейно-брачных отношений.

Анкета представляет собой две версии – мужской опросник и женский, которые, в свою очередь, также разделены на блоки, каждый блок отражал отдельные методики:

- ▶ методика РОП [Волкова 2007] – определение ценностных ориентаций супругов и их роли в семейной коммуникации;
- ▶ тест, позволяющий определить удовлетворенность браком [Алешина 1985];
- ▶ методика оценки успешности брака [Burgess, Cotrel 1939];
- ▶ вариант теста «Незаконченные предложения» для оценки характера взаимоотношений в семье [Слепкова, Заеко 2003].

Использование этих методик и тестов позволило сформулировать 69 вопросов, которые задавались одновременно и мужчинам, и женщинам в исследованных молодых парах, независимо от их возраста. Критерием отбора молодых пар служил срок существования домохозяйства (нахождения в официальном браке или совместного проживания не более 5 лет). Верификация итоговой методики успешности семейной коммуникации проведена на массиве из 106 семейных пар.

Методика РОП позволила репрезентативно интерпретировать факт притязаний супругов на главенство в различных сферах семейной

коммуникации. Для этого определялся специальный показатель степени согласованности, отражающий разность набранных баллов по шкалам семейных ценностей мужа и жены. Для разных типов семей степень согласованности семейных ценностей оказалась существенно различной.

По шкале предсказания успешности брака мы получили показатель вероятности успеха брака. Аналогично получены показатели удовлетворенности браком (на основе теста удовлетворенности браком) и показатель характера взаимоотношений в семье.

Итоговый индекс успешности семейной коммуникации представлял сумму полученных показателей с учетом их значимости (весовых коэффициентов). Как показали расчеты, минимальное значение индекса успешности семейной коммуникации составило 480 баллов, устойчивое среднее значение для последующего прогноза – 520 баллов. Успешность семейной коммуникации в молодой семье традиционного типа можно оценить как достаточно высокую, в семье современного типа – как просто высокую (близкую к среднему значению), а в семье смешанного типа – как достаточно проблемную.

Представления о сущности коммуникации в своих семьях у мужчин и женщин имеют определенные различия. В основном точкой преткновения выступают представления о том, кто является главой семьи (в основном имеется в виду представление об особом положении мужчины), и насколько равноправным можно назвать отношения мужчины и женщины в молодых семьях. Мы исходим из того, что во многом эти представления являются следствием традиционного общественного уклада, но одновременно могут выступать и источником конфликтов и даже распада семей.

Полученные результаты позволили прийти к ряду важных социологических обобщений. Результаты исследования 382 молодых семейных пар, опрошенных по всей России, дали возможность проанализировать характер взаимосвязи ответов респондентов по каждой из методик и реализовать типологию. В итоге нами были выделены три типа молодых семей по характеру их семейной коммуникации: традиционный (к нему относится 45,2 % исследованных семейных пар), современный (30,4 %) и смешанный (24,4 %). Последний тип нуждается в комментариях: дело в том, что к смешанному типу мы относили как ответы пар, которые противоречили друг другу по ключевым позициям, так и те, в которых респонденты даже в собственных ответах допускали неоднозначное толкование собственной роли и роли супруга в семейной коммуникации.

Рассмотрим более подробно особенности каждого из трех типов молодых семей.

Традиционный тип. Женщинам важна семья как источник эмоциональной и моральной поддержки, стремление к официальным отношениям в семейном союзе, а также стремление максимально «подстроиться» под супруга. Мужчины интересны внутрисемейные ценности и процесс межличностного взаимодействия супругов.

Современный тип. Для женщин наибольшее значение имеют сохранение внесемейных интересов и дружеских отношений, получение эмоциональной и моральной поддержки в кругу семьи как среды, способствующей психологической разрядке и стабилизации. Мужчины ориентированы на те же аспекты.

Смешанный тип. Женщины – сохранение внесемейных интересов, стремление максимально «подстроиться» под супруга. Мужчины – личная идентификация с супругой.

Успешность семейной коммуникации в молодых семьях традиционного типа можно оценить как высокую, в семьях современного типа – как среднюю, а в семьях смешанного типа – как достаточно проблемную.

Разработанная интегральная методика оценки успешности семейной коммуникации может послужить инструментом для диагностики отношений в молодых семьях.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Ю. Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни : дис. ... канд. психол. наук. М., 1985. 145 с.
- Волкова А. Н., Трапезникова Т. М.* Методические приемы диагностики супружеских отношений // Психология семьи : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2007. С. 734–745.
- Слепкова В. И., Заeko Т. А.* Практикум по психологической диагностике семейных отношений: учебно-методический комплекс. Минск : БГПУ, 2003. 339 с.
- Burgess W. Ernest, Cotrell L.* Prediction of successful or unsuccessful marriage, 1939. 344 p.

О. В. Нешкес

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

nesh_86@mail.ru

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ИСПАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА КАК ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ключевые слова: Россия, Испания, прагматилистический анализ, историко-дипломатический дискурс.

Key words: Russia, Spain, pragma-stylistic analysis, historical diplomatic discourse.

Целью исследования является выявление лингвостилистических и лингвопрагматических характеристик испанской дипломатической документации второй половины XVIII в., лежащих в основе создания образа России в испанской языковой картине мира рассматриваемой исторической эпохи.

Материалом исследования послужили испанские исторические документы, представляющие собой служебную (внутреннюю) дипломатическую переписку официальных лиц Испании, Мексики и испанских посланников в России. Эти документы репрезентируют состояние российско-испанских отношений в ходе освоения североамериканских территорий обеими империями и отражают представления испанских элит о России во второй половине XVIII в.

Актуальность проблематики обусловлена развитием междисциплинарных подходов к изучению дискурса, при этом историко-дипломатический дискурс в лингвистических исследованиях остается мало изученным, являясь предметом исследования исторических дисциплин.

Согласно тезису Т. ван Дейка, «в дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [Ван Дейк 1998: 47]. Тогда как знания о других европейских народах

сформировались в испанском сознании уже очень давно, представления о так называемом национальном характере Российской империи начали складываться только в XVIII в. [Кастилья Урбано 2018: 120]. Практически единственным источником информации о далекой России были сообщения дипломатов, которые стали имагологическим фундаментом, на котором строилось представление о России в испанской национальной культуре и языковой картине мира в XVIII в.

Под воздействием искусно переплетенных между собой витиеватых, а иногда и прямолинейных изречений испанских посланников формировалось «коллективное восприятие» происходящих событий и стране.

Особенностью языка дипломатических донесений является экспрессия, выражающаяся в эмфатическом выделении высказываний и логическом подчеркивании. Аксиологическая составляющая дискурса неразрывно соединена с понятийным и образным компонентами. В исследуемых документах мы наблюдаем развитие нарратива, отображающего «литературные» и дипломатические стандарты эпохи.

Прагматическая установка, обнаруживаемая в документах, соответствует целям обеспечения безопасности своего государства, реализации сотрудничества с Россией.

На основании дискурсивного и прагматилистического анализа рассматриваемых документов второй половины XVIII в. показано, что в испанской языковой картине мира образ России представлен аксиологически неоднозначно, что обусловлено как политической обстановкой, так и слабой осведомленностью о стране (России).

Результаты исследования могут представлять интерес для лингвистов, лингвокультурологов, стилистов, дискурсологов, историков, этнографов, а также использоваться при разработке междисциплинарных проблем культурно-исторического и языкового наследия России и Испании.

Исследование подготовлено с применением междисциплинарного подхода, методов сопоставительного, прагматилистического и дискурсивного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Л. : Сэйдж пабликэйшнс, 1998. 384 с.
Ф. Кастилья Урбано. Хосе Кадаальсо и Россия // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia : diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М. : Индик, 2018. 928 с.

И. В. Образцов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

igorobraztsov@rambler.ru

ОТНОШЕНИЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОСТАВА К ДИСТАНЦИОННЫМ ФОРМАМ ОБУЧЕНИЯ (по результатам социологических исследований на примере МГЛУ)

Ключевые слова: дистанционный формат обучения, методы обучения, социологический анализ, МГЛУ.

Key words: distance learning format, teaching methods, sociological analysis, MSLU.

В повседневную практику вузов дистанционное обучение начало внедряться еще во второй половине 1990-х гг. и рассматривалось как «новая форма организации образовательного процесса, базирующаяся на принципе самостоятельного обучения студента, при которой учащиеся отдалены от преподавателя в пространстве и/или во времени и в то же время имеют возможность в любой момент реализовывать процесс обучения и поддерживать диалог посредством дистанционных образовательных технологий и средств телекоммуникации» [Рак 2010: 74–75]. Таким образом, дистанционное обучение является своеобразной *образовательной технологией*. Однако ее внедрение в учебный процесс вузов происходило крайне медленно и непоследовательно.

Ситуация кардинально изменилась в середине марта 2020 г., когда в условиях пандемии коронавируса произошел резкий переход всей системы образования на дистанционный формат обучения (ДФО). Он выявил серьезные проблемы как технологического, так и психологического характера, с которыми столкнулись все участники образовательного процесса. Система высшего образования не стала исключением.

Масштабное исследование, проведенное Минобрнауки России совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС (N=33987, около 15 % профессорско-преподавательского состава вузов РФ), с одной стороны, показало устойчивые навыки 77 % преподавателей в освоении и использовании форм дистанционного обучения, а с другой – выявило целый ряд проблем.

В качестве таковых, прежде всего, были отмечены: 1) спад мотивации студентов к обучению; 2) нехватка у студентов навыков и умений для поддержания дисциплины и усердия в дистанционном обучении; 3) эмоциональные срывы, как студентов, так и преподавателей; 4) рост нагрузки на преподавателей; 5) отсутствие в системе образования индивидуального подхода, обезличенность; 6) невозможность контролировать уровень знаний; 7) ограничение в ряде направлений на дистанционную передачу знаний; 8) формализация процессов образования, склонность к шаблонным, унифицированным решениям [Преподаватели высказали ... 2020, URL].

В результате чего 87,8 % преподавателей заявили о необходимости возвращения к очному формату обучения и использованию дистанционной формы в качестве вспомогательной.

Исследователи рейтингового агентства RAEX (N=6 000 студентов из 153 вузов) пришли к аналогичным выводам и при исследовании другой стороны образовательного процесса – студентов, только 24 % из них не испытывают значимых трудностей при онлайн-обучении. Остальные отмечают низкий уровень информатизации вузов (13 %), недостаток материалов (28,7 %), плохую организацию процесса (34,9 %) и неготовность преподавателей адаптироваться к новому режиму (35,7 %) [Переход вузов на удаленку 2020, URL].

Результаты исследования, проведенного в МГЛУ¹, в целом подтвердили вышеизложенные тенденции, а также позволили выявить некоторые специфические черты, характерные для вуза лингвистического профиля.

Прежде всего, отношение преподавателей МГЛУ к дистанционному формату обучения определенным образом дифференцировалось, как по профилю их специализации (лингвистического и не лингвистического), так и возрастным категориям (см. табл. 1).

Преподаватели-лингвисты продемонстрировали большую адаптивность к проведению занятий в дистанционном формате, по сравнению с преподавателями кафедр не лингвистического профиля. Так же, как и преподаватели в возрасте до 45 лет, проводившие более 90 % занятий в онлайн-режиме, по сравнению с более возрастными коллегами. В то же

¹ Анонимный онлайн опрос проведен в период с 25.04 по 15.05.2020 г. N = 554 (55,6 % от числа ППС). Выборка вероятностная стратифицированная пропорциональная; соотношение между стратами: по профилю специализации кафедр: лингвистических / нелингвистических = 78:22; преподаватели с ученой степенью / без ученой степени = 51:49.

Таблица 1

Характер отношения ППС к ДФО (по 5-балльной шкале)

	Профиль учебно-научного подразделения		Возрастные категории			
	Лингвистического профиля	Не лингвистического профиля	до 35 лет	36–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
С переходом на ДФО у меня появилось больше времени	1,8	1,7	2,0	1,7	1,7	1,6
ДФО удобен и комфортен лично для меня	2,4	2,4	2,5	2,6	2,3	2,1
ДФО удобен и комфортен для студентов	2,4	2,4	2,4	2,5	2,3	2,2

время все участники образовательного процесса испытали определенный *психологический дискомфорт*, который для преподавателей был связан с *повышением рабочей нагрузки* и необходимостью освоения *новых платформ и инструментов ДФО*. Для студентов переход на ДФО характеризовался нейтрально-позитивным отношением, а основные трудности были связаны с *дефицитом личного общения* с преподавателями и сокурсниками, трудностями *организации своего учебного времени* и проблемами работы *технических устройств и каналов связи*.

При общей удовлетворенности проведением занятий в дистанционном формате, ни студенты, ни преподаватели *не видят улучшения качества образования*. Магистранты и аспиранты демонстрируют большую адаптивность и удовлетворенность дистанционным форматом обучения по сравнению с бакалаврами.

Основными формами взаимодействия педагогов и студентов в дистанционном формате обучения явилось общение по *электронной почте*, а также в мессенджерах *WhatsApp* и *Telergram*, преимущественное использование при проведении занятий было отдано платформам и инструментам

Zoom и *Skype*. При этом преподаватели по незнанию не смогли широко использовать перспективные программы *Google Classroom*, *MS Teams* и *Discord* и высказали потребность в их дальнейшем освоении. Признавая недостатки и несовершенство платформы *Moodle*, при ДФО часть преподавателей стали более активно использовать ее возможности по сравнению с очной формой обучения, когда обращение к ней носило, в основном, вынужденный формальный характер.

Более половины преподавателей никак не использовали методические рекомендации по организации ДФО, размещенные на сайте университета ввиду того, что либо не знали об их существовании (19%), либо не видели в них практической пользы для себя (21%). Научно-педагогический состав продемонстрировал потребность в повышении квалификации по вопросам организации и практической реализации в ДФО.

Очевидно, что первый массовый опыт участия ППС в ДФО нуждается в дальнейшем изучении, обобщении и анализе с целью разработки рекомендаций для его дальнейшей оптимизации и интеграции в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

Переход вузов на удаленку : 75 % студентов испытывают трудности. URL : <https://raex-rr.com/education/perehod-vuzov-na-udalunku-75-studentov-ispytyvaut-trudnosti> (дата обращения 19.06.2020).

Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн. URL : https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603 (дата обращения 19.06.2020).

Рак Е. А. Особенности применения дистанционных технологий обучения в виртуальном пространстве вуза // Власть. 2010. №10. С. 74–76.

О. Н. Павлюк

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

olnpavlyuk@gmail.com

ВЫРАЖЕНИЕ АТРИБУТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИНТАКСИСЕ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание, атрибутивная цепочка, короткая новостная статья, медиатекст, синтаксис.

Key words: attributive phrase, brief news item, media text, sequence of attributes, syntax.

В лингвистике под медиадискурсом понимается «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации» [Добросклонская 2006: 21], что позволяет считать медиатекстом любой печатный текст, представленный в современных СМИ. Повышенный и неослабевающий интерес лингвистов к медиатекстам объясняется тем, что в англоязычных странах именно СМИ отводится роль нормирующего язык института, и в этом смысле авторитетность медиатекстов как источников языковых и, следовательно, культурных и когнитивных предпочтений определенного языкового сообщества является неоспоримой.

Среди определяющих признаков медиатекста исследователи выделяют: медийность как воплощение текста с помощью тех или иных медиа-средств и, соответственно, его детерминацию форматными и техническими возможностями канала передачи; массовость; интегративность, или поликодовость текста, т. е. объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов; открытость текста [Казак 2019]. Исследователи также отмечают безусловную ориентацию медиатекста на адресата сообщения. Автор всегда апеллирует к речевому опыту целевой аудитории, для которой создается медиатекст, а также использует элементы, репрезентирующие картину мира адресата и нередко характеризующие его стиль жизни и социальный статус [Казак 2019].

Для анализа были взяты заголовки англоязычных новостных статей (brief news items) как особый, стратегически важный, структурный и содержательный элемент медиатекста, обладающий, кроме прочих типичных для медиатекста характеристик и собственных уникальных черт, рекламно-прагматической функцией. Иными словами, заголовок призван кратко и доступно проинформировать, а также заинтересовать потенциального читателя (адресата). Нашей задачей было проанализировать заголовки статей разной тематической направленности с целью выявления особенностей функционирования в них атрибутивных структур как единиц сложной номинации, обладающих, по мнению ряда авторов, вторичной предикативной силой [Галлямова, Смирнова 2019: 114], а значит, способных к передаче определенной информации.

Современная лингвистика описывает атрибутивную конструкцию как «словосочетание, состоящее из главного (определяемого) слова и одного

или нескольких определяющих его слов» [Ткаченко 2020: 81]. Среди особенностей функционирования атрибутивных групп в заголовках медиатекстов на английском языке выделяют, во-первых, широкое распространение препозитивных атрибутивных структур и, во-вторых, высокую частотность использования словосочетаний с двумя и более атрибутами, где помимо связи нескольких определений с главным словом, возникают собственные связи внутри атрибутивной цепочки. Использование атрибутивных словосочетаний дает автору заголовка возможность «закодировать» довольно большой объем информации с помощью короткой синтаксической структуры, что для заголовков особенно важно, ввиду ограничений по объему.

Из вышесказанного следует, что семантические связи между элементами атрибутивной структуры, используемой автором заголовка, должны быть настолько очевидны для адресата медиатекста, чтобы он не испытывал затруднений при расшифровке сжатой информации. Другими словами, синтаксическая организация заголовка должна, с одной стороны, быть содержательно максимально наполненной (выражать определенный глубокий смысл, способный апеллировать к читателю), а с другой – отвечать нормам языка, чтобы на ее понимание читатель тратил минимальное количество усилий и времени.

Полученные на настоящий момент данные позволяют сделать ряд принципиальных выводов.

1. Заголовок короткой новостной статьи на английском языке не только отражает общелингвистические тенденции, предъявляемые к данному элементу текста, но и обладает специфическими характеристиками медиатекста.

2. В целом, атрибутивные отношения сохраняют свою содержательную специфику в текстах исследуемого типа. Однако отличительной чертой поверхностной организации заголовка является то, что среди набора моделей, которыми представлены атрибутивные конструкции, доминирующей выступает структура вариантная по отношению к инварианту [атрибут-прилагательное + главное слово-существительное]. Доминантой здесь оказывается комбинация [определение-существительное при определяемом-существительном].

3. Приоритеты конкретной семантики компонентов атрибутивного словосочетания в составе заголовка новостной статьи демонстрируют выраженную зависимость от тематической направленности медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

Галлямова А. И., Смирнова М. И. Атрибутивное словосочетание в предложении как выразитель вторичной предикативности // Вопросы науки и образования. Вып. Науки об образовании. 2019. С. 113–116. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/atributivnoe-slovosochetanie-v-predlozhenii-kak-vyrazitel-vtorichnoy-predikativnosti> (дата обращения 09.05.2020).

Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.

Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. URL : <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml> (дата обращения: 10.05.2020).

Ткаченко А. В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 80–86. URL : <https://www.gramota.net/materials/2/2020/4/17.html> (дата обращения: 09.05.2020).

А. В. Половнёв

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
polovnev_av@mail.ru

УРОВЕНЬ И ОСОБЕННОСТИ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ЯЗЫКАМИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Ключевые слова: иностранный язык, уровень владения, изучение языков.

Key words: foreign language, level of proficiency, language learning.

Глобализационные процессы, традиционно ассоциирующиеся с политической, экономической и социокультурной интеграцией стран, не могли обойти стороной языковое пространство. Лингвистическая глобализация, проявляющаяся в формировании глобализационного языка, вытеснении одними языками других и в укрупнении отдельных языков [Некипелова 2015], этим себя не ограничивает. Изменения в языковом пространстве отражаются в том числе на восприятии населением важности и необходимости освоения языков других стран. *Большинство россиян сегодня признает*

важность изучения и пользу от владения иностранными языками. По данным всероссийских опросов, 63 % жителей России считают, что в ближайшее время осваивать иностранные языки необходимо и без этого не обойтись. Еще около трети населения (31 %) не отрицают полезность изучения иностранного языка, но вместе с тем не считают это необходимым, склоняясь к тому, что без этого можно обойтись. Всего лишь 5 % опрошенных россиян уверенно отвечает, что без изучения иностранного языка сегодня точно можно обойтись. Наибольший запрос на изучение иностранных языков в России наблюдается среди жителей мегаполисов и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Около трети москвичей и жителей Санкт-Петербурга (75 %) считают знание иностранных языков крайне необходимым в современной жизни [ВЦИОМ 2019].

Польза от владения иностранными языками видится российскому населению прежде всего в коммуникативном и экономическом аспектах. Владение иностранными языками, по мнению россиян, открывает возможность общения с иностранцами, в том числе и в поездках за границу, а также предоставляет конкурентные и зарплатные преимущества, которые возникают при трудоустройстве. В основном россиянами (85 %) упоминаются эти возможности при ответе на вопрос о преимуществах знания иностранного языка [ВЦИОМ 2019].

Высокая оценка актуальности и запроса на изучение иностранных языков существенно расходится с уровнем их знания в российском обществе. Чаще всего оценки владения иностранными языками среди населения России колеблются около отметки 20 %. Например, по данным 27 волны RLMS-HSE иностранными языками, помимо языков бывших республик СССР, владеет каждый пятый житель России (21 %) [RLMS HSE 2018]. *Наиболее популярными иностранными языками среди россиян являются английский и немецкий языки.* По данным RLMS-HSE, 96 % владеющих иностранными языками знают английский или (и) немецкий. *Популярность английского языка среди российского населения в несколько раз выше немецкого и с каждым годом растет.* Согласно официальным данным последних переписей населения, число владеющих немецким языком в России в 2010 году составляло около 2 млн чел., а английским около 7,5 млн чел. С 2002 г. по 2010 г. численность владеющих немецким сократилась почти на 900 тыс. чел., в то время как численность россиян, владеющих английским, возросла за межпереписной период почти на 630 тыс. чел. [Соловьев 2012]. Данные RLMS-HSE свидетельствуют о продолжении обозначенной

тенденции. С 2008 по 2015 гг. среди россиян, владеющих иностранным языком, доля знающих английский язык возросла на 10 % (с 73 % до 83 %), а доля владеющих немецким языком в свою очередь сократилась (с 22 % до 13 %) [RLMS HSE 1994–2018].

Изменения в популярности иностранных языков среди россиян фактически не отражаются на доле владеющих иностранными языками, которая за последнее десятилетие оставалась практически неизменной. По данным мониторингового исследования RLMS-HSE о владении иностранным языком с 2009 по 2018 гг., ежегодно заявляет около 20 % опрошенных в России. Самооценки уровня владения иностранными языками на протяжении десятилетия также выглядят достаточно стабильно. Среди 1/5 части россиян, владеющих иностранными языками, только 7–8 % владеют им свободно, 18–20 % могут изъясняться и достаточно свободно читать, а большинство знающих иностранный язык (70–75 %) может изъясняться, читать и переводить только со словарем [RLMS HSE 1994–2018]. Уровень владения самыми популярными языками несколько отличается от других. По данным ВЦИОМ, английским владеет свободно около 5 % населения, а около 36 % могут объясняться в быту, читать и переводить. Немецким языком свободно владеет около 1 % населения России, а объясниться в быту, прочесть или перевести сможет около 14 % россиян [ВЦИОМ 2019].

Различные социологические исследования свидетельствуют о наличии *поколенческого разрыва в уровне владения иностранными языками.* Чаще всего владеют иностранными языками молодые россияне в возрасте от 18 до 30 лет. Далее, по мере увеличения возраста, уровень владения иностранным языком среди населения стабильно сокращается. Основными причинами поколенческого разрыва в уровне владения иностранными языками, скорее всего, является разница в полученном образовании и отличия в характере занятости когорт населения. *Кроме поколенческого разрыва отличия в уровне владения иностранным языком определяются типом населенного пункта и уровнем образования.* Жители Москвы и Санкт-Петербурга, чаще других знают иностранные языки, а городское население чаще владеет иностранным языком, чем сельское. Причина таких различий, скорее всего, кроется в уровне востребованности и интенсивности использования иностранного языка в профессиональной и повседневной деятельности. Люди с высшим образованием чаще (чем без него) заявляют о владении иностранными языками. Вместе с тем более половины россиян, имеющих диплом о высшем образовании (около 55 %), не владеет иностранным языком.

Предпринимаемые усилия по интенсификации уровня и качества лингвистического образования в российских школах, развитие частных языковых школ и технологических способов изучения языка, безусловно, должны со временем отразиться на общем уровне владения языками в российском обществе. *Вместе с тем разрыв между высокой оценкой важности изучения иностранного языка и низким уровнем владения иностранными языками существенно в ближайшей перспективе вряд ли удастся сократить.* Подавляющая часть россиян (почти 75 %) не планирует в ближайшие годы осваивать иностранный язык. На совершенствование имеющихся лингвистических компетенций нацелено только чуть больше 15 % россиян, еще 9 % настроены начать изучать новый иностранный язык. Среди тех, кто планирует приступить к изучению нового языка почти 40 % начнут с английского языка, а среди планирующих совершенствовать язык, ориентируется на английский 77 % [ВЦИОМ 2019].

Для развития лингвистических компетенций сегодня существует много различных способов. *Все большей популярностью среди россиян начинают пользоваться самостоятельные, дистанционные и технологичные способы изучения языка.* Около четверти россиян, владеющих иностранными языками, совершенствовали его самостоятельно с помощью самоучителей и пособий; каждый пятый (20 %) с помощью курсов в Интернете, мобильных программ и еще столько же в языковых школах. Среди планирующих продолжить изучение языка и в будущем интернет-курсы и мобильные приложения нацелены использовать уже около 40 % россиян, смотреть фильмы на языке оригинала – 31 %. Рост популярности технологических способов изучения языка связан с ростом доступности Интернета среди населения, развитием интернет-технологий, мобильных приложений и цифровых сервисов, предоставивших новые возможности для освоения иностранных языков. Вместе с тем около 35 % россиян, планирующих продолжить изучение языка, по-прежнему будут использовать традиционные методические разработки – учебные пособия и самоучители.

Образовательными лингвистическими услугами репетиторов для совершенствования иностранного языка среди них планируют воспользоваться 18%, изучением в языковых школах – около 14 %, общением с носителями языка в обычной жизни – около 20 %, на дополнительные курсы при университетах планирует пойти 8 %, а языковые практики в естественной среде планируют использовать около 9 % стремящихся к развитию лингвистических компетенций россиян [ВЦИОМ 2019].

ЛИТЕРАТУРА

Некителова И. М. Глобализация языка : неизбежность или необходимость? // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 3 (47). URL: cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-yazyka-neizbezhnost-ili-neobhodimost.

Иностранный язык : перспективная инвестиция? Аналитический обзор ВЦИОМ № 4068. URL : wciom.ru/index.php?id=236&uid=9924.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (Сайт обследования RLMS HSE: www.hse.ru/rlms).

Соловьев С. С., Минакова Н. В. Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России : Социологический анализ : монография. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 11–16.

Е. А. Попова, Е. Е. Подольская

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

o-genia@yandex.ru, solete1977@mail.ru

«РАССТАТЬИ» Х. Х. МИЛЬЯСА: РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНАЛИЗУ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: критическое мышление, анализ дискурса, гибридный жанр, «расстатья», компетенция.

Key words: critical thinking, discourse analysis, hybride genre, «articuento» (article-story), competence.

Обучение критическому мышлению как системе суждений, которая применяется для анализа явлений, вещей и событий с целью получения достоверных интерпретаций и использования полученных результатов к актуальным вопросам, невозможно без развития соответствующих компетенций. К таким компетенциям относятся:

- ▶ умение критически анализировать информацию, формировать собственное мнение и аргументировать свою позицию по

универсальным проблемам бытия и актуальным проблемам современного общества;

- ▶ умение нестандартно мыслить, самостоятельно вырабатывать технологии мышления, генерировать идеи и принимать решения в условиях неопределенности;
- ▶ умение осмысливать явления окружающего мира во взаимосвязи, целостности и развитии, выявлять проблемы и предлагать решения на основе системного подхода, в том числе в междисциплинарных областях.

Анализ дискурса как аспект в рамках дисциплины «Практикум по культуре речевого общения второго иностранного языка» в МГЛУ на выпускном курсе бакалавриата (специальность «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур») предполагает владение студентами испанским языком на уровне B2 по шкале Европейского портфеля компетенций (CEFR). Поскольку уровень B2 предполагает как умение понимать основные идеи сложных текстов разных жанров по конкретным и абстрактным темам, так и умение самим создавать четкий, подробный текст по широкому кругу вопросов, перед преподавателями ставится задача развития компетенций, связанных со способностью критически осмысливать действительность.

Для достижения указанной цели необходим адекватный выбор материала, для чего в испаноязычном дискурсе можно использовать гибридные жанры, сочетающие публицистический и художественный дискурс, поскольку именно они, находясь в междисциплинарной плоскости, обеспечивают возможность научиться быстро распознавать аргументы, определять ключевые идеи в текстах, использовать доказательства и свидетельства экспертов и специалистов в разных областях и грамотно обосновывать свои слова, аргументированно оспаривая то, с чем вы не согласны, и глубже понимая чужие и собственные убеждения, мысли и поступки.

На занятиях по анализу дискурса студенты работают с текстами таких испанских авторов, сочетающих в своем творчестве журналистику и литературу, как К. Посадас, М. Ривас, Р. Монтеро и Х. Х. Мильяс, однако именно последний является наиболее ярким создателем гибридного жанра, поскольку его перу принадлежат так называемые «расстатьи» (*articuentos*, от сочетания *artículo* – ‘статья’ + *cuento* – ‘рассказ’) – сочетание жанра аналитической колонки «Мнение» в газете *El País* и ультракороткого рассказа (32 строки, 300–350 слов каждый). Смешивая стиль аргументации,

типичный для аналитической статьи как ключевого элемента СМИ с литературным повествованием, которое позволяет использовать широкую палитру разноуровневых стилистических приемов, Х. Х. Мильяс обостряет чувства читателя при взгляде на банальные, повседневные вещи и события, предлагая тем самым критически взглянуть на реальность и собственное ее восприятие.

В результате проведенного анализа 200 «расстатей» нами были выявлены четыре «глобальные» темы, предлагаемые автором для критического осмысления: философия и наука, национальные и международные отношения, общество и повседневная жизнь, взаимосвязь между вымыслом и реальностью. На занятиях по анализу дискурса испанского языка как второго иностранного мы предлагаем студентам комплекс упражнений, основанных на 8 «расстатях», 4 из которых объединены темой «Такси» (*Taxis*), и 4 – темой «Мобильные телефоны» (*Móviles*):

1. Подготовительные упражнения: «исследование» – поиск информации об авторе, «размышление» – попытка дать общую характеристику «расстатей» по ряду параметров (предположение о содержании, исходя из заголовков, установление ключевых слов и др.).
2. Упражнения в ходе чтения: чтение с целью получения общей или детальной информации, резюме прочитанного (фактической информации).
3. Аналитические упражнения, следующие за чтением:
 - ▶ лексико-грамматические (языковые) задания, направленные, в первую очередь, на интерпретацию смыслов «расстатей» через поиск стилистических средств (тропов и синтаксических фигур);
 - ▶ работа в группах с целью проверки ответов на вопросы (языковые задания с коммуникативной направленностью);
 - ▶ дискуссия / круглый стол, критическая оценка прочитанного, написание итогового аналитического эссе / устное выступление-интерпретация текста (коммуникативные задания).
4. Проектная работа: просмотр и обсуждение интервью с Х. Х. Мильясом, с целью формирования как дискурсивной, так и социокультурной компетенции, самостоятельный поиск материалов по схожей тематике и их сравнение, подготовка индивидуальной или групповой презентации.

В заключение подчеркнем, что упражнения, разработанные преподавателями кафедры второго иностранного языка МГЛУ для чтения

«расстатей» и обсуждения творчества Х. Х. Мильяса формируют следующие умения, направленные на развитие критического мышления:

- 1) наблюдать и быть внимательным к деталям;
- 2) сосредоточенно изучать информацию;
- 3) быстро определять самое важное и реагировать на ключевые моменты сообщений;
- 4) без особых усилий обосновывать свою точку зрения;
- 5) применять аналитические навыки в самых разных ситуациях.

В. А. Примаков

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vprim2007@yandex.ru

МЕДИАТИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И МАНИПУЛЯТИВНЫЕ МЕДИАТЕХНОЛОГИИ

Ключевые слова: медиатизированное общество, манипуляция общественным сознанием, манипулятивная медиатеchnология.

Key words: mediatized society, manipulation of mass consciousness, manipulative mediatechnology.

Проблема взаимодействия медиа и общества сегодня как никогда прежде превращается в одну из самых актуальных и неоднозначно осмысливаемых. Имеются ли особенности влияния массмедиа на общественные структуры в отличие от личностных? Полагаем как минимум полезным для социологической науки, положительно отвечать на этот вопрос.

Среди особенностей влияния современных массмедиа на общественные структуры, институты, личности можно выделить следующие. Во-первых, есть смысл констатировать, что современные массмедиа изменились не только количественно по источникам, средствам и способам передачи, но и структурно по уровням, локальностям проникновения, субъектам, носителям и пр., а особенно качественно, содержательно по информационно-коммуникативному контенту влияния на различные общественные структуры. Во-вторых, эти новые характеристики массмедиа обусловили не только их проникновение в социальную ткань общества, но

и его медиатизацию. В-третьих, медиатизация создает особую медиасоциальную реальность, формирующую специфическое социальное пространство, где реализуются реальные социальные структуры, практики, ценности, нормы [Коломиец 2014: 107].

Очевидно, что в медиатизированном обществе формируются и создаются, причем вполне целенаправленно, особые условия для социальной регуляции общественных отношений и манипуляции общественным сознанием. Массмедиа в таком обществе превратились в универсальный, публичный, общедоступный, многоплановый, интегрированный в различные социокультурные сообщества канал формирования массового сознания отдельных лиц, групп, общества в целом [Mediatization 2009]. А значит, не только социальной регуляции, но и манипуляции.

Важно подчеркнуть, что в регулятивных отношениях массмедиа стали играть особую роль, не просто важную, а доминирующую. Медиатизация с особым эффектом проявляется в неконтролируемом возрастании роли различных медиасубъектов, организаций, учреждений, структур и отдельных медиаперсон, занимающихся производством, распространением, ретрансляцией, измерением медиaprостранства и медиапродуктов [Кара-Мурза 2004: 175–176].

Особое регулирующее и / или манипулирующее влияние массмедиа хорошо проявляется в обобщенном анализе наиболее распространенных медиасоциальных практик, хаби́туализированных в повседневной жизни. Например таких, как «медиатизация событий», «agenda-setting», «смомбизм», геймеризация, краудсорсинг и др. Все эти тенденции формируют общий тренд – усиление регулирующей и манипулирующей роли современных медиатехнологий.

Соответственно, манипулятивные медиатехнологии могут рассматриваться как логически, последовательно выстроенная система приемов, способов, каналов и инструментов создания и распространения нужного медиаконтента в целевой среде массовой коммуникации, имеющая целью сформировать побуждения, намерения и, как результат, поведенческие практики соответствующих объектов, необходимые субъекту манипуляции [Thomas 1928].

В логической основе манипулятивных медиатехнологий лежат следующие принципиальные последовательные составляющие:

- 1) построение и поддержание виртуальной массмедиа картинки, ориентированной на потребности, ожидания, картину мира целевой

- аудитории, объекта манипулирования; по сути – создание и продвижение определенного формата восприятия (угла зрения, стиля и т. п.);
- 2) создание символического (возможно мифического) события в стиле «хайли-лайкли», вписывающегося в построенный медиа-формат для того, чтобы «человек медиатизированный» поверил в реальность новости, виртуального события, картинки и нужным образом среагировал на нее; чаще всего для этого используется банальная провокация;
 - 3) тиражирование и синхронизация информационных потоков и коммуникационных волн обсуждения, подтверждения, фильтрации, эмоциональной оценки, инфошочков, отвлекающих фактоидов и т. п. для поддержания и направления массовой коммуникации в нужное русло реакций.

Методы манипулятивного воздействия на различных этапах таких технологий общеизвестны: от распространения лжи, фактоидов, до формирования стандартов медиапотребления, медиапрактик, нагнетания эмоций, страхов, очернения оппонентов и пр.

ЛИТЕРАТУРА

- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2004. 832 с.
- Коломиец В. П.* Медиа социология : теория и практика : научная монография / Аналитический центр Vi. М. : НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.
- Mediatization : concept, changes, consequences/ ed. by K. Lundby.* New-York : Peter Lang, 2009. 317 p.
- Thomas, William & Thomas, Dorothy.* The Child of America : Behavior Problems and Programs. New York, 1928. 576 p.

А. В. Саблуков

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
asablukov@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ИННОВАЦИЯМ

Ключевые слова: технологические инновации, молодежь, отношение, онлайн-анкетирование.

Key words: technological innovations, youth, attitude, online survey.

Важнейшим условием вхождения России в число передовых экономик является широкое внедрение и использование технологических инноваций [Собрание законодательства Российской Федерации 2011]. При этом речь идет о внедрении и использовании технологических инноваций не только в сфере производства, но и в быту, так как существует несомненная взаимосвязь между этими сферами. И инновационная бытовая компетентность, безусловно, обуславливает готовность человека к внедрению и использованию технологических инноваций в сфере труда [Абрамешин, Воронина, Молчанова 2001]. И, соответственно, наоборот. Вместе с тем, как свидетельствуют исследования, проведенные представителями различных наук, традиционно существует и неприятие и даже противодействие внедрению инноваций [Федотова 2016]. В связи с этим представляется весьма актуальным выяснение отношений различных категорий граждан к технологическим инновациям. Особое значение в этом плане приобретает анализ отношения к технологическим инновациям такой категории как молодежь. В этих целях кафедрой социологии ИМО и СПН МГЛУ было проведено социологическое исследование среди молодежи Москвы в возрасте от 18 до 30 лет. В качестве метода исследования было использовано онлайн-анкетирование. Всего было опрошено 226 респондентов.

На основе проведенного анализа было выделено 6 типов различного отношения молодежи к технологическим инновациям [Rogers 1995].

1. *Эксперт*. Представители данного типа используют, прежде всего, те инновации, которые упрощают им жизнь и экономят время. Они проявляют определенную активность в поиске информации об инновационных продуктах и в рамках своей сферы деятельности и в сфере повседневной жизни.
2. *Расчетливый*. Данная категория также активно использует технологические инновации, ориентируясь при этом в первую очередь на то, в какой степени это выгодно и удобно. При этом в большей степени их инициативность в этой области связана со сферой быта.
3. *Пассивный*. Люди данного типа в принципе восприимчивы к инновациям, но особой активности в этой сфере не проявляют. Ограничения к использованию технологических инноваций в профессии и в быту часто связаны с некоторыми проблемами, которые возможны в таких случаях (необходимость переучиваться, дополнительные расходы и пр.).

4. *Пользователь по случаю.* У данного типа распространено использование инноваций, которые достались им в подарок, что является особым случаем, так как они не принимали решение о приобретении инновации, но при стечении обстоятельств начали ею пользоваться.

Данные исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических основ изучения распространения инноваций и отношения к распространению инноваций различных социально-демографических групп и различных типов инноваций. Методика исследования может быть адаптирована и доработана для исследования других демографических групп.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамешин А. Е., Воронина Т. П., Молчанова О. П. Управление инновациями в сфере образования // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 3–12.

Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011.

Федотова В. А. Влияние ценностей на отношение к инновациям у представителей разных поколений россиян. СПб. : Сциентиа, 2016. 146 с.

Rogers E. M. Diffusion of innovations: 4th ed. New York : The Free Press, 1995. 518 p.

Ю. А. Смирнова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

novyuliaalex@yandex.ru

ПРЕКАРИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: прекаризация, прекарная занятость, неустойчивая занятость, образовательная сфера, репетиторство.

Key words: precarization, precarious employment, education, tutoring.

Прекаризация (от *англ.* precarious – нестабильный, негарантированный) трудовой деятельности является современной тенденцией развития

рынка труда в условиях процессов глобализации. Данное социальное явление отражает неустойчивость, незащищенность и негарантированность трудовой деятельности и ее представителей. Проявляется неустойчивая занятость в форме занятости на основе срочного трудового договора, в режиме неполного рабочего времени, удаленной занятости под проект или разовую услугу, а также занятости в неформальном секторе экономики.

При этом, согласно статистике Росстата, порядка 35 % неформально занятых в сфере образования совмещают основную работу с официальным трудоустройством с неоформленной юридически «подработкой». В частности, в образовательной сфере широко распространено репетиторство, которое представляет собой одну из форм прекаризованной занятости.

Если обратиться к анализу причин, по которым учителя и преподаватели обращаются к прекаризованным формам занятости, то стоит отметить следующие: занятость чаще всего не на полную ставку (от 0,1 до 0,9 ставки), недостаточно высокий уровень заработной платы, заключение срочных трудовых договоров, повышение интенсивности труда, увеличение норм учебной нагрузки [Долженко, Лобова 2018; Воронина 2016].

Согласно данным исследования рынка репетиторских услуг компании inFOLIO Research Group до 38 % преподавательского состава высшей школы, 26 % преподавателей техникумов и 32 % учителей средних школ занимаются репетиторством. По данным Центра социологии образования Института управления образованием РАО, проанализировавшего наиболее популярные и посещаемые интернет-ресурсы, предлагающие услуги репетиторства в Москве, из 76 тыс. зарегистрированных на сайте репетиторов 43 % составляют школьные учителя, 36 % – преподаватели вузов. При этом каждый третий репетитор является кандидатом или доктором наук [Сами по себе ... 2018].

Среди молодых учителей со стажем менее шести лет репетиторствует каждый третий. Это связано, в первую очередь, с высокими амбициями молодых учителей и потребностями в компенсации сравнительно невысокого заработка в госучреждении дополнительными частными занятиями. По данным исследования, репетиторствующие преподаватели менее уверены в своей успешности и надеются только на себя, при этом у них больше сомнений в правильности проводимых реформ и верности образовательной политики государства.

Таким образом, репетиторство, являющееся наиболее распространенной формой прекаризованной занятости в образовательной сфере,

представляет собой, с одной стороны, форму индивидуализации процесса обучения, с другой - формирует неформальный сектор занятости, отражающий несовершенства современной системы образования и государственной политики в данной сфере и усиливающий незащищенность работников данного типа занятости.

ЛИТЕРАТУРА

Воронина А. А. К проблеме неустойчивой занятости научно-педагогических работников // История науки и техники в современной системе знаний: Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники, 8 февраля 2016. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. С. 34–38.

Долженко Р. А., Лобова С. В. Взаимосвязь прекаризации занятости и трудовой мобильности научно-педагогических работников региональных вузов: постановка проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 2 (114). С. 83–96.

Сами по себе. Репетиторство как скрытый ресурс российского образования // Учительская газета. 2018. № 43.

С. С. Соловьев

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ruisenior@yandex.ru

МНЕНИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ О ВЫПУСКНИКАХ МГЛУ

Ключевые слова: работодатели, выпускники, МГЛУ, профессиональные качества, подготовка специалистов, образовательная программа.

Key words: employers, graduates, MSLU, professional qualities, training, educational program.

Проблема трудоустройства выпускников вузов всегда представляла интерес и не потеряла своей актуальности в настоящее время. Она затрагивает вопросы социализации, деятельности системы образования, функционирования региональных рынков труда и рынка труда России в целом [Сычева 2016: 92]. Так, трудоустройство выпускников вузов в течение года

после окончания обучения является важным показателем востребованности, его учитывают при мониторинге системы высшего образования. Данный показатель, согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., является целевым и учитывает количество выпускников вузов очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года после выпуска по полученной специальности (профессии), в общей их численности [Государственная программа 2012]. В последнее время проблема трудоустройства выпускников вузов приобрела более широкое звучание, результатом чего стал опрос выпускников образовательных организаций высшего образования и представителей объединений работодателей с целью получения информации об удовлетворенности качеством полученного образования во всех вузах страны [План мероприятий 2019, п. 3]. Здесь изложены результаты опроса представителей организаций и предприятий, на которых трудятся выпускники МГЛУ, эти данные отражают как общие моменты, так и лингвистическую специфику вуза.

В исследовании работодателей приняли участие представители учреждений образования различного уровня подготовки, предприятий промышленности и транспорта, муниципальных и государственных органов власти, исследовательских компаний, переводческих бюро и агентств, учреждений культуры. В данных организациях трудоустроены выпускники большинства направлений подготовки (специальностей), представленных в МГЛУ.

Как показало исследование, организации-работодатели, скорее всего, не готовы и не имеют желания участвовать в работе их представителей в ГИА, особенно в качестве председателей государственных экзаменационных комиссий, в государственной аккредитации образовательной деятельности по образовательным программам Университета, в проведении профессионально-общественной аккредитации образовательных программ и участию в разработке или рассмотрении проектов федеральных государственных стандартов высшего образования.

Возможности для проведения практики студентов МГЛУ по имеющимся направлениям подготовки предоставляют около половины организаций, представители которых приняли участие в опросе. Около 25 % организаций участвуют в трудоустройстве выпускников Университета, освоивших программу в рамках целевого обучения.

Профессиональные качества выпускников МГЛУ, представляющие наибольший интерес для работодателей следующие (см. табл. 1).

Таблица 1

Наиболее востребованные профессиональные качества выпускников МГЛУ	% ответивших работодателей
Знание иностранного языка	85
Социальные навыки	82
Знание новейших информационных технологий	58
Умение проявлять инициативу на работе	58
Умение применять инновации в своей работе	46
Знание законодательства	21
Другое	6

Наиболее востребованными профессиональными качествами выпускников МГЛУ являются знание иностранного языка и социальные навыки. В целом работодатели удовлетворены уровнем теоретической и практической подготовки выпускников МГЛУ.

Во многом они совпадают с надпрофессиональными навыками и умениями, выделяемыми специалистами Агентства стратегических инициатив и Бизнес-школы «Сколково», которые в перспективе будут универсальными и важными для специалистов самых разных отраслей [Атлас новых профессий 2014: 7]. Овладение ими позволяет работнику повысить эффективность профессиональной деятельности в своей отрасли, а также дает возможность переходить между отраслями, сохраняя свою востребованность.

В настоящее время и в будущем 82 % работодателей готовы принимать выпускников МГЛУ на работу. Дальнейшие связи и сотрудничество с МГЛУ безусловно готовы развивать 70 % ответивших на данный вопрос организаций-работодателей, еще 12 % – в какой-то степени.

Основными достоинствами подготовки выпускников МГЛУ названы (см. табл. 2).

Следует отметить, что основными достоинствами подготовки выпускников МГЛУ, по мнению работодателей, являются уровень лингвистической подготовки, желание работать, стремление к саморазвитию и самоорганизации и высокий уровень профессиональной теоретической подготовки. В то же время, по мнению опрошенных представителей

Таблица 2

Достоинства подготовки в МГЛУ	% ответивших работодателей
Уровень лингвистической подготовки	82
Желание выпускников работать	64
Стремление выпускников к саморазвитию и самоорганизации	64
Высокий уровень профессиональной теоретической подготовки	58
Готовность к быстрому реагированию в нестандартной ситуации	49
Высокий уровень производственной дисциплины	49
Высокий уровень профессиональной практической подготовки	33
Общий высокий уровень профессионализма	30
Соответствие профессиональному стандарту	27

Таблица 3

Необходимые изменения в образовательной программе студентов МГЛУ	% ответивших работодателей
Включение практикантов в производственный процесс	58
Актуализация образовательных программ	52
Улучшение мат.-технической базы университета	39
Совмещение направлений подготовки	30
Организация экскурсий обучающихся в организации	27
Индивидуализация образовательных траекторий	24
Повышение профессионального уровня ППС	15
Проведение курсов повышения квалификации ППС	12
Другое	3

работодателей, необходимы следующие изменения в образовательной программе МГЛУ для повышения качества подготовки выпускников (см. табл. 3).

Основными формами сближения требований работодателей и учебного процесса в МГЛУ в интересах повышения качества подготовки выпускников названы: включение практикантов в производственный процесс и актуализация образовательных программ.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас новых профессий. М. : АСИ; МШУ «Сколково», 2014. 166 с.

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы : распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р. URL : минобрнауки.рф/documents/3409.

План мероприятий по совершенствованию механизма сбора информации о профессиональной и иной деятельности граждан, в том числе о ее соответствии полученной квалификации, утв. 20 июля 2019 г. № 6644п-П12.

Сычева В. О. Трудоустройство выпускников вузов : проблемы и пути их решения // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4 (55). С. 91–97.

Т. С. Сорокина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

sotan1462116@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, национальный вариант.

Key words: concept, language world view, national variety.

В данном исследовании мы исходим из того, что языковая картина мира – это, с одной стороны, ментальное образование, информация о мире, спроецированная в концептуальной системе нашего сознания, и с другой стороны, особенности национального языка, фиксирующие исторический опыт определенного этноса. Отсюда, попытка исследования *диахронных изменений в языковой картине мира*, которая учитывает отражение в языке изменений в концептосфере человека, и опыт

наблюдения *национально-культурной специфики языковой картины мира* (через призму художественной литературы), отраженной в национальном варианте языка.

В данной работе диахронные изменения в языковой картине мира исследуются на примере исторической эволюции лингвистического концепта «отношение» в английском языке в период с XII по XX вв., а национально-культурная специфика языковой картины мира как отражение вариантных особенностей репрезентации лингвистического концепта «состояние» в американском английском.

Как показало исследование, диахронные изменения в репрезентации концепта «отношение» могут являться отражением поэтапного развития картины мира в соответствии с требованиями изменяющейся действительности: с одной стороны, усложнение и разнообразие ситуаций (сцен) как отношений между деятельностью и объектами этой деятельности, и с другой – разнообразие самих объектов (участников деятельности) и отношений между ними, что в целом связано с эволюцией и упорядочением концептосферы человека по мере концептуализации накопленного человеком опыта и роста обрабатываемой языком информации [Сорокина 2014]. Кроме того, флуктуации в соотношении объектной и определительной семантики концепта «отношение» на протяжении исследуемого исторического периода обнаруживают «точки разлома» в линии развития их частотности – век Шекспира и его театра (XVI в.) и викторианская эпоха (XIX в.). Так, «всплеск» частотности объектной семантики концепта «отношение» в XVI в. связан с вкладом Шекспира и его современников в становление национального английского языка в плане появления новых языковых средств выражения глагольно-объектного сочетания – драматургически важных действий, их участников и обстоятельств. В викторианскую эпоху сосредоточенность на психологизме, атмосфере и деталях бытоописания, свойственных литературе XIX в., выражается в акценте на описательность в противовес деятельности и активному преобразованию объектов действительности. Отражая языковую картину мира, викторианская литература демонстрирует падение частотности объектного значения и рост частотности определительного значения концепта «отношение».

Если принять, что художественная проза является отражением языковой картины мира, то можно соотнести репрезентацию лингвистического концепта «состояние» (его семантику) с особенностями английской

и американской литературы в XX–XXI вв. Так, основными направлениями развития английской и американской литературы в XX–XXI вв. являются реализм, модернизм и постмодернизм. Однако каждая из этих литератур обладает спецификой, связанной с внешнеисторическими событиями стран и культур британцев и американцев.

Анализ литературной критики современной английской и американской литературы показал, что одна из центральных идей современной западной литературы (жизнь – тяжелый крест; субъект человеческого бытия – безличное ничто, не причастное добру; собственная жизнь – тяжкий гнет судьбы, страдания – испытания с безрадостным итогом), передаваемая путем изображения *серии устойчивых психологических состояний персонажей и их увлеченности своим состоянием, путем «сгущения красок» и как результат «большей свободы творческого воображения»* [Татаринов 2015], в большей степени характерна для американской, чем для английской художественной прозы, «избегающей крайностей», демонстрирующей «умеренный» постмодернистский психологизм [Красавченко 2010].

Можно предположить, что большая доля семантики «психическое состояние» в репрезентации концепта «состояние» в американском варианте английского языка является частным проявлением национально-культурной специфики языковой картины мира американцев, отраженной в современной американской художественной литературе.

Таким образом, языковая картина мира носителей языка позволяет через письменные памятники разных эпох и вариантной принадлежности интерпретировать диахронные изменения концептуальной семантики языковых явлений и национально-культурные особенности их реализации в определенных концептуальных структурах.

ЛИТЕРАТУРА

Красавченко Т. Н. Английская проза : новое дыхание // Литературная газета, 2010. № 6–7 (6262) (17.02.2010).

Сорокина Т. С. Концепт «отношение» и языковая картина мира // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте : грамматические исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 25 (711). С. 9–20. URL : www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest-25z.pdf.

Татаринов А. В. Мировоззренческие стратегии в современном американском романе // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 5. С. 395–406.

Е. А. Троицкая

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ea.troitskaya@mail.ru

РЕГИСТРАЦИЯ ПАТТЕРНОВ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ПРИ ПРОСМОТРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННЫХ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ЭМПАТИИ¹

Ключевые слова: эмпатия, паттерны движения глаз, айтрекер, диагностика эмпатии, эмоционально окрашенные фотоизображения.

Key words: empathy, eye movement patterns, eye tracker, empathy diagnostics, affective photo images.

Для эффективного решения возникающих задач профессионал XXI в. должен обладать такими характеристиками, как умение взаимодействовать с другими людьми, вести переговоры, управлять людьми, а также решать комплексные проблемы, что невозможно без учета позиций всех участников. Все указанные выше умения строятся на ряде способностей и личностных качеств, одним из которых является эмпатия, понимаемая как эмоциональная отзывчивость на состояние другого, формирующаяся у человека благодаря представлению им своих аналогичных переживаний, возникновение которых характерно для ситуации подобной той, в которой находится этот другой. Эмпатия выступает как профессионально значимая компетенция специалистов, чья работа относится к типу «человек – человек».

Несмотря на большой интерес отечественных и зарубежных ученых, эмпатия до сих пор остается недостаточно исследованной. Одной из приоритетных задач является разработка средств и способов диагностики эмпатии. Наиболее распространенным способом диагностики является применение самооценочных опросников, основным недостатком которых заключается в субъективности ответов, которые подвержены мотивационным искажениям со стороны испытуемых при высокой очевидной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00912.

валидности методики. Помимо опросных методов для измерения эмпатии, применяются экспериментальные, экспертные, а также некоторые психофизиологические методы.

Важным этапом в развитии психодиагностики является разработка более объективных методов диагностики, например с применением айтрекера. При восприятии эмоционально окрашенных фотоизображений люди с высокоразвитой эмпатией способны проникнуться эмоциями персонажа. Для уточнения механизмов этого феномена требуется выявление особенностей идентификации человека с изображенным персонажем, что можно осуществить с помощью айтрекера путем выявления зон интереса и оценки размеров и продолжительности фиксаций взгляда. Для разработки методики диагностики эмпатии посредством регистрации паттернов движения глаз при просмотре эмоционально окрашенных фотоизображений необходимо эмпирическим путем установить соответствие паттернов движения глаз и уровней развития эмпатии в целом, а также уровней развития отдельных структурных компонентов эмпатии. Нам представляется важным выявить связи паттернов движения глаз с отдельными компонентами эмпатии (эмоциональным, когнитивным, действенным), чтобы доказать, что движения глаз связаны не только с когнитивным компонентом эмпатии (пониманием эмоционального состояния), что легко объясняется теорией П. Экмана, но и с эмоциональной, и действенной составляющими эмпатии.

В зарубежной психологии были проведены исследования, которые выявили связь эмпатии и паттернов движения глаз при восприятии лиц. Исследования австралийских психологов показали, что уровень развития эмпатии как личностной черты испытуемых связан с доминирующей зоной интереса при восприятии видеоматериалов [Cowan et al. 2014]. Движения глаз испытуемых регистрировались во время просмотра «печального» и «эмоционально нейтрального» видеоматериалов продолжительностью 3 мин. каждый. На видеозаписях было видно голову и плечи одного и того же актера, рассказывающего о вымышленном событии, которое якобы произошло в его жизни. Анализ результатов исследования показал, что чем больше уровень эмоциональной эмпатии (как личностной черты) у испытуемых, тем дольше они фиксировали взгляд на зоне глаз актера, в независимости от валентности видеоматериалов. Таким образом была выявлена связь между эмпатией как личностным свойством и паттернами движения глаз в наиболее аффективной зоне лица (глаза).

Результаты исследований позволяют утверждать, что внимание к области глаз имеет решающее значение для способности понимать мысли и чувства других людей и может быть связано с эмпатией. Стоит отметить, что в некоторых исследованиях, использующих статичные эмоционально окрашенные стимулы – изображения лиц, было выявлено различие во внимании, уделяемом конкретным областям лица в зависимости от изображенной эмоции. Время фиксации взгляда в области глаз больше для эмоций грусти и гнева по сравнению с другими эмоциями [Eisenbarth, Alpers 2011]. Результаты еще одного исследования показали, что фиксации в области глаз более длительные по сравнению с фиксациями в других зонах лица для эмоций грусти, стыда, гнева и страха. Однако для эмоций отвращения и радости были выявлены более длительные фиксации на области губ, чем на зоне глаз [Vaidya et al. 2014].

С другой стороны, в последнее время большую популярность приобретают исследования особенностей эмпатии в виртуальной реальности, поскольку технология виртуальной реальности позволяет взглянуть на ситуацию глазами другого человека. Исследования показывают, что технология виртуальной реальности позволяет создать условия для формирования у испытуемых более глубокого эмпатического отклика на переживания другого человека по сравнению, например, с чтением соответствующей литературы [Herrera et al. 2018]. Применение технологий виртуальной реальности открывает новые возможности для диагностики эмпатии у испытуемых.

Подводя итоги проведенного нами анализа научных источников, можно заключить, что регистрация паттернов движения глаз при просмотре эмоционально окрашенных фотоизображений может быть использована в качестве метода диагностики эмпатии только после установления четких закономерностей между паттернами движения глаз и уровнем развития эмпатии и ее видов, для чего необходимо проведение дальнейших исследований. Кроме того, выявление связи паттернов движения глаз и эмпатии позволит углубить понимание механизмов эмпатии.

ЛИТЕРАТУРА

- Cowan D. G., Vanman E. J., Nielsen M. Motivated empathy: the mechanics of the empathic gaze // *Cognition and Emotion*. 2014. Vol. 28. N 8. P. 1522–1530.
- Eisenbarth H., Alpers G. W. Happy mouth and sad eyes: scanning emotional facial expressions // *Emotion*. 2011. N 11(4). P. 860–865.

Herrera F., Bailenson J., Weisz E., Ogle E., Zaki J. Building long-term empathy: A large-scale comparison of traditional and virtual reality perspective-taking // PLoS ONE. 2018. N 13(10): e0204494. URL : www.doi.org/10.1371/journal.pone.0204494 (дата обращения: 28.04.2020).

Vaidya A. R., Jin C., Fellows L. K. Eye spy: The predictive value of fixation patterns in detecting subtle and extreme emotions from faces // Cognition. 2014. N 133(2). P. 443–456.

А. И. Хлопова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

chloпова_anna@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ «BILDUNG» И «AUSBILDUNG» В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: базовые ценности, свободный ассоциативный эксперимент, модель ассоциативного значения.

Key words: basic value, free associative experiment, model of associative value.

На сегодняшний день понятие «ценность» является объектом изучения в различных науках. Однако в научной среде отсутствует единое мнение о том, какие ценности являются базовыми, а какие вторичными. Это связано с тем, что сама категория «ценность» остается довольно спорной во множестве философских, социологических, лингвистических, культурологических подходов и в личностных смыслах.

Невозможно отрицать роль образования в любом социуме, и в своем исследовании мы обращаемся к анализу ценности *образование* в немецкой лингвокультуре. Для установления психологически актуального содержания базовой ценности *образование* нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Было опрошено 100 носителей немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. Немецкие респонденты – студенты университетов г. Фехте, г. Потсдам, Университета им. Гумбольдта. Респонденты получали анкету с 28-ю словами-стимулами. Согласно условиям эксперимента, респонденты должны были реагировать на слова-стимулы любым пришедшим в голову словом.

Ввиду того, что в немецком языке понятие *образование* представлено двумя различными лексемами, в анкете было предложено два слова-стимула: *Bildung* (обучение, воспитание) и *Ausbildung* (высшее образование). Полученные ассоциаты на слова-стимулы *Bildung* и *Ausbildung* были распределены в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [Пищальникова 2007: 154], выделены дополнительные признаки.

Наибольшее количество полученных реакций на слово-стимул *Bildung* – представления (54%). Ядерной реакцией является реакция *Schule / школа* (45%). Отметим, что ядерная реакция четко указывает на разграничение немцами понятий *Bildung* и *Ausbildung*. Прежде всего, немецкие респонденты связывают *Bildung* с приобретением новых знаний: как теоретических и практических, так и общих, с получением профессии и взрослением. В реакциях-представлениях можно также выделить признаки ‘место получения образования’ и ‘результат образования’. 29% реакций на слово-стимул *Bildung* – эмоционально-оценочные. При этом положительных реакций в пять раз больше, чем отрицательных. Среди реакций также представлены культурологические и операциональные

Наибольшее количество реакций на слово-стимул *Ausbildung* – понятийные (46%), то есть они соответствуют дефиниции исследуемого слова. В реакциях-представлениях, как и в случае с понятием *Bildung*, мы можем выделить признаки ‘способ получения образования’ и ‘результат образования’. Положительные эмоционально-оценочные реакции почти в 7 раз преобладают над отрицательными реакциями (20 и 3 реакции, соответственно).

Выделенные признаки в исследуемых понятиях частично совпадают. Выделенный на основе анализа ассоциатов признак ‘способ получения школьного и высшего образования’ сводится преимущественно к учебе и получению новых знаний. Признак ‘результат образования’ содержательно отличается, что связано с различием значения исследуемых лексем. В случае *Bildung* результат направлен на получение новых общих знаний, то есть получения общего образования, в случае с *Ausbildung* результатом является получение хорошей профессии, а, соответственно, хорошей работы. Реакции-представления, отражающие признак ‘место / способ получения образования’, преимущественно связаны с получением знаний в школе (*Bildung*) или университете (*Ausbildung*). В обоих случаях положительные эмоционально-оценочные реакции значительно превышают отрицательные. Соответственно, отношение к понятиям *Bildung*

и *Ausbildung* в немецкой культуре положительное. Немецкие респонденты подчеркивают важность получения хорошего образования, связывают его с наличием обеспеченного будущего и считают образование ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики : курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : МГЛУ, 2007. 200 с.

О. С. Чеснокова

(Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов
chesnokova_os@pfur.ru

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ГОРОДА МЕХИКО¹

Ключевые слова: ономастика, испанский язык Мексики, этимология, катойконим, омонимия.

Key words: onomastics, Mexican Spanish, etymology, demonym, homonymy.

Данное исследование посвящено ономастике столицы Мексиканских Соединенных Штатов (*Estados Unidos Mexicanos*) – городу Мехико (исп. *Ciudad de México / La Ciudad de México*). В 2016 г. в Мексике состоялась реформа административного деления, в соответствии с которой страна в настоящее время разделена не на тридцать один штат, как ранее, а на тридцать две федеративные единицы (*entidad federativa*): 31 штат и столицу страны – город Мехико (*Ciudad de México*), который до 2016 года имел статус Федерального Округа (*Distrito Federal*), а в настоящее время, наряду со штатами, имеет статус федеративной единицы (*entidad federativa*). Мехико является крупнейшим городом Мексики и крупнейшей городской агломерацией Латинской Америки. Произношение интервокальной буквы «х» в названии страны и столицы [*'mexiko*] сохраняет аутентичное автохтонное произношение, что наблюдается, например, и в произношении названия штата Оахаса и его одноименной столицы *Oaxaca* [*оа'хака*].

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316).

Этногенез мексиканской нации – результат синтеза автохтонных индейских (главные доколумбовы цивилизации Мексики – цивилизации ацтеков, майя, тольтеков, ольмеков) компонентов, испанского как основного европейского и в достаточно незначительной степени негритянского компонента. Метизация стала важнейшим фактором общей ассимиляции испанского языка и форм испанской культуры.

В ономастике традиционно различают автоэтнонимы (самоназвания этносов) и экзоэтнонимы (названия этносов другими народами), что можно применять и в отношении названий жителей различных административных единиц в синхронии и диахронии. Самоназвание (автоэтноним) мексиканцев *mexicanos* [mexi 'kanos] происходит от исторического самоименования ацтеков как *mexicas* 'мешикас'. Язык ацтеков – *náhuatl* 'науатль' – крупнейший из сохранившихся индейских языков Мексики, который преподают в школах страны. В «Словаре испанского языка Мексики» зафиксирована значимая для систематизации ономастического профиля города Мехико лексема *mexica-tenochca*: *Que se relaciona con el antiguo pueblo de México-Tenochtitlan* 'относящийся к древнему поселению Мехико-Теночтитлан' [Diccionario del Español de México (DEM), URL]. Город Теночтитлан был основан приблизительно в 1325 г. на месте современного города Мехико. Индейское происхождение топонима *México* в названии страны, столицы (*Ciudad de México*), в названии штата *Estado Libre y Soberano de México* 'Свободный и Суверенный Штат Мехико' однозначно интерпретируется историками языка, этимологами, лексикографами как индихенизм-науатлизм, т. е. заимствование из языка науатль (ацтекского). Мексиканский лексикограф Луис Кабрера указывает, что имеется, как минимум, двадцать версий происхождения этого макротопонима [Cabrera 2002: 92]. Одной из самых распространенных версий [Чеснокова 2006; Чеснокова, Стародубцева, 2010] интерпретации внутренней формы топонима *México* является имя ацтекского бога войны Уитцилопочтли, или Мехитли (*Mexitli*), что позволяет реконструировать мотивацию значения топонима *México* как 'территория / земля бога Мехитли' [Santamaría 2000: 721; Cabrera 2002: 92]. По мнению мексиканского лексикографа Фр. Сантамария, макротопоним *México* может происходить от ацтекского *mizquitl* 'акация', фонетически преобразованного в *míxicas*, поскольку на территории, куда пришли ацтеки для основания города, произрастало большое количество этих деревьев [Santamaría 2000: 721]. Поскольку номен *México* представлен в трех макротопонимах

страны, возможная омонимия катойконимов – названий жителей страны, столицы и Штата Мехико, снимается за счет суффиксальных формантов и супплетивных форм. Жителей мексиканской столицы традиционно называют *chilangos*. Эта лексема-науатлизм возникла как экзоним, а в дальнейшем стала функционировать как автоэтноним и экзоним. Раннее, когда город Мехико имел статус Федерального Округа, его жителей в стране повсеместно называли *defeños*, что является дериватом от аббревиатуры *Distrito Federal* → DF. В настоящее время широко распространена номинация жителей мексиканской столицы как *capitalinos*. Жителей же Штата Мехико называются *mexiquenses*. Любопытно, что однокоренной с номинантом *México* ойконим *Mexicali*, именующий столицу штата Баха-Калифорния (*Baja California*), имеет катойконим *mexicalense*, что также снимает возможную омонимию.

В административном отношении город Мехико разделен на районы. До 2016 г. районы мексиканской столицы назывались *delegaciones*, а сейчас – *demarcaciones*. Из шестнадцати (*Azcapotzalco*, *Benito Juárez*, *Coyoacán*, *Cuajimalpa*, *Cuauhtémoc*, *Iztacalco*, *Iztapalapa*, *Magdalena Contreras*, *Miguel Hidalgo*, *Milpa Alta*, *Tláhuac*, *Tlalpán*, *Villa Álvaro Obregón*, *Venustiano Carranza*, *Xochimilco*) названий этих районов десять являются индихенизмами: *Azcapotzalco*, *Coyoacán*, *Cuajimalpa*, *Cuauhtémoc*, *Iztacalco*, *Iztapalapa*, *Milpa Alta*, *Tláhuac*, *Tlalpán*, *Xochimilco*, что, свидетельствуя о неоднократном подчеркнутой нами значимости индейского компонента в топонимии страны [Чеснокова, Стародубцева, 2010] и языковой картине мира мексиканцев в целом [Чеснокова 2006], говорит о релевантности индейского компонента в ономастическом профиле столицы Мексики, от ее названия до различных проявлений городской топографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Чеснокова О. С. Испанский язык Мексики : языковая картина мира : монография. М. : РУДН. 238 с.
- Чеснокова О. С., Стародубцева Н. М. Названия штатов Мексики и их столиц – Латинская Америка, 2010. № 1. С. 87–96.
- Cabrera L. Diccionario de aztequismos. México : Colofón, 2002. 170 p.
- Diccionario del Español de México (DEM). URL : <http://dem.colmex.mx>, El Colegio de México, A.C., [20. 06. 2020].
- Santamaría F. J. Diccionario de mejicanismos. 6a. ed. México : Porrúa, 2000. 1207 p.

СЕКЦИЯ 7

Античность и Средневековье в современном междисциплинарном пространстве: язык, культура, религия

И. М. Альбеков

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
sultansalim@list.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: арабский язык, религия, знаки, огласовки, морфология, синтаксис.

Key words: Arabic language, religion, signs, vowels, morphology syntax.

Каждый из имеющихся в современном мире языков прошел долгий путь своего исторического развития, в ходе которого он пережил период своего расцвета, застоя и даже деградации. Некоторые языки, достигнув пика своего развития, в силу ряда факторов и причин вообще исчезли с лица Земли. Например, латинский язык в эпоху могущества римской империи достиг пика своего развития и расцвета. Латинский язык считался языком поэзии, культуры, искусства и науки. Но с распадом Римской империи этот язык постепенно утратил свою силу, потерял свое влияние и перестал существовать. Он, конечно, существует, но на страницах древних рукописей и книг, а как живой язык общения он остался только в пределах Ватикана. На этом языке больше никто не говорит и не пишет, кроме специалистов, изучающих юриспруденцию, католическое богословие или медицину.

На развитие того или иного языка влияет множество факторов. В своем исследовании автор собирается доказать, как религия ислам

оказала сильное влияние на развитие современного литературного арабского языка, ссылаясь на труды арабских и отечественных филологов.

Для своей работы автор выбрал исторический метод исследования, который хорошо позволяет изучить зарождение, развитие и распространение языка. Арабский язык возник на территории аравийского полуострова, по арабским источникам примерно в V в. н. э. и достиг пика, своего развития в X в. н. э. [Фильштинский 1985]. В этом разрыве от зарождения и до пика своего развития каждый век внес свой вклад в развитие арабского языка. Основным фактором развития арабского языка стала молодая религия ислам, которая появилась на исторической арене мира в VII в. н. э. в Мекке, крупном арабском городе. Основателем этой молодой религии был Мухаммад, молодой человек из знатной семьи, который по приданиям был избран Богом пророком. Он должен был донести своим соплеменникам язычникам истину и правду о Едином Боге Аллахе. Для доказательства своей пророческой миссии он получил Священную книгу Коран, которая, естественно, была написана на арабском языке, так как Мухаммад не владел другими языками, как и его соплеменники, которые говорили только на родном арабском языке. Но в эпоху зарождения ислама, единого арабского языка не было, арабы в основном вели кочевой образ жизни, и каждое племя говорило на своем диалекте арабского языка, порой племена друг друга полностью не понимали [الجاهلي العصر في الأدب تاريخ 1989. 24]. Но проповеди и речи пророка Мухаммада распространялись среди разрозненных арабских племен, и вместе с ними распространялся курайшитский диалект арабского языка. Пророк был из племени курайш, а поскольку это племя контролировало Мекку, постольку большинство арабских племен знали это диалект. Таким образом, курайшитский диалект с распространением новой религии среди арабов постепенно вытеснил другие диалекты и стал основой современного литературного арабского языка [الجاهلي العصر في الأدب تاريخ 1989. 125]. В докладе эти проблемы будут раскрыты более полно.

ЛИТЕРАТУРА

Фильштинский И. М. История арабской литературы V – начало X века. М. : Наука, 1985. 525 с.

تاريخ الأدب العربي في العصر العباسي 1989.

تاريخ الأدب العربي في العصر العباسي الثاني. دار المعرفة بمصر القاهرة. 1973

Н. С. Бабенко

(Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

babenkons@yandex.ru

РАССТАВАНИЕ С ЛАТЫНЬЮ В СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Ключевые слова: латынь, lingua franca, движение гуманизма, национальный язык.

Key words: Latin, lingua franca, movement of humanismus, national language.

В современном научном дискурсе гуманитарного профиля все чаще обсуждается проблема lingua franca в связи с глобальным распространением английского языка и его влиянием на характер языковой ситуации в мире и в каждой стране отдельно. На этом фоне вполне целесообразным представляется обращение к материалам далекой истории и привлечение многообразных знаний об опыте существования латыни как lingua franca в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. Этот материал даст много поводов для сравнения социокультурных и лингвистических данных, а также для изучения не только процессов и результатов контактирования языков в разных обстоятельствах, но и проблем существования lingua franca в зависимости от влияния разного рода факторов, которые приводили к изменениям в языковом поведении носителей языков. Историко-лингвистические и социокультурные данные переходного в истории Германии периода преодоления двуязычия могут быть ценными и полезными не только с точки зрения их проекции на современную ситуацию с английским как мировым языком, но и в плане прогнозирования возможных вариантов развития языковых процессов на немецкоязычных территориях [Müller 2003].

Гуманизм как движение интеллектуалов, образованной части общества (Gelehrsamkeit в разных формах), возникшее в XIV в. и достигшее своего наивысшего расцвета в начале XVI в., изначально ориентировался в своей дискурсивной деятельности на латынь [Klein 2011: 465].

При этом гуманисты как homo bilinguis [Stolt 1964: 9] длительное время демонстрировали идеологическое и фактическое игнорирование

родного языка в пользу латыни как *lingua franca*, что в конечном итоге привело уже на пике расцвета евролатыни [Besch, Wolf 2000] к сокращению ее социокультурных функций и вытеснению из профильных для нее сфер использования. Этот процесс был сопряжен с целым комплексом разнообразных факторов и стимулов развития европейских стран в направлении к фаворизации идеи национальной идентичности как импульса развития общества в условиях глубокого кризиса.

Латынь была языком *clerici* – языком церкви, теологии и науки средневекового образца. Вплоть до XII в. этот слой общества был носителем письменности, а, значит, образования и культуры, что на многие века определило социокультурные приоритеты во многих областях.

Глубина проникновения латыни в словесную культуру разных стран, в том числе и Германии, была очень велика. К XVI в. латынь обладала не только множеством функций, но и высокой степенью вовлеченности в формирование и распространение двуязычия как неизменной социокультурной данности в жизни общества.

Латынь была представлена во множестве сфер функционирования культуры средневекового типа:

- ▶ школьная латынь как язык школьного обучения и школьного образования;
- ▶ университетская латынь;
- ▶ латынь устного общения;
- ▶ латынь как основной язык письменной коммуникации;
- ▶ ученая латынь как язык науки;
- ▶ латынь как язык религии и богослужения;
- ▶ латынь как знак высокого социального статуса и принадлежности к образованным слоям общества.

Функционирование латыни как *lingua franca* поддерживалось движением гуманизма, которое имело общеевропейские корни и существовало в течение нескольких столетий: с XIV по XVII вв. немецкий гуманизм имел особые идеологические и культурные проявления, которые определяли характер взаимодействия латыни с немецким языком в период выхода из Средневековья в цивилизацию Нового времени.

Расставание с латынью началось в среде протестантских гуманистов, деятельность которых была ориентирована, прежде всего, на массовую публику и воплощала идею движения от элитарного превосходства наднационального образца к ценностям массовой народной культуры. Вместе с тем

расставание с латынью было, безусловно, общеевропейским вектором развития словесной культуры, однако очевидно и то, что особенности его проявления в каждом отдельном социуме были обусловлены множеством факторов и их комбинацией в зависимости от исторического контекста. Так, в Германии процесс вытеснения латыни из словесности происходил медленно, если сравнивать с другими странами Европы. Мотив противопоставления высокой латыни народному языку как *lingua barbarica* долго сохранялся в немецком лингвоцентричном дискурсе и замедлял движение к общему немецкому языку – *Gemeindeutsch* и *HautbSprache* [Klein 2011].

К факторам, определявшим в Германии XVI в. расставание с латынью, относятся:

- ▶ перевод на немецкий язык Библии, осуществленный М. Лютером;
- ▶ распространение книгопечатания как нового медиума массового назначения и развитие книжного рынка, в том числе в коммерческих целях;
- ▶ овладение чтением как престижным умением, повышающим социальный статус носителей языка;
- ▶ развитие языковых компетенций более высокого уровня, чем владение повседневной речью;
- ▶ расширение дискурсивных практик и их диверсификация на базе использования немецкого языка;
- ▶ преодоление замкнутости и элитарности в письменной культуре, в том числе посредством публичной дискурсивной деятельности;
- ▶ развитие лингвоцентричного дискурса с аргументацией в пользу немецкого языка.

Именно в XVI в. ученость в широком ее понимании на почве латыни перестала быть единственной формой выражения общественных интересов и продолжала существовать в условиях, когда объектами культурного значения стали признаваться этнически близкие народному сознанию образцы творчества. В этом русле следует рассматривать, например, деятельность по собиранию и изданию пословиц и прочих фольклорных свидетельств в масштабах, которые не сравнимы ни с предыдущими, ни с последующими эпохами в истории немецкой словесной культуры. Вполне естественно, что данная тенденция получила свое наиболее последовательное развитие именно в протестантской среде, где возникли идеи не только общего блага, но и «общего» немецкого языка (*Gemeindeutsch*) и национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Stolt B. Die Sprachmischung in Luthers Tischreden. Studien zum Problem der Zweisprachigkeit. Acta Universitatis Stockholiensis. Stockholm, Göteborg, Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1964. 314 S.

Besch W., Wolf N. R. Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitstufen – Linguistische Studien (Grundlagen der Germanistik – 47). Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2009. 347 S.

Klein W. P. Die deutsche Sprache in der Gelehrsamkeit der frühen Neuzeit. Von der lingua barbarica zur HaubtSprache // Jaumann, H. (Hg.). Diskurse der Gelehrtenkultur in der frühen Neuzeit. Ein Handbuch. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2011. S. 465–516.

Müller J.-D. Latein als lingua franca im Mittelalter und Früher Neuzeit // Konrad Ehlich (Hg.) Mehrsprachige Wissenschaft – europäische Perspektiven. Eine Konferenz im Europäischen Jahr der Sprachen. München : Institut für Deutsch als Fremdsprache, 2003. S. 10–15.

В. С. Борисова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

zarnikovo@yandex.ru

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА КАК АДАПТАЦИЯ К РЕАЛИЯМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: латинский язык, интерактивное обучение, клиповое мышление, интеллектуальная викторина, мозговой штурм.

Key words: the Latin language, interactive learning, clip thinking, intellectual quiz, brainstorming.

Латинский язык преподается в рамках дисциплины «Древние языки и культуры», или просто «Латинский язык», на различных факультетах лингвистических университетов, юридических вузов, исторических и филологических факультетах университетов, в медицинских образовательных учреждениях («Латинский язык и основы медицинской терминологии»), в классических гимназиях и лицеях.

Одной из основных целей обучения латинскому языку на гуманитарных факультетах всегда являлось и по сей день является овладение студентами латинской грамматикой (морфологией и синтаксисом) и определенным объёмом латинской лексики для перевода адаптированных и несложных аутентичных текстов.

В связи с этим превалирующим методом преподавания латинского языка является грамматико-переводной метод, основывающийся на обучении студентов аналитическому чтению, предполагающему использование студентами приобретенных грамматических навыков для детального морфолого-синтаксического анализа и перевода латинского текста. Как пишет Н. Л. Кацман: «Синтетический строй латинского языка, свободный порядок слов в нём, богатство грамматических категорий, выраженных флективно и суффиксально, разнообразие синтаксических структур, реализованных в определенных морфологических моделях, требуют для понимания текста детального морфолого-синтаксического анализа, умения выделить опорные точки предложения в целом и отдельных структур в нём...» [Кацман 2015: 21].

Как известно, несмотря на все свои достоинства, всеми исследователями-методистами отмечается некоторый монотонный характер этой деятельности, в отличие от современных живых языков, где имеет место чередование разных видов учебной деятельности (чтение, аудирование, говорение, перевод). Последнее замечание приобретает всё большую актуальность на фоне появления нового, так называемого «клипового» мышления современных студентов, определяемого как способность быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами, что приводит к неспособности воспринимать длительную однородную информацию [Фрумкин 2010: 28–29].

Избежать развития «клипового» мышления у современных студентов невозможно. Отсюда очевидна необходимость внедрения современных технологий и методов обучения, одним из которых является уже зарекомендовавшее себя интерактивное обучение, – «обучение в атмосфере сотрудничества, обучение, при котором происходит активное внутригрупповое взаимодействие» [Брагова 2015: 45], где «активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы» [Гулакова 2013: 2].

К интерактивным методам обучения относятся круглые столы, дискуссии, дебаты, деловые и ролевые игры, мозговые штурмы и др.

Автором данной статьи была разработана и неоднократно апробирована (как в языковых, так и неязыковых вузах) интеллектуальная викторина («мозговой штурм») «Своя игра», созданная на базе известной одноименной телепередачи.

В оригинальной версии «Своей игры» в ней соревнуются три игрока. В формате игры в студенческой группе, численность обучающихся в которой может варьироваться, возможно проведение как индивидуальной (не более пяти человек), так и командной викторины. В обоих случаях правила одинаковы. Суть игры заключается в том, что команды (игроки) отвечают на вопросы заданных тем разного уровня сложности, пытаются первыми «взять» вопрос. Побеждает команда (игрок), набравшая наибольшее количество очков.

Игра состоит из одного или нескольких раундов (в зависимости от учебного времени, которое возможно выделить на проведение игры) и финала. Раунд состоит из пяти тем, каждая из которых включает по 10 вопросов разного уровня сложности. Подобная дифференциация вопросов даёт возможность проявить себя и вызвать живой интерес к игре и у студентов с низким уровнем успеваемости, что в дальнейшем способствует повышению их мотивации к процессу обучения в целом.

Пример игрового табло (для языковых вузов):

Тема	Стоимость вопроса				
Морфология	100	200	300	400	500
Синтаксис	100	200	300	400	500
Лексика	100	200	300	400	500
Античная история и культура	100	200	300	400	500
Крылатые выражения и пословицы	100	200	300	400	500

Пример вопросов раунда:

Античная история и культура 500:

именно этому римскому поэту принадлежат строки:

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,

В Лаций суровый искусства внеся...»

(*Гораций в переводе Л. М. Гаспарова*).

Основными учебно-методическими целями проведения подобных интерактивных игр являются:

- ▶ разнообразие видов учебной деятельности студентов;
- ▶ активное взаимодействие обучающихся между собой; совместная деятельность, направленная для достижения результата;
- ▶ создание комфортных условий обучения, при которых «студент чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения» [Гулакова 2013: 1];
- ▶ формирование личной ответственности за принимаемые решения;
- ▶ развитие логического мышления, умения быстро реагировать на поставленные задачи;
- ▶ повышение интереса к изучаемому предмету; развитие мотивации к самостоятельному поиску информации.

ЛИТЕРАТУРА

Брагова А. М. Интерактивные методы при обучении студентов языкового вуза латинскому языку // Innovations and modern pedagogical technologies in the education system : materials of the V international scientific conference on February 20–21, 2015. Prague : Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra-CZ”, 2015. P. 45–46.

Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Концепт. 2013. № 11 (ноябрь). С. 1–5. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-vuze-kak-pedagogicheskaya-innovatsiya>.

Кацман Н. А. Методика преподавания латинского языка. М. : Владос, 2015. 239 с.

Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // INETERNUM. 2010. С. 26–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-izmeneniya-v-myshlenii-i-sudba-tekstovoy-kultury>.

С. М. Витяев

(Москва, Россия)

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Московский гуманитарный университет

kesar_945@mail.ru

ФЕМИНИЗМ, ИСЛАМ И РАЗУМ: О ГРАНИЦАХ НАУКИ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: феминистская философия науки, исламская философия, постсекулярное общество, неорационализм, новое средневековье.

Key words: feminist philosophy of science, Islamic philosophy, post-secular society, neorationalism, the new Middle Ages.

Всё смешалось в культуре нашего времени. Как писал Н. К. Рерих, «культура, по сущности своей, не знает разрушения как такового. Она безудержно, беспрестанно создаёт, она постоянно покрывает новым, высшим, куполом несовершенство вчерашнего дня» [Рерих 1990: 244]. Новые культурные эпохи наслаиваются на старые, которые прорастают сквозь слои, создавая дивную стратиграфию современности. Наша культурная память играет с нами недобрые шутки, вызывая ассоциации с давно ушедшими эпохами, когда мы видим крах идей просвещения, либерализма и демократии на фоне роста влияния клерикализма, традиционализма и авторитаризма; на фоне угрозы конца света, который случится то ли от великой войны, то ли от великого мора; на фоне предчувствия нового откровения; мы все живём словно за час до нового откровения. Многие великие мыслители, от Новалиса и Бердяева до Георгия Щедровицкого и Джона Грея предлагали описывать современность как Новое Средневековье.

Одновременно наша современность характеризуется как постсекулярная, т. е. как общество, в котором крайне усложнены отношения между религиозным и светским пространствами, в котором постоянно возникают новые религиозные движения и возвращаются, прорастают религиозные идеи и практики Античности и Средневековья.

Новое глобальное Средневековье не только специфично для каждой конкретной страны, но представляет собой отпрыска разных средневековых

цивилизаций; наследницей всех античностей и средневековий выступает новая метиска как субъект современной культуры [Anzaldua 1987]. Хотя значимой является и локальная историческая специфика.

Для России актуально культурное наследие не только христианской, но и мусульманской цивилизации, которая заложила основы российской версии постсекуляризма. Взаимовлияние двух великих религий видно во многих аспектах российской культуры, например в философии (влияние ислама на Толстого и Соловьёва, влияние русской христианской философии на Баязитова и Джемала). Учёт исламского культурного и философского фактора поможет нам построить адекватную и жизнеспособную восточноевропейскую версию постсекуляризма и междисциплинарной науки. Кроме того, именно в исламской религиозной мысли наиболее явно разработана теория рационального познания, философия науки и даже апология науки [Ибрагим 2007: 130–137]. Из всех религиозно-философских традиций, именно исламская философия наиболее легко соединима с современной научной картиной мира (особенно это касается таких направлений, как фальсафа и исламский модернизм). Достаточно вспомнить хотя бы тот расцвет наук, который происходил в Золотом веке исламского мира; или постоянно повторяющийся почти кантовский призыв Корана пользоваться своим разумом, познавать, понимать, смотреть на гармонию природы. Так что, если мы намерены создавать постсекулярную научную парадигму, то без учёта опыта исламской философии нам будет не обойтись.

С другой стороны, современная неосредневековая ситуация требует учёта и иной гендерной точки зрения. Бердяев пишет: «Характерным для Нового Средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщина <...> Женщины играют большую роль в религиозном пробуждении нашего времени» [Бердяев 1991: 436]. Бердяев скептически относился к женскому движению начала XX века, однако, как нам кажется, современный феминизм с его дифференциализмом, вниманием к духовности и эмоциям вызвал бы симпатию у Николая Александровича. Современный феминизм предлагает программу реконструкции научного разума и создания новой парадигмы знания на особых основаниях: демократизме, аксиологизации и политизации науки, учёте гендерной специфики научного познания, критики метафизики, концепции ситуативного знания и учёта позиций наблюдателя, теории агентного реализма. Оказывается, что современная религиозная мысль предлагает совершенно аналогичный проект междисциплинарного научного синтеза, только

дополняет его религиозной и конфессиональной точкой зрения и указывает на отношения с сакральным началом как на конечную интенцию научного поиска.

Таким образом, религиозная, и, особенно исламская, философия и феминизм предлагают вектор развития научного знания, наиболее соответствующий развитию современной культуры. Философия науки будет в ближайшее время ориентироваться на этот вектор.

ЛИТЕРАТУРА

Рерих Н. К. Избранное. Составление и вступительная статья В. М. Сидорова. Иллюстрации и обложка – с картин Н. Рериха. М. : Правда, 1990. 528 с.

Ибрагим Т. На пути к коранической толерантности. Н. Новгород : Медина, 2007. 288 с.

Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М. : Феникс; ХДС-Пресс, 1991. 282 с.

Anzaldúa, G. Borderlands : the new mestiza = La frontera / Gloria Anzaldúa. San Francisco : Aunt. Lute, 1987. 203 p.

М. С. Голикова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

gollikoff@list.ru

«WHY STUDY LATIN?»:

ЦЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ XX–XXI вв.

Ключевые слова: латинский язык, классическое образование, история классической филологии.

Key words: Latin, Classics, history of classical philology.

На протяжении XX – начала XXI вв. в научных журналах The Classical Journal, The Classical Outlook, Journal of Classics Teaching появлялись десятки публикаций, объединенные общей тематикой и часто общим названием: «Why Study Latin?» (Зачем учить латынь?). Эти статьи составляют отдельное направление в теории преподавания классических языков.

Наряду с размышлениями о целях изучения латинского языка на разных образовательных уровнях (в школе, в университете) эти статьи можно рассматривать как особый жанр философской рефлексии о значимости Античного наследия для современного общества. Равным образом эти статьи являются ценным источником информации по истории образования, развитию педагогической мысли и методики преподавания древних языков [Van Loon 1920: 300–303; Kretz 1968: 51–52].

Начиная с XVIII в., латынь становится языком классического образования. Ряд публикаций первой половины XX в. посвящен попыткам преодоления кризиса преподавания латыни в классическом образовании. С 20-х годов XX в. начинается этап переосмысления роли латинского языка в образовании в целом. Изучение латинского языка становится самостоятельной образовательной дисциплиной. В публикациях этого периода прослеживается попытка найти баланс между изучением латыни, как долгосрочного вклада в развитие образованной личности, и изучением языка в прикладных целях. В процессе этого обсуждения на вопрос «Why Study Latin?» был сформулирован ряд ответов, которые остаются актуальными по сей день.

1. Латинский дает базу для изучения современных языков (позволяет студентам глубже понять грамматику, лексику родного и иностранного языков).

2. Латынь вводит обучающегося в профессиональный мир юриспруденции, медицины, философии, политики, истории, лингвистики, дает основные представления о базовых понятиях.

3. Изучение латинского языка способствует формированию более глубокого понимания европейской культуры, литературы, истории.

С 70-х гг. XX в. начинает обсуждаться вопрос о роли изучения латыни в области ментального развития обучающегося и возникает четвертое обоснование.

4. Формирование аналитических способностей, развитие памяти, внимания, речи и логики.

К концу XX в. цели изучения латинского были сформулированы как пять базовых «С»: communication (использование классических языков как средства коммуникации), culture (знакомство с греко-латинской культурой), connections (междисциплинарность), comparisons (понимание родного языка и культуры в контексте цивилизации), communities (понимание других культур, через их античные корни) [Gascoyne 1997: 6].

Тенденцией XXI в. стала адаптация изучения латинского языка к потребностям индивидуума, перенос внимания на поиск индивидуальных целей и мотивации для каждого отдельного учащегося [Pettersson 2019].

ЛИТЕРАТУРА

Gascoyne R. C. Standards for Classical language Learning. Oxford, American Classical League, 1997. 78 p.

Kretz R. J. Why Study Latin? // *The Classical Outlook*. 1968. Vol. 45, No. 5. P. 51–52.

Pettersson D. How to learn Latin (2019). Part one : motivation, goals, and habits // *Latinitium*. URL : <https://www.latinitium.com/blog/how-to-learn-latin-part-one> (accessed 28.04.2020).

Van Loon G. E. Why Study Latin? // *The Classical Journal*. 1920. Vol. 15, No. 5. P. 300–303.

Е. В. Дзякович

(Москва, Россия)

Российский государственный гуманитарный университет

dzelen@mail.ru

СИНКРЕТИЗМ И ЭКЛЕКТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова: ментальность, повседневность, историческая память, синкретизм, эклектика, постмодерн.

Key words: mentality, daily life, historical memory, syncretism, eclecticism, postmodern.

Современная повседневная ментальность – в силу особенностей формирования, специфики онтогенеза и возможностей социального проектирования и конструирования – приобрела целый ряд специфических черт, требующих культурологического и социологического осмысления.

Одной из специфических характеристик современной российской повседневности можно считать ее многоуровневую и многослойную синкретичность (порой эклектичность), которая может быть в значительной степени объяснена быстрой сменой социокультурных парадигм и ментальных трендов, работой медиа и актуализированными вызовами времени.

На социокультурный «портрет» современной повседневной ментальности оказывают влияние противоположные интенции. Так, с одной стороны, это глубинные процессы, связанные с культурно-исторической (как коллективной или общесоциальной, так и индивидуальной или семейной) памятью. В связи с этим представляется весьма значимым представление о некоей сакрализации представлений о прошлом, романтизации самого прошлого. При анализе культурных процессов, происходящих в современном социоментальном континууме, необходимо учитывать такое явление, которое, согласно терминологии Я. Ассмана, можно назвать коммуникативной памятью. Ее образуют воспоминания событий недавнего прошлого, которые являются конвенциональными для одного поколения современников. Коммуникативная память приобретает исторически, она «возникает со временем и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями» [Ассман 2004: 52]. Культурное воспоминание, как утверждает Я. Ассман, нередко сакрализуется в коллективном сознании. «Фигуры воспоминания имеют религиозный смысл, и воскрешение их в памяти часто происходит в форме праздника. Праздник служит, кроме многих других функций, также воскрешению в памяти обосновывающего прошлого. Обоснование через обращение к прошлому не что иное, как идентичность вспоминающей группы» [Ассман 2004: 55].

С другой стороны, возможности социального проектирования и конструирования медийной суггестии позволяют в значительной степени направлять многие социоментальные процессы в желаемое русло, а порой и напрямую управлять этими процессами.

Именно при сохранении действия обеих тенденций – как на общенациональном (общегосударственном) уровне, так и на микроуровне – мы становимся свидетелями сохранения культурного многообразия вида *Homo sapiens*, что, по мнению А. Я. Флиера, заложено в его генетику как устойчивая негэнтропийная программа, постоянно соперничающая с глобалистскими тенденциями понижения культурного разнообразия, т. е. повышения уровня социальной энтропии [Флиер 2005: 41].

Представляется неслучайным тот факт, что обе эти тенденции в первую очередь затрагивают именно «праздничные ивенты» современной ментальности, ее карнавальную сторону [Бахтин 1990]. В праздничной парадигме современности находятся в эклектичном, не всегда органичном, подчас взаимоисключающем сочетании традиции, коммуникационные формы и артефакты различных эпох и культур. Мы видим

знаково-символические аттракции, как минимум, пяти социокультурных пластов: традиционной «советскости»; классического православия (или другой традиционной религиозной парадигмы); постсоветской эпохи; народно-языческой (средневековой, карнавально-суеверной); «глянцево-рекламной» (визуально-блогерской).

Яркими примерами, подтверждающими этот тезис, могут служить традиции проживания годового цикла по таким реперным точкам, как: Новый год – Рождество – Святки – День всех влюбленных – День защитника Отечества – 8 Марта – Благовещение – Пасха – 1 Мая – День Победы – День России – День Семьи, любви и верности – 1 Сентября – День Города – Хэллоуин – День народного единства и согласия – Новый год. В данный перечень не включены профессиональные и лично-семейные праздники, акцент сделан лишь на медийных событиях, которые «продвигаются» и средствами массовой коммуникации, и маркетинговыми ресурсами, и на уровне индивидуального «блогерства» в социальных сетях, месседжерах, поздравлениях с помощью заранее созданных интернет-открыток.

Все сказанное иллюстрирует синкретизм и постмодернистскую эклектику в повседневной ментальности современности.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. литература, 1990. 543 с.

Флиер А. Я. Глобализация как культурная тенденция // Обсерватория культуры. 2005. № 1. С. 38–42.

И. Е. Ермолова

(Москва, Россия)

Российский государственный гуманитарный университет

merira@mail.ru

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ЛАТЫНЬ

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, Римская империя, Восток, латынь, греческий язык, билингвизм.

Key words:

Ammianus Marcellinus, the Roman empire, the Orient, the Latin language, the Greek language, bilingualism.

Во времена Римской империи латынь не была широко распространена в ее восточных провинциях. На Востоке гораздо большее значение имел древнегреческий язык. Даже представители высших слоев восточных городов были грекоязычными [Drijvers 1996: 535]. В этих областях латинский язык был необходим только в армии, так как в гражданском делопроизводстве продолжал использоваться греческий. Греки никогда не переставали считать римлян в культурном отношении варварами. Их устраивал свой язык и литература, и не было желания учить варварскую латынь или читать грубоватые и подражательные произведения.

При Константине I и позже ситуация несколько меняется. Пишущий по-гречески Цезарь, а потом и император Юлиан представляют собой исключение. Константинополь становится центром распространения латыни, императорская администрация — латиноязычной. Для того чтобы занять место на высшей гражданской службе нужно было овладеть латинским языком. Но настроения населения в отношении билингвизма мало изменились. Ярким свидетельством этого являются речи известного антиохийского ритора Либания. Он неоднократно сетовал по поводу бегства от греческого языка и стремления греческих юношей совершенствоваться в латыни [Lib. Or. I.214; 234; XLIII. 4–5], игнорировал ее, был ее ожесточенным противником [Rochette 2010: 464].

На таком фоне исключительной представляется фигура Аммиана Марцеллина, выдающегося историка поздней античности. Проблема его происхождения остается дискуссионной. Родился Аммиан Марцеллин, вероятно, в Антиохии или еще где-то на Востоке [Fornara 1992: 420]. В последних строках своих «*Res gestae*» он определяет себя как «*miles quondam et Graecus*» [Amm. Marc. XXXI. 15. 9]. В тексте «Деяний» Аммиан неоднократно подтверждает свою изначальную грекоязычность: «*Graeci dicimus*» [XXII. 8. 3], «*Graeci cognominamus*» [XXIII. 4. 10]. Тем не менее написаны они на латинском языке.

Причины выбора латыни для своего сочинения Аммиан Марцеллин, возможно, объяснял в предисловии к нему, но первые тринадцать книг не сохранились, известны книги с четырнадцатой по тридцать первую. Скорее всего, автора к этому побудили патриотические чувства, ими пронизано всё его произведение. Аммиан Марцеллин гордится своей принадлежностью к римскому гражданству, славной историей вечного Рима [Amm.

Marc. XXVI. 1. 14; Rochette 2010: 464]. Здесь следует обратиться к первому элементу самоидентификации историка: *miles quondam*. Вероятно, Аммиан Марцеллин считал свою службу в корпусе протекторов-доместиков, на которую он поступил, возможно, будучи моложе 20 лет [Amm. Marc. XVI. 10. 21], определяющей характеристикой. Он был свидетелем, а зачастую и участником, многих важных событий, происходивших в Римской империи, нашедших отражение в его труде. По долгу службы Аммиан имел доступ к официальным документам и архивам [XVI. 7. 8; 12.70; XX. 8. 18; XXVIII. 1. 15]. Такая осведомленность и компетентность послужили основанием для взвешенных суждений не только о современности, но и о древней римской истории. Все эти обстоятельства в совокупности, вероятно, и побудили Аммиана Марцеллина писать на латинском языке, чтобы его труд был доступен как можно большему количеству образованных жителей всей Римской империи.

Возможности у историка для этого, по-видимому, были. Он происходил, вероятно, из достаточно знатной семьи [Amm. Marc. XIX. 8. 6: *ingenuus*], может быть, высокопоставленного военного [Fornara 1992: 420]. Если ранее считалось, что латынью Аммиан овладевал уже на службе в армии, то углубленные исследования его произведения в последние десятилетия показали, что он получил не обычное для грека образование, а, скорее всего, двуязычное, давшее ему глубокие знания и латинской литературной традиции [Fornara 1992: 438; Rochette 2010: 461]. И выбор латинского языка для «Деяний» был естественным следствием, в том числе, и полученного образования.

Видимо, не случайно внимание Аммиана Марцеллина к лингвистической характеристике своих персонажей. Он не забывает отметить то обстоятельство, что кто-то из них владеет обоими языками: «*Utriusque linguae litteras sciens*» [Amm. Marc. XVIII. 5. 1; XVI. 5. 7]. В одном случае историк даже пишет, что префект претория Стратегий Музоний поднялся по служебной лестнице выше, чем можно было ожидать, именно потому, что был известным оратором на греческом и латинском языках: «*Facundia sermonis utriusque clarus*» [Amm. Marc. XV. 13. 1]. Современные исследователи полагают, что причины успешной карьеры данного человека были несколько иные [Drijvers 1996: 532], но в контексте интереса автора «Деяний» к античному двуязычию его утверждение довольно знаменательно.

Что касается стиля сочинения Аммиана Марцеллина, то в XIX в. и начале XX в. он вызывал серьезные нарекания ученых в связи с отклонениями

от классических норм латыни, которые объяснялись недостаточным владением писателем этим языком. Но во второй половине XX в. трансформировались представления о поздней Античности как о периоде упадка классической древности; пришло понимание того, что это самостоятельный период истории со своими особенностями. Вместе с ним изменилась и оценка стиля «Деяний», оригинальные черты которого теперь считаются свидетельством эпохи, в которой жил их автор [Blockley 1994: 464].

ЛИТЕРАТУРА

Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig : Teubner, 1978. Vol. 1–2.

Blockley R. Ammianus Marcellinus and His Classical Background : Changing Perspectives // International Journal of the Classical Tradition. 1996. Vol. 2. No. 4. P. 455–466.

Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus 15. 13. 1–2 : Some Observation the Career and Bilingualism of Strategius Musonianus // The Classical Quarterly. 1996. Vol. 46. No. 2. P. 532–537.

Fornara Ch. W. Studies in Ammianus Marcellinus : II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // Historia. 1992. Bd. 41. H. 4. S. 420

Rochette B. À propos du bilinguisme de l'empereur Julien : un réexamen // Latomus. 2010. T. 69. Fasc. 2. P. 456–478.

Е. В. Жибер

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

e.jiber@linguanet.ru

ПЕРСУАЗИВНОСТЬ В РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: риторика, риторическая традиция, персуазивность, Античность, Средние века, гомилетика, Возрождение, неориторика.

Key words: rhetoric, rhetorical tradition, persuasion, Ancient world, Middle ages, homiletics, Renaissance, neo-rhetoric.

В современном мире термин «риторика» употребляется в узком и широком смыслах. В узком смысле риторика – филологическая дисциплина, изучающая теорию красноречия и способы построения выразительной

речи в устных и письменных текстах. В широком смысле риторика (неориторика) – наука об убеждении (персуазивности).

Персуазивный аспект всегда присутствовал в риторической традиции в качестве ее составляющей. Понятие персуазивности уходит корнями в античную риторику, возрождается в неориторике, в лингвистической прагматике, при этом вопросы персуазивности довольно органично встраиваются в современную исследовательскую парадигму языкознания, где речевая коммуникация рассматривается как особый вид деятельности, направленной на осуществление индивидом определенных личных и социальных целей в области познания окружающего мира, на формирование мнений и убеждений, на регулирование взаимодействия лиц [Голоднов 2003: 3].

В докладе рассматривается развитие концепта «персуазивность» со времен Античности до настоящего времени. Теоретической базой исследования послужили работы Аристотеля, Платона, А. В. Голоднова, Ю. В. Рождественского, О. С. Иссерс, И. С. Лебедевой, И. Д. Романовой, И. В. Смирновой, Р. Перлоффа и др.

Проблема убеждения (персуазивности) изучалась еще во времена Античности. В то время риторика рассматривалась как наука об убеждении. Считается, что предпосылки возникновения теории убеждения были заложены в трудах софистов, которые имели репутацию «мнимых мудрецов». Они считали, что главная цель ритора состоит в способности убеждать, воздействовать на аудиторию. Софисты первыми оценили силу слова и его убеждающий потенциал. Несмотря на значительный вклад софистов в теорию убеждения, риторика как наука оформилась в трудах Аристотеля, поэтому именно Аристотеля принято считать ее основоположником.

Аристотель рассматривал риторику как науку об убеждении, как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель 2019: 200]. В его работах присутствуют главные принципы, составляющие основу доказательности, стилистической и эмоционально-психологической адекватности публичных речей. «Риторика» Аристотеля представляет собой наиболее полное и системное изучение главных проблем искусства убеждения, в особенности тех, которые связаны с вопросами аргументации. Учение Аристотеля о риторике основано, в первую очередь, на логических принципах убеждения, благодаря чему оно приобрело необходимую последовательность и стройность. «Риторика» Аристотеля сыграла ключевую роль в формировании современной теории персуазивности.

Важный вклад в развитие науки об убеждении внесли и древние римляне, разработавшие классические схемы (каноны) создания речи, которые по сей день не потеряли свою актуальность и используются современными исследователями.

Отношение к риторике и риторической традиции Античности существенным образом менялось на протяжении веков: от интереса до неприятия. В Средние века и в эпоху Возрождения риторика как наука об убеждении теряет значение. Под влиянием церкви и университетов она приобретает новые черты: в средневековый период развивается гомилетика как искусство церковной проповеди, а в эпоху Возрождения появляется художественное направление в риторике; риторическая традиция и исследования по аргументации рассматриваются как схоластические упражнения. В дальнейшем риторика и риторические средства убеждения расценивались как способ обмана, как своего рода потворство лжи, как злонамеренное использование средств и приемов языка в демагогических целях.

На протяжении нескольких веков риторика как наука об убеждении практически не имела развития. Большинство трудов по риторике, так или иначе, опирались на наследие античности. Идеи Аристотеля легли в основу создания и становления «неориторики», одного из последних направлений в истории развития теории аргументации, родоначальником которого стал бельгийский философ Х. Перельман.

На современном этапе риторика воспринимается как искусство говорить ясно, логично, убедительно. Являясь логическим продолжением античной традиции, подобный подход приобретает новые черты, такие как синтез гуманитарных наук. Неориторика – междисциплинарная наука. Новизна обновленной науки заключается в синтезе учений: теории коммуникации, психолингвистики, теории текста и других гуманитарных наук. Огромное значение для неориторики имеет новая область в языкознании – лингвистика текста, целью которой является анализ готового текста, а также составление и совершенствование вновь создаваемых текстов. Современная неориторика – это наука об искусстве правильной речи с целью убеждения, т. е. оказания персуазивного воздействия на адресата / реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Политика. Риторика / Аристотель. М. : Эксмо, 2019. 384 с.
- Голоднов А. В.* Персуазивная коммуникация : стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб. : Астерион, 2010. 243 с.

Лебедева И. С., Романова И. Д. Персуазивность, манипуляция и лингвистическое принуждение в бизнес коммуникации // Вопросы прикладной лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 30–45.

Сухарева О. Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога: на материале публичной речи : дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2009. 202 с.

Т. С. Злотникова

(Ярославль, Россия)

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского

cij_yar@mail.ru

АНТИЧНОСТЬ В СОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБРАЗЦЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Ключевые слова: Античность, советское культурное пространство, образец, интерпретация.

Key words: Antiquity, Soviet cultural space, prototype, interpretation.

Предлагая к рассмотрению различные механизмы наследования античной культуры в весьма активно работавшем в этом направлении советском культурном пространстве, мы, прежде всего, обозначаем две античные парадигмы – античность греческую и античность римскую. Одновременно обозначаем соответствующие этим двум парадигмам философско-антропологический и социально-политический дискурсы.

В свое время мы предложили рассматривать «имперское бессознательное» [Злотникова 2014] как концепт, имплицитно сформировавшийся в культурных практиках и научных исследованиях в качестве оппозиции, дополняющей творческое самосознание; была подчеркнута специфичность такого концепта для России и его прецедентная значимость для эпохи становления индустриального, а отчасти и постиндустриального общества. Идея имперского и шире – классического контекста актуальных культурных практик опирается на связи этих практик с античностью.

¹ Выполнено по гранту РНФ №20-68-46013.

Для парадоксального понимания проблемы античного наследия как источника воздействия на социально-культурную сферу значимо наблюдение Ж. Маритена в отношении готовности тоталитарного государства, опирающегося, как известно, на имперские традиции, не только уничтожать творцов, но и вступать в компромиссные отношения с ними («приручать» их) [Маритен 1991: 187]. Античные традиции в советском культурном пространстве присутствуют и в виде образцов, использование которых и подражание которым позволяет выстроить образное отражение жизненных проблем в соответствии с четко отработанной матрицей, и в виде системы взаимодействия между государством, социумом и создателями новых культурных ценностей.

Работа с образцами

Изучение работы советской культуры с античными образцами позволяет сделать вывод о том, что античность в ее греческой версии для советского бытия была собранием образцов: эстетических (калокагатия, катарсис) и этических (долг, истина, добро). Отношение к образцам носило характер как академический, интеллектуально детерминированный, при этом, несомненно, в социально-культурном смысле компенсаторный [Столович 1994], так и прикладной, основанный на восприятии мощных и эффектных, сложившихся в Риме форм выражения представлений о человеке, в том числе о его теле (скульптура В. Мухиной, Е. Вучетича, живопись А. Дейнеки) и о среде его обитания (некоторые архитектурные работы А. Щусева, М. Посохина от Мавзолея до Дворца съездов).

Опыт сопоставления культуросотворчества с имперским бессознательным, сформированным на социально-политическом и эстетическом уровнях и являющимся воплощением античных традиций, возможно актуализировать через экзистенциальное понимание бытия личности. Обратим внимание на мысль В. Франкла об экзистенциальном вакууме, порождаемом в тоталитарных обстоятельствах [Франкл 1990: 39], каковые, в той или иной степени, наследовали образцы римской имперской среды.

Работа по интерпретации

Античность предстает как органичная часть советского бытия и опыт альтернативы «персона-социум» при интерпретации римского материала (И. Бродский «Письма римскому другу» – о возможности для

рожденного в Империи жить в провинции, у моря; Э. Радзинский «Театр времен Нерона и Сенеки» – о попытке сохранения индивидуальности в условиях имперского давления).

Очевидно важно признать, что Античность для советской культуры существовала как органично принятая культурная среда. Одно из самых массовых искусств, театр, осуществлял в пору активного развития советской культуры (1920–1980-е гг.) интерпретацию рецептивных текстов (ставились «обработки» современного на тот момент автора Ж. Ануя), Античность интерпретировалась через воплощение произведений В. Шекспира («Антоний и Клеопатра» – театр Вахтангова), через обращение к Б. Шоу («Цезарь и Клеопатра»). Особый смысл приобретало обращение к собственно античным образцам в русской культуре («Медея» Еврипида-Н. Охлопкова, театр Маяковского) и в культуре так называемых национальных республик советского периода: театральные постановки в Грузии, Армении, Узбекистане собственно античных трагедий (особенно Софокла и Еврипида).

Античность, присутствовавшая в советском культурном пространстве, обогащала и структурировала это пространство, придавая ему духовно-нравственную значимость на фоне политически детерминированных рамок.

ЛИТЕРАТУРА

Злотникова Т. С. Имперское бессознательное – контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2 (Гуманитарные науки). С. 213–217.

Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века : мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе : сборник : перевод. М. : Политиздат, 1991. 365 с.

Столович Л. Красота. Добро. Истина. М. : Республика, 1994. 464 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

М. И. Козьякова

(Москва, Россия)

Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина

markoz@yandex.ru

АНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ – ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ключевые слова: Античность, Греция, Рим, культура, возвращение, искусство, демократия, республика.

Key words: antiquity, Greece, Rome, eternal return, art, democracy, republic.

Радикализм, скорость происходящих перемен, изменяющих среду обитания человека, неоспоримы. Изменения, произошедшие в XX в., кажутся колоссальными, даже если принять во внимание революционные открытия начала столетия. Ядерная энергия и полеты в космос, виртуальный мир и массмедийное пространство и многое, многое другое – мир меняется быстро и, казалось бы, необратимо. В этом контексте представляется чрезвычайно спорным утверждение о «вечном возвращении» Античности (в известной степени это можно отнести и к Средневековью). Однако трансформации окружающего мира в наибольшей степени генерируются научно-техническим, технологическим прогрессом, имеют технологический характер. Что же касается социума, ментальности, искусства – они детерминируются иными факторами.

Здесь античный, а также средневековый «геном» продолжает свое эволюционное развитие, подтверждая наличием разнообразных реплик онтологическое постоянство. Отдельная нация, народ, культура наследуют определенный культурный код, передаваемый новым поколениям через инкультурацию и социализацию, закрепленный также и генетически – в присущей народу ментальности, в архетипических структурах, формировавшихся в историческом событийном ряду. Данная историческая казуальность характерна для многих европейских народов, однако природа греческой и римской античности принципиально различна. При всей значимости паушальных доминант, позволяющих объединять их под общей формационной дефиницией, они обладали существенными отличиями в своих цивилизационных моделях, и это своеобразие позволяло каждой

из них транслировать в современность разнообразные аспекты своего жизненного мира. Говоря о роли Греции, следует первым делом вспомнить о греческой демократии и философии, искусстве и науке.

Изучение философии, любой философский курс принято начинать в настоящее время с греческой философии, с Сократа, Платона и Аристотеля, других философов, чьи труды имеют вневременной характер. История многих наук, как гуманитарных, так и естественных, также имеет греческие истоки, достаточно назвать «отца истории» Геродота и «отца медицины» Гиппократ, историков Фукидида и Полибия, математиков Евклида и Архимеда.

Греция подарила миру классическое искусство – образцовые, идеальные, неподвластные времени произведения, в том числе классику Фидия, Мирона и Поликлета, Праксителя и Лисиппа. «Законы абсолютной красоты... были изобретены для Европы на заре ее сознательной жизни» [Бенуа 1968: 119]. В античной Греции берет свое начало одно из важнейших искусств современности – театр, бывший некогда священным ритуалом. Богатая греческая поэзия, драматургия, мифология с XVIII в. входили в систему классического образования; античные образы и сюжеты на протяжении столетий вдохновляли художников и поэтов, как вдохновляют они и сейчас не только художников, но и философов, культурологов, публицистов, драматургов, режиссеров кино, театра, телевидения. Греческая, а также римская архитектура лежат в основе одного из самых распространенных на Западе и в нашей стране стилей – классицистического.

Отдельную статью исторического наследия представляют достижения в социальной сфере, греческая демократия – политическая система, на многие столетия опередившая свое время. Основанная на признании народа в качестве источника власти, предполагающая верховенство закона и равноправие граждан, она является в настоящее время наиболее распространенной, востребованной формой политического устройства общества. Конечно, можно отметить и профанацию демократического принципа, когда США, самая мощная держава нашего времени, использует лозунг демократии в узкокорыстных целях, когда пытается насаждать ее военным путем.

Римская античность оставила в истории европейской и мировой культуры иное, однако не менее значимое наследие, востребованное современностью. Можно начать с главной, старейшей, доминанты европейской цивилизации – религии. Христианство, включающее самые разные народы Европы и Америки в универсум христианского мира, объединяющее их на

основе проповеди Христа, обрело статус государственной религии именно в Риме, распространив его в процессе христианизации также и на другие территории. Важная роль принадлежит языку античного мира – латыни, ставшей в средневековой Европе языком молитвы, языком межнационального общения, философии и науки. И в XXI в. латынь востребована во многих отраслях науки и в практической жизни: в теологии и медицине, фармакологии, в биологии, юриспруденции.

Чрезвычайно важен правовой аспект римской культуры. Уникальное для древнего мира, сложное, детально разработанное римское право будет неоднократно «реанимировано» в истории – другие государства спустя столетия будут заимствовать из него многие положения понятийного аппарата и правовой терминологии, юридической техники построения правовых институтов и норм [Бортенев, Сергачева, Коваленко 2017: 4–5]. Процесс рецепции римского права оказал решающее влияние на формирование европейских законодательных систем, послужил основой современного гражданского права европейских стран; стал прообразом основанного на нем кодекса Наполеона. Курс римского права как самостоятельную дисциплину изучали и изучают студенты юридических факультетов высших учебных заведений.

Древнегреческий город-полис, как и гигантская агломерация Рима, положили начало существованию городской культуры на европейском континенте: вплоть до XX в. традиции европейского градостроительства, эстетика городской среды, ее благоустройство отражают основные характеристики римского мира. В республике, позднее в империи широкое распространение получило возведение технических объектов — мостов, водопроводов, туннелей, прокладка дорог. Римские зодчие конструктивно обогатили архитектуру, широко используя в своих объемных сооружениях арку, формы крестовых и купольных сводов, применяя «римский бетон». Высокое качество строительства, сложные технологии, разнообразный строительный материал позволили создать величественные и долговечные сооружения. Грандиозность и масштабность становятся воплощением идеи Вечного города: символизируя победоносное государство, архитектура императорского Рима выполняла идеологическую, пропагандистскую функцию. Триумфальные арки, колонны, торжественные алтари, иные помпезные городские сооружения должны были свидетельствовать о величии римского мира. Универсальная символика престижно-презентационного монументализма не знает исключений в истории: неоднократно

повторяясь на разных континентах, она была использована во втором Риме – в Византии, в классицизме многих европейских столиц, в Вашингтоне, в латиноамериканских столицах.

Помимо архитектуры Риму принадлежит почетное место создателя, художника, творца и в иных видах искусства, в том числе искусства реалистического портрета, скульптурного и живописного. Мощная, развитая цивилизация была отмечена выдающимися достижениями в ораторском искусстве и историографии, медицине и географии. Римский стоицизм, этика и патристика, классицизм Вергилия и Горация также относятся к шедеврам общечеловеческой культуры. Искусство, наука, политика – Античность возвращается к нам снова и снова, соединяя нить времен, напоминая о жизни людей, стоявших у истоков нашей цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Бортенев А. И., Сергачева О. А., Коваленко Е. Н. Римское право : учебное пособие. Издательство Волгоградского института управления – филиала РАН-ХиГС, 2017. 136 с.

Бенуа А. Н. Александр Бенуа размышляет... [Статьи, письма, высказывания]. М. : Советский художник, 1968. 842 с.

Н. Б. Ларионова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vorotapystou@yandex.ru

МУЗЕЙНЫЙ КВЕСТ КАК СПОСОБ РЕЦЕПЦИИ АНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

Ключевые слова: латинский язык, «Древние языки и культуры», квест, Пушкинский музей, искусство Древнего мира.

Key words: Latin language, «Ancient Languages and Cultures», quest, Pushkin Museum, art of the Ancient World.

Современные информационные и коммуникативные технологии повлияли на многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе и высшее образование. Образовательный процесс нуждается в интерактивных

формах подачи материала, развивающих логическое мышление, творческое воображение, умение просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед, способность концентрироваться на поставленной цели и задачах [Кичерова 2016: 2]. Среди актуальных образовательных методик, позволяющих интегрировать междисциплинарные знания, умения, навыки и компетенции и в то же время привлечь участников к атмосфере изучаемого предмета, можно выделить квесты.

В настоящее время все большую популярность приобретает такой вид образовательной активности, как музейный квест, в котором искомый компонент находится в залах музея, а участники квеста, выполняя задания, знакомятся с произведениями искусства и историческими фактами [Меркурьева 2017: 100].

На занятиях по дисциплине «Древние языки и культуры» большая часть учебного времени посвящена изучению грамматической системы латинского языка, грамматическому анализу и переводу латинских текстов. Но в задачи курса входит также и рецепция Античности – изучение основных этапов истории Древней Греции и Рима, наследия античной культуры как основы современной европейской культуры. Квест по залам античной истории ГМИИ им. А. С. Пушкина был составлен для студентов Московского государственного лингвистического университета как элемент самостоятельной работы, позволяющий студентам познакомиться с памятниками искусства Древней Греции и Древнего Рима и развивающий способность быстро принимать решение в условиях командной работы, креативно мыслить, находить выход из нестандартных ситуаций и др.

Квест начинается в зале № 24, где участники должны найти изображение Геракла. В следующем зале (Греческий портик) студентам предстоит найти богиню Мельпомену, статую дочери Миноса Ариадны, статую Афины Парфенос. В зале, где хранятся сокровища из клада Приама, студенты, участвующие в квесте, увидят сосуды, оружие и украшения из древней Трои.

В последнем зале представлены статуи Венеры Милосской, Ники Самофракийской, Аполлона Бельведерского, Лаокоонна и фриз алтаря Зевса из Пергама. Найдя три подсказки и выполнив все задания, студенты возвращаются в зал, в котором начался квест. Здесь они должны сфотографироваться около искомого экспоната, чтобы засвидетельствовать свое участие в квесте.

Во время прохождения квеста студенты знакомятся с географическими и хронологическими границами распространения античной цивилизации и наиболее значимыми её достижениями во всех областях материальной и духовной культуры, а также осознают значение наследия Античности как основы современной европейской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Кичерова М. И., Ефимова Г. З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения // Мир науки : интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 5.

Меркурьева А. С. Квест как форма культурно-образовательной деятельности музеев // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 2 (8). С. 99–102.

Н. Н. Летина

(Москва, Россия)

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского

liotina@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: культурные коды, Средневековье, современная культура, христианский культурный код, феодальный культурный код, куртуазный культурный код.

Key words: cultural codes, Middle Ages, modern culture, Christian cultural code, feudal cultural code, courteous cultural code.

Современный западный мир (к которому отнесем и Россию) утрачивает аутентичное Средневековье, точнее – близкое аутентичному представление о нем, детерминированное научными штудиями.

Целенаправленный научный интерес к Средневековью, актуальный для рефлексии целой плеяды блистательных медиевистов – историков культур и ментальностей Й. Хёйзинги, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, А. Я. Гуревича, Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, уже не привлекает современных

исследователей, сконцентрировавшихся на всё более укорачивающихся и приближающихся к современности отрезках времени.

Специфическая, пока еще фундированная интеллектуальная память о Средневековье зафиксирована в образовательном и просветительском сегменте современной культуры. Обычно эта фиксация верифицируется лишь непосредственными участниками образовательной деятельности, но в актуальном коронавирусном контексте в процессе перехода образования в дистанционный формат присутствие Средневековья как объекта школьного и особенно вузовского изучения стало заметней, очевидней. Адаптированные, медийно оснащенные профессиональные материалы по культуре Средневековья, предоставляются как временно, так и постоянно открытыми просветительским проектом «Арзамас», интернет-журналом о науке «Постнаука», образовательными платформами «Юрайт», «Знаниум», межвузовской площадкой электронного образования «Универсариум» и рядом других.

Но, как показал произведенный в марте и апреле 2020 г. целенаправленный контент-анализ материалов Рунета, коррелирующих с темой Средневековья, ее присутствие в Сети достаточно масштабно, высокий интерес к Средневековью характерен для ряда субкультур (реконструкторы, ролевика, неоязычники, геймеры) и отдельных энтузиастов (например, создателей проекта «Русская планета» <http://www.russianplanet.ru/filolog/index.htm>).

Репрезентативно и разнообразно Средневековье представлено в продуктах и произведениях современной художественной культуры – литературе (многочисленные фэнтези, фолк-поэзия), кинематографе («Первый рыцарь», 1995; «Жанна д'Арк», 1999; «Король Артур», 2004; «Мерлин», 2008; «Пустая Корона», «Игра престолов», «Последнее королевство» с 2012; «Викинг» с 2013), анимации («Меч в камне», 1963; «Робин Гуд», 1973; «Беовульф» 2007; «Три богатыря на дальних берегах», 2012; «Три богатыря и Наследница престола», 2018), компьютерных играх («Kingdom Come: Deliverance», «Knights of the Temple», «Mount & Blade: Warband»). Проявления культурных кодов Средневековья реализованы в отечественной музыкальной культуре, главным образом, в направлениях нового фолка, фолк-рока, фолк-металла (Тол Мириам, «Woodscream», «Wallace Band», «Мельница», Йовин, «Хисимэль», Канцлер Ги, Лора Провансаль, «Башня Rowan», «Ignes Fatui», «The Dartz», «The Hobbit Shire», «Земля Легенд», Тэм Гринхилл, «AETERNA», «Таверна»).

Обратимся к репрезентативному материалу. Актуальной и масштабной тенденцией в современном кинематографе является воплощение куртуазного культурного кода. Фэнтези-сериал «Мерлин» (BBC, 2008) – типичная и оригинальная версия трансформации куртуазного культурного кода. Камелот в сериале – идеализированный мир, который можно идентифицировать и как феодальный универсум со склонностью к абсолютизации власти короля (при Утере), и как демократизированный феодальный универсум с проявлениями куртуазии (при Артуре). При этом его светский, ритуализированный, героический при Утере и эстетизированный при Артуре образ отчасти решены в духе куртуазной традиции. Актуализирован в сериале и кодекс благородного вежества – важнейший элемент куртуазного кода. Куртуазному «влиянию» поддаются не только рыцари (Артур, Утер), но и персонажи низкого социального статуса (Мерлин, Гайюс). Куртуазная атмосфера проявляется, прежде всего, в актуализации культа Дамы и куртуазной любви. Последняя соединяет персонажей отнюдь не в средневековых традициях: рыцари по происхождению и рыцари по духу обретают взаимность у Дам – аристократок (Елена, Катрина), служанок (Гвиневра), простолюдинок, магических существ (королева-троль, служанка-пикси). Элементы кодекса благородного вежества, особенно куртуазная любовь, как это было и в средневековой куртуазной культуре, способствуют становлению личности героя и (в нарушение средневековой традиции) героини. Куртуазная составляющая в сериале трансформирована: упрощен куртуазный культурный код, комически переосмыслена куртуазная образность, усилены авантюрный характер повествования, атмосфера фантастического и фантазийного. Сочетание духовного напряжения и чувства юмора, высоты устремлений и конкретики ситуаций, апофеоза страстей и интимности момента спасают атмосферу сериала от чрезмерного пафоса, которой отличаются многие современные произведения с куртуазными реминисценциями.

В связи с данными обстоятельствами можно констатировать определенное угасание интереса к Средневековью в гуманитарной и гуманистической мысли современной культуры и его непрестанную актуализацию в практиках субкультур и современного искусства (как массового, так и авторского).

Средневековый культурный код (культурный код мы истолковываем вслед за В. В. Красных как элемент матрицы культуры [Красных 2002: 53]), состоящий из уникальных культурных особенностей Средневековья,

отразился в современной культуре в разнообразии форм и версий. Но при этом мы полагаем, что в современной культуре (с ее интенциями «колебаний», провозглашенными Л. Тёрнером [Turner, URL]) сложился собственный культурный метакод Средневековья. Он синергетически сплавил знаки, являющиеся или мыслимые в качестве средневековых. Внутри этого динамичного пестрого собрания присутствуют и собственно средневековые культурные коды, выделяемые медиевистами – христианский, феодальный и куртуазный, народный (в частности, карнавальный, пародийно-смеховой). Их бытие в современной культуре носит различный характер – от корректной актуализации до пародийного нивелирования и снижения.

ЛИТЕРАТУРА

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 282 с.

Turner L. Metamodernist Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения 05.05.2020).

Е. И. Мальцева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
elizaveta_korshu@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР В ВИЗУАЛЬНОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ

Ключевые слова: коммуникация, метаязык, лексический трансфер, термин, словообразование.

Key words: communication, meta-language, lexical transfer, term, derivation.

Доклад посвящен анализу лексических средств, общих для риторики и теории искусства. Основой для сравнения лексических средств этих сфер служит понятие коммуникации, рассматриваемое, вслед за Р. О. Якобсоном, Ю. М. Лотманом, Б. А. Успенским, как взаимодействие знаковых систем, знаков и кодов. В связи с этим искусство и язык понимаются как средства коммуникации [Лотман 2002].

Отправной точкой работы служит тенденция последних десятилетий рассматривать произведения изобразительного искусства как текст, а также их анализ с использованием терминов риторики. Исследователи полагают, что античное изобразительное искусство и ораторская речь направлены на достижение определенного коммуникативного эффекта, а именно – убедить реципиента. В дошедших до нас трудах по античной теории искусства используются лексические средства риторики и литературной критики, что позволяет наглядно описать творческий процесс. Однако и античная риторика подчеркивает особое значение визуального образа. Речь призвана вызвать отклик в сознании слушателя, поэтому ораторам необходимо научиться у художников создавать сильные и яркие образы [Brassat 2017]. Помимо этого, интерес представляет терминология средневековой музыкальной теории, рассматривающей музыкальное произведение как «иную» форму речи, которая имеет ту же структуру, что и речь ораторская [Dings 2019]. Принимая во внимание тезис об общих коммуникативных свойствах визуального образа, музыки и языка, мы рассматриваем историю развития визуальной и музыкальной риторики, их связь с риторикой Античности и Средних веков и проводим сопоставительный и диахронический анализ их метаязыков. Особое внимание при этом уделяется развитию значения и словообразованию лексемы *Figur* (производные *Figuration*, *figurativ*, *Figural*-).

В метаязыках изобразительного искусства, музыки и естественного языка лексема *Figur* служит номинации определенного изображения и структурно-смыслового фрагмента. Помимо этого, в докладе проводится анализ названий основных риторических средств, употребляемых в метаязыках визуальной и музыкальной риторики. При описании взаимодействия риторики со сферой изобразительного искусства и музыки мы пользуемся понятием «лексический трансфер». Материалом исследования служат специальные немецкоязычные словари и энциклопедии, этимологические словари, профессиональные немецкоязычные искусствоведческие статьи и рецензии разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. 544 с.
- Brassat W. Handbuch Rhetorik der bildenden Künste. De Gruyter, 2017. 841 S.
- Dings M. Kleines Lexikon der musikalisch-rhetorischen Figuren. Hochschule für Musik Saar, 2019. 34 S.

И. В. Малыгина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

irinamalygina@yandex.ru

ФЕНОМЕН «MEMORIA» В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: память, культурная память, Средневековье, идентичность.

Key words: memoria, memory, cultural memory, Middle Ages, identity.

Идентификационный потенциал культурной памяти, его значение в процессах социальной консолидации и установления ментальных границ сообществами традиционного и современного индустриального типов в достаточной мере отрефлексирован в рамках отечественного и зарубежного социально-гуманитарного знания.

Культурная память – особая форма дискурса, в рамках которого происходит концептуализация судьбы и коллективного опыта народа путем его изъятия из историко-культурного контекста, интерпретации и ре-интерпретации знаковых событий прошлого, обладающих конвенциональным значением и формирующих образы идентичности этнокультурного сообщества. При этом коллективной памятью удерживаются как позитивные образы (победы, успехи, достижения), так и образы коллективной травмы (военные и политические поражения, капитуляции, геноцид, репрессии и пр.), стимулирующие деформации идентичности и ее негативное эмоциональное переживание. В «пограничных ситуациях» происходит деконструкция «архива» культурной памяти, де-мифологизация и ремифологизация исторических событий и нарративов, их наполнение новым ценностным содержанием в контексте «альтернативной истории».

Данные процессы получили широкое распространение на фоне формирования глобального мирового порядка и конструирования новых «глобальных» идентичностей. Мемориальный тип самосознания, характерный для самоидентификации этнических обществ – обществ традиционного типа, или, в лексике Я. Ассмана, «помнящих культур» [Ассман 2004] претерпевает значительные трансформации.

Необходимо отметить, что уже на этапе образования современных наций, объединивших в общем государственно-политическом пространстве

различные этносы, соперничающие за уникальность собственных исторических и культурных нарративов, коллективная память становится «точкой риска», источником латентного напряжения в полиэтническом пространстве национальных государств. Условием его преодоления объявляется «дар забвения» [Геллнер 2002], а основанием социальной консолидации – национальная идея как некий прогностический консолидирующий проект. Оказавшись в результате «культурой забвения», «культурой беспамятства», национальные государства были обречены создавать новые «большие нарративы», разворачивающиеся уже не в прошлое, а в будущее («светлое коммунистическое», например).

Глобализация привела к снижению статуса национальных государств, делегируя функции доминирующих субъектов мирового порядка и «единиц выживания» новым транснациональным общностям – экономическим союзам, военно-политическим блокам, религиозным общностям, транснациональным корпорациям и т.д.). Известный призыв «забыть о прошлом», провозглашенный в конце XIX в. французским богословом Э. Ренаном, как необходимое условие формирования наций и переустройства мира по национально-государственному принципу, вновь оказался востребованным в ситуации очередного переформатирования мирового порядка. Доступ к обладанию «транснациональными» идентичностями для ряда национальных государств, расположенных, преимущественно, в Восточной Европе, оказался возможным через буквальное развоплощение, политику «беспамятства», «переписывания истории», деконструкцию коллективного опыта и конструирование новых культурных и ментальных границ.

Маркером данных процессов стало вытеснение из политического, исторического, публицистического, художественного дискурсов событий и имен, фиксирующих «неудобную» историю. Наиболее отчетливо эти процессы проявились в отношении коллективного советского прошлого и самого мощного его символа, которым совершенно очевидно является Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Самые одиозные практики деконструкции и ремифологизации образов культурной памяти – разрушение памятников и обелисков героев, символизировавших знаковые события не только для России и государств постсоветского пространства, но и для народов Европы. Ключ к пониманию данных событий как практик репрезентации идентификационных сдвигов может дать обращение к феномену «метомегия», который в современном научном дискурсе обозначает культуру воспоминания, особый тип

коллективной памяти, «который лежал в основе всей правовой и социальной рефлексии западноевропейского общества со времен языческой Античности и едва ли не до XVIII века» [Арнаутова 2003: 19].

Содержание данного феномена составляет особая форма объективации отношений живых и умерших. Каждая эпоха демонстрирует особый способ удержания в актуальном ценностно-смысловом пространстве знания об умерших, формы эмоционального переживания этого знания и культурные практики самого воспоминания (вербализация, ритуалы, социальные действия, возведение памятников и т.д.). Я. Ассман, указывая на особую роль памяти о мертвых в истории культуры, обосновывает тезис о том, что именно в момент завершения жизни и осознания невозможности ее продолжения рождается «прошлое», а вместе с ним – воспоминание (вспоминание) и «помнящая культура» как преодоление «преходящести» [Ассман 2004: 34]. Именно поэтому *memoria* провозглашается первоначальной, самой ранней и наиболее устойчивой формой культурной памяти [Эксле 2003: 40–41].

Максимально полно социокультурные функции *memoria* реализуются в культурном контексте средневековой Европы в связи с особым статусом мертвых. «Город мертвых», как отмечает Ю. Е. Арнаутова, становится частью ландшафта «города живых», средоточием социальной жизни средневекового европейского города. Здесь живые и мертвые обладают равными правами в социальных процессах и отношениях (в отличие от античной традиции удаления некрополей) [Арнаутова 2003: 19]. Именно в средневековой *memoria* впервые обнаруживает себя мощный идентификационный потенциал, группообразующая функция культурной памяти, обеспечивающая осознание единства и устойчивости группы не только в актуальном аспекте, но и в исторической ретроспективе.

Репрезентации *memoria* в различных сообществах средневековой культуры (от королевских родов, аристократии и монашеских общин – до непривилегированных сообществ ремесленников и крестьян) оформились в комплекс культурных практик (литургия, ритуальные обращения к святым – покровителям, биографии предков, фамильные портреты, монументальные памятники, литературные повествования), посредством которых легитимировалась причастность членов группы к ее истории и традиции. Прошлое, воспроизведенное и зафиксированное в сакральном или профанном пространстве культурных репрезентаций *memoria*, оказывалось ориентированным в будущее, становилось частью памяти потомков.

С переходом к эпохе Нового времени основной формой сохранения культурной памяти становится историческая наука, но эмоционально окрашенная «культура воспоминаний», культурные практики сохранения памяти о национальных героях по-прежнему реализуют функции социальной консолидации и манифестации социального единства и маркируют границы «своего» и «чужого» культурного пространства. Как объективированные формы символизации единства группы, именно они первыми подлежат разрушению в ситуациях «столкновения идентичностей».

ЛИТЕРАТУРА

Арнаутова Ю. Е. Мемогія : «тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 19–37.

Ассман Я. Культурная память : Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. 368 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 146–200.

Эксле О. Г. Аристократия, мемогія и культурная память на примере мемориальной капеллы Фугтеров в Аугсбурге) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 38–51.

А. О. Манухина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

amanuhina@mail.ru

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА: О ТРУДАХ ПЕРВЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ XVI ВЕКА

Ключевые слова: национальный литературный язык Франции, латинские и французские письменные памятники Ренессанса, диахронические исследования.

Key words: national literary language of France, Latin and French written monuments of Renaissance, diachronic research.

Эпоха Ренессанса в литературе и, в целом, в культуре Франции приходится на XVI век: благодаря ордонансу Франциска I *la langue francoyse* приобретает официальный статус языка деловой коммуникации и литературы.

Французский становится языком интеллектуальной элиты и придворной знати, заменив распространенный в Средневековье латинский язык как средство международного общения. По мере усиления роли *la langue francoyse* в XVI веке всё чаще проявляется интерес светского человека к исторической, естественно-научной и дидактической литературе на родном живом языке, что было типично для Европы XVI столетия: «В разных странах с новой силой разгорелись споры о равноправии родной речи с латынью. И хотя о полном выходе латыни из употребления говорить еще не приходилось, основным коммуникативным средством стал народный язык» [Нелюбин, Хухуни 2018: 73].

Работа французских гуманистов-переводчиков XVI века связана главным образом с популяризацией наук и переводами сочинений древних на французский. Так, Жак Амио (1513–1593), начиная с 1542 года, долгое время занимался поиском рукописей Плутарха и переводил их, сопровождая текст историческими, источниковедческими и филологическими комментариями. Собрав все доступные в то время тексты, Амио опубликовал их в переводе на французский под названием «*Vies des hommes illustres*» и «*Oeuvres morales*». Переводы Ж. Амио высоко оценил Мишель Монтень, назвав автора «принцем переводчиков» [Монтень 1992: 500].

Бонавентюр Деперье (1501–1544), которому ученые приписывают перевод диалога Платона «Лисид», во время службы при дворе сестры Франциска I Маргариты Наваррской в 1536–1541 гг. совместно с Пьером Робером Оливетаном (1506–1538) сделал перевод Библии на французский язык, за что был назван современниками «французским Лютером».

Многие переводчики из окружения Франциска I оставили свой след в истории как истинные просветители и энциклопедисты Ренессанса: например, Гийом Бюде (1468–1540), переводчик с греческого языка и филолог-классик, он прославился тем, что был инициатором создания *Collège de lecteurs royaux* (современного *Collège de France*), где, в отличие от Сорбонны (осуществлявшей преподавание на латыни), занятия велись на французском языке, вне схоластических догм: профессоры были свободны в выборе читаемых дисциплин. Также Гийом Бюде заложил основы королевской библиотеки Франциска I в Фонтенбло, от которой берет свое начало Национальная Французская библиотека.

Во Франции XVI век известен как время появления французской школы перевода, благодаря которой знания греческой и римской Античности стали доступными светскому человеку. Среди поэтов «Плеяды», расцвет которой приходится на правление Генриха II, сына Франциска I, Жан Дорá (1508–1588) стал известен благодаря переводам с греческого поэзии Пиндара и Ликофрона, трагедий Эсхила, за что получил звание *poeta regius* («придворный поэт»). Его вклад высоко оценил Монтень, назвав «искusstейшим знатоком своего дела» [Montaigne 1861: 68]. Ученик Жана Дорá, также поэт и переводчик «Плеяды», композитор Жан Антуан де Баиф (1532–1589), занимался переводами библейских псалмов и греческой эпической поэзии Гесиода. Младший современник «Плеяды», последователь Дорá, Амадис Жамен (1540–1593) сделал перевод на французский «Илиады» (1580) и нескольких песен из «Одиссеи» (1584).

Позднее, при короле Генрихе III, придворный поэт Франсуа де Бельфоре (1530–1583) проявил себя как филолог и переводчик, близкий в своих воззрениях к «Плеяде». Интересно, что Ф. де Бельфоре переводил на французский не только древних авторов (он работал с наследием Демосфена и Цицерона, переводил богослова III века н.э. Киприана Карфагенского), но и труды своих современников на латыни (языке официальной науки), например, «Историю Англии» (*Historia Anglica*) итальянского гуманиста XVI в. Полидора Вергилия и «Космографию» (*Cosmographia*) немецкого ученого Себастиана Мюнстера.

Благодаря вкладу энциклопедистов и переводчиков-просветителей XVI в. возрастает интерес светской элиты Франции к прошлому Европы. Постепенно *la langue francoyse* привлекает внимание светской европейской элиты и становится не только национальным языком государства, но и языком европейской дипломатии, официальной переписки и международного культурного общения. Начиная с XVI в., французская риторика, поэзия, проза и «искусство философии» превращаются в образец для подражания в других странах, что нашло отражение в термине «французская Европа».

ЛИТЕРАТУРА

Монтень М. Опыты. Избранные произведения : в 3 т. Т. 2 : пер. с фр. М. : Голос, 1992. 560 с.

Нелюбин Л. А., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. М. : Флинта, 2018. 415 с.

Essais de Montaigne. Nouvelle édition, collationnée sur les meilleurs textes. Paris, Furne, Libraire-Editeur, MDCCCXXXI. 565 p.

А. П. Марков

(Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

markov_2@mail.ru

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ» КАК АНТИКРИЗИСНЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: антропологический кризис, европейская цивилизация, «Осевое время», эра логоцентризма.

Key words: anthropological crisis, European civilization, «Axial time», era of logocentrism.

Лейтмотивом философско-культурологического дискурса последнего времени становятся пессимистические выводы относительно перспектив развития человечества, прогнозы о тупиковом «постисторическом периоде» западноевропейской цивилизации, в которой уже сегодня существенно деформированы ключевые культурные институты – религия, философия, искусство, превратившиеся в «музей человеческой истории» (Ж. Бодрийяр). Сегодняшний мир вступает в эпоху «рвущихся нитей» человеческой истории, во времена «эволюционного перелома, равного которому в истории человечества не было. <...> И остановить этот процесс уже невозможно. <...> Крах объясняется многими конкретными причинами, сцеплением конкретных обстоятельств. Но в основе лежит всё тот же великий эволюционный перелом. <...> Тут обреченность очень глубокая, и обречена не только Россия. Думаю, что обречены и многие другие народы, включая западноевропейские» [Зиновьев 2002].

О неизбежности «смены эпох» свидетельствует истощение энергий Логоса, который более 2000 лет удерживал и подпитывал духовную вертикаль мировых культур, тотальная девальвация веры в творящую энергию слова. «В настоящее время вере в Откровение противостоит совсем новый вызов, пришедший на смену умершему атеизму: неверие в слово как таковое, вражда к Логосу» [Аверинцев 2006: 827]. Текст как культуросозидающая субстанция и хранилище духовного опыта человечества не только лишен познавательной и смыслообразующей функций – усилиями агентов «культурной политики» изъята его «моральная душа»,

ликвидирован антропотворческий потенциал. Адепты постмодернизма подвергают сомнению ключевую способность текста свидетельствовать об Истине, заменяя ее принципом «деонтологизации» мыслительного процесса, техникой «шизоанализа» и не отягощающими интеллект откровенно ироническими «вербальными играми», они с нескрываемой ненавистью отвергают «моральный тоталитаризм» классического христианского Логоса, предлагая взамен «сверхязык симулякров» и нравственно нейтральную и «толерантную» к человеческим девиациям «бесовскую текстуру» (Р. Барт). Антропос как существо, обращенное к небу, становится не имеющей верха и низа корнеподобной ризомой. «Нынешний кризис – это не кризис отдельных обществ, а всей макрокультурной системы, пришедшей в I тыс. до н.э. на смену Древнему миру, и которую уместно назвать логоцентрической. <...> Слово исчерпало свои культуротворческие возможности, и постмодерн подвёл под ними черту. Слово, погружаясь в энтропию релятивизма, более не является ни двигателем культурной динамики, ни маской самой Культуры. Логоцентрические дискурсы, от книжной культуры в целом, до религии, философии, науки и искусства, отмирают или маргинализуются. <...> Перерождается и сама человеческая ментальность. В русле, грубо говоря, «правополушарного реванша» рождается новый культурно-антропологический тип – постлогоцентрический, носитель своеобразной новой естественности» [Пелипенко 2017: 59].

В сложившейся ситуации особый смысл обретает идея К. Ясперса о необходимости в ситуации кризиса обращаться к текстам «Осевого времени» – тому историческому периоду, в границах которого произошло «духовное основоположение человечества», сформировавшее современного человека с его представлениями о добре и зле, свободе и ответственности [Ясперс 1991: 33]. В текстах Ветхого Завета, в проповедях Конфуция и Лао Цзы, Будды и Заратустры, в откровениях пророков Исаии и Иеремии, в философских творениях древнегреческих гениев возникают великие проекты «одухотворения» и преображения человека, перевернувшие «ось» мировой истории. Выдающиеся мыслители эпохи производят фундаментальную метафизическую революцию в сознании человека: они бросают вызов погрязшему в «заблуждениях» нечестивому и неразумному языческому миру; осуществляют разрыв сущего и должного, показывая греховность человека и мира, которые нуждаются в совершенствовании и преображении; задают высочайшую планку нравственности и духовного измерения бытия.

Фундаментальный переворот осевого времени состоит в утверждении онтологического статуса Слова как идеи, замысла мира, деятельной энергии творения, как того, что «было в Начале». Торжество монотеизма и культ Логоса становятся фундаментальным критерием перехода мира от языческой «Культуры Жрецов» к великой логоцентричной «Культуре Пророков» (Г. Джемаль). Рождается «эра логоцентризма» – глобальная культурная парадигма, определившая ментальные матрицы и «цивилизационный код» огромной части человечества более чем на две тысячи лет. Теория «мира идей» и концепция Логоса как «мировой души» – «первообраза» мира и энергии его творения, родившиеся в трудах представителей «античного идеализма», проходят сквозь всю историю европейской культуры, органично встраиваясь в христианскую духовную традицию, которая формально заявляла о своей «оппозиции» языческому миру Античности. Текстами и проповедями великих философов и пророков «Осевого времени» были сформированы «духовные контуры» человека – тот «неделимый атом», который более двух тысяч лет обеспечивал «вертикальную» устремленность антропоса «к небу».

Сегодня антропологический проект «Осевого времени» завершает свою историческую судьбу духовно-нравственной агонией. Признаками глубинной деформации культурного кода западноевропейской цивилизации, утратившей свой христианский дух, являются: атомизирующее социум разрушение консолидирующих идеологий; расширение пространства и спектра маргинальных и деструктивных антропологий и практик; тотальная утрата смысла жизни, ввергающая западный мир в экзистенциальную и демографическую катастрофу; экспансия лишенной духовного измерения неолиберальной свободы, провоцирующей нигилизм и агонию саморазрушения. Исчерпанность в пространстве европейского мира созидательных ресурсов логоцентричной «Культуры Пророков» делает неизбежным реванш языческой «Культуры Жрецов», реанимирующей все самое отвратительное в человеческой истории. Особую остроту борьба классической и языческой антропологии обретает на этапе вхождения западной культуры в стадию постмодерна, которая знаменует переход от «прометеевской» к «орфической» модели. Драматизм сегодняшней ситуации (в том числе нарастающее противостояние по оси «Север–Юг» и «Восток–Запад») усиливает тотальная несовместимость (и даже непримиримость) метафизических доминант противоборствующих антропологий Логоса и Хаоса, включая лежащие в их основании модели

миропонимания, области и символику сакрального, иерархию духовных референтов, представления о добре и зле. Порожденную истощенной энергией Логоса экзистенциальную бездну заполняет разлагающая человеческие души «воля небытия».

В ситуации глобального кризиса ситуации будущее земной цивилизации зависит от возможностей коллективного разума выработать средства и механизмы, способные обуздать силы духовного саморазрушения, которые уже выходят из-под правового, интеллектуального и нравственного контроля. В свое время К. Ясперс, размышляя над судьбами европейской цивилизации, которая, как считал великий гуманист, находится на краю гибели, писал о том, что в ситуации духовного кризиса человечеству необходимо «обновлять» связь с «Осевым временем», создавая новые «шифры» понимания уникального духовного опыта человечества, перевернувшего «ось» мировой истории. Поиск в прошлом альтернативных стратегий и сценариев мироустройства философско-культурологическая мысль должна рассматривать не только как свой долг перед истиной, но и как духовно-нравственную ответственность перед судьбами культуры и будущим человечества, образ которого формируется стихией Логоса и уже потом становится конструирующим реальность «самосбывающимся пророчеством».

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.* Собрание сочинений. София–Логос Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. М. : Издательство Дух и Литера, 2006. 912 с.
- Зиновьев А. А.* Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба // Проблемы национальной идеологии : стенография 8-го заседания Русского интеллектуального клуба, 26 июня 2002 г. / Моск. гуманит.-соц. академия. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3658/3724>.
- Пелипенко А. А.* Русская матрица: последний путь // Острог (альманах). 2017. № 14. С. 59. URL: https://vk.com/doc354704131_441745887.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории : пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. 527 с.

И. В. Меланченко

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

melan_got@bk.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Ключевые слова: латинский язык, римское право, методика, юридическая терминология, юридическое образование.

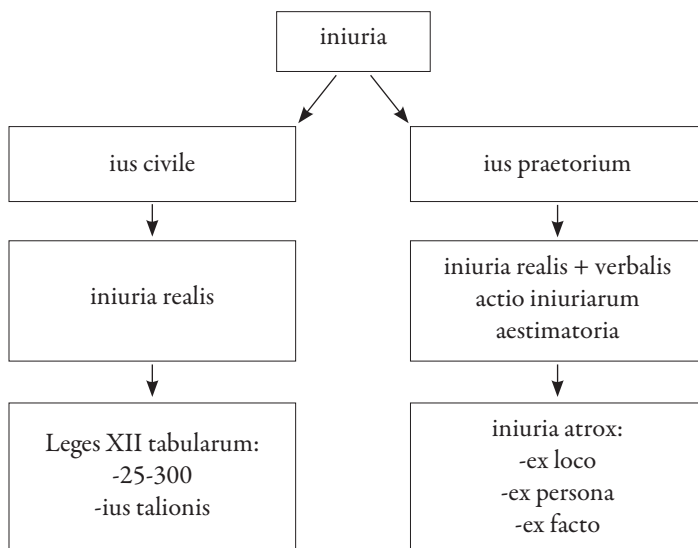
Key words: latin language, roman law, method of teaching, legal terminology, legal education.

Преподавание латинского языка студентам-юристам ставит перед преподавателем особые задачи. Они определяются спецификой юридического образования и не могут быть сведены исключительно к лингвистическим аспектам, но требуют от преподавателя более широкого подхода, включающего, в том числе, базовые исторические и юридические знания. К сожалению, большая часть учебников, программ, учебно-методических материалов по латинскому языку для юристов не учитывает особенностей именно такого комплексного подхода. Написанные лингвистами, они демонстрируют продуманный методический подход для овладения языком, в то же время эти учебники дают достаточно поверхностное представление их авторов о роли и значении латинского языка в системе юридического образования. И, как следствие этого, латинский язык воспринимается самими студентами как отвлечённый, абстрактный предмет, находящийся вне общего контекста юридического образования. Задача преподавателя состоит в необходимости донести до студентов значение этого предмета для юристов, показать, насколько важным звеном он является в системе дисциплин, составляющих основу юридического образования, и тем самым мотивировать студентов к его изучению. Одно из средств для достижения этой цели – изучение римской юридической терминологии.

Римское право оказало мощное влияние на современное европейское право, в числе прочего, это проявилось в заимствовании огромного числа юридических терминов и понятий. Акцентирование внимания студентов

на этих заимствованиях поможет преподавателю убедить студента в нужности и важности латинского языка для изучающего современное европейское и российское право. Поделюсь своим опытом работы с римской юридической терминологией на занятиях по латинскому языку. Автором было выделено чуть более ста наиболее важных, на мой взгляд, римских юридических терминов, заимствованных современными правовыми системами. Термины разбиты на модули, в основном, по тематическому признаку, по 10–15 терминов в модуле. Начиная с 3–4 недели после начала курса, когда уже пройдены основы грамматики (как минимум, 1–2 склонения, прилагательные), и студенты способны к осмысленной грамматической работе с терминами, приступаем к их изучению. Эта работа состоит из нескольких этапов. Первый – простое заучивание. Выучиваем первые два-три модуля и проверяем их знание (студент должен уверенно знать термин и его значение). Второй этап – обсуждение их юридического содержания и связей между ними. Для этого берём в качестве примера какую-нибудь проблему из области римского права, и описываем её при помощи выученных терминов. При этом опираемся на схему-конспект. Например, проблему личного оскорбления (*iniuria*) в римском праве можно описать в выученных терминах и представить в виде следующей схемы (см. схему).

Схема

Такая работа помогает не только лучше усвоить значение изучаемых терминов, но и проследить взаимосвязь между ними, увидеть примеры их практического применения, систематизировать знания. Кроме того, визуализация информации в виде схемы способствует её более успешному запоминанию. Большинство учебных планов предусматривает изучение латинского языка на первом курсе, когда параллельно с ним студенты изучают историю государства и права зарубежных стран, римское право, теорию государства и права. Ту же самую терминологию и проблематику, которую мы обсуждаем на уроках латыни, студенты изучают и в рамках перечисленных учебных дисциплин. Это формирует у них ощущение включённости латинского языка в систему юридического образования, его важности и нужности для юриста. Конечно, работа с терминологией – это только один из аспектов работы преподавателя латинского языка, но немаловажный.

Е. Е. Михайлова

(Тверь, Россия)

Тверской государственный технический университет
mihaylova_helen@mail.ru

А. П. КАРСАВИН О КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Ключевые слова: А. П. Карсавин, культура Средневековья, традиция, власть, религия, личность.

Key words: L. P. Karsavin, culture of the Middle Ages, tradition, power, religion, personality.

Русский религиозный философ А. П. Карсавин (1882–1952) в сложных и противоречивых условиях революционной жизни Петрограда издает сочинение «Культура средних веков» (1918). Небольшая по объёму, эта книга – своего рода ответ Карсавина на большевистский переворот в России, ответ отрицательный и нескрываяемо публичный. Будучи экстраординарным профессором Петроградского университета, Карсавин имеет

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

довольно неустойчивое положение, так как не числится в штате и, следовательно, не получает жалованья, довольствуясь лишь гонораром от платных лекций для студентов. Несмотря на это и вопреки атеистическим устремлениям новой власти, Карсавин публично проявляет свою православную активность. В частности, он выступает организатором «Всероссийского братства мирян в защиту церкви», читает курс лекций «История религии» и ведет семинары по темам «История христианской догмы и философии», «Средневековые ереси», «Средневековая мистика».

Жизнь в пространстве религиозной веры и случившийся на его глазах революционный слом российской империи – эти два обстоятельства во многом определили замысел книги «Культура средних веков». По форме Карсавин отказывается от методологического принципа и принимает синтетические попытки изложения материала, признавая их «рискованными» [Карсавин 1995: 6]. Подобным образом в России еще никто не писал. Возникают ассоциации с сочинением Й. Хейзинга «Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции»», но эта работа была издана год спустя, в 1919 году. Как историк-медиевист Карсавин мог бы изложить материал в координатах исследовательской науки. Однако медиевистика сама по себе не была для него конечной целью, она доставляла ему материал для философской рефлексии [Хорунжий 2012: 42]. Поэтому текст Карсавина – это, скорее, интерпретирующее постижение прошлого. В духе неокантианской идеи о ценностях культуры Карсавин берет за основу ключевые, на его взгляд, формы культуры и осуществляет их перекрестную референцию во времени и в пространстве. Такой дискурсивный прием вызывает новый по силе резонанс: перед глазами читателя предстает динамичная картина смысловых структур и образов Средневековья.

Культура, по Карсавину, есть система качественности индивидуальностей [Ковалева 2018: 267]. «Качествование», специфический термин Карсавина, означающий особый момент самосознания, он перекликается с термином И. Тэна «главенствующая способность». Карсавин отмечает, что в среде исследователей термин «культура» звучит невянятно. С одной стороны, о культуре говорится как о качественности той или иной индивидуальности (культура народа, культура сословия и т. д.). С другой стороны, термин культура олицетворяет культуру эпохи, свойственную многим ее народам (европейская культура, русская культура и т. д.). Такая двусмысленность не смущает Карсавина, у него особая позиция: для него культура

как целое есть природа высшей личности, а как частное – индивидуализация человечества, всеединого во всех народах. Во всякой культуре есть свое личное начало. Прочитируем для примера самого Карсавина: «Это «личное» – его можно назвать идеей культуры – не определимо абстрактно: оно раскрывается в конкретном всеединстве индивидуализаций – качественностей и индивидуальностей – данной культуры и только через них символически познается» [Карсавин 1993: 161].

Средневековая культура, в интенции Карсавина, есть всевременное единство, не ограниченное временем и пространством своего расцвета. Как всякая культура, вырастающая из своего потенциального единства, культура Средневековья зарождается в лоне Античности. Вместо хронологии изложения событий (хотя оно, разумеется, присутствует) Карсавин берет две максимально большие категории – власть и религия – и следит за их диалогом на протяжении нескольких веков. Диалог для него – это смена культурных традиций, которая осуществляется постепенно, через общение. Усвоение новых элементов изначально понижает общий уровень культуры, вызывает оскудение ее смыслообразующего центра, так как собственные живые силы растрачиваются на новую цивилизаторскую работу. Слабея, культурные силы перестают быть творческими, сужают круг своего действия, начинают ориентироваться на «бережение старого», следовательно, становятся «недействительной традицией» [Карсавин 1995: 14]. Бережно хранить – это недействительная традиция, творчески хранить – вот она, настоящая традиция [Карсавин 1995: 14, 24].

В оптике Карсавина культурная динамика Средневековья выглядит как круговорот форм. Традиции прошлого разрушаются, через разрушение усваиваются и творчески перерабатываются, новое тотчас костенеет и становится традицией [Карсавин 1995: 172]. Сначала центром культурной жизни является римская империя, затем центр перемещается, церковь становится преемницей накопленных традиций. Это выражается в том, что процесс разложения и утраты политического единства порождает «тягу к единству религиозному», во многом благодаря открытости христианского учения [Карсавин 1995: 25]. Культура Средневековья для Карсавина – это синтез поздней античности и варварства, в результате которого Римская культурная традиция и римская государственность переплетается с германскими началами. Такой исторический синтез порождает новую культурную энергию: инстинкт государственности и дух религиозности ведут к слиянию разных культурных начал [Карсавин 1995: 44, 48].

Так и случилось с германскими племенами: «Освобожденный от власти своей традиции, сменивший религию отцов германец обнаружил бессознательную и необычайную восприимчивость к влиянию чужого быта. Не сдерживаемая ничем личность бурно проявляла во вне накопленную в ней родом энергию» [Карсавин 1995: 51]. На этом процесс перемещения центра культуры не останавливается: при Карле Великом усиливаются уже новые центры духовной культуры – школы, перерождающиеся впоследствии в университеты [Карсавин 1995: 166].

Интересны наблюдения Карсавина относительно того, что культурная традиция может быть одновременно и реальной, и символической. Так, германские идеи государственности, верности и личной связи олицетворяли символизм восприятия традиций римских императоров, реальным же фактором преемственности выступила государственная и военная организация германцев, заимствованная у римской империи [Карсавин 1995: 53].

Культурная динамика Средневековья основывается Карсавиным на принципе противопоставления. История, в его видении, достигает своей полноты только в христианской культуре, становление которой осуществляется через противопоставление себя пантеизму и теизму. Во всякой религиозной культуре начальная стадия содержит в себе и пантеизм, и деизм, будучи потенциально-христианской. Историческое христианство индивидуализирует свою первичную основу, противопоставляет ей себя и осознает себя только в такой противопоставленности. Примечательно, что Карсавин не только допускает, что историческое бытие и историческое знание свойственно и во вне христианской культуры, но и ратует за взаимознание культур в их стремлении к возможной полноте своего выражения [Карсавин 1993: 215].

В диапазоне традиция / современность работа Карсавина «Культура Средних веков» остается интересной не только как отражающая «дух эпохи». Своевременным видится дискурсивный прием Карсавина, позволяющий конструировать смысловые структуры ушедшей культуры таким образом, что для читателя они становятся собственным ценностно-эстетическим отношением к прошлому. Карсавин говорит нам, как сложно сохранить баланс закрытости культуры (традиции, авторитеты) и ее открытости (торговля, войны, соседское заимствование). Смещающийся центр культуры, преемственность как творчество, символические и реальные силы культуры – над этими и другими суждениями Карсавина можно по-прежнему задумываться и рассматривать их как приемлемые для современности ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

Карсавин А. П. Культура средних веков. Киев : Символ & AirLand, 1995. 208 с.

Карсавин А. П. Философия истории. СПб. : Комплект, 1993. 352 с.

Ковалева Е. О. Преемственность культурных традиций в воззрениях А. П. Карсавина // Вече. 2018. № 30. С. 267–272.

Хорунжий С. С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин. М. : РОССПЭН, 2012. С. 30–96.

Ю. О. Молчанова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Volim9102@gmail.com

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: Таджикистан, ислам, иранская культура, идентичность, Саманиды.

Key words: Tajikistan, Islam, Iranian culture, identity, The Samanids.

После распада Советского союза Таджикистан столкнулся с кризисом идентичности. В современном политическом дискурсе Таджикистана происходит осмысление прошлого через призму настоящего, поиск значимых для формирования идентичности элементов историко-культурной памяти [Battis 2015].

Поиск новых идентификационных оснований в таджикском обществе происходит в двух направлениях: в сторону их локализации и актуализации этнических оснований самоопределения, во-первых, и в сторону формирования новой наднациональной (цивилизационной) идентичности, во-вторых.

Анализируя данную тенденцию, мы смогли выделить несколько доминирующих векторов динамики таджикской идентичности, отчетливо наблюдаемых в постсоветский период развития Республики Таджикистан.

Первый вектор обусловлен возрастающим интересом к паниранизму как идее объединения ираноязычных народов на базе общих культурных

и этногенетических основаниях. В этом случае актуализируются доисламские элементы культуры, нарративы об арийском происхождении таджиков.

Второй вектор обусловлен причастностью таджиков к исламской цивилизации. Здесь доминирующим основанием является ислам суннитского толка, который позиционируется значительной частью общества как консолидирующее ценностное ядро.

Третий вектор – это прозападные ориентации части таджикского общества. При этом коллективный Запад (частью которого мыслится Россия) рассматривается как культурная модель, основанная на ключевых либерально-демократических ценностях.

Современное таджикское общество сегментировано, характеризуется дифференциацией социальных ожиданий и запросов, разнонаправленностью идентификационных моделей. Компромиссным решением в подобной ситуации становится актуализация в политическом дискурсе нарративов об исламском Средневековье Центральной Азии [Bergne 2007]. Персонифицированное в образах Саманидов (в частности – в образе Исмаила Самани), а также ученых и поэтов «золотого века» (Беруни, Ибн Сина, Рудаки, Фирдоуси и др.), средневековое наследие демонстрирует значительный идентификационный потенциал.

Для современного Таджикистана эпоха исламского Средневековья, в частности – эпоха Саманидов, – это культурно-временное пространство расширения таджикской культуры, сложения таджикского народа на основании восточноиранских племен, формирования персидского языка и этнонима таджиков, т. е. собственно этнических оснований идентичности [Фрагнер 2018].

Транслируя миф о «золотом веке» Саманидов, политические акторы актуализируют дискурсы о появлении таджикского этноса в истории и о «завершенности» его формирования. Государство Саманидов рассматривается как первый опыт таджикской государственности, а Исмаил Самани выступает в качестве образа идеального правителя, обеспечившего расцвет таджикской культуры в контексте исламских ценностей.

Вместе с тем образ Саманидов, покровительствовавших исламизации Центральной Азии и одновременно способствовавших ревитализации иранского наследия, служит символом успешного синтеза исламского и иранского «пластов» в таджикской культуре, диалектики религиозного и секулярного. Нарративы о Саманидах легитимируют принадлежность

таджиков к исламской цивилизации с одной стороны, и к истории иранской цивилизации – с другой.

В подобной парадигме, образы исламского Средневековья содержат в себе потенциал для конструирования новой национальной идентичности Таджики, «снимающей» противоречия этих разнонаправленных идентификационных интенций, и в то же время легитимируют нарративы о причастности таджикской нации к панисламской и паниранской метаобщностям, усложняя вопрос культурно-цивилизационного выбора современного Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

Фрагнер Б. Г. Персофония. Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М. : Фонд Марджани, 2018. 136 с.

Battis M. Soviet Orientalism and Nationalism in Central Asia: Aleksandr Semenov's Vision of Tajik National Identity, *Iranian Studies*, 48:5, 2015. P. 729–745.

Bergne P. Birth of Tajikistan : National identity and the origins of the republic. IB Tauris, 2007. 160 p.

А. И. Муравьева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
hommy774@yandex.ru

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: стихотворные отрывки, культурно-языковая компетенция, поэзия вагантов, стихотворные размеры.

Key words: Latin poetry, cultural competence, linguistic competence, poetic meter, Vagrants poetry.

Культурно-языковая компетенция учащихся включает не только овладение основами грамматики и синтаксиса латинского языка, но и создание представления о многовековой культуре Античности и Нового времени. Занятия древними языками необходимо проводить в постоянном погружении в максимально полный исторический и литературоведческий комментарий.

И, если знакомство с историческими реалиями прошлого осуществляется *ad hoc* в процессе чтения текстов и комментария преподавателя, то погружение в античную и средневековую поэзию требует отдельной работы преподавателя и студентов.

Чтение, перевод и выучивание стихотворных отрывков на латыни целесообразно начинать параллельно с обучением основам лексики, грамматики и синтаксиса латинского языка, используя знаменитые строки как иллюстрацию грамматических правил. Поскольку античные авторы использовали общеизвестные мифологические сюжеты, чтение стихотворных отрывков должно предваряться знакомством с сюжетами и персонажами древнегреческой мифологии и античной истории.

Для понимания римской поэзии студентам необходимо иметь представление о жизненном пути поэта, об основных стихотворных размерах (гексаметр, пентаметр и т.д.), об отсутствии рифмы, законе элизии.

Блестящие русские переводы античного эпоса и лирики, сделанные классиками (Г. Р. Державиным, М. В. Ломоносовым, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным) и современными переводчиками, знакомят студентов с особенностями стихотворных размеров: гексаметром Гомера, Гесиода, Вергилия и Овидия, элегическим дистихом Катулла и Марциала, «сапфической» строфой и др.

Чтение самих стихов поэтов «золотого века» римской культуры, выучивание отрывков наизусть делает латинский язык живым, способствует достижению главной цели – расширению общекультурной и лингвистической компетенции студентов. Многие стихотворные строки Катулла, Горация, Овидия, Вергилия стали крылатыми выражениями, которые цитируются веками. Так, знаменитая строка Грибоедова: «И дым Отечества нам сладок и приятен» / «*Et fumus patriae est dulcis*» восходит к цитате из «Одиссеи» Гомера, также встречается у Овидия. Затем, став эпитафией к русскому журналу «Российский музеум» (1792–1794 гг.), она получила широкое распространение.

Разобраны на цитаты и едкие эпиграммы Марциала. Описывая лицемерные слезы дочери о кончине отца, он подарил миру крылатое выражение «*Ille dolet vere, qui sine teste dolet*» / «Тот скорбит воистину, кто скорбит без свидетеля».

Чтение стихотворных отрывков невозможно без культурологического комментария специфических устойчивых выражений, отражающих древние реалии, например:

- ▶ *aquae et ignis interdictio* – «отлучение от огня и воды». У древних римлян один из видов наказания за особо тяжкие преступления, означавшего лишение гражданских прав и изгнание (лишение преступника священного огня и люстральной воды, употребляемой при жертвоприношениях) [Бабичев, Боровский 1988: 72];
- ▶ *ferro et igni* – «железом и огнем, огнем и мечом». Первоисточник – первый афоризм Гиппократ: «*Quod non sanant medicamenta, ferrum sanat, quod non sanat ferrum, ignis sanat*» / «Чего не излечивают лекарства, излечивает железо, чего не излечивает железо, излечивает огонь» [Бабичев, Боровский 1988: 273];
- ▶ *sub rosa* – «под розой» или тайно. Если древние римляне подвешивали над пиршественным столом розу, то все, что говорилось на пиру, должно было оставаться тайной. Роза как знак молчания изображалась на документах, на потолке комнат для тайных заседаний и на деревянной решетке католической исповедальни [Крылатые латинские выражения 2003: 589].

Несомненный интерес студентов вызовет знакомство со средневековой латинской поэзией вагантов (от лат. *vagare* – бродить). Кроме программного студенческого гимна «Гаудеамус» полезно почитать отрывки из знаменитого сборника «*Carmina Burana*» (XI–XIII вв.). Содержание его разнообразно: есть застольные, любовные, обличительные антиклерикальные стихи. На примере стихов вагантов можно обратить внимание студентов на особенности средневековой лирики (стихотворный размер, особенности средневековой латыни, наличие рифмы). Сопровождение перевода текстов великолепной музыкой из одноименной кантаты Карла Орфа и знакомство с блестящими переводами Л. Гинзбурга пробудит интерес студентов к целому пласту средневековой латинской поэзии. Таким образом, знакомство с античной и средневековой поэзией в курсе «Древние языки и культуры» способствует достижению главной цели обучения – формированию общекультурного и лингвистического кругозора студентов.

ЛИТЕРАТУРА

Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я. М. Боровского. М. : Русский язык, 1988. 960 с.

Крылатые латинские выражения / авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. М. : ООО «Издательство АСТ» ; Харьков : «Фолио», 2003. 830 с.

Е. А. Осьминина, В. Э. Церцвадзе

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
eleosminina@mail.ru, valeriahnova@yandex.ru

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИКЕ (на примере отечественных учебников)

Ключевые слова: риторика, риторический канон, Аристотель, Квинтилиан, элокуция.

Key words: rhetoric, rhetorical canon, Aristotle, Quintilian, elocution.

Возрождение риторики в России началось во второй половине XX в. и происходило в разных направлениях; точнее, ряд ученых и педагогов (Ч. Б. Далецкий, Т. А. Ладыженская, Ю. В. Рождественский, И. А. Стернин и др.) создавали и создают свои научные школы. Кроме того, дисциплина «культура речи», возникшая ранее, но все-таки в XX в., может быть сопряжена с одним из разделов классической риторики (сближается с ними и практическая стилистика, как раздел стилистики, гораздо раньше отделившейся от риторики). И возрождение это (как и полагается истинному возрождению!) не обошлось без обращения к отечественной традиции и к античному наследию. Как известно, базой для возникшей в XVII в. русской риторики была протестантская «Риторика» Ф. Меланхтона (XVI в.), которая, в свою очередь, опирается на труды М. Ф. Квинтилиана (I в.).

Была и советская предыстория этого возрождения. Сначала риторическое наследие вошло в раздел «Проблемы стиля» антологии «Античные теории языка и стиля» (1936): были включены отрывки из Исократа, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Теофраста, Дионисия Галикарнасского, Гермогена, Деметрия и др. (показательно, что слово «риторика» писалось через «е» [Античные теории языка и стиля 1936: 189]). В 1972 г. вышли три трактата об ораторском искусстве Цицерона, в 1978 г. – антология «Античные риторики», куда вошел Аристотель, Дионисий Галикарнасский и Деметрий. Однако «Риторические наставления» Квинтилиана доступны современному читателю только в дореволюционном издании.

Из всех вышеперечисленных античных авторов пальму первенства по праву надо отдать Аристотелю, наследие которого остается актуальным и удивительно современным. В первой книге своей «Риторики» философ

определил ее место среди других наук, дал классификацию речей по их предмету (содержанию) и целям, раскрыл содержание понятий, к которым апеллирует оратор, исходя из характера речи (способы убеждения зависят от характера говорящего, настроения слушателя и самой речи). Нрав говорящего и слушающего называется этосом, риторические эмоции – пафосом, а приемы доказательства – логосом. Рассматривается этос. Вторая книга посвящена пафосу – риторическим эмоциям, которые оратор должен возбуждать в слушателях и логосу (приемам доказательства). Третья – вопросам стиля [Античные риторика 1978: 15–167].

Таким образом, современные исследования коммуникации, теории дискурса могут быть возведены к Аристотелю, и не зря возрождение риторики в XX в. во Франции начинается, в том числе и с группы «мю», провозгласившей «практическую ценность понятий, введенных еще Аристотелем».

Если обратиться к современным отечественным трудам по риторике, то аристотелевская традиция выделяется, прежде всего, у Ю. В. Рождественского. Вторая, третья и четвертая части его «Теории риторики» (1997) посвящены теориям монолога, диалога и речевых коммуникаций, соответственно. И в каждом разделе он останавливается последовательно на «этосе», «пафосе» и «логосе» определенного типа коммуникации. Кроме того, в первой части книги ученый в нескольких параграфах излагает идеи Аристотеля.

Развитие древнегреческой риторики происходило в Древнем Риме. Разработка риторического канона происходит у Цицерона, который писал: «Все силы и способности оратора служат выполнению пяти задач: во-первых, он должен приискать содержание для своей речи; во-вторых, расположить найденное по порядку, взвесив и оценив каждый довод; в-третьих, облечь всё это в слова и украсить; в-четвёртых, укрепить речь в памяти; в-пятых, произнести её с достоинством и приятностью» [Цицерон 1972: 102].

Соответственно, выделяется пять этапов риторического канона:

- 1) *inventio* («нахождение, изобретение») – нахождение темы, систематизация идеи и материала, определение способов доказательства;
- 2) *dispositio* («расположение») – работа над структурой речи, порядком изложения;
- 3) *elocutio* («словесное оформление») – нахождение соответствующих языковых средств, обеспечение определенных качеств речи;

- 4) *memorio* («запоминание») – приемы запоминания текста, тренировки памяти;
- 5) *elequentia* или *action hipocrisis* («произнесение» или «красноречие») – ораторское искусство в чистом виде, то, что в древности называлось «игрой».

М. Ф. Квителиан выделил четыре этапа: инвенция, диспозиция, элокуция и элоквенция. Для каждого он предложил свою методику тренировки, включая изучение теории, классических речей и практику, подражание им.

Именно по этим этапам и располагается материал во многих современных учебниках риторики. Приведем наиболее показательные примеры. В «Курсе русской риторики» (2001) А. А. Волкова пять глав, соответственно: «Предмет риторики: язык и словесность», «Изобретение», «Расположение», «Элокуция», «Исполнение речи» – и хрестоматия текстов. «Риторика» (2004) Г. Г. Хазагеров и И. Б. Лобанова состоит из четырех частей: «Из истории риторики и красноречия», «Инвенция», «Диспозиция», «Элокуция» – и хрестоматии. Четыре части канона разрабатываются в «Основах риторики» (1996) А. К. Махальской, это главы вторая – пятая. Три части канона (без последней) – в «Риторике» (2001) Е. В. Клюева; без вынесения их название в заглавие – в «Риторике. Эспресс-курс» (2006) В. И. Аннушкина (соответственно, занятие 3, 5 и 6). Ч. Б. Далекский в книге «Риторика. Заговоры, и я скажу кто ты» (2003), останавливается на вопросах, относящихся к диспозиции, элокуции и элоквенции.

Иногда более подробно рассматривается только один раздел риторического канона. В «Риторике» (1999) Д. Н. Александрова, «Практической риторике» (2002) И. А. Стернина наиболее подробно разработана элоквенция. «Техника речи» (2013) В. И. Аннушкина посвящена одной части элоквенции.

Вопросы, относящиеся к разделу элокуции, рассматриваются в многочисленных учебниках, словарях и научных монографиях, посвященных «культуре речи». Основополагающими являются труды С. И. Ожегова, также можно выделить книги В. Н. Головина «Основы культуры речи» (1988), Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева, из последних изданий – В. П. Москвина, его «Правильность современной русской речи» (2006), «Риторику и теорию коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения» (2014).

Не претендуя на полноту обзора, мы рассматривали только применение античного наследия в педагогической практике. Однако считаем

необходимым указать хотя бы на одну книгу, целиком посвященную античной риторике – это монография Е. Н. Корниловой «Риторика – искусство убеждать» (2010).

В собственной педагогической практике нами также использовался риторический канон, в его исходной формуле из пяти частей. Однако мы изменили порядок преподавания: начали с элоквиенции и закончили инвенцией и краткой историей риторики. Такой порядок позволил обеспечить «практическую» ориентированность курса и интерес слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

Античные риторика. М. : Издательство Московского университета, 1978. 352 с.

Античные теория языка и стиля. Л. : ОГИЗ, 1936. 342 с.

Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. 470 с.

Е. А. Осьминина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

eleosminina@mail.ru

АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА В РЕЦЕПЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО (современное прочтение)

Ключевые слова: эллинизм, Д. С. Мережковский, источниковедение, неохристианство, Серебряный век.

Key words: Hellenism, D. S. Merezhkovsky, source studies, neo-Christianity, the Silver age.

Творческое наследие Д. С. Мережковского в настоящее время оказалось весьма востребованным, несмотря на то, что как религиозный мыслитель и художник он уступает многим своим блестящим современникам: с одной стороны, Н. А. Бердяеву и И. А. Ильину, с другой – И. А. Бунину и А. И. Куприну. Однако в ИМЛИ РАН регулярно проходят конференции, посвященные творчеству Д. С. Мережковского, и уже третий раз во второй половине XX века переиздается его собрание сочинений.

Представляется, что интерес к наследию писателя объясняется актуальностью идей и приемов Мережковского как культурфилософа и предтечи

постмодерна. Изображение античной культуры в его творчестве выбрано в качестве демонстрации этой актуальности по ряду причин.

Собственно, с обращения к античному наследию начался путь Мережковского в литературу. По окончании историко-филологического факультета С.-Петербургского университета в 1888 г., он перевел на русский язык ряд древнегреческих трагедий, печатая их в журналах «Вестник Европы» и «Вестник иностранной литературы»: «Скованного Прометея» (1891) Эсхила, «Антигону» (1892), «Эдипа-царя» (1894), «Эдипа в Колоне» (1896) Софокла, «Ипполита» (1893), «Медею» (1895) Еврипида; затем роман Лонга «Дафнис и Хлоя» (1896).

Античная тема появляется в его поэзии и публицистике. В частности, в сборник «Символы. Песни и поэмы» (1892) вошли стихотворения «Марк Аврелий» и «Колизей», в сборник «Вечные спутники» (1897) – очерки «Акрополь», «Плиний Младший» (1895), «Марк Аврелий» (1891). Мережковский выделяет «пластичность», «телесность» Античности, считая «древний эллинский дух» основой современной Европы: «Он лежит как глубочайшая, иногда бессознательная, основа во всем, что творят истинно прекрасного и вечного художники новых времен» [Мережковский 1995: 357].

Первый исторический роман, вышедший из-под пера Мережковского в 1895 г. и первоначально названный «Отверженным» (позднейшее заглавие: «Смерть богов. Юлиан Отступник»), также посвящен античной культуре. Изображен один из самых драматических ее моментов: период эллинизма, столкновение язычества с христианством. По нашему мнению, именно этот период наиболее интересен Мережковскому; сам он в очерке «Плиний Младший» писал о сходстве культур эллинизма и конца XIX – начала XX века.

Далее в дореволюционном творчестве писателя античная культура уже не определяет тему, место и время действия, но представляется отдельными образами и мотивами: Афродиты, Вакха, Медузы, гностического соотвещения и др.

В эмиграции писатель вновь возвращается к античной тематике. В основе его культурфилософской трилогии «Иисус Неизвестный» (1923–1934) – идеи Плутарха о единстве умирающих-воскресающих богов (Плутарх «Исида и Осирис», «О “Е” в Дельфах»), первоначально эти положения указаны в статье Мережковского «Крест и пентаграмма» (1921). Трилогия снабжена обширными примечаниями самого

Мережковского, где можно встретить как имена античных философов, трагиков и поэтов, так и их европейских интерпретаторов.

В эмигрантской диалогии «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924), «Мессия» (1926) описана крито-микенская культура, излагаются древнегреческие мифы (о рождении Зевса на Крите, о Дионисе, Загрее, о Деметре и Персефоне, Пазифае и Минотавре и др.), присутствуют античные образы и реалии. И символично, что последнее обращение писателя к античной культуре – изображение ее в биографии «Августин» (1936) – посвящено периоду самого заката этой культуры, падению Рима под натиском варваров.

Отношение Мережковского к античности на протяжении творческого пути несколько меняется, но важнейшие особенности его интерпретации остаются постоянными, и они-то и представляются наиболее интересными.

Прежде всего, Мережковский изображает не просто античную культуру. Он смотрит на нее сквозь призму западноевропейской рецепции: Э. Ренана и Ницше. Его восхищение античной культурой должно прочитываться в контексте французской литературы, например, наследия Ш. М. Р. Леконта де Лиля и др.

Базовое противопоставление: светлого, гармонического язычества и темного, аскетического христианства, которое проходит через роман «Юлиан Отступник», по всей вероятности, имеет ницшеанское происхождение (влияние немецкого философа на русского писателя, в частности, и на Серебряный век, в целом, – общепризнанный факт). Сюжет «Юлиана Отступника», ряд сцен, мотивов и образов восходит к драме Г. Ибсена «Кесарь и галилеянин», о чем также неоднократно писалось.

Мифологема умирающего-воскресающего бога, разрабатываемая писателем в эмиграции на примерах многих культур, была подробно исследована Дж. Фрэзером в трактате «Золотая ветвь», ссылки на главы из этого трактата есть в трилогии «Иисус Неизвестный».

Таким образом, Мережковский не просто интертекстуален, его тексты представляют собой как будто «многослойный пирог», который современные литературоведы разрезают «слой за слоем». Не зря фундаментальное современное исследование Е. А. Андрущенко о Мережковском названо «Властелин чужого» [Андрущенко 2012]. Поздние свои трактаты писатель снабдил обширными примечаниями с указанием источников; современные издания включают свое рода примечания к примечаниям, где уточняется, исправляется и комментируется источниковедческая база Мережковского.

Второе свойство текстов писателя, также сближающее их с произведениями нашего времени, – их отчетливая мифологичность. Мережковский творит свой миф: о «Третьем завете», завете «Духа Матери», – восходящий к гностической, то есть эллинистической, поздней античной мифологии. И все его художественные или документальные произведения служат доказательством этого мифа. В связи с этим произведения Мережковского отличает особая мифопоэтика, свойства которой также исследуются – укажем в качестве примера монографию В. В. Полонского [Полонский 2008]. Эта мифопоэтика – свойство литературы модерна, предтечи современного постмодерна.

И, наконец, последнее свойство, как будто противоречащее предыдущему, – но это мнимое противоречие. Тексты Мережковского – миф, но миф рационалистический. Рассудочность, логика, холодный разум – вот свойства творческого акта писателя. Он создает свой мир, как будто повинаясь не вдохновенному порыву, но конструируя из отдельных деталей: цитат, уже известных образов и мотивов. Тракаты Мережковского состоят из фрагментов, иллюстрирующих прихотливое движение его доказательств. Поздние биографии написаны на стыке художественной и документальной прозы. Но и ранние романы имеют черты историкософской прозы. Писатель как будто представляет аргументы в защиту своих идей, и аргументы эти облечены в форму художественных образов. И здесь Мережковский – также наш современник, модернист и предтеча постмодернизма, с его склонностью к рациональности и игре.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрущенко Е. А.* Властелин «чужого». Текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М. : Водолей, 2012. 248 с.
- Мережковский Д. С. А.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995. 621 с.
- Полонский В. В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М. : Наука, 2008. 285 с.

Е. Б. Павлова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

lena.pavlova@live.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДЖ. ЧОСЕРА

Ключевые слова: Чосер, синтаксические особенности, порядок слов, безличные предложения, составное именное сказуемое.

Key words: Chaucer, syntactic peculiarities, word order, impersonal sentences, compound nominal predicate.

Влияние Дж. Чосера (1340–1400), крупнейшего английского писателя Средневековья, на создание английского литературного языка трудно переоценить. В его произведениях отражены основные черты английской национальной поэзии. Язык Дж. Чосера является классическим образцом лондонского XIV века в его литературном оформлении. Именно литературный язык Чосера известен как классический среднеанглийский язык. Исследование синтаксиса в произведениях Чосера позволит выявить особенности синтаксиса среднеанглийского периода в целом [Chaucer URL; Иванова 1973].

Развитие синтаксиса английского языка тесно связано с изменениями в морфологии. Разрушение системы склонений сопровождалось увеличением функциональной нагрузки синтаксических средств связи. Наиболее значительными изменениями синтаксической системы среднеанглийского периода являются изменение порядка слов, который стал более фиксированным, и более широкое использование предлогов [Denison 1993; Rastorgueva 1983].

Следует отметить, что важно разграничивать общие черты синтаксиса среднеанглийского периода и индивидуальные особенности языка Дж. Чосера. Для этого необходимо провести комплексный анализ литературных произведений указанного периода.

Наиболее существенными синтаксическими особенностями языка Чосера являются следующие:

- 1) Подлежащее приобрело более широкий спектр значений. Расширилась сфера использования формального подлежащего *it*.

Подлежащее могло обозначать не только деятеля, но и реципиента действия (так называемое пассивное подлежащее).

- 2) Безличные предложения типа *Me liketh* постепенно заменяются личными типа *I like*.
- 3) Для языка Чосера характерно использование составных глагольных сказуемых: комбинаций модальных и аспектных глаголов с инфинитивами.
- 4) Порядок слов в Кентерберийских рассказах относительно свободный. Тем не менее, налицо тенденция к его большей фиксированности. Для произведений Чосера уже не характерна позиция глагола-сказуемого в конце придаточных предложений. Дополнение обычно больше не располагается между подлежащим и сказуемым.
- 5) Для языка Чосера характерно широкое употребление сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, а также разнообразие связующих элементов. При этом характер придаточных предложений и особенности их использования отличаются большей степенью свободы.
- 6) Структура именной части составного именного сказуемого становится более сложной и может включать предложные конструкции и разнообразные определения.
- 7) Для языка Чосера, как и для среднеанглийского периода в целом, характерно увеличения числа глаголов-связок, что может являться следствием исчезновения древнеанглийских приставок и сложных глаголов, которые обозначали возникновение признака или переход в иное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова И. П. Хрестоматия по истории английского языка : пособие для студентов пед. ин-тов. Л. : Просвещение, 1973. 184 с.

Chaucer G. The Canterbury tales. URL : <https://chaucer.fas.harvard.edu/pages/text-and-translations>.

Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions. London : Longman, 1993. 530 p.

Rastorgueva T. A. A History of English. Moscow : Vysšaja škola, 1983. 347 p.

Е. Ю. Перова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
eperova71@list.ru

«...ТВОРЮ ВСЕ НОВОЕ»: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ключевые слова: категория времени, религиозное мировосприятие, Средневековье.

Key words: category of time, religious world-view, Middle Ages.

Приведенная в названии цитата из Откровения Иоанна Богослова (Откровение 21:5) проецируется на все сферы бытия человека, в том числе на представления о времени.

Не только в известной «Исповеди» Блаженного Августина раскрываются контексты осмысления времени, связанные с такими учениями и понятиями, как эсхатология, сотериология, покаяние как изменение сознания и другими. Как отмечает прот. Александр Шмеман, «в основе литургической жизни Церкви лежит тот же, изначальный и неиссякаемый опыт эсхатологии, опыт Церкви, как новой жизни в новом времени, пребывающей в этом старом мире и его времени для их спасения и обновления» [Шмеман 1996: 242].

На рубеже XIX–XX веков, в том числе в связи с рассмотрением вопроса перехода на новый (Григорианский) стиль в Российской Империи появляются научные статьи по календарному вопросу (труды В. В. Болотова, И. Ф. Полака, Д. М. Перевощикова и других ученых). Культурно-исторический тип во многом сопряжен с календарной системой, и изменения в календарно оформленном времени отражают изменения в каждой данной картине мира, аксиосфере культуры, «христианская культура есть не механическая система счисления времени, а сконцентрированное выражение того, что можно назвать “парадигмой христианской культуры”» [Зелинский 1983: 212]. Временные единицы, ранее имевшие отвлеченно-бытовое значение (так, например, слово «день» – *dies* – в эпоху Античности обозначало физический «световой» день и границы суток в гражданском обиходе; в христианской богословской трактовке это слово-понятие становится максимально полным, вмеща

в себя контексты и исторические, и философские одновременно: от дня творения до мгновения, в котором можно видеть вечность, см. У. Блейка), становятся средствами к выявлению базовых оснований культуры. Календарь (или «Пасхалия» в христианской традиции), рассматривается и как структурированное время, и «не только упорядочивает время мира, но и освящает его...» [Зелинский 1996: 64].

Проблема осмысления времени оказывается в центре междисциплинарного пространства во второй половине ушедшего столетия. Через категорию времени раскрываются культуuroобразующие доминанты, ценностные ориентиры народа.

Среди ряда исследователей, обращавших внимание на данное проблемное поле, – Л. Н. Гумилев, раскрывший значение категории времени в этнологии [Гумилев 1970]; в литературоведении особенности и характеристики художественного времени изучали М. М. Бахтин (вводя расширенное понимание семантического поля хронотопа), В. В. Виноградов, Б. А. Успенский, В. Б. Шкловский и другие.

В XX в., опираясь на богословские достижения эпохи Средних веков и знания из области физики и математики, выдающийся ученый, священник Павел Флоренский, вводит и описывает, наряду с законами воздушной, линейной и др. перспектив, понятие обратной перспективы в иконографии. Это становится обобщающим и объемлющим почти два тысячелетия научно-философского знания итогом, семантической парадигмой, через которую образно (ср.: с греческого языка *икона* – «образ») и визуально представлены время и вечность.

Обнаруженные христианскими мыслителями основные аспекты восприятия человеком времени, до сих пор важны, и продолжают развиваться во многих областях научного знания. Эта богословская традиция обращения к базовым ценностям и понятиям имеет непреходящее значение; христианское восприятие времени через вечность наделяет смыслом любой аспект человеческой жизни. Не теряют актуальности слова, сказанные в прошлом столетии о том, что особенно сегодня человек «останавливается в смятении и страхе перед бездной... собственного „я“, брошенного... в гибельную круговерть механического десакрализованного времени. Не в глобальном технотронном перевооружении внешнего Космоса заключен главный вопрос современности, а в духовном переосмыслении и устроении внутреннего Космоса мятущегося человеческого духа» [Зелинский 1983: 244].

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев А. Н. Этнос и категория времени // Географ. Общество СССР. Доклады отделений и комиссий. Вып. 15. Этнография. Л., 1970. С. 143–157.

Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. М. : Наука, 1996. 77 с.

Зелинский А. Н. Освященное время // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1983. № 113. С. 209–250.

Шмеман А., протоиерей. Введение в литургическое богословие. М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. 248 с.

М. А. Полетаева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

m.poletaeva@mail.ru

КУЛЬТУРА ОТНОШЕНИЯ К ИНОКУЛЬТУРНОМУ: ОТ СТРАТЕГИИ ОТТОРЖЕНИЯ К СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ

Ключевые слова: культура, историческая динамика, стратегии отношения к инокультурному, мультикультурализм, адаптация мигрантов.

Key words: culture, historical dynamics, strategies of attitude towards foreign culture, multiculturalism, adaptation of migrants.

На протяжении человеческой истории в культуре всех народов дихотомия свой / чужой играла важную роль, в том числе определяя некоторые параметры идентичности своего. Именно благодаря сравнению с чужим наглядно были видны достоинства своего, оттачивалась собственная идентичность человека и понимание себя самого. Дихотомия свой / чужой занимала заметное место в ряду всего комплекса многочисленных бинарных оппозиций в сознании людей любых эпох – доброе / злое, хорошее / плохое, сакральное / профанное, истинное / ложное и т. п., что составляло основу системы ценностных различий всей культуры. Однако сегодня наблюдается преодоление бинарности мышления и выработка новых стратегий по конструированию реалий окружающего нас мира как с научной

точки зрения, так и в практике массового сознания, что приводит к коренному изменению в отношении к инокультурному.

В течение истории человечества сменилось несколько оснований, по которым чужого отличали от своего, переменялось общее отношение к нему от преимущественного отторжения к полному признанию его права на инокультурность. Соответственно менялись и стратегии политики власти в отношении к инокультурным *чужим* так же, как и стихийное отношение к ним со стороны населения. Можно выделить три принципиальные стратегии в отношении к чужим:

- ▶ изоляцию, при которой чужих старались территориально отделить от своих и не допустить их повседневного смешения и контакта;
- ▶ ассимиляцию, когда чужим разрешалось смешиваться с местными, но только при условии полного перехода на местный язык и стереотипы бытового поведения;
- ▶ мультикультурацию, при которой чужим без ограничений позволяется манифестация собственной культурной специфики при полном бытовом смешении с местными.

Эти стратегии преобладали в разные эпохи: для доиндустриальной эпохи была характерна изоляция чужого, для индустриальной эпохи – ассимиляция и для постиндустриальной эпохи – мультикультурация. Особую роль в переходе от одной стратегии к другой играет способ конструирования мира в целом и собственной идентичности, в частности, присущий той или иной эпохе.

Представляется, что в истории общественного сознания возможно выделить три типа чужих: чужой-инфернальный (имеющий адское происхождение), чужой-экзистенциальный (по жизни) и чужой-номинальный (по имени, по семиозису). Эти три типа вызывали к себе разное отношение в социальной практике взаимодействия, исторически следовали один за другим, и с каждой эпохой отношение к чужому становилось все менее мистическим и более гуманным. В связи с этим можно говорить об исторической эволюции восприятия чужого в общественном сознании: и как о пути постепенного отказа от крайностей деления социальной реальности на своих и чужих, а мира в целом – на добрую (положительную) и злую (отрицательную) компоненты, и как о глобальной культурной трактовке мироздания в рамках дуалистической парадигмы «правильное / неправильное».

Вместе с тем в современном мире серьезно активизируются миграционные процессы, происходят «столкновения цивилизаций», и наблюдается

рост конфликта идентичностей. Проблема миграции становится все более острой, как в ЕС, так и в РФ. Москва как крупнейший российский мегаполис испытывает самый большой приток трудовых мигрантов из государств СНГ, а также Китая, Вьетнама, Филиппин, государств исламского мира и т. д. Однако в РФ государственные программы социокультурной адаптации мигрантов находятся в стадии развития, а в университетах отсутствуют образовательные программы, ориентированные на подготовку специалистов по работе с мигрантами. В этой связи европейский опыт работы с мигрантскими сообществами представляет для России особый интерес и нуждается в изучении и распространении для выработки методологических оснований отечественной модели мультикультурализма.

Е. В. Савелова

(Хабаровск, Россия)

Хабаровский государственный институт культуры

evgs12@yandex.ru

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К СОВРЕМЕННОСТИ: ДЕФОРМАЦИИ МИФА В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «МАЯТНИК ФУКО»

Ключевые слова: современная культура, миф, превращенная форма, интерпретация, Умберто Эко, роман «Маятник Фуко».

Key words: modern culture, myth, transformed form, interpretation, Umberto Eco, novel «Foucault's Pendulum».

Миф определяется нами как одна из универсальных конститутивных форм человеческого бытия, которая «последовательно актуализируется в своем становлении на экзистенциальном уровне формообразования, в интересубъективном смысловом пространстве культуры и в институциональном социальном пространстве» [Савелова 2010: 90]. В мифе репрезентированы значения и смыслы, принятые сознанием «на веру», не подверженные рефлексии и поэтому легко поддающиеся как продуцированию, так и усвоению. В своем развитии миф проходит через ряд изменений, утрачивает свою изначальную, «чистую» смысловую сущность и трансформируется, становясь «превращенной формой».

Эвристический характер превращенной формы был неоднократно отмечен в исследовательской традиции, в частности в неклассическом концептуальном аппарате гуманитарных наук (Ж. Лакан, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, М. К. Мамардашвили и др.). Превращенная форма является особым «квазиобразованием», которое замещает реальный элемент системы неявным, иллюзорным. Данная подмена не просто фиксирует определенный момент жизни системы. Так выявляется «внутренняя форма видимости» [Мамардашвили 1992: 318], некий скрытый потенциал, неявный в предыдущем моменте истории формы, но имеющий тенденцию к закреплению и доминированию своих символических смыслов как самостоятельной сущности. Иными словами, форма освобождается от скрепляющих ее отношений, становится самодостаточной, а в инверсионном смысловом «оборачивании» обнаруживается иное содержание, отличное от исходного. Такая независимость формы может варьироваться в диапазоне от частичной до полной деформации, искажения, порождая новые отношения, задавая перспективу потенциально бесконечного смыслового продуцирования.

Как отмечает Р. Барт, «миф ничего не скрывает и ничего не афиширует, он только деформирует; миф не есть ни ложь, ни искреннее признание, он есть искажение» [Барт 1994: 95]. Суть мифопорождения, согласно Р. Барту, – в изменении самой структуры знаков, при которой означающее остается прежним, а означаемое сначала деформируется, а затем искажается или вовсе исчезает, создавая, таким образом, иллюзорную, «неподлинную», превращенную реальность. Стремление к «натурализации» новых смыслов также является характерной особенностью мифа, особенно в современной массовой культуре.

Проиллюстрировать динамику мифа в особой логике превращенной формы нам представляется возможным и интересным на примере романа Умберто Эко «Маятник Фуко» (1988).

С истории средневекового ордена тамплиеров разворачивается тот План, который обретает в современности черты чудовищного мирового заговора. От идеи о некоем абстрактном плане, запечатленном в нескольких секретных пакетах, которые передаются тамплиерами из поколения в поколение и вскрываются в определенные эпохи, герои приходят к вселенскому заговору, в орбиту которого включено все.

– Так все-таки, – спросил Бельбо под конец. – Кто такие тамплиеры? В вашем изображении, то это сержанты из фильма Джона Форда, то какие-то

лаццарони, то средневековые рыцари с миниатюры, то банкиры при Господе Боге, специалисты по темным делам <...> Все-таки?

– Именно поэтому вокруг них и образовался миф! [Эко 1999: 126].

Задуманный как головоломка, как упражнение для ума, миф сделался тайной, которую открыли миру герои, и которая была воспринята этим миром как реальная, но скрываемая ранее. Выдуманный заговор тамплиеров, неосторожно выпущенный в свет Бельбо, формирует вокруг себя современных рыцарей этого ордена, которые сочли, что они обрели утраченную тайну и решают довести дело, начатое предками до конца.

Так миф, зародившись в умах героев романа из свободных ассоциаций, нетрадиционного, оригинального мышления, на подсказках компьютера, приобрел право на существование, на определенном этапе вышел из-под контроля, поглотив, в конце концов, и своих создателей, и саму реальность. «Я приучался – Диоталлеви разрушался – Бельбо совращался. И все мы постепенно утрачивали тот интеллектуальный свет, который дает возможность отграничивать подобное от тождественного, метафору от вещи. Утрачивали ту таинственную и блистательную мыслительную способность, которая позволяет нам говорить, что кто то «озверел», но не думать при этом, что у него выросли клыки и когти» [Эко 1999: 552]. Миф в романе – механизм конструирования той реальности, которая выводит человека за грань повседневности, обыденности. В такой гиперреальности мифотворец равен Богу. «Внутри Плана никто другой – только он будет иметь право распоряжаться, кто, с кем, когда и как» [Эко 1999: 649].

Подчеркнем, что У. Эко подробно разрабатывал проблему интерпретации и проблему смыслов мифа, влияния его на человека и на реальность. С начала 1960-х до конца 1970-х гг., с первой своей книги «Открытое произведение» (1962) У. Эко отстаивает мысль о принципиальной незавершенности интерпретации, ценности «идеального читателя» как соавтора любого текста, произведения культуры. Однако с начала 1980-х гг. идея неограниченного семиозиса становится для него все менее привлекательной, таящей в себе опасность «дурной» бесконечности и бесконтрольности смыслопорождения. И если в «Имени Розы» (1980) обнаружение неявных смыслов и их декодировка демонстрирует, по замыслу У. Эко, свободу разума, ответственное интеллектуальное усилие, то уже в «Маятнике Фуко» одержимцы, убежденные в правоте своих идей и беспомощности собственной интерпретативной логики,

постепенно превращаются из нелепых чудаков в социально опасных фанатиков, способных, в конечном счете, на преступление во имя своего мифического мира. Свобода разума выступает в романе как готовность признать границы интерпретации, остановить безумную гонку за ускользающим смыслом.

Очевидно, что У. Эко вступает в полемику с Ж. Бодрийяром, настаивающим на том, что адекватным ответом на вызовы современности и единственной достойной задачей новой культуры является бесконечное конструирование новой симулированной реальности – «гиперреальности». Однако окончательный выбор читатель должен будет сделать сам, проверив на себе все риски и соблазны погружения в мифологическую реальность, представленную в романе «Маятник Фуко».

ЛИТЕРАТУРА

Савелова Е. В. Экзистенциальная аналитика мифа и образования как универсальных культурных форм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 90–93.

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М. : Прогресс-Культура, 1992. 415 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, Универс, 1994. 616 с.

Эко У. Маятник Фуко. СПб. : Симпозиум, 1999. 764 с.

Н. В. Синявина

(Москва, Россия)

Московский государственный институт культуры

cleo2401@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ИКОНОПИСИ

Ключевые слова: художественное пространство, иконопись, обратная перспектива, текст, Средневековье, видимое – невидимое.

Key word: art space, icons, reverse perspective, the text, the Middle Ages, the visible and the invisible.

1. Термин «художественное пространство» начинает активно использоваться в культурфилософии с конца XIX в. (О. Шпенглер, А. Гильдебранд), однако до сих пор не выработано единого подхода к его определению. Прежде всего, данное обстоятельство связано с полисемантической категорией «пространство», выступающей фундаментальной в восприятии окружающей действительности. Современные научные дисциплины в зависимости от сформированного им исследовательского поля рассматривают различные ракурсы пространственно-временных категорий. В связи с этим анализ художественного пространства произведения должен основываться на комплексе подходов, разработанных представителями различных гуманитарных направлений (философов, культурологов, искусствоведов и т. д.).

2. В первой половине XX в. в границах искусствоведческого подхода сформировалось представление о художественном пространстве как одной из главных категорий, которая связана с проблемой восприятия художественного произведения зрителем, особенностей архитектоники, цветовых и светотеневых соотношений. В рамках искусствоведения сформировалось и понимание принципиального отличия художественного пространства от композиции, «представляющей собой значимое соотношение частей художественного произведения», художественное же «пространство означает как связь всех элементов произведения в некое внутреннее, ни на что не похожее единство, так и придание этому единству особого, ни к чему иному не редуцируемого качества» [Никитина 2013: 66–67]. Большое внимание в контексте данного подхода уделяется и различным формообразующим элементам (в музыке, архитектуре, литературе) и видам перспективы как специфическому способу организации художественного пространства в живописи (обратная, прямая, сферическая, параллельная и пр., ортогональная проекция, геометризация и т. д.).

Особенность восприятия пространственных категорий в эпоху Средневековья связана с символическим делением пространства на две области – сакральную и профанную, между которыми пролегла четкая граница. Каждая из областей обладала специфическими характеристиками: если сакральное было четко структурировано, то профанное отличалось хаотичностью и неустроенностью. Кроме того, следует указать и на противопоставление небесного и земного пространства, где первое наделялось сакральностью, а второе считалось греховным. Таким образом, можно

говорить о зонировании пространства по вертикали (небесная – земная сферы) и горизонтали (освященная – неосвященная территория). Данная особенность восприятия оказала воздействие и на выработку способа организации художественного пространства храма и иконы.

Пространство внутри храма и его росписи представляли «мир горний», состоящий из сущностей, а не «мир дольний», который является лишь тварным и, потому, видимым. В связи с этим использование обратной перспективы в храмовом искусстве выступало необходимым условием для организации этого пространства, поскольку благодаря ей становилось возможным отразить всю совокупность условностей и символизма, присущих «миру сущностей».

Несмотря на свою относительно недолгую историю, термин «обратная перспектива» имеет различные трактовки. Г. Милле, описывая в 1899 г. средневековые мозаики, указывает на присутствие в их построении эффекта «птичьего полета», для которого характерны несовместимые увеличения и рост отступающих линий. В 1900 г. Д. В. Айналов при рассмотрении стилистических особенностей русской иконописи использует термин «обратная перспектива» как противоположность прямой перспективы, как неспособность русских иконописцев выстраивать правильный ракурс. О. Вульф считал необходимым ввести понятие, которое выступало бы противопоставлением традиционной прямой перспективе и начинает его использовать в своих работах с 1907 г. («umgekehrte Perspektive»). Однако самую точную характеристику понятию обратной перспективы даст П. А. Флоренский (вводит его в свои тексты с 1920-х гг.), подчеркивающий принципиальную разницу между прямой и обратной перспективой, каждая из которых выступает специфической чертой двух разных мировосприятий, двух типов культуры, ориентированных на внешнее и на внутреннее соответственно [Флоренский 1999: 60].

3. Феноменологический подход при анализе восприятия иконы оказывается продуктивным, когда речь заходит о диалектике Первообраза и образа, которая детерминирована осмыслением феномена лика, а если расширить указанную проблематику, то о репрезентации образа *образа*. Результатом репрезентации выступает визуальный объект (в том числе и иконописный *образ*), невидимым же источником объекта и является Первообраз. Таким образом, эвристичность феноменологического подхода (в частности, теорий Э. Левинаса, Ж.-Л. Марьона, М. Мерло-Понти) заключается не только в выявлении и ином осмыслении дихотомии

«видимое – невидимое», но и в приобретении иконой статуса феномена, обладающего специфической визуальной реальностью.

Несмотря на фактическое отсутствие религиозного аспекта в подходе Э. Левинаса, он, характеризуя этическую составляющую Другого, использует термин «метафизика». Более того, он исходил из возможности в лице Другого увидеть отсылку к Иному / Бесконечному, что близко к позиции П. А. Флоренского о присутствии в тварном образе божественного лика. Левинас подчеркивает, что человек стремится к встрече с Другим, но поскольку Другой трансцендентен, то он не может проявиться прямо. Это характерно и для иконописи. С точки зрения Левинаса, лицо есть эпифания Другого, который обладает самоценностью, автономностью, но только при условии его вхождения в мир обнаруживаются его сущность, значимость и другие характеристики. Он отмечает, что «феномен, каким является появление Другого, – это также лик, или иначе: богоявление лика – это посещение» [Левинас 2000: 315].

Таким образом, использование подхода, соединяющего феноменологическую и теологическую методологию, позволяет увидеть в иконе не только произведение, стремящееся отразить трансцендентный «мир горний», но превращает ее в визуальный образ / объект, благодаря которому невидимое проникает в область видимого. Кроме того, икона предстает как ментальный инструмент, способный помочь восхождению человека к Богу / Духу / Другому.

4. В средневековой культуре, в том числе и искусстве, наличествует ориентация на текст как произведение, что продуцирует необходимость понимания смысла данного Текста. В связи с этим продуктивным видится использование семиотического подхода. Современная социокультурная ситуация, которой под влиянием философии постмодернизма присущ кризис однозначного, в этой характеристике схожа с эпохой Средневековья, поскольку монологизм, приписываемый последней, на самом деле лишь иллюзия. «Проблема универсалий, показывающих многообразные пути» [Неретина, URL] для «схождения в разнообразно устроенные головы» [там же, URL] всеобщего разума, растворенного в религии, была актуальнейшей для эпохи Средневековья.

Итак, иконописное художественное пространство есть определенная метафизика, или специфический художественный текст, для анализа которого необходимо использовать комплекс подходов и методологий, благодаря которому раскрываются новые аспекты восприятия и трактовки иконы как явления религиозной и художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М., СПб. : Университетская книга, 2000. 416 с.

Неретина С. С. Тропы и концепты. URL : <http://philosophy.ru/iphras/library/peretina/04.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Никитина И. П. Художественное пространство как категория современной эстетики // Вестник ВГИК. 2013. № 13. С. 66–80.

Флоренский П. А. Обратная перспектива // Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1999. Т. 3 (1). С. 46–98.

В. А. Тёмкин

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

vitem222@mail.ru

ОБРАЗ СВ. ИАКОВА СТАРШЕГО КАК ПОКРОВИТЕЛЯ ПАЛОМНИКОВ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Ключевые слова: средневековое христианское паломничество, западноевропейское изобразительное искусство, образ апостола Иакова Старшего.

Key words: medieval Christian pilgrimage, Western European fine arts, image of the apostle James the Elder.

В истории Западной Европы открывающие период зрелого Средневековья XI и XII века стали временем подъема религиозных настроений. В этот период основываются новые монастырские ордена, возникают новые центры культа, широко ведется строительство новых церквей. Одним из главных симптомов этой «жажды религиозного очищения», пользуясь выражением Ж. Дюби [Duby 1968: 117], стало христианское паломничество, захватившее разные слои общества.

Паломничество, рассматривавшееся как самый доступный способ обрести спасение души, имело у католиков того времени три цели: Иерусалим с Гробом Господним, Рим с могилой св. Петра и Сантьяго де Компостела, где находились мощи апостола Иакова Старшего. Последний центр стал особенно популярен, начиная с XI века, в результате политики

кастильских королей: они стремились привлечь европейских, в первую очередь, французских, рыцарей к участию в Реконкисте. Для этой цели хорошо подходила легенда о св. Иакове Старшем, чье захоронение было обнаружено в Галисии в VIII в. и чей образ, по возникшему в конце XII в. поверью, чудесным образом явился кастильскому королю Рамиро I во время битвы при Клавихо (844) и позволил одержать победу над войсками мусульман. Так апостол стал знаменем Реконкисты, объявленной крестовым походом против «неверных», и был провозглашен святым покровителем Испании. Около 1160 г. был основан рыцарский орден св. Иакова, главной функцией которого стала охрана паломников на пути в Сантьяго; эмблемой ордена стало изображение креста в форме меча.

Путь в Сантьяго для европейских паломников неизбежно проходил по территории Франции. Существовали четыре основные паломнические дороги: турская, лиможская, поденская и тулузская. Паломничество послужило стимулом для развития искусства романского стиля: вдоль этих дорог активно строились новые церкви и монастыри; в них возникали новые архитектурные формы (тип паломнического храма), возрождались почти забытая в эпоху Раннего Средневековья монументальная скульптура. И нет ничего удивительного в том, что важное место в скульптурных циклах XI–XII вв. занял образ покровителя паломников, апостола Иакова Старшего.

Расцвет скульптуры романского стиля совпадает по времени с активизацией паломничества в Сантьяго де Компостела. Одним из ранних очагов развития романики в искусстве ваяния становится юго-запад Франции, где сформировалась сильная региональная школа. Сюда сходились все четыре дороги в Сантьяго, и именно в творениях местных мастеров появляются первые примеры воплощения образа апостола Иакова Старшего.

К 1100 г. формируется скульптурный декор клуатра аббатства Сен-Пьер в Муассаке (поденская дорога). На одном из опорных столбов можно видеть рельеф с изображением св. Иакова Старшего. Выполненная, как и другие статуи апостолов, в низком рельефе, фигура обладает графической четкостью и подчиняется архитектурному обрамлению. Апостол, повернувший голову вправо, предстает в ризе священника, с развернутым свитком Писания в руке. Изображение соответствует стилю скульптуры Муассака, который видный знаток романского искусства М. Дюрлиа характеризует как «монументальный и абстрактный» [Durliat 2007: 125].

Почти в то же время рельеф с изображением св. Иакова Старшего был создан на портале Мьежвиль главного храма тулузской дороги, Сен-Сернен (Тулуза). Здесь в образе святого подчеркивается не только роль христианского просветителя, как в Муассакке, но именно функция покровителя паломников. Его статуя находится над порталом, слева от тимпана, в левой руке он держит Евангелие, а правой приветствует парный ему образ святого Петра, размещенный с правой стороны от тимпана. Оба святых покровительствовали паломникам, Иаков – в Сантьяго, Петр – в Риме, и их изображение носило символический характер в ансамбле крупнейшего паломнического храма одного из путей в Сантьяго де Компостела.

Постепенно в романском искусстве распространяется образ св. Иакова-паломника. Он часто комбинируется с образом просветителя. Именно таким представил апостола мастер Матео, автор знаменитого Портика Славы, созданного в 60–80-х гг. XII в. в соборе в Сантьяго де Компостела, главной цели многочисленных странников. На отдельно стоящей колонне перед тимпаном св. Иаков изваян непосредственно под статуей Христа-Судии сидящим с посохом паломника и развернутым свитком Евангелия. У апостола экстатическое выражение лица с широко раскрытыми горящими глазами, просветленный взгляд которых направлен вдаль.

Схожая контаминация образов просветителя и паломника наблюдается и в ряде других изображений. В музее собора в Леоне хранится позднероманский фронталь начала XIII в. с фигурой апостола Иакова Старшего в окружении житийных клейм. На них рассказывается легенда, согласно которой лодку с телом св. Иакова прибило к берегам Галисии. В центре фигура самого апостола с посохом в правой руке и кодексом Евангелия в левой.

В XIII в. образ Иакова Старшего распространяется в искусстве готического стиля. На порталах готических соборов апостол чаще всего изображается как христианский мученик. Так, на южном портале Шартрского собора единственным атрибутом св. Иакова Старшего выступает меч, орудие его мученичества. Почти аналогична шартрской статуе скульптура у центрального портала собора в Амьене. Только здесь, помимо меча, мы видим висящую на плече апостола суму паломника с изображением раковин-гребешков, давно уже ставших традиционным символом св. Иакова Старшего. Сочетание типа мученика с образом христианского просветителя можно найти на «Райском портале» собора в Оренсе (Галисия), созданном в подражание Портиту Славы мастера Матео. Статуя

показывает апостола сидящим с раскрытым Евангелием в левой руке и опущенным мечом в правой.

В период Позднего Средневековья в испанском искусстве особенно популярным становится образ св. Иакова-Мавробойца (Santiago Matamoros). Одним из относительно ранних примеров может считаться миниатюра путеводителя паломников Codex Calixtinus (ок. 1325) из Библиотеки университета в Саламанке. Апостол изображен рыцарем на коне с обнаженным мечом на ярко-красном фоне, усыпанном раковинами-гребешками. Изгнание арабов из Испании не прервало эту традицию, перешедшую в искусство Возрождения. Так, в алтаре собора в Касересе (1551) Роке Бальдуке и Гильен Ферран изобразили конного апостола Иакова Старшего в пылу битвы крушащим врагов. Там же, в Касересе, в церкви св. Иакова в 1557–1560 гг. работал крупнейший скульптор Испанского Возрождения, Алонсо Берругете. В ставшем знаменитом главном алтаре церкви центральная сцена посвящена ее святому покровителю. В свойственной ему темпераментной манере Берругете наделил образ апостола страстным порывом: Иаков-воин воздевает меч к небесам, призывая рыцарей-христиан последовать за ним в гущу битвы.

Приведенные примеры показывают, что иконография образа св. Иакова Старшего, покровителя паломничества в Сантьяго де Компостела, претерпела определенную эволюцию в западноевропейском искусстве. Традиционная трактовка апостола как христианского просветителя уже в романском стиле дополняется образом паломника, ставшим хрестоматийным в изображениях святого. Позднее, уже в эпоху готики, распространяется образ апостола-мученика, а в искусство Возрождения св. Иаков Старший переходит как воин-мавробоец, ставший знаменем борьбы за чистоту христианской веры. Указанные типы часто совмещаются в одном изображении. При этом следует отметить, что последний образ, генетически связанный с реконкистой, широко представлен в искусстве Испании и почти не встречается за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

Duby G., Mandrou R. Histoire de la civilisation française : Moyen Age – XVIe siècle. P. : Armand Colin, 1968. 350 p.

Durliat M. La sculpture romane de la route de Saint-Jacques : De Conques à Compostelle. Dax: CEHAG, 2007. 509 p.

А. В. Фесенко

(Москва, Россия)

Планетарий им. Б. А. Максимачёва

icaria@list.ru

ПОЛЕТ ДЕДАЛА И ИКАРА В СВЕТЕ КАЛЕНДАРНОЙ СИМВОЛИКИ

Ключевые слова: миф, символ, календарь, равноденствие, солнцестояние.
Key words: myth, symbol, calendar, equinox, solstice.

Миф о полете Дедала и его сына Икара уходит корнями в минойскую эпоху. Овидий подробно описывает маршрут полета Дедала и Икара в «Метаморфозах» — важнейшем мифоритуальном компендиуме древности (VIII. 220–222) и в «Науке любви» (II. 79–82). По Овидию, Дедал и Икар летели на северо-восток, а после падения Икара Дедал сменил курс на юго-запад и отправился к Сицилии. В этом маршруте есть две интересные странности. Первое – почему Дедал с сыном летели именно в этом направлении? И второе – почему после гибели Икара Дедал резко сменил курс и направился на Сицилию (варианты – Кумы, Афины)? Полагаем, что можно говорить о маршруте этого полета как о метафорически изображенном годовом пути Солнца по небесной сфере, т. е. полет на крыльях Дедала и Икара – есть вариант календарного мифа.

Северо-восток – это область летнего восхода Солнца, когда оно находится в точке летнего солнцестояния – одной из четырех важнейших годовых (и культовых) фаз. Достигнув в своем небесном пути этой точки, Солнце начинает «умирать» и идти на закат. Долетев до Самоса, Икар гибнет, и волны выносят его тело к берегам Долихи. После этого Долиха становится Икарией (Аполлод. II. 3. 6).

Достигнув точки зимнего солнцестояния, Солнце заходит на юго-западе, погружаясь в царство мертвых, которое связывалось с водной стихией, первобытными водами. Восход и заход, восток и запад издревле ассоциировались с рождением и смертью светила. Вергилий говорит, что Дедал, по пути в сицилийский Камик, посетил Кумы, что близ Неаполя и построил там храм Аполлону (Солнцу), посвятив ему свои крылья (Verg. Aen. VI. 18–19). Сицилия, куда прибыл Дедал, – это точка зимнего солнцестояния.

Однако в таком календарном прочтении маршрута полета не хватает еще двух важнейших солнечных фаз – весеннего и осеннего равноденствий. Если путь на северо-восток (т. е. к точке летнего солнцестояния) начинался в кносском лабиринте, откуда начался полет, то Кносс – это и есть весеннее равноденствие. В таком случае, осеннее равноденствие должно находиться где-то на севере.

Возможно, что это Афины. В мифе Афины, являющиеся данником Кносса, находятся в его подчинении и отправляют своих юных граждан в жертву Минотавру. В этом смысле Афины – осеннее умирание Солнечного божества, а Кносс – область рождения весеннего Солнца. Вспомним, что сам Дедал родом был из Афин. В Кносс он отправился после совершенного им убийства. Согласно другому варианту мифа, после бегства от Миноса, Дедал вернулся в Афины.

Таким образом, можно говорить о проекции географических объектов на главные точки небесной сферы, отмечающие важные фазы ритуального года: весеннее равноденствие – Крит (Кносс) – юг; летнее солнцестояние – Спорады (Икария) – северо-восток (восточная сторона); осеннее равноденствие – Аттика (Афины?) – север; зимнее солнцестояние – Сицилия (Камик) – юго-запад (западная сторона).

Следует отметить, что соотнесение географических объектов с небесными архетипами было весьма распространено в Древнем мире. Календарную астрономическую символику в мифе о Дедале и Икаре усматривал еще Р. Грейвс [Грейвс 1992: 242]. Если нанести маршрут полета на географическую карту, то можно видеть, что он образует нечто подобное витку спирали. Возможно, что это спираль Лабиринта.

ЛИТЕРАТУРА

Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. М. : Прогресс, 1992. 624 с.

А. Я. Флиер

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

andrey.flier@yandex.ru

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЧЕРТЫ КУЛЬТУРЫ АГРАРНОЙ ЭПОХИ¹

Ключевые слова: аграрная эпоха, религия, насилие, идеология.

Key words: agrarian era, religion, violence, ideology.

Аграрную эпоху принято отсчитывать от возникновения первых городов и государств (VI тыс. до н.э.) до Великих географических открытий в конце XV в. В истории Европы это периоды Античности и Средневековья.

В сообществах с аграрным типом культуры акцент делался на социальном выживании, основанном на территориально-деятельностной, социально-стратификационной и идеологической консолидации людей в устойчивые коллективы [Дьяконов 1984]. Эти задачи решались в условиях интенсивных экономических, политических, идейных и иных контактов и взаимообменов между народами, а также вооруженного соперничества за приоритетные условия развития. Направленность адаптации ориентировалась на сферу исторических условий существования сообществ, порожденных деятельностью самих людей и взаимоотношениями между их коллективами.

Эти обстоятельства социального бытия породили и соответствующий тип мировоззрения – теоцентрический, основанный на абсолютизации религиозного начала во всех сферах жизни, что по существу сводилось к сакральному обоснованию собственных приоритетов выживания.

В способе осуществления жизнедеятельности людей аграрной эпохи принято выделять три основные новации. Во-первых, постепенно углубляющееся разделение труда и специализацию в деятельности, что, в свою очередь, вело к усилению социальной стратификации и обмену продуктами этой деятельности [Дюркгейм 1991]. Во-вторых, абсолютизацию принципа насилия как основного универсального метода достижения

¹ Впервые опубликовано в: Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. М.: Согласие : Артём, 2014. 558 с.

преследуемых целей социально доминирующими слоями сообществ; а отсюда – особый приоритет, получаемый субъектами, средствами и способами осуществления насилия [Флиер, Полетаева 2009]. И, в-третьих, стремление правящих слоев к максимальной политико-религиозной идеологизации жизни общества, выступающей наряду с насилием основным инструментом социальной регуляции, а также главным источником образов идентичности и психологических стимулов социальной консолидации и мобилизации сообществ [Франкфорт и др. 1984].

Государство предстает органом, систематизирующим и регулирующим порядок применения насилия как новой доминирующей формы утверждения актуальных ценностей, норм и стандартов общественного бытия в постоянно усложняющейся и дифференцирующейся системе форм деятельности, поддержания и обеспечения процессов социального расслоения и перераспределения общественного богатства. Принуждение силой в различных областях социокультурной жизни стало преобладать над иными формами саморегуляции и придало этим процессам большую динамику и организованность, а нормам и стандартам общественной жизни большую определенность. Возникновение государств активизировало процессы дифференциации человеческих сообществ, пространственную и социальную локализацию их культур, ускорило профессиональную специализацию многих отраслей социально значимой деятельности.

Формирование городов, позволившее определенной части населения преодолеть непосредственную зависимость от природно-климатических условий жизни, может быть квалифицировано как фактор ускорения процессов социальной стратификации и специализации ремесленно-торговой военно-административной, религиозной и художественной деятельности. Процессы урбанизации связываются также с порождением новых черт и типов образа жизни и ценностных ориентаций, в которых критерий социальной престижности тех или иных культурных форм стал играть порой не меньшую роль в их отборе, чем фактор их утилитарной полезности и эффективности. Благодаря более высокой плотности населения в городах существенно повысилась эффективность и массовость воздействия механизмов социальной регуляции поведения людей.

Возникновение письменности подняло на новый уровень возможности фиксации и трансляции текстов, определяющих нормы и стандарты деятельности, заметно интенсифицировало процессы информационных обменов и образования. И хотя на практике эти возможности были

сосредоточены в руках лишь небольшой части населения, особенный авторитет письменного текста в сравнении с устным преданием постоянно манифестировался на протяжении всего аграрного периода истории.

В целом культурные черты рассматриваемого типа по своему происхождению и основной зоне распространения были связаны главным образом с государственно-городскими формами жизни. Их диффузия в сельскую среду отличалась замедленностью и, как правило, малой эффективностью. Поэтому для описываемой стадии культурной истории характерно сосуществование, по меньшей мере, двух типов культурных доминант в недрах каждого сообщества: историко-идеологической в городах и эколого-генетической в деревнях.

ЛИТЕРАТУРА

Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории Древнего мира и проблема путей развития // История Древнего мира. М. : Наука, 1989. Т. 1. С. 31–56.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 575 с.

Флиер А. Я., Полетаева М. А. Происхождение и развитие культуры : учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2008. 271 с.

Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М. : ГРВА, 1984. 236 с.

И. В. Хорькова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

stauross@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ ПОЛЕМИЧЕСКИХ КЛИШЕ ИЗ СОЧИНЕНИЙ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГЕТОВ

Ключевые слова: латинская патристика, христианская апологетика, латинские апологеты, полемические приемы, риторика.

Key words: Latin patristic, Christian apologetics, Latin apologists, polemic techniques, rhetoric.

Наименование христианских апологетов закрепилось в науке за целым рядом христианских авторов, живших и творивших в первые века христианства, временной диапазон I–VI вв. н. э. Результатом их творчества стал новый оригинальный жанр – христианская апология. Всякая апология условно делилась на две части – полемическую и собственно апологетическую. Полемическая часть содержала опровержение языческих верований, апологетическая – доказательство и утверждение христианских догматов. С точки зрения заявленной темы нас интересует часть полемическая, которая в сочинениях разных христианских авторов занимала иногда даже больший объем, нежели апологетическая. Этот феномен объясняется риторическим, а, следовательно, языческим образованием большинства апологетов. Новая религия многими из них еще не была так хорошо изучена, как старое, знакомое с детства, язычество. Так апология Арнобия «Семь книг против язычников» выдает существенные пробелы в христианских представлениях автора. В то же время информацией по язычеству он владеет виртуозно, извлекая на свет наиболее гнусные и непривлекательные факты ранних языческих верований. Итак, в силу своего воспитания и образования христианские апологеты являлись обладателями определенного комплекса информации и средств ее подачи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что христианские апологии похожи друг на друга, даже если их авторов разделяют географические границы и временные рамки. Цель данного исследования – проследить на примере сочинений contemporaneous латиноязычных христианских авторов общие черты их апологий.

Сравнение текстов таких христианских авторов, как Тертуллиан (155–220 гг.), Арнобий (IV в.), Лактанций (250–325 гг.), Киприан (III–IV вв.), Аврелий Августин (354–430 гг.) выявляет целый ряд общих черт полемических частей их сочинений. Прежде всего, надо отметить обращение этих авторов к ранней римской истории, особенно царского периода, с целью дискредитации римских ценностей [Арнобий 2008: 278–279; Августин 1994: 33–37].

Другим топосом можно назвать анализ в христианских апологиях мелких богов-духов, получивших в антиковедении название *numina* (лат. *Nime* – воля, могущество, величие, божество). Под этим названием подразумевается некая божественная энергия, магическая сила, свойственная всякому божеству и священному предмету [Wagenvoort 1947: 7, 75]. Материал о *numina* был особенно привлекателен для христианских апологетов. Он жестко обличал ничтожность языческих божков в сравнении

с христианским Богом-демиургом. Многие апологии содержат критические рассуждения об этих божествах, которые подразделяются на *dii nuptiales* (брачные божества), *dii agrestes* (сельскохозяйственные божества), *dii praesides puerorum* (божества-покровители детей) [Арнобий 2008: 253–255; Августин 1994: 196–197].

Еще один заметный пласт в апологиях представляет собой материал, содержащий этимологический анализ языческих теонимов. К методу этимологического анализа прибегали многие языческие грамматики и антиквары с целью объяснения функций языческих богов через теоним. Например, *Flora* (богиня цветения) – от глагола *florere* (цвести). Некоторые этимологии были оправданными, большинство же нет, представляя собой народные или вульгарные этимологии, как, например, *Juno* (Юнона) — от глагола *juvare* (помогать) в связи с ее функцией родовспоможения [Арнобий 2008: 227].

Не меньшей популярностью в произведениях апологетов пользовались аргументы, направленные против отождествления языческих богов со стихиями, выработанные различными философскими школами. На закате античной мифологии философы предлагали понимать языческих богов как олицетворения. Например, Юпитер, верховный бог Римского Пантеона, трактовался стоиками как солнце или эфир [Арнобий 2008: 238–239].

Большой интерес христианские апологеты проявляют к описанию языческих религиозных праздников и особенно тайных мистерий. Критика мистерийных практик обычно сводится к выявлению непрезентабельных черт в их истории и обряде [Арнобий 2008: 291–293].

Однако общность апологетических сочинений не сводится единственно к определенной подборке информационных блоков. При всем разнообразии литературных стилей, используемых апологетами, нельзя не отметить широкое использование ими полемических приемов, усвоенных в процессе обучения риторике. Бесспорное первенство здесь принадлежит такой фигуре как риторический вопрос. В сочинении Арнобия, например, порой целые страницы состоят из бесконечных риторических вопросов [Арнобий 2008: 124–125; 356–357]. Объясняется это самой целью создания апологии, а именно – убедить язычников в истинности нового вероучения. По этой причине апология часто оформляется как живой диалог с оппонентом.

Итак, можно констатировать наличие общих черт в полемических частях рассматриваемых христианских апологий. Эта общность проявляется,

прежде всего, в подборе определенных информационных блоков, привлекаемых к критике язычества. Это говорит как об общности идей, объединяющих апологетическое направление литературного творчества, так и об общности исторических источников, которыми пользовались апологеты.

Другой обобщающей чертой является использование апологетами одних и тех же полемических приемов, выработанных языческой риторикой и усвоенных ими в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

Августин Аврелий. О граде Божьем : в 22 книгах. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 1. 395 с.

Арнобий. Против язычников / пер. Н. М. Дроздова. СПб. : Издательство СПб. университета, 2008. 398 с.

Wagenvoort M. H. Roman dynamism : Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom. Oxford, 1947. 214 p.

С. А. Шипилов

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

simonshipilov@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ПРИМЕРЕ «СЛАВЯНСКОЙ ХРОНИКИ» ГЕЛЬМОЛЬДА ИЗ БОСАУ

Ключевые слова: Средневековье, культурная картина мира, хроники, идентичность, культурная интеграция.

Key words: Middle Ages, cultural world view, chronicles, identity, cultural integration.

Культурная интеграция и ассимиляция в Средневековье являлись неотъемлемыми процессами формирования европейского общества и идентичности. Фиксатором данных процессов стали хроники. Они выполняли функцию репрезентации культурной памяти, т. е., с одной стороны, в них записывались этапы и результаты вышеобозначенных процессов, но, с другой стороны, они не могли в точности сохранить прошлое, но лишь его интерпретацию, воспоминание [Ассман 2004: 54; де Либера 2004: 37]. Тем не

менее именно этим они и представляют собой ценность, т. к. через личную интерпретацию можно лучше и более полно понять феномен интеграции и ассимиляции, а также его восприятие непосредственными участниками и свидетелями. С этой точки зрения интересен труд саксонского хрониста Гельмольда из Босау «Славянская Хроника». В этой работе зафиксированы и проинтерпретированы вышеобозначенные процессы у данов и славян. Автор описывает ход постепенной колонизации саксами-христианами территорий указанных народов, которые были язычниками. Интересен сам процесс постепенного знакомства с чужой культурой. Сначала она демонизируется и мистифицируется, представляется как что-то жестокое, свирепое и враждебное [Адам 2011: 153–167]. Вера представителей такой культуры клеймится как демонопоклонничество, сама их культура считается деструктивной, а территория, которую они населяют, нередко описывается как безжизненная пустыня, т. е. также подвергается алиенизации. Наличие таких соседей представляет опасность как в физическом, так и в культурном плане, поэтому саксами в качестве попыток культурной ассимиляции и деалиенизации применяется проповедь христианства. Здесь важно отметить, что вера в Средневековье является нуклеарным элементом идентичности на макроуровне и необходимым компонентом для осуществления коммуникации со средневековыми европейскими государствами [Социальная идентичность средневекового человека 2007: 68–69]. Ее пусть даже и формальное наличие позволяет вести равносторонний диалог в самом широком смысле, от взаимопомощи до совместных действий.

Однако постепенно представители чужой культуры начинают принимать вполне себе человеческие черты [Адам 2011: 176–178]. Активная проповедь христианства способствует демистификации и гуманизации представителей чужой культуры, поскольку при непосредственном контакте с ними становятся заметны не только их негативные, но и положительные черты. Тем не менее, являясь способом именно ассимиляции чужой культуры, процесс христианизации оказывает влияние и на представителей такой культуры. Так, появляются люди, проникшиеся новой культурой и готовые к ее активному распространению. Такие люди являются медиаторами культур, а так же свидетельством возможного существования двух разных народов на базе одной культуры. Необходимо сразу заметить, что процесс ассимиляции и интеграции язычников в христианскую культуру не подразумевал потерю элементов национальной идентичности. Так, представители христианской культуры стремились передать

новой культуре базовый фундамент, однако широко приветствовали его личную и национальную интерпретацию в рамках определенных правил. Поэтому, например, в хрониках уделяется внимание не только саксонским миссионерам, но датским и славянским, где деятельность вторых выделяется и восхваляется иной раз даже больше, чем первых.

Последним этапом можно назвать принятие и признание племенами датчан и славян христианской культуры как доминирующей и добровольное к ней присоединение уже в качестве равных и равноправных участников.

Таким образом, можно сделать вывод, что интеграция и ассимиляция, зафиксированные в некоторых средневековых хрониках, представляли собой комплексный и сложный процесс. Однако именно он повлиял на дальнейшее формирование европейской идентичности и стал ее неотъемлемой частью.

ЛИТЕРАТУРА

Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской; ред.-сост. И. А. Настенко. М. : СПСЛ, Русская панорама, 2011. 584 с. (MEDLEVALIA: средневековые литературные памятники и источники).

де Либера А. Средневековое мышление / пер. с франц. О. В. Головой, А. М. Руткевича. М. : Праксис, 2004. 368 с.

Социальная идентичность средневекового человека / отв. ред. А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров; Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2007. 327 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Социальные практики и институт наставничества: прикладные аспекты междисциплинарных социокоммуникативных исследований

С. А. Амелькин, И. А. Гусейнова

(Москва, Россия),

Московский государственный лингвистический университет
amelkin@ist.education, ginnap@mail.ru

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: непрерывное образование, интегративный подход, сетевые формы образования, формирование компетенций, лингворегиональный компонент.

Key words: continuing education, integrative approach, online forms of education, development of competences.

Реализация целей Программы стратегического академического лидерства России, ускорение технологического развития Российской Федерации, обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий, создание экспортно-ориентированного сектора, и, как результат, вхождение России в число крупнейших экономик мира ставит задачи развития устойчивых и системных схем непрерывного обучения, связывающих в единый системный и логический комплекс гуманитарные, фундаментальные и технические знания и умения. Базой является, прежде всего, полилингвистическое и логическое образование, современная информатика.

Принцип системности включает три направления: междисциплинарность, межрегиональность и межинституциональность.

Междисциплинарность системы непрерывного образования предполагает формирование фундаментального уровня компетенций специалиста, включающее разработку и обучение системным приемам и методам эффективной передачи знания в условиях взаимодействия культур и различных информационных пространств (реального и виртуального общения, мультимодальности передачи информации, в том числе за счет невербальных средств общения, развития человеко-компьютерных интерфейсов, наличия централизованных и распределенных баз знаний и пр.).

Межрегиональность предполагает формирование на основе базового вуза (координатора консорциума вузов) системы центров обучения в регионах России, включая районные центры и малые города. Развитие лингворегионального образования тормозилось отсутствием кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава на местах, эта проблема сейчас может и должна быть решена за счет активного внедрения сетевых форм обучения. Развитие экономики не может быть обеспечено только за счет крупнейших городов России. Вместе с тем, по статистике, более трети всех вузов России сконцентрировано в столицах: Москве и Санкт-Петербурге, количество студентов на 10 000 населения в столицах превышает средний уровень по России в 1,5–2 раза [Мониторинг 2020]. При этом доля студентов, приехавших на обучение в крупные города и возвращающихся после получения диплома в регионы, составляет всего 11 %. Сетевая система непрерывного образования, сформированная на базе авторитетных (опорных, отраслевых и головных) вузов, может решить проблему обеспечения регионов кадрами высокой квалификации, владеющих двумя и более иностранными языками, и вытеснить из регионов недобросовестных конкурентов.

Межинституциональность предполагает активное участие в программе непрерывного образования промышленных предприятий, органов регионального управления, учреждений науки РАН, организаций и структур Министерства обороны, МЧС, органов правопорядка, средств массовой информации. За счет объединения усилий всех институций можно достичь синергетического эффекта образовательной программы академического лидерства, призванной обеспечить кадровую преемственность с учетом потребностей регионов.

Основным принципом создания устойчивой системы непрерывного образования является комплексность [Абрамов 2013]: научные исследования проводятся в интересах промышленности и государства, а, следовательно, быстро внедряются в производство, студенты обучаются не на

готовых образцах (это очень важно для IT-отрасли, где технологии обновляются очень быстро, а количественные характеристики удваиваются каждые два года), а в ходе совместного решения проектных задач, исследования проводятся не замкнутыми группами ученых, конкурирующими за получение грантовой поддержки, а междисциплинарной коллаборацией научных школ в целях достижения целей Программы академического лидерства.

Как показывает международная практика, обеспечить прорыв на рынке информационных технологий можно только при объединении усилий в областях гуманитарных, естественных, технических наук и математики. Такой симбиоз, поддержанный промышленностью и государством, позволит перейти от ориентации на уже готовые результаты и закупки технологий из-за рубежа к осуществлению прорывов и обеспечению технологического лидерства России во всех (в том числе информационной) отраслях. Такими проектами сейчас могут стать:

- ▶ развитие систем сильного искусственного интеллекта на основе когнитивных моделей передачи, восприятия и интеллектуальной обработки знаний, включая вопросы взаимосвязи и взаимопроникновения гуманитарного, инженерного, медицинского и компьютерного знания;
- ▶ развитие энергосберегающих IT-технологий, в том числе для мобильных систем и суперкомпьютеров, реализующих потоковые методы обработки больших объемов информации, использование различных методов представления и обработки информации для метамоделирования и метапрограммирования;
- ▶ разработка резистентных систем для распространения профессиональной информации с учетом лингвистического компонента. Изучение методов оценки релевантности, достоверности, актуальности, значимости информационных потоков;
- ▶ создание прорывных инновационных технологий безбарьерной среды обучения, включая эффективные методики дистанционного обучения, обучения инвалидов и лиц с ОВЗ и др.

Системный подход к формированию непрерывного образования позволяет распространить сетевую научно-образовательную структуру на страны СНГ, что позволит использовать ее в качестве «мягкой силы» расширения гуманитарного и технологического влияния России на постсоветском пространстве.

Современный образовательный процесс требует разработки специальных педагогических информационных технологий, в том числе сетевых, систем иммерсивного обучения, мультимодальных и метапредметных технологий. Силами консорциума вузов и научных учреждений на опыте формирования сетевых форм обучения возможна организация эффективного внедрения цифровых технологий обучения, контроля и взаимодействия всех участников образовательного процесса. Разработка новых, в том числе междисциплинарных, образовательных программ, проектная деятельность в интересах работодателей, формирование межрегиональных и международных научных, педагогических и творческих коллективов обеспечат мобильность знаний, устойчивость системы непрерывного образования к глобальным технологическим и культурным вызовам. Инновационная составляющая системы непрерывного образования связана как с прорывными технологиями, внедряемыми в реальном секторе экономики России, так и с цифровизацией образовательного процесса, развитием междисциплинарных образовательных программ, с развитием педагогических технологий межкультурного взаимодействия, что особенно актуально при формировании единого образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. Департамент государственной политики в сфере высшего образования и молодежной политики Министерства науки и высшего образования Российской Федерации miccedu.ru. URL : <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 24.06.2020).

Абрамов С. М. Сегодняшние проблемы высшего образования в России // Конференция «СПО в высшей школе» (OSEDUCONF-2013), Переславль-Залесский, 2013. URL: <http://planet.altlinux.org/> (дата обращения: 24.06.2020).

А. А. Амелёнков

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
amelioncov@gmail.com

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: экономическое обоснование, финансовый отчет, статья расхода, налогообложение проекта, финансовый результат.

Key words: business case, financial report, expense item, project taxation, financial result.

Предлагаемые тезисы представляют собой краткое описание содержания мастер-класса по проблеме, требующей не столько экономического осмысления, сколько последовательной и обоснованной интеграции экономики в систему лингвистических знаний. В этом смысле нам представляется целесообразным опираться на понятие экономики знания. Данное словосочетание носит противоречивый характер, несмотря на то, что любое знание может пройти весь жизненный цикл любого материального продукта, начиная от его разработки, до его внедрения. Принято считать, что гуманитарное знание не поддается традиционному ценовому описанию, коммерциализация нематериальных сущностей также представляет сложность при оценке результатов интеллектуальной деятельности. В связи с этим мы считаем важным поделиться научно-прикладным опытом в области монетизации результатов интеллектуального труда, требующих инвестиций, но трудно поддающихся традиционному экономическому и финансовому измерению.

Немаловажным представляется также и тот экономический факт, что рост числа научных исследований, поддержанных различными государственными и частными структурами в условиях перехода к электронному документообороту, приводит к повышению уровня конкуренции при подаче заявок. Качество заявки оценивается не только по значимости и актуальности научной составляющей, но и по корректности заполнения форм заявки, среди которых одной из основных является финансово-экономическое обоснование (далее – ФЭО) грантовой заявки.

Анализ структуры расходов на проведение научно-исследовательских работ выполняет важнейшую роль в «формировании заявки, ее адаптации

к условиям конкурса и дальнейшей реализации» [Амелькин 2005: 1]. По этой причине финансово-экономическое обоснование (финансово-экономическое оценивание), ФЭО, как особая, институционально обусловленная форма оценки воздействия имеет существенное значение для институциональной коммуникации, а также для формирования сетевого взаимодействия между различными социальными институтами. ФЭО позволяет учесть, каким образом государственное регулирование процессами создания интеллектуальной собственности (нормативные правовые документы, корпоративные программы и пр.) влияет на изменение чистых денежных потоков, необходимых для выполнения заявленных работ. В то же время грамотно составленное ФЭО, как комплексный план управления финансами, показывает уровень проработанности проекта в организационном и финансовом аспектах, что, наряду с научной составляющей, укрепляет позитивную репутационную характеристику заявки. Поэтому ФЭО не должно рассматриваться как формальная часть заявки; при составлении этого документа необходимо тщательно изучить все возможные направления развития проекта, оценить риски, принять решения по развитию проекта в зависимости от его научной траектории и выбрать альтернативы реализации плана научно-исследовательской работы, возможности привлечения дополнительных ресурсов. ФЭО представляет собой краткую бизнес-модель исследования [Гусейнова 2008] и форму стратегического планирования и управленческого учета научно-исследовательской работы.

С точки зрения эффективности внедрения достижений экономики в лингвистическое знание необходимо наличие объективной информации о потребностях творческого коллектива, текущих, среднесрочных и перспективных. При этом:

- ▶ Текущие потребности должны рассматриваться только в контексте институциональной реализации проекта. Особое значение имеет оплата труда участников коллектива и начисления на нее.
- ▶ Среднесрочные потребности являются отправной точкой проектного развития. При расчете среднесрочных потребностей следует рассмотреть статику и динамику состояния ресурсов в коллективе. Статика характеризует текущее состояние запасов ресурсов (материальных и нематериальных), для чего необходимо провести их ревизию. Ревизия состояния ресурсов включает анализ текущего состояния проекта, анализ рисков и неиспользуемых возможностей. Динамика представляет собой развитие проектных потребностей

в течение срока выполнения проекта (не все из которых можно предусмотреть на начальной стадии реализации проекта) [Разумнова 2009: 4].

- ▶ Перспективные потребности основаны на детальном анализе объективных возможностей проекта развиваться самостоятельно в долгосрочном периоде в заданной потребительской среде с учетом, разумеется, анализа развития самой этой среды [Шеремет 2003: 5].

Очевидно, что для успешной реализации проекта необходимо обеспечить стратегический управленческий учет научной деятельности, для чего и создается ФЭО как поддерживающая учетно-информационная система.

В такой системе должна реализовываться стратегия развития любого проекта, реализуемая не только в рамках творческого коллектива, но и в рамках научной организации и научных консорциумов и др. Вышесказанное приобретает особую значимость в условиях глобального поворота к цифровой экономике, требующей интеграции различных типов знания в виртуальной среде.

ЛИТЕРАТУРА

Амелькин С. А. Предельные возможности процесса ресурсообмена в неоднородной открытой микроэкономической системе // Математическое моделирование. 2005. Т. 17. № 4. С. 96–104.

Гусейнова И. А. Инновационный подход к оценке сформированности межкультурной коммуникативной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 546. С. 146–158.

Разумнова Л. Л. Проблемы совершенствования механизмов интеграции развивающихся стран в мировую экономику // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. Вып. 542. Экономика. С. 175–186.

Шеремет А. Д., Негашев Е. В. Методика финансового анализа деятельности коммерческой организации. М. : Инфра-М, 2003. 208 с.

С. А. Амелькин

(Москва, Россия),

Московский государственный лингвистический университет

amelkin@ist.education

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Ключевые слова: коммуникативные макросистемы, информационные потоки, необратимость, энтропия, эффективность.

Key words: communicative macrosystems, information fluxes, irreversibility, entropy, efficiency.

Исследования процессов информационного обмена – основных процессов в коммуникативных системах – связаны, прежде всего, с надежностью и пропускной способностью каналов связи. В настоящее время развитие систем передачи и хранения информации описывается законом Мура, в котором говорится об удвоении технических характеристик каждые 2–3 года. Так, например, если в 2018 году общемировой объем сохраненных данных составлял 33 зеттабайт (33 млрд терабайт), то к 2025 году ожидается превышение уровня в 150 зеттабайт [Reinsel 2018].

Несмотря на тот факт, что информационный бум не сопровождается столь же резким увеличением уровня цифровой образованности пользователей ресурсами, в настоящий момент чрезвычайно актуальна задача нивелирования цифрового неравенства и ликвидации цифровой безграмотности. Так, в развитых странах доля населения, не обладающего необходимыми компетенциями, составляет около 30 %, а в России эта величина достигает 41 % [Гохберг 2019]. Не наблюдается также экспоненциального роста в области результатов интеллектуальной деятельности. Количество научных публикаций ежегодно увеличивается на 3 % в мире (в России приблизительно на 1 %) без выраженного экспоненциального тренда [Соэт 2015].

Приведенные оценки компетенции и научной активности носят дискуссионный характер, однако проблема корректной оценки уровня компетенции требует прорывных инновационных решений при одновременном

¹ Работа выполнялась при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России (идентификатор № RFMEFI61319X0092).

сохранении социальной ответственности [Гусейнова 2008]. Мы полагаем, что применительно к качественным параметрам можно ориентироваться и на оценки, измеренные по ожидаемо коррелированным показателям. Эти данные показывают, что даже при наличии свободного доступа к информации, расширении каналов связи, информационные потоки растут непропорционально медленно; сохраняются барьеры, узкие места, ограничивающие эти потоки, в том числе барьеры восприятия.

Для описания модели информационного обмена следует уточнить, что мы подразумеваем под столь емким понятием, как «информация». Цифровую информацию можно разделить на три типа:

- ▶ данные (или синтаксическая информация), измеряемые в байтах: это информация как набор кодов, унифицированная для хранения и обработки в компьютерах, передачи по каналам связи;
- ▶ контент (или семантическая информация), не измеримая иначе, как с помощью экспертных оценок, представляющая собой мультимодальные тексты (в обобщенном смысле), при этом один и тот же текст может быть передан различным количеством данных в зависимости от качества и технологических возможностей, тиражирован без ограничения количества копий;
- ▶ смыслы, в частном случае прагматическая информация, которые могут быть измерены, например, для задач выбора вариантов с помощью информационной энтропии. В более общем случае смыслы способствуют изменению картины мира реципиента информационного потока, что может быть измерено только при упрощенном анализе.

Ценность информации определяется наличием в ней смыслов, актуальностью задач, решение которых возможно путем усвоения этих смыслов, полнотой и др. Ценность информации – понятие субъективное, зависящее от уровня компетенций субъекта, его вовлеченности в дискурс, в рамках которого создана передаваемая информация. Ценность информации может быть отрицательной, более того, при функционировании в коммуникативной системе множества дискурсов, ценность информации становится вектором, отдельные компоненты которого могут иметь различные знаки.

Дискурс формируется как корпус контентов, при этом наличие копий текстов различного формата и качества не влияет на дискурс, хотя увеличение количества данных на единицу (что бы мы не подразумевали под единицей) контента, облегчает процесс восприятия смысловой информации,

содержащейся в данном контенте. Картина мира человека, как отображение объективного дискурса на субъективное пространство компетенций человека, предполагает наличие интеллектуального багажа – опыта, человеческого капитала, то есть множества контентов, обработанных человеком и множества смыслов, воспринятых человеком. Вовлеченность человека в дискурс определяется опытом, но повторное изучение контента тоже может быть осмысленным в ходе информационного обмена или в процессах творческой интерпретации смысловой информации как результата самостоятельной мыслительной деятельности человека.

При этом человек может с разной степенью активности (мотивации) управлять интенсивностью информационного обмена: от выстраивания барьеров восприятия к активному поиску данных. Мотивация человека и степень его вовлеченности в дискурс определяют тип процесса преобразования и обработки синтаксической и семантической информации в коммуникативной системе: обучение, самостоятельный поиск решения, творчество, накопление опыта.

Описание процесса информационного обмена на микроуровне, с точки зрения одного человека, может быть распространено и на возможности вычислительных комплексов. Развитие Сети переводит коммуникативные системы на уровень макросистем. Создание контента, переход к Web 3.0 возможно только при формировании коммуникативных макросистем, включающих социальные и сетевые информационные взаимодействия в реальном и виртуальном видах пространства.

Особенностью преобразования информации компьютером является ее строго формальное представление. Этим обусловлено приоритетное использование информационных технологий в естественнонаучной области, математике и инженерии. Формальная логика, однозначно определенные понятия характерны для построения формальных языков, к которым относятся математическая нотация, язык химии, языки программирования. Тем не менее переход к формированию контента в рамках только формальной дискурсивной парадигмы невозможен.

Развитие человеко-машинного взаимодействия происходит по двум направлениям:

- ▶ дальнейшее преобразование коммуникативных макросистем, внедрение гуманитарной дискурсивной парадигмы в систему человеко-машинных коммуникаций, формирование Web 3.0, движение компьютера к человеку;

- ▶ воздействие компьютерных сетей на общество, формализация информационного обмена не только между человеком и компьютером, но и между людьми, развитие мышления в сторону выполнения инструкций, унификация и стандартизация коммуникативных процессов, в том числе творчества, развитие NeuroNet, движение человека к компьютеру.

Субъектами информационного обмена уже сейчас выступают как люди, так и вычислительные комплексы, причем роль компьютеров в процессах общения неуклонно возрастает. Использование вычислительных комплексов и телекоммуникационных сетей позволяет существенно увеличить скорость передачи данных, но, тем не менее, не обеспечивает темпы генерации знания. Процессы творческой обработки и интерпретации данных и контента эффективно могут быть реализованы только при взаимодействии человека и компьютера, реального и виртуального типов пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Гусейнова И. А. Инновационный подход к оценке сформированности межкультурной коммуникативной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 546. 2008. С. 146–158.

Доклад ЮНЕСКО по науке : на пути к 2030 году / под ред. А. Созта. ЮНЕСКО, 2015. 47 с.

Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение / под ред. А. М. Гохберг. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 82 с.

Reinsel D., Gantz J., Rydning J. The Digitalization of the World : From Edge to Core. IDC, 2018.

Ю. В. Афонченкова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
afon4enkova2011@yandex.ru

ИСКУССТВО НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (на примере немецкого языка)

Ключевые слова: педагогический дискурс, социокоммуникативная практика, технология, визуализация, неязыковые коды.

Key words: pedagogical discourse, socio-communicative practice, technology, visualization, non-language codes.

Данный доклад основан на взглядах современных немецких ученых, имеющих опыт применения и внедрения педагогических технологий, основанных на использовании изобразительных и музыкальных средств [Bertscheit 2001; Grätz 1997; Wicke, Rottman 2017 и др.].

Использование музыкальных произведений на уроке иностранного языка, по сути, не является чем-то новым с точки зрения лингводидактики и практики применения педагогических технологий. Если мы внимательно ознакомимся с опытом коллег и проанализируем соответствующую учебно-методическую литературу, то придем к выводу о том, что роль такого вида текста, как песня (чаще всего это *popsong*), в формировании иноязычных речевых навыков занимает достойное место. На начальных и средних этапах обучения иностранному языку многие из нас пользуются песенным материалом, который помогает усвоению и расширению лексического запаса, развитию языкового чутья, увеличению ассоциативных связей и т. д. Многие из опытных преподавателей интегрируют песни в занятия по иностранному языку. Однако мы полагаем, что возможности использования музыки в учебных целях значительно шире. В докладе мы предпринимаем попытку описать возможности применения классической, симфонической и инструментальной музыки на занятиях по немецкому языку.

Музыка, равно как и живопись, – явление комплексное и многозначное. В ряде случаев нам представляется, что мы выбираем для занятия музыкальное произведение, имеющее очевидно четкую тематику, однако в процессе работы может выясниться, что у обучающегося формируется

своя собственная интерпретация, отличная от видения преподавателя или целого коллектива обучающихся. Такая ситуация возникает благодаря возможности «когнитивной» визуализации, осуществляемой при помощи так называемого «внутреннего ока». Именно интеллектуальные усилия обучающихся обеспечивают эффективное использование музыкального материала в процессе обучения иностранным языкам. Очевидно, что у каждого слушателя есть также определенные знания и индивидуальный опыт. Поэтому один и тот же стимул, который несет в себе музыкальное произведение, может восприниматься нами по-разному. Мы наблюдаем, что именно молодые люди в возрасте 15–25 лет особенно интересуются международным языком музыки, который понятен без слов. Это объясняется тем обстоятельством, что большинство из нас чувствительны к определенным звукам: они могут «настроить» человека на тот или иной лад, побудить его к каким-либо действиям.

Так называемая «рассказывающая», или «нарративная», т. е. повествующая музыка вызывает в нашем сознании определённые представления и визуальные образы. В ходе прослушивания музыкального произведения мы одновременно испытываем некие эмоции, что приводит к множественной интерпретации, в первую очередь к личной языковой. Интерпретация музыки на занятиях по иностранному языку имеет свои ограничения, прежде всего, когнитивные. В педагогическом дискурсе работу с музыкальными произведениями на уроке иностранного языка не следует рассматривать как «задание со звездочкой», которое традиционно предлагается факультативно и только после серьезной работы (например, выполнения грамматических упражнений, упражнений на закрепление активного словаря и так далее). Такая творческая когнитивно обусловленная деятельность может быть приравнена к работе с текстом, ведь она предлагает неожиданно новые возможности использования полученных знаний всех типов на уроке. И как (литературный) текст, музыка отвечает на вопросы, которые задает не только обучающий, но и обучающийся. Интеллектуальная деятельность формирует базу для создания собственного творческого текста. Это имеет большое значение для тех обучающихся, для которых важно восприятие информации на слух, а также для тех, кого нередко в педагогическом дискурсе называют «сдержанными» или «медлительными» личностями. Пока звучит музыка, у них есть необходимое время для того, чтобы принять, обдумать, переработать смыслы, передаваемые при помощи музыкального кода. Музыкальный код даст

возможность обучающимся определить особенности произведения, который в этот момент проводит интенсивную интеллектуальную обработку полученной при помощи музыкального кода информации, анализируя и ассоциируя мелодию, ритм, громкость и звуковую последовательность с определёнными явлениями и событиями окружающей действительности. Без сомнения, креативная работа с музыкальными произведениями на уроках немецкого языка требует определенной лингводидактической и педагогической подготовки. Не каждый человек способен без предварительного анализа, прослушав симфонию или инструментальную музыку, незамедлительно интерпретировать при помощи языковых средств услышанное. Для этого необходимо минимальное развитие когнитивных структур, позволяющих формировать музыкальную компетенцию с опорой на дидактический принцип «от простого к сложному».

Работа с живописными произведениями также способствует проведению креативно-коммуникативного занятия, во время которого описывают действия, эмоции, взаимоотношения между людьми. В процессе интеллектуальной обработки картины историческое пространство и пейзаж из фона нередко превращается в главных действующих лиц. При этом осуществляется активация эмоциональной когнитивной системы обучающихся. Эмоциональный фон вызывает так называемый «плодотворный творческий непокой», благодаря которому мы сталкиваемся с альтернативными способами интерпретаций и объяснений увиденного. Как и при работе с музыкальным произведением, значение и эффект, произведенный живописным полотном, достаточно сложно вербализовать, так как существенную роль в интеллектуальном восприятии информации играет индивидуальная рецепция. Рассматривание одной и той же картины вызывает у разных людей различные эмоции и чувства. Нередко индивидуальное восприятие не разделяется окружением (одноклассниками, одноклассниками и т. д.). В педагогическом дискурсе это означает, что такое занятие учит не только владению иностранным языком, но и толерантности, умению признавать и уважать чужую точку зрения, т.е. способствует формированию социальной компетенции. Каждый обучающийся должен иметь возможность представить собственную интерпретацию произведения, отстоять свое мнение, аргументировать или обосновать свою позицию, что, безусловно, создает условия для самопознания и развития способности к рефлексии.

Живопись и музыка дают толчок к развитию потребности в коммуникации и общении. Ориентированные на практические действия методы

обучения, применяемые на уроке иностранного языка, развивают у обучающихся различные способности, повышают их самооценку через переживания индивидуального или коллективного «состояния успеха». По этой причине введение аспектов музыкального и живописного искусства в занятия по иностранному языку должно быть неразрывно связано с целостным подходом к обучению, которое ставит своей целью учебу «головой, сердцем и рукой», то есть проходит под девизом: «Думаю, чувствую, создаю». Внимательное рассматривание картины и повторное обращение к ней являются этапами, предвещающими индивидуальную интерпретацию содержания. Именно потому, что живописные произведения не воспринимаются нами однозначно, они развивают творчество, фантазию, которые объективируются при помощи языковых средств в ходе дискуссии. При этом обучающиеся учатся выражать свои предположения, согласие и несогласие, симпатию и антипатию.

Исходя из вышесказанного следует, что занятия по иностранному языку во взаимодействии с музыкой и искусством являются своеобразным связующим звеном относительно двуязычно-иммерсионных специализированных занятий. Это обязывает преподавателей тщательно и всесторонне осуществлять подготовку к уроку: «фильтр» иностранного языка требует от педагога продуманного, добросовестного и поэтапного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

- Bertscheit R.* Bilder werden Erlebnisse. Verlag an der Ruhr, Mülheim a. d. Ruhr, 2001. S. 10.
- Grätz R.* Kunst und Musik im Deutschunterricht // Goethe-Institut (Hg.): Fremdsprache Deutsch, Heft 17: Kunst und Musik im Deutschunterricht. Stuttgart : Klett Verlag, 1997. S. 4–8.
- Wicke R., Rottman K.* Musik und Kunst im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Berlin : Cornelsen Verlag GmbH, 2017. 80 S.

А. А. Демидов

(Переславль-Залесский, Россия),

Институт программных систем имени А.К. Айламазяна РАН

alex.demidov.pz@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Ключевые слова: энергоэффективность, суперкомпьютеры, цифровая экономика, реальные и виртуальные виды пространства.

Key words: energy efficiency, supercomputers, digital economy, real and virtual types of space.

Развитие вычислительной техники и внедрение цифровых методов коммуникации привело к глобальному изменению возможностей социальных взаимодействий. Наблюдается взрывное увеличение интенсивности вычислительных мощностей, обеспечивающих обработку данных, в том числе в интересах коммуникативных процессов. Функционирование общества все больше зависит от его цифрового обеспечения, идет экстенсивное и интенсивное освоение виртуального пространства. Однако работа вычислительной техники требует затрат энергии, причем из-за нематериальности результатов вычислений вся эта энергия расходуется на обогрев окружающей среды. Вопросы энергоэффективности вычислительных систем становятся все более актуальными [Абрамов 2010]. Поиск предельных возможностей минимизации энергетических затрат ведется как по направлениям снижения энергопотребления процессоров и систем охлаждения, так и в области снижения необратимости вычислений. При этом методы анализа энергоэффективности вычислительных систем должны быть связаны не только с технологическими особенностями вычислительных комплексов, но и с условиями их функционирования: климатическими, экологическими, социальными.

Рассмотрим социальную макросистему, в которой субъекты взаимодействуют друг с другом и окружающей средой с использованием вычислительных комплексов и сетей. Взаимодействие осуществляется за счет организации материальных (продукция, энергия) и нематериальных

¹ Работа выполнялась при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России (идентификатор № RFMEFI61319X0092).

(данные, контент, компетенции) потоков. Вычислительные комплексы обеспечивают сбор, обработку и передачу данных, а также являются медиатором для коммуникаций в виртуальном типе пространства.

Каждый субъект социальной макросистемы описывается интенсивными и экстенсивными параметрами. Изменение экстенсивных параметров определяется интенсивностью потоков в соответствии с законами сохранения, потоки зависят от потенциалов, рассчитываемых по интенсивным переменным с учетом уравнений состояния субъектов. Параметры субъектов могут быть формализованными (числовыми) данными, что естественно для энергетического и часто для экономического взаимодействия, или качественными неформализуемыми величинами в случае информационного обмена [Амелькин 2011].

Критерии эффективности работы вычислительных комплексов связаны с видом взаимодействия между субъектами, которые организуют иерархическую структуру со стратами:

- ▶ энергетическое взаимодействие: потребление энергии для функционирования вычислительных комплексов и ее утилизация в окружающее пространство;
- ▶ экономическое взаимодействие: покупка и продажа информации, как в макросистеме, так и при транзакциях с внешним миром, изменение человеческого капитала субъектов, использование прагматической информации для принятия решений;
- ▶ экологическое взаимодействие: влияние макросистемы на окружающую среду, в том числе тепловое загрязнение, расчет прогнозов для управления природными ресурсами, а также на социальную и коммуникативную среду;
- ▶ социальное взаимодействие: передача содержательной информации между субъектами и группами субъектов в процессах коммуникации в реальном и виртуальном типах пространства, в том числе в ходе обучения, повышения человеческого капитала, осуществления творческой и аналитической интерпретации данных, создания коммерческих продуктов интеллектуальной деятельности.

Для каждой страты взаимодействия субъектов социальной макросистемы с использованием вычислительных комплексов можно найти оценки двух параметров: абсолютных значений материальных, энергетических, информационных и семантических потоков и относительных величин, соответствующих эффективности взаимодействий. Эффективность

взаимодействий может быть как вычислима (например, коэффициенты PUE, GFW, QTR [Абрамов 2012] для энергоэффективности вычислительных комплексов), так и результатом экспертных оценок.

При интенсивности потоков на некоторой страте, стремящихся к нулю, можно рассматривать процессы на этой страте в классе обратимых процессов: так же, как и интенсивности потоков, потери в таком режиме работы стремятся к нулю, а значит, эффективность будет максимальна. В обратимых процессах результат не производится или затраты времени на получение результата неизмеримо велики, поэтому значимость таких процессов ничтожна. С другой стороны, максимально возможный результат, который может быть получен за конечное время, связан с увеличением потребляемых для его достижения ресурсов и возрастанием потерь, поэтому эффективность процессов в таком режиме низка и, как для обратимых процессов, значимость экстремальных материальных и нематериальных потоков невелика. Более того, учитывая взаимосвязь различных страт взаимодействия, максимальные значения потоков одновременно на всех стратах могут быть недостижимы.

Для материальных, экономических и информационных процессов наблюдается увеличение эффективности при снижении энтропии. В процессах, связанных с принятием решений, также можно ввести понятие энтропии как меры необратимости этих процессов. Для процессов передачи семантической информации, таких как обучение, творческая деятельность, характеристика необратимости может быть задана только с использованием экспертных оценок [Гусейнова 2008].

На этом основании задача согласования рабочего режима вычислительных комплексов на стратах макросистемы представляется чрезвычайно актуальной. Ее решение требует учета взаимосвязей критериев на различных стратах. Например, увеличение энергопотребления приводит к возрастанию интенсивности потока утилизируемого тепла в окружающее пространство, что негативно влияет на экологическое равновесие, на интерактивное взаимодействие между человеком и машиной, на социокоммуникативное взаимодействие между представителями различных институтов. Вместе с тем повышение энергопотребления, а значит, вычислительной мощности вычислительного комплекса, ведет к интенсификации процессов принятия решений, обработки текстового контента, повышению качества мультимодальных потоков информации, что благотворно влияет на эффективность, рассчитанную для социальной страты.

Взаимосвязь параметров состояния и показателей эффективности на всех стратах взаимодействия субъектов макросистемы показывает значимость таких инженерных показателей, как энергоэффективность, для социальных и социокоммуникативных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов С. М. Суперкомпьютерные технологии России: объективные потребности и реальные возможности // Параллельные вычислительные технологии (ПаВТ'2010). Труды Международной научной конференции / отв. за выпуск Л. Б. Соколинский, К. С. Пан. 2010. С. 5–17.

Амелькин С. А., Иванова О. С. Предельные возможности передачи информации в макросистемах // Моделирование и анализ информационных систем. 2011. Т. 18. № 3. С. 75–81.

Абрамов С. М., Амелькин С. А., Чичковский А. А. Различные подходы к жидкостному охлаждению // Суперкомпьютеры. 2012. № 3. С. 34.

Гусейнова И. А. Инновационный подход к оценке сформированности межкультурной коммуникативной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 546. С. 146–158.

О. С. Костарнова

(Москва, Россия)

Дипломатическая Академия МИД России

o.potopalskaya@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ БЫТОВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ СКАЗКИ

Ключевые слова: гендер, стереотипы, бытовая сказка, патриархатное общество, социальные роли.

Key words: social competence, social and communication practice, intercultural and interlingual communication, project management.

Описание и анализ социокоммуникативных параметров, значимых для конструирования гендера проводится на материале конкурсных работ на итальянском языке, направленных для участия в национальном сборнике итальянских современных сказок «Сказка навсегда» («Una fiaba... è per sempre»). Авторами итальянских сказок выступает молодежь – юноши

и девушки в возрасте от 8 до 16 лет, проживающие на всей территории Италии. Тематика сказок разнообразна и затрагивает широкий круг тем, представляющих социальный и коммуникативный интерес для современных подростков. В современных итальянских сказках особый акцент сделан на понятии любви, на отношении между полами, к окружающей среде; на отношении подростков с родителями; на тему болезни, дружбы и на проблемы миграции. Эмпирический материал анализируется с точки зрения особенностей репрезентации гендерных ролей с учетом лингвокультурологического подхода, который позволяет выявить национально-культурную специфику конструирования гендера в итальянском этносоциуме. Лингвокультурологический подход позволяет также «замечать» «характер гендерной асимметрии в языках различных типов, особенности гендерного варьирования речевого поведения, что позволяет установить степень андроцентризма разных языков и культур в зависимости от социокультурных установок общества» [Германова 2018: 82].

В нашем исследовании феномен «гендер» трактуется как социокультурный феномен, определяющий отношение общества к мужчинам и женщинам, социальное поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах и роли мужчин и женщин в разных сферах деятельности.

Современной отечественной лингвистикой уже накоплен определенный опыт подобных исследований:

- 1) понятие гендера напрямую соотносится с понятием дискурса и социокоммуникативной практикой;
- 2) в лингвистических исследованиях категория гендера рассматривается в лингвофилософском аспекте с учетом способов его объективации в социальном коммуникативно-дискурсивном пространстве;
- 3) гендер анализируется преимущественно в междисциплинарном русле с привлечением данных из различных наук;
- 4) гендер изучается в качестве конфликтогенного и рискогенного фактора;
- 5) гендер рассматривается как инструмент управления социальной реальностью.

Ряд современных ученых справедливо утверждает, что гендерная лингвистика позволяет изучать значительно больше эмпирических языковых фактов, не ограничиваясь лексическими единицами, в значение которых входит понятие биологического пола. Гендерный подход в лингвистике

дает возможность анализа гендерных отношений через призму истории языка как лингвокультурного феномена [Кирилина 1999].

Привлечение гендерного подхода к фольклорному материалу позволяет получить информацию как собственно лингвистического, так и междисциплинарного характера. Изучение способов концептуализации гендера в жанре бытовой сказки помогает выявить концепты, которые лежат в основе семантики языковых единиц и раскрывают отношение к представителям мужского и женского полов, их роли, значимости, функции, обязанности.

Мы полагаем, что сказка служит каналом распространения культурно и социально значимой информации. На этом основании ее можно рассматривать в качестве социокоммуникативной практики, обеспечивающей преемственность между представителями различных поколений. В социокоммуникативном измерении сказка выражает ментальность народа, поскольку «этническое самосознание зависит от происхождения человека <...> национальное – от его включенности в семиотическое поле национальной культуры и чувства причастности к ней» [Кармин 2003: 17]. Изучая сказку, мы получаем открытый доступ к системе ценностей культуры, в том числе к гендерному распределению социальных ролей. Сказка в качестве мифологического жанра наиболее адекватно раскрывает перед нами также систему гендерных стереотипов, так как само понятие гендера является культурно ориентированным, а значит, в национальном аспекте опирается на соответствующий национальный миф.

С появлением альтернативных каналов передачи информации, в частности телевидения, социальных сетей и развлекательных интернет-порталов, мы наблюдаем существенный сдвиг в ценностной системе общества, который не может не отразиться на творчестве молодого поколения. Равноправие полов во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в работах современной киноиндустрии, накладывает свой отпечаток на подрастающее поколение и проявляется в интертекстуальности предназначенных для него произведений.

В ходе анализа современных итальянских сказок нами было установлено, что во многих произведениях встречаются гендерно-нейтральные описательные структуры, указывающие на признаки, присущие всем людям вне зависимости от пола. К подобным структурам относится нейтральное, не содержащее оценочного компонента описание внешности. В ряде случаев ведущая роль отводится в равной степени представителям

обоих полов, что говорит о нейтрализации гендера в жанре современной итальянской сказки. Одновременно для текстов юных авторов характерна и противоположная тенденция, когда в текст современной сказки вплетаются признаки традиционной сказки с ярко выраженными асимметричными гендерными сценариями, где феминность вербализуется через употребление лексических единиц, служащих выражению красоты, пассивности, ранимости, зависимости от мужчин. Маскулинность объективируется через лексемы, содержащие значение силы, успеха, богатства, активности и независимости. Важно отметить, что гендерная асимметрия наибольшим образом проявляется в сказках волшебного характера, где главные герои – это принц и принцесса, сталкивающиеся с традиционными для подобных сюжетов магическими существами. Оба героя часто оторваны от реальной жизни, но чем ближе они приближаются к реальности современной жизни, тем нейтральнее становится описание бинарной оппозиции «мужское» и «женское».

Мы полагаем, что подобная неоднородность сюжетов и гендерных характеристик героев провоцирует конфликт, возникающий между устоявшимися традициями и современными реалиями жизни. Понятия равноправия, толерантности и терпимости характерны для современного состояния общества, в то время как традиционное для патриархатного общества распределение социальных и гендерных ролей, продолжает занимать устойчивые позиции и в сказках.

ЛИТЕРАТУРА

- Германова Н. Н.* Актуальные направления современного языкознания : социолингвистика. Часть I. Социолингвистика как раздел языкознания. Проблема варьирования языка : учебное пособие для аспирантов и магистров. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 98. с.
- Кармин А. С.* Культурология. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Лань, 2003. 928 с.
- Кирилина А. В.* Гендер : лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 129 с.

А. Д. Левшиц

(Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

anna.levshiz@gmail.com

МОНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНД КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ЛОКУСНОГО БРЕНДИНГА

Ключевые слова: Япония, бренд, локус, локусный бренд, национальный бренд, брендинг, маркетинговая коммуникация.

Key words: Japan, brand, locus, locus brand, national brand, branding, marketing.

В работе предпринимается попытка рассмотреть японский бренд в качестве иллюстративного примера мононационального бренда. Согласно глоссарию ЮНЕСКО, (моно)национальным является государство, где «культурные границы совпадают с политическими», а идеальным такое государство является при условии объединения людей «единого этнического происхождения и культурных традиций» (здесь и далее перевод наш. – А. А.) [United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation, URL].

Японский бренд является «многослойным» конструктом, основанным на историко-культурологических, этнопсихологических и географических особенностях страны. Для уточненного обозначения отношения самих японцев к национальным достижениям и собственному уникальному подходу к продвижению имиджа страны в мировом пространстве, мы полагаем уместным ввести термин П. Б. Паршина локусный бренд. Согласно П. Б. Паршину, термин «локусный бренд», являясь маркетинговой метафорой, необходим для более узкого определения локальных механизмов и символов, связанных с продвижением разнообразных товаров и услуг на конкретной территории: в стране, городе, регионе. Использование визуальных, вербальных и концептуальных символов способствует формированию имиджа территории и продвижению ее бренда в маркетинговой коммуникации [Паршин 2015].

Черты локусного брендинга находят выражение в одновременном использовании различных семиотических средств. Так, в японском языке ряд слов обозначает товар, произведенный в конкретном месте или регионе, например, (静岡の) 特産品 (сидзуока-но) токусанхин; уникальные продукты или товары (префектуры Сидзуока), 特製 (токусэй; особо приготовленные, изготовленные, специальные, оригинальные [товары]), 日本土産 (нихон тосан / досан; произведенное именно в Японии) [研究和露辞典 (кэнкю:ся варо дзитэн; японско-русский словарь изд-ва Кэнкю:ся), 2011], 地方ブランド (тихо: бурандо; локальный, местный бренд). Не вызывает сомнения факт, что для широкого круга потребителей маркировка *made in Japan* априори является гарантией надежности и качества, вызывая стойкий ряд положительных ассоциаций. Указание на место происхождения товара также является неотъемлемой частью локусного маркетинга. Ведь понятие локусного бренда формируется в том числе благодаря исследованиям национальной идентичности и «эффекту страны происхождения» [Паршин 2015: 29].

Под локусным брендом П. Б. Паршин понимает «знак, содержательно обладающий свойствами бренда, добрым именем, обещающий обеспечить желаемые переживания, имеющий топоним в качестве законодателя и указывающий на некоторый локус (территорию, место, город, регион и т.п.) в качестве денотата» [Паршин 2015: 17]. Например, в ходе реализации международных проектов стратегии *Cool Japan*, с целью распространения японской продукции за рубежом, были выбраны направления, традиционные для культуры Японии, транслируемые СМИ и информационно-коммуникационной сетью Интернета [Cool Japan Strategy 2012, URL]. Очевидно особенное отношение Японии к идее национального брендинга, когда приветствуется акцентирование конкретного региона, а не страны в целом, а успешный локусный брендинг во многом опирается на креативные решения и грамотно выстроенную коммуникацию.

На основании вышеописанного мы полагаем, что благодаря слиянию традиций, истории, уникальному отношению к собственным малым региональным брендам и креативным технологиям, Япония может быть причислена к одному из сильнейших мононациональных брендов, репутация которого строится на имидже государственного управления, человеческих качествах населения, развитии туризма, инвестиций и иммиграции, историческом наследии, традиционной и «массовой» культуре как компонентах уникальной стратегии «мягкой силы», развитии науки, распространённости языка, популярности продуктов медиа.

ЛИТЕРАТУРА

- Паршин П. Б. Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М. : МГИМО-Университет, 2015. 195 с.
- Cool Japan Strategy 2012. URL: www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/pdf/120116_01a.pdf (дата обращения: 25.06.2020).
- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation. Glossary of migration related terms. URL: <https://en.unesco.org/themes/fostering-rights-inclusion/migration> (дата обращения 25.06.2020).
- 研究和露辞典 (кэнкю:ся варо дзитэн; Японско-русский словарь изд-ва Кэнкю:ся), 2011. 1260 с.

В. С. Нечаева

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
valeria_p@inbox.ru

СОЦИОКОГНИТИВНЫЙ КОНФЛИКТ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ

- Ключевые слова:* электронный дискурс, профессиональная коммуникация, электронное деловое письмо, социокогнитивный конфликт.
- Key words:* electronic discourse, professional communication, electronic business letter, sociocognitive conflict.

Современные тенденции развития социальной коммуникации диктуют свои нормы и правила осуществления делового взаимодействия в институциональной среде. Быстрый темп жизни коррелирует с соответствующими параметрами условий выполнения тех или иных профессиональных задач. Это приводит, в свою очередь, к использованию эффективных, но в то же время не всегда конвенциональных инструментов оформления речи в рамках общения сотрудников организации посредством электронных корпоративных писем. В исследовании мы рассматриваем участников вышеозначенного процесса, относящихся к немецкоязычной аудитории.

В немецкоязычной электронной деловой переписке наблюдаются особенности, релевантные для электронного институционального дискурса. Данный его жанр определяет специфику оформления текстов, их структуры

и содержания. Гибридный характер речи коммуникантов также свидетельствует о разноплановости вербальных и невербальных средств коммуникации, наблюдаемых и применяемых в корпоративных электронных письмах.

Электронная деловая коммуникация в корпоративной среде конструируема и мобильна. Характер ее реализации зависит от того, как построен коммуникативный процесс – на основе сетевых или иерархических отношений. Также важен тот факт, насколько релевантен тот или иной профессиональный вопрос, решаемый сотрудниками в данный момент.

Деловая (внутрикорпоративная) коммуникация подразделяется на официальную и неофициальную, что приводит к одновременному существованию и взаимодействию двух противоположных тенденций:

- 1) стремлению к выстраиванию межличностных отношений (эмоциональный аспект);
- 2) соблюдению институциональности (рациональный аспект).

Данные тенденции являются рискогенными, они во многом обуславливают возникновение когнитивного конфликта. Последний представляет собой «разновидность внутриличностного конфликта, содержащую в себе феномен когнитивного диссонанса и основывающуюся на противоречивых представлениях человека о мире, языке и пользовании языком, на столкновении эмоциональной и рациональной когнитивных систем человека в процессе оценивания внешней речи адресата и адресанта (см. труды Л. Фестингера, Y. Klar, M. Schwarz-Friesel и др.)» [Нечаева 2015: 4]. По мнению Дж. Мида, психика, участвуя в процессе взаимоотношений индивида с социумом, помогает соотнести оценку действий и мнений других со своей собственной. Таким образом, психика использует набор символов, имеющих определенное значение. Здесь речь идет о той самой системе семиотических кодов, выстраиваемой в когнитивном пространстве адресата и адресанта и формирующихся в определенные когнитивные схемы, при помощи которых позже реализуется та или иная коммуникативная задача между участниками общения [Мид 2009].

Межличностная кооперация в учреждении представляет собой взаимодействие индивида с себе подобными в некой социальной матрице, где неизбежно возникают конфликты, как социальные (межличностные), так и когнитивные (внутриличностные). Диапазон их разрастания часто предсказуем с учетом знания и институционального применения определенных канонов делового этикета. Внутрикорпоративные правила во многом сдерживают развитие конфликтной ситуации, но общение, реализуемое как в иерархическом, так и в сетевом типах взаимодействия остается

рискогенным. Сначала «формирование мнения происходит через разговор индивидов с членами групп, к которым они принадлежат, или через тот внутренний мысленный разговор, который есть внешний разговор, перенесенный в разум» [Мид 2009]. Коммуникативная ситуация погружает нас в социум, в то время как внутриличностный конфликт неизбежно возникает и остается во внутренней речи. Таким образом, коммуникант обязан подавлять свое социокогнитивное «Я». Важно отметить, что данная когнитивная схема претерпевает качественные изменения при оценке и анализе действий собеседника. Далее, во время предварительной интеллектуальной обработки, происходит ее трансформация в некую реакцию в виде высказывания (письма-сообщения) и трансляция вовне. Таким образом, социокогнитивный конфликт возникает в процессе профессионального взаимодействия, обязывающего сотрудника координировать свою позицию по тем или иным вопросам с мнением коллег. Тем самым он и его действия на ментальном уровне претерпевают так называемую «децентрацию» [Перре-Клермон 1991], результатом чего является конфликт между точками зрения профессионала и его партнеров по бизнесу, что обусловлено столкновением индивидуальной (эмоциональной) и коллективной (рациональной) оценок ситуации.

Однако в целом социокогнитивный конфликт следует рассматривать, с нашей точки зрения, как положительное явление, поскольку он:

- а) дает коммуниканту постоянный импульс для обдумывания и построения различных профессиональных перспектив;
- б) является своеобразным двигателем интеллектуального развития, личностного и карьерного роста;
- в) помогает осветить и проанализировать имеющиеся проблемные зоны с целью их дальнейшего устранения.

В немецкоязычных электронных деловых сообщениях социокогнитивный конфликт можно отчасти наблюдать во внешней речи в виде его объективации в таких явлениях, как: «1) нарушение коммуникативной нормы; 2) проявлений вторичной устности; 3) элементов спонтанности; 4) гибридного характера электронного делового письма» [Нечаева 2015: 195]. Их обеспечивает, в свою очередь, факт употребления в речи сотрудников «просторечных лексем, упрощенных синтаксических конструкций и редуцированных форм, модальных частиц, усилительных слов, паратактических и асиндетических конструкций, приложений / аппозиций, парентез, элизий, анаколуфов, формальных устойчивых оборотов и выражений» [Нечаева 2015: 195].

Наличие конфликтных ситуаций и спорных вопросов неизбежно во всех видах дискурса, в том числе институциональном, касающемся деловых переговоров о продажах, поставках и рекламе. Внутрилиchnостный когнитивный конфликт возникает зачастую вследствие противоречия нескольких ролей, выполняемых сотрудниками на рабочем месте. Периодическая невозможность их совмещения может повысить степень тщательности обработки поступающей и передаваемой далее информации.

В немецкоязычном социуме коммуниканты придерживаются конструктивного пути, нивелируя и регулируя конфликтогенную ситуацию при помощи языковых и неязыковых средств. Данная логика позволяет коммуникантам предотвратить вытеснение рационального подхода к решению профессиональных задач эмоциональной составляющей в процессе интеллектуальной обработки информации и не позволяет когнитивному конфликту трансформироваться из внутрилиchnостного в социальный.

ЛИТЕРАТУРА

- Мид Дж. Г.* Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и переводчик В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН, 2009. 290 с.
- Нечаева В. С.* Когнитивный конфликт в немецкоязычной электронной деловой переписке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 226 с.
- Перре-Клермон А.-Н.* Роль социального взаимодействия в развитии интеллекта детей. М., 1991. 248 с.

А. А. Петров

(Переславль-Залесский, Россия),

Институт программных систем имени А. К. Айламазяна РАН

reykon2010@yandex.ru

НАДЕЖНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ¹

Ключевые слова: надежность, социальное взаимодействие, системы управления, высокопроизводительные вычислительные комплексы.

¹ Работа выполнялась при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России (идентификатор № RFMEFI61319X0092).

Key words: reliability, social interaction, control systems, high-performance computing systems.

Вопросы развития цифровых технологий как субъекта и медиатора в коммуникативных системах связаны с понятием надежности. Требование надежности – это обеспечение безотказной работы аппаратно-программных комплексов и обеспечение непрерывности их работы, в том числе в неблагоприятных обстоятельствах: экстремальных погодных условиях, отказах внешнего оборудования, внешних деструктивных воздействиях случайного или злонамеренного характера. Иными словами, необходимо поддерживать структурную и функциональную работоспособность компьютерной системы.

С точки зрения структуры компьютерные комплексы и сети могут быть рассмотрены как система взаимосвязанных агрегатов, выход из строя заранее определенной доли которых не должен привести к потере работоспособности. Задачи обеспечения структурной надежности решаются путем резервирования, диверсификации возможных путей передачи информации, децентрализации [Амелькин, Логунова 2006].

В коммуникативных системах компьютерные комплексы являются составной частью социальной системы, работающей в реальном и виртуальном типах пространства. В отличие от детерминированного определенного порядка выполнения программ, поведение людей нерационально и не всегда прогнозируемо. Надежность в коммуникативных системах, сочетающих действия людей (в том числе как социальных групп) и работу компьютеров, может быть обеспечена двумя путями:

- ▶ *формальный*: формирование жесткой дисциплины участников коммуникации за счет строгого выполнения ими инструкций и правил, унификация поведения, формирование тестового мышления, искусственной лояльности и, как результат, полное или частичное замыкание коммуникативной системы (формирование внешних барьеров);
- ▶ *диверсификационный*: диверсификация систем распространения информации, создание мультимодальных и плюралистических информационных потоков, снижение требований к формальным показателям и, как результат, формирование открытой коммуникативной системы.

Следование только одному пути разрушительно для коммуникативной системы. По этой причине необходимо найти компромисс, обеспечивающий максимум структурной надежности системы.

Задача 1. Определить оптимальное сочетание формальной и диверсификационной структуры взаимодействия человека и вычислительного комплекса в коммуникативной системе при различных условиях внешней среды (в том числе социальной), обеспечивающее максимальную структурную надежность коммуникативной системы.

Функциональная надежность коммуникативной системы определяется способностью системы выполнять свойственные ей функциональные задачи с приемлемым уровнем безошибочности. В отличие от структурной надежности в области выполнения функций нет требования полного отсутствия отказов. Условия задач могут быть поставлены так, что при реализации функций коммуникативной системы требуется обеспечить выполнение нескольких не коррелированных между собой критериев, в том числе временных, критериев качества, эффективности и пр. При этом выполнение функций может быть реализовано в некоторой точке Парето [Цирлин 2007].

Для коммуникативных систем существуют две классификации выполняемых функций:

1. Функции коммуникативных систем разделяются на медиативные – обеспечение информационных потоков, интегративные – создание устойчивых коммуникационных групп, селективные – стратификация потоков информации и регулятивные – формирование ценностных установок и управление поведением в рамках задач социальной инженерии. Эта классификация соответствует целям коммуникативной системы в социуме.

2. Функции коммуникативных систем разделяются на исследовательские – получение и обработка новых данных, креативные – создание нового контента и творческие – формирование новых смыслов в рамках дискурса коммуникативной системы. Такая классификация соответствует информационным аспектам процессов коммуникации.

Задачи функциональной надежности коммуникативных систем – это задачи оптимального управления информационными потоками в реальном и виртуальном типах пространства. Они характеризуются иерархическим порядком критериев [Амелькин, Логунова 2018], а в каждой стратификации иерархии – построением множества Парето. При этом критерии эффективности функциональной деятельности коммуникативных групп могут быть заданы по косвенным признакам.

Задача 2. Определить такое распределение информационных потоков в коммуникативной системе как функцию времени, которое обеспечит

в процессе развития системы максимальную функциональную надежность в каждой страте критериев.

Решение задач 1, 2 может быть осуществлено путем построения траекторий развития коммуникативной системы, определения кластеров и оптимальным управлением движения кластеров в функциональном пространстве [Амелькин, Захаров, Хачумов 2006].

ЛИТЕРАТУРА

Амелькин С. А., Захаров А. В., Хачумов В. М. Обобщенное расстояние Евклида Махаланобиса и его свойства // Информационные технологии и вычислительные системы. 2006. № 4. С. 40–44.

Амелькин С. А., Логунова Н. Ю. Иерархические макросистемы как модели технологических бизнес-процессов в пищевой промышленности // Хранение и переработка сельхозсырья. 2018. № 4. С. 84–91.

Амелькин С. А., Логунова Н. Ю., Прокофьев Е. А. Определение оптимального срока использования оборудования // Автоматизация и современные технологии. 2006. № 10. С. 3.

Цирлин А. М. Математические модели и оптимальные процессы в макросистемах. М. : Наука, 2007. 500 с.

Е. А. Северина

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

ratriniada@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ФЕЛЬЕТОНА

Ключевые слова: фельетон, медиадискурс, прагматическое воздействие, демократизация немецкого языка, карикатура.

Key words: mass-media discourse, feuilleton, pragmatic features of the feuilleton, pragmatic impact, caricature.

Дискурс массмедиа представлен различными жанрами, но одним из наиболее актуальных и популярных в современной немецкой публицистике является фельетон. Точность фактов, описание злободневных вопросов, оперативная подача материала, с одной стороны, и с другой – легкость

и ненавязчивость стиля, которым написан текст фельетона, привлекают внимание читателя. Вышеуказанные характеристики позволяют рассматривать фельетон в качестве одной из форм реализации современного медийного дискурса.

Для современного немецкоязычного фельетона характерно соединение двух функций: информационной и воздействующей. Можно утверждать, что фельетонист обеспечивает общество социально важной информацией, освещает насущные общественные вопросы, так как для фельетона первостепенна оперативная подача фактического материала. Параллельной задачей этой формы медиасообщений является эмоционально-экспрессивная интерпретация сообщаемых сведений. Обе функции крайне редко встречаются в тексте порознь, однако при необходимости автор может сделать акцент на перечислении фактов, придав тексту информационный характер, или иронично изложить определённые общественно-бытовые проблемы, придав фельетону сатирический характер.

Таким образом, сопряжение «экспрессии» и «стандарта» [Костомаров 1971: 53] делает фельетон информационно-манипулятивным средством и способствует возникновению у читателя определённой точки зрения. Если фельетон реализует «политическую функцию», то он используется «для идеологического воздействия на массы с целью побуждения их к активным сознательным действиям» [Брандес 1983: 196].

Для привлечения внимания читателя к фельетону его автор прибегает к использованию различных приёмов выразительности, позволяющих выделить текст из информационного потока. По этой причине прагматическую значимость в фельетоне приобретает изображение, а именно карикатура и / или фотография. Карикатура призвана передать идею автора, которую сложно описать вербальными средствами в тексте фельетона. Карикатура позволяет «закодировать информацию», представив большой объем информации при помощи иного семиотического кода – изображения. Данный прием применяется в фельетоне в тех случаях, когда необходимо передать юмористичность ситуации. Одновременно в ряде случаев сатира может быть настолько острой, что редактор не сочтет возможным опубликовать такой текст. Карикатура, безусловно, не раскрывает поставленную острую проблему полностью, а лишь намекает на нее, что дает возможность читателю распознать замысел автора или додумать описываемую ситуацию в нужном русле.

В ходе анализа немецкой газетной прессы нами отмечено, что выбор языковых средств обусловлен функциями конкретного текста. Публицист

стремится сообщить информацию, имеющую общественно-политическое значение в сатирическом ключе. Одновременно современный немецкоязычный фельетон формирует общественное мнение и социальную позицию реципиента. По этой причине фельетон может рассматриваться в качестве одной из востребованных социокоммуникативных практик. Это обусловлено также тем, что в современном немецкоязычном фельетоне представлены преимущественно такие темы, как политика, экономика, спорт, социальные проблемы и культурные явления.

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что актуальность проблематики, политическая страстность, а также острота, яркость и образность изложения отличает современный немецкоязычный фельетон от других жанров журналистики. Во-первых, фельетонист учитывает социокультурные параметры массового реципиента при порождении текста, нацеленного на разнородную целевую аудиторию. Во-вторых, точность излагаемых фактов, наличие различных средств выразительности позволяет установить доверительные отношения с читателем. В условиях высокой конкуренции доверие читателя крайне важно. В-третьих, автор обеспечивает формулирование злободневной темы таким образом, чтобы она была понятна и доступна широкому кругу читателей.

ЛИТЕРАТУРА

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1983. 144 с.
Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М. : Изд-во МГУ, 1971. 267 с.

В. С. Табакова

(Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

Vika-tabakova@mail.ru

ОБЩЕНИЕ «ТРЕНЕР – СПОРТСМЕН» КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА НАСТАВНИЧЕСТВА

Ключевые слова: общение, тренер, спортсмен, социальный институт, наставник.

Key words: communication, coach, athlete, social institution, mentor.

Взаимодействие в институциональном дискурсе реализуется благодаря действующим лицам, которые в трудах Ю. Хабермаса именуются «адресант» и «адресат» [Habermas 1989: 571]. Они используют те ресурсы информационного характера, которые представлены в институциональном дискурсе. Каждому участнику дискурса требуется свое коммуникативное пространство, где он реализует интенции и исполняет свою социальную роль. Предпочтения коммуниканта могут варьироваться в зависимости от выбранного партнера по общению.

Для анализа общения «тренер – спортсмен» рассмотрим коммуникацию в профессиональной среде с учетом жанровой специфики немецкого спортивного дискурса единоборств в аспекте институциональности. Далее следует анализ роли спорта в социуме и изучение коммуникативного поведения индивида в профессиональной среде.

В рамках спортивного дискурса ситуация и жанр общения определяют статусные отношения в коммуникативном взаимодействии. Так, «тренер является главным институциональным лицом во время подготовки спортсмена к состязаниям, во время соревнований и подведения его результатов подобный статус приобретает судья, главным действующим лицом во время церемонии представления и награждения становится спортсмен» [Панкратова 2005: 39].

Функциональные обязанности тренера предполагают наличие процесса обучения, что приравнивает его к статусу педагога. «Благодаря деятельности преподавателя, учителя формируется общество» [Bungarten 1989: 14].

В институционально дискурсе спортсмен: 1) максимально раскрывает и развивает свои физические способности в ходе спортивной деятельности; 2) выступает в качестве реального показателя эффективности работы тренера и слаженной работы всего персонала команды и соревнований; 3) представляет конкретную страну, символизируя ее мощь, силу, успешность среди серьёзных соперников. В свою очередь, в лингвистике данные факторы проявляются, прежде всего, через термины.

Благодаря спорту формируются «человеческие нормы поведения» и «моральные принципы», волевые качества, кооперация, дружба, готовность помочь ближнему и др.

Тренер помогает ученику (спортсмену), настраивает, поддерживает, направляет, выражает недовольство, используя вербальные и невербальные знаки, если спортсмен уходит от плана во время поединка.

Благодаря тренеру спортсмену удастся достичь общих и личных целей в спорте. Тренер знаком со спортсменом и может составить его психологический портрет для воздействия на него с помощью команд или осуществить подбор тех слов, которые смогут оказать правильное воздействие, и спортсмен получит правильную и необходимую установку. Тренер заботится о том, чтобы у спортсмена было достаточно физической нагрузки, тренировок и опыта борьбы с представителями других клубов, городов, стран; при этом спортсмен должен оставаться в своей весовой категории, так как в борьбе самбо распределение спортсменов происходит по весовым категориям, помимо гендерного и возрастного разделений.

Тренер благодаря спортсмену достигает своих целей, таких как подготовка олимпийского чемпиона или же медалиста. Тренер разрабатывает план тренировок спортсмена, распределяет его по календарному принципу участия в соревнованиях для получения рейтинговых баллов и выхода на различные соревновательные ступени, отбор на универсиады, чемпионаты Европы и Мира, а главное – на Олимпийские игры – основной старт для всех спортсменов, что в самбо стало возможным в 2018 г. благодаря решению Международного олимпийского комитета.

Перед началом соревнований тренер уже настраивает ученика на борьбу, на достижение высокого результата и использует конструкции или слова, которые остаются в памяти спортсмена и активируются во время схватки через напоминания в виде команд со стороны тренера. В таких случаях тренер использует императив.

Общение пары *спортсмен – тренер* характеризуется с точки зрения как спортивного, так и педагогического дискурса и реализуется в следующих действиях: рассказать, объяснить, доказать, описать и убедить. Одним из востребованных жанров при подготовке спортсмена является рассказ. Рассказ заключается в том, что тренер озвучивает и разъясняет ранее написанный план тренировок и режима спортсмена для того, чтобы у спортсмена сформировалось представление о дальнейших действиях и общая картина действий на предстоящий период. Тренер объясняет и разъясняет спортсмену, почему важно выполнить то или иное упражнение физической подготовки.

Когда тренеру нужно убедить и доказать что-либо спортсмену, то он использует примеры из своего личного практического опыта, аналитику видеорепортажей поединков других спортсменов и теоретические основы из опыта подготовки высококлассных спортсменов:

Klaus Schwarz (BS Feucht): „Teamgeist, unser Gemeinschaftsdenken und das Gemeinschaftsgefühl verbinden die Vereinsmitglieder. Damit ausgestattet gehen wir alle Aufgaben an“.

Jan-Christoph Ginzel (BSC Sherwood Herne): „Unser Zusammenhalt, der Teamgeist und unsere gegenseitige Ergänzung im Training und im Wettkampf nehmen Einfluss auf die Leistung unserer Sportler. Dadurch erleben wir den Sport immer wieder mit Begeisterung und ohne Leistungszwang.“

В данном комментарии основообразующими и фундаментальными понятиями выступают слова спортивной сферы, такие как «der Teamgeist», «das Gemeinschaftsdenken», «das Gemeinschaftsgefühl», «der Zusammenhalt», «die Leistung», «der Leistungszwang», а словами из глоссария выступают такие термины, как «die Vereinsmitglieder», «das Training», «der Wettkampf», «der Sportler».

Ученик / спортсмен реализует коммуникативные задачи: «Понять, усвоить, ответить, сделать вывод, опровергнуть, доказать» [Коротеева 1998: 33–34]. Результаты ментальной деятельности спортсмена выражаются в физических действиях. При постановке задач тренером используются единицы специальной лексики (захват, подножка). Иными словами, тренер использует терминологию самбо, в то время как спортсмен визуализирует ее при помощи конкретных физических действий.

Интенции тренера и спортсмена могут иметь субъективный и объективный характер. Каждая стратегия вербализуется в речевых действиях, благодаря которым складывается коммуникативное взаимодействие. В зависимости от намеченного плана подбирается определенный репертуар языковых средств, который нередко осуществляется в произвольном и спонтанном формате.

Развитие социальных институтов способствует формированию картины профессионально-маркированного поведения. Это влечет за собой формирование речевого поведения у людей определенного социального института.

ЛИТЕРАТУРА

Коротеева О. В. Социальное самочувствие как критерий психического и духовного здоровья населения : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 152 с.

Панкратова О. А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 23 с.

Bungarten T. Wissenschaftssprache und Gesellschaft: Aspekte der wissenschaftlichen Kommunikation und des Wissenstransfers in der heutigen Zeit. 2. Auflage. Tostedt : Attikon Verlag, 1989. 247 S.

Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. 3. Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. S. 571–606.

Содержание

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Алматов В. М.</i> История идей науки и история людей науки	3
<i>Cienki Alan</i> Ontological Metaphor in Gesture and the Semantics-Pragmatics Continuum	6
<i>Фаликман М. В.</i> Цифровые инструменты психики: уроки эволюции	8
<i>Фатеева Н. А.</i> Лингвокреативность в современной поэзии	9
<i>Geeraerts Dirk</i> Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity	12
<i>Gries Stefan Th.</i> Quantitative Corpus-Linguistic Applications in Phonology, the Syntax-Semantics Interface, and in Legal / Forensic Linguistics	13
<i>Карасик В. И.</i> Модусы интерпретации текста	14
<i>O'Halloran Kay</i> Semiotics: a Foundational Discipline for Understanding the Human Condition	17
<i>Величковский Б. М.</i> Перспективные исследования в когнитивной науке	18
<i>Zlatev Jordan</i> Cognitive Semiotics: the Transdisciplinary Study of Meaning Making	19

СЕКЦИЯ 1

Дискурсивные аспекты современной политики:
контакты и контрасты*Аль-Дайни М. А.*Лингвокогнитивное манипулирование
в процессе современной политической коммуникации 21*Белова Ю. В.*О взаимосвязи между лингвистическими
и политическими науками 24*Белозёров В. К.*Смыслы понятий «народ» и «нация»
в политическом и научном дискурсе Германии 28*Воробьев В. В.*

Лингвокультурологический вызов в синергетике 31

Горлов В. Н.

Общественно-политические идеи Джона Леннона 35

*Емельянов А. И.*Семиотические средства формирования идентичности
государств Латинской Америки 37*Ильин Н. Ю.*День воинской славы России «3 сентября – день окончания
Второй мировой войны (1945 год)» и международное право 40*Киселев С. Г.*Стадиальный и пространственно-локальный подходы
к формулированию дефиниции «цивилизация» 42*Климминская С. А.*

Устойчивое развитие: семиотика политического дискурса 45

Кожухова К. Е.«Китайская специфика» трансформации западных политических
понятий (на примере «мягкой силы» и «стратегической культуры») 48

<i>Кудинова Е. С., Мозоль Т. С., Юкляева Е. А.</i> Критерии успешного имиджа современных политиков: полимодальный аспект	50
<i>Куликова О. В.</i> Фактор масс-медиа в антропоцентрическом мифотворчестве (на материале англоязычного общественно-политического дискурса)	52
<i>Минаев А. П.</i> О проблеме русской транскрипции корейского языка	55
<i>Путышева М. В.</i> Семиотические антиномии испанологии	59
<i>Шамаров П. В.</i> Политические абerrации миротворческой семантики в современном мире	63

СЕКЦИЯ 2

История идей – история людей:
практики академического дискурса
в историографии наук

<i>Воронина Е. В., Смирнова К. Ю.</i> Франклин Д. Рузвельт о роли Красной Армии в победе над странами гитлеровской коалиции	68
<i>Германова Н. Н.</i> Мифы языкового единообразия и языкового многообразия: языковое планирование и академический дискурс	70
<i>Каюмов А. Т.</i> История: диалектика глобализации и глокализации (социально-философский анализ)	73
<i>Костева В. М.</i> Женщины в лингвистической науке XX века	76

<i>Косторниченко В. Н.</i> Историография возникновения термина «фронтир»	79
<i>Лоцилин А. Н., Тихомирова Е. А.</i> Креативность и измененное состояние сознания	81
<i>Маслова А. В.</i> Недоступный язык времени	84
<i>Недель А. Ю.</i> Межкультурная философия: вызовы, цели, перспективы	86
<i>Новикова А. С.</i> Ключевые события дискурса кинокритики Веймарской республики	89
<i>Паришин П. Б.</i> Каноны, соблазны и притязания: честь и достоинство когнитивной лингвистики	90
<i>Радченко О. А.</i> «Дурна как чёрт и умна как ангел»: Жермена де Сталь – муза немецкого языкознания XIX века	94
<i>Раренко М. Б.</i> М. М. Бахтин – создатель теории речевых жанров	97
<i>Трошина Н. Н.</i> Теория национальной вариативности немецкого языка в научном наследии Э. Г. Ризель и современный научный дискурс	99
<i>Черноиваненко А. А.</i> Философская вера в контексте философских традиций	102
<i>Черноуцан Е. М.</i> Специфика мобильности научных кадров как механизма взаимодействия сферы науки и высшей школы во Франции. Уроки для России	105

СЕКЦИЯ 3

Человек в творчестве – творчество в человеке

Ануфриева К. В.

Временное измерение опыта и история в философии И. Канта
и В. Дильтея 109

Ахметова А. Р.

«Шутка смешная, ситуация страшная»:
вирусные мемы о коронавирусе 111

Болдырева А. Н., Шеина В. В.

Применение дополненной реальности
при изучении русского языка как иностранного 115

Воронина А. И.

Лотерея смерти: гетеротопический кризис
в рассказе Майнрада Инглина «Drei Männer im Schneesturm» 119

Голубкова Е. Е.

Корпусно-когнитивная лингвистика:
основные тенденции в развитии науки 121

Губман Б. А.

Герменевтическая доминанта перспективизма Ф. Ницше 125

Гусева А. П.

Некоторые аспекты когерентности художественного текста
(на примере англоязычного короткого рассказа) 127

Захарова М. А.

Особенности речевой актуализации фреймовой структуры
терминологических фразеологизмов 130

Ислаева О. Н.

Воссоздание в художественном переводе черт авторского стиля,
связанных с типологическими особенностями исходного языка
(на примере пары «английский–русский») 131

Ипполитова Л. В., Кунькова А. А.

Конференция «Русский язык на перекрёстке культур»
как важный этап формирования межкультурной компетенции
инофонов будущих переводчиков, преподавателей РКИ,
дипломатов 134

Карпенко Е. И., Любимова Н. В.

Лингволитературное освоение географических пространств 137

Климик В. А.

Капитализация в художественном тексте:
особенности встраивания 140

Куковская А. В.

Интерпретация текстов и коллективный автор
в современной массовой культуре (на примере англоязычного
интернет-дискурса блогеров) 143

Куликова В. А.

На пересечении искусства и спорта:
антропонимы в сравнительных конструкциях 146

Матросова Я. Е.

Учет типологических различий в цветообозначении
при переводе с английского языка на русский 148

Мамонтова М. Г.

Учебник Софрония Лихуда «О силе риторических» 1698 года
и его роль в дальнейшем становлении риторики как науки 150

Марченко О. П.

Структура семантических категорий на разных уровнях владения
иностранным языком 154

Мухаммад А. П.

Подготовка спектакля как способ раскрытия
творческого потенциала учащихся при обучении 156

Новицкая О. В.

Пейоративная лексика и ложная политкорректность 160

<i>Порохницкая А. В.</i> Модели взаимодействия концептуальных механизмов в семантике эвфемизма	162
<i>Салькова М. А., Мачина О. А.</i> Инструментально-компенсаторная компетенция и креативность в условиях дистанционного обучения: анализ опыта	164
<i>Соловьёв В. М.</i> С. М. Соловьёв и его гений места	168
<i>Соколова В. А., Андреева С. А.</i> Языковые и неязыковые средства реализации дискурсивного программирования как механизма интерактивности (на материале англоязычного медиадискурса)	171
<i>Стародубова О. Ю.</i> Художественный текст в аспекте лингвокогнитивного моделирования	175
<i>Taoumour M. P.</i> Mixed Metaphor as the Manifestation of Human Creativity	179
<i>Тарасов М. И.</i> Текстовые комплементаризеры: типология и функции	182
<i>Торопыгина М. Ю.</i> Пространство действия как символическая форма (на примере фильмов «Сияние» Стэнли Кубрика и «Начало» Кристофера Нолана)	186
<i>Turnsek Andreas</i> Literature and Architecture – Reciprocity of Space and Novel	188
<i>Цветаева Е. Н.</i> «Пространственные» интенсификаторы: пути и мотивы становления	189
<i>Чубарова О. Э., Столетова Е. К.</i> Чтение как сотворчество: к вопросу о методике интерпретации художественного произведения в иноязычной аудитории	192

СЕКЦИЯ 4

Цифровые измерения человека и человеческого:
настоящее и будущее*Алтунина А. В.*Комплексная судебная психолингвистическая экспертиза
по материалам уголовного дела 196*Анищенко А. В.*

Услышать молчание: возможности аудиодескрипции 199

*Ваничкина А. С., Романова М. В.*Развитие коммуникации в условиях цифровизации:
форсайт прогноз 202*Долинский В. А.*

Тенденция к аббревиации и десемантизация слова 205

*Егорова О. Г.*Терминология и создание баз данных: новые алгоритмы
и технологии, онлайн-сотрудничество и машинное обучение
в подготовке кадров нового поколения 210*Елизаров А. Б.*О сотрудничестве с международными организациями
в области терминологии. Практические результаты 212*Иванова М. А.*Процессы трансформации теории коммуникации
под влиянием виртуальной среды 213*Каверина В. В.*Древнерусские наименования чисел: происхождение
и дальнейшая судьба 216*Мозговая А. О.*Отображение эмотивной информации
посредством цифровых компьютерных технологий
(на примере немецкоязычных интернет-текстов) 219

Петров В. Е.

Модели психографологического анализа
в оценке личности персонала 221

Семёнов А. А.

Термин – заимствование – иммунитет 224

Челпанов В. Б.

Особенности судебной психолингвистической экспертизы
текстов объяснений и явок с повинной 227

Чесноков Н. А.

Обучение студентов образовательных
организаций в условиях предупреждения распространения
новой коронавирусной инфекции
(на примере подготовки юристов) 231

Чесноков Н. А., Яловой О. А.

Особенности приема на обучение студентов по направлению
подготовки (специальности) юриспруденция
в условиях пандемии COVID-19 234

СЕКЦИЯ 5

Профессионал XXI века:

необходимое, достаточное, возможное

Баранников Д. Н., Насильникова Е. В.

Актуальные проблемы современного высшего образования 238

Бересток Т. Б.

Информационно-психологическая безопасность
профессионалов – субъектов третьего возраста 241

Бирюкова Е. В., Попова Л. Г.

Культура профессиональной речи преподавателя
инострannого языка при чтении курса лекций
(дистанционная форма обучения) 243

<i>Бурлакова И. И.</i> К вопросу о профессиональной подготовке студентов – будущих учителей иностранного языка	246
<i>Василишин И. И.</i> Вопросы совершенствования законодательства Российской Федерации об инновационной деятельности	249
<i>Володина Н. А.</i> Информационная культура современного профессионала: основные аспекты	251
<i>Воронин М. Ю.</i> Направления профилактики немедицинского потребления наркотиков и оценка их эффективности	254
<i>Гундрова А. В.</i> Аксиологический аспект коммуникативной компетенции современного музейного сотрудника	257
<i>Далецкий Ч. Б.</i> Гуманитарные процессы межкультурного диалога в цифровом образовательном пространстве	259
<i>Двоеглазова М. Ю.</i> Профессионализм как стратегическое условие социально-экономического развития общества	262
<i>Демидова-Петрова Е. В.</i> Профессионализм эксперта в оценке криминогенной подверженности несовершеннолетних	264
<i>Зайцева Т. Н.</i> Профессия документовед в эпоху цифровой экономики (из опыта подготовки бакалавров в МГЛУ)	269
<i>Лагун И. М., Мухаммад А. П.</i> Интегративная модель подготовки иностранных специалистов естественно-научного профиля (начальный этап обучения)	272

Обид Х. А. О., Мухаммад Х. И. А.

Трудности работы начинающего переводчика
в производственной сфере общения 276

Платко А. Ю.

Цифровая экономика: знания, которые необходимы всем 280

Прутько Г. В., Кошелева Ю. П.

Развитие профессионального самоопределения первокурсников-
психологов средствами онлайн-курса «Введение в профессию» ... 284

Реуцкая И. Е.

К вопросу о цифровых форматах профессиональных
компетенций личности 286

Реуцкий С. Ю.

Роль Банка России в цифровизации банковской деятельности 288

Романова И. Д.

Персуазивные средства воздействия интернет-сайтов как залог
построения благоприятного корпоративного имиджа 291

Рубцова Н. Е.

Систематизация подходов к изучению активности
профессионала во взаимодействии с миром 294

Селиверстов В. И.

Об опыте научного обеспечения реформы
уголовно-исполнительной системы России 298

Середа Е. В.

Двусторонние и многосторонние международные соглашения
об экстрадиции заключенных: общее и особенное 301

Соколова А. С.

Поливариативная карьера как вариант развития
профессиональной траектории 303

Томская М. В.

Речевое поведение переводчика-синхрониста
при когнитивной нагрузке 306

Тылец В. Г., Краснянская Т. М.

Психологические проблемы лингвистической безопасности
преподавателя иностранного языка 308

Фролова К. А.

Педагогические условия формирования
профессиональной направленности обучающихся 312

Холиков И. В.

Нюрнбергский процесс над врачами: уроки прошлого
и связь с настоящим 314

Шевчук А. Н.

Обеспечение конституционного права граждан
на получение квалифицированной юридической помощи:
уголовно-процессуальный аспект 317

Шемчук Ю. М.

Иностранный язык для профессиональных целей:
необходимый, достаточный и возможный 321

Shpetny C. I.

Professional in the XXI Century: Venue of Identity Building 323

Шулепова Л. Ф.

Роль нюрнбергских принципов в становлении
международного уголовного права 325

Шулепов Н. А.

Действие военно-уголовного законодательства
современных государств в условиях чрезвычайных ситуаций 329

СЕКЦИЯ 6

Человек и его миры: природа, социум, технологии

Arnfinn Muruvik Vonen

Just Like Any Other Language?

Sign Languages as Academic Subjects in the 21st Century 332

<i>Афонина М. М.</i> Проблема классификации наук и форм научного знания. Особенности социально-гуманитарных наук	333
<i>Бычкова Е. М.</i> Языковое обучение в виртуальном мире «second life»	335
<i>Величковская С. Б.</i> Междисциплинарный подход к обучению инострannого языка: психологический, лингвистический и культурологический аспекты	338
<i>Грибанова Т. И.</i> Прагматический потенциал коммуникативной стратегии митигации в современном англоязычном дискурсе	342
<i>Гринкевич Е. А.</i> Развитие тифлокомментирования в России как фактор формирования инклюзивного общества	344
<i>Гурецкая М. В.</i> Категория «состояние» в науке и философии	346
<i>Демина Д. А.</i> Очное обучение онлайн	348
<i>Кабанова К. В.</i> Анализ социально-психологического содержания брачных отношений	352
<i>Кузнецов В. Г.</i> Междисциплинарный аспект морально-ценностного концепта «истина»	355
<i>Лавинская М. В.</i> Mentimeter как эффективный интерактивный инструмент в условиях дистанционного обучения иностранному языку	357
<i>Ладоша О. М.</i> Семантика лексем номинативного поля «Atomkraft» в корпусе немецкого языка	359

<i>Латишов В. А.</i> Взгляд студентов на обучение в магистратуре МГЛУ по договору	361
<i>Лебедева И. С.</i> Когнитивный диссонанс как инструмент персуазивного воздействия	364
<i>Макаров И. В.</i> Музыка как средство и метод управления собственным функциональным состоянием	366
<i>Мелешкина О. В.</i> Особенности изучения коммуникаций в современных российских молодых семьях	369
<i>Нешкес О. В.</i> Прагматилистическая инфраструктура испанских дипломатических документов второй половины XVIII века как имагологический фундамент создания образа России в испанской языковой картине мира	372
<i>Образцов И. В.</i> Отношение научно-педагогического состава к дистанционным формам обучения (по результатам социологических исследований на примере МГЛУ)	374
<i>Павлюк О. Н.</i> Выражение атрибутивных отношений в синтаксисе заголовков современных англоязычных медиатекстов	377
<i>Половнёв А. В.</i> Уровень и особенности владения иностранными языками в российском социуме	380
<i>Попова Е. А., Подольская Е. Е.</i> «Расстатьи» Х. Х. Мильяса: развитие умений критического мышления на занятиях по анализу испаноязычного дискурса	384

<i>Примаков В. А.</i> Медиатизированное общество и манипулятивные медиатехнологии	387
<i>Саблуков А. В.</i> Отношение молодежи к технологическим инновациям	389
<i>Смирнова Ю. А.</i> Прекаризация в образовательной сфере	391
<i>Соловьев С. С.</i> Мнение работодателей о выпускниках МГЛУ	393
<i>Сорокина Т. С.</i> Лингвистические концепты и языковая картина мира	397
<i>Троицкая Е. А.</i> Регистрация паттернов движения глаз при просмотре эмоционально окрашенных фотоизображений как метод диагностики эмпатии	400
<i>Хлопова А. И.</i> Психологически актуальное содержание ценностей «Bildung» и «Ausbildung» в немецкой лингвокультуре	403
<i>Чеснокова О. С.</i> Ономастический профиль города Мехико	405

СЕКЦИЯ 7

Античность и Средневековье
в современном междисциплинарном пространстве:
язык, культура, религия

<i>Альбеков И. М.</i> Религиозный фактор в развитии арабского языка	408
<i>Бабенко Н. С.</i> Расставание с латынью в словесной культуре Германии XVI века	410

<i>Борисова В. С.</i> Интерактивные методы в преподавании латинского языка как адаптация к реалиям современного образовательного процесса	413
<i>Витяев С. М.</i> Феминизм, ислам и разум: о границах науки в постсекулярном обществе	417
<i>Голикова М. С.</i> «Why study latin?»: Цели изучения латинского языка в англоязычных научных публикациях XX–XXI вв.	419
<i>Дзякович Е. В.</i> Синкретизм и эклектичность современной ментальности: от Средневековья до постмодерна	421
<i>Ермолова И. Е.</i> Аммиан Марцеллин и латынь	423
<i>Жибер Е. В.</i> Персуазивность в риторической традиции	426
<i>Злотникова Т. С.</i> Античность в советском культурном пространстве: образцы и интерпретации	429
<i>Козьякова М. И.</i> Античность в современном мире – вечное возвращение	432
<i>Ларионова Н. Б.</i> Музейный квест как способ рецепции Античности в рамках дисциплины «Древние языки и культуры»	435
<i>Летина Н. Н.</i> Культурные коды Средневековья в современной культуре	437
<i>Мальцева Е. И.</i> Лексический трансфер в визуальной и музыкальной риторике	440

<i>Малыгина И. В.</i> Феномен «metoġia» в современном дискурсе идентичности	442
<i>Манухина А. О.</i> Наследие Античности в эпоху Ренессанса: о трудах первых французских переводчиков XVI века	445
<i>Марков А. П.</i> Духовный опыт «осевого времени» как антикризисный ресурс современной цивилизации	448
<i>Меланченко И. В.</i> Изучение юридической терминологии на занятиях по латинскому языку со студентами юридических факультетов	452
<i>Михайлова Е. Е.</i> Л. П. Карсавин о культуре Средневековья: традиция и современность	454
<i>Молчанова Ю. О.</i> Идентификационный потенциал образов Средневековья в современном политическом дискурсе Республики Таджикистан	458
<i>Муравьева А. И.</i> Поэтические отрывки в преподавании латинского языка	460
<i>Осьминина Е. А., Церцвадзе В. Э.</i> Античное наследие в современной риторике (на примере отечественных учебников)	463
<i>Осьминина Е. А.</i> Античная культура в рецепции Д. С. Мережковского (современное прочтение)	466
<i>Павлова Е. Б.</i> Синтаксические особенности языка Дж. Чосера	470
<i>Перова Е. Ю.</i> «...Творю все новое»: актуальные аспекты осмысления времени в Средние века	472

Полетаева М. А.

Культура отношения к инокультурному:
от стратегии отторжения к стратегии принятия 474

Савелова Е. В.

От Средневековья к современности:
деформации мифа в романе Умберто Эко «Маятник Фуко» 476

Синявина Н. В.

Возможности междисциплинарности
при анализе художественного пространства иконописи 479

Тёмкин В. А.

Образ Св. Иакова старшего как покровителя паломников
в западноевропейском искусстве 483

Фесенко А. В.

Полет Дедала и Икара в свете календарной символики 487

Флиер А. Я.

Системообразующие черты культуры аграрной эпохи 489

Хорькова И. В.

Типология полемических клише из сочинений
латиноязычных христианских апологетов 491

Шипилов С. А.

Культурная интеграция и ассимиляция в Средневековье
на примере «Славянской хроники» Гельмольда из Босау 494

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Социальные практики и институт наставничества:
прикладные аспекты междисциплинарных
социокоммуникативных исследований

Амелькин С. А., Гусейнова И. А.

Интегративная модель академического образования 497

А. А. Амелёнков

Финансовая грамотность в научной среде 501

<i>Амелькин С. А.</i> Социальные практики человеко-машинного взаимодействия	504
<i>Афонченкова Ю. В.</i> Искусство на занятиях по иностранному языку (на примере немецкого языка)	508
<i>Демидов А. А.</i> Социально-технологические аспекты повышения энергоэффективности	512
<i>Костарнова О. С.</i> Гендерные аспекты современной бытовой итальянской сказки	515
<i>Левшиц А. Д.</i> Мононациональный бренд как особая форма реализации социокоммуникативной стратегии локусного брендинга	519
<i>Нечаева В. С.</i> Социокогнитивный конфликт в немецкоязычной электронной деловой переписке	521
<i>Петров А. А.</i> Надежность как концепт социальной практики	524
<i>Северина Е. А.</i> Социально-коммуникативные функции современного немецкоязычного фельетона	527
<i>Табакова В. С.</i> Общение «тренер – спортсмен» как элемент социального института наставничества	529

Научное издание

НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ: СИНЕРГИЯ ТЕОРИЙ, МЕТОДОВ И ПРАКТИК

Материалы Международной
научно-практической конференции
28–30 октября 2020 года

Издание подготовлено в авторской редакции

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

Подписано в печать 06.10.2020
Усл. печ. л. 33,4. Формат 60х90/16
Заказ 88/20

ФГБОУ ВО МГЛУ

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: 8 (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru